

Г. Ф. Церетели.

НОВЫЯ КОМЕДИИ МЕНАНДРА.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1914.

II.d. 450.a.ψ.

*Многоуважаемому Петру Александровичу
Яковенко*

отъ автора

Г. Ф. Церетели.

НОВЫЯ КОМЕДИИ МЕНАНДРА.

15164

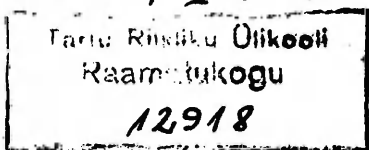
Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1914.

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго
Университета“.

4-II A

I 525856/x

Предисловіе.

Настоящее изслѣдованіе было задумано мной непосредственно послѣ выхода въ свѣтъ первой публикаціи Lefebvre'a, посвященной изданію Канрскаго кодекса Менандра и впервые ознакомившей насъ съ остатками пяти комедій, до той поры намъ почти неизвѣстныхъ ¹⁾. Но ввиду того, что изданіе Lefebvre'a, какъ всякое editio princeps, заключало въ себѣ немало погрѣшностей и, что еще хуже, не давало вѣрнаго представленія о первоначальномъ устройствѣ рукописи и о томъ, въ какомъ порядкѣ должны слѣдовать въ ней одинъ за другимъ разрозненные листы, — ввиду этого, говорю я, мнѣ пришлось на первыхъ порахъ ограничиться предварительной разработкой только одной комедіи, а именно, „Третьейскаго суда“, какъ наиболѣе хорошо сохранившейся и дававшей поэтому больше простора для разсужденій. Вслѣдъ за „Третьейскимъ судомъ“ послѣдовала „Саміанка“, а затѣмъ, когда появилось первое настоящее критическое изданіе менандровскаго текста, сдѣланное въ 1910 году Koerte ²⁾, я уже могъ взяться за обработку и остальныхъ комедій, изъ числа которыхъ мной была исключена, однако, пятая, ибо сохранившіеся отъ нея обрывки 60 стиховъ оказывались слишкомъ уже недостаточными для какой бы то ни было реконструкціи ея содержанія. Итакъ, я ограничился четырьмя комедіями: „Третьейскимъ судомъ“, „Героемъ“, „Саміанкой“ и „Отрѣзанной косою“, ко-

1) Lefebvre, Fragments d'un manuscrit de Ménandre (Le Caire 1907).

2) A. Koerte, Menandrea ex papyris et membranis vetustissimis (Lipsiae 1910). Ср. также A. Koerte, Zu dem neuen Menander-Papyrus in Kalro (= Ber. der phil.-hist. Cl. der K. Sachs. Ges. der Wiss. zu Leipzig LX (1908), 87 sqq.).

торыя въ моемъ переводѣ, съ приложеніемъ къ послѣднему необходимыхъ реконструкцій утраченныхъ сценъ, выясненія хода дѣйствія и разбора нѣкоторыхъ историко-литературныхъ вопросовъ, и были одна за другой опубликованы мною въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1908—1911 годы, причемъ мѣсто пятой пьесы заняла въ этой серіи комедія „Земледѣлецъ“, сохраненная Женевскимъ папирусомъ 155.

Всѣ эти статьи, согласно моему первоначальному плану, должны были служить своего рода подготовительной работой для задуманной мной отдѣльной монографіи, въ которой я хотѣлъ дать полную картину менандровскаго творчества на фонѣ какъ новыхъ комедій Менандра, такъ и извѣстныхъ намъ раньше отрывковъ изъ другихъ его произведеній, включая сюда и римскія передѣлки, т. е., по преимуществу, Теренція. Но какъ и слѣдовало ожидать, я натолкнулся на рядъ непреодолимыхъ для меня трудностей, которыя заключались какъ въ недостаточной разработкѣ всего громаднаго матеріала, такъ и въ массѣ всякаго рода мелкихъ и крупныхъ частностей, которыя въ свою очередь требовали предварительнаго разрѣшенія и освѣщенія. Т. е., иными словами, я ясно увидѣлъ, что браться за постановку общаго вопроса еще нельзя и что сначала нужно ограничиться мелкой детальной работой, наилучшимъ основаніемъ для которой могли бы быть новонайденныя пьесы Менандра. Косвеннымъ же доказательствомъ, лишній разъ убѣдившимъ меня въ необходимости перестроить работу, явилась книга Legrand, *Daos. Tableau de la comédie grecque*, вышедшая въ свѣтъ въ 1910 году. И дѣйствительно, это въ общемъ отличное изслѣдованіе, поражающее колоссальной начитанностью своего автора, страдаетъ однимъ крупнымъ недостаткомъ, а именно: авторъ, поставившій себѣ цѣлью дать общую картину развитія и особенностей „новой“ комедіи, на самомъ дѣлѣ даетъ намъ не картину, а детальную, подчасъ слишкомъ уже мелочную разработку отдѣльныхъ вопросовъ, причемъ непомѣрное нагроможденіе матеріала сообщаетъ иногда всему труду оттѣнокъ сухого каталога. Но главная причина этого недостатка и кроется какъ разъ въ томъ, что Legrand'у пришлось пользоваться для своей работы, по большей части, такимъ матеріаломъ, который надо было еще систематизировать и расчи-

щать и который, слѣдовательно, не годился еще для общихъ выводовъ.

Какъ бы то ни было, убѣдившись въ несвоевременности намѣченной темы, я измѣнилъ послѣднюю, сѣзидилъ ея рамки и рѣшилъ вернуться опять къ разработкѣ вышеупомянутыхъ пяти комедій, — къ разработкѣ, которую повелъ, однако, въ болѣе широкомъ масштабѣ, чѣмъ прежде. Такъ изъ опубликованныхъ мной раньше статей только одна, а именно: „Земледѣлец“, вошла въ настоящее изслѣдованіе неизмѣненной, если не считать только кое-какихъ мелкихъ добавокъ чисто-корректирнаго свойства. Что же касается остальныхъ, то всѣ онѣ, а въ особенности „Третьейскій судъ“, имѣютъ очень мало общаго съ своей прежней формой, тѣмъ болѣе, что и способъ трактовки матеріала принялъ у меня теперь нѣсколько иное направленіе. Правда, я оставилъ переводы пьесъ, оставилъ и реконструкціи послѣднихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвергъ все это новой переработкѣ, которая была необходима уже потому, что, начиная съ 1911 года, со времени выхода въ свѣтъ новой колляціи Каирскаго кодекса, сдѣланной Jenson'омъ¹⁾, установка текста менандровскихъ комедій вступила въ новую фазу развитія, завершеніемъ которой и слѣдуетъ считать второе изданіе „Menandrea“, предпринятое Koerte²⁾. Да къ тому же, благодаря опубликованію Lefebvre'омъ³⁾ новыхъ отрывковъ изъ „Третьейскаго суда“, „Героя“ и „Отрѣзанной косы“, многое въ пьесахъ должно было измѣниться, многія предположенія должны были отпастъ и на многое стало возможнымъ дать болѣе опредѣленные отвѣты, чѣмъ раньше. Изъ всего этого ясно, что и переводы и реконструкціи по необходимости должны были тоже видоизмѣниться, дабы отвѣчать послѣднему слову науки и быть настоящими переводами и реконструкціями.

Но все это относится, такъ сказать, къ числу тѣхъ измѣненій, которыя напрашивались сами собой и безъ которыхъ немыслима никакая научная работа. Однако, кромѣ нихъ есть въ моемъ изслѣдованіи и другія, болѣе существенныя

1) Jenson, De Menandri codice Cairensi (= Rhein. Mus. 65 (1910), 539—577).

2) Koerte², Menandrea, Lipsiae 1912.

3) Lefebvre², Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire № 43227: Papyrus de Ménandre (Le Caire 1911).

измѣненія, на которыхъ я и хочу теперь остановиться. Недостаткомъ моихъ начальныхъ работъ по Менандру было, помимо всего прочаго, то, что я не обращалъ должнаго вниманія на многія особенности менандровскаго творчества и не выяснялъ такъ, какъ надлежало, зависимости нашего поэта отъ трагедіи Еврипида и комедіи Аристофана, хотя все это и является своего рода краеугольнымъ камнемъ, безъ котораго изученіе Менандра будетъ не только неполнымъ, но и неправильнымъ.

Вотъ этотъ недостатокъ, думается мнѣ, нѣсколько сглаженъ въ настоящемъ моемъ изслѣдованіи, ибо вездѣ, гдѣ это представлялось возможнымъ, я старался выдвигать на первый планъ все мало мальски важное, будь то самобытное менандровское, или же, наоборотъ, наносное и заимствованное, хотя бы оно и имѣло форму случайной реминисценціи. Такимъ образомъ, насколько это было въ моихъ силахъ, я попытался установить рядъ опредѣленныхъ прецептовъ, по которымъ работалъ Менандръ, и отгнать все то, въ чемъ сказываются отличительныя черты его таланта. И мнѣ думается, что установленіе, пусть даже не полное, всѣхъ этихъ частныхъ и является той внутренней связью, которая объединяетъ разрозненныя главы моей работы. И дѣйствительно, коль скоро мы устанавливаемъ наличность опредѣленныхъ, да притомъ еще повторяющихся слѣдовъ одной и той же манеры творчества, мы тѣмъ самымъ получаемъ возможность реконструировать эту манеру, а слѣдовательно и отдать себѣ отчетъ въ томъ, какихъ результатовъ достигъ данный поэтъ путемъ ея примѣненія. Но коль скоро это такъ, то, значить, отдѣльныя главы, въ которыхъ дѣлаются въ извѣстномъ порядкѣ отдѣльныя, иногда тождественныя наблюденія, тѣсно связаны между собою единствомъ цѣли и уже не представляютъ собой случайныхъ главъ, неизвѣстно для чего сопоставленныхъ вмѣстѣ. Что же касается общаго вывода, который можно было бы сдѣлать на основаніи частныхъ наблюденій, разбросанныхъ по отдѣльнымъ главамъ, то онъ данъ мною въ введеніи, которое и подводитъ въ краткихъ чертахъ итогъ всему тому, о чемъ гораздо болѣе детально говорится при разборѣ каждой изъ пяти разработанныхъ мною пьесъ. Но само собой разумѣется, что ни мой общій выводъ, ни мои частныя наблюденія не претендуютъ на

исчерпывающую полноту. Мною выяснено только, въ чемъ и поскольку зависитъ Менандръ отъ трагедіи и „древней“ комедіи; что внесено имъ въ драму такого, чего до него не было, а если и было, то не въ достаточно развитой степени; что именно составляетъ самобытность его таланта и его манеры; каковы его взгляды философскіе, политическіе и соціальные, и на чемъ, по преимуществу, останавливаетъ онъ вниманіе въ своихъ пьесахъ, являющихся отраженіемъ самой сѣренькой обыденщины. Вотъ всѣ эти вопросы такъ или иначе затронуты въ моей работѣ, причемъ главнымъ образомъ интересовало меня отношеніе Менандра къ трафаретнымъ комическимъ типамъ, отношеніе, главная суть котораго заключается въ томъ, что типы, сохраняя свои условныя черты, превращаются тѣмъ не менѣе, благодаря глубокой психологической обработкѣ, въ тонко очерченные индивидуальныя характеры.

Но говоря обо всемъ выше-поименованномъ и коснувшись сверхъ того, поскольку это было возможно, тѣхъ особенностей Менандра, которыя сказываются въ способѣ веденія имъ дѣйствія, я оставилъ въ сторонѣ, и притомъ на мѣренно, два вопроса, а именно, вопросъ о роли монолога и діалога въ его комедіяхъ, а также вопросъ о томъ, на сколько актовъ распадалась его пьеса. Причина же, побудившая меня къ этому, заключается въ слѣдующемъ.

Что касается вопроса объ актахъ, то пока — и я убѣжденъ въ этомъ — мы не можемъ рѣшить его мало мальски удовлетворительно, ибо тѣ данныя, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, могутъ привести насъ въ лучшемъ случаѣ къ построенію нѣсколькихъ, одинаково вѣроятныхъ гипотезъ. И дѣйствительно, сами комедіи Менандра не заключаютъ въ себѣ на этотъ счетъ ничего опредѣленнаго; показанія древнихъ авторовъ противорѣчатъ одно другому, а пьесы Теренція и Плавта сами еще нуждаются въ томъ, чтобы вопросъ о дѣленіи ихъ на акты былъ рѣшенъ и освѣщенъ соотвѣтствующимъ образомъ. Далѣе, поскольку дѣло идетъ о монологѣ, то вопросъ этотъ во всей его полнотѣ уже разслѣдованъ Leo въ его „Der Monolog im Drama“, такъ что мнѣ пришлось бы только повторять его выводы, причемъ, опять таки въ приложеніи къ Менандру, матеріалъ, имѣющійся въ нашихъ рукахъ, слишкомъ еще неполонъ и недоста-

точенъ для надлежащей его оцѣнки. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ діалогомъ. Здѣсь дѣйствительно дается намъ хорошее поле для наблюденій надъ тѣмъ, съ какимъ искусствомъ ведетъ Менандръ діалогическія партіи, утилизируя, при составленіи ихъ, прецеденты какъ „древней“ комедіи, такъ и трагедіи Еврипида. Но въ томъ-то и дѣло, что для освѣщенія этого вопроса намъ пришлось бы производить особую чисто-филологическую работу, которая отвела бы насъ отъ нашей прямой цѣли и потребовала бы спеціальнаго изслѣдованія, носящаго сравнительный характеръ и не входящаго въ рамки нашего труда, какъ мы ихъ себѣ поставили.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о той литературѣ предмета, которой мнѣ пришлось пользоваться и которая сводится почти исключительно къ мелкимъ статьямъ и замѣткамъ далеко не одинаковой цѣнности. Само собой разумѣется, что вся эта литература привлечена мной къ изслѣдованію, но привлечена лишь постольку, поскольку отдѣльныя ея проявленія соотвѣтствуютъ той установкѣ текста менандровскихъ комедій, которая проведена Koerte въ его второмъ изданіи „Menandrea“, бывшимъ исходнымъ пунктомъ для всей моей работы. Въдь при той неопредѣленности, которая еще недавно царствовала, а до нѣкоторой степени царствуетъ и теперь по отношенію къ тексту „новыхъ“ комедій Менандра, многія статьи выбывали изъ строя сразу послѣ своего выхода въ свѣтъ, и лишь очень немногія сохраняли во всей своей цѣлости болѣе длительное значеніе, чего нельзя сказать, напр., про работы Robert'a, а тѣмъ болѣе Carps'a, грѣшашія фантастичностью и чрезмѣрной смѣлостью всѣхъ своихъ реконструкцій и гипотезъ. Но благодаря этому вся громадная, на первый взглядъ, литература предмета сводится въ концѣ концовъ къ небольшому числу руководящихъ статей, которыя и можно было утилизировать, поскольку онѣ не противорѣчили моимъ личнымъ взглядамъ и мыслямъ, въ особенности по вопросу о реконструкціяхъ утерянныхъ частей той или другой пьесы. Но есть двѣ работы, которыя я не счелъ нужнымъ привлекать къ своему изслѣдованію ввиду ихъ полной, на мой взглядъ, негодности, а именно: *Unus multorum*, *The lately discovered fragments of Menander* (Oxford 1909) и *L. N. de Olwer, El teatro de Menandro* (Barcelona 1911). И дѣйствительно, первая пред-

ставляетъ собой очень плохой текстъ и переводъ „новыхъ“ комедій Менандра, сдѣланный безъ достаточнаго знанія греческаго языка, а вторая, заключающая въ себѣ еще большіе претензіи, чѣмъ первая, сводится къ очень слабому историко-литературному введенію, за которымъ слѣдуетъ греческій текстъ, не носящій на себѣ никакихъ слѣдовъ самостоятельности автора, если не считать только кое-какихъ коньктуръ довольно сомнительнаго достоинства. Что же касается литературныхъ достоинствъ приложеннаго къ тексту перевода, то объ этомъ я не берусь судить, но думаю все-же, что и переводъ, коль скоро онъ базируется на плохомъ текстѣ, не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого серьезнаго значенія.

Теперь послѣ того, какъ я выяснилъ общій характеръ и основную цѣль моей работы и отмѣтилъ особенности той научной литературы, которой мнѣ пришлось пользоваться, мнѣ остается прибавить ко всему сказанному только одно, а именно: я не могу, конечно, судить о томъ, насколько удалась мнѣ моя попытка возстановленія и толкованія „новыхъ“ комедій Менандра, равно какъ и данная мною характеристика послѣдняго, — самому автору трудно судить объ этомъ! Но даже если бы многое и оказалось въ моихъ построеніяхъ или невѣрнымъ, или же недостаточно обоснованнымъ, я надѣюсь все-таки, что мой трудъ, несмотря на всѣ свои недостатки, можетъ дать нѣкоторое представленіе о наиболѣе крупномъ поэтѣ „новой“ комедіи, — о томъ поэтѣ, котораго надлежащимъ образомъ оцѣнили и поняли не современники его, а лишь послѣдующія поколѣнія, на что указываютъ, между прочимъ, и такіе слова Квинтиліана: „*nam quidam sicut Menander iustiora posteriorum quam suae aetatis iudicia sunt consecuti*“.

Г. Церетели.

Юрьевъ.

7 ноября 1913 года.

Оглавление.

	Стр.
Введение	1
I: Герой	41
II: Третейский судъ	105
III: Саміанка	299
IV: Земледѣлецъ	365
V: Отрѣзанная коса	399
Приложение	487

Введение.

„Во всѣхъ безъ исключенія пьесахъ Менандра“ — говоритъ Плутархъ¹⁾ — „есть нѣчто, ихъ объединяющее, а именно, любовь, которая проникаетъ ихъ какъ бы однимъ общимъ дыханіемъ“. И дѣйствительно, что занимаетъ въ Менандровскихъ комедіяхъ первое мѣсто, какъ не любовь со всѣми ея перипетіями, и что иное, какъ не она, является главнымъ рычагомъ, приводящимъ въ движеніе сложную конструкцію той или другой пьесы?

Правда, мнѣ могутъ сказать, что эта склонность къ разработкѣ любовныхъ мотивовъ присуща не одному Менандру, но вообще всей „новой“ комедіи, и что уже въ комедіи „средней“ любовь, какъ факторъ дѣйствія, играетъ довольно опредѣленную и притомъ довольно значительную роль²⁾. Все это, конечно, такъ, и я, конечно, не буду отрицать этого.

И тѣмъ не менѣе основное положеніе Плутарха остается во всей своей силѣ. Остается же оно въ силѣ потому, что представляетъ собой какъ бы общій выводъ изъ другихъ сужденій древности о нѣкоторыхъ особенностяхъ Менандровскаго творчества, изъ сужденій, въ которыхъ то и дѣло вы-

1) Plutarch. de amore, 1 (= Plutarchi moralia, ed. Bernardakis, VII, 130): τῶν Μενάνδρου δραμάτων ὁμολῶ πάντων ἐν συνεκτικῶν εἶναι, ὃ ἔρωσ, οἷον πνεῦμα κοινὸν διαπεφυκῶσ.

2) См. Legrand, Daos. Tableau de la comédie grecque (Lyon-Paris 1910), 317 sq; A. di Bella, La commedia di Menandro (Catania 1912), 146 sq.

двигается на первый планъ склонность поэта къ трактовкѣ вопроса о „страсти нѣжной“, что между прочимъ дало и Овидію полную возможность сказать:

*fabula iucundi nulla est sine amore Menandri*¹⁾.

Но, поднимая и трактуя на разные лады вопросъ о любви и объ ея проявленіяхъ въ жизни, чьей уже раньше положенной дорогой шель Менандръ и кто былъ на этомъ пути его настоящимъ предшественникомъ? Подобнымъ предшественникомъ не былъ, конечно, Аристофанъ и „древняя“ комедія, понимавшіе любовь исключительно въ смыслѣ удовлетворенія грубой похоти²⁾. Равнымъ образомъ, не могли играть здѣсь большого значенія и представители „средняго“ комическаго жанра, ибо, насколько можно судить по отрывкамъ изъ ихъ пьесъ, они очень рѣдко разсматривали любовь съ психологической точки зрѣнія и вовсе не пытались заглядывать въ тайники человѣческаго духа³⁾. Единственнымъ настоящимъ предшественникомъ Менандра былъ Еврипидъ, тотъ самый трагикъ, про котораго авторъ трактата „О высокоомъ“ нашель возможнымъ сказать слѣдующее: „Еврипидъ, какъ никто другой, не щадить усилій, стараясь вскрыть въ трагедіи два чувства: безумство и любовь, и въ этомъ я не могу указать ни на кого другого, болѣе, чѣмъ онъ удачливаго“⁴⁾.

И дѣйствительно, только со времени Еврипида любовь, какъ таковая, входитъ въ греческую драму въ качествѣ одного изъ двигателей дѣйствія и только съ этого времени герои трагедіи начинаютъ мало по малу утрачивать свою трагическую важность, съ наличностью которой какъ будто не мирились простыя человѣческія чувства, вродѣ

1) Ovid., Trist. II, 1, 369.

2) Если не считать комедіи Аристофана *Κῶμῆλος*, въ которой, согласно замѣчанію анонимнаго автора XI Аристофановской біографіи, авторъ „εἰσαγεί φθορὰν καὶ ἀναγνώρισμὸν καὶ τὰλλα πάντα, ἃ ἐξήλωσε Μένανδρος“. См. Dübner, Scholia graeca in Aristophanem, XXVIII.

3) Ср. однако Legrand, о. с., 318.

4) Ps.-Longin. de subl., XV, 3; ἔστι μὲν οὖν φιλοπονώτατος ὁ Εὐριπίδης ὅσοι πάντες, μάλιστα τε καὶ ἔρωτας, ἐκτραυλῶσαι, καὶ τοῦτοισιν οὐκ οἷδ' εἴ τισιν ἑτέροισι ἐπιτυχέστατος. Не лучше ли вм. εἴ τισιν ἑτέροισι читать: εἴ τις ἑτέρος, какъ предлагалъ это еще Stanley? Въ своемъ переводѣ я этой коньектурѣ и слѣдую.

чувствъ — обыкновенной любви и страсти¹⁾. Но несмотря на все стремленіе Еврипида какъ можно болѣе очеловѣчивать своихъ героевъ или, вѣрнѣе, приближать ихъ къ образамъ простыхъ людей, ему не удалось сдѣлать этого въ полной мѣрѣ, ибо ему мѣшали и традиции того жанра, въ которомъ онъ работалъ, и условность тѣхъ мифовъ и сказаній, которыми онъ пользовался. Въ результатѣ же этого и весь еврипидовскій реализмъ заключалъ въ себѣ не мало чертъ, какъ будто бы и не подходящихъ къ настоящему реализму, а именно, повышенность общаго тона и отдѣльныхъ положеній, не говоря уже о той трагичности и важности, безъ которой и трагедія не была бы трагедіей.

Но разъ это такъ, то и любовь, какъ бы реалистично ни изображалась она Еврипидомъ въ его пьесахъ, сохраняла и должна была сохранять въ своихъ проявленіяхъ нѣчто грандіозное и величественное, не подходящее ни къ обычной челоуѣческой жизни, ни къ тому обычному масштабу, который она въ этой жизни занимаетъ. Вотъ этимъ приуроченіемъ любовнаго мотива къ обыденной жизни и занялась „новая“ комедія, а въ особенности комедія Менандра, та самая комедія, которую Цицеронъ называетъ „speculum vitae“²⁾.

Спрашивается теперь, въ чемъ же сказалось это приуроченіе? Какъ и слѣдовало ожидать, оно сказалось прежде всего въ томъ, что любовь и страсть утратили подъ рукой Менандра свою прежнюю, чисто трагическую повышенность и тотъ, если можно такъ выразиться, героическій привкусъ, который лежитъ на нихъ въ драмахъ Еврипида. Въ связи же съ этимъ и изображенія любовныхъ чувствъ и переживаній стали болѣе обыденными, не столь приподнятыми, какъ раньше, однимъ словомъ, болѣе естественными и жизненными. А если въ чемъ либо и сохранялся еще трагическій налетъ, то развѣ

1) См. E. Rohde², *Der griechische Roman*, 33 sqq.; Sehn, *De Menandro Euripidis imitatore*, Diss. (Gissae 1913), 17; Legrand, о с., 317. Ср. также Legrand, о с., 322, гдѣ онъ говоритъ о Клеархѣ изъ Солъ, о его работахъ, касающихся любви, и о томъ вліяніи, которое онѣ могли имѣть на комедію. Подробности см. объ этомъ у E. Rohde², *Der griechische Roman*, 57 sq.

2) Cic. de republ., II, 69. Ср. также Manil., *Astron.*, V, 475 sq.:

Menander

qui vitae ostendit vitam, chartisque sacrauit.

только въ томъ, что любящіе при изложеніи своихъ любовныхъ ощущеній выражались иногда не столь простымъ языкомъ, какъ обычно. Въ этомъ случаѣ, какъ и при изложеніи другихъ аффектовъ, а именно, гнѣва, ужаса, страха, ихъ рѣчь нѣтъ-нѣтъ, да и отливала трагическими блесками, пусть даже на одинъ моментъ, на одно короткое мгновеніе.

Итакъ, любовь въ изображеніи „новой“ комедіи какъ бы сошла съ тѣхъ катурнъ, на которыхъ она еще стояла у Еврипида, и сойдя съ нихъ, превратилась въ обыкновенное человѣческое чувство, присущее каждому человѣческому индивидууму, и выражаемое притомъ такъ, какъ оно обыкновенно выражается въ жизни.

Но подобная трансформация любви въ комедіи вполне понятна. Въдъ „новая“ комедія вообще, комедія же Менандра въ частности хотѣли давать ту жизнь, среди которой онѣ развивались, то общество, для котораго онѣ существовали, тѣ чувства наконецъ и тѣ стремленія, которыя, попадаясь на каждомъ шагу, и были предметомъ ихъ наблюденія. Т. е., иными словами, онѣ хотѣли оставить въ сторонѣ излишнюю идеализацію жизни и приукрашиваніе тѣхъ или другихъ ея сторонъ и, порывая съ фикціей, хотѣли приблизиться къ настоящей дѣйствительности, что и удалось имъ, поскольку не мѣшали этому разныя условности сценическаго рода, отъ которыхъ не могъ освободиться даже такой талантъ, какъ Менандръ.

Впрочемъ, послѣдняя подробность не имѣетъ для насъ въ данный моментъ большого значенія и мы не будемъ останавливаться на ней. Для насъ гораздо важнѣе другое, а именно, детальное выясненіе того, какъ и какимъ путемъ вводилась Менандромъ въ комедію подлинная жизнь и подлинныя люди со всѣми присущими имъ слабостями.

Какъ я уже говорилъ выше, основнымъ двигателемъ дѣйствія является у Менандра любовь. Эта любовь, отъ которой не застрахованы ни молодость, ни старость, служить для нашего комика исходнымъ пунктомъ, съ котораго все начинается и подъ вліяніемъ котораго завязывается вся дальнѣйшая суeta, приводимая въ концѣ концовъ къ успокоенію благодаря ряду чисто-случайныхъ обстоятельствъ. Таковъ основной фонъ каждой Менандровской пьесы, такимъ остается онъ и въ тѣхъ пяти комедіяхъ, которыя будутъ слу-

жить предметомъ нашей работы. Самъ по себѣ онъ одно-
тоненъ. Всѣ только любовь и ея перипетіи. Все только одна
пѣсня про Эрота и про многообразность его воздѣйствія на
людей. Но эта внѣшняя однотонность сразу станетъ неза-
мѣтной, лишь только мы попробуемъ приглядѣться повни-
мательнѣе къ каждой пьесѣ въ отдѣльности.

И въ самомъ дѣлѣ, если основаніемъ той или другой
драмы Менандра является варьируемый на разные лады лю-
бовный мотивъ, если изъ него, какъ отъ главной причины,
исходятъ всѣ дальнѣйшія осложненія, то съ другой стороны
не на этомъ, въ сущности говоря, зиждется главный интересъ
комедіи. Онъ зиждется на иномъ, а именно, на характерахъ
дѣйствующихъ лицъ, на ихъ внутреннемъ обликѣ, на особен-
ностяхъ ихъ духовнаго склада. И вотъ съ этой точки зрѣнія
пьесы Менандра поражаютъ своимъ рѣдкимъ разнообразіемъ.

Правда, тѣ группы персонажей, которыя выступаютъ пе-
редъ нами, нѣсколько трафаретны. Мы вѣчно видимъ юно-
шей, по преимуществу отдающихся веселой жизни и очень
рѣдко думающихъ о какихъ бы то ни было серьезныхъ во-
просахъ; мы видимъ то ловкихъ, то глупыхъ рабовъ, такъ
или иначе связанныхъ съ этими юношами и находящихся въ
тайномъ или явномъ конфликтѣ съ отцами послѣднихъ; мы
видимъ, наконецъ, и самихъ отцовъ, которые либо крити-
чески относятся къ молодому поколѣнію, либо, забывая о
своемъ возрастѣ, идутъ по слѣдамъ сыновей, либо же, равно-
душные ко всему, думаютъ только о своемъ матеріальномъ
благополучіи. А рядомъ съ этими мужскими типами, какъ
бы въ дополненіе къ нимъ, вырисовываются передъ нами и
женскіе образы, тоже не отличающіеся на первый взглядъ
особой многовидностью. И дѣйствительно, передъ нами про-
ходятъ ряды дѣвушекъ, или находящихся на положеніи *declassées*,
или имѣющихъ за собой воспоминаніе о невольномъ,
когда-то совершенномъ ими проступкѣ; проходятъ гетеры,
эти вѣчныя спутницы кутящей аѳинской молодежи; прохо-
дятъ образы рабынь-служанокъ, являющихся хорошими про-
тотипами Мольеровскихъ субретокъ, и наконецъ, въ качествѣ
лицъ, какъ бы замыкающихъ эту вереницу моментальныхъ
фотографическихъ снимковъ, видимъ мы передъ собой за-
мужнихъ женщинъ, то забытыхъ своими мужьями, то беру-
щихъ надъ ними верхъ, но всегда такъ или иначе причаст-

ныхъ къ той мышиною бѣготнѣ, которая завязывается вкругъ нихъ ¹⁾).

Вся эта галерея типовъ, дополняемая еще кое-какими образами, въ достаточной мѣрѣ трафаретна, ибо она присуща не только Менандру, но почти каждой пьесѣ „новой“ комедіи, подобно тому, какъ присущи послѣдней и тѣ группы масокъ, которыя съ такой полнотой перечисляются Поллуксомъ въ его „*Ὀνομαστικόν*“ ²⁾ и безъ которыхъ не обходилась и не могла обойтись ни одна комическая драма. Вѣдь какъ сами маски, такъ и перечисленные мною типы были одной изъ тѣхъ условностей, отъ которыхъ никакъ не могъ освободиться театръ античнаго міра, — не могъ освободиться даже тогда, когда съ легкой руки Менандра онъ вступилъ на путь настоящаго реализма!

Итакъ, съ внѣшней стороны, т. е. со стороны масокъ и со стороны своего общаго вида, менандровскіе герои не представляютъ собой чего либо особенно самобытнаго: они такъ же однотонны, какъ однотоненъ и любовный мотивъ, приводящій ихъ въ движеніе!

Но такой крупный талантъ, какъ Менандръ, не могъ, конечно, ограничиваться только однимъ внѣшнимъ воспроизведеніемъ ряда ходячихъ типовъ, созданныхъ еще до него „средней“ комедіей. Не имѣя возможности разъ и навсегда отдѣлаться отъ нихъ и принужденный пользоваться ими, какъ персонажами для своихъ комедій, онъ подошелъ къ нимъ съ другой стороны, а именно, оставивъ ихъ, какъ типы, онъ сталъ вкладывать въ cadaго изъ нихъ индивидуальныя черты, т. е., иными словами, онъ началъ дробить общіе типы на частныя характеры. Благодаря этому, хотя мы и встрѣчаемъ въ менандровскихъ пьесахъ уже знакомыя намъ по „новой“ комедіи группы дѣйствующихъ лицъ, мы почти въ каждомъ изъ этихъ лицъ находимъ нѣчто новое, выдѣляющее его изъ общаго трафарета и, такъ сказать, превращающее его въ само-

1) Cp. Maull., Astron., V, 472 sqq.:

Ardentes iuvenes, raptasque in amore puellas,
elusosque senes, agilesque per omnia servos:
quis in cuncta suam produxit saecula vitam
doctor in urbe sua linguae sub flore Menander,
qui vitae ostendit vitam, chartisque sacravit.

2) Poll., Onomast., IV, 143—154.

бытную и самостоятельную особь, которая, помимо ряда типичных особенностей, обладает еще нѣкоторыми, только ей присущими чертами.

Но при такомъ способѣ обращенія съ ходячими типами, т. е., при стремленіи поэта углубляться въ духовную сущность человѣка, въ его внутреннее „я“, исчезаетъ какая бы то ни было поверхностность, и вмѣсто внѣшнихъ типовъ, снабженныхъ внѣшними этикетками, передъ нами начинается вырисовываться рядъ живыхъ людей, тѣхъ людей, которые и составляли тогдашнее общество.

Правда, я не буду говорить, что это вдумчивое приглядываніе къ людямъ, къ тому, что совершается въ ихъ душѣ, и къ тѣмъ частностямъ, которыя и дѣлаютъ изъ человѣка вообще опредѣленную личность, — что всё это впервые было внесено въ греческую драму Менандромъ. Подобное утвержденіе было бы, конечно, неправильнымъ. Нѣтъ, у Менандра были предшественники, и самымъ главнымъ изъ нихъ является, внѣ всякаго сомнѣнія, Еврипидъ.

И дѣйствительно, Еврипидъ, болѣе, чѣмъ кто либо изъ драматиковъ, сумѣлъ не только приблизиться къ жизни, не только упростить, по мѣрѣ возможности, общій тонъ трагедіи, но и взглянуть на своихъ героевъ, не какъ на героевъ того или другого міа, а какъ на простыхъ людей, очень похожихъ на тѣхъ обыденныхъ людей, которыхъ онъ видѣлъ передъ своими глазами. И лишь только трагическіе герои были взяты подъ такимъ угломъ зрѣнія, лишь только они начали снисходить до настоящей жизни, вся ихъ психика тоже упростилась, и поэтъ уже могъ съ большей точностью и увѣренностью наблюдать за ихъ душевными движеніями, за игрой ихъ характеровъ, за всѣмъ тѣмъ, что, находясь внутри ихъ, и обусловливало съ ихъ стороны тотъ или другой образъ дѣйствій.

Этимъ путемъ было положено начало очеловѣченію драмы и въ общихъ чертахъ была намѣчена та дорога, по которой и надо было идти всякому, кого интересовали люди, какъ таковые, тѣ самые люди, среди которыхъ приходилось жить поэтамъ и которые очень часто являлись обладателями самыхъ неприглядныхъ качествъ.

Но если Еврипидъ, несмотря на всё свое стремленіе къ точной передачѣ дѣйствительности, не могъ, ввиду требованій трагедіи, изображать вполне реальные характеры и дол-

женъ былъ то и дѣло переходить отъ реализма къ большей или меньшей идеализаціи; если онъ, съ другой стороны, могъ лишь до извѣстной степени давать картину нравовъ современной ему эпохи и давать притомъ такъ, чтобы она не особенно нарушала трагическую иллюзію, то совершенно въ иномъ положеніи находился Менандръ и „новая“ комедія.

Ко времени Менандра, благодаря усиліямъ Аристотеля и вообще всей перипатетической школы, „вся окружающая насъ пустая и мелочная жизнь была объявлена интересной — и вотъ реализмъ широкой струей вливается въ искусство и поэзію“¹⁾. То, что для Еврипида было только искомымъ, становится теперь какъ бы обязательнымъ. Внѣшнія формы драмы, мало подходившія къ „воспріятію новаго содержанія“, не могутъ помѣшать проникновенію послѣдняго²⁾. Комедія, базируясь отчасти на завѣтахъ Еврипида, отчасти на наблюденіяхъ перипатетиковъ, и въ частности Теофраста³⁾, переходитъ къ бытонаблюденію и къ бытоописанію, причемъ, если комедія „средняя“ ограничивается по преимуществу собираніемъ внѣшнихъ чертъ жизни, то „новая“, во главѣ съ Менандромъ, старается войти въ самую глубь послѣдней и, передавая разныя ея стороны, сосредоточиваетъ свое вниманіе на человѣкѣ, который и становится центромъ ея наблюденій.

Приэтомъ, въ противовѣсъ „древней“, а отчасти и „средней“ комедіи, Менандръ изгоняетъ изъ своихъ пьесъ карикатуру: она, какъ и противоположная ей идеализація, не подходила къ требованіямъ реализма, подобно тому, какъ не подходила сюда и фантастичность сюжетовъ, которую мы постоянно встрѣчаемъ у Аристофана. Жизнь, какъ таковая, человѣкъ, какъ представитель и выразитель этой жизни, — вотъ двѣ цѣли, которыя ставилъ себѣ Менандръ и къ достиженію которыхъ онъ стремился.

Однако, ставя себѣ эти цѣли, онъ, опять таки въ противовѣсъ „древней“ комедіи, не хотѣлъ быть критикомъ, высмѣивающимъ или бичующимъ какъ общественныя явленія,

1) О. Ф. Зѣлинскій, Геродъ и его бытовые сценки, 6 [= Филологическое Обозрѣніе, II, (1892)]; Legrand, о. с. 322 sqq.

2) О. Ф. Зѣлинскій, о. с., 6.

3) О той роли, которую сыграло его сочиненіе „Характеры“ см. Зѣлинскій, о. с., 3 слл. и Legrand, о. с., 323 sq. Ср. также Reisch, Der Mimus, I, 307—314.

такъ и причастныхъ къ нимъ людей. Критика и сатира были чужды ему, если не считать только кое-какихъ слабыхъ отголосковъ, унаслѣдованныхъ имъ отъ того времени, когда комедія была еще выразительницей общественной совѣсти.

Но это время уже давно прошло, прошло вмѣстѣ съ главенствомъ и самостоятельностью Аѳинъ, вмѣстѣ съ крупными общественными и политическими интересами, прошло навсегда, безъ всякой надежды на возрожденіе. Отсюда ясно, что всякому наблюдателю общественной жизни приходилось нѣсколько ограничивать свой внѣшній кругозоръ, коль скоро онъ не хотѣлъ отзываться на всякія мелочи пустого и ни къ чему не ведущаго политиканства.

Съ другой же стороны не по вкусу была Менандру и роль пророка-обновителя социальныхъ условій жизни. Правда, онъ умѣлъ присматриваться къ нимъ, умѣлъ иногда устами своихъ персонажей косвеннымъ образомъ выражать свое неодобреніе. Но всё это дѣлалось имъ походя, какъ дѣлается это любымъ писателемъ, дѣлается даже тогда, когда отмѣчаемая имъ язвы и не возбуждаютъ въ немъ особеннаго негодованія. Вѣдь не надо забывать, что Менандръ прежде всего былъ поэтомъ „божьей милостью“, поэтомъ, для котораго на первомъ планѣ стояло искусство ради искусства и который съ большой неохотой отвлекался отъ этого въ сторону другихъ, далекихъ для него интересовъ! Тотъ путь, по которому шелъ Менандръ, былъ путемъ наблюдателя-психолога, именно, психолога, который, созерцая картину открывающейся передъ нимъ жизни, не столько негодуетъ на совершающееся передъ его глазами, сколько интересуется этимъ, и который на основаніи всего, что онъ видитъ, воспроизводитъ съ достаточной безпристрастностью всю окружающую его дѣйствительность.

Но при этомъ, какъ я уже говорилъ выше, наиболѣе притягивающимъ элементомъ были для Менандра люди со всѣми ихъ мелкими страстями, невзгодами и радостями. Эти люди, каково бы ни было ихъ внутреннее содержаніе, не сердили и не возмущали поэта: онъ бралъ ихъ такими, каковы они есть, онъ старался проникнуть въ ихъ душу, уловить всё то, что въ ней происходитъ, отдать себѣ отчетъ въ духовныхъ особенностяхъ каждаго индивидуума и затѣмъ изъ всего этого создать нравственный его обликъ, затемняе-

мый обыкновенно или условіями жизни, или какими нибудь внѣшними проявленіями отрицательнаго характера.

Такимъ образомъ, всякій человѣкъ распадался для Менандра на внѣшняго и внутренняго. Внѣшній человѣкъ, — тотъ всегда заключалъ въ себѣ рядъ типическихъ чертъ, навѣянныхъ либо возрастомъ и профессіей, либо соціальнымъ положеніемъ, и въ силу этого могъ иногда почти что не отличаться отъ другого, находящагося въ такихъ же условіяхъ, какъ и онъ. Зато, что касается до внутренняго человѣка, то тутъ поэтъ получалъ больше простора, ибо здѣсь уже не было того трафарета, по которому, какъ по линіи, можно было выравнивать ряды ходячихъ типовъ.

И вотъ, когда Менандръ начинаетъ умѣлой рукою вскрывать передъ нами духовную сущность своихъ героевъ, мы сразу видимъ передъ собой живыхъ, оригинальныхъ людей, руководимыхъ каждый своимъ характеромъ и очень часто гораздо болѣе интересныхъ, чѣмъ можно было бы ожидать отъ ихъ внѣшняго вида.

Но говоря о болѣе или меньшей интересности менандровскихъ персонажей, я не хочу сказать этимъ, что они представляютъ собой нѣчто, возвышающееся надъ общимъ человѣческимъ уровнемъ. Ничего подобнаго въ нихъ нѣтъ: они — самые обыкновенные люди, взятые изъ обычныхъ жизненныхъ условій и обстановки и вовсе не претендующіе на наличность какихъ нибудь крупныхъ достоинствъ. Ихъ интересъ заключается просто въ томъ, что они — живые люди, реальные характеры, способные на самостоятельное выступленіе и одинаково доступные какъ хорошимъ, такъ и дурнымъ побужденіямъ. Приэтомъ эти ихъ побужденія вовсе не отличаются глубиной или серьезностью, и очень, очень рѣдко заходятъ за границы личной жизни.

И тѣмъ не мѣнѣе, когда поэтъ, сообразуясь съ характерами своихъ героевъ, начинаетъ устами послѣднихъ выражать волнующія ихъ чувства, эти мелкіе люди какъ бы вырастаютъ въ своемъ значеніи и именно благодаря своей человѣчности становятся для насъ и близкими и родными. Поставленные въ соотвѣтствующую драматическую обстановку, они примѣнительно къ своему развитію, складу своего ума и особенностямъ своихъ духовныхъ качествъ какъ то умѣютъ показать всю свою индивидуальность и самобытность, и насъ

начинаетъ занимать какъ ихъ нравственный обликъ, такъ и всё, въ чемъ онъ выражается.

И очень часто бываетъ, что изъ подъ внѣшняго грубаго налета жизни нѣтъ — нѣтъ, да и блеснетъ у этихъ людей какая нибудь симпатичная черточка, проглянетъ настоящее благородство и тонкость, или же наоборотъ выяснится полное безпросвѣтное паденіе и тупость, полный развалъ души, всецѣло погрязшей въ интересахъ сѣренькой обыденщины.

Однимъ словомъ, Менандръ не скользитъ по поверхности. Нѣтъ, онъ заставляетъ своихъ героевъ путемъ ихъ личныхъ соображеній, разсужденій, думъ и дѣйствій вскрывать всю ихъ внутреннюю подоплеку, воспроизводить всё ихъ чувства и волненія, показывать наконецъ, что происходитъ въ ихъ совѣсти и какова эта совѣсть. Благодаря этому, мы видимъ вѣчную игру ихъ души со всёми ея переливами и каждое движеніе этой души намъ глубоко понятно и интересно.

Такъ, напр., когда въ „Героѣ“ въ лицѣ раба Дава передъ нами выступаетъ наивный и мечтательный идеалистъ и когда во всемъ, и въ тонѣ своей рѣчи и въ способѣ выраженія своихъ ощущеній, онъ выясняетъ намъ, чѣмъ и какъ онъ живетъ, къ чему онъ стремится и на что, на какія жертвы, готовъ онъ пойти, — тогда сразу охватываетъ насъ чувство расположенія къ нему и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарность къ самому поэту, сумѣвшему показать, какой тонкій характеръ скрывается въ Давѣ подъ грубой оболочкой простого раба. Но не менѣе живо интересуется насъ и полная противоположность Дава, его другъ, рабъ Гета, эгоистъ и практикъ, характеръ, не отличающійся такой сложностью, какъ первый. А интересуется онъ насъ потому, что и здѣсь мы видимъ нѣчто самобытное, самодовлѣющее, видимъ не трафаретъ, но живого человѣка, который тоже имѣетъ свое „я“ и который во всемъ своемъ выступленіи тоже отзываетъ подлинной жизнью, подлинной дѣйствительностью.

Итакъ, въ пьесахъ Менандра передъ нами проходятъ не только представители разныхъ классовъ общества, взятые въ освѣщеніи ихъ классовыхъ примѣтъ, но — и это гораздо важнѣе — настоящіе люди со всёми извивами ихъ характеровъ, со всей причудливостью и измѣнчивостью ихъ аффектовъ, со всёмъ тѣмъ, на чемъ такъ или иначе лежитъ отпечатокъ рѣзкой и ясно-выраженной индивидуальности.

И на всѣхъ людей поэтъ, ихъ воспроизводящій, смотритъ спокойно и безпристрастно, смотритъ, какъ объективный наблюдатель, почти не высказывая своего мнѣнія, а если и высказывая его, то только отдѣльными намеками, да и то лишь тогда, когда эти намеки, вкладываемые имъ въ уста его персонажей, вполне подходятъ къ данному лицу или къ данной ситуаціи. Благодаря этому самого поэта не видно. Кажется, что всё идетъ вполне самостоятельно, безъ всякаго участія въ его стороны; что всѣ выступающія передъ нами лица дѣйствуютъ исключительно въ силу личной воли, личныхъ характеровъ, и что всё, что бы они ни дѣлали и ни думали, всё это исходитъ отъ нихъ самихъ, отъ ихъ индивидуальных особенностей.

А такъ какъ герои Менандра берутся имъ изъ круговъ самаго ординарнаго общества, да къ тому же на фонѣ частной жизни и обычныхъ житейскихъ тревоженій, то само собой разумѣется, что и ихъ жизнь и ихъ интересы не заключаютъ въ себѣ особаго многообразія.

И дѣйствительно, въ чемъ проходитъ жизнь героев Менандра? Она проходитъ почти всецѣло въ устройствѣ личнаго благополучія, въ стремленіи къ достиженію личнаго счастья. Ради этого и дѣлается всё, что дѣлается: ради этого предпринимается борьба и съ людьми и съ обстоятельствами; ради этого задумываются всевозможные планы и хитрости; на почвѣ этого зарождаются удачи и неудачи, терпятъ невзгоды, начинаются душевныя терзанія.

Если же мы захотимъ приглядѣться къ этой жизни поближе, то что, спрашивается, мы въ ней увидимъ? Мы увидимъ въ ней прежде всего вѣчные переходы отъ семейныхъ ссоръ и неурядицъ къ семейному миру и согласію, а затѣмъ передъ нами вскроются одна за другой и тѣ подробности, которыми и объясняется этотъ постоянный отливъ и приливъ.

На первомъ планѣ стоитъ здѣсь обычное взаимное непониманіе дѣтей родителями, родителей — дѣтьми. А затѣмъ, помимо этой основной причины, мы начнемъ различать и цѣлый рядъ другихъ причинъ общечеловѣческаго характера, тѣхъ причинъ, которыя имѣли мѣсто раньше, имѣютъ его и теперь. Такъ у молодежи мы встрѣтимъ вѣчныя затрудненія съ вопросомъ о деньгахъ и вѣчную борьбу изъ за нихъ съ скупыми или разсчетливыми отцами. Попутно вскроются

передъ нами и бракъ по принужденію, и безнѣбная, разгульная жизнь, и насилія надъ дѣвушками, и выкидываніе незаконныхъ дѣтей, мѣняющихъ либо выходу замужъ, либо вообще устроенію семейнаго благополучія.

Однимъ словомъ, на каждомъ шагѣ мы встрѣтимъ и смѣхъ и слезы, встрѣтимъ и увидимъ какъ радость, такъ и горе, т. е., увидимъ всю изнанку того, что обыкновенно называется жизнью. И, быть можетъ, единственнымъ элементомъ, нѣсколько скрашивающимъ всю эту пеструю сутолоку, явится любовь въ разныхъ ея видахъ, та самая любовь, которую Плутархъ, какъ упомянули мы выше, называетъ началомъ, объединяющимъ всѣ пьесы Менандра.

Вообще же, если выдѣлить любовь и еще кое-какія другія свѣтлыя проявленія человѣческаго духа, то вся остальная жизнь въ прочихъ ея частяхъ, какъ рисуется она у нашего комика, окажется настоящей „мѣщанской драмой“, правда поучительной и довольно разнообразной, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень сѣренькой какъ съ точки зрѣнія общаго фона, такъ и съ точки зрѣнія всѣхъ входящихъ въ нее подробностей.

Да, но что регулируетъ эту жизнь, что вызываетъ весь укладъ послѣдней, что придаетъ ей тѣ формы, въ которыя она отливается?

Все тотъ-же человѣческій характеръ, все тотъ-же *τροπος*, надъ разработкой и оцѣнкой котораго такъ любить останавливаться Менандръ и разные оттѣнки котораго то и дѣло выясняетъ онъ въ своихъ пьесахъ. Этотъ характеръ, представляющій собой совокупность различныхъ душевныхъ качествъ, и оказывается по мнѣнію Менандра тѣмъ, что вызываетъ и обусловливаетъ жизненные явленія, по крайней мѣрѣ, въ ихъ общихъ чертахъ¹⁾. Уступая давленію характера, люди и предпринимаютъ то, что они предпринимаютъ, причемъ опять таки благодаря характеру многія ихъ дѣянія получаютъ нежелательную форму, — обстоятельство, которое объясняется какъ многогранностью, такъ и многовидностью человѣческаго нрава, не укладывающагося въ однѣ и тѣ-же, разъ и навсегда установленныя, рамки.

Итакъ, роль которую характеръ играетъ въ жизни лю-

1) О „характерѣ“ и объ его значеніи у Менандра я говорю подробно въ „Третьей судѣ“ (II, 7).

дей, должна быть признана очень значительной, и какъ разъ на ея счетъ и должно быть относимо многое изъ того, что выпадаетъ на долю разныхъ менандровскихъ персонажей.

Но несмотря на все значеніе этого фактора, который, по словамъ Онисима, одного изъ дѣйствующихъ лицъ „Третьскаго суда“, и является для людей настоящимъ богомъ, требующимъ обращенія, соотвѣтствующаго его достоинству¹⁾, — несмотря на это, говорю я, есть въ человѣческой жизни и другая сила, еще болѣе измѣнчивая и капризная, еще болѣе непокорная и властная, а именно, *Τύχη*, Случай.

Этотъ Случай, который какъ будто не мѣшаетъ людямъ ни въ чемъ и который словно предоставляетъ имъ полную свободу дѣйствій, дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ то, что очень часто дѣйствіе, направляемое людьми, разрѣшается не благодаря имъ, а благодаря стеченію обстоятельствъ, т. е. благодаря капризу того-же Случая.

Правда, люди, какъ думаетъ Менандръ, не всегда замѣчаютъ это. Имъ то и дѣло кажется, по свойственной имъ близорукости и невѣдѣнію, что они сами регулируютъ свою судьбу, свою долю, и то и дѣло не видятъ они, что передъ ними нѣтъ — нѣтъ, да и вырисовывается такой результатъ, который лежитъ внѣ ихъ силъ и способностей, и счастливый или несчастный исходъ котораго зависитъ не отъ нихъ, а просто отъ того, куда вздумаетъ повернуться *Τύχη*.

И выходитъ, значитъ, что роль характера въ сильной мѣрѣ ограничена и что если внѣшнее благополучіе, да и вообще весь жизненный укладъ, есть до извѣстной степени созданіе человѣческаго нрава, то, съ другой стороны, ни что не можетъ гарантировать людей отъ вмѣшательства какой-то невѣдомой, внѣ ихъ стоящей силы, которая въ состояніи какъ „дурное привести къ хорошему“, такъ и перепутать всѣ лучшія расчеты и намѣренія.

Но коль скоро жизнь, какъ таковая, является своего рода игрищемъ въ рукахъ Случая; коль скоро лучшія че-

1) Epitrep., 556 слл. :

Нашъ нравъ, — вотъ кто нашъ богъ !

И счастье и бѣда, — все отъ него зависитъ,

Его и ублажай, не дѣлая притомъ

Ни зла, ни глупости, коль хочешь быть счастливымъ !

ловѣческія побужденія и дѣйствія могутъ благодаря тому-же Случаю либо остаться втунѣ, либо быть опрокинуты, то чело-вѣку остается одно, а именно, устроить свою жизнь, свое существованіе примѣнительно къ лучшимъ сторонамъ своего внутренняго „я“, ибо при соблюденіи этого условія у него будетъ, по крайней мѣрѣ, утѣшеніе въ личной правотѣ, — единственный, ясный результатъ, котораго можно достигъ при общемъ колебаніи и неизвѣстности!

Такова въ общихъ чертахъ философія Менандра и его взглядъ на цѣнность жизни, взглядъ, который то проводится имъ черезъ посредство его героевъ, то самъ собой напрашивается на выводъ по мѣрѣ развитія разныхъ жизненныхъ осложнений, съ большей или меньшей полнотой развертывающихся въ той или другой изъ его пьесъ.

Изъ всего, до сихъ поръ сказаннаго, ясно, что предметъ менандровской комедіи было изображеніе обычной чело-вѣческой жизни, по преимуществу же бытовой ея стороны; что на фонѣ этой жизни выводились разные представители отдѣльныхъ классовъ общества и что, наконецъ, эти представители разсматривались не только съ внѣшней, чисто клас-совой стороны, но главнымъ образомъ со стороны своихъ душевныхъ переживаній, своихъ характеровъ, своихъ мыслей и взглядовъ. Скажу больше: внутреннимъ движеніямъ cadaго даннаго лица отводилось преимущественное внима-ніе и на игрѣ разныхъ проявленій чело-вѣческаго духа и со-средоточивалъ Менандръ всю силу своего психологическаго анализа.

Приэтомъ, какъ мы могли видѣть, онъ старался воз-держиваться отъ излишней критики, какъ самихъ людей, такъ и созданнаго ими уклада и формъ жизни, и предпочи-талъ оставаться спокойнымъ созерцателемъ всего того, что онъ видѣлъ и что считалъ интереснымъ для точнаго и все-сторонняго воспроизведенія.

Люди, каковы бы они ни были, не сердили его; ихъ подчасъ безалаберная жизнь не выводила его изъ равновѣсія. Напротивъ того, онъ смотрѣлъ на нихъ съ чувствомъ глубо-кой симпатіи, онъ любилъ ихъ, какъ объекты своихъ наблю-деній, и ввиду убѣжденія въ ограниченности и случайности всего мірскаго какъ бы извинялъ и прощалъ имъ всѣ ихъ эксцессы, всю пустоту и мелочность ихъ исканій. Единствен-

ное, что позволялъ онъ себѣ по ихъ поводу, это — показывать всю ихъ близорукость, а также изъ сопоставленія разныхъ персонажей дѣлать яснымъ, что истинное благородство и чуткость не имѣетъ ничего общаго съ человѣческимъ распредѣленіемъ его по классамъ, могущимъ или не могущимъ быть его носителями ¹⁾).

И вотъ когда послѣ такого сопоставленія дѣлалось очевиднымъ, что чистота и высота дуневныхъ побужденій зависятъ отъ *φύσις*, а не отъ *δόξα*, выходило наружу тайное желаніе поэта показать всю тщету людскихъ предразсудковъ и начинала сквозить ироническая усмѣшка надъ такъ называемымъ мнѣніемъ общества.

Но высказывая или, вѣрнѣе, иллюстрируя примѣрами подобные взгляды гуманнаго человѣка, далеко опередившаго своихъ современниковъ, Менандръ опять таки только развивалъ и съ большей точностью обосновывалъ взгляды Еврипида, перваго въ греческой драмѣ печальника о всѣхъ слабыхъ, забытыхъ и униженныхъ, всѣхъ тѣхъ, кто до него почти что не входилъ въ число лицъ, достойныхъ вниманія или разсмотрѣнія ²⁾). Да и вообще всё это гуманное отношеніе къ людямъ, это желаніе какъ нибудь разобраться въ различіи ихъ духовной сущности, — всё это, если я не ошибаюсь, должно быть относимо, какъ къ началу своему, къ Еврипиду, въ которомъ и слѣдовало бы видѣть создателя духа „новой“ комедіи.

Итакъ, я считаю вполне возможнымъ усматривать во многихъ взглядахъ Менандра отраженіе еврипидовскихъ прецедентовъ, и между прочимъ вижу я это отраженіе и въ томъ взглядѣ, котораго держится Менандръ на „женскій“ вопросъ и который всего опредѣленнѣе изложенъ имъ въ его „Третьскомъ судѣ“.

Вѣдь какъ ни какъ, но вопросъ о положеніи женщинъ и объ ихъ правахъ былъ поднятъ въ греческой драмѣ Еврипидомъ, причѣмъ именно у Еврипида, какъ видно это, напр.,

1) Ср., напр., кажущееся благородство Харисія изъ „Третьскаго суда“ и настоящее — Габротононъ, а также личность Сирика и старика Смиркина. См. гр. И. И. Толстой, Папирусные отрывки Менандра (= Гермесъ, X (1910), 4, отд. отт.).

2) См. то, что говорю я о генетическомъ развитіи типа „благороднаго“ раба въ „Героѣ“ (I, 1).

изъ словъ Меду, впервые была высказана мысль о нежелательности и ненормальности того жизненного уклада, которымъ должны были жить аѳинскія женщины¹⁾. Равнымъ образомъ, у того же Еврипида тотъ же самый вопросъ затрагивался и въ „Авгѣ“, и затрагивался, повидимому, въ еще болѣе конкретной формѣ, а именно, въ формѣ разсужденія о томъ, къ чему, въ сущности говоря, сводятся и въ чемъ заключаются права женщинъ, дарованныя имъ самою φύσις²⁾. Что же касается до Менандра, то онъ лишь углубилъ этотъ вопросъ о равноправіи и, не рѣшая его во всей его полнотѣ, рѣшилъ въ томъ смыслѣ, что согрѣшившій мужчина не можетъ и не имѣетъ права быть судьей согрѣшившей женщины, — гуманный взглядъ, не нашедшій себѣ дальнѣйшаго отклика въ консервативномъ въ этомъ отношеніи сознаніи античнаго міра!³⁾

Но не только этотъ социально-этический вопросъ привлекалъ къ себѣ особенное вниманіе нашего комика и не его только пытался онъ рѣшить сообразно своимъ убѣжденіямъ, убѣжденіямъ чуткаго и глубоко-просвѣщеннаго человѣка.

Вѣдь въ Аѳинахъ менандровскаго времени, какъ и въ Аѳинахъ времени Еврипида, было не мало такихъ сторонъ, которыя темнымъ пятномъ ложились на бытъ и нравы тогдашняго общества. Возьмемъ хотя бы обычай выкидыванія дѣтей, какъ законныхъ, такъ и незаконныхъ, — послѣднихъ для спасенія себя отъ позора, а первыхъ для того, чтобы освободиться отъ лишней и не всегда удобной обузы.

Правда, этотъ обычай врядъ ли имѣлъ такіе большіе размѣры, какъ предполагается это въ „новой“ комедіи, гдѣ на выкидываніи дѣтей, на нахожденіи ихъ потомъ и на признаніи ихъ родителями строится почти каждая пьеса. Но во всякомъ случаѣ, даже если самый мотивъ, заимствованный

1) Eurip., Med., 230—250. См. также Бузескулъ, Женскій вопросъ въ древней Греціи (= Историческіе этюды (1911), 47).

2) Ср. конецъ „Третьскаго суда“ и въ частности ст. 583—585, изъ которыхъ можно сдѣлать подобный выводъ, а также Eurip., Auge, fr. 266 (= Nauck², Trag. gr. fragm., 437).

3) Подробнѣе говорю я обо всемъ этомъ въ „Третьскомъ судѣ“, въ той главѣ, гдѣ дается мной характеристика одного изъ героевъ пьесы, Харисія, устами котораго и высказываетъ Менандръ свой взглядъ (II, 6).

комедіей гл. обр. у Еврипида¹⁾, и является нѣсколько трафаретнымъ, то всетаки фактъ, изъ котораго онъ выведенъ, имѣлъ мѣсто въ жизни, какъ явствуетъ это изъ показаній многихъ авторовъ древности²⁾.

Такъ вотъ противъ жестокости этого обычая и выступаетъ Менандръ, идущій и здѣсь по стопамъ Еврипида, осудившаго безчеловѣчность тѣхъ, кто на это рѣшается, но осудившаго мягко, вопреки своей обычной рѣзкости³⁾. Не менѣе мягко, какъ и требовали этого условія „новой“ комедіи, говоритъ о выкидываніи дѣтей и Менандръ, и всетаки въ его словахъ слышится нотка осужденія, слышится голосъ человѣка, который съ этимъ помириться не можетъ.

По крайней мѣрѣ, въ своей пьесѣ „Отрѣзанная коса“ онъ заставляетъ героиню комедіи, Гликеру, нашедшую своего родителя, когда-то ее бросившаго, обращаться къ нему съ такими словами:

Ты бросить могъ дѣтей? Ты — ихъ отецъ? Зачѣмъ же?

И на эти слова, звучація стономъ сдержаннаго негодованія, что можетъ отвѣтить виновный отецъ? Ничего такого, что могло бы дѣйствительно оправдать или извинить его. Его отвѣтъ есть ничто иное, какъ блѣдная попытка вывернуться, и этимъ отвѣтомъ онъ доказываетъ только то, что для осуждаемаго поэтомъ обычая нѣтъ никакого извиненія. „Этотъ обычай жестокъ, онъ разрушаетъ всякую идею семьи, онъ долженъ быть откинутъ“, — вотъ единственный выводъ, который только и могла сдѣлать публика, видя косвенный упрекъ себѣ въ этихъ словахъ героини пьесы, устами которой говорилъ самъ поэтъ, гуманнѣйшій представитель своей эпохи и лучший созерцатель современной ему жизни!

И мнѣ кажется, что я не ошибусь, если скажу, что эта гуманность, эта теплая отзывчивость на всякія жизненные явленія, это умѣніе, наконецъ, показывать, какъ будто и въ

1) На этомъ мотивѣ были построены между прочимъ слѣд. пьесы Еврипида: „Алопа“, „Скованная Меланиппа“, „Ионъ“, „Авга“. Ср. Sehrt, De Menandro Euripidis imitatore. Diss. (Gissae 1912), 12 сл.

2) См. Glotz, L'exposition des enfants (= Etudes sociales et juridiques sur l'antiquité grecque (Paris 1906), 187 sqq.); Schoemann-Lipsius, Griech. Altertümer, I, 545.

3) Eurip., Ion, 958 слл.; 1497.

безстрастной формѣ, все то печальное, скучное, а подчасъ и уродливое, что въ дѣйствительной жизни проходило незамѣченнымъ для зрителей, — что эта особенность Менандра дѣйствительно ощущается въ каждой его комедіи. И пусть все это дѣлается имъ походя, пусть оно только отдѣльными искорками вспыхиваетъ то тамъ, то здѣсь въ его пьесахъ, — подобное обстоятельство все таки не мѣшаетъ тому, что его творчество нѣтъ-нѣтъ, да и приметъ своеобразный дидактический характеръ, своеобразный по той причинѣ, что поученіе вытекаетъ какъ-то само собой изъ набрасываемыхъ поэтомъ образовъ, характеровъ и положеній.

И невольно дѣлается такъ, что зритель или читатель начинаетъ задумываться надъ многимъ, на что раньше онъ и не обращалъ должнаго вниманія. Онъ начинаетъ задумываться надъ взаимными человѣческими отношеніями, надъ вопросомъ о неравномѣрномъ распредѣленіи классовыхъ преимуществъ, надъ тяжелымъ положеніемъ сиротъ, женщинъ и рабовъ, надъ всякими людскими страстями и вытекающими изъ нихъ послѣдствіями, — однимъ словомъ, онъ задумывается надъ всей той жизнью, къ которой онъ привыкъ и привыкъ до такой степени, что уже пересталъ воспринимать ее съ надлежащей критикой. А между тѣмъ, какъ показываетъ поэтъ, есть, что критиковать, есть, надъ чѣмъ думать!

Однако, говоря о дидактизмѣ менандровской комедіи, мы должны прибавить еще, что она не была бы наслѣдницей трагедіи Еврипида, если бы отказалась вообще отъ поученія съ помощью гномическихъ сентенцій. Эти сентенціи въ ней тоже есть, но только въ противоположность еврипидовскимъ онѣ всегда бывають къ мѣсту и всегда вытекають изъ даннаго положенія или характера, т. е., иными словами, онѣ такъ органически связаны съ отдѣльными деталями пьесъ, что ихъ гномическій, поучающій тонъ не вноситъ въ пьесы какого бы то ни было диссонанса. Такъ, напр., когда Сирискъ изъ „Третьякаго суда“ говоритъ съ присущимъ ему эмфазомъ:

Самъ знаешь, правосудье

во всемъ, всегда должно брать верхъ и перевѣсъ,

и кто бы ни былъ тутъ, пещись о немъ обязанъ! —,

или когда Давъ изъ „Земледѣльца“ произноситъ слѣдующія слова:

Ты долженъ быть богатымъ,
иль жить на сторонѣ, гдѣ нищету твою
не всякій разглядить! Для этого деревня
и одиночество — желаннѣе всего! —

то подобныя сентенціи, число которыхъ можетъ быть увеличено до бесконечности, несмотря на весь свой поучающій тонъ, очень хорошо гармонируютъ съ характерами выводимыхъ лицъ, настолько хорошо, что кажутся словно пригнанными къ нимъ и ужъ, конечно, нисколько не выходящими за предѣлы тѣхъ рѣчей, которыя могутъ или должны произноситься даннымъ человѣкомъ при данной ситуациі¹⁾.

Отсюда ясно, что въ комедіи Менандра никоимъ образомъ не могло быть излишняго количества сентенцій, ибо это мѣшало бы естественности дѣйствія, и что съ другой стороны эти сентенціи не могли отличаться особенною философскою глубиной, ибо будь она на лицо, это не подошло бы къ тому обычному сѣренькому обществу, которое и играло главную роль въ любой менандровской пьесѣ. Ввиду этого, общій тонъ поученій почти что не возвышается надъ уровнемъ ординарныхъ прописей греческой ходячей морали и вовсе не заключаетъ въ себѣ чего нибудь оригинальнаго или самобытнаго.

Напротивъ того, онъ довольно баналенъ: передъ нами просто на просто проходитъ, согласно выраженію Плутарха²⁾, рядъ *γυναικολογίαι χρησταί καὶ ἀφελεῖς*, тѣхъ *γυναικολογίαι*, которыя могутъ быть высказаны любымъ человѣкомъ, вовсе неотличающимся ни тонкостью ума, ни какимъ либо особеннымъ развитіемъ.

И дѣйствительно, къ чему, въ сущности говоря, сведется содержаніе этихъ поученій? Оно сведется къ чисто житейскимъ совѣтамъ насчетъ того, какъ слѣдуетъ жить къ мы-

1) Этотъ фактъ и многіе другіе, ему подобныя, еще одинъ лишній разъ доказываютъ, какъ неправильно поступали ученые, когда, до открытія „новыхъ“ комедій Менандра, они на основаніи массы дидактическихъ фрагментовъ изъ пьесъ нашего поэта, дѣлали изъ него какого-то отвѣченнаго проповѣдника морали, чего на самомъ дѣлѣ, конечно, не было и что придавало образу Менандра вовсе не присущія ему черты. Этимъ испорчена, напр., красивая работа L ü b k e, *Menander und seine Kunst* (Berlin 1892), а также не ушелъ отъ этого и D e n i s, *La comédie grecque*, II, 447 слл.

2) Plut., *Quaest. conviv.*, VII. 712 B (= *Plutarchi moralia*, ed. Berngardakis, IV, 290).

слямъ насчетъ цѣнности дружбы или денегъ, къ разнаго рода соображеніямъ по поводу бѣдности и богатства, любви и ненависти, кривды и правды, — однимъ словомъ, сведется ко всему тому, на чемъ такъ любила останавливаться еще дидактическая элегія.

Что же касается до передачи путемъ гномъ отвлеченныхъ философскихъ теорій и ученій, то, насколько я могу судить объ этомъ по новымъ комедіямъ Менандра и по извѣстнымъ намъ раньше фрагментамъ изъ другихъ его пьесъ, эта передача почти что отсутствовала.

Кое-гдѣ, правда, можно какъ будто видѣть и слышать отзвуки философіи, напр., Эпикура, какъ показываютъ это ст. 544 слл. изъ „Третьякаго суда“, заключающіе въ себѣ словно бы и эпикуровскія мысли насчетъ боговъ и ихъ роли въ міровомъ процессѣ¹⁾; но въ какой формѣ передаются однако эти мысли? На мой, по крайней мѣрѣ взглядъ, онѣ передаются такъ, что едва ли можно видѣть здѣсь желаніе поэта популяризировать эпикуровское ученіе. Напротивъ того, оно до такой степени разбавлено и извращено собственными домыслами Менандра, настолько спутано и намѣренно искажено, что отъ Эпикура остается очень немного, а именно, одни боги, пребывающіе въ состояніи *ἀταραξία*²⁾.

Равнымъ образомъ, врядъ ли нужно усматривать вліяніе Эпикура и въ гуманной мысли Менандра о необходимости прощать ошибки своимъ близкимъ и вообще быть милосерднымъ, особенно же въ минуты личной удачи или счастья³⁾. Эту мысль вполне можно считать и за самостоятельную мысль Менандра, тѣмъ болѣе, что она вполне гармонируетъ съ общимъ тономъ его драмъ, да къ тому же проводится имъ съ неменьшей интенсивностью, чѣмъ его излюбленный взглядъ на роль *τρόπος* и *τύχη* въ человѣческой жизни.

Мнѣ кажется даже, что эта мысль о необходимости ми-

1) Подробно разбираю я этотъ вопросъ въ „Третьякомъ судѣ“ (II, 7).

2) Иначе думаетъ Legrand (о. с., 566), который считаетъ, что Менандръ является здѣсь „le porte-parole d'Epicure“. См. также Ranke, *Periplectomenus, sive de Epicuri, peripateticorum, Aristippi placitorum apud poetas comicos vestigiis*, Diss. (Marpurgi 1900), 8.

3) Именно такъ и думаетъ Legrand (о. с., 569), который снова усматриваетъ здѣсь прямое вліяніе на Менандра эпикуровской морали. См. также Ranke, о. с., 34 sq.

лосердія и всепрощенія является своего рода логическимъ выводомъ изъ общаго взгляда Менандра на относительную цѣнность всего человѣческаго существованія.

И дѣйствительно, коль скоро, благодаря наличности *τύχη*, все въ жизни поражаетъ своей неустойчивостью и коль скоро человѣкъ отчасти благодаря *τύχη*, отчасти благодаря *τροπή*, постоянно впадаетъ либо въ ошибки, либо въ неудачи, то не лучше ли, какъ это и дѣлаетъ Памфила изъ „Третьскаго суда“ или Гликера изъ „Отрѣзанной косы“,

прощать, когда тебѣ вновь улыбнулось счастье, —
вѣдь это — подлинно по-гречески, дитя!

Итакъ, я вовсе не склоненъ, и думаю, что я въ этомъ правъ, отыскивать у Менандра въ его пьесахъ ясно выраженные слѣды философіи. Конечно, кое-какіе отзвуки констатировать можно, но они такъ слабы — и мы это видѣли —, что говорить о какомънибудь глубокомъ и серьезномъ воздѣйствіи врядъ ли можно и нужно. Во всякомъ случаѣ, въ тѣхъ пьесахъ, которыя служатъ предметомъ нашей работы, я этого воздѣйствія не вижу, да думаю, что трудно подмѣтить его и въ другихъ фрагментахъ, которые были извѣстны намъ раньше.

На мой взглядъ, у Менандра была своя собственная философія жизни, сложившаяся главнымъ образомъ на основаніи обычной житейской мудрости и лишь иногда, если это казалось ему нужнымъ, вкраплялъ онъ въ нее кое-какіе чисто-философскіе прецеденты, вовсе не придавая имъ какого-нибудь особеннаго значенія и вовсе не заботясь о томъ, чтобы передавать ихъ въ полной неприкосновенности и точности.

Да, но если Менандръ, какъ это и было нами отмѣчено, отзывается, пусть даже и не въ сильной степени, на нѣкоторыя соціальныя язвы, то правы ли были мы, говоря, что онъ оставляетъ въ сторонѣ вопросы политическаго свойства и дѣйствительно ли нѣтъ въ его комедіяхъ какихъ-нибудь относящихся сюда намековъ?

По правдѣ говоря, этихъ намековъ почти нѣтъ, а если кое-гдѣ они и встрѣчаются, то ихъ основной тонъ можно было бы назвать безразличнымъ. И дѣйствительно, Менандръ вовсе не реагируетъ на факты, онъ только мимоходомъ упоминаетъ о нихъ и, не вдумываясь въ причины, ихъ вызвав-

шія, ограничивается исключительно одними внѣшними замѣчаніями.

Такъ, напр., въ „Отрѣзанной косѣ“ говорится о „Коринескомъ лихолѣтѣ“, подѣ которымъ, повидимому, надо разумѣть войну между Кассандромъ и Дмитріемъ Поліоркетомъ, падающую на 306—303 годъ до Р. Х.¹⁾ Далѣе въ той же „Отрѣзанной косѣ“ указывается, какъ на послѣдствія общей политической разрухи, на изобиліе наемниковъ, по поводу которыхъ Мосхіонъ, одинъ изъ героевъ пьесы, выражается такъ :

Пришло такое время,
когда отбоя нѣтъ отъ этой голытьбы.

Повсюду въ Греціи — причины я не знаю —
на нихъ теперь пошелъ обильный урожай!

Наконецъ, опять таки въ „Отрѣзанной косѣ“ упоминаются въ очень глухой и неопредѣленной формѣ „*πράματα Ἑλληνικά*“, которыя до такой степени кажутся Мосхіону ничтожными, что онъ готовъ былъ бы поручить ихъ устройство своему рабу Даву: одно только мѣшаетъ этому, а именно, при всеобщемъ озвѣреніи Давъ врядъ ли выберется оттуда живымъ (ст. 89 сл.).

Вотъ кажется и всѣ политическіе намеки, которые можно извлечь изъ пьесы Менандра, если не считать еще находящагося въ „Отрѣзанной косѣ“ замѣчанія о томъ, что война дѣлаетъ подчасъ невыносимой жизнь частныхъ людей, ибо она вноситъ разстройство въ ихъ обиходъ, какъ и случилось это съ пріемной матерью Гликеры, которой, по словамъ поэта, „прямо житья не стало“ (ст. 6)²⁾.

Спрашивается теперь, какой выводъ можно сдѣлать изъ всѣхъ приведенныхъ нами мѣстъ? Да только одинъ, — тотъ самый, который я уже сдѣлалъ выше, а именно, что Менандръ не интересовался вопросами политики и вообще всей политической жизнью. На первомъ планѣ стояла у него жизнь обыденная въ разныхъ ея видахъ, и именно изъ этой жизни и черпалъ онъ свое вдохновеніе, тогда какъ все остальное имѣло для него лишь второстепенное значеніе.

Но, воспроизводя эту жизнь и разбирая ее по преиму-

1) Koerte², Menandrea, XLIII.

2) См. Legrand, о. с., 235 sq.

ществу съ серьезной точки зрѣнія, Менандръ не оставлялъ безъ вниманія и смѣшныхъ ея сторонъ, которыя тоже давали ему богатый матеріалъ для наблюдений и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ содержали въ себѣ не мало комическаго элемента, вполне пригоднаго для оживленія дѣйствія и для внесенія въ него смѣха и шутки.

Вотъ къ разбору этой подробности менандровскаго творчества намъ и нужно перейти теперь, тѣмъ болѣе, что эта подробность приводитъ насъ къ вопросу о зависимости Менандра отъ Аристофана и вообще отъ „древней“ комедіи.

Въ чемъ же заключалась эта зависимость? Поскольку дѣло касается комическихъ эффектовъ, она заключалась въ очень немногомъ. И дѣйствительно, у Менандра почти что нѣтъ аристофановскаго буффонства и разнаго рода грубыхъ каламбуровъ. Равнымъ образомъ, нѣтъ у него, если не считать „Саміанки“, и такихъ сценъ, все назначеніе которыхъ сводилось бы исключительно къ возбужденію смѣха. Лишь иногда, да и то очень рѣдко, допускаются имъ на сцену подлинныя „personae comicae“, какъ напр., поваръ, котораго мы видимъ въ „Саміанкѣ“ и въ „Третьейскомъ судѣ“, и фигура котораго унаслѣдована Менандромъ отъ „средней“ комедіи. Вообще же комизмъ въ менандровскихъ пьесахъ достигается инымъ путемъ, а именно, онъ содержится либо въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, либо въ умѣломъ сопоставленіи послѣднихъ, либо же, наконецъ, въ удачной и занимательной mise en scène.

Но такой комизмъ съ полнымъ правомъ можно было бы назвать серьезнымъ комизмомъ, да къ тому же такимъ, который выходитъ наружу по бѣльшей части самъ собой, безъ замѣтнаго вмѣшательства со стороны поэта. Т. е., иными словами, Менандръ и здѣсь, какъ и во всемъ остальномъ, старается не отойти отъ естественности и правдивости, причемъ этому мало мѣшаетъ и то обстоятельство, что въ своихъ, болѣе раннихъ пьесахъ, какъ, напр., въ „Саміанкѣ“, онъ позволяетъ себѣ иногда прямыя насмѣшки, направленные противъ опредѣленныхъ лицъ, — обычай, который примѣнялся *κατ' ἐξοχήν* Аристофаномъ и который, перейдя затѣмъ въ „среднюю“ комедію, удержался на первыхъ порахъ и въ „новой“ ¹⁾.

1) Подробнѣе обо всемъ этомъ говорю я при разборѣ „Саміанки“ (III, 3).

Такимъ образомъ, выходитъ, что комическій элементъ вовсе не нарушалъ общей серьезности менандровскихъ пьесъ, но наоборотъ, находясь въ полной соразмѣрности съ ихъ цѣлями и настроеніемъ, только смягчалъ иногда, какъ, напр., въ „Третьейскомъ судѣ“, излишнюю трагичность и напряженность какъ цѣлаго дѣйствія, такъ и отдѣльных, входящихъ въ него моментовъ.

Однако, коль скоро мы можемъ констатировать у Менандра наличность подобнаго комизма, намъ придется, кажется, предположить, что начатки его надо усматривать не въ „древней“ комедіи, а у Еврипида, который любилъ иногда — мы видимъ это по „Алкестидѣ“ и „Оресту“ — разбавлять трагичность комическими эффектами, подробность, которая, наряду съ другими особенностями еврипидовскаго творчества, тоже содѣйствовала очеловѣченію трагедіи и приближенію ея къ жизни¹⁾.

Но даже если это предположеніе и не вѣрно, мы все таки должны будемъ признаться въ томъ, что менандровскій комизмъ имѣетъ очень мало общаго съ аристофановскимъ и что очень, очень рѣдко можно найти въ немъ слѣды прямого воздѣйствія Аристофана и его комедій: онъ носитъ другой характеръ, а именно, въ немъ почти что нѣтъ шутовства, но зато очень много настоящаго смѣха и шутки, почерпнутыхъ изъ проявленій подлинной жизни.

Итакъ, съ разсмотрѣнной нами точки зрѣнія комедія Менандра стоитъ очень далеко отъ „древней“: она руководствуется другими мотивами, она ставитъ себѣ другія цѣли, она проникнута другимъ настроеніемъ!

Да, но можетъ быть, „древняя“ комедія отразилась на „новой“ иначе, а именно, на ея внѣшней, чисто-структурной формѣ?

Дѣйствительно, это отраженіе можетъ быть кое-гдѣ подмѣчено; но, какъ мы это сейчасъ увидимъ, и оно въ концѣ концовъ сведется лишь къ нѣкоторымъ деталямъ второстепеннаго характера, первое мѣсто среди которыхъ займетъ вопросъ о хорѣ.

И правда, по скольку дѣло касается послѣдняго, намъ

1) Ср. фигуру раба, служителя Адмета, въ „Алкестидѣ“ и образъ фригійца въ „Орестѣ“. См. A. Dietrich, *Pulcinella* (Leipzig 1897), 24.

придется согласиться съ тѣмъ, что комедія Менандра лишь завершила то, что начала комедія Аристофана, и завершила притомъ очень удачнымъ образомъ.

Такъ, напр., если уже Аристофанъ въ своемъ „Богатствѣ“ и „Экклезиазусахъ“ настолько отрываетъ хоръ отъ дѣйствія, что ограничиваетъ его участіе только „породомъ“ (*παροδος*); если уже Аристофанъ отнимаетъ у хора всѣ дальнѣйшія партіи и примѣняетъ его лишь для заполненія антрактовъ; если уже Аристофанъ сводитъ хоръ на положеніе дѣйствующаго лица, почти не играющаго роли въ дѣйствіи и исполняющаго случайные номера, настолько ничтожные, что они даже не принимаются въ текстъ пьесъ, а на выступленіе хора дѣлается простой намекъ черезъ помѣту *χοροῖ*, то комедія Менандра идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше.

Правда, она удерживаетъ хоръ, но она лишаетъ его всякой прямой причастности къ пьесѣ и къ развиваемой въ ней интригѣ; она вовсе не считаетъ нужнымъ обосновывать его появленіе какой нибудь специальной пѣсней, какъ дѣлалъ это Аристофанъ; она вводитъ его только тогда, когда кончается актъ и когда надо чѣмъ нибудь заполнить паузу, т. е., иными словами, она прибѣгаетъ къ нему, какъ къ музыкально-вокальной интермедіи. Мало того, если у Аристофана хоръ все время оставался на сценѣ, то у Менандра, насколько можно судить объ этомъ по его комедіямъ, онъ входилъ лишь въ концѣ каждого даннаго акта и затѣмъ, по минованіи въ немъ надобности, удалялся, дабы не мѣшать дѣйствію, естественное развитіе котораго вовсе не требовало присутствія группы постороннихъ лицъ, своего рода ненужныхъ свидѣтелей¹⁾.

Итакъ, „новая“ комедія или, вѣрнѣе, комедія Менандра, почти что покончила съ хоромъ, но поступая такъ и продолжая этимъ реформу Аристофана, она вмѣстѣ съ тѣмъ завершила и всю ту работу, которую до нея продѣлала уже „средняя“ комедія въ лицѣ Алексиды и другихъ своихъ представителей.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни стали мы смотрѣть на роль хора у Менандра, мы должны будемъ все таки признать,

1) Подробнѣе говорю я о роли хора у Менандра и вообще въ „новой“ комедіи въ „Третейскомъ судѣ“ (II, 11).

что въ этомъ отношеніи „новая“ комедія испытала на себѣ воздѣйствіе „древней“ и что это воздѣйствіе дало ей возможность отдѣлаться отъ такого придатка, который, оставаясь онъ въ своемъ прежнемъ положеніи, внесъ бы большую помѣху во все, и въ ходъ дѣйствія и въ преслѣдуемый Менандромъ реализмъ, т. е., въ то наиболѣе существенное, что и придавало менандровскимъ пьесамъ всю ихъ прелесть и красоту. А для того, чтобы понять все неудобство хора для реалистической драмы, достаточно вспомнить о хорѣ у Еврипида, о томъ хорѣ, который то и дѣло стѣснялъ поэта и который очень часто бывалъ у него лицомъ, неизвѣстно для чего присутствующимъ на сценѣ!

Спрашивается теперь, въ чемъ еще, если не считать хора, отразилась „древняя“ комедія на „новой“?

Я бы сказалъ, что она отразилась лишь въ одномъ, а именно, въ той формѣ пролога, которая даетъ его состоящимъ изъ діалогической сценки съ непосредственно идущимъ за этой сценкой разъяснительнымъ монологомъ.

И дѣйствительно, подобная форма пролога представляетъ собой чисто-аристофановскую манеру, являющуюся своего рода протестомъ литературнаго характера противъ манеры Еврипида, который любилъ начинать свои пьесы съ длинныхъ монологовъ-прологовъ, осмѣянныхъ между прочимъ Аристофаномъ въ его „Лягушкахъ“ и не заключающихъ въ себѣ, по правдѣ говоря, никакихъ художественныхъ красотъ и достоинствъ¹⁾.

Такъ вотъ этимъ аристофановскимъ прологамъ любилъ подражать и Менандръ, причемъ мы встрѣчаемъ ихъ у него не одинъ разъ, какъ показываютъ это „Герой“, „Третейскій судъ“ и „Отрѣзанная коса“, хотя съ другой стороны, если судить по „Земледѣльцу“, онъ строилъ иногда прологи и на еврипидовскій ладъ, т. е., начиналъ пьесы монологической рѣчью, въ которой заключались нѣкоторыя указашя, необходимые для пониманія дальнѣйшаго, и нѣкоторыя свѣдѣнія чисто-разъяснительнаго оттѣнка.

Но во всякомъ случаѣ, несмотря на все свое пристрастіе къ Еврипиду, Менандръ предпочиталъ первый способъ постройки прологовъ, т. е., способъ аристофановскій, и пред-

1) Aristoph., Ran., v 1197 sqq.

почиталъ его, по всей вѣроятности, потому, что онъ представлялъ собой нѣчто болѣе естественное и живое, да сверхъ того давалъ ему возможность выводить сразу нѣсколько лицъ и путемъ сопоставленія ихъ другъ съ другомъ сразу намѣчать основныя черты ихъ характеровъ.

Однако, если оставить въ сторонѣ прологи и еще кое-какія мелкія подробности структуры, о которыхъ въ виду ихъ незначительности я говорить не буду, то во всемъ остальномъ, а именно, и въ разныхъ частностяхъ сюжетнаго свойства, и въ способѣ веденія интриги, и въ нѣкоторыхъ деталяхъ структурнаго характера, — всюду замѣтимъ мы у Менандра слѣды еврипидовскаго воздѣйствія, которое можно прослѣдить съ достаточной наглядностью и которое, какъ мы это сейчасъ увидимъ, дѣлаетъ комедію Менандра настоящей продолжительницей трагедіи Еврипида.

Остановимся прежде всего на с ю ж е т а х ъ.

Какъ мы уже знаемъ, въ основѣ каждой менандровской пьесы лежитъ настоящая реальная жизнь, варьированная на разные лады и воспроизводящая разные оттѣнки современной Менандру дѣйствительности. Такимъ образомъ, съ этой стороны любое произведеніе нашего поэта является вполне оригинальнымъ и самобытнымъ. Но подобно тому, какъ въ распоряженіи Менандра находились и должны были находиться все однѣ и тѣ-же группы дѣйствующихъ лицъ, снабженные однѣми и тѣми же условными масками, точно также былъ ограниченъ онъ и цикломъ опредѣленныхъ сюжетовъ, выработанныхъ его предшественниками, поэтами „средней“ комедіи.

Эти сюжеты, столь же обязательные для него въ своихъ общихъ чертахъ, какъ было обязательно для трагиковъ пользованіе героическими сагами, и представляли собой тотъ заколдованный кругъ, за который нельзя было выйти, не порывая съ освященнымъ временемъ и привычкой традиціей. Единственное, что разрѣшалось и рекомендовалось, это — варьированіе деталей, варьированіе ихъ до безконечности, поскольку хватало фантазіи, умѣнья и изобрѣтательности. Т. е., иными словами, контуръ сюжета почти всегда оставался безъ перемѣны, мѣнялись только отдѣльные штрихи, да заполняющія контуръ краски!

Ввиду этого содержаніе почти каждой пьесы Менандра можетъ быть сведено къ слѣдующему. На первомъ планѣ

вырисовываются всегда фигуры молодой дѣвушки и юноши, причемъ главная роль лежитъ обыкновенно на послѣднемъ. Этотъ юноша или выступаетъ на положеніи несчастнаго любовника, котораго склоняють на бракъ не съ той, кого онъ любить, или же мы видимъ его въ роли молодожена, все несчастье котораго сводится къ тому, что у его жены есть внѣбрачный ребенокъ, или же, наконецъ, тотъ-же юноша рисуется передъ нами въ роли безумнаго ревнивца, страдающаго изъ за послѣдствій своей ревности. Что же касается до молодой женщины или дѣвушки, то и она, подобно своему партнеру, никогда не бываетъ счастлива, ибо въ жизни вѣднѣтъ настоящаго счастья.

Счастью героини мѣшаетъ обыкновенно очень многое. То, напр., оказывается она женщиной неизвѣстнаго происхожденія, не знающей своихъ родителей, а слѣдовательно, не могущей быть женой того, кто ей дорогъ; то, несмотря на внѣшнее благополучіе, страдаетъ она по другой причинѣ, а именно, потому, что подверглась насилію со стороны какого-то неизвѣстнаго, сдѣлалась благодаря этому матерью и хотя всячески скрывала свой грѣхъ, но не могла скрыть его окончательно. Онъ выходитъ наружу и даже выкидываніе ребенка, дабы онъ не былъ лишней обузой, не спасаетъ ее отъ горя: если она уже замужемъ, объ этомъ узнаетъ мужъ, если же она еще живетъ въ отцовскомъ домѣ, то ея позоръ доходитъ до свѣдѣнія ея близкихъ, которые, въ особенности же отцы, не всегда бываютъ мягки и благодушны.

Ну, а затѣмъ дѣло улаживается обыкновенно такъ, что или дѣвушка, если она считалась не гражданкой, находитъ своихъ родителей, которые признаютъ ее, чѣмъ и уничтожается всякая помѣха къ браку, или же выясняется, что насильникомъ дѣвушки былъ какъ разъ тотъ, за кого она, не зная, что онъ и есть ея насильникъ, вышла или собиралась выйти замужъ. Тогда тоже происходитъ взаимное примиреніе, незаконный ребенокъ становится законнымъ, и на смѣну недавнихъ тревоженій приходитъ семейное счастье и наступаетъ общее благополучіе.

Вотъ въ краткихъ чертахъ обычное содержаніе пьесъ Менандра, основой которыхъ является любовь, а главными дѣйствующими лицами — молодое поколѣніе, въ лицѣ юношей и дѣвушекъ, и старое, въ лицѣ наиболѣе характерныхъ своихъ представителей, а именно, отцовъ.

Но что всего любопытнѣе, такъ это то, что подобная, примѣненная къ сюжетамъ, группировка персонажей отразилась и въ греческомъ искусствѣ, которое, какъ показываетъ это Латеранскій рельефъ, воспроизводящій портретъ Менандра, тоже характеризуетъ менандровскую комедію тремя масками, а именно, масками юноши, дѣвушки, и старика¹⁾.

И въ самомъ дѣлѣ, на этомъ рельефѣ мы видимъ передъ собой нашего поэта, передъ которымъ, на нѣкоторомъ отъ него разстояніи, стоитъ его вдохновительница Муза. Глаза поэта устремлены на нее и въ ней какъ будто черпаетъ онъ свое вдохновеніе, чтобы излить его потомъ на тотъ папирусный свитокъ, который лежитъ развернутымъ на пультѣ, стоящемъ за столомъ съ масками.

Что же касается до масокъ, то ихъ три. Одну изъ нихъ, изображающую юношу, поэтъ держитъ въ рукѣ, какъ бы начиная съ нея обдумываніе сюжета. Но это и понятно. Въдѣ роли юноши отводилось почти всегда первенствующее мѣсто въ комедіи.

А затѣмъ въ нисходящемъ порядкѣ идутъ и двѣ другихъ маски, сперва маска дѣвушки, т. е., того персонажа, который наиболѣе тѣсно связанъ съ юношей и съ его ролью, а затѣмъ маска старика, третьяго дѣйствующаго лица, имѣющаго близкое отношеніе къ сюжету, если и не къ самому дѣйствию пьесы.

Итакъ, группировка масокъ на рельефѣ вполне соотвѣтствуетъ той группировкѣ, которая дается и въ комедіи тремъ вышеуказаннымъ персонажамъ, выраженнымъ въ искусствѣ соотвѣтствующими типическими образами. А съ другой стороны, эта группировка какъ бы подчеркиваетъ и тотъ фактъ, что какую бы пьесу Менандра мы ни взяли, вездѣ найдемъ мы однородный сюжетъ, въ которомъ всегда будутъ замѣшаны и старикъ, и юноша, и дѣвушка, — это вѣчное тріо, перекочевавшее въ комедію изъ трагедіи, и въ частности изъ трагедіи Еврипида.

Да, какъ это ни странно, но приходится сознаться, что всѣ эти сюжеты, въ которыхъ то и дѣло фигурируютъ либо

1) См. Bernoulli, Griechische Ikonographie, II, 114, а также Ame-ling, Die Antikensammlungen, 345 слл. (= Moderner Cicerone: Rom, I, Antike Kunst).

дѣвушки, подвергшіяся насилію, либо незаконныя дѣти, выбрасываемыя своими матерями, — что всѣ эти сюжеты, развиваемые такъ, что въ концѣ концовъ путемъ признація, путемъ ἀναγνωρισμός, все входитъ въ нормальную колею, — что всѣ эти сюжеты, повторяю я, находятъ себѣ аналогію въ особой группѣ еврипидовскихъ трагедій, въ той группѣ, въ которой выводятся дѣвушки, вступающія противъ своей воли въ связь съ богами или съ героями ¹⁾.

Отсюда ясно, что Менандръ, поскольку дѣло касается сюжетовъ, находился, какъ и во многомъ другомъ, въ сильной зависимости отъ Еврипида ²⁾, который какъ бы давалъ ему канву, взятую изъ цикла героическихъ сказаній, давалъ основу, которую Менандръ и переводилъ затѣмъ на языкъ обыденной жизни.

Но благодаря этому героическая сага сразу принимала повседневный оттѣнокъ и, переходя изъ царской обстановки въ мѣщанскую, сразу впитывала въ себя всѣ особенности послѣдней и дѣлалась благодаря этому неузнаваемой, а именно, опрощалась, очеловѣчивалась и становилась почти что похожей на правду.

А такъ какъ, съ другой стороны, выборъ подобнаго рода сюжетовъ для комедіи былъ освященъ традиціей, и такъ какъ нѣкоторыя частности мифовъ совпадали иногда съ реальной дѣйствительностью, то, несмотря на всю силу условности, которую содержалъ въ себѣ всякій такой сюжетъ, пьесы, его воспроизводящія, продолжали интересовать публику, какъ интересовали ее раньше и трагедіи, тоже черпавшія свой матеріалъ все изъ одного и того-же круга мифовъ.

Ввиду этого комедія, въ которую уже Аристофанъ на закатѣ своей дѣятельности внесъ, какъ необходимый мотивъ, φθοράν и ἀναγνωρισμός, т. е., подробности, включенныя въ трагедію Еврипидомъ ³⁾, — ввиду этого, говорю я, и ко-

1) Сюда относятся трагедіи Еврипида „Скованная Меланиппа“, „Алопа“, „Антиопа“, „Авга“, и „Іонъ“, а также „Тиро“ Софокла.

2) Ср. Satyr., Vita Eurip. (= H u p t, The Oxyrhynchus papyri, IX, 149: par. 1176, fr. 39, col. VII): πρόσ γυναῖκα καὶ πατρί | πρόσ υἱόν καὶ | θεράποντι | πρόσ δ/εσ/πό/την, ἢ τ[ῆ] κατὰ τὰς περὶ/πετείας, β[ί]α | σμῶς παρθέ | ρων, ὑποβόλ' αὖς παιδίων |, ἀναγνωρισμὸς | διὰ τε δακτυ | λίων καὶ διὰ δειρῶν ταῦτα | γὰρ ἐστὶ δῆπον | τὰ συνέχοντα τὴν νεω | τέραν κομῆ | διαν, ἢ πρόσ | ἄκρον ἤγαγεν | Εὐριπίδης.

3) См. стр. 2, прим. 2.

медія Менандра, несмотря на всю глубину своего психологического анализа и всю реальность своих персонажей, продолжала держаться за рядъ избитыхъ сюжетовъ, что и представляетъ собой ея главную тѣневую сторону, не менѣе уязвимую для критики, чѣмъ и тѣ несмѣняемыя группы лицъ, въ которыя даже Менандръ не рѣшился внести существенныхъ измѣненій и которыя онъ могъ обновить только тѣмъ, что сдѣлалъ изъ ходячихъ типовъ настоящіе индивидуальныя характеры.

Но если по отношенію къ сюжетной сторонѣ Менандръ проявлялъ мало оригинальности и ограничивался лишь тѣмъ, что шелъ по стопамъ Еврипида и своихъ предшественниковъ-комиковъ, то что можно сказать о способѣ веденія имъ интриги и нельзя ли и здѣсь усмотрѣть слѣдовъ еврипидовскаго вліянія?

Прежде всего не мѣшаетъ отмѣтить, что мы уже не встрѣчаемъ у Менандра той небрежности и слабости въ развитіи дѣйствія, которой отличается почти каждая комедія Аристофана, представляющая собой по большей части ничто иное, какъ установленіе опредѣленной темы и затѣмъ иллюстрированіе ея рядомъ примѣровъ. Благодаря этому обстоятельству, въ пьесахъ Аристофана нѣтъ, собственно говоря, настоящаго дѣйствія, руководимаго и проводимаго тѣмъ или другимъ персонажемъ, а есть просто на просто группа болѣе или менѣе занимательныхъ явленій чисто случайнаго характера.

Ничего подобнаго у Менандра, конечно, нѣтъ, да и быть не можетъ, ибо недаромъ же почти всегда и во всемъ старается онъ быть продолжателемъ еврипидовскихъ прецедентовъ и новшествъ. А у Еврипида какъ разъ и было, въ болѣе-шей даже степени, чѣмъ у остальныхъ трагиковъ, рѣдкое умѣнье вести дѣйствіе съ такимъ постепеннымъ подъемомъ эффектовъ и подробностей, что общее вниманіе и интересъ ни на минуту не ослабѣвали.

Приблизительно то-же самое видимъ мы и у Менандра, съ той, конечно, разницей, что у него, въ его пьесахъ, нѣтъ сгущенной трагической атмосферы и того подчасъ гнетущаго настроенія, которымъ такъ любилъ пользоваться „трагичнѣйшій изъ трагиковъ“.

Но это и понятно. Вѣдь Менандръ показывалъ обыкновенную жизнь и обыденные характеры, а слѣдовательно,

онъ не могъ пускаться въ воспроизведеніе какихъ либо героическихъ страстей или положеній. Онъ могъ и долженъ былъ стремиться только къ одному, что онъ и дѣлалъ, а именно къ тому, чтобы развить дѣйствіе съ извѣстнаго рода послѣдовательностью и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить ему извѣстнаго рода цѣльность. И дѣйствительно, если мы посмотримъ на дѣйствіе въ „Отрѣзанной косъ“, то мы увидимъ, какъ оно, сперва незначительное, постепенно растетъ и ширится, какъ оно захватываетъ все большее число лицъ, осложняется вставочными эпизодами, неожиданными случайностями, и въ концѣ концовъ превращается въ настоящую животрепещущую драму, захватывающую такъ или иначе всѣхъ причастныхъ къ ней лицъ.

Однако для достиженія этой цѣли Менандръ вовсе не прибѣгаетъ къ какимъ нибудь необычнымъ эффектамъ. Напротивъ того, средства, которыми онъ пользуется, до удивительности просты и естественны. Возьмемъ хотя бы „Третьскій судъ“ и посмотримъ, какъ ведется въ немъ интрига и какими способами поддерживается непрерывность дѣйствія.

Въ этой пьесѣ центръ тяжести лежитъ какъ будто въ кольцѣ Харисія, которое должно содѣйствовать признанію имъ ребенка и которое случайно попадаетъ въ руки Онисима, его довѣреннаго раба. А такъ какъ мы уже знаемъ отъ того же Онисима про все значеніе этого кольца, то мы понимаемъ, что именно черезъ его посредство пьеса и должна придти къ благополучному исходу. Такимъ образомъ, все отгадано и кажется, что вотъ-вотъ наступитъ развязка, и наступитъ въ тотъ самый моментъ, когда дѣйствіе только что началось и еще не успѣло развиться.

Да, но это только такъ кажется. Менандръ, какъ настоящій искусный драматургъ, умѣетъ задержать и усложнить дѣйствіе какъ разъ тогда, когда оно находится на ущербѣ, причемъ онъ умѣетъ сдѣлать это такъ, что грубый эффектъ, ввидѣ кольца, отходитъ на второй планъ, а на первый —, въ качествѣ естественнаго и отнюдь не придуманнаго носителя дѣйствія, выдвигается фигура арфистки Габротононъ, персонажа, лично заинтересованнаго въ открытіи тайны, а потому и берушаго на себя дальнѣйшее веденіе интриги. Т. е., иными словами, вмѣсто банальныхъ эффектовъ внѣшняго свойства, Менандръ прибѣгаетъ къ другому средству, а именно, къ пользованію тѣми эффектами, которые можно было бы

назвать психологическими, ибо весь послѣдующій ходъ интриги зависитъ отъ игры и проявленій характера самой Габротононъ, а вовсе не отъ кольца Харисія.

Но при этомъ роль Габротононъ нельзя назвать ролью резонера: эта роль такъ ловко вплетена въ роли другихъ персонажей и такъ тѣсно съ ними связана, что каждый шагъ, каждое слово арфистки имѣетъ подъ собой солидныя основанія и вмѣстѣ съ тѣмъ является настоящимъ импульсомъ къ дѣйствіямъ и поступкамъ другихъ лицъ, а слѣдовательно, и къ поступательному движенію всей пьесы.

Однако, говоря о рѣдкомъ искусствѣ Менандра усложнять и запутывать дѣйствіе съ помощью естественныхъ и наглядныхъ эффектовъ, я не могу сказать, чтобы это искусство проявлялось съ одинаковымъ блескомъ во всѣхъ его пьесахъ. Такъ, напр., его почти нѣтъ въ „Саміанкѣ“, гдѣ мы то и дѣло видимъ тѣ затрудненія, съ которыми приходится бороться поэту, чтобы заставить дѣйствіе идти впередъ, причемъ — и это гораздо хуже — оно идетъ и развивается не органическимъ путемъ, а путемъ придуманныхъ подробностей, которыя сами по себѣ изъ него не вытекаютъ.

Равнымъ образомъ, нельзя отрицать и того, что нерѣдко, несмотря на всю естественность развитія интриги, несмотря на всю занимательность и ловкость дѣйствія, чувствуется у Менандра, что всему этому сильно мѣшаютъ условныя традиціи комедіи, напр., это необходимое положеніе, чтобы каждая дѣвушка, играющая роль возлюбленной даннаго молодого человѣка и находящаяся почти что на положеніи *tegetrix*, — чтобы эта дѣвушка непремѣнно находила своихъ родителей, оказывалась бы полноправной гражданкой и путемъ сцены признанія (*ἀναγνώρισμός*) возстановлялась бы въ своихъ правахъ.

Вотъ эта частность, восходящая къ Еврипиду, мастеру въ постройкѣ подобныхъ сценокъ, очень часто вносить въ пьесы Менандра расколаживающее впечатлѣніе, причемъ, какъ можно судить объ этомъ по „Отрѣзанной косъ“, не всегда удается поэту и дѣлаетъ только то, что онъ, вообще оригинальный и самобытный, превращается здѣсь въ простаго ремесленника, воспроизводящаго съ рабской точностью всѣ детали своего оригинала.

Съ другой же стороны, всякая такая подробность, какъ

правильно отмѣчаетъ это Виламовицъ¹⁾, придаетъ комедіи Менандра нежелательную неестественность и почти что приближается по своему значенію къ пресловутому еврипидовскому *deus ex machina*, разрубающему узелъ слишкомъ туго затянувшейся интриги.

Но всѣмъ этимъ, нами указаннымъ и перечисленнымъ, не исчерпываются еще недостатки и недочеты менандровскихъ пьесъ, въ которыхъ находятся на лицо и другія тѣневныя стороны, въ большей или меньшей степени вредящія, какъ общему впечатлѣнію, такъ и главной цѣли поэта давать подлинный реализмъ, подлинную правду.

А впрочемъ я не буду отмѣчать всѣхъ этихъ недостатковъ, ибо они въ достаточной мѣрѣ, сами собой, выяснятся изъ текста пьесъ, приложенныхъ мною ниже. Я остановлюсь только на одной частности, наиболѣе интересной и вмѣстѣ съ тѣмъ такой, которая снова приведетъ насъ къ Еврипиду.

Въ чемъ же она заключается? Какъ мы уже говорили, Еврипидъ обыкновенно начинаетъ свои трагедіи съ разъяснительнаго монолога, который произносится либо однимъ изъ персонажей, принимающихъ участіе въ дѣйствіи, либо же лицомъ, которое выводится лишь для произнесенія пролога и которое затѣмъ исчезаетъ со сцены.

Такими лицами, появляющимися лишь на одинъ моментъ, бывають у него или боги — Афродита въ „Ипполитѣ“, Гермесъ въ „Іонѣ“, — или же какое-нибудь сверхчувственное существо, вродѣ тѣни Полидора въ „Гекубѣ“. Оторванные отъ дѣйствія, эти лица оказываются однако причастными къ нему съ той стороны, что передають зрителямъ о томъ, что было до начала пьесы, а также намекають на возможный исходъ послѣдней и наконецъ освѣдомляютъ зрителей о персонажахъ, которые сейчасъ предъ ними появятся.

Такъ вотъ точно такія же лица, и притомъ въ подобной же роли освѣдомителей, встрѣчаются и у Менандра, какъ показываютъ это фигуры Героя въ одноименной ему комедіи „Герой“ и Невѣдѣнія („*Ἀγνοία*“) въ „Отрѣзанной косъ“.

Но только въ отличіе отъ Еврипида ихъ монологи-прологи не открываютъ пьесъ, а идутъ непосредственно вслѣдъ

1) Wilamowitz-Moellendorf³, *Die griechische Literatur und Sprache*, 195 (= *Die Kultur der Gegenwart*, I, 8).

за вводной діалогической сценкой, которая вмѣстѣ съ этими монологами и образуетъ прологъ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

А такъ вообще рѣчи вышеуказанныхъ лицъ, или, вѣрнѣе, рѣчь „Невѣдѣнія“¹⁾, почти не отличаются отъ рѣчей соответствующихъ еврипидовскихъ персонажей, хотя бы, напр., Афродиты изъ „Ипполита“. И дѣйствительно, въ рѣчи Невѣдѣнія есть и указаніе на то, что было до начала пьесы, и намекъ на исходъ послѣдней и даже характеристика тѣхъ персонажей, которые будутъ играть въ пьесѣ главную роль²⁾, — однимъ словомъ, есть все, что нужно и что находится равнымъ образомъ и у Еврипида. Мало того, богиня Невѣдѣнія, какъ и еврипидовская Афродита, открыто сознается въ томъ, что она сама „заварила всю кашу“, хотя, впрочемъ, и не для худого, а исключительно „для счастья въ будущемъ“, — подробность, которая выгодно отличаетъ ее отъ Афродиты, грозящей Ипполиту и затѣмъ его уничтожающей.

Но эта подробность, вытекающая, такъ сказать, изъ самой сути комедіи, цѣль которой не потрясать зрителей, а развлекать и поучать ихъ, не имѣетъ, конечно, большого значенія и вовсе не мѣняетъ того общаго положенія, согласно которому выходить, что такіе персонажи, какъ Герой, Невѣдѣніе и т. д., создавались Менандромъ примѣнительно къ манерѣ Еврипида и что съ другой стороны эти персонажи не подходили къ общему тону его комедіи, коль скоро она хотѣла воспроизводить настоящую жизнь и настоящихъ, живущихъ этой жизнью, людей.

Однако правильнѣе будетъ не входить въ слишкомъ рѣзкую критику нѣкоторыхъ нежелательныхъ недостатковъ величайшаго представителя „новой“ комедіи, — правильнѣе будетъ потому, что эти недостатки являются, въ сущности говоря, не столько его личными недостатками, сколько общими недостатками того литературнаго вида, въ которомъ онъ работалъ.

И дѣйствительно, несмотря на всѣ вводимыя Менан-

1) Монологъ Героя не дошелъ до насъ и мы можемъ конструировать его лишь по аналогіи съ монологомъ Невѣдѣнія. См. I, 4.

2) Такъ, напр., и Афродита даетъ отличную характеристику дѣвственника Ипполита, старающагося быть въ сторонѣ отъ всего того, что можетъ повредить избранному имъ аскетическому образу жизни. Ср. Eurip., Hippol., 13 sqq. См. также Se h r t, о. с., 11 sq.

дромъ новшества, несмотря на всю оригинальность нашего поэта, которая главнымъ образомъ сказывается въ глубокомъ психологическомъ анализѣ и въ рѣдкой естественности создаваемыхъ имъ образовъ, онъ все таки не въ силахъ былъ порвать съ тогдашней традиціей, слишкомъ еще властной въ его эпоху и слишкомъ еще обязательной для того, чтобы съ ней можно было бороться даже такому таланту, какимъ былъ Менандръ. Всякое время диктуетъ вѣдь свои условія, подчасъ очень тяжелыя, условія, съ которыми приходится считаться поэтамъ, и если кое въ чемъ освобождаются послѣдніе отъ этихъ путъ, налагаемыхъ на нихъ привычкой, вкусами и развитіемъ современнаго имъ общества, то съ другой стороны кое-что изъ стараго остается при нихъ, и это старое, для насъ чужое, и является той тѣнью, которая неизгладимымъ пятномъ ложится на всѣ, даже самыя великія произведенія человѣческаго духа.

Ввиду этого странно было бы критиковать подобный архаическій налетъ: на него можно смотрѣть только съ исторической точки зрѣнія! Онъ интересенъ для насъ лишь какъ свидѣтель минувшихъ вкусовъ, какъ та внѣшняя форма выраженія, которая уже отжила, отжила въ то время, какъ не отжили прикрытыя ею идеи и образы вѣчной и нетлѣнной красоты.

Итакъ, оцѣнка Менандра и его творчества должна вестись, какъ и оцѣнка всякаго другого представителя античности, да и не только одной античности, по преимуществу въ томъ направленіи, чтобы выяснить всю индивидуальность поэта и все то новое, что было внесено имъ въ сокровищницу литературы.

Я и старался, по мѣрѣ силъ своихъ, сдѣлать это и мнѣ кажется, что мной въ достаточной степени показаны какъ тѣ вліянія, которымъ подвергался Менандръ, такъ и то самобытное, что ярко выдѣляетъ его изъ сонма другихъ поэтовъ „новой“ комедіи и благодаря чему онъ, говоря словами Квинтиліана ¹⁾, „omnibus eiusdem operis auctoribus abstulit nomen et fulgore quodam suae claritatis tenebras obduxit“.

Но объ одномъ еще не сказалъ я, а именно, о стилѣ Менандра, о томъ неподражаемомъ искусствѣ, съ которымъ пользуется онъ рѣчью при вкладываніи ея въ уста различныхъ

1) Quintil., Inst. orat., X, 1, 72.

представителей рисуемаго имъ общества, въ уста тѣхъ людей, которые, какъ видно это по его пьесамъ, рѣзко отличаются другъ отъ друга своимъ нравственнымъ складомъ, своими характерами, своимъ духовнымъ развитіемъ и наконецъ своимъ соціальнымъ положеніемъ.

Однако детальный разборъ этого вопроса, которому между прочимъ удѣляется не мало мѣста въ моемъ изслѣдованіи, былъ бы здѣсь, пожалуй, излишнимъ. А потому я считаю возможнымъ замѣнить его приведеніемъ одного въ высшей степени характернаго и краснорѣчиваго отзыва Плутарха, въ которомъ, помимо всего прочаго, дается и великолѣпная оцѣнка всего менандровскаго творчества, — оцѣнка, которая дѣлаетъ честь Плутарху, одному изъ самыхъ тонкихъ цѣнителей нашего поэта.

„Стиль Менандра“ — говоритъ Плутархъ¹⁾ — „такъ хорошо вытесанъ и до такой степени соразмѣренъ въ своихъ составныхъ частяхъ, что какую бы страсть, какой бы характеръ онъ ни выражалъ, и къ какимъ бы разнообразнымъ лицамъ ни примѣнялся, онъ остается всегда единымъ и сохраняетъ свою однородность несмотря на то,

1) Plut., Aristoph. et Menandri comparatio, 853 E—F (= Plutarchi moralia, ed. Bernardakis, V, 205): *Ἡ δὲ Μενάνδρου φράσις οὕτω συνέξεσται καὶ συμπέπνευκε κεκραμένη πρὸς αὐτὴν, ὥστε διὰ πολλῶν ἀγομένη παθῶν καὶ ἡθῶν καὶ προσώποις ἐφαρμόττουσα παντοδαποῖς μίᾳ τε φαίνεσθαι καὶ τὴν ὁμοιότητα τηρεῖν ἐν τοῖς κοινοῖς καὶ συνηθεῖσι καὶ ὑπὸ τὴν χρείαν ὀνόμασιν· ἂν δὲ τις οὖρα τερατείας εἰς τὸ πρᾶγμα καὶ ψόφον δέξῃ, καθάπερ αὐλοῦ πάντητον ἀνασπάσας ταχὺ πάλιν καὶ πιθανῶς ἐπέβαλε καὶ κατέστησε τὴν φωνὴν εἰς τὸ οἰκεῖον· πολλῶν δὲ γεγονότων εὐδοκίμων τεχνιτῶν, οὐθ' ὑπόδημα δημιουργὸς οὔτε προσωπεῖον σκευοποιὸς οὔτε τις ἱμάτιον ἥμα ταῦτὸν ἀνδρὶ καὶ γυναικὶ καὶ μειρακίῳ καὶ γέροντι καὶ οἰκότριβι πρέπον ἐποίησεν· ἀλλὰ Μενάνδρος οὕτως ἔμιξε τὴν λέξιν, ὥστε < μίαν αὐτὴν οὔσαν > πάσῃ καὶ φύσει καὶ διαθέσει καὶ ἡλικίᾳ σὺμμετρον εἶναι, καὶ ταῦτα νέος μὲν ἔτι τοῦ πράγματος ἀψάμενος, ἐκ ἀκμῆ δὲ τοῦ ποιεῖν τελευτήσας, ὅτε μάλιστα καὶ πλείστην ἐπίδοσιν, ὡς Ἀριστοτέλης φησὶ, λαμβάνει τὰ περὶ τὴν λέξιν τοῖς γράφουσιν· εἰ οὖν πρὸς τὰ πρῶτα τῶν Μενάνδρου δραμάτων τὰ μέσα καὶ τὰ τελευταῖα παραβάλοι τις, ἐξ αὐτῶν ἐπιγνώσεται, ὅσα ἔμελλεν, εἰ ἐπεβίω, καὶ τοῦτοῖς ἕτερα προσθήσειν. Слова: *μίαν αὐτὴν οὔσαν* дополнены мною. Ср. также Quint., Inst. orat., X, 1, 71: Ego tamen plus adhibe quiddam collaturum eum declamatoribus puto, quoniam his necesse est secundum condicionem controversiarum plures subire personas, patrum, filiorum, militum, rusticorum, divitum, pauperum, irascantium, deprecantium, mitium asperorum. In quibus omnibus mire custoditur ab hoc poeta decor.*

что пользуется самыми обычными и ходячими словами, теми словами, что на языкѣ у всѣхъ. А если иногда и бываетъ почему либо нужнымъ прибѣгать къ болѣе пышнымъ и звучнымъ выражешямъ, то Менандръ, подобно игроку на флейтѣ, открывъ на минуту всѣ клапаны, снова быстро и ловко закрываетъ ихъ и опять переводитъ звуковые тоны на обычный ладъ. Да, среди массы знаменитыхъ мастеровъ, ни одинъ, будь то сапожникъ или изготовитель театральной утвари, ни разу не сумѣлъ создать такой обуви, такой маски, или такого платья, которое подошло бы одновременно и къ мужчине, и къ женщинѣ, и къ юношѣ, и къ старцу, и къ рабу. Менандръ же составилъ такой языкъ, который, < будучи однороднымъ >, подходитъ темъ не менѣе къ любому характеру, къ любому настроенію, къ любому возрасту. И это сдѣлалъ онъ, несмотря на то, что приступилъ къ своему ремеслу еще совсѣмъ юнымъ, а умеръ въ томъ возрастѣ, когда начинается расцвѣтъ творчества и когда, по словамъ Аристотеля, каждый писатель начинаетъ дѣлать особенно большіе успѣхи въ искусствѣ владѣть рѣчью. И дѣйствительно, если сравнить раннія пьесы Менандра съ пьесами, созданными имъ въ срединѣ и въ концѣ его жизни, то легко будетъ понять, сколько бы новаго прибавилъ онъ и къ послѣднимъ, если бы суждено было ему прожить дольше“.

І.

Герой.

1.

Среди недошедших до насъ комедій Менандра находилась между прочимъ одна, носившая заглавіе „Герой“ (*Ἡρώς*). Незначительное число фрагментовъ, которые сохранились отъ нея¹⁾, а также недостаточный объемъ этихъ фрагментовъ (самый большой изъ нихъ не превышаетъ 3 строкъ) не позволяли, конечно, судить о томъ, каково было содержаніе пьесы и на чемъ по преимуществу могла сосредоточиваться ея интрига.

Только изъ одного фрагмента²⁾ можно было заключать, что и въ „Героѣ“, какъ во всякой другой пьесѣ „новой“ комедіи, любовный мотивъ игралъ свою обычную роль, оправдывая такимъ образомъ извѣстныя слова Овидія:

*fabula iucundi nulla est sine amore Menandri*³⁾.

Но само собой разумѣется, что подобное „заключеніе“ не давало никакихъ положительныхъ результатовъ, и комедія Менандра „Герой“ продолжала оставаться однимъ изъ тѣхъ неразрѣшенныхъ вопросовъ, которыми такъ богата наука классической филологіи.

До извѣстной степени этотъ пробѣлъ въ нашемъ знаніи былъ восполненъ только въ 1908 г., послѣ находженія знаменитаго Каирскаго кодекса, сохранившаго кромѣ отрывковъ изъ другихъ комедій еще и начало той пьесы, о которой идетъ рѣчь.

1) Meineke, *Fragm. com. graec.* IV, 128 sqq.; Kock, *Com. att. fragm.* III, 60 sq.; Kretschmar, *De Menandri reliquiis nuper repertis* (Lipsiae 1906), 59; A. Koerte, *Menandrea* (Lipsiae 1910), 8 sqq.; A. Koerte²⁾, *Menandrea* (Lipsiae 1912), 6 sqq.

2) *Fragm.* 209 (= Kock, *o. c.*, 60).

3) *Ovid. Trist.* II, 369.

Впрочемъ я долженъ оговориться. Въ рукописи заглавіе нашей пьесы не сохранилось; сохранилось только стоявшее за нимъ слово *ενανδρον* (читай *μενανδρον*), на мѣстѣ же заглавія находится лакуна, вмѣстимостью, приблизительно, въ 9 буквъ¹⁾. Но зато въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ комедіи [*τα τοῦ δράματος πρόσωπα*], въ томъ спискѣ, который идетъ въ рукописи вслѣдъ за стихотворнымъ *argumentum* пьесы (*ὑπόθεσις*), третье мѣсто по порядку занимаетъ персонажъ, обозначенный именемъ *ἥρωσ θεός*.

Обративъ вниманіе на это обстоятельство, первый издатель рукописи Лефевръ²⁾ предположилъ, что, по всей вѣроятности, пьеса, съ которой мы имѣемъ дѣло, и есть комедія Менандра *Ἡρώσ*, до тѣхъ поръ извѣстная намъ лишь по нѣсколькимъ фрагментамъ. Эта догадка Лефевра, въ правильности которой серьезно сомнѣвался только одинъ итальянскій ученый Массарі³⁾, нашла себѣ за послѣднее время самое блестящее подтвержденіе. Дѣло въ томъ, что среди новыхъ фрагментовъ Менандра, только что опубликованныхъ Лефевромъ въ его второмъ изданіи Каирскаго кодекса⁴⁾, оказался одинъ, имѣющій отношеніе къ нашей пьесѣ и уже извѣстный намъ раньше изъ Стовея (Flor. 104,13), какъ принадлежащій къ комедіи „Герой“⁵⁾. Такимъ образомъ, всякія сомнѣнія въ правильности гипотезы Лефевра отпадаютъ сами собою, и мы съ полной увѣренностью можемъ сказать, что пьеса, открывающая собой Каирскую рукопись, есть дѣйствительно „Герой“ Менандра, а не какая либо другая комедія того же автора.

Къ сожалѣнію, обогащая насъ новыми отрывками изъ „Героя“, Каирскій кодексъ даетъ намъ не опредѣленный комплексъ сценъ, а всего на всего одну вводную сценку діалогическаго характера, заключающую въ себѣ 52 стиха. Эта сценка вмѣстѣ съ предшествующимъ ей заглавіемъ, спискомъ дѣйствующихъ лицъ и краткимъ стихотворнымъ *argumentum*

1) A. Koerte, o. c., XIII; A. Koerte², o. c., 1.

2) Lefebvre, Fragments d'un manuscrit de Ménandre (Le Caire 1907), 3.

3) Berl. phil. Woch. 1909, col. 1131—1133. Ср. возраженія Koerte, o. c., XIII и Церетели, Комедія Менандра Герой (С. Петербургъ 1911), 5 слл.

4) Lefebvre², Catalogue général des antiquités égyptiennes au Musée de Caire No. 43227: Papyrus de Ménandre (Le Caire 1911), XX.

5) Fragm. 211 (= Kock, o. c., III, 60). Первымъ указалъ на это A. Koerte, Menanders Heros (= Berl. phil. Woch. 1911, col. 1421).

пьесы занимаетъ одинъ папирусный листокъ, т. е., двѣ страницы (лицевую и оборотную), которыя, если судить по помѣтамъ наверху листа, были 29 (ж) и 30 (л) страницами рукописи. Кромѣ того, къ нашей комедіи относятся еще нѣсколько маленькихъ папирусныхъ обрывковъ, исписанныхъ съ обѣихъ сторонъ и содержащихъ въ общемъ 32 неполныхъ стиха, представляющихъ собой остатки двухъ сценокъ діалогическаго характера.

Объ этихъ сценкахъ мы еще будемъ говорить ниже; пока же я скажу, что одна изъ нихъ начинала собой новый актъ пьесы, а другая принадлежала, повидимому, къ числу тѣхъ сценокъ, съ которыхъ начинался поворотъ дѣйствія *ad incipidos exitus*.

Такимъ образомъ, мы въ общей сложности получаемъ 84 новыхъ стиха¹⁾, изъ которыхъ очень многіе дошли до насъ въ почти непоправимомъ видѣ — до такой степени они пострадали — и съ помощью которыхъ намъ приходится оперировать при реконструкціи комедіи. Конечно, прибавка эта, какъ можно видѣть, не отличается большими размѣрами. Но, можетъ быть, она содержитъ въ себѣ какія нибудь особенно цѣнныя свѣдѣнія?

На это пусть отвѣтитъ сперва самъ текстъ, сохранный Каирской рукописью, а затѣмъ уже, основываясь на немъ, мы посмотримъ, можно ли намъ братья за приблизительную реконструкцію пьесы и за выясненіе разныхъ частныхъ, такъ или иначе съ ней связанныхъ²⁾.

* * *

Герой Менандра.

Дѣвица, мальчика и дѣвочку родивъ,
Ихъ старостѣ-рабу сдала на воспитанье,
И вышла за того, кто соблазнилъ ее . . .
А рабъ, не вѣдая, что соблазнитель дѣтямъ —
Отецъ родной, ему ихъ отдалъ въ кабалу . . .

1) Если не считать 12 стиховъ, приходящихся на *argumentum* комедіи. Съ этими же стихами всѣхъ новыхъ стиховъ будетъ 96.

2) Переводъ сдѣланъ по изданію А. Koerte², *Menandrea* (Lipsiae 1912), 1 sqq., но во вниманіе приняты также Sudhaus, *Menandri reliquiae nuper repertae* (Bonnae 1909), 55 sqq.; J. van Leeuwen², *Menandri quatuor fabularum . . . fragmenta nuper reperta* (Lugd. — Batav. 1908), 1 sqq. и др.

Влюбился въ дѣвушку какой-то рабъ, считая
 Рабынею ее. Тѣмъ временемъ сосѣдъ
 Надъ этой дѣвушкой успѣлъ свершить насилье...
 Взять на себя вину рѣшился рабъ, а мать,
 Не зная истины, разгнѣвалась ужасно.
 Когда жъ открылось все, старикъ призналъ дѣтей,
 И въ жены дѣвушку охотно взялъ насильникъ.

Дѣйствующія лица пьесы.

Гета	Софрона.
Давъ	Сангарій.
Герой, богъ	Горгій.
Миррина	Лаксесь.
Фидій	

Гета.

Должно быть, ты, мой Давъ, порядкомъ наблудилъ,
 И вотъ теперь дрожишь: боишься, что засадятъ
 На мельницу тебя, въ колодки... Такъ и есть!
 А то къ чему бъ тебѣ за голову хвататься,
 Къ чему рвать волосы?¹⁾ Скажи, о чемъ ревешь?

5

Давъ.

Ой, лихо мнѣ!

Гета.

Дуракъ! Смекаю я въ чемъ дѣло...
 Но знаешь, если ты деньжонокъ понабралъ, —
 Ты долженъ былъ отдать ихъ мнѣ... на сохраненье,
 Чтобъ получить потомъ, когда дѣла твои
 Въ порядокъ бы пришли! Я отъ души жалѣю,
 Что ты попалъ въ просакъ!

10

Давъ.

Я, право, не пойму,
 Про что ты говоришь... Со мной стряслось другое!

1) Изъ словъ Геты: *τί τὰς τρίχας τίλλεις*, Robert, *Die Masken der neueren attischen Komödie* (Halle 1911), 54, выводитъ, что маска, которую носилъ Давъ, была снабжена длинными волосами, такъ что актеръ, игравшій Дава, могъ теревить ихъ — *τίλλειν*, или, иначе, что маска Дава была маской *ἡγεμὼν* (*θεράπων*) *ἐπίσειστος* (Poll. IV, 149).

Гета.

Откройся мнѣ: я — другъ!¹⁾

Давъ.

Слышь, Гета, я пропасть!

Гета.

Да что съ тобой, глупышь?

Давъ.

Ахъ, не брани, дружище,
Влюбленного!

Гета.

Чего? Ты любишь?

Давъ.

Да, люблю...

15

Гета.

Ну, видно, баринъ твой кормилъ тебя не въ мѣру
И вышло дѣло дрянъ: ты зажирѣлъ, мой Давъ!²⁾

Давъ.

Я сердце потерялъ, лишь запримѣтилъ въ домѣ
Дѣвицу чудную... она подъ пару мнѣ!

Гета.

Рабыня, значить, да?

1) При переводѣ я слѣдовалъ дополненію Leo:

ἀρ' οὐ φίλῳ λέγοισ ἄν;

2) Мой переводъ не является дословной передачей Менандровскаго текста, который звучить такъ:

*πλέον δυοῖν/ σοι/ χοινίῳ δ' δεσπότης
παρέχει · πονηρόν Δᾶ· ὑπερδαιπνεῖς ἴσω.*

Но я думаю, что въ общемъ мысль поэта передана мной вѣрно. Вѣдь Гета хочетъ сказать только то, что Давъ, получая, повидимому, большій паекъ, чѣмъ полагается получать рабу, оказывается перекормленнымъ, т. е., что онъ зажирѣлъ, съ жиру бѣсится.

Давъ.

Нѣтъ, не совсѣмъ... отчасти. —
У насъ, въ Птелеяхъ, жилъ пастухъ одинъ, рабомъ
Онъ въ молодости былъ, носилъ онъ имя „Тибій“,
А жилъ съ двумя дѣтьми, — съ двоешками, какъ самъ
Ихъ называлъ, — съ Плангѡ... въ нее я и влюбился...

20

Гета.

Смекнулъ.

Давъ.

И съ Горгіемъ: такъ юношу зовуть!

25

Гета.

Не этотъ юноша у васъ за стадомъ смотреть?

Давъ.

Онъ самый... Ну, такъ вотъ былъ голодъ, и старикъ,
Отецъ ихъ, Тибій, взялъ на пропитанье дѣтокъ,
У насъ... у барина въ долгъ мину серебра,
Потомъ еще одну, ну, а затѣмъ... онъ померъ!

30

Гета.

Знать, третьей мины въ долгъ твой баринъ не ссудилъ?

Давъ.

Пожалуй, что и такъ... На погребенье Горгій
Деньжонокъ призналъ, похоронилъ отца,
Честь-честью сдѣлалъ все, и къ намъ съ сестрой явился,
Чтобъ отработать долгъ...

Гета.

Ну, а Плангѡ, — та чѡ?

35

Давъ.

Она — при барынѣ, прядетъ съ ней шерсть, по дому
Распоряжается... Такая ужъ она, —
Смѣешься, Гета? Да?

Гета.

Ей богу, и не думалъ!

Давъ.

Такая скромная, и что за барскій видъ!

Гета.

И это будетъ все? — Скажи, шаги какіе
Тобою сдѣланы?

40

Давъ.

Клянусь Геракломъ я,
Что никакихъ шаговъ исподтишка не дѣлалъ!
Я барину во всемъ открылся, ну, а онъ
Плангò мнѣ въ жены дать пообѣщалъ и съ братомъ
Ея поговорить.

Гета.

Ишь какъ тебѣ везетъ!

45

Давъ.

А въ чемъ везетъ, скажи? Три мѣсяца ужъ будетъ,
Какъ Лахесъ по дѣламъ на Лемнось укатилъ! —
Надѣюсь все же я! — Вотъ только-бъ онъ вернулся —

Гета.

Какой ты преданный!

Давъ.

И съ выгодой притомъ!

* * *

Мной оставлены безъ перевода 4 неполныхъ стиха, которые идутъ за словами „и съ выгодой притомъ“ (*ὄνησις εἶη*) и которые въ рукописи имѣютъ слѣдующую форму:

ὄνησις εἶη: πολὺ π[
50 *φρονεῖς . εὐω γὰρ κα[*
θυσάμιν ἀνονητόν . σ[
ω ξυλοφορῶ [

Смыслъ этихъ стиховъ для меня не совсѣмъ ясенъ, а потому я воздерживаюсь отъ ихъ дополненія, хотя бы и *exempli gratia*. Что же касается до попытокъ другихъ ученыхъ, то

наиболѣ смѣлымъ оказался американскій ученый Capps¹⁾, подѣ рукой котораго весь пассажъ принялъ такой видъ:

ἄνησις εἶη: πολὺ π[ρεπόντως καὶ καλῶ]
φρονεῖς · ἐγὼ γάρ κα[τὰ] πένησιν ὦν σφοδρὸν ἂν ἐρεῶν]
θύσαιμι ἄλλισι, νῆ τὸν Πο[σειδῶν, τοῖς θεοῖς].
ὦ ξυλόφορ' [εἰς θυσίαν σὺ δεῦρο φέρε ταχὺ]
[πλήθος ξύλων].

Я не могу сказать, чтобы эта реконструкция Capps'а казалась мнѣ удачной. Не говоря уже о томъ, что греческій языкъ не отличается въ ней менандровскимъ изяществомъ и правильностью²⁾, она, на мой взглядъ, не совсѣмъ вѣрно передаетъ и тѣ мысли, которыя поэтъ хотѣлъ, повидимому, вложить въ уста Геты. Не вѣрнѣ ли будетъ разсуждать слѣдующимъ образомъ: Гета, который всё время относится съ насмѣшкой къ чувствованіямъ и переживаніямъ Дава, не измѣняетъ своей тактики и въ вышеприведенныхъ стихахъ. Мысли Дава кажутся ему неподходящими къ рабскому положенію послѣдняго. Ему чудится, что Давъ *μεῖζον ἢ κατὰ δοῦλον φρονεῖ*. И вотъ онъ заявляетъ, что если бы ему пришлось, паче чаянія, очутиться, какъ Даву, въ положеніи любящаго, онъ не сталъ бы ввиду этого радоваться и не сталъ бы приносить благодарственныхъ жертвъ (ст. 2 : *θύσαιμι*'), такъ какъ, по его мнѣнію, въ любви нѣтъ никакой выгоды (ст. 3 : *ἀνόνητον*) для того, кто находится на положеніи *ξύλοφορος*, т. е., человѣка подъяремнаго, несвободнаго. Само собой разумѣется, что эти слишкомъ уже матеріальные доводы Геты не могли не вызывать возраженія со стороны Дава, въ глазахъ котораго холодность Геты къ любви объяснялась просто на просто тѣмъ, что Гета еще не успѣлъ испытать на себѣ всей силы Эроса. Но въ такомъ случаѣ естественнымъ продолженіемъ ст. 52, казалось, могъ бы быть fr. 345 (= Kock, III, 100),

1) Capps, On the text of Menander's 'Επιτρέποντες with notes on the Heros (= American Journal of philology, XXX (1909), 36). Ср. также Capps, Four plays of Menander (Boston 1910), 19.

2) Да не постѣуетъ на меня почтенный американскій ученый, но я долженъ сказать, что греческій языкъ его дополненій нѣсколько напоминаетъ собой тѣ невозможныя конъектуры, которыми изобилуетъ пресловутое изданіе Менандра, сдѣланное Unus multorum (The lately discovered fragments of Menander by Unus Multorum, 2 edition, Oxford, 1909).

отнесенный къ нашей пьесѣ и въ частности къ бесѣдѣ рабовъ уже Лео¹⁾:

Α. οὐ πάποτε' ἠγάσθησ Γέτα.

Α. οὐ γὰρ ἐνεπλήσθη. Т. е.

А. Ты, Гета, не любилъ!

В. Гдѣ тутъ! Я до сыта ни разу не наѣлся!

Къ сожалѣшю, этому, какъ будто, мѣшаетъ одно обстоятельство, на которое обратилъ вниманіе Vollgraff²⁾, а именно: при отнесеніи fr. 345 къ нашей пьесѣ шутка насчетъ связи между τὸ ἐραῖν и τὸ κατεσθίειν окажется повторенной въ одной и той же сценѣ дважды, что было бы на мѣстѣ въ фарсѣ и чему нѣтъ мѣста въ серьезной комедіи. Въ силу этого, пожалуй, правильнѣе будетъ считать, что отмѣченный нами отрывокъ принадлежалъ къ какой-то другой пьесѣ Менандра, въ которой тоже выступалъ рабъ Гета и въ которой тоже велась бесѣда о любви³⁾. Вѣдь подобныя повторенія однихъ и тѣхъ-же мыслей, мотивовъ и ситуаций являются для „новой“ комедіи (и не только для нея) вещью очень обыкновенной, — своего рода правиломъ!

Сверхъ того, если на первый взглядъ и можетъ показаться, что отр. 345 вноситъ новый, дополнительный штрихъ въ характеристику Дава и Геты⁴⁾, то при ближайшемъ разсмотрѣніи и это впечатлѣніе окажется ошибочнымъ, ибо на самомъ дѣлѣ никакой существенной прибавки мы благодаря отрывку не получаемъ: мы имѣемъ въ немъ лишь блѣдную кошію стиха 16. Такимъ образомъ, и съ эстетической и съ формальной точекъ зрѣнія отр. 345 долженъ быть исключенъ изъ нашей сценки, какъ нѣчто къ ней неподходящее и лишнее.

1) Leo, Der neue Menander (= Hermes, 43 (1908), 127, прим. 1). Ср. также Carps, Four plays of Menander, 19, который дѣлаетъ fr. 345 непосредственнымъ продолженіемъ ст. 53: онъ помѣщаетъ его сразу послѣ словъ: πλῆθος ξύλων.

2) Vollgraff, Menandrea (= Charakteres, Friedrich Leo zum sechzigsten Geburtstag dargebracht, 59).

3) Такъ, напр., Мейнеке (о. с., IV, 170) относитъ fr. 345 къ комедіи Менандра Μισοῦμενος, въ которой, какъ намъ извѣстно изъ отрывковъ, выступалъ рабъ, по имени Гета, причемъ этому рабу его господинъ, воинъ Θрасонидъ, и повѣрялъ всѣ свои сердечныя тайны.

4) Я такъ и думалъ раньше. См. Церетели, Комедія Менандра Герой (С. Петербургъ 1911), 12.

Относительно же самой сценки, какъ таковой, мы должны сказать, что она является не только великолѣпнымъ введеніемъ, въ которомъ въ общихъ чертахъ намѣчается завязка и возможный ходъ дѣйствія, но и рѣдкой по жизненности и экспрессіи картиной, въ которой выступаютъ два, точно снятыхъ съ натуры, человѣка, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга какъ своимъ внутреннимъ содержаніемъ, такъ и своими вкусами и потребностями. И дѣйствительно, Гета¹⁾ и Давъ это — двѣ противоположности, два контраста, взаимно отбѣняющіе другъ друга, два опредѣленныхъ типа съ рѣзко выраженной индивидуальностью. Давъ — это типъ мечтателя, типъ человѣка, въ которомъ, несмотря на всю приниженность его соціального положенія, не замерла, не заглохла способность сильныхъ чувствованій и глубокихъ переживаній. Не одни вопросы матеріальнаго характера затрагиваютъ его душу. Кромѣ нихъ онъ доступенъ и вопросамъ сердечнаго свойства, но доступенъ не съ грубой, не съ животной стороны, — наоборотъ, вся его любовь къ Плангѣ отличается мягкими и нѣжными тонами. Давъ, такъ сказать, поэтизируетъ её, и потому грубый намекъ Геты (стихъ 40), понимающаго любовь въ духѣ древней комедіи, въ смыслѣ удовлетворенія похоти, вызываетъ съ его стороны горячую и наивную отповѣдь. Онъ торопится выяснить своему товарищу всю ошибочность его предположеній насчетъ разныхъ, яко-бы предпринятыхъ „шаговъ“, онъ хочетъ доказать ему, что въ немъ, въ Давѣ, говорить настоящая любовь, а не вспышка минутной страсти. И въ устахъ Дава эти его доводы звучатъ такъ трогательно, съ такой опредѣленностью и прямою, что любой *adulescens* „но-

1) По характеру своей роли Гета былъ, повидимому, *прѡσωπον протатаχόν*, т. е., былъ тѣмъ персонажемъ, подъ которымъ, говоря словами Доната (Andr. praef. 8), „ea persona intelligitur, quae semel inducta in principio fabulae in nullis demceps fabulae partibus adhibetur“. По поводу *прѡσωπα протатаχѣ* вообще см. Leo²⁾, *Plautimische Forschungen* (Berlin 1912), 243 слл. Ср. также Leo, *Der neue Menander* (= Hermes, 43 (1908), 126), гдѣ онъ ограничиваетъ свою мысль о томъ, что „wir können für Menander kein einziges *прѡσωπον протатаχόν* nachweisen“. Какъ на *прѡσωπον протатаχόν* смотреть на Гету и Carps, *Pour plays of Menander*, 6. По прежнему, чему слѣдуетъ удивляться, рѣшительно отрицаетъ наличность *прѡσωπα протатаχѣ* у Менандра W. Schmid въ Christ³⁾, *Geschichte der griech. Litteratur*, II, 33. Относительно *прѡσωπα протатаχѣ* у Филемона см. Dietze, *De Philemone comico*. Diss. (Gotttingae 1901), 64.

вой“ комедіи блѣднѣетъ, какъ типъ любовника, передъ этой фигурой влюбленнаго раба ¹⁾).

Но фигура Дава, какъ это ни странно, стоитъ сравнительно одиноко въ греко-римской комической литературѣ. Правда, типъ „влюбленнаго“ раба встрѣчаемъ мы еще въ лицѣ Токсила изъ комедіи Плавта *Persa* ²⁾). Однако, на мой взглядъ, разница между Давомъ и Токсиломъ настолько значительна, что о настоящемъ сходствѣ говорить почти что нельзя. Вѣдь это сходство заключается, въ сущности говоря, только въ самомъ фактѣ влюбленности, но отнюдь не въ отношеніи къ любимой дѣвушкѣ.

Правда, мнѣ могутъ возразить, что еще неизвѣстно, какъ развивался типъ Дава при поступательномъ движеніи комедіи. Мнѣ могутъ сказать, что тотъ легкій романтическій налетъ, который лежитъ на немъ въ начальной сценкѣ, могъ сглаживаться и пропадать въ дальнѣйшемъ. Но вѣрно ли это? Я думаю, что нѣтъ и думаю такъ потому, что если судить по *argumentum* пьесы (ст. 9), то выходитъ, что Давъ даже вырастаетъ въ своемъ благородствѣ, а не только не утрачиваетъ его. Вѣдь любовь Дава оказывается настолько глубокой и прочной, что онъ рѣшается взять на себя даже вину позора дѣвушки, позора, къ которому онъ вовсе непричастенъ, лишь бы только не потерять Плангѳ, не быть разлученнымъ съ нею. Въ виду всего этого я продолжаю видѣть въ лицѣ Дава рѣдкій и интересный типъ влюбленнаго раба, типъ, стояній по даннымъ, въ него вложеннымъ, довольно одиноко и сиротливо среди другихъ извѣстныхъ намъ типовъ греческой и римской комической литературы ³⁾.

Впрочемъ, поскольку дѣло касается благородства Дава, то безусловно правъ Б. В. Варнеке ⁴⁾), считающій, что „по своимъ нравственнымъ качествамъ рабъ изъ *Adelphoe* Теренція“ немногимъ уступаетъ рабу нашей пьесы. И дѣйстви-

1) Очень плохо и поверхностно разобранъ типъ Дава въ недавно вышедшей работѣ A. di Bella, *La commedia di Menandro* (Catania 1912), 77, а также 59 sq.

2) См. Legrand, *Les nouveaux fragments de Ménandre* (= *Revue des études anciennes*, X (1908), 18; Б. В. Варнеке, *Новыя комедіи Менандра* (Казань 1909), 14.

3) Ср. A. Koerte, *Menander* (= *Archiv für Papyrusforschung*, IV (1908), 506).

4) Б. В. Варнеке, *о. с.*, 15.

тельно, привязанность этого раба къ его госпожѣ, Со-
стратѣ, настолько сильна и искренна, что подѣ вліяніемъ
ея онъ забываетъ о личныхъ выгодахъ и думаетъ только
объ интересахъ своей domīna и ея дочери ¹⁾. Но помимо
этого Теренціевскій рабъ останавливаетъ на себѣ внима-
ніе и той чистотой нравственныхъ принциповъ, которая
такъ чужда благороднымъ юношамъ „новой“ комедіи и такъ
присуща ему, несмотря на всю его „худородность“. Отсюда
ясно, что его можно сопоставлять съ нашимъ Давомъ и
видѣть въ немъ одну изъ разновидностей типа „благороднаго“
раба, взятаго только въ иномъ положеніи, а именно, въ поло-
женіи слуги, преданнаго „безъ лести“. Но такъ какъ origi-
наль Adelphoe восходитъ къ Менандру ²⁾, то ничто, кажется,
не мѣшаетъ намъ думать, что созданіе даннаго типа или,
беря вопросъ шире, типа „благороднаго“ раба вообще, есть
дѣло рукъ нашего поэта.

Лишнимъ же доказательствомъ въ пользу того, что Ме-
нандръ вообще любилъ останавливаться на обрисовкѣ рабовъ
вышеуказаннаго характера, служить, между прочимъ, его
комедія *Πλόκιον*, въ которой, по свидѣтельству Авла Геллія ³⁾,
тоже выступалъ *servus bonae frugis*, по имени Парменонъ.

Съ помощью замѣчаній Геллія, а также нѣсколькихъ сохра-
нившихся фрагментовъ, мы можемъ въ общихъ чертахъ пред-
ставить себѣ фигуру Парменона и можемъ видѣть, что кое
въ чемъ онъ напоминалъ собой Гету изъ Adelphoe Теренція.
Подобно Гетѣ Парменонъ былъ глубоко преданъ своему
хозяину; подобно Гетѣ онъ скорбѣлъ о матеріальныхъ нуж-
дахъ послѣдняго и, наконецъ, узнавъ случайно о несчастіи,
постигшемъ хозяйскую дочь, онъ, какъ и Гета, всей душой
отзывался на этотъ новый ударъ, выпавшій на долю семьи,
близкой его сердцу. „*Timet, frascitur, suspicatur, miseretur*,

1) Ср. Adelph., v. 299 sqq., а также v. 479 sqq.:

hic Geta

Praeterea, ut captus est servorum, non malus

Neque iners: alit ilias, solus omnem familiam

Sustentat.

Ср. также Donat. Adelph. III, 2, 3: nostra in servo fides: primum se ponnit
in erili malo et post se matrem, in ultimo puellam.

2) Ср. Donat. Adelph. praef. III, 8: facta autem haec una est de duabus
fabulis, Adelphis Menandri et Comorientibus Diphili.

3) Aul. Gell. Noct. att., 2, 23, 15.

dolet“, — говоритъ про него Геллій, и затѣмъ добавляетъ: *bi omnes motus eius affectationesque animi in graeca quidem comoedia mirabiliter acres et illustres.*

Но коль скоро Менандръ умѣлъ и любилъ рисовать подобные типы, коль скоро ему доставляло удовольствіе показывать зрителямъ, что и простой рабъ можетъ быть доступенъ самымъ тонкимъ чувствованіямъ и переживаніямъ, то въ такомъ случаѣ онъ является какъ бы прямымъ продолжателемъ Еврипида.

Вѣдь Еврипидъ, который не разъ въ своихъ трагедіяхъ съ любовью останавливался на вопросѣ о рабахъ, какъ о людяхъ, не только первымъ отошелъ отъ обычнаго взгляда на раба, какъ на *πῆμα τι ἔμψυχον*, но и первымъ рѣшился сказать, что и рабъ можетъ быть благороднымъ (*γενναῖοο, ἐσθλόο*), если только къ нему, какъ къ человѣку, можно будетъ приложить слѣдующія слова:

*δοῦλον γὰρ ἐσθλὸν τοῦτον' οὐ διαφθερεῖ,
πολλοὶ δ' ἀμείνουσι εἰσι τῶν ἐλευθέρων*¹⁾.

Мало того, эту апіорную мысль Еврипидъ постарался иллюстрировать наглядными примѣрами, въ результатѣ чего рабы его трагедій какъ бы поднялись надъ уровнемъ своего приниженнаго соціальнаго положенія и почти что сравнялись въ смыслѣ человѣческаго достоинства съ героями, въ свою очередь утратившими подъ рукой трагика свое прежнее сверхъ-человѣческое величіе²⁾. Однимъ словомъ, рабъ у Еврипида сталъ такимъ же человѣкомъ, какъ и его господинъ, а господинъ сталъ смотрѣть на раба, какъ на существо, близкое ему и родное, какъ на человѣка, на котораго можно поло-

1) *Fragm. 511 (= Nauck², Trag. gr. fragm., 524). Ср. также fr. 831 (= Nauck², o. c., 630):*

*πολλοῖσι δοῦλοισι τοῦτον' αἰσχρὸν, ἢ δὲ φρὴν
τῶν οὐχὶ δοῦλων ἐστ' ἐλευθερωτέρῃ.*

2) См. *Dietrich, Pulcinella*, 23; *Ribbeck², Geschichte der römischen Dichtung*, I, 72; *Masquerey, Euripide et ses idées*, 354. Ср. также *Usener, Dion. Hal. lib. de imit. reliquiae*, 21, 13: *Εὐριπίδῃ μέντοι τὸ ὄλον ἀληθὲς καὶ προσεχὲς τῷ βίῳ τῷ νῦν ἤρεοεν· ὕθεν τὸ πρέπον αὐτὸν καὶ κόσμῳ πολλὰ τοῦ διέφυγεν, καὶ οὐχὶ τὰ γεννικὰ καὶ μεγαλοφύῃ τῶν προσώπων ἦθη καὶ πάθη κατώρθωσεν.* Наоборотъ про Софокла тотъ же Діонисій говоритъ: *Σοφοκλῆο δὲ ἐν τοῖς < ἡθεοὶ καὶ τοῖς > πάθεσι διήνευκεν τὸ τῶν προσώπων ἀξίωμα τηρῶν* (o. c., 21, 11).

житься, которому можно вѣрить и въ которомъ можно найти поддержку въ минуту горя или несчастія. Такъ, Креуза въ „Іонѣ“ не считаетъ для себя унижительнымъ говорить старому дядькѣ своего отца, что она питаетъ къ нему чисто дочернюю привязанность (ст. 733 сл.):

*ἐγὼ δὲ σ', ὥσπερ καὶ ἀπὸ πατέρ' ἐμὸν ποτε,
δέσποιν' ὄμωσ' οὖσ' ἀντικηδεύω πατρός.*

Мало того, она смотритъ на него, какъ на свою единственную поддержку, какъ на человѣка, которому можно повѣдать и горе и радость (ст. 730 сл.):

*σὺν τοῖς φίλοις γὰρ ἡδὺ μὲν πρόσσειν καλῶς.
ὃ μὴ γένοιτο δ', εἴ τι τυγχάνει κακόν,
εἰς ὄμματ' εὖνου φωτὸς ἐμβλέψαι γλυκὺ.*

Приблизительно такъ-же, хотя и съ оттѣнкомъ добродушной насмѣшки, относятся и Электра въ одноименной ей трагедіи къ старому воспитателю Агамемнона (ст. 502 сл.) и Менелай въ „Еленѣ“ къ вѣстнику (ст. 702), не говоря уже объ Алкестидѣ, которая по словамъ раба была для всей челяди настоящей матерью (ст. 767 сл.). Въ свою очередь рабы и рабыни то и дѣло подчеркиваютъ свою привязанность къ господамъ и свое желаніе быть имъ полезными, особливо въ тяжелыя минуты ихъ жизни. Такъ поступаетъ *παιδαγωγός* въ „Электрѣ“ (ст. 489 сл.), старый рабъ въ „Ифигеніи Авлидской“ (ст. 44 сл.), вѣстникъ въ „Еленѣ“ и т. д. Приэтомъ на разные лады то и дѣло повторяется мысль о томъ, что хорошій рабъ долженъ откликаться на страданія своихъ господъ, долженъ выискивать средства для оказанія помощи, — однимъ словомъ, долженъ жить жизнью своихъ хозяевъ.

Ср. Med., v. 54: *χρηστοῖσι δούλοις ξυμφορὰ τὰ δεσποτῶν
κακὸς πίττονται καὶ φρεσὼν ἀνδράπτεται.*

Hyppol., v. 286: *οὐ μὴν ἀνήσω γ' οὐδὲ νῦν προθυμίας,
ὥς ἂν παροῦσα καὶ οὐ μοι ξυμμαρτυρῇς,
οἷα πέφυκα δυστυχοῦσι δεσπόταις.*

Hel., v. 726: *κακὸς γὰρ ὅστις μὴ σέβει τὰ δεσποτῶν
καὶ ξυγγέγηθε καὶ συνωδίνει κακοῖς.*

И поступая такъ, всякій преданный рабъ или рабыня чувствуютъ себя не только удовлетворенными, но и гордыми

въ сознаніи того, что ихъ образъ дѣйствій даетъ имъ право на признаніе въ нихъ благородства духа, какъ бы несомѣстимаго съ ихъ рабски-приниженнымъ положеніемъ. Ср., напр., слова вѣстника въ „Еленѣ“ (ст. 723 слл.):

*ἐγὼ μὲν εἶην καὶ πέφυχ' ὁμῶς λάτρις,
ἐν τοῖσι γενναίοισιν ἡριθμημένος
δοῦλοισι, τοῦτον μ' οὐκ ἔχων ἐλεύθερον,
τὸν νοῦν δέ.*

Наконецъ, всѣ эти еврипидовскіе рабы и рабыни, будь то педагогъ, кормилица, вѣстникъ или простой слуга, — всѣ они такъ или иначе дѣйствуютъ вмѣстѣ со своими *δεσπόται*, и притомъ дѣйствуютъ иногда такъ, что какъ бы направляютъ ходъ даннаго событія (ср. роль педагога въ „Электрѣ“, кормилицы въ „Ипполитѣ“, педагога въ „Іонѣ“, стараго раба въ „Ифигеніи Авлидской“), т. е., иными словами, они являются настоящими носителями дѣйствія, чего мы не видимъ у рабовъ, выводимыхъ Эсхиломъ и Софокломъ.

Итакъ, Еврипидъ, остановившись на вопросѣ о рабахъ, мало по малу достигъ того, что подъ его рукой сложился особый типъ слуги, слуги вѣрнаго, преданнаго, иногда дѣйствительно благороднаго, и притомъ живущаго интересами тѣхъ, кому онъ служитъ.

Но этому типу еще не хватало индивидуализаціи: онъ былъ слишкомъ еще общимъ, онъ былъ своего рода контуромъ, который надо было заполнить живыми красками для того, чтобы изъ типа сдѣлать характеръ. Этимъ и занялась „новая“ комедія и по преимуществу Менандръ, истинный носитель и продолжатель еврипидовскихъ завѣтовъ и мыслей. Но очень возможно, что созданный Еврипидомъ типъ раба, прежде чѣмъ стать достояніемъ „новой“ комедіи, уже обратилъ на себя вниманіе комедіи „средней“. Правда, доказать этого мы не можемъ, но мы можемъ привести одинъ довольно характерный примѣръ, какъ будто подтверждающій наше предположеніе. Я имѣю въ виду отрывокъ изъ комедіи Теофила *Ἀπόδημοι* ¹⁾. По крайней мѣрѣ, въ этомъ отрывкѣ выводится рабъ, привязанный къ своему господину и не рѣ-

1) *Frägm. 1* (= Kock, II, 473). Этотъ отрывокъ отмѣченъ уже у Guizot, Ménandre (Paris 1855), 278, 1.

шающійся покинуть послѣдняго ввиду тѣхъ благодѣяній, которыя были ему оказаны. Конечно, этотъ, насколько мнѣ извѣстно, единичный примѣръ самъ по себѣ говоритъ не много, но всё таки игнорировать его мы не должны, ибо, поскольку дѣло касается типа благороднаго раба, этотъ отрывокъ является своего рода посредствующимъ звеномъ между трагедіей Еврипида и комедіей Менандра.

Итакъ, Еврипидъ создалъ типъ слуги, преданнаго „безъ лести“; „средняя“ комедія переняла этотъ типъ, а „новая“, усвоивъ его надлежащимъ образомъ, еще болѣе его очеловѣчила, углубила и придала ему чисто-индивидуальныя черты, причемъ даже основная еврипидовская мысль о томъ, что преданный рабъ незамѣнимъ въ несчастіи, — даже эта мысль нашла себѣ отраженіе въ слѣдующемъ отрывкѣ Менандра:

*ὅταν ἀτυχῇ τις, εὐνοοῦντος οἰκέτου
οὐκ ἔστιν οὐδέν κτῆμα ἄλλιον βίῳ¹⁾.*

Переходимъ теперь къ собесѣднику Дава, къ рабу Гетѣ, рѣчью котораго и открывается вводная сценка. Я уже говорилъ выше, что Гета является полной противоположностью Даву. Причиной же этой противоположности служить то, что Давъ — мечтатель, а Гета — практикъ, и практикъ грубый, неспособный, повидимому, отвлекаться отъ матеріальныхъ выгодъ.

Взятый подъ такимъ угломъ зрѣнія, Гета, какъ отдѣльный типъ, не представляетъ собой чего-либо новаго, намъ абсолютно неизвѣстнаго. Подобныхъ рабовъ въ „новой“ комедіи много, причемъ, въ сущности говоря, всѣ они являются лишь развѣтвленіями того обычнаго типа раба²⁾, зачатки котораго, еще не вполне стилизованные, можно видѣть

1) *Fragm.* 644 (= Коск., III, 190). Характеренъ также fr. 857 (= Коск., III, 229):

ἐλευθέρως δουλεύει · δοῦλος οὐκ ἔσει,

въ которомъ выраженіе *ἐλευθέρως δουλεύειν*, представляя собой великолѣпный примѣръ *δξύμωρον*, вполне соотвѣтствуетъ теренцевскому *liberaliter servire*. Ср. *Donat. Andr.* 1, 1, 11: <liberaliter> bene, quia omne bonum libero aptum est, malum servo.

2) Объ этомъ типѣ намъ еще придется говорить впоследствии при разборѣ другихъ комедій Менандра. Поэтому я не останавливаюсь пока на исторіи его возникновенія и постепеннаго развитія.

уже у Аристофана въ лицѣ Каріона изъ „Богатства“ или Ксанеіа изъ „Лягушекъ“. Вотъ этимъ „однимъ изъ многихъ“ будетъ и Гета. Онъ настоящій рабъ, пронирыливый, хитрый, не чуждый грубости, не понимающій того, что заходитъ за рамки подневольной жизни, а если и понимающій, то лишь односторонне, въ матеріальномъ смыслѣ. Т. е., иными словами, несвободное, зависимое положеніе отразилось на немъ въ полной силѣ и сдѣлало изъ него такое существо, про которое, повторяя слова Еврипида, можно сказать, что оно

*γαστήρ ἀπαντα, τοῦ πλίσω δ' οὐδὲν σκοπεῖ*¹⁾).

Въ силу этого ему чужды какія бы то ни было высокія побужденія. Онъ не понимаетъ ихъ, они кажутся ему лишними. По его мнѣнію, суть жизни въ иномъ, — въ деньгахъ, въ хорошей ѣдѣ и т. д. Недаромъ, замѣтивъ тоску и растерянность Дава, онъ приписываетъ ихъ денежной потерѣ. Недаромъ, узнавъ о любви пріятеля, онъ иронизируетъ надъ его сытостью. Вѣдь по мнѣнію Геты любить можетъ только тотъ, кто сытъ, кому незачѣмъ заботиться о своемъ пропитаніи²⁾. Рабу же не къ лицу заниматься любовью, ибо врядъ ли обычный рабскій паекъ можетъ вызывать какія либо другія чувства, кромѣ чувства голода. Если же Давъ любить, то это значить, что онъ, зажирѣвъ и заѣвши³⁾, забылъ о своемъ рабскомъ положеніи и хочетъ

1) Alex. fr. 49 (= Nauck², о. с., 375).

2) Старая мысль, которую слѣдующимъ образомъ выразилъ уже трагикъ Ахей (= Nauck², о. с., 748):

*ἐν μὲν κεφαλῇ γὰρ γαστρὶ τῶν καλῶν ἔρωσ
οὐκ ἔστι· πεινῶσιν γὰρ ἡ Κυπρία πικρά.*

Не иначе высказывается на этотъ счетъ и Еврипидъ. Ср. fr. 895 (= Nauck², о. с., 647):

ἐν πλησιμονῇ τοι Κυπρία, ἐν πεινῶντι δ' οὔ.

А затѣмъ эта мысль становится достояніемъ комедіи и дѣлается однимъ изъ „общихъ мѣстъ“, повторяемыхъ на разные лады. Ср. Men. mon. 156 (= Meineke, Menandri et Philemonis reliquiae, 318):

ἔρωτα πανεὶ λιμὸς ἢ χαλκοῦ σπάνισ.

3) Въ текстѣ (ст. 17) стоитъ глаголъ *ὑπερδαιπνεῖν*, который я перевелъ словомъ: „зажирѣлъ“. т. е., иными словами, я взялъ глаголъ не въ прямомъ, а въ переносномъ смыслѣ, приравнявъ его, согласно Гесихію, выраженію *ὑπερτροφᾶν*. Ср. Leeuwen², о. с., 8. Наоборотъ, Vollgraff (о. с.,

тянуться вслѣдъ за богачами, которые одни только и имѣютъ право любить, ибо они — сыты, ничѣмъ не заняты и ни на что нужное не способны¹⁾. Однимъ словомъ, изъ рѣчей Геты явствуется, что для него на первомъ планѣ стоятъ матеріальныя выгоды, и только. Но зато въ немъ чувствуется ловкость, сила и смекалка, чего у Дава нѣтъ и въ поминѣ. Поэтому Давъ возбуждаетъ въ Гетѣ легкое презрѣніе, какъ человѣкъ непутящій, безпомощный, и Гета всё время смѣется надъ нимъ то открыто, то подъ сурдинку, подобно тому, какъ въ X идилліи Теокрита такую же насмѣшку вызываетъ со стороны практичнаго Милона любовная тоска мечтательнаго Букея.

Я намѣренно отмѣтилъ это сходство между идилліей Теокрита и нашей сценкой, ибо считаю его не случайнымъ. И дѣйствительно, въ идилліи, какъ и въ нашей сценкѣ, сопоставлены два противоположныхъ типа, — типъ практика и типъ мечтателя; въ идилліи, какъ и у Менандра, причиной, вызывающей разговоръ, служитъ удрученное состояніе одного изъ собесѣдниковъ, обращающее на себя вниманіе другого; въ идилліи, какъ и у насъ въ сценкѣ, исповѣдь любящаго встрѣчаетъ насмѣшку со стороны его товарища. Однимъ словомъ, общность ситуациіи несомнѣнна. Но помимо этого и отдѣльныя выраженія у Теокрита, не будучи, правда, тождественны съ менандровскими, всё таки напоминаютъ ихъ, хотя бы на манеръ реплики, не передающей всѣхъ деталей своего оригинала²⁾.

Этотъ отмѣченный мною фактъ сходства очень любопытенъ и поучителенъ. Вѣдь онъ, если я не ошибаюсь, еще

59) брать *ὑπερδεικνύν* въ смыслѣ *ὑπερδείξειν* и передаетъ его черезъ „in sepa cibo nimis largiter se invitare“, что, на мой взглядъ, только ослабляетъ мысль Менандра и дѣлаетъ её слишкомъ мало красочной. Хорошимъ же синонимомъ къ *ὑπερδεικνύν* былъ бы глаголъ *ὑπερμαζάν*, который Аэиней (р. 663 В) толкуетъ такъ: *τὸ τρυφᾶν καθ' ὑπερβολὴν ὑπερμαζάν*, и который въ приложеніи къ неумѣстной любви употребленъ между прочимъ Алкифрономъ (I, 21): *ὑπερμαζᾶσ ἢ μέμνησ; ἀκοῶν γὰρ σε λυρῶδοῦ γυναικὸς ἔρᾶν*.

1) Ср. Alciph. I, 16, 2 (ed. Schepers): *πόθεν γὰρ ποτε εἰς ἀλίεα δούτηνον ἀγαπητῶς τῇ ἀναγκᾷ ἐκπορίζοντα διατροφὴν ἔρωσ ἐνέσκηψε καὶ ἐνταλὸς οὐκ ἀνίστην, ἀλλ' ἴσα τοῖς πλουσίοις καὶ ὠρικοῖς νεανίσκοις φλέγομαι; καὶ ὁ ποτε γελῶν τὸ ὄν ἐκ τρυφῆς οὐκ ἀδουλεύοντασ ὅλος εἰμὶ τοῦ παθόνος*.

2) Ср. слѣдующіе стихи X идилліи: ст. 10—11, ст. 13—15, а также ст. 19—20.

разъ подчеркиваетъ ту зависимость, которая существовала между Θεокритомъ и драмой, — въ частности, между Θεокритомъ и „новой“ комедіей¹⁾. То же обстоятельство, что идиллія выдержана въ нѣсколько иномъ тонѣ, что она, несмотря на весь свой реализмъ, „окрашена въ значительно болѣе сентиментальную краску“²⁾, — это обстоятельство, думается мнѣ, не ослабляетъ приведенныхъ нами соображеній. Я полагаю даже, что иначе и быть не могло, ибо, во-первыхъ, Θεокритъ не есть простой подражатель, но оригинальный поэтъ, а во-вторыхъ, буколическій жанръ, въ которомъ онъ работалъ, хотя и былъ, подобно драмѣ, однимъ изъ видовъ мимическаго, всё таки предъявлялъ иныя требованія, да къ тому же подчинялся инымъ законамъ, инымъ вкусамъ.

2.

Переходимъ теперь къ другому вопросу, который для насъ является не менѣе важнымъ, чѣмъ вопросы, нами уже затронутые, а именно, къ вопросу о томъ, мыслимо ли на основаніи *arguimentum* и сценки возстановить съ приближительной точностью содержаніе комедіи и, если мыслимо, то въ чемъ это содержаніе заключалось. На первый взглядъ можетъ показаться, что рѣшить этотъ вопросъ не такъ трудно и что отвѣтъ на него будетъ безусловно положительный. Вѣдь *arguimentum*, каковъ бы онъ ни былъ, даетъ намъ остовъ пьесы; сценка же, въ свою очередь, знакомитъ съ началомъ комедіи, съ двумя участвовавшими въ ней персонажами, и, наконецъ, съ нѣкоторыми подробностями, лежащими въ основѣ интриги. Кромѣ того, мы располагаемъ спискомъ дѣйствующихъ лицъ въ порядкѣ ихъ выступленія на сцену и нѣсколькими, правда незначительными, фрагментами.

Къ сожалѣнію, весь этотъ матеріалъ оказывается недостаточнымъ для *настоящей* реконструкціи, — отчасти по винѣ *arguimentum*³⁾, который, будучи слишкомъ краткимъ и

1) Ср. Legrand, *Etude sur Théocrite* (Paris 1898), 111. На связь X идилліи съ комедіей указываетъ и Vollgraft, о. с., 59.

2) Такъ думаетъ Б. В. Варнеке (о. с., 93), который правильно отмѣчаетъ тотъ фактъ, что такъ какъ Букей любитъ *τινὰ τῶν ἀπρόκτων*, то его любовь получаетъ нѣсколько иной отгѣнокъ.

3) По поводу составленія и нашего *arguimentum* и всѣхъ тѣхъ, которыми снабжены комедіи Аристофана (кромѣ „Облаковъ“), а также „Эдипъ

путаннымъ, не можетъ служить надлежащимъ поясненіемъ къ сохранившемуся тексту. Въ виду этого при реконструкціи комедіи на многое приходится отзываться незнашемъ, многого совсѣмъ не затрогивать и вообще судить обо всемъ съ большой проблематичностью и неопредѣленностью. Тѣмъ не менѣе, кое-какихъ результатовъ добиться все-таки можно, причемъ эти результаты въ общемъ сведутся къ слѣдующему.

Судя по бесѣдѣ рабовъ, дѣйствіе пьесы происходитъ не въ Аѳинахъ, а за чертой города, въ предѣлахъ дема „Птелеи“, принадлежавшаго къ филѣ *Oiveto*¹⁾. На это указываютъ слова Дава, (ст. 21):

У насъ, въ Птелеяхъ, жилъ пастухъ одинъ, рабомъ
Онъ въ молодости былъ, носилъ онъ имя „Тибій“,

а также слѣдующій фрагментъ, который произносило одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи (fr. 9. Koerte²⁾):

Охотникомъ, сюда изъ города прибывшимъ,
Я груши дикія хотѣлъ бы показать.

Отсюда ясно, что и сцена должна была изображать собой или сельскій видъ или, просто, большую дорогу, на которую выходили два дома, — одинъ, принадлежащій хозяину Дава, Лахесу, а другой — Фидію, т. е., тому юношѣ-сосѣду²⁾, о которомъ упоминается въ *argumentum* (стихъ 7) и имя котораго фигурируетъ на пятомъ мѣстѣ въ спискѣ *τῶν τοῦ δράματος προσώπων*. Далѣе изъ той же бесѣды мы узнаемъ, что Лахесъ по торговымъ дѣламъ отбылъ на Лемнось (ст. 47), что дома находится только его жена Миррина (ст. 36), и что при ней въ качествѣ помощницы состоитъ та самая Плангѣ, въ которую влюбленъ Давъ.

царь“ и „Филоктетъ“ Софокла см. Michel, *De fabularum graecarum argumentis metricis*. Diss. (Gissae 1908). Согласно доводамъ Michel'я, на мой взглядъ приемлемымъ, выходитъ, что время составленія этихъ *argumenta* падаетъ на II—I вв. до Р. Хр. Наоборотъ, по мнѣнію Leo²⁾ (Plaut. Forschungen, 22) ихъ надо относить къ III в. до Р. Х., а по мнѣнію Willamowitz-Moellendorf (Euripides Herakles, I, 145) — къ императорской эпохѣ, что врядъ ли правильно: противъ этого говорить отчасти метрика, отчасти языкъ!

1) Löper, *Die Trittyen und Demen Attikas* (= *Ath. Mittheilungen*, XVII, 405).

2) Имя Фидіи прилагается въ „новой“ комедіи обыкновенно къ юношамъ. См. Wagneke, *Mepandrea* (= *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1909, февраль, отд. класс. филол., 69).

Однимъ словомъ, мы видимъ передъ собой картину мирной, чисто-буржуазной жизни, гдѣ всё идетъ по налаженному и гдѣ врядъ ли можно предполагать наличность какихъ нибудь бурь и тревоженій. По крайней мѣрѣ, Давъ не знаетъ ни о чемъ подобномъ. А между тѣмъ оказывается, что дѣло обстоитъ нѣсколько иначе; что былъ моментъ въ жизни Миррины, когда ея благополучію грозила опасность, и что, наконецъ, въ ея прошломъ есть тайна, которая до сихъ поръ еще не вышла наружу. Правда, всё это было уже очень давно, цѣлыхъ 18 лѣтъ тому назадъ¹⁾, когда Миррина еще не была замужемъ. Но тѣмъ не менѣе всё это было, а потому не исключена возможность, что когда-нибудь давно минувшее событіе вскроется: надо только, чтобы въ дѣло вмѣшался Случай!

Въ чемъ же заключается тайна Миррины? Она заключается въ томъ, что Миррина, будучи дѣвушкой, подверглась насилию со стороны какого-то юноши, который остался ей неизвѣстенъ; т. е., иными словами съ ней случилось то самое, что случилось съ Мирриной изъ „Земледѣльца“, съ Памфилой изъ „Третьякаго суда“ и со многими другими дѣвушками „новой“ комедіи. Произошло же это событіе либо на какомъ нибудь ночномъ празднествѣ (*παννυχία*, *pervigilium*)²⁾, какъ видимъ мы это въ „Третьякомъ судѣ“ и въ *Πλόμιον*³⁾ Менандра, въ *Epidicus* и въ *Aulularia* Плавта⁴⁾, либо въ деревнѣ, согласно слѣдующимъ словамъ Эліана: *εἰ δέ ποιν μεθύων κόρη περιπέσοις ἄβραν ἀνακαλούσῃ ἢ τὴν τίτθην ὑπολειφθεῖσθαι εὐρεῖν περὶωμένη τάχα τι καὶ θερμὸν δράσειο καὶ νεανικὸν ἔργον*⁵⁾.

Во всякомъ случаѣ, результатомъ насилія было то, что

1) „ἔτη“ σὶν ὀκτὼ καὶ δέκ” — такъ начинается 19-ый стихъ изъ тѣхъ 32 стиховъ, которые находятся на папирусныхъ обрывкахъ, упомянутыхъ мной выше (стр. 45.)

2) Ael. hist. an., VII, 19: ἤκουσα δὲ κυνοκεφάλου καὶ παρθένου ἐπιμαρῆναι καὶ μέντοι καὶ βιάσασθαι ὑπὲρ τὰ μικρὰ μεράκια τὰ τοῦ Μενάνδρου ἐν ταῖς παννυχίσιν ἀκόλαστα. Ср. также Philostr. epist. 47 (vol. II, p. 248, ed. Kayser): δοκεῖσθαι δέ μοι μηδὲ Θεσπιακῇ τις εἶναι, πάντως γὰρ ἂν τῷ Ἑρωτὶ ἔθνεσ, μηδὲ Ἀττικῇ, τὰς γὰρ παννυχίδας καὶ τὰς ἐορτάς καὶ τὰ Μενάνδρου δράματα οὐκ ἂν ποτε ἡγρόησας.

3) Aul. Gell., Noct. att., 2, 23, 15: filia hominis pauperis in pervigilio vitata est.

4) Epidic., v. 540 sq.; Aulul., v. 36.

5) Aelian. epist. rust. 15 (= Epistolographi graeci, ed. Hercher, 21).

Миррина родила двухъ близнецовъ, — мальчика и дѣвочку, которыхъ, какъ говорить *argumentum*, отдала на воспитаніе какому-то рабу (мы знаемъ, что его звали Тибіемъ), занимавшему — надо думать у родителей Миррины — мѣсто *ἐπιτροπος*, т. е., старосты ¹⁾.

Слова „отдала на воспитаніе“ не значать, конечно, что Миррина собственноручно вручила малютку Тибію: для этого она могла воспользоваться услугами преданной рабыни, вѣроятно, той самой Софроны ²⁾, имя которой фигурируетъ въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти слова заставляютъ думать, что Миррина знала, кому переданы ея дѣти, такъ какъ, если бы дѣло обстояло иначе, то выраженіе *ἔδωκεν ἐπιτρόπῳ τρέφειν* не имѣло бы смысла. Или, можетъ быть, авторъ *argumentum* выразился не достаточно точно? Можетъ быть, ввиду этого его слова не нужно понимать буквально, но слѣдуетъ подобно van Leeuwen'у думать, что дѣти были отданы такъ, „ut et Myrrhina ignoraret quid de prole sua factum esset et Tibius ignoraret ex quibus parentibus nati essent illi gemelli“ ³⁾. Koerte, въ своемъ первомъ изданіи комедій Менандра ⁴⁾, такъ и думалъ, причемъ обосновывалъ свое мнѣніе на ст. 10: *οὐκ εἰδύλα δ' ἦ μήτηρ ἄραν ἐδυσχέραινε* — „а мать по невѣдѣнію разгнѣвалась очень сильно“.

Чего же, спрашивается, Миррина не вѣдала? Того, что она — мать Плангѡ? Если да, то, конечно, авторъ *argumentum* не имѣлъ права говорить, что „она отдала своихъ дѣтей Тибію“. И дѣйствительно, зная, гдѣ и у кого находятся дѣти, а затѣмъ

1) Ср. Xenoph. Oecon. 12, 2: *ἀλλὰ τοι, ὦ Σώκρατες, ἔφη δ' Ἰσχόμαχος, οὐδ' ἐκεῖνά μοι ἀμελεῖται, ἀ σὺ λέγεις· ἔγω γὰρ ἐπιτροπος ἐν τοῖς ἀγροῖς.*

2) Имя „Софрона“ прилагается обыкновенно къ рабынямъ, и въ частности къ рабынямъ-нянямъ. Ср. „Третьейскій судъ“ Менандра, а также „Евнуха“ и „Форміона“ Теренція, гдѣ въ спискахъ дѣйствующихъ лицъ выступаетъ *Sophrone nutrix*. Это имя надо восстанавливать и у Long. Pastoral., IV, 21 (ed. Seiler): вмѣсто рукописнаго *Σωφροσύνην* слѣдуетъ читать *Σωφροδύνην*.

3) I. van Leeuwen², *Menandri quatuor fabularum fragmenta nuper reperta* (Lugd. Batav. 1908), 3. Ср. Capps, о. с., 7, 1: *Tibius has no knowledge of the children's origin, nor Myrrhina and Sophrone of their fate.* — Иначе думалъ van Leeuwen въ первомъ изданіи комедій Менандра. Ср. его слова (р. 5): *Myrrhine... gemellos... clam enixa a Tibieo pastore... impetravit, ut is pro suis eos liberos educaret.*

4) A. Koerte, о. с., XIV.

послѣ смерти Тибія, видя ихъ около себя, какимъ образомъ могла Миррина не вѣдать, что она — мать Плангѡ и Горгію? Да, но развѣ это хотѣлъ сказать авторъ *argumentum*? Онъ хотѣлъ, повидимому, сказать другое, а именно, что мать не зная истины, т. е., думая, что ея, хотя бы и незаконная, дочь изнасилована рабомъ, пришла въ разстройство, въ отчаяніе. Такъ понимаетъ стихъ 10 Мепоззі¹⁾, такъ переданъ онъ и мной въ моемъ переводѣ:

а мать,
не зная истины, разстроилась ужасно.

Въ тѣсной связи съ толкованіемъ даннаго стиха находится и вся дальнѣйшая реконструкція нашей комедіи. Поэтому не мѣшаетъ провѣрить еще разъ это толкованіе хотя бы съ точки зрѣнія слѣдующаго, вполне возможнаго возраженія. Мепоззі думаетъ, что Миррина разстроилась потому, что считала оскорбителемъ своей дочери раба. Значить, если бы роль насильника сыгралъ человѣкъ свободный, то Миррина отнеслась бы къ несчастію дѣвушки спокойно? Конечно, не спокойно, но спокойнѣе, — и вотъ по какой причинѣ. Внѣ всякаго сомнѣнія, Миррину не оставляла надежда на то, что со временемъ ей удастся найти отца своихъ дѣтей или съ помощью вещественныхъ признаковъ (ср. кольцо Харисія въ „Третьейскомъ судѣ“, а также перстень Памфила въ Несуга Теренція), или же благодаря какому нибудь счастливому стеченію обстоятельствъ. Но коль скоро Плангѡ оказалась бы дочерью свободного гражданина, то исчезли бы всѣ препятствія къ ея браку съ насильникомъ, подъ условіемъ, что послѣдній тоже — человѣкъ свободный. Зато совсѣмъ въ иномъ положеніи оказывалось дѣло, разъ дѣвушка стала жертвой простого раба. Въ этомъ случаѣ выхода для Плангѡ почти что не было. Итакъ, я думаю, что Мепоззі правъ и что то объясненіе, которае онъ даетъ стиху 10, будетъ гораздо естественнѣе и понятнѣе обычнаго объясненія, предложеннаго van Leeuwen'омъ и принятаго другими.

Значить, согласно нашему представленію, дѣло съ Мирриной обстоило приблизительно такъ. Тайкомъ передавъ

1) Мепоззі, Sull' *Howo* di Menandro (Firenze 1908), 12. Не иначе, независимо отъ Мепоззі, толкуетъ этотъ стихъ и Vollgraf (о. с., 57—58), причемъ съ нимъ соглашается теперь и Koerte² (о. с., XVII).

дѣтей, черезъ посредство преданной ей Софроны, на попеченіе стараго раба, который, надо думать, зналъ, чьи дѣти ему переданы¹⁾, Миррина могла вздохнуть свободно: помѣха къ выходу замужъ была устранена²⁾, а за сохраненіе тайны ручалась преданность Софроны и Тибія. Прикрывъ такимъ образомъ свой дѣвическій грѣхъ, Миррина, по волѣ случая, вышла замужъ, какъ разъ за виновника своего позора, причемъ ни онъ, ни она не узнали³⁾ другъ друга и благодаря этому тайна ихъ первой встрѣчи осталась не вскрытой. Что же касается до дѣтей, порученныхъ Тибію, то Миррина не теряла ихъ изъ виду. Напротивъ того, она знала, гдѣ они находятся, тѣмъ болѣе, что Тибій жилъ по сосѣдству, но — уже на положеніи свободнаго человѣка, такъ какъ успѣлъ получить вольную отъ своихъ бывшихъ господъ. Впрочемъ, эта вольная, въ силу которой Тибій, какъ *ἀπελευθέρωσ*, вошелъ въ сословіе метиковъ, не отдѣлила его окончательно отъ семьи Миррины. Вѣдь, какъ *ἀπελευθέρωσ*, онъ долженъ былъ имѣть особаго попечителя, и этимъ попечителемъ былъ, конечно, Лахесъ, мужъ Миррины, какъ его прежній господинъ⁴⁾. Такимъ образомъ связь между Тибіемъ и его бывшими хозяевами оставалась въ силѣ, чѣмъ и объясняется, что во время голода Тибій обратился какъ разъ къ Лахесу за вспомошествованіемъ, каковое и получилъ дважды. Объ одномъ только не зналъ Тибій, а именно, что Лахесъ и есть отецъ тѣхъ близнецовъ, которыхъ Тибій по всей округѣ выдавалъ за своихъ собственныхъ дѣтей (ср. аргип. 4, а также стихъ 23).

1) Такъ считаетъ и Vollgraff (о. с., 57). Наоборотъ Menozzi (о. с., 10) думаетъ, что Тибій не зналъ, чьи дѣти сданы на его попеченіе, — предположеніе врядъ ли допустимое, ибо ему противорѣчатъ слова *argumentum*: *ἔδοξε γὰρ ἐπιτρέψαι τρέφειν*, а также, повидимому, и то обстоятельство, что Тибій поселяется съ дѣтьми какъ разъ по близости отъ Миррины. Не доказываетъ ли это, наоборотъ, что Тибію была извѣстна тайна его госпожи?

2) Вѣдь женихъ въ лучшемъ случаѣ не согласился бы взять къ себѣ въ домъ двухъ незаконныхъ дѣтей, прижитыхъ его невѣстой, въ худшемъ же — отказался бы жениться на дѣвушкѣ, опозорившей себя внѣбрачнымъ сожителемъ. Ср., напр., въ Несуга Теренція разсужденія Памфила, не желающаго оставлять у себя жену ввиду того, что *eam sequitur alienus puer*.

3) То-же самое видимъ мы въ „Третьейскомъ судѣ“ Менандра и въ „Несуга“ Теренція.

4) См. Schoemann-Lipsius, *Griechische Altertümer*, I, 369; Beauchet, *Histoire du droit privé de la république athénienne*, II, 488 sq.

Итакъ, втеченіи цѣлаго ряда лѣтъ дѣти находились на рукахъ у Тибія. Но вотъ наступаетъ критическій моментъ: Тибій умираетъ и дѣти остаются одни. Съ этого момента происходитъ въ ихъ судьбѣ нѣкоторая, очень важная по послѣдствіямъ перемѣна: они попадаютъ въ домъ къ Лаксесу и вотъ какимъ образомъ. Если вѣрить *argumentum*, то Тибій, занявъ деньги у Лаксеса, занялъ ихъ подъ залогъ Плангò и Горгія, т. е., иными словами, „онъ отдалъ дѣтей въ кабалу“ (*ὑπέθετο*) своему хозяину. Спрашивается, допустимо ли это съ точки зрѣнія греческаго права? Мы знаемъ изъ Плутарха, что до Солона родители дѣйствительно имѣли право поступать такъ со своими дѣтьми, но что затѣмъ это право было уничтожено особымъ Солоновскимъ закономъ¹⁾. Какимъ же образомъ примирить этотъ фактъ съ заявленіемъ автора *argumentum*ш? Мнѣ кажется, что хорошій отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Vollgraff²⁾, по мнѣнію котораго законъ Солона врядъ ли могъ мѣшать отдачѣ дѣтей въ кабалу, коль скоро сами дѣти выражали на это согласіе. Наличность подобнаго согласія и можно было бы предполагать въ нашемъ случаѣ! Что же касается до самого Тибія, рискнувшего на подобный шагъ, то его образъ дѣйствій будетъ вполнѣ понятенъ, разъ мы считаемъ, что происхожденіе дѣтей было ему извѣстно. И дѣйствительно, закабаливая Плангò и Горгія, онъ вовсе не ставилъ ихъ въ опасное положеніе: вѣдь они, какъ ни какъ, сами того не подозрѣвая, попадали въ домъ къ своей родной матери!

Правда, ихъ положеніе въ этомъ домѣ было довольно унижительно, ибо они дѣлались своего рода кабальными людьми, т. е., почти что рабами, натурой отработывающими ту сумму денегъ, которая была взята для нихъ Тибіемъ³⁾. Но всё таки для ихъ дальнѣйшей судьбы шагъ, сдѣланный ихъ названнымъ отцомъ, былъ безусловно полезенъ, а потому Тибій могъ умереть спокойно: онъ, какъ вѣрный рабъ, сдѣлалъ для Миррины всё, что только было въ его силахъ, — онъ не только сохранилъ для нея Плангò и Горгія, но и

1) Plut. Sol., 13 и 23. См. также Schoemann-Lipsius, о. с., I, 546.

2) Vollgraff, о. с., 57, I.

3) Какъ въ рабовъ, смотритъ на близнецовъ и Давъ. Ср. его слова, касающіяся Плангò и служащія отвѣтомъ на вопросъ Геты: „Рабыня значить? Да?“ — „Нѣтъ, не совсѣмъ... отчасти“ (ст. 20).

передалъ ихъ передъ своей смертью въ ея полное распоряженіе ¹⁾. Итакъ, по моему мнѣнію, выраженіе *ὑπέθετο* — „отдалъ въ кабалу“ — надо понимать дословно, и ни въ коемъ случаѣ не надо думать, что авторъ *argumentum* выразился не достаточно точно, или же, что Менандръ далъ намъ простую фикцію, не опирающуюся на дѣйствительность. Вѣдь хотя примѣры закабаленія дѣтей родителями и противорѣчатъ какъ будто греческой законодательной практикѣ ²⁾, всё таки трудно допустить, чтобы поэтъ, воспроизводившій жизнь, какъ она есть, — чтобы этотъ поэтъ, если бы примѣровъ закабаленія не было, сталъ говорить о нихъ, какъ о чемъ-то, имѣвшемъ иногда мѣсто въ жизни современнаго ему общества. А между тѣмъ онъ говоритъ объ этомъ, и говоритъ не только въ нашей пьесѣ, но и въ другой, какъ бы подчеркивая этимъ, что воспроизводимые имъ факты не есть его личная выдумка, подсказанная ему пустой фантазіей.

По крайней мѣрѣ, на подобный же случай съ дѣвушкой Антифилой, которую ея фиктивная мать оставила въ залогъ гетерѣ Бакхидѣ за невыплаченную сумму денегъ, указываютъ слѣдующіе стихи изъ *Heautontimorumenos* Теренція, — изъ пьесы, восходящей тоже къ Менандру (vv. 600 sqq.) ³⁾:

Sy. váh, vide quod incéptet facinus. fuit quaedam anus Coríntia
híc: huic drachumarum haec argenti mille dederat mátuom.
Ch. quíd tum? Sy. ea mortuást: reliquit filiam adulescéntulam.
ea relicta huic arrabonist pro illo argento. Ch. intéllego.

Правда, весь этотъ рассказъ про Антифилу выдуманъ рабомъ Сиромъ для полученія денегъ съ Хремета, но изъ

1) Само собой разумѣется, что слова Геты, будто Тибіи умеръ отъ голода, умеръ оттого, что не получилъ третьей мины, надо принимать *sim grano salis*. Эти слова являются только лишнимъ примѣромъ зубоскальства Геты, на которое Давъ, по свойственной ему простотѣ и недалекости, не умѣетъ дать надлежащаго отвѣта.

2) Cp. Wilamowitz-Moellendorf und Niese, *Staat und Gesellschaft der Griechen und Römer* (Berlin-Leipzig 1910), 189: Auffallender ist es, dass sich zwei Kinder eines Freigelassenen bei seinem früheren Herrn verdingen um eine Schuld ihres Vaters abzarbeiten.

3) *Eugraph. comment. Heautontimorumenou* (= *Ael. Don. comment. Terentii*, ed. Wessner, vol. III, 1, 153): *Heautontimorumenon Menandri esse manifestum est*.

того, что Хреметъ не относится съ недоувѣріемъ къ возможности такого факта, можно заключать, что подобные случаи бывали. Въ виду всего этого я не рѣшаюсь думать, чтобы мы имѣли дѣло съ простой выдумкой поэта, съ простой фикціей, не отвѣчающей дѣйствительности ¹⁾. Это — повторяю еще разъ — не соотвѣтствовало бы обычной манерѣ Менандра, который при передачѣ серьезныхъ вопросовъ жизни не любитъ уходить въ область фантазіи и вымысла, но предпочитаетъ передавать ничѣмъ не скрашенную правду.

Какъ бы то ни было, дѣти, бывшія раньше вдали отъ матери, теперь, благодаря сложившимся обстоятельствамъ, оказались при ней, въ ея домѣ, т. е., иными словами, произошло то, на что Миррина не могла и надѣяться. Воспользовавшись этимъ, она прежде всего помѣстила Плангò поближе къ себѣ и такимъ образомъ получила возможность, не возбуждая ничьихъ подозрѣній, находиться въ обществѣ своей дочери. Мепоззі какъ будто кстати указываетъ и на литературную параллель, которая до извѣстной степени подходила бы къ нашему случаю, а именно, на „Фазму“ Менандра ²⁾. Непростительно только то, что, приводя эту параллель, онъ ограничивается словами одного Доната (Eupich. prol. 9), забывая про существоваше отрывка изъ „Фазмы“, къ которому слова Доната являются какъ разъ комментариемъ. Правда, этотъ отрывокъ опубликованъ въ русскомъ трудѣ В. К. Ернштедта „Порфирьевскіе отрывки изъ аттической комедіи“ (стр. 151 слл.) ³⁾. Но если *rossica* по *leguntur*, то, по крайней мѣрѣ, *germanica legenda sunt*! А между тѣмъ Мепоззі игнорируетъ и статью Кокк'а въ „*Rheinisches Museum*“, 48, 231 слл.! Зато, если бы итальянскій

1) Ср. Legrand, о. с., 275.

2) Мепоззі, о. с., II, прим. I.

3) Пользуюсь случаемъ, чтобы высказать здѣсь свой взглядъ на трактовку текста „Фазмы“ новѣйшимъ его издателемъ, А. Коерте (о. с., 137 sq.). В. К. Ернштедтъ установилъ съ неопровержимой ясностью, что Порфирьевскій отрывокъ Ib, относясь къ „Фазмѣ“ Менандра, представляет собой прологъ, имѣющій форму монолога, а не діалогической сценки (о. с., 153). Но это не помѣшало Коерте стать именно на откинутую В. К. Ернштедтомъ точку зрѣнія и, несмотря на отсутствіе въ отрывкѣ Ib всякихъ внѣшнихъ признаковъ чередованія лицъ, сдѣлать изъ монолога діалогъ, который ведется „a duobus vel delis vel daemouibus, sicut in *Timonimo* Plautino *Luxuria et Inopia inducuntur*“ (о. с., LIV). При этомъ Коерте

ученый просмотрѣлъ текстъ отрывка изъ „Фазмы“, онъ увидѣлъ бы, что сходство, которое бросилось ему въ глаза, будетъ чисто внѣшнимъ. Прежде всего въ „Фазмѣ“ мать, имѣющая незаконную дочь, извѣстна этой дочери. Далѣе, хотя бы и *furtim*, она сама воспитала своего ребенка. Наконецъ, о существованіи дочери знаетъ мужъ этой матери. Мало того, выходя замужъ за послѣдняго, мать вынуждена была разстаться съ дочерью, такъ какъ женихъ не соглашался взять ребенка къ себѣ въ домъ и легитимировать его. Тогда, вынужденная пожертвовать дочерью, мать тайкомъ продолжаетъ видѣться съ ней, и на почвѣ этихъ свиданій постепенно завязывается та интрига пьесы, которая и дала послѣдней заглавіе¹⁾. Отсюда ясно, что настоящаго сходства между нашей пьесой, если мы правильно ее реконструируемъ, и „Фазмой“ нѣтъ. Сходство заключается только въ томъ, что въ обѣихъ комедіяхъ матери не могутъ *открыто* признать своихъ дочерей и вынуждены утаивать отъ людей свое материнское чувство. Но эти частности слишкомъ недостаточны для сближенія пьесъ, а потому я думаю, что „параллель“, приведенная Мепоззі, къ нашей пьесѣ не подходитъ и подойти не можетъ. Правильнѣе будетъ сказать, что ни

находить, что „*dialogi vestigia . . . satis certe deprenduntur*“, хотя и не говорить, въ чемъ эти „*vestigia*“ заключаются. Уже не думаетъ ли онъ, что они заключаются въ двухъ мѣстоименіяхъ 2 лица единственного числа (ст. 3: *σαντόν* и ст. 7: *σαντοῦ*), а также въ императивной формѣ *ποιε* (ст. 7)? Если да, то эти „слѣды діалога“ слишкомъ еще незначительны для того, чтобы придавать прологу видъ діалогической сценки. И дѣйствительно, мы знаемъ не малое число такихъ монологовъ, въ которыхъ персонажи, ихъ произносящіе, приводятъ въ прямой, а не въ косвенной рѣчи либо тѣ слова, съ которыми обращалось къ нимъ другое лицо, либо же разговоръ другихъ лицъ, имъ извѣстный или ими подслушанный. Достаточно будетъ указать на монологъ Микіона въ *Adelphoe* Теренція, а также на монологъ Демеи изъ „Саміанки“ Менандра. Точно такимъ же монологомъ могъ быть и отрывокъ изъ „Фазмы“, передававшій между прочимъ разговоръ двухъ лицъ, вставленный въ монологъ, для оживленія разсказа, тѣмъ лицомъ, которое этотъ монологъ произносило.

Итакъ, никакихъ данныхъ для того, чтобы превращать отрывокъ ІВ въ діалогъ, у насъ нѣтъ, а потому можно только пожалѣть, что Коерте отошелъ отъ точки зрѣнія В. К. Ернштедта: въ погонѣ за оригинальностью онъ только испортилъ отрывокъ, но отнюдь не внесъ въ него улучшенія!

1) При изложеніи содержанія пролога „Фазмы“ я слѣдовалъ разсужденіямъ В. К. Ернштедта (о. с., 163 сл.), которыя кажутся мнѣ неопровержимыми.

на какую литературную параллель мы сослаться не въ состояніи. Да и развѣ это такъ необходимо? Я думаю, что нѣтъ.

Изъ исторіи дальнѣйшаго пребыванія дѣтей въ домѣ матери мы знаемъ, что Горгій, какъ истинный сынъ своего предполагаемаго отца, пастуха Тибія, *ἐπιμελεῖται τῶν προβάτων* (стихъ 26), тогда какъ Плангὸ „распоряжается по дому“ и помогаетъ Мирринѣ въ хозяйствѣ (стихъ 36). Считаюсь „почти что рабыней“ (ср. стихъ 20), она останавливаетъ на себѣ вниманіе Дава, и послѣдній, не на шутку влюбившись въ нее, обращается къ содѣйствію Лахеса, который и даетъ ему согласіе на его женитьбу на дѣвушкѣ¹⁾. Но предварительно Лахесъ долженъ переговорить, — съ кѣмъ? Конечно, не съ Плангὸ, ибо если въ Аѳинахъ при бракѣ свободной дѣвушки о ея личномъ согласіи не считали нужнымъ спрашивать, то тѣмъ паче не спросили бы о согласіи рабыню, хотя бы и не настоящую. Значитъ, Лахесъ долженъ былъ переговорить или со своей женой или съ братомъ Плангὸ, Горгіемъ. Спрашивается, чтò естественнѣе, а потому, какъ слѣдуетъ дополнять лакуну, идущую въ рукописи за словами *διαλεχθεῖς πρὸς* (стихъ 44)? Всѣ издатели, начиная съ Лефебра, ставятъ послѣ *πρὸς* слова *τὸν ἀδελφόν*. Только одинъ Menozzi²⁾ думаетъ, что надо читать *πρὸς γυναῖκα* — „colla moglie“, но, по моему мнѣнію, это невѣрно. Вѣдь какъ ни какъ, роль *κῦριος* дѣвушки принадлежитъ брату послѣдней, а слѣдовательно, съ братомъ и долженъ былъ говорить Лахесъ, но отнюдь не съ Мирриной, — тѣмъ болѣе, что ни Плангὸ, ни Горгій не являются настоящими рабами: они только на время стали какъ бы кабальными людьми.

Такимъ образомъ, дѣла Дава стали налаживаться, но какъ разъ въ этотъ моментъ Лахесъ уѣхалъ, — мотивъ, который примѣняется въ „новой“ комедіи преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда на причинахъ отъѣзда или отсут-

1) Ср. Willamowitz-Moellendorf, o. c., 189: Die neu entdeckten Komödien Menanders haben uns in Athen Dinge gezeigt, die den Kundigen nicht überraschten, aber manchem doch das theoreetisch Erlasste erst einleuchtend machten, die Sklavenehe als etwas Selbstverständliches, Freigelassene, die gleichwohl im Hause des früheren Herrn weiter dienen oder doch leben, Sklaven, die ihr Handwerk für sich treiben und nur regelmässig mit dem Herrn abrechnen.

2) Menozzi, o. c., 11.

ствія можно построить какія нибудь complicatіи. И дѣйствительно, за время отсутствія Лахеса произошло событіе, котораго Давъ не ожидалъ и которое можетъ разстроить всѣ его планы, а именно: ему стало вѣдомо, что Плангѳ подверглась насилію со стороны какого-то юноши. Правда, о томъ, что это случилось, мы узнаемъ не отъ Дава, а изъ *argumētum* (ст. 7 сл.). Но если судить по настроенію Дава, то можно думать, что это событіе ему извѣстно и что именно оно и привело его въ полное разстройство¹⁾. Недаромъ, онъ „хватается за голову“, „вздыхаетъ“, находится внѣ себя. А что его душевное состояніе бросается въ глаза, видно изъ словъ Геты, который, будучи пораженъ видомъ пріятели, подозрѣваетъ Дава въ совершеніи какого-нибудь крупнаго проступка (ср. ст. 1: *καὶ τί δ᾽ ἐμοὶ δοκεῖς πεπλημέναι | παρρηγεύεσθαι*), влекущаго за собой ссылку провинившагося раба на мельницу (ст. 2 сл.), — самое ужасное наказаніе, какое только можно было придумать, ибо оно состояло въ тяжелой ручной работѣ жерновомъ, съ закованными въ кандалы ногами²⁾. Отсюда ясно, что Давъ пришелъ въ разстройство не потому только, что онъ ждетъ не дожидется Лахеса, замѣшковавшагося на Лемносѣ, но и потому, что его гнететъ какая-то мысль, отъ которой онъ не можетъ отдѣлаться, которую никому не можетъ повѣдать. Т. е., иными словами, Менандръ, не открывая пока самого факта, но лишь намекая на его наличность, старается этимъ подготовить зрителей къ воспріятію чего-то новаго, совсѣмъ для нихъ неожиданнаго, что будетъ играть въ пьесѣ важную роль, — особый, присущій Менандру пріемъ, который Донатъ въ приложеніи къ *alter ego* Менандра, Теренцію, обозначаетъ словомъ *praestruere*³⁾.

Своего рода „*praestructio*“ слѣдуетъ видѣть и въ той характеристикѣ, которую Давъ даетъ Плангѳ. Сама по себѣ эта характеристика не заключаетъ въ себѣ ничего лишняго

1) Такого-же мнѣнія держится и Carps, о. с., 8.

2) Недаромъ, лишь только Эвфилетъ, герой I рѣчи Лисія, пригрозилъ рабѣ, пособницѣ своей жены, отправкой на мельницу, она созналась ему во всемъ (Lys. or. contra Eratosth., 18). Ср. Liban. or. 57, 54 (ed. Förster, vol. IV, p. 173): *δεινὸν μὲν οὖν καὶ αὐτὸ τοῦτο καὶ οὐδαμῇ φορητὸν ἀπὸ μολῶνων καὶ ἐν αὐτοῖς ἀγροπνιῶν ἀγεσθαι τινὰς ἐπὶ δυνάμεις* (не надо ли на основаніи Менандровскаго *ἀγωνία* (ст. 2) вм. *ἀγροπνιῶν* читать *ἀγωνιῶν*?).

3) Donat. Andr., I, 1, 92, 3.

или неподходящаго къ душевному состоянію Дава. Наоборотъ, всё, что Давъ говоритъ про Плангò, вполне соответствуетъ его чувствамъ и его настроенію, — скажу больше, Давъ и не могъ бы говорить иначе, чѣмъ онъ говоритъ. Такимъ образомъ, его слова — вполне на мѣстѣ въ его положеніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствуя такъ, какъ онъ дѣйствуетъ, Давъ, самъ того не вѣдая, подчиняется невидимой для него указкѣ Менандра, ибо, говоря словами Доната ¹⁾, „suave est pescire personas, quid agat poeta“. Поэтъ же, вкладывая въ уста Дава характеристику Плангò, преслѣдуетъ свою особую, довольно опредѣленную цѣль: словно мимоходомъ указывая на то, что дѣвушка поражаетъ всѣхъ своимъ барскимъ видомъ и своей чисто-барской выдержкой (ст. 40: *ἐλευθέριος καὶ κοομία*), онъ этимъ самымъ какъ бы поднимаетъ её надъ уровнемъ ея яко-бы рабскаго происхожденія, которому какъ будто не къ лицу *κοσμότης* и *ἐλευθერიότης*. Но развѣ мы не понимаемъ, для чего дѣлаетъ это Менандръ? Онъ дѣлаетъ это для того, чтобы впослѣдствіи, когда выяснится настоящее происхожденіе Плангò, зрители поняли, откуда брались у нея тѣ качества, которые такъ выдѣляли ее изъ ряда остальныхъ рабынь и такъ приближали къ представленію о свободнорожденной.

Подтвержденіемъ же того, что я, говоря такъ, не ошибаюсь и что въ данномъ случаѣ дѣйствительно надо видѣть намѣренное „предуготовленіе“ эффекта, — подтвержденіемъ этого служить аналогичный примѣръ, который можетъ быть хорошей параллелью къ нашему и который можно почерпнуть изъ *Andria* Теренція, изъ пьесы, сконтаминированной изъ *Andria* и *Perinthia* Менандра. Въ этой пьесѣ, въ ея вводной сценѣ, въ діалогѣ между Симономъ и его вольноотпущенникомъ, Сосіей, Симонъ, характеризуя любовницу своего сына, Гликеру, недаромъ говоритъ про нее, что она отличается

voitu, Sosia,

adeo modesto, adeo venusto, ut nil supra,

и что она

erat forma praeter ceteras
bonesta ac liberali ²⁾).

1) Don. Eun., V, 5, 27 (v. 997).

2) Ter. Andr., 119 sqq.

Вѣдь Гликера, какъ это оказывается впослѣдствіи, есть дочь Хремета, нѣкогда имъ утерянная. Этимъ-то и объясняется, почему въ ней, несмотря на ея положеніе *shegetrix*, такъ бросаются въ глаза всѣ признаки благороднаго происхожденія, а также и то, почему Симонъ даетъ ей въ началѣ пьесы такую теплую характеристику. Вѣдь эта характеристика имѣетъ своей цѣлью остановить на дѣвушкѣ вниманіе зрителей и какъ бы подготовить ихъ къ уясненію той роли, которая выпадетъ на долю Гликеры, когда она въ качествѣ невѣстки войдетъ въ домъ Симона.

Изъ всего сказаннаго ясно, что какъ въ *Andria Terentia*, такъ и въ начальной сценкѣ нашей пьесы отдѣльныя, словно мимоходомъ брошенные слова являются на самомъ дѣлѣ очень важными по значенію деталями, которыя въ будущемъ, когда дѣйствіе разовьется во всю, должны войти въ общую картину, какъ нѣчто существенное, уясняющее и самое дѣйствіе, и роль нѣкоторыхъ персонажей, и даже характеры послѣднихъ, ихъ *ψηφισ*. Но усматривая этотъ „подготовительный“ оттънокъ во многихъ частностяхъ нашей сценки, я никоимъ образомъ не могу видѣть его тамъ, гдѣ его видѣть Vollgraff¹⁾. Вѣдь по мнѣнію послѣдняго, улыбка, которой Гета встрѣчаетъ восторженный отзывъ Дава о Плангѣ (ст. 36 сл.), объясняется не тѣмъ, что Гетѣ смѣшонъ видъ влюбленнаго Дава, а тѣмъ, что ему, какъ рабу Фидія, извѣстно уже о насиліи, которое Фидій совершилъ надъ дѣвушкой²⁾. И вотъ зная объ этомъ, Гета и потѣшается надъ Давомъ, которому Плангѣ кажется *παίδισκη ἄμαχος*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она — падшая женщина, не заслуживающая подобнаго эпитета.

Я не могу согласиться съ этимъ взглядомъ Vollgraff'a, и вотъ почему. Прежде всего, при такомъ пониманіи текста отчаяніе Дава будетъ для насъ не совсѣмъ понятнымъ, ибо причину его придется усматривать только въ долгомъ невозвращеніи Лахеса; что врядъ ли правдоподобно. Съ дру-

1) Vollgraff, о. с., 60.

2) У насъ нѣтъ достаточныхъ основаній для того, чтобы считать Гету рабомъ Фидія, какъ дѣлаетъ это Vollgraff. Если вѣрно наше предположеніе о томъ, что Гета есть *πρόσωπον προτάξιον*, то онъ вполне могъ бы играть такую же роль, какую играетъ Давъ въ *Phormio Terentia*, т. е., онъ могъ бы быть рабомъ, господинъ котораго неизвѣстенъ. Ср. С а р р з, о. с., 6.

гой же стороны мнѣ кажется, что улыбка Геты, которой онъ отвѣчаетъ на слова Дава въ достаточной степени объясняется его грубымъ отношеніемъ къ любви вообще и его полнымъ непониманіемъ романтическаго настроенія въ частности. Какъ грубый практикъ, онъ не можетъ не глумиться надъ сантиментальностью пріятеля, а потому и его улыбка, смущающая послѣдняго, является лишь естественнымъ послѣдствіемъ того полу-шутливаго, полу-циничнаго тона, въ которомъ онъ ведетъ весь разговоръ. Но разъ это такъ, то врядъ-ли нужно подыскивать для этой улыбки какое-нибудь иное обоснованіе, а тѣмъ болѣе такое невѣроятное, какъ предложенное Vollgraff'омъ!

3.

Почти всё, чего мы пока коснулись, относилось къ области событій, имѣвшихъ мѣсто до начала наступленія дѣйствія нашей комедіи. Только одна любовь Дава и его волненія относятся къ настоящему, которое и должно было развертываться передъ зрителями вслѣдъ за начальной сценкой, своего рода введеніемъ къ недошедшему до насъ цѣлому. Но какъ въ этомъ цѣломъ развивалось дѣйствіе, черезъ какіе этапы проходило оно, мы, къ сожалѣнію, сказать не можемъ. Тотъ сухой остовъ пьесы, который дошелъ до насъ въ видѣ *arguementum*, если и говорить о чемъ, то очень кратко, почти что одними намеками. Поэтому, если на основаніи его мы и можемъ набросать какую-нибудь картину, то исключительно контурную, не заполненную живыми красками, не дающую живыхъ образовъ и лицъ, не рассчитывающую на близкую и вѣрную передачу утеряннаго оригинала. Достаточно будетъ и того, если она подойдетъ къ понятію *τὸ εἶδος*! Какова же будетъ эта картина?

О томъ, какимъ образомъ тайна Плангò сдѣлалась извѣстной Даву, мы не знаемъ. Но мы можемъ думать, что это произошло по обычному трафарету „новой“ комедіи, а именно: или Давъ случайно подслушалъ крики Плангò, мучившейся родовыми потугами — подобный примѣръ мы имѣемъ въ *Πλόμιον* Менандра ¹⁾ —, или же, какъ думаетъ это

1) Aul. Gell., 2, 23, 15: *servus bonae frugi quum pro foribus domi staret et propinquare partum herili filiae atque omnino villum oblatum ignoraret, gemitum et ploratum audit puellae in puerperio emittentis.*

Саррps¹⁾, онъ видѣлъ входящую въ домъ *obstetrix*. Обо всемъ этомъ и обо всѣхъ, связанныхъ съ этимъ, переживаніяхъ Давъ могъ рассказывать зрителямъ въ особомъ монологѣ, ибо думать, чтобы онъ сообщалъ о происшедшемъ Гетѣ, врядъ ли возможно: это было бы невѣрной чертой, вносимой въ его характеръ, въ которомъ есть простодушіе, но нѣтъ ничего, присущаго *ἀδολεσχησ* или *λάλοσ*. Какъ бы то ни было, проникнувъ въ тайну Плангò, Давъ не утратилъ своего прежняго расположенія къ дѣвушкѣ. Напротивъ того, ввиду происшедшаго съ ней несчастія, онъ рѣшился на новый, въ высшей степени благородный шагъ, а именно: чтобы спасти дѣвушку отъ позора, онъ, какъ говоритъ *argumentum* (ст. 9), рѣшился взять на себя вину въ совершеніи надъ нею насилія, т. е., въ совершеніи поступка, имъ на самомъ дѣлѣ несовершеннаго. Но если подобный шагъ былъ продиктованъ Даву его любовью къ Плангò и желаніемъ прикрыть ея грѣхъ, то поводомъ къ такому открытому выступленію въ качествѣ насильника могло служить только то, что фактъ насилія выходилъ наружу и дѣлался извѣстнымъ Мирринѣ. Возможно даже, что на Дава, который раньше добивался Плангò, и пали въ первую голову нѣкоторыя неясныя подозрѣнія, которыя онъ счелъ нужнымъ не только не разсѣивать, но наоборотъ подтвердить личнымъ признаніемъ. Изъ того же, что въ *argumentum*, вслѣдъ за словами:

взять на себя вину рѣшился рабъ,
непосредственно слѣдуетъ:

а мать,

не зная истины, разстроилась ужасно, можно, кажется, заключать, и притомъ съ нѣкоторой правдоподобностью, что между Мирриной и Давомъ происходилъ особый діалогъ, во время котораго Давъ не только приноравливался къ повинной, но и старался въ возможно болѣе вѣроятномъ свѣтѣ представить всю, яко-бы происшедшую съ нимъ исторію. О томъ же, что этотъ, предполагаемый нами діалогъ отличался или долженъ былъ отличаться довольно страстнымъ характеромъ, — объ этомъ можно судить по словамъ *argumentum*: *ἀγαν ἐδυοχέραινε* (ст. 10), по словамъ, которыя

1) Саррps, о. с., 8, 3.

съ достаточной наглядностью отмѣчаютъ повышенное настроеніе Миррины. Что же касается до самой діалогической сценки, въ которой мать встрѣчалась съ предполагаемымъ насильникомъ ея дочери, то къ этой сценкѣ можно было-бы относить слѣдующій, очень характерный фрагментъ, извѣстный намъ раньше (fr. 209 Kock = fr. 2 Koerte³⁾):

Не можетъ съ Эросомъ ничто сравняться въ силѣ!

И даже самъ Зевесъ, владыка всѣхъ боговъ,

Давленью Эроса всецѣло уступаетъ¹⁾!

Эти слова, сказанныя съ большимъ подъемомъ и одушевленіемъ, съ одной стороны показываютъ всю ту силу любви, которой одушевлено говорящее лицо, а съ другой — очень подходятъ къ нашему Даву, который, какъ видно изъ ст. 18—19, умѣетъ иногда брать чисто романтическія нотки. Доказательствомъ же того, что эти слова произносились именно Давомъ, а не соблазнителемъ Плангѳ, Фидіемъ, служитъ непереведенное мной выраженіе *δέαλον*, которое начинается собой первый стихъ и изъ котораго сверхъ того явствуется, что нашъ фрагментъ относился какъ разъ къ разговору Дава съ Мирриной, т. е., къ той сценкѣ, въ которой Давъ приносилъ повинную.

Само собой разумѣется, что эта повинная должна была, какъ я уже сказалъ выше, произвести сильное впечатлѣніе на Миррину и не столько раздражить её, сколько повергнуть въ отчаяніе. Вѣдь она, которая уже испытала на себѣ весь ужасъ вынужденнаго паденія, оказывалась теперь снова предъ лицомъ подобнаго же факта, поразившаго на этотъ разъ ея дочь, существо, которое она, поскольку могла, любила, о которомъ, поскольку могла, заботилась и судьба котораго оказывалась еще болѣе трагичной, чѣмъ ея собственная!

1) Та-же мысль о неодолимой силѣ Эроса, которому поддается даже Зевесъ, слѣдующимъ образомъ выражена Еврипидомъ въ его трагедіи „Ипполитъ“ (fr. 431 Nauck², о. с., 493):

*Ἔρω οὐ γὰρ ἄνδρα οὐ μόνον ἐπέρχεται
οὐδ' αὖ γυναικί, ἀλλὰ καὶ θεῶν ἄνω
ψυχὰς χαράσσει καὶ πόντον ἔρχεται·
καὶ τόνδ' ἀπείργει οὐδ' ὁ παυχρατῆς οἴεται
Ζεὺς, ἀλλ' ὑπείκει καὶ θεῶν ἐγκλίνεται.*

О связи этого еврипидовскаго отрывка съ менандровскимъ см. Sehri, о. с., 54.

Можно себя представить, какъ глубоко и тонко должны были передаваться Менандромъ эти ощущенія матери, страдающей и за себя и за дочь! Для поэта-психолога, каковымъ Менандръ и былъ по преимуществу, разработка подобнаго, чисто-психологическаго мотива должна была заключать въ себя особую прелесть, особый интересъ, и надо думать, что образъ Миррины, то и дѣло переходящей отъ одного остраго чувствованія къ другому, занималъ въ пьесѣ далеко не послѣднее, если только не первенствующее мѣсто. Достигнуть же этого поэту было нетрудно. Въдѣ въ его распоряженіи имѣлась полная возможность ставить Миррину въ соприкосновеніе съ разными персонажами комедіи, что могло только содѣйствовать выясненію волнующихъ Миррину чувствъ, а также ознакомленію зрителей съ ея планами и намѣреніями. Однимъ же изъ примѣровъ такого конфликта, носившаго при этомъ довольно обостренный характеръ, является какъ разъ бесѣда Миррины съ Давомъ, о которой я только что говорилъ и которая, по мѣрѣ возможности, была мною разобрана и выяснена. Но помимо этой встрѣчи съ Давомъ Миррина должна была встрѣчаться еще съ Софронной, которой и могла повѣрять свою тоску, свое горе и отчаяніе, подобно тому, какъ дѣлаетъ это, напр., Миррина изъ „Земледѣльца“ предъ лицомъ преданной ей Филинны (см. гл. V). И мнѣ кажется, что слѣды такой сценки, содержавшей въ себя разговоръ Миррины съ Софронной, мы имѣемъ передъ собою на одномъ изъ тѣхъ папирусныхъ обрывковъ, о которыхъ я упоминалъ выше (стр. 45).

Въ общемъ этотъ обрывокъ, δ-ε-ζ, состоящій изъ трехъ маленькихъ фрагментовъ, исписанныхъ съ обѣихъ сторонъ, заключаетъ въ себя остатки 14 неполныхъ стиховъ¹⁾. Изъ нихъ первые три, на verso, надо считать безусловно погибшими, ибо отъ нихъ сохранилось всего на всего нѣсколько буквъ. Но эти стихи и не могли относиться къ той сценкѣ, о которой я говорю. На это указываетъ непосредственно идущее за ними слово *χοροῖ*, которое, согласно практикѣ „новой“ комедіи, знаменуетъ собой ничто иное, какъ конецъ одного акта и начало другого²⁾. Отсюда ясно, что упомя-

1) Lefebvre², о. с., XX; A. Koerte², о. с., 4 sq.

2) По этому поводу ср. то, что я говорю о хорѣ въ „Третьейкомъ судѣ“ (гл. II, 11).

нутые нами три стиха, какъ кончающіе актъ, не могли имѣть прямого отношенія къ тѣмъ 11 стихамъ, которые слѣдуютъ за словомъ *χοροῦ* и которые такимъ образомъ являются началомъ новаго акта, до насъ недошедшаго. Что же касается до этихъ 11 стиховъ, то три изъ нихъ, приходящіяся на verso, сохранились очень плохо, а потому и не могутъ имѣть для насъ особой цѣны. Ихъ главное значеніе заключается лишь въ томъ, что они, несмотря на свою плохую сохранность, ясно показываютъ намъ, что сценка, къ которой они нѣкогда принадлежали, носила діалогическую, а не монологическую форму. Общій же видъ этихъ стиховъ, отъ возстановленія которыхъ я отказываюсь, будетъ таковъ:

56]καθίσ' ἔα μ' ἀμάρτυρον
] . [.] ο . . μιν ὑμῶν
]μα[.

Не въ лучшей сохранности дошли до насъ и остальные 8 стиховъ, находящіеся на recto: отъ нихъ тоже остались лишь одни обрывки, имѣющіе слѣдующую форму:

[.]ον τῶ[.]
 60 [.]ε ἀνδρία[.]
 [.]αυτα[. . .] τυχῶ μ[. . .]
 [.]ας υ[. .] ἐβολας ἐχ[. . .]
 [.]παθος ἢ γνώμη οφο[. . .] 5
 [.]ν ἐκ βίας σε τιο ποτε
 65 [.]ν ὑπονος[. .]ο σσ[. . .]
 [.] . γη . [.]

Но къ счастью стихи 3—4 могутъ быть отождествлены, какъ это доказалъ Кёрте ¹⁾, съ однимъ отрывкомъ, который приводитъ Стобей ²⁾, указывающій приэтомъ, что онъ беретъ его изъ *Ἡρώο* Менандра:

ὡς οἰκτρὸν, ἢ τοιαῦτα δυοτυχῶ μόνῃ,
 ἃ μὴδὲ πιδανὰς τὰς ὑπερβολὰς ἔχει ³⁾.

1) A. Koerte, Menanders Heros (= Berl. phil. Woch. 1911, col. 1421).

2) Stob. Flor. 104, 13 = fr. 211 Kock.

3) Эти стихи можно было бы передать по русски такъ:

Какъ это тяжело! Одной, — и столько горя,
 Невѣроятнаго, превыше всѣхъ скорбей!

Спрашивается теперь, кто изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы скорѣе всего могъ произносить эти слова, полныя чувства безысходной тоски и отчаянія? Я думаю, что мы должны относить ихъ къ Мирринѣ, ибо они всего больше подходятъ къ ея положенію, къ положенію человѣка, который, подъ вліяніемъ выпавшихъ на его долю несчастій, чувствуетъ себя выбитымъ изъ колеи и какъ бы утратившимъ свое душевное равновѣсіе. Съ другой же стороны, эти слова являются, по-видимому, отвѣтомъ Миррины на какой-то вопросъ ея собесѣдника, задаваемый послѣднимъ въ стихѣ 2, который Кёрте дополняетъ такъ:

..... ὦπτε]ρ ἀνδρῶν[σ

Но мнѣ кажется, что при дополненіи этого стиха можно было бы пойти нѣсколько дальше и что весь стихъ могъ бы принять, приблизительно, такую форму:

[τί δ' οὖν ἀφωνοσ ὦπτε]ρ ἀνδρῶν[σ μένεισ].

Само по себѣ это соединеніе прилагательнаго ἀφωνοσ съ существительнымъ ἀνδρῶνσ не представляетъ чего-либо необычнаго или неожиданнаго: достаточно вспомнить пословицу ἀνδρῶντος ἀφωνότερος! Но и въ приложеніи къ общей ситуациі, какъ я её себѣ представляю, мое дополненіе было бы, пожалуй, на мѣстѣ: вѣдь слова собесѣдника Миррины вызываются тѣмъ, что онъ не можетъ получить отъ Миррины отвѣта на какой-то предложенный имъ вопросъ. И вотъ, пораженный ея молчаніемъ, онъ и говоритъ ей съ нѣкоторымъ упрекомъ: „да, но почему же ты стоишь, словно безгласная статуя?“ Когда же у Миррины, вмѣсто отвѣта на эти слова, вырывается вопль отчаянія (ст. 3—4), то ея собесѣдникъ беретъ другой тонъ: онъ начинаетъ утѣшать её, и это утѣшеніе заключается въ стихѣ 5, который Кёрте дополняетъ слѣдующимъ образомъ:

[παρηγορήσει τὸ] πᾶθος ἢ γνώμη σφόδρα¹⁾].

Это дополненіе Кёрте надо признать безусловно удачнымъ, хотя мнѣ и думается, что слово παρηγορήσει лучше было бы замѣнить соотвѣтствующей формой глагола ἰάομαι, хотя бы по аналогіи съ выраженіемъ: ἰάσιμον γὰρ τὸ πᾶθος ἐστί, которое мы находимъ въ одномъ отрывкѣ изъ комедіи

1) Слово σφόδρα дополнено Лефебромъ (о. с., XX).

Алексида Λέβησ¹⁾). Ввиду этого я предложил бы читать весь стихъ такъ:

[ἴδεται σοὶ τὸ] πάθος ἡ γνώμη σφόδρα].

Но на какое-же горе (τὸ πάθος), постигшее Миррину, намекаетъ ей собесѣдникъ? На это какъ будто даютъ отвѣтъ стихи 6—7, которые подъ рукой Кёрте получаютъ слѣдующую форму:

[εἰ διεκόρησε]ν ἐκ βίαις αὖ τις ποτε
[.]ν ὑπονοε[ῖ]σ σο [. . . .].

Изъ этихъ стиховъ или, вѣрнѣе, изъ стиха 6 ясно, что собесѣдникъ Миррины объясняетъ себѣ ея отчаяніе вѣчной ея думой о томъ насиліи, которое нѣкогда было совершено надъ нею человѣкомъ, оставшимся ей неизвѣстнымъ: такъ, по крайней мѣрѣ, приходится думать и разсуждать на основаніи тѣхъ остатковъ, которые сохранились отъ словъ этого собесѣдника! Но разъ это такъ, то, значить, собесѣдникъ Миррины и не подозреваетъ о наличности новаго факта, приведшаго Миррину въ то состояніе, въ которомъ она находится, т. е., иными словами, зная о томъ, что нѣкогда было съ самой Мирриной, онъ не знаетъ еще о бѣдѣ, приключившейся съ Плангѡ.

Если это мое разсужденіе вѣрно, то выходитъ, что въ недошедшей до насъ части бесѣды рѣчь шла не о томъ событіи, которое въ данный моментъ главнымъ образомъ занимаетъ и волнуетъ Миррину, а о томъ, которое произошло съ нею много лѣтъ тому назадъ. Но противъ подобнаго взгляда можно выставить слѣдующее возраженіе. Число строкъ на каждой страницѣ папируса колеблется между 35—38. А такъ какъ на verso сохранилось 6 стиховъ (изъ нихъ три приходятся на конецъ акта, а остальные три на начало той сцены, о которой мы говоримъ), то, значить, между этими стихами и соотвѣтствующими 8 на recto окажется лакуна, приблизительно въ 28 стиховъ, или, говоря иначе, стиховъ, въ которыхъ затрогивался вопросъ о прошломъ Миррины, будетъ около 34. Спрашивается теперь, не является ли это число слишкомъ большимъ для траговки

1) Alex. fr. 124, 4 (= Коск., о. е., II, 341).

вопроса, имѣющаго какъ будто второстепенный характеръ? Мнѣ лично кажется, что нѣтъ, и вотъ въ силу какихъ соображеній. Во-первыхъ, прошлое Миррины, хотя и играетъ въ пьесѣ роль простой детали, не больше, имѣетъ всё таки громадное значеніе не только для развязки, но и для хода самого дѣйствія. Отсюда ясно, что его надо было освѣтить надлежащимъ образомъ! Во-вторыхъ, собесѣдникъ Миррины, знавшій про это прошлое, повидимому, лишь въ общихъ чертахъ, долженъ былъ получить теперь болѣе точныя свѣдѣнія, которыя въ свою очередь оказывались необходимыми и для зрителей. Наконецъ, излагая подробно исторію своего паденія, Миррина могла высказывать и, надо думать, дѣйствительно высказывала кое-какія пришедшія ей въ голову подозрѣнія насчетъ того, ктò былъ ея насильникомъ. Не намекаетъ ли на это глаголъ *ἔπρωσεν*, стоящій въ ст. 7? Однимъ словомъ, мнѣ кажется, что комплексъ 34 стиховъ не будетъ слишкомъ великъ для изложенія того, что, предшествуя дѣйствию пьесы, входило въ это дѣйствіе, какъ важный, хотя и вспомогательный элементъ.

Итакъ, я думаю, что первая часть бесѣды заключала въ себѣ данныя, касающіяся исторіи самой Миррины. Что же касается до дальнѣйшаго, то, повидимому, начиная со словъ (ст. 3—4):

Какъ это тяжело! Одной, — и столько горя,
невѣроятнаго, превыше всѣхъ скорбей,

бесѣда переходила къ другому вопросу, а именно, къ изложенію того, что случилось съ Плангò и что представляло для Миррины новую причину, содѣйствующую усиленію ея тоски и отчаянія. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣло рисуется мнѣ, и хотя я знаю, что всё, мною сказанное, есть одна сплошная гипотеза, я думаю всё таки, что эта гипотеза имѣетъ подъ собой кое-какія основанія, заключающіяся въ остаткахъ тѣхъ стиховъ, о которыхъ мы только что говорили.

Но кто же въ разобранной нами сценкѣ былъ собесѣдникомъ Миррины? По мнѣшію Кёрте, этимъ собесѣдникомъ былъ Лахесъ¹⁾. Однако, вѣрно ли это? Если судить по общему тону бесѣды, а также по тому оттѣнку конфиден-

1) A. Koerte², о. с., XVII и 5.

ціальности, которымъ она проникнута, то невольно думается, что человѣкъ, говорящій съ Мирриной, играетъ по отношенію къ ней роль довѣреннаго лица, которому Миррина привыкла повѣрять свои мысли и который въ свою очередь относится къ ней, какъ старый другъ, привыкшій, рано или поздно, узнавать про всё, что томить ее и волнуетъ. Но если это мое наблюденіе правильно, то Лахесъ, мужъ Миррины, не могъ быть ея собесѣдникомъ. И дѣйствительно, типъ такого мужа, предъ лицомъ котораго жена вскрываетъ свою душу и который съ своей стороны совѣтуетъ ей не предаваться отчаянію изъ за думы о томъ, что надъ нею нѣкогда было совершено насиліе, — подобный типъ былъ бы въ репертуарѣ „новой“ комедіи чѣмъ-то необычнымъ и страннымъ¹⁾. Въдь роли утѣшительницъ, пособницъ и вообще довѣренныхъ лицъ играютъ въ комедіи вовсе не мужья, а рабыни и въ особенности рабыни-няни, такъ или иначе причастныя къ тайнамъ своихъ господъ. Ввиду этого мнѣ и кажется, что собесѣдникомъ Миррины въ нашей сценкѣ былъ вовсе не Лахесъ, а та самая Софрона, о которой намъ приходилось говорить выше и которая въ общихъ чертахъ могла напоминать собой Филинну изъ „Земледѣльца“. Съ этой Софроной и вела Миррина свой разговоръ, который, заключаая въ себѣ кое-какія подробности изъ прошлаго самой Миррины, могъ переходить затѣмъ на разсказъ о несчастіи, постигшемъ Плангѳ. Итакъ, согласно нашему представленію, у Миррины, помимо ея столкновешя съ Давомъ, была еще бесѣда съ Софроной, причемъ эта бесѣда могла или предшествовать той сценѣ, въ которой Давъ приносилъ повинную, или же — это, пожалуй, естественнѣе — слѣдовать за ней, какъ своего рода объяснительный комментарий къ удрученному состоянію Миррины, взволнованной мыслью о томъ, что ея дочь сдѣлалась жертвой простого раба.

1) Правда, въ *Περὶ Φίλα* Менандра выводился мужъ, повѣрявшій женѣ свои безпокойства насчетъ сына (Dop. Andr. prol. 14), но этотъ единичный примѣръ врядъ ли ослабляетъ сдѣланное мной заключеніе, тѣмъ болѣе, что мы не знаемъ, въ какомъ тонѣ велась эта бесѣда. Вообще же отношенія мужей къ женамъ, какъ рисуетъ ихъ комедія, представляютъ собой мало утѣшительнаго и сводятся, по большей части, къ грубымъ нападкамъ и выходкамъ противъ женщинъ вообще, противъ женъ въ частности. Ср. Legrand, о. с., 151 слл.

Но не даромъ, какъ говоритъ Филéмонъ ¹⁾, *χρόνος τὰ πάντα γίνεται καὶ κρίνεται*. Прошло немного времени, и тотъ кошмаръ, подъ тяжестью котораго приходилось жить Мирринѣ, сталъ мало по малу разсѣиваться и таять. Такъ, прежде всего оказалось — мы не знаемъ, при какихъ обстоятельствахъ — что, по крайней мѣрѣ, одна часть опасеній Миррины, а именно, ея страхъ предъ возможностью изнасилованія Плангò Давомъ, не имѣла подъ собой никакихъ фактическихъ основаній и что настоящимъ виновникомъ позора дѣвушки былъ никто иной, какъ сосѣдъ Лахеса, юноша Фидій. Объ этомъ рассказываетъ намъ *argumentum* пьесы (ср. ст. 8 и 11), но онъ, къ сожалѣнію, не упоминаетъ о тѣхъ подробностяхъ, при которыхъ произошло это событіе. Въ силу этого намъ опять приходится обращаться къ гипотезѣ, къ построенію болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній, которыя въ общемъ могли бы свестись къ слѣдующему.

Если я не ошибаюсь, то всю исторію Фидія и Плангò можно было бы представлять себѣ такимъ образомъ. Фидій вообще живетъ въ Аѣинахъ, на что, какъ будто, указываетъ одинъ фрагментъ, обращенный, надо думать, къ нему однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы (не Сангаріемъ ли, его рабомъ, имя котораго стоитъ на 7 мѣстѣ въ *τὰ τοῦ δράματος πρόσωπα* ?):

и въ горожанина ты снова превратишься ²⁾).

Но за чертой Аѣинъ у Фидія есть вилла, которая находится по сосѣдству съ домомъ Лахеса. Сюда время отъ времени наѣзжаетъ онъ со своими пріятелями, чтобы отдохнуть на лонѣ природы и поохотиться, благо это считалось признакомъ хорошаго тона. Ср., напр., Long. Pastoral. IV, 11 (ed. Seiler): *ὁ μὲν δὴ Ἀστυλος . . . περὶ θήραν εἶχε λαγῶν ὅλα πλοῦσιος νεανίσκος καὶ τρυφῶν δει καὶ ἀφιγμένος εἰς τὸν ἀγρὸν εἰς ἀπόλαυσιν ξένῃς ἡδονῇς* ³⁾. См. также слѣдующій отрывокъ

1) Philem. fr. 204 (= Kock, o. c., II, 532).

2) Fr. 868 Kock = fr. 10 Koerte².

3) Вѣдь и Сирискъ въ „Третьейскомъ судѣ“ Мевандра считаетъ признакомъ *τῆς εὐγενείας* охоту. Ср. его слова (v. 105 sqq.):

*εἰς δὲ τὴν αὐτοῦ φύσιν
ἤξας ἐλευθερόν τι τολμήσει ποεῖν,
θῆρ' ἢ ν λένοντας, ὕπλα βαστάζειν, τρέχειν
ἐν ἀγῶσι.*

вокъ изъ нашей пьесы, который косвеннымъ образомъ подтверждаетъ мое предположеніе о наѣздахъ Фидія въ деревню (fr. 9 Koerte² = Lex. Sabbaitic., 4, ed. Papadopoulos-Kerameus):

охотникамъ, сюда изъ города прибывшимъ,
я груши дикія хотѣлъ бы показать.

Такъ вотъ я и думаю, что Фидій во время одного изъ своихъ посѣщеній, предшествовавшихъ его послѣднему наѣзду, случайно встрѣтился съ Плангò и, уступая *impulsus adulescentiae*, произвелъ надъ ней насиліе, причемъ, говоря словами Плавта (*Aulul.*, v. 29 sq.):

*is scit adulescens quae sit quam compresserit,
illa illum nescit*¹).

При этомъ, въ противоположность многимъ юношамъ комедіи, Фидій не забылъ свою жертву, какъ не забылъ и Ликонидъ изъ *Aulularia* ту Федрію, которую онъ обидѣлъ. Мысли о Плангò не оставляютъ его, любовь къ ней не охлаждаетъ, и онъ, на манеръ Фидія изъ „Фазмы“ Менандра, не знаетъ, куда дѣваться, а потому ищетъ утѣшенія у какого-нибудь близкаго ему лица (не у Сангарія ли, который могъ бы приходиться ему дядькой и для котораго Фидій былъ бы *τρόφιμος*?). Если въ этомъ моемъ предположеніи есть хоть доля правды, то къ этой бесѣдѣ между тоскующимъ юношей и его дядькой можно было бы относить слѣдующій фрагментъ (fr. 213 Kock = fr. 5 Koerte²):

отдѣлался отъ чаръ, — и снова зачарованъ²),

равно какъ и приведенный мной выше :

и въ горожанина ты снова превратишься³).

Эти слова могъ бы говорить дядька, по мнѣнію котораго Фидію надо вернуться въ городъ и зажить прежнею жизнью: тогда спадутъ съ него всѣ чары деревенской любви, тѣ чары, отъ которыхъ онъ еще недавно съумѣлъ отдѣлаться!

1) Такъ думаетъ Menozzi, о. с., 13.

2) Robert (*Der neue Menander*, 31) влагаетъ этотъ отрывокъ въ уста Геты, что, на мой взглядъ, далеко не правдоподобно.

3) По мнѣнію Volgraffa (о. с., 60) этотъ стихъ могъ произносить Горгій послѣ того, какъ онъ былъ признанъ своими родителями и долженъ былъ мѣнять деревенскую жизнь, жизнь *ῥωρικοῦ*, на жизнь городскую.

Т. е., иными словами, вся бесѣда между Фидіемъ и его дядькой могла бы до извѣстной степени походить на тотъ разговоръ, который почти что по аналогичному поводу ведется въ „Фазмѣ“. Но слова дядьки не вліяли на Фидію: онъ оставался въ деревнѣ, а между тѣмъ дѣйствіе, постепенно подвигаясь впередъ, неожиданно, благодаря стеченію разныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, вступало въ такой фазисъ развитія, когда Фидій оказывался предъ необходимостью сознаться въ совершенномъ имъ поступкѣ. Эта сцена сознанія юноши предъ лицомъ Миррины и, вѣроятно, Софроны, могла происходить на манеръ того, какъ происходитъ подобная же сцена въ *Eupichus* Теренція (vv. 840 sqq.). Т. е., и Миррина и, въ особенности, Софрона должны были осыпать Фидію упреками, выдвигая на первый планъ какъ самый фактъ насилія, такъ и то, что онъ свершенъ надъ свободной дѣвушкой, ибо Плангò — рабыня только *de potestate*¹⁾. Къ этой сценѣ, и въ частности къ рѣчи Миррины, могъ бы относиться нижеслѣдующій фрагментъ, извѣстный намъ раньше (fr. 210 Kock = fr. 3 Koerte²⁾):

1) Среди мелкихъ фрагментовъ Каирскаго кодекса, про которые нельзя сказать съ полной опредѣленностью, къ какой комедіи Менандра они принадлежали, есть два, обозначаемые Лефебромъ буквами η и θ (*Lefebvre*², о. с., XIX sq.; Koerte², о. с., 99 sq.). Оба эти фрагмента заключаютъ въ себѣ въ общей сложности остатки 16 стиховъ, изъ которыхъ 10 приходятся на η и 6 — на θ . Что же касается до внѣшняго вида фрагментовъ, то, по словамъ Лефебра (о. с., XX), они напоминаютъ собой въ этомъ отношеніи отрывокъ δ - ϵ - ζ . Отсюда ясно, что ихъ можно было бы относить къ нашей комедіи. Но, къ сожалѣнію, они до такой степени пострадали, что опредѣлить съ точностью, о чемъ шла въ нихъ рѣчь, почти невозможно. Тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ обратить вниманіе на стихи 2—3 фрагмента θ :

$\eta\sigma\chi\nu\nu[\epsilon\theta'] \delta\pi[\delta \dots \dots]$
' $\Lambda\lambda\epsilon\alpha\sigma$ ' $\Lambda\theta\acute{\alpha}\nu\alpha\sigma[\dots \dots]$

изъ которыхъ второй былъ намъ уже извѣстенъ раньше изъ Прокула, комментатора Гесіода (*Procul. ad Hes. op.* 491 = Kock, о. с., III, 247, fr. 967). Въ этихъ стихахъ говорилось, повидимому, о какой-то дѣвушкѣ, подвергшейся насилію, причемъ эта дѣвушка сравнивалась, какъ думаетъ Koerte², (о. с., 100), съ Авгой, изнасилованной Геракломъ въ храмѣ Аѣины Ален. Если же отрывки η и θ , дѣйствительно, относились къ комедіи *Ἡρώς*, то очень возможно, что дѣвушка, о которой шла рѣчь, есть наша Плангò, причемъ изъ наличности параграфа видно, что стихи входили нѣкогда въ діалогическую сценку. Не къ бесѣдѣ ли Миррины и Софроны принадлежали они раньше или, можетъ быть, къ разговору Миррины съ Фидіемъ?

тому, кто чистъ душой, тому и быть бы знатнымъ ¹⁾.

Но негодую на Фидію, но выясняя ему всю низость его поступка, Миррина всё-таки должна была чувствовать себя спокойнѣе, чѣмъ при недавнемъ объясненіи съ Давомъ: вѣдь насильникомъ оказался не рабъ, а человѣкъ свободный! Поэтому она, какъ и Файда изъ Еупісхиса, могла бы, если и не сказать, то, по крайней мѣрѣ, подумать про себя:

pop adeo inhumano ingenio sum, Pheidia,
neque ita inperita, ut quid amor valeat nesciam.

А что такое настроеніе могло быть у Миррины, — это какъ будто подтверждается однимъ изъ нашихъ фрагментовъ, который могъ бы подходить къ концу сцены сознанія, т. е., къ тому моменту, когда утихали страсти и когда слѣдующія слова (fr. 214 Kock = fr. 6 Koerte ²⁾):

такъ знай же, что и я тебѣ твой грѣхъ прощу,

явились бы вполне кстати своего рода примирительнымъ аккордомъ ³⁾.

Такъ хотѣлось бы мнѣ конструировать приблизительный ходъ дѣйствія нашей комедіи, въ которой именно Миррина должна была, думается мнѣ, занимать одно изъ центральныхъ мѣстъ и по преимуществу приковывать къ себѣ вниманіе зрителей, тѣмъ болѣе, что она по характеру лежащей на ней роли могла въ значительной степени вліять и на поступательное движеніе пьесы по пути къ развязкѣ. И мнѣ кажется, что оцѣнивая такъ роль Миррины, я не ошибаюсь. По крайней мѣрѣ, въ мою пользу говорятъ и *argumentum* и большинство разобранныхъ мною отрывковъ и наконецъ остатки одной сценки, къ которой мы можемъ перейти теперь и которая представляетъ собой бесѣду Миррины съ Лакесомъ.

Неполные 9 стиховъ этой сценки, находящіеся на *gesto* и на *verso* обрывка О, сдѣлались намъ извѣстны уже изъ первой публикаціи Лефебра ³⁾. Однако, благодаря своей не-

1) Этотъ стихъ Робертъ (*Der neue Menander*, 31) влагаетъ въ уста Лакеса, а Vollgraff (о. с., 60) — въ уста Горгія.

2) По мнѣнію Роберта (*Der neue Menander*, 31) этотъ стихъ могъ произносить мужъ Миррины, Лакесь.

3) Lefebvre, о. с., 215; A Koerte, о. с., 8—9. Четыре изъ этихъ стиховъ приходятся на *gesto* и пять — на *verso*.

полнотѣ и отрывочности, они не могли быть оцѣнены по достоинству и не могли дать вѣрнаго представленія о томъ, къ какой сценкѣ и, въ частности, къ какимъ персонажамъ пьесы они нѣкогда относились. Но за послѣднее время Лефевру удалось найти еще одинъ новый обрывокъ папируса, — онъ обозначилъ его буквою γ —, исписанный также съ обѣихъ сторонъ и являющійся продолженіемъ обрывка O, а именно, правой его стороною на recto и лѣвой — на verso ¹⁾. Такимъ образомъ, получилось 9, приблизительно, цѣлыхъ стиховъ и кромѣ того въ достаточной степени выяснилось, что сценка, къ которой они принадлежали, представляла собой бесѣду Миррины съ Лахесомъ, но отнюдь не съ Давомъ, какъ думали это раньше ²⁾. Наконецъ, кромѣ упомянутыхъ 9 стиховъ, обрывокъ γ сохранилъ еще остатки другихъ 8; но къ сожалѣнію эти остатки не могутъ принести намъ большой пользы, ибо они сводятся по большей части къ отдѣльнымъ словамъ, изъ которыхъ врядъ ли можно сдѣлать какой нибудь опредѣленный выводъ. Во всякомъ случаѣ всѣхъ стиховъ на обрывкѣ O + γ будетъ 17, изъ коихъ 8 придутся на recto и 9 на verso. А такъ какъ число стиховъ на каждой страницѣ папируса колеблется между 35—38, то, значить, между стихами на recto и соотвѣтствующими на verso окажется лакуна вмѣстимостью въ 25—27 стиховъ, не меньше. Съ другой же стороны, если мы обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что стихи, начинающіе сценку въ ея теперешнемъ, неполномъ видѣ, не являются ея настоящимъ началомъ, но заставляютъ предполагать, что имъ раньше предшествовали другіе, нынѣ утерянные, то окажется, что вся сценка отличалась довольно большими размѣрами, что и понятно: вѣдь она, какъ мы это сейчасъ увидимъ, заключала въ себѣ данныя, которыя должны были не только раскрыть полностью тайну самой Миррины передъ лицомъ Лахеса, но и выяснить послѣднему тайну происхожденія Плангò и Горгія, которые до сихъ поръ были въ его глазахъ ничѣмъ инымъ, какъ дѣтьми вольноотпущенника Тибія. Я не буду останавливаться на первыхъ трехъ стихахъ лицевой стороны обрывка

1) Lefebvre², o. c., IV sq.; A. Koerte², o. c., 5 sq.

2) Lefebvre, o. c., 215; C. Robert, *Der neue Menander*, 31; Цеттели, *Комедія Менандра Герой*, 25.

О + γ, ибо всё, что отъ нихъ сохранилось, сводится къ слѣдующему :

.....]ι γε ου
] . στι
]ρεστατον :

Только изъ двоеточія, замыкающаго третій стихъ, ясно, что этимъ стихомъ заканчивалась рѣчь одного изъ говорящихъ лицъ, на которую другое давало реплику. въ стихѣ 4, имѣющемъ въ настоящее время такой видъ :

70] πρωτον λεγε.

Что же касается до дальнѣйшихъ стиховъ на гесто, представляющихъ собой продолженіе діалога, то они подъ рукой Koerte принимаютъ слѣдующую форму :

Α. ἔτη' στιν ὀκτώ καὶ δέκ'. Β. σὺν ἔστιν μόνη 5
 [.]ντ'. ἔστω δὲ τοῦτ', εἰ σὺ <γε> λέγεις[ις].
 [δοσφέ]σ τὸ πρᾶγμα γίνεται . πῶς λανθάνει
 [σὸς υἱὸς ὦν σε ; πῶς δ' ἄπεισ', ἐπὶν ἰδῇς]

Теперь намъ остается еще привести in extenso стихи, находящіеся на оборотной сторонѣ папируснаго обрывка, и тогда въ нашемъ распоряженіи окажется всё, что сохранилось отъ интересующей насъ сценки, къ разбору и посильному толкованію которой мы затѣмъ и обратимся :

..... σ . . . α[.]
 76 τούτω : π . [.] 10
 μᾶλλον δε[.]
 τὴν Θραῦτ[αν]

Α. σὺ τάλαινα φ[α]νερώς νῆ Δ' ὧ γύναι. Β. τί <γάρ>;

Α. εὖ κόρακας · ἐξέστηκας · οἶα γὰρ λέγεις¹⁾.

81 Β. ἃ καὶ ποῆσω καὶ δέδοκται μοι πάλαι. 15

Α. ἰδρὼς ἀπορρεῖ, νῆ Δ' . εἴγ' ὧ Μυρρίνη.

ἐπ' ἐμὰντόν ἔλαβον ποιμέν', ὅς βληχόμενον

Какъ это явствуется изъ стиха 16, однимъ изъ лицъ, подающихъ реплики, является Миррина (ст. 16: εἴγ' ὧ Μυρ-

1) Въ папирусу интерпункція иная, а именно :

εὖ κόρακας ἐξέστηκας : οἶα γὰρ λέγεις :

Т. е., иными словами, восклицаніе : οἶα γὰρ λέγεις отнесено въ папирусу къ тому лицу, которое мы обозначаемъ буквою Β. Въ уста Α вкладываетъ это восклицаніе Wilanowitz-Moellendorf, которому мы и слѣдуемъ.

οίση). Лицомъ же бесѣдующимъ съ нею, будетъ, вѣ всякаго сомнѣнія, ея мужъ, Лакесъ. По крайней мѣрѣ, въ пользу этого говорить не только самый тонъ бесѣды, но также слова ὁ γυναι (ст. 13) и въ особенности стихъ 17, который въ устахъ другого персонажа, кромѣ Лакеса, былъ бы не совѣмъ на мѣстѣ. И дѣйствительно, кто, какъ не Лакесъ, могъ говорить: „взялъ я къ себѣ пастуха, дабы онъ за блеющимъ < стадомъ смотрѣлъ >“, причемъ подъ „пастухомъ“ слѣдуетъ, по всей вѣроятности, разумѣть Горгія, о которомъ, какъ о пастухѣ, идетъ рѣчь въ бесѣдѣ Дава и Геты (см. ст. 26). Итакъ, для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что дѣйствующими лицами нашей сценки были Лакесъ и Миррина.

Но если рѣшеніе этого вопроса не представляетъ для насъ никакихъ трудностей, то совершенно иначе обстоитъ дѣло съ пониманіемъ самой сценки, ибо здѣсь на каждомъ шагу мы наталкиваемся на массу неяснаго и недосказаннаго, на массу такого, въ чемъ трудно отдать себѣ ясный отчетъ и относительно чего врядъ ли можно говорить съ полной опредѣленностью. Во всякомъ случаѣ, я хотѣлъ бы разсуждать слѣдующимъ образомъ. Насколько можно судить по контексту, Лакесъ уже знаетъ о быломъ паденіи Миррины и о томъ, что она родила двухъ близнецовъ, мальчика и дѣвочку. Но, повидимому, онъ не знаетъ еще, что виновникомъ этого паденія былъ никто иной, какъ онъ самъ¹⁾. По крайней мѣрѣ, изъ его словъ какъ будто нельзя сдѣлать другого вывода. Равнымъ образомъ, Миррина еще не успѣла или, что вѣроятнѣе, не пожелала сообщить ему о дальнѣйшей судьбѣ близнецовъ, т. е., о томъ, что они не только не были брошены ею на произволъ судьбы, но наоборотъ были отданы на воспитаніе Тибію. Такъ приходится думать на основаніи стиховъ 7—8 (ср. также ст. 17), которые были бы не на мѣстѣ, если бы Миррина уже успѣла посвятить Лакеса въ эти подробности своей тайны. Итакъ, Лакесъ знаетъ о паденіи Миррины, о рожденіи дѣтей, но не подозреваетъ еще, что эти дѣти находятся тутъ же, въ его домѣ.

Между тѣмъ Миррина, по преимуществу занятая мыслью о необходимости освободить Плангъ отъ грозящей ей свадьбы съ Давомъ, на которую Лакесъ уже далъ свое со-

1) Ср. Lefebvre², о. с., V и A. Koerte², о. с., XVIII.

гласіе, и не желая вмѣстѣ съ тѣмъ до поры до времени вскрывать своего настоящаго отношенія къ такъ называемымъ дѣтямъ Тибія, говоритъ какъ бы ввидѣ предположенія, что Плангò могла бы быть ея дочерью. При этомъ въ качествѣ доказательства, подтверждающаго это предположеніе, она ссылается на возрастъ дѣвушки, совпадающій съ тѣмъ временемъ, когда надъ самой Мирриной было совершено насиліе (ст. 5). Этотъ доводъ Миррины кажется страннымъ Лახесу, и онъ старается опровергнуть его въ стихахъ 5—6, которые я хотѣлъ бы дополнять такъ:

οὐκ ἔστιν μόνη¹⁾

[ἔτι τοσαύτ'.

Т. е., иными словами, Лახесъ, удивленный тѣмъ, что Миррина выдвигаетъ въ пользу своего предположенія слишкомъ уже несостоятельный доводъ, говоритъ ей: „да, но не одной же Плангò столько лѣтъ“. Мало того, зная изъ разсказа Миррины, что у нея было двое дѣтей, и припомнивъ сверхъ того, что братомъ Плангò является Горгій, Лახесъ, не понимающій, почему Миррина, говоря о дѣвушкѣ, ни слова не говоритъ о юношѣ, и задаетъ ей слѣдующій вопросъ (ст. 6—8): „но положимъ, что всё обстоитъ такъ, какъ ты говоришь. Всё таки кое-что остается непонятнымъ. И дѣйствительно, какимъ образомъ неизвѣстно тебѣ, что Горгій, братъ Плангò, приходится тебѣ сыномъ“? Это вполне логичное замѣчаніе Лახеса могло имѣть своимъ послѣдствіемъ только одно, а именно: оно должно было побудить Миррину къ сознанію въ томъ, что и Плангò и Горгій — ея дѣти, что они оба были отданы ею на воспитаніе Тибію и что, рѣшаясь на такой шагъ, она хотѣла спасти ихъ отъ гибели. Изложенію этихъ подробностей и могли быть посвящены тѣ стихи, которые нѣкогда слѣдовали за стихами на recto. Что же касается до имѣющихся въ нашемъ распоряженіи стиховъ на verso, то въ нихъ, какъ мнѣ кажется, отчасти выражается то впечатлѣніе, которое произвели на Лახеса слова Миррины, отчасти же подготавливается переходъ къ новому эффекту, а именно, къ открытію того, что отцомъ Плангò и Горгія, а слѣдовательно, и насильникомъ Миррины, былъ никто иной,

1) μόνη — Wilamowitz, μόνη — папирусъ, Koerte.

какъ самъ Лахесъ. Правда, при настоящемъ состояніи текста трудно придти къ какому нибудь положительному выводу. Но всё таки изъ отдѣльныхъ восклицаній Лахеса можно видѣть, что онъ находится въ довольно приподнятомъ настроеніи и что слова Миррины дѣйствуютъ на него удручающе. Достаточно будетъ указать на стихи 13, 14 и 16!

Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать съ точностью, одинъ ли рассказъ Миррины подѣйствовалъ такъ на Лахеса, или же, помимо этого, имѣется на лицо еще другая, не менѣе серьезная причина, которая и заставляетъ Лахеса говорить (ст. 16):

ἰδρῶσ ἀπορρεῖ, νῆ Δι'. εἴγ' ὦ Μυρρίνῃ.

Мнѣ лично думается, что такая причина есть и что она заключается между прочимъ въ словахъ Миррины (ст. 15):

ἃ καὶ ποίῃω καὶ δέδοκται μοι πάλαι,

на которыя Лахесъ отвѣчаетъ стихомъ 16, только что нами приведеннымъ.

Но каково будетъ содержаніе этой пугающей Лахеса причины, сказать довольно трудно. Можно, впрочемъ, думать, что Миррина хочетъ привести въ исполненіе какой-то пришедшій ей въ голову планъ, надъ которымъ она, какъ это видно изъ ея словъ, уже не разъ думала и для выполненія котораго она поджидала только подходящаго момента. Но въ чемъ же могъ заключаться этотъ планъ и кого по преимуществу онъ долженъ былъ касаться? Надо полагать, что онъ касался Плангò и Горгія. Содержаніе же его могло заключаться между прочимъ въ томъ, что Миррина предъ-являла къ Лахесу требованіе легитимировать близнецовъ и ввести ихъ такимъ образомъ въ семью въ качествѣ законныхъ наслѣдниковъ. Не это ли требованіе Миррины и приводитъ Лахеса въ ужасъ, причемъ, какъ человѣкъъ добродушный и слабый, онъ не рѣшается прямо отказать своей настойчивой и энергичной женѣ въ исполненіи ея желанія, хотя это желаніе и кажется ему чѣмъ-то уродливымъ и невыполнимымъ? Мнѣ думается, что ничего невѣроятнаго въ этомъ предположеніи нѣтъ.

Наоборотъ, я полагаю, что косвеннымъ подтвержденіемъ его служить стихъ 17:

ἐπ' ἐμαυτὸν ἔλαβον ποιμέν', ὃς βληχόμενον,

который я хотѣлъ бы переводить такъ: „взялъ я къ себѣ пастуха, дабы онъ за блеющимъ <стадомъ смотрѣлъ>“. Спранивается теперь, про какого пастуха, взятаго къ себѣ Лакесомъ, идетъ рѣчь? Скорѣе всего — про Горгія, о которомъ, какъ о пастухѣ, говорится въ бесѣдѣ Дава и Геты. Но разъ это такъ, то весь смыслъ стиха 17 былъ бы приблизительно таковъ: Лакесъ, предъ которымъ Миррина хлопотеть о легитимированіи своихъ незаконныхъ дѣтей, приходитъ въ отчаяніе при мысли о томъ, что ему придется дать права сына какому-то пастуху, котораго онъ взялъ къ себѣ въ качествѣ полу-раба, полу-наемника и который оказывается ребенкомъ Миррины, неизвѣстно отъ кого ею прижитымъ.

Таково въ общихъ чертахъ было бы мое предположеніе, на правильности котораго я, конечно, не могу настаивать, но которое кажется мнѣ вполне возможнымъ и допустимымъ. Но даже если это предположеніе и невѣрно, всё таки изъ словъ Миррины и соотвѣствующихъ восклицаній Лакеса мы должны заключать, что Миррина намѣрена сдѣлать какой-то шагъ, который не находитъ себѣ одобренія у Лакеса и который приводитъ послѣдняго въ состояніе полной растерянности, выражающейся въ такихъ восклицаніяхъ, какъ *ἰδρῶς ἀπορρεῖ* (ст. 16), а также:

ἐσ κόρακας · ἐξέστηκας · οἷα γὰρ λέγεις.

Разобранными нами отрывками ограничивается почти всё, что доніло до насъ отъ комедіи Менандра „Герой“. Правда, существуетъ еще нѣсколько маленькихъ фрагментовъ, извѣстныхъ намъ раніе; но всѣ они до такой степени кратки и отрывочны, что врядъ ли могутъ принести какую нибудь пользу при попыткѣ реконструировать пьесу и выяснитъ значеніе и роль выступавшихъ въ ней персонажей¹⁾. Ввиду этого я оставляю ихъ въ сторонѣ, какъ матеріаль, который нельзя утилизировать, и если на чемъ я считаю нужнымъ остановиться, то только на фигурѣ Горгія, роль котораго была, повидимому, хотя и не первенствующей, но тѣмъ не менѣе очень важной для развязки пьесы. Къ сожалѣнію, мы не въ состояніи уяснить еѣ себѣ надлежащимъ

1) Этими отрывками будутъ тѣ, которые стоятъ у Коегте² подъ номерами 4, 7 и 8.

образомъ, ибо къ ней можно относить всего на всего одинъ, довольно ничтожный отрывокъ, если только онъ дѣйствительно произносился Горгіемъ, а не какимъ либо другимъ персонажемъ. Этотъ отрывокъ (я уже ссылался на него выше) гласитъ слѣдующее:

охотникамъ, сюда изъ города прибывшимъ,
я груши дикія хотѣлъ бы показать.

Спрашивается, какое изъ дѣйствующихъ лицъ скорѣ всего могло говорить эти слова? Я лично думаю, что Горгій. Въдъ такимъ образомъ онъ могъ бы мотивировать свое первое появленіе на сценѣ, тѣмъ болѣе необходимое, что этого появленія требовалъ какъ разъ ходъ дѣйствія, уже успѣвшаго захватить въ большей или меньшей степени почти всѣхъ причастныхъ къ нему лицъ. Но во всякомъ случаѣ Горгій долженъ былъ появляться на сценѣ нѣсколько раньше Лахеса. Это явствуетъ изъ того, что его имя стоитъ въ списокѣ дѣйствующихъ лицъ на предпоследнемъ мѣстѣ, тогда какъ Лахесъ занимаетъ послѣднее. А разъ это такъ, то, значить, зрители должны были сперва ознакомиться съ Горгіемъ и уже затѣмъ съ Лахесомъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній, по характеру лежавшей на немъ роли, былъ настоящей „persona ad catastropham machinata“, т. е., лицомъ, которое кладетъ конецъ всякимъ тревоженіямъ и неопредѣленностямъ и приводитъ такимъ образомъ пьесу ad iucundos exitus. Въ нашемъ же случаѣ всѣ эти неопредѣленности и тревоженія должны были прекращаться съ того момента, когда оказывалось, что отцомъ близнецовъ былъ никто иной, какъ Лахесъ, еще недавно, въ своей бесѣдѣ съ Мирриной, приходившій въ ужасъ отъ одной мысли объ этихъ внѣбрачныхъ дѣтяхъ своей жены, неизвѣстно отъ кого ею прижитыхъ. И вотъ, по волѣ *Τύχη*, бесѣда, въ которой Миррина волей-неволей принуждена была вскрывать передъ Лахесомъ тайну своей прежней жизни, превращалась подъ конецъ, благодаря разспросамъ Лахеса, въ обвинительный актъ противъ него самого, въ нѣчто такое, чего онъ не ожидалъ и что тѣмъ не менѣе помогало ему благополучно разрѣшить вопросъ, еще недавно казавшійся неразрѣшимымъ.

Мы не знаемъ, путемъ вскрытія какихъ подробностей достигался этотъ неожиданный для Лахеса результатъ; но мнѣ

думается, что дѣло могло обойтись и безъ наличности *τα ὑποκρίματα*, играющихъ обыкновенно такую большую роль въ практикѣ и въ репертуарѣ „новой“ комедіи. Вполнѣ мыслимо, что одни простые разспросы мало по малу приводили Лахеса къ убѣжденію въ томъ, что Миррина — его бывшая жертва, а Горгій и Плангò — его дѣти, отъ нея прижитыя. Но какимъ бы образомъ ни происходило открытіе этого факта, съ помощью ли „вещественныхъ доказательствъ“, или же путемъ простыхъ намековъ и разспросовъ, результатомъ открытія было то, что, говоря словами *argumentum*:

когда открылось всё, отецъ призналъ дѣтей
и въ жены дѣвушку охотно взялъ насильникъ.

Итакъ, Плангò и Горгій, еще недавно жившіе въ домѣ своего отца на положеніи кабальныхъ людей, сдѣлались полноправными гражданами, защищенными закономъ отъ разнаго рода непріятныхъ случайностей, что въ особенности ясно сказалось на Плангò. Вѣдь теперь, съ установленіемъ факта ея свободнаго происхожденія, ея недавній обидчикъ Фидій долженъ былъ жениться на ней, что онъ дѣйствительно и дѣлалъ, да притомъ „съ охотой“, какъ говоритъ *argumentum*. Однимъ словомъ, наступало общее благополучіе и если кто-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ оставался неудовлетвореннымъ, то — только одинъ Давъ: его неудачная любовь и начинала и кончала собой пьесу!

4.

Затронувъ и разобравъ приблизительно всѣ наиболѣе важные вопросы, связанные либо съ дѣйствіемъ пьесы, либо съ характерами ея персонажей, мы не затронули еще одной проблемы, касающейся вопроса о томъ, *какая* роль лежала на самомъ *ἥρωσ* и *что* именно представлялъ онъ собою. По мнѣнію Лефебра¹⁾, „il est sans doute plus simple et plus exact de voir en lui un des héros éponymes des tribus athéniennes“. Что же касается до его роли въ пьесѣ, то, по мнѣнію того же Лефебра²⁾, „il suffirait qu'il y eût paru, qu'il eût rempli une scène de sa présence, amené le dénouement, par exemple“,

1) Lefebvre, o. c., 4.

2) Lefebvre, o. c., 4.

— мысль, которую французскій ученый развиваетъ нѣсколько ниже слѣд. образомъ; „à ce moment, l'action paraissant sans issue, le poète devait faire intervenir le *ἦρωσ*, véritable *θεὸς ἀπὸ μηχανῆς*“¹⁾.

Я не могу согласиться ни съ первымъ, ни со вторымъ предположеніемъ Лефебра. По моему, видѣть въ *ἦρωσ* одного изъ героевъ-эпонимовъ филъ невозможно потому, что тогда къ слову *ἦρωσ* было бы присоединено какое-нибудь собственное имя, точнѣе его опредѣляющее, чего мы въ нашей пьесѣ не видимъ. Равнымъ образомъ, немыслимо думать, чтобы *ἦρωσ* игралъ въ пьесѣ роль *deus ex machina*, ибо этому противорѣчитъ вся практика „новой“ комедіи. И дѣйствительно, несмотря на всю зависимость послѣдней отъ Еврипида, мы все-таки не можемъ установить въ ней ни одного случая, гдѣ бы *ἐπιφάνεια* божества выводила дѣйствіе изъ тѣхъ тисковъ безвыходности, въ которые оно попало благодаря разнымъ осложненіямъ²⁾. Сверхъ того на неестественность второго предположенія Лефебра указываетъ и списокъ дѣйствующихъ лицъ, въ которомъ *ἦρωσ* занимаетъ третье мѣсто, т. е., мѣсто лица, произносящаго прологъ послѣ вводной сценки, какъ видимъ мы это въ *Περικειραμένη* Менандра, въ *Cistellaria* и *Miles gloriosus* Плавта³⁾. Итакъ, гипотеза Лефебра о томъ, что такое *ἦρωσ* и о его роли въ комедіи не можетъ быть принята.

Но въ одинаковой мѣрѣ неприемлемо и то, что по поводу внимательства *ἦρωσ* въ дѣйствіе говоритъ Б. В. Варнеке въ своей книгѣ „Новыя комедіи Менандра“ (стр. 13—14), — тѣмъ болѣе неприемлемо, что въ словахъ Б. В. Варнеке замѣчается какое-то странное противорѣчіе. И въ самомъ дѣлѣ, въ одномъ мѣстѣ своей книги (о. с., 14) Б. В. Варнеке, опираясь на *argumentum*, высказываетъ ту мысль, что божество появлялось на сценѣ вслѣдъ за вводной сценкой, какъ *Auxilium* въ *Cistellaria* Плавта (значить, какъ прологъ?), въ другомъ же

1) Lefebvre, о. с., 5.

2) *Amphitruo* Плавта не можетъ служить примѣромъ, опровергающимъ наши слова, ибо эта комедія обрабатываетъ особый мифологическій сюжетъ, гдѣ *deus* былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ.

3) Ср. Donat. praef. ad Phorm. 11 : *officium prologi ante actionem quidem rei semper est, verumtamen et post principium fabulae inducitur, ut apud Plautum in Milite glorioso et apud ceteros magnae auctoritatis veteres poetas.*

мѣстѣ (о. с., 13) онъ предполагаетъ, что „въ минуту наивысшаго обостренія страстей дѣйствующихъ лицъ *εμφανιζατο* божество (*Ἡρώς*), давшее имя пьесѣ, и своимъ разсказомъ развязывало весь узелъ недоразумѣній“. Отсюда слѣдуетъ, что *Ἡρώς* не только игралъ роль *пролога*, но былъ еще чѣмъ-то вродѣ *deus ex machina*, т. е., былъ тѣмъ, о чемъ молчитъ практика „новой“ комедіи и что напомнило бы Юпитера въ *Amphitruo* Плавта. Но это немыслимо! Впрочемъ, надо думать, что все противорѣчіе заключается просто въ недостаточно точной формулировкѣ, тѣмъ болѣе, что въ своей статьѣ „Герой Менандра“¹⁾ Б. В. Варнеке говоритъ вполне ясно, что *Ἡρώς* выступалъ въ пьесѣ вмѣсто пролога.

Значитъ, нами пока установлено, что *Ἡρώς* не представлялъ собой „*un véritable θεὸς ἀπὸ μηχανῆς*“, но былъ просто на просто прологомъ или, иначе, персонажемъ, который выступалъ послѣ вводной сценки. Что же касается до характера той рѣчи, которую произносилъ *Ἡρώς*, то нѣкоторое представленіе о ней могла бы дать рѣчь *Ἀγνοία* изъ *Περικειρομένης*, т. е., иными словами, *Ἡρώς*, на манеръ *Ἀγνοία*, долженъ былъ выяснять въ своей рѣчи тѣ событія, которыя могли имѣть мѣсто до наступленія дѣйствія пьесы и знать которыя зрителямъ было необходимо для пониманія дальнѣйшаго. Такая, чисто-освѣдомительная рѣчь, базировавшаяся на знаніи того, что было, вполне соотвѣтствовала фигурѣ *Ἡρώς*. И дѣйствительно, кто, кромѣ существа высшаго порядка, могъ знать всѣ закоулки минувшаго, могъ провидѣть будущее, могъ выяснить цѣль, ради которой все происходитъ и которой люди по близорукости своей не видятъ? Недаромъ богиня Невѣдѣнія (*Ἀγνοία*) говоритъ въ своемъ прологѣ:

для счастья въ будущемъ я заварила кашу.

Недаромъ старается она показать зрителямъ, что все происходящее направлено лишь къ тому,

чтобъ вскрылась истина;

недаромъ, наконецъ, знаетъ она во всѣхъ деталяхъ то, что нѣкогда было: вѣдь все, и минувшее и настоящее и будущее, открыто передъ ней, а потому зрители, слушая ея прологъ,

1) Гермесъ, 2 (1909), 126.

могутъ быть спокойны за то, что они будутъ освѣдомлены надлежащимъ образомъ и что никакого обмана не будетъ. Въ всякаго сомнѣнiя, приблизительно такой же характеръ носила и недошедшая до насъ рѣчь *Ἡρώς*. Но само собою разумѣется, что, выступая на сцену, *Ἡρώς* прежде всего долженъ былъ познакомить публику съ собою, долженъ былъ открыть ей, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Такъ именно поступаетъ *Lar familiaris*, выступающій въ *Aulularia* (v. 1 sq.)¹⁾:

ne quis miretur qui sim, paucis eloquar.
ego Lar sum familiaris ex hac familia
unde exeuntem me aspexistis.

Такъ дѣйствуетъ и *Auxilium* въ *Cistellaria*, смѣняющее на сценѣ сводницу (v. 152 sqq.):

quod si tacuisset, tamen
ego eram dicturus, deus, qui poteram planius.
nam mihi Auxilio est nomen.

Наконецъ, подобнымъ же образомъ, хотя и въ болѣе пышной формѣ, мотивируетъ свой выходъ *Ἀήρ*, выступавшій въ одной комедіи Филемона (fr. 91 Kock):

ὄν οὐδὲ εἰς λέληθεν οὐδὲ ἐν ποιῶν
οὐδ' αὖ ποιήσων, οὐδὲ πεποιηκώς, πάλαι,
οὔτε θεός οὔτ' ἀνθρώπος, οὗτος εἰμ' ἐγώ,
Ἀήρ, ὃν ἄν τις ὀνομάσειε καὶ Δία.²⁾

На основаніи этихъ примѣровъ, число которыхъ при желаніи можно увеличить, слѣдуетъ думать, что и *Ἡρώς*, появляясь передъ зрителями, называлъ себя по имени, да сверхъ того въ точности опредѣлялъ свое значеніе, а можетъ быть, и ту связь, которая существовала между нимъ и нѣкоторыми пер-

1) Плавта я цитую по изданію Lindsay, T. Macci Plauti comoediae, Oхonii.

2) Не менѣе пышно характеризовалъ себя и *Ἐλεγχος*, бывший прологомъ въ одной изъ пьесъ Менандра, если судить объ этомъ по слѣдующимъ словамъ Лукіана, представляющимъ собой, повидимому, перифразъ начальныхъ словъ *Ἐλεγχος* (Luc. Pseudolog. 4): *μᾶλλον δὲ παρακλητέος ἡμῖν τῶν Μενάνδρου προλόγων εἰς ὃ Ἐλεγχος, φίλος ἀληθείας καὶ παρρησίας, θεὸς οὐχ ὃ ἀσημύτατος τῶν ἐπὶ τὴν οἰκὴν ἀναβαινόντων, μόνοις ὅμιν ἐχθρὸς τοῖς δεδιδόαι τὴν γλῶτταν αὐτοῦ πάντα καὶ εἰδότος καὶ σαφῶς διεξιόντος, ὁπόσα ὅμιν σύννοιδε.*

сонажами комедии, — на манеръ того, какъ дѣлаетъ это *Luxuria* въ *Trinummus* или *Lar familiaris* въ *Aulularia*. Но каково же было значеніе *Ἥρωσ*? На этотъ вопросъ van Leeuwen въ первомъ изданіи комедій Менандра отвѣтилъ словами „neque Heros ille quid egerit satis apparet“ ¹⁾. Но во второмъ изданіи тотъ же van Leeuwen уже даетъ очень опредѣленный отвѣтъ, говоря, что „fuit *Ἥρωσ θεὸς ἐκείνου* genius tutelaris domus, quem Larem familiarem vocavit Plautus initio fabulae *Aululariae*“ ²⁾. Одновременно съ van Leeuwen’омъ къ подобной же мысли пришелъ и Fr. Leo ³⁾, который тоже сопоставилъ *Ἥρωσ* съ *Lar familiaris* и тоже усмотрѣлъ въ немъ „божество — покровителя семьи“. А затѣмъ вышеуказанный взглядъ установился въ литературѣ предмета и, насколько мнѣ извѣстно, ни въ комъ не возбуждалъ сомнѣнія въ своей правильности, пока противъ него не выступилъ Б. В. Варнеке въ особой статьѣ „Герой Менандра“, и не постарался доказать, что *Ἥρωσ* является вовсе не покровителемъ семьи, но наоборотъ злымъ гениемъ послѣдней ⁴⁾.

Спрашивается, какое изъ этихъ двухъ мнѣній правильно? Обычный взглядъ на *Ἥρωσ*, какъ на добрую, благожелательную силу, которая содѣйствуетъ устраненію семейныхъ неурядицъ, покоится, какъ я уже говорилъ выше, на отождествленіи *Ἥρωσ* съ *Lar familiaris*, выступающимъ у Плавта въ *Aulularia*. Въ пьесѣ Плавта *Lar*, какъ ему и подобаетъ, оказывается лицомъ, которому не безразлична жизнь семьи, которое посвящено во всѣ ея тайны и которое регулируетъ свои дѣйствія, сообразуясь съ тѣмъ, какъ къ нему относятся. Поэтому тайна сокровища, ввѣренная ему однимъ изъ членовъ семьи, не вскрывается имъ сыну послѣдняго въ виду того, что этотъ сынъ, какъ говоритъ *Lar* (v. 18 sq.),

minu’ minusque impendio
curare minu’ que me impertire bonoribus.

Зато, когда внучка этого лица стала окружать *Lar*’а заботами, божество смягчилось и обогатило отца дѣвушки съ тайной цѣлью,

1) van Leeuwen, *Menandri quatuor fabularum fragmenta nuper reperta* (Lugd. Batav. 1908), 6.

2) van Leeuwen ², о. с., 2.

3) Leo, *Der neue Menander* (= *Hermes*, 43 (1908), 127).

4) *Гермесъ*, 2 (1909), 124 слл.

quo iliam facilius nuptum, si vellet, daret.

Мало того, Лаг, дабы устроить свою любимицу, принялъ участіе и во многомъ другомъ, подготовивъ исподволь рядъ событій, которыя должны были повести къ свадьбѣ дѣвушки. Такимъ образомъ, Лаг оказался настоящимъ благодѣтелемъ семьи, готовымъ заботиться о выгодахъ послѣдней, но подъ условіемъ, что и къ нему будутъ относиться съ любовью и уваженіемъ.

Этотъ образъ Лара-благодѣтеля невольно просится на сопоставленіе его съ образомъ *Ἡρώς*. Но возможно ли это? Правда, относительно *Ἡρώς* мы знаемъ, что они стояли не только во главѣ отдѣльных родовъ, какъ предки-покровители, но что сверхъ того у любой семьи могъ быть (и дѣйствительно бывалъ) свой собственный *Ἡρώς*, котораго почитали, какъ своего генія-хранителя, и который имѣлъ свой частный культъ¹⁾. Далѣе, мы знаемъ, что *Ἡρώς*, какъ всякое хтоническое божество, могли быть и добрыми и злыми и что, наконецъ, очень легко было навлечь на себя ихъ гнѣвъ: стоило только отнестись къ нимъ съ недостаточнымъ почтеніемъ или не выказать надлежащаго вниманія ихъ культу²⁾. Но наряду съ этимъ представленіемъ о *Ἡρώς* было и другое, суть котораго заключалась въ слѣдующемъ: отъ *Ἡρώς* нельзя ожидать ничего хорошаго; они исключительно злая сила, готовая вредить всѣмъ и каждому, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Поэтому къ нимъ надо относиться съ большою осторожностью, надо умиловать ихъ всякими *μερίμναι* и вообще стараться чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь ихъ не обидѣть. Это второе, неблагопріятное для *Ἡρώς* представленіе отразилось и въ литературѣ, причемъ всего характернѣе выражено оно въ 63 баснѣ Бабрія, передающей о томъ, какъ одинъ *Ἡρώς*, котораго почиталъ и ублажалъ какой-то благочестивый человѣкъ, предсталъ передъ нимъ ночью и обратился къ нему съ такими словами (vv. 7 sq.):

1) Cp. Callim. epigr. 24 (ed. Wilamowitz-Moellendorf):

*Ἡρώς Αἰετῖωνος ἐπιστάθμος Ἀμφιπολίτῳ
ἵδρυναι μικρῶι μικρὸς ἐπὶ προθύρῳι.*

2) См. Roscher, Ausführliches Lexikon der griech. und römisch. Mythologie, I, 2474—2478, s. v. Heros.

*ἀγαθὸν μὲν εἶπεν, οὐδ' ἂν εἰς τις ἡρώων
ὥ τᾶν παράσχοι ταῦτα τοὺς θεοὺς αἶτει·
κακῶν δὲ πάντων, αἶτε σύνεστιν ἀνθρώποις
δοτῆρες ἡμεῖς, τοιγὰρ εἰ κακῶν χρῆζεις,
εὖχον παρέξω πολλά, καὶ ἐν αἰτήσῃς.¹⁾*

Какому же изъ этихъ двухъ представлений слѣдовалъ, или вѣрнѣе, могъ слѣдовать Менандръ при выведеніи на сцену *Ἡρώς θεός*? Большинство ученыхъ (ср. выше) полагаетъ, что — первому, которое могло бы сближать *Ἡρώς* съ *Lar familiaris*. И только одинъ Б. В. Варнеке держится противоположнаго мнѣнія, считая его единственно приемимымъ. Но само собой разумѣется, что при высказываніи этой мысли онъ основывается не только на томъ, что на *Ἡρώς* смотрѣли иногда, какъ на „злыхъ духовъ“, приносящихъ горе. Почва, на которой стоитъ Б. В. Варнеке, другая: она восходитъ къ Менандру! Среди недошедшихъ до насъ комедій послѣдняго значится одна, носившая заглавіе *Συνέφηβοι*. Каково было ея содержаніе, мы не знаемъ, такъ какъ отъ нея не сохранилось ни одного фрагмента. Только пареміографъ Зенобій (=Коск, III, р. 131), приводя пословицу *οὐκ εἰμὶ τούτων τῶν ἡρώων*, говоритъ по ея поводу: *αὕτη τέτακται ἐπὶ τῶν βουλομένων εὖ ποιεῖν οἱ γὰρ Ἡρώες κακοῦν ἐτοῖμοι μᾶλλον ἢ εὐεργετεῖν, ὥς φησι Μένανδρος ἐν Συνεφήβοις*. Сверхъ того мы имѣемъ еще слѣдующее свидѣтельство схолиаста къ „Птицамъ“ Аристофана (ст 1490): *οἱ Ἡρώες δὲ δυοόργανοι καὶ χαλεποὶ τοῖς ἐμπλεάζουσιν γίνονται, καθάπερ Μένανδρος ἐν Συνεφήβοις*²⁾. Изъ обоихъ текстовъ вполне очевидно, что и Зенобіи и схолиастъ имѣютъ въ виду одну и ту же пьесу Менандра, *Συνέφηβοι*, а не двѣ разныхъ, какъ думаетъ почему-то Б. В. Варнеке, говорящій, будто „у насъ нѣтъ основаній утверждать“, что свидѣтельство схолиаста „относится къ той же самой пьесѣ, о которой говоритъ и Зенобій“³⁾. Основанія у насъ есть, а заключаются они въ томъ, что оба автора, говоря о Менандрѣ,

1) Цитую по изданію Rutherford, Bahrnus (London 1883), 63.

2) Послѣ *Συνεφήβοις* въ схоліи лакуна, а затѣмъ идетъ другая схолія, которая начинается словами: *ὅτι ἀγαθὸν ὑμῶν χειμῶνος* и которая съ первой схоліей не имѣетъ никакой связи. См. Dühner, Scholia graeca in Aristophanem, 242.

3) D. c., 125.

прибавляютъ одинаковое „ἐν Συνεφεῆβοις“. Но это не важно. Гораздо важнѣе другое, а именно: можно ли на основаніи двухъ приведенныхъ нами мѣстъ утверждать, какъ дѣлаетъ это Б. В. Варнеке, что Менандръ смотрѣлъ на *ἥρωσ*, какъ на злую силу? Прежде всего врядъ ли возможно, чтобы у Менандра было двѣ пьесы, въ которыхъ безымянный *ἥρωσ* выступалъ въ качествѣ дѣйствующаго лица, и притомъ такъ, что въ одной — онъ только дѣйствовалъ, а другой — давалъ сверхъ того и заглавіе. Я лично считаю это недопустимымъ или, по крайней мѣрѣ, мало вѣроятнымъ. Но если у Менандра была линія одна пьеса съ *ἥρωσ* въ качествѣ дѣйствующаго персонажа, то, значитъ, въ *Συνεφεῆβοι* о божествѣ могли *только* разговаривать по тому и другому неизвѣстному намъ поводу. При этомъ мы не знаемъ, въ чьи уста могъ вкладывать поэтъ разсужденія о *ἥρωσ*. Возможно, что въ уста какого-нибудь *δαιμόδαμον*, — суевѣрнаго человѣка, трепещущаго передъ всѣми явленіями и существами не здѣшняго, но потусторонняго міра. Наконецъ, изъ того, что какой-нибудь персонажъ говорилъ о *ἥρωσ*, какъ о лицѣ, котораго надо опасаться въ виду его злобности, еще нельзя выводить, что Менандръ *вообще* приписывалъ *ἥρωσ* такое отрицательное значеніе. Однимъ словомъ, предположеніе Б. В. Варнеке, несмотря на всю свою кажущуюся завлекательность, не удовлетворяетъ меня и я, несогласный съ нимъ, не могу принять и слѣдующаго, сдѣланнаго изъ него вывода: „*ἥρωσ*, выступившій вмѣсто пролога, какъ *Auxilium* въ *Cistellaria* Плавта, могъ разсказывать о себѣ не какъ о благодѣтелѣ семьи, а какъ объ источникѣ тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ персонажей пьесы спасалъ *ἀναγνώρισις*“. Если такъ, то надо этого *ἥρωσ* сравнивать не съ *Lar familiaris* изъ *Aulularia* Плавта, . . . а съ *Luxuria* изъ его *Trinummus* (v. 12)*.

Итакъ, я остаюсь при прежнемъ, обычномъ взглядѣ на *ἥρωσ*, какъ на своего рода *Lar familiaris*, и продолжаю думать, что въ своемъ прологѣ *ἥρωσ* послѣ изложенія событий, имѣвшихъ мѣсто до начала пьесы, указывалъ еще, какъ благодѣтельный геній семьи, и на тѣ мѣры, которыя приняты имъ для обезпеченія счастья Миррины и ея дѣтей, Плангѣ и Горгія. Но въ чемъ заключались эти мѣры, мы сказать не можемъ. Мы знаемъ только, что онѣ сбывались по мѣрѣ развитія дѣйствія пьесы и что въ концѣ концовъ на мѣсто

прежнихъ тревоженій и безпокойствъ выдвигалось счастье, по поводу неожиданнаго появленія котораго и Миррина и ея дѣти могли бы съ полнымъ правомъ сказать словами Филемо́на:

*ὥς ἡδέως μοι γέγονε τὰ πρότερον κακὰ
εἰ μὴ τότε' ἐπόνουν, νῦν ἂν οὐκ εὐφραινόμην.*

II.

Третейскій судъ.

1.

Если при реконструкціи комедіи Менандра „Герой“ намъ приходилось вращаться почти исключительно въ области чистыхъ гипотезъ, то въ нѣсколько иномъ положеніи находимся мы по отношенію къ другой пьесѣ того же автора, идущей въ Каирской рукописи вслѣдъ за „Героемъ“ и носившей заглавіе „Третьейскій судъ“ (*Ἐπιτορεύουσα*). Дѣло въ томъ, что хотя и эта пьеса не дошла до насъ въ цѣлости, хотя и она богата лакунами, нарушающими и затемняющими ходъ дѣйствія, всё таки оперировать съ ней гораздо легче, такъ какъ отъ нея въ общей сложности сохранилась, приблизительно, половина. Въдѣ „Третьейскій судъ“ въ своемъ настоящемъ видѣ занимаетъ въ рукописи одинъ, почти цѣлый, кватерніонъ, у котораго не достаетъ двухъ страницъ вначалѣ и въ которомъ сверхъ того сильно пострадали предпоследній и послѣдній полу-листы, т. е., 3—4 страницы второго и перваго листовъ¹⁾). Благодаря этому вмѣсто 490 стиховъ (число строкъ на каждой страницѣ папируса колеблется между 35—38), которые должны были стоять на 14 страницахъ кватерніона, осталось въ наличности 431. Но изъ нихъ въ безусловно-хорошемъ состояніи находится только 365, тогда какъ остальные 66 (начиная отъ стиха 365) представляютъ собой жалкіе обрывки. Отъ второго же кватерніона сохранилось 8 неполныхъ страницъ, изъ которыхъ двѣ относились къ первому листу кватерніона, четыре — составляли его третій листъ (т. е., страницы 5—6, 11—12), а двѣ остальныхъ были пер-

1) Общій видъ перваго кватерніона будетъ таковъ: $\langle R_{1-2} \rangle$, D_{1-2} , C_{1-2} , B_{1-2} , B_{3-4} , C_{3-4} , D_{3-4} ($= N + T + M$), R_{3-4} ($= Y + R$). См. *Lefebvre*², о. с., III; *Koerte*², о. с., XVIII.

выми страницами четвертаго листа (т. е., 7—8 страницей), причемъ на пространствѣ этихъ 8 страницъ находится 160 болѣе или менѣе цѣльныхъ стиховъ, да сверхъ того остатки 80 другихъ¹⁾. Итакъ, число всѣхъ сохранившихся стиховъ равняется 591 (+ 80). Но сверхъ того мы располагаемъ еще нѣсколькими, уже раньше извѣстными намъ фрагментами²⁾, и наконецъ въ нашемъ распоряженіи находится цѣлый рядъ свидѣтельствъ разныхъ авторовъ древности, въ которыхъ такъ или иначе затрогивается вопросъ о нашей пьесѣ и которыя ясно показываютъ намъ, что она занимала среди другихъ произведеній Менандра одно изъ первыхъ мѣстъ. По крайней мѣрѣ, о ней говоритъ Квинтиліанъ³⁾, о ней упоминаетъ Алкифронъ въ одномъ изъ своихъ „Писемъ“⁴⁾, наконецъ, она же привлекается Сидоніемъ Аполлинаріемъ⁵⁾ для сравненія съ Несуга Теренція. Мало того, одинъ изъ выступавшихъ въ ней персонажей, а именно, Смикринъ, сдѣлался въ концѣ концовъ даже нарицательнымъ типомъ всякаго скупца и сребролюбца, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы предшественникомъ Плавтовскаго Эвкліона и Мольеровскаго Гарпагона⁶⁾. Всѣ эти данныя ясно свидѣлствуютъ

1) Общій видъ второго кватерніона можно изобразить такъ: $V_{1-2}, X_{1-2}, <Iacupa \text{ въ } 2 \text{ страницы} >, H_{1-2}, U_2 Q_2 - U_1, Q_1, <Iacupa \text{ въ } 2 \text{ страницы} >, H_{3-4}$. См. Lefebvre², о. с., III; Koerte², о. с., XVIII.

2) См. Meineke, о. с., IV, 118 сл.; Kock, о. с., III, 50 сл.; Koerte², о. с., 42 сл.

3) Quintil., Inst. or., X, 1, 70.

4) Alciph., Epist. IV, 19, 19 (ed. Schepers).

5) Sldon. Apoll., Epist. IV, 12 (= Migne, Patrol. lat. 58, 517).

6) См. Scholia Ambrosiana Odyss. VII, 225: *κομιδῇ γὰρ ο μικρολογό-υ ο σ φαίνεται Ὀδυσσεὺς προτάσων τῶν φιλάτων τὴν κτῆσιν, ὡς παρὰ Μενάνδρου Σμικρίνη ο ἐν Ἐπιτρέπονσιν*. Choric. apol. mim. 9 (= Oeuvres de Charles Graux, II, 57): *ἡ καὶ τῶν Μενάνδρου πεποιημένων προσώπων Μοσχίων μὲν ἡμᾶς παρεσκεύασε παρθένου βιάζεσθαι, Χαίρεστρατος δὲ ψαλτρίσ ἐρᾶν, Κνήμων δὲ δυσκόλον ἐποίησεν εἶναι, Σμικρίνη δὲ φιλαργύροιο δ δεδωσ μή τι τῶν ἐνδον δ καπνο οἴχου φέρων*. Ср. также Julian. Misopog. 349 с.; Themist. or. 34, 17 (ed. Dindorf, p. 462); Alciphir. epist. III, 7, 3, 4. Кромѣ „Третьскаго суда“ Смикринъ, какъ типъ богатаго скупца, выводился еще въ *Ἀσπίο* (см. Kock, о. с., III, fr. 76) и, можетъ быть, въ *Δυσκόλος* Менандра (см. Kock, о. с., III, p. 37). Но во всякомъ случаѣ говорить, какъ это дѣлаетъ Carps, *Four plays of Menander*, 28, 2, что Смикринъ, упоминаемый у Хорикія, „is the character in the *Dyscolos*“, мы не можемъ: вѣдь это только гипотеза Кока, съ которой можно еще спорить!

въ пользу сравнительной извѣстности нашей комедіи, такъ что намъ остается только благодарить Случай за предоставленіе въ наши руки хотя бы нѣкоторой части „Третьскаго суда“. Впрочемъ, я долженъ оговориться. Въ рукописи заглавіе пьесы не сохранилось: оно исчезло вмѣстѣ съ началомъ комедіи. Но тѣмъ не менѣе, фиксировать пьесу опредѣленнымъ заглавіемъ оказывается дѣломъ не труднымъ: достаточно указать на то, что стихи 2—3, 15—18, 102, 120, 298, 428—429 и 544—546 уже были извѣстны намъ раньше изъ другихъ авторовъ, какъ относящіяся къ „Третьскому суду“ (= fr. 183, 173, 180, 181, 182, 177, 174 Коск). Такимъ образомъ, въ нашемъ распоряженіи находится дѣйствительно „Третьскій судъ“, т. е., та самая комедія Менандра, которой восхищалась древность и по поводу содержанія которой еще очень недавно строились самыя невѣроятныя гипотезы¹⁾.

Гораздо труднѣе рѣшить другой вопросъ, связанный съ нашей пьесой, а именно, вопросъ о томъ, сколько стиховъ пропало вообще и сколько изъ ихъ числа приходилось на долю недошедшаго до насъ начала комедіи. Первый издатель рукописи, Лефебръ²⁾, оставляя въ сторонѣ вопросъ объ общемъ количествѣ погибшихъ стиховъ, предполагалъ по поводу утраченнаго начала пьесы, что не достаетъ одного полуста, т. е., двухъ страницъ. А такъ какъ число строкъ на каждой страницѣ папируса колеблется между 35—38, то по расчетамъ Лефебра выходило, что не хватаетъ около 70 строкъ, изъ которыхъ 20, если судить по аналогіи съ началомъ комедіи „Герой“, заключали въ себѣ заглавіе пьесы, краткій стихотворный *argementum* и списокъ дѣйствующихъ лицъ. На долю же утеряннаго начала комедіи приходились бы остальные 50 строкъ, не больше. Но, кажется, правильнѣе будетъ считать вмѣстѣ съ Кёрте³⁾, что общее число погибшихъ стиховъ было гораздо больше 50 и что, съ другой стороны, приблизительные размѣры всей пьесы были нѣкогда таковы.

1) Такъ, напр., Legrand въ „Revue des études grecques“, XV (1902), 357—369 старался доказать, что „Третьскій судъ“ есть оригиналъ *Aulularia* Плавта. Гораздо правильнѣе рассуждалъ Geffken, *Studien zu Menander*, I слл., полагавшій, что въ основѣ *Aulularia* лежитъ *Λύκοχολος* Менандра.

2) Lefebvre, о. с., 25, 2.

3) Koerte²⁾, о. с., XIX. Ср. также Roberf, *Der neue Menander*, 5 и 25.

Ввиду того, что заключительная сценка комедии (ст. 522—591) приводит насъ почти что къ концу дѣйствія, надо думать, что число стиховъ, нѣкогда слѣдовавшихъ за ней и до насъ не дошедшихъ, не могло быть значительнымъ ¹⁾. А такъ какъ заключительная сценка заполняетъ собой третій листъ второго кватерніона (или иначе, страницы 11—12), то, значить, „Третейскій судъ“ не могъ занимать всего второго кватерніона полностью или, точнѣе, не могъ заходить за начало 13 страницы. Слѣдовательно, число всѣхъ стиховъ на 12 страницахъ второго кватерніона врядъ ли превышало 420. Что же касается до перваго кватерніона, то на дошедшихъ до насъ 14 страницахъ его было нѣкогда 490 стиховъ. Значить, число всѣхъ стиховъ на указанномъ нами пространствѣ рукописи равнялось круглымъ счетомъ 910. Если же теперь, слѣдуя расчетамъ Лефевра, мы прибавимъ къ этимъ 910 стихамъ еще 50, начинавшихъ собой пьесу, то окажется, что объемъ всего „Третейскаго суда“ равнялся 960 стихамъ.

Конечно, само по себѣ это количество могло бы быть признано достаточнымъ. По крайней мѣрѣ, многія пьесы Плавта и Теренція не превышаютъ указанной нами нормы. Ср. напр., *Truculentus*, *Stichus*, *Andria*, *Adelphoe* и др. Но, несмотря на это, естественнѣе будетъ думать, что начало комедіи заключало въ себѣ больше 50 стиховъ или, иначе, что „Третейскій судъ“ начинался не съ утерянныхъ двухъ страницъ, но захватывалъ еще одну или двѣ страницы и того кватерніона, который нѣкогда предшествовалъ нашему первому. Въ такомъ случаѣ весь объемъ „Третейскаго суда“ равнялся бы или 1030 или 1110 стихамъ, что ввиду нѣкоторыхъ соображеній, касающихся экономіи пьесы, представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ и правильнымъ, чѣмъ сведеніе всей пьесы на 960 стиховъ съ небольшимъ. И дѣйствительно, мнѣ кажется, что трудно было бы умѣстить въ 50 стихахъ всю ту вводную часть, которая начинала собой комедію, — тѣмъ болѣе трудно, что въ этой вводной части, какъ увидимъ мы это ниже, должно было участвовать три лица, изъ которыхъ одно выступало сверхъ того съ монологомъ.

1) По мнѣнію Crotset, *Ménandre l'Arbitrage* (Paris 1908), 93, не хватаетъ всего на всего одного стиха, съ чѣмъ я никоимъ образомъ не могу согласиться.

Спрашивается теперь, нельзя ли на основаніи извѣстныхъ раньше отрывковъ нашей комедіи возстановить съ приблизительной точностью содержаніе этой утраченной вводной части?

Что она должна была заключать въ себѣ нѣкоторыя данныя, необходимыя для пониманія дальнѣйшаго, это само собой разумѣется. По крайней мѣрѣ, Менандръ, насколько можно судить по сохранившимся частямъ комедіи, старался, путемъ постепеннаго вплетенія деталей, мало по малу достигать того, что картина, имъ набрасываемая, развертывалась во всю ширину, причемъ каждый мазокъ былъ такъ рассчитанъ, что необходимо вносилъ какое нибудь уясненіе для читателя. Значитъ, и въ недошедшей до насъ вводной части должно было заключаться нѣчто подобное.

Изъ раньше извѣстныхъ намъ отрывковъ комедіи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій (fr. 600 Kock = fr. 1 Koerte²):

А. Онисимъ, правда ли, что баринъ молодой

Недавно въ бракъ вступилъ, и ужъ завелъ арфистку,
Габротононъ, и съ ней живетъ? — В. Да, это — такъ!

Что эти слова могли стоять въ началѣ пьесы, очень вѣроятно. Они вполне подходятъ къ тому, чтобы открывать дѣйствіе, а фактъ, ими сообщаемый, сразу скидываетъ завѣсу съ жизни тѣхъ лицъ, которыя будутъ играть въ комедіи важную роль. Изъ этихъ словъ мы узнаемъ, что между молодыми супругами, слугой которыхъ является Онисимъ, не все обстоитъ благополучно и что неурядица, имѣющая мѣсто въ семьѣ, сдѣлалась уже предметомъ глухихъ толковъ и пересудъ. Съ другой же стороны ясно, что тотъ, кто обращается съ вопросомъ къ Онисиму, незнакомъ еще со всѣми подробностями этой неурядицы. Онъ, надо думать, человѣкъ пришлый, которому интересно поразузнать обо всемъ, чтобы затѣмъ вволю посплетничать. Но кто же этотъ человѣкъ, разспрашивающій Онисима? Фр. Лео въ своей превосходной статьѣ „Der пее Menander“¹⁾ предполагаетъ и, кажется, не

1) Hermes, 43 (1908), 130. Это предположеніе Лео нашло себѣ откликъ почти у всѣхъ издателей „новыхъ“ комедій Менандра, а именно, его принимаютъ: Robert, о. с., 2; Croiset, о. с., 9; Koerte², о. с., XX, отчасти van Leeuwen², о. е., 16, 3, и только одинъ Carps, о. е., 26 сл.,

безъ основанія, что лицо, задающее вопросы, ни кто иной, какъ поварь, котораго Онисимъ только что привелъ съ рынка¹⁾. Этотъ поварь, нанятый для приготовленія обѣда, о которомъ не разъ упоминается въ пьесѣ (ср. стихъ 165), отличается, повидимому, рѣдкой болтливостью и любопытствомъ, на манеръ повара, выступающаго въ „Саміанкѣ“ Менандра (ст. 68 слл.), или тѣхъ поваровъ, которые играютъ роль въ *Aulularia* Плавта. Въѣдъ недаромъ Аѳиней (VII, 290 В) говоритъ про поваровъ „новой“ комедіи: *ἀλαζονικὸν ἐστὶ πᾶν τὸ τῶν μαγειρῶν φῦλον*. При этомъ, подобно тому, какъ Стробилъ изъ *Aulularia* въ своей бесѣдѣ съ поварами самымъ подробнымъ образомъ описываетъ существующіе и несуществующіе недостатки старика Эвкліона, такъ, надо думать, и Онисимъ давалъ волю своему языку для удовлетворенія любопытства своего собесѣдника. По крайней мѣрѣ, за это могъ бы говорить слѣдующій фрагментъ, отнесенный къ нашей пьесѣ Legrand'омъ (fr. 849+850 Kock = fr. 2+3 Koerte²⁾):

А. Онисимъ, ты мнѣ любь! И ты свой носъ повсюду
Суешь! — В. Всезнайкой быть пріятнѣ всего...³⁾

Изъ этого фрагмента видно, что Онисимъ при случаѣ тоже не прочь посплетничать и что ему пріятны разнаго рода

дѣлаетъ почему-то собесѣдникомъ Онисима раба Дава, который выступаетъ потомъ въ сценѣ суда (ст. 1 слл.) и на котораго Carps хочетъ смотрѣть, какъ на своего рода *προσώπων προτακτῶν*.

1) На рынокъ у поваровъ было свое особое мѣсто, которое находилось тамъ, гдѣ продавалась посуда и которое называлось *κέρμοσ*, какъ явствуетъ это изъ Дифила, fr. 43, 28—33 (= Kock, o. c., II, 553) и Алексиды, fr. 257 (= Kock, o. c., II, 391). Туда именно и обращался всякій, кто нуждался въ услугахъ повара, причемъ нанятый поварь приносилъ обыкновенно съ собой и свою посуду, какъ видно это изъ „Саміанки“ Менандра (ст. 150) и *Aulularia* Плавта (ст. 445). О роли поваровъ въ „новой“ комедіи см. Rankin, *The rôle of the μαγειροὶ in the life of the ancient Greeks* (Chicago 1907), а также Legrand, Daos. *Tableau de la comédie grecque* (Lyon — Paris 1910), 125 слл.

2) Legrand, *Les nouveaux fragments de Ménandre* (= *Revue des études anciennes* X (1908), 13, 2). Ср. также van Leeuwen², o. c., 164; Robert, o. c., 64; Croiset, o. c., 10; Sudhaus, *Menandri reliquiae nuper repertae*, 22.

3) Въ *Pseudolus* Плавта (ст. 790 слл.) тоже выводится недурной типъ болтливаго повара, котораго леновъ Battio характеризуетъ какъ

multiloquum, gloriosum, insulsum, inutilem.

мелкіе пересуды по поводу его господъ и уклада ихъ жизни. Но надо думать, что поваръ оказывался слишкомъ уже назойливымъ, и тогда Онисимъ, видя, что онъ вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ, предпочитаетъ наводить разныя справки насчетъ семейной хроники того дома, въ который попалъ, обрывалъ его слѣдующимъ суровымъ окрикомъ (fr. 4 Koerte²):

А про обѣдъ забылъ? Вѣдь баринъ ужъ давно
Томится за столомъ въ напрасномъ ожиданьи¹).

Наконецъ сюда же, къ окрикамъ Онисима, можно было бы относить и еще одинъ фрагментъ, въ которомъ тоже заключается выпадъ по адресу лѣнтяевъ (fr. 175 Kock = fr. 5 Koerte²):

Здоровый лежебокъ куда вреднѣе будетъ
Больного: онъ вѣдь ѣстъ безъ толка за двоихъ²).

Но, повидимому, окрики Онисима не производили особаго впечатлѣнія на повара, который парировалъ ихъ разными шуточками, вродѣ слѣдующей, представляющей собой, можетъ быть, отвѣтъ повара на сдѣланные ему упреки въ лѣнности (fr. 178 Kock = fr. 6 Koerte²):

къ соленой рыбѣ
подбавилъ на авось немного соли я³).

1) См. Reitzenstein, Der Anfang des Lexicons des Photios, 83, s. v. *ἄλυσ*. — Carps (о. с., 100) относитъ этотъ отрывокъ къ одной изъ послѣдующихъ сценъ; но это объясняется тѣмъ, что поваръ не играетъ у него никакой роли въ началѣ комедіи, о чемъ я уже упоминалъ выше (см. стр. 111, 1).

2) Этотъ отрывокъ Robert (о. с., 88) относитъ почти къ концу пьесы и влагаетъ его въ уста Хэрестрата, одного изъ тѣхъ персонажей, отъ роли котораго ничего не сохранилось. Что касается до Croiset (о. с., 93), то онъ оставляетъ фрагментъ безъ всякаго примѣненія; зато Carps (о. с., 100), хотя и считаетъ его принадлежащимъ къ числу репликъ повара, относитъ его къ одной изъ послѣдующихъ сценъ вмѣстѣ съ тѣмъ фрагментомъ, о которомъ мы только что говорили (см. прим. 1).

3) По мнѣнію Vollgraff'a (о. с., 75) эти слова не могли произноситься поваромъ, ибо „quis vero coquus unquam sal salsamento asperget“? Ввиду этого они могутъ обозначать только одно, а именно: „si hoc ita est, ignem igni addidi“. Это замѣчаніе Vollgraff'a, конечно, остроумно, но мнѣ кажется, что оно не можетъ помѣшать намъ понимать отрывокъ дословно. И дѣй-

Однимъ словомъ, вводная діалогическая сценка, благодаря присутствію въ ней комическаго персонажа, въ лицѣ повара, носила, надо думать, шутливый характеръ, и очень можетъ быть, что именно къ ней и относятся слѣдующія слова Аѳинея (XIV, 659 b): *μάλιστα γὰρ εἰσάγονται οἱ μάγειροι σκωπτικοί τινας, ὥς παρὰ Μενάνδρῳ ἐν 'Επιτρέπουσιν*¹⁾. Что же касается до содержанія сценки, то хотя въ ней и заключались, безъ сомнѣнія, кое-какіе объяснительные намеки, всё таки я не думаю, чтобы они выясняли зрителямъ основную причину размолвки между бариномъ Онисима, Харисіемъ, и его женой, Памфилой. Вѣрнѣе, что разговоръ Онисима съ поваромъ только подготовлялъ зрителей къ пониманію дальнѣйшаго и, не открывая самой тайны, только намекалъ на ея наличность, т. е., иными словами, загадка, предложенная поэтомъ, всё еще оставалась загадкой. Въ дальнѣйшую же фазу дѣйствіе вступало, по всей вѣроятности, вслѣдъ за уходомъ повара въ тотъ домъ, въ которомъ проживалъ Харисій²⁾. Очень возможно, что Онисимъ, отославъ повара, оставался еще на сценѣ и произносилъ монологъ, въ которомъ разъяснялъ причину размолвки между Харисіемъ и Памфилой. Такой монологъ былъ бы, думается мнѣ, вполне на мѣстѣ, ибо потребность въ разъясненіи уже чувствовалась³⁾,

ствительно, изъ того, что „повара не солятъ соленаго“, еще не слѣдуетъ, что этого нельзя сказать въ шутку. Здѣсь же мы имѣемъ дѣло съ шуткой, при помощи которой болтливый и лѣнивый поваръ хсчетъ отдѣлаться отъ нападокъ своего собесѣдника.

1) Возможно, впрочемъ, что замѣчаніе Аѳинея относится не къ вводной части комедіи, а къ той сценѣ, которая слѣдуетъ за ст. 408 и въ которой мы снова видимъ передъ собой повара, разговаривающаго на этотъ разъ съ тестемъ Харисія, Смикриномъ. Такъ, между прочимъ, думаетъ Sgoiset (о. с., 61). Но не менѣе возможно и то, что Аѳиней, говоря о *σκωπτικὸς μάγειρος* въ „Третьемъ судѣ“, имѣлъ ввиду всю роль повара, во всей ея цѣлости, а не по отношенію къ одной опредѣленной сценкѣ.

2) Этимъ домомъ, какъ мы увидимъ ниже, является не домъ самого Харисія, а домъ его пріятеля Хэрестрата, въ которомъ Харисій и проживаетъ, дабы не находится подъ одной кровлей со своей женой, Памфилой, отъ которой онъ временно отдалился.

3) Robert (о. с., 2), который тоже думаетъ, что за вводной сценкой долженъ былъ слѣдовать монологъ Онисима, указываетъ на то, что подобное же устройство видимъ мы въ „Героѣ“ и въ „Отрѣзанной кости“ Менандра, т. е., иными словами, въ вводной сценкѣ поэтъ ставилъ передъ зрителями загадку, въ монологѣ же, шедшемъ за сценкой, эта загадка до нѣко-

а между тѣмъ помѣщать это разъясненіе въ бесѣду Онисима съ постороннимъ ему лицомъ значило бы вносить въ характеръ Онисима черты, ему не присущія. Въдѣ Онисимъ, несмотря на всю свою *περιεργία*, врядъ ли нашелъ бы для себя удобнымъ выбалтывать предъ лицомъ перваго встрѣчнаго всю подоплеку той семейной исторіи, въ которой и онъ сыгралъ не маловажную роль (ср. ст. 205 слл., а также ст. 357 сл.), тѣмъ болѣе, что его отношенія къ Харисію проникнуты чувствомъ глубокой преданности и доброжелательства¹⁾. Съ другой же стороны, выясненіе этой подоплеку должно было имѣть мѣсто до начала дѣйствія, ибо въ послѣдствіи Онисимъ не говоритъ о ней, какъ бы предполагая, что она уже извѣстна. Ввиду этого я думаю, что за вводной діалогической сценкой слѣдовалъ особый монологъ Онисима, во время котораго на сценѣ появлялся новый персонажъ, а именно Смикринъ, тестъ Харисія²⁾.

Съ Смикриномъ мы встрѣчаемся въ самомъ началѣ сохранившейся части комедіи, гдѣ онъ играетъ важную по своимъ послѣдствіямъ роль третейскаго судьи. Но надо думать, что онъ выступалъ уже раньше, ибо въ противномъ случаѣ для зрителей было бы неясно, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло: въдѣ рабы, споромъ которыхъ начинается пьеса въ ея настоящемъ видѣ и которые выбираютъ Смикрина третейскимъ судьей, ни разу не называютъ его по имени — онъ для нихъ лицо неизвѣстное (ср. ст. 5) —, а обращаются къ нему съ словами *βέλτιστε* (ст. 7) и *πάτερ* (ст. 14, 79). Отсюда ясно, что Смикринъ былъ для зрителей уже знакомымъ лицомъ, раньше выступавшимъ передъ ними. Но въ такомъ случаѣ единственная сцена, гдѣ онъ могъ выступать, должна была идти непосредственно вслѣдъ за монологомъ Онисима,

торой степени разгадывалась. Но въ такомъ случаѣ „das geht auf die alte Komödie zurück, in der der Anfang des Prologs ein wunderliches Bild bringt, über das sich die Zuschauer den Kopf zerbrechen sollen, bis ein Schauspieler, meistens ein Sklave, sie aufklärt“.

1) Са р р s (о. с., 28, 1) очень кстати указываетъ на то, что Теофрастовскій *περιεργος* говоритъ и дѣйствуетъ тоже *μετ' εἰσνοίας*. См. Theophr., *Charact.* 13, 1: *ἀμέλει ἢ περιεργία δοῦξαι εἶναι προοπιοῦσας τὰ λόγων καὶ πράξεων μετὰ εἰσνοίας*.

2) Leo, *Der neue Menander* (=Hermes, 43 (1908), 131), а также van Leeuwen², о. с., 16 и другіе.

съ которымъ Смикринъ, выходявшій, надо думать, изъ дома Харисія, гдѣ жила Памфила, и вступалъ въ разговоръ¹⁾.

Конечно, благодаря отсутствію фрагментовъ, которые можно было бы относить къ діалогу между Смикриномъ и Онисимомъ, трудно сказать, чего касался этотъ діалогъ, переходившій, можетъ быть, подъ конецъ въ монологъ одного Смикрина²⁾. Но коль скоро въ ст. 360 слл. Онисимъ высказываетъ предположеніе, что возвращающійся изъ города Смикринъ могъ именно въ городѣ узнать объ истинной причинѣ всего происшедшаго, то ясно, что въ первой сценѣ Смикринъ еще не зналъ объ этой причинѣ, а потому могъ только разспрашивать Онисима, который врядъ ли давалъ ему опредѣленные отвѣты. Такимъ образомъ, если Смикринъ и узнавалъ что либо отъ Онисима, то во всякомъ случаѣ не очень существенное, благодаря чему та неопредѣленность и неизвѣстность, въ которой онъ находился раньше, оставалась при немъ и послѣ его разспросовъ. Поэтому-то онъ и оказывался впослѣдствіи вынужденнымъ отправиться въ городъ, вѣроятно, для собиранія дополнительныхъ и болѣе

1) Предполагать, что Смикринъ приходилъ изъ города, нельзя, думается мнѣ, потому, что немного ниже онъ какъ разъ направляется въ городъ, откуда возвращается послѣ стиха 362. Причиною же его ухода въ городъ было, какъ это явствуетъ изъ ст. 362—363, желаніе навести справки о зятѣ и постараться проникнуть въ тайну страннаго отношенія Харисія къ его женѣ, Памфилѣ.

2) Правда, къ этому діалогу Croiset (о. с., 11 слл.) и Robert (о. с., 3 и 65 сл.) относятъ отрывокъ R, который Koerte ставитъ вслѣдъ за ст. 408 (=Irg. M) и который заключаетъ въ себѣ ст. 409—431, т. е., иными словами, оба вышеуказанныхъ ученыхъ смотрятъ на этотъ отрывокъ, какъ на остатки двухъ первыхъ страницъ перваго кватерніона, тогда какъ Koerte видитъ въ нихъ остатки двухъ послѣднихъ страницъ (т. е., R_{3—4}). Но этотъ взглядъ Croiset и Robert'a опровергается ново-найденнымъ отрывкомъ Y. Дѣло въ томъ, что этотъ отрывокъ, тѣсно примыкающій къ отрывку R, а слѣдовательно, принадлежавшій нѣкогда къ тѣмъ же страницамъ, къ которымъ принадлежалъ и отрывокъ R, упоминаетъ объ одномъ фактѣ, который, будучи неизвѣстенъ въ началѣ дѣйствія, могъ выходить наружу только послѣ исполненія того, о чемъ говорится въ стихахъ 295 слл. При этомъ Смикринъ, выступающій въ діалогической сценѣ, остатки которой сохранены фрагментами Y + R, оказывается освѣдомленнымъ и о поведеніи своего зятя и о многихъ другихъ подробностяхъ. А между тѣмъ, какъ это явствуетъ изъ ст. 362 сл., онъ могъ узнавать обо всемъ этомъ только впослѣдствіи, но никакъ не въ началѣ. Отсюда ясно, что мнѣніе Croiset и Robert'a должно быть откинуто, какъ невѣрное.

точныхъ свѣдѣній о поведеніи своего зятя, а также для обсуждения вопроса о томъ, какъ ему поступать. Но этотъ уходъ Смикрина въ городъ относится къ дальнѣйшему. Что же касается до конца діалога между нимъ и Онисимомъ, то діалогъ могъ обрываться на томъ, что Онисимъ уходилъ къ Харисію, куда его призывали заботы о готовящейся пирушкѣ (ср. стихъ 165). Смикринъ же, оставаясь на сценѣ, могъ высказывать еще нѣсколько горькихъ истинъ насчетъ Харисія и судьбы приданого Памфилы, что вполне подходило бы къ его *ο μικρολογία*, а затѣмъ собирался тоже оставить сцену, на которой въ данный моментъ ничто его не задерживало¹⁾.

Итакъ, вся не дошедшая до насъ вводная часть комедіи могла, какъ мнѣ кажется, состоять изъ двухъ діалогическихъ сенокъ, отдѣленныхъ одна отъ другой монологомъ, который и заключалъ въ себѣ наибольшее количество цѣнныхъ указаній, необходимыхъ для уясненія дальнѣйшаго. Но само собой разумѣется, что эти указанія отнюдь не исчерпывали всей причины, которая послужила основнымъ толчкомъ къ распрѣ между молодыми супругами, тѣмъ болѣе, что Онисимъ, который произносилъ разъяснительный монологъ, могъ знать, да и на самомъ дѣлѣ зналъ только нѣкоторыя подробности изъ семейной жизни своихъ господъ. Другія же подробности, имѣвшія мѣсто до женитьбы Харисія на Памфилѣ, были ему неизвѣстны, — о нихъ знали иныя лица, а именно няня Памфилы, Софрона, и флейтистка Габротононъ, не говоря уже о самомъ Харисіи и его женѣ. Такимъ образомъ, всѣ эти подробности оставались и послѣ монолога Онисима тайной для зрителей: выйти наружу они могли только по мѣрѣ развитія дѣйствія пьесы, ибо на нихъ и сосредоточивалась главная интрига послѣдней.

1) Robert (о. е., 3) думаетъ, что, помимо разговора съ Онисимомъ, Смикринъ велъ еще бесѣду со своимъ зятемъ, Харисіемъ; но мнѣ это предположеніе кажется мало правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе, что столкновение тестя съ зятемъ происходитъ нѣсколько ниже, а именно, послѣ стиха 431²⁹, гдѣ оно гораздо больше къ мѣсту. Во всякомъ случаѣ, заслуга Роберта заключается въ томъ, что только онъ одинъ изъ всѣхъ остальныхъ издателей сумѣлъ угадать, что въ пьесѣ дѣйствительно происходила бесѣда Смикрина съ Харисіемъ: вѣдь отрывокъ V + X, содержащій остатки этой бесѣды, сталъ извѣстенъ только послѣ второй публикаціи Лефебра. Значить, Робертъ ошибся лишь въ одномъ, а именно, въ опредѣленіи мѣста для сценки.

Спрашивается теперь, въ чемъ же заключались эти подробности? Онѣ заключались въ слѣдующемъ. Незадолго до своей женитьбы Харисій въ пьяномъ видѣ, не сознавая, что онъ дѣлаетъ, вломился на ночное бдѣніе женщинъ, бывшее во время праздника Таврополій (ст. 234 слл.), и тамъ изнасиловалъ Памфилу, которую онъ не зналъ раньше и лица которой онъ не запомнилъ. Единственной же уликой противъ Харисія былъ перстень, который, повидимому, упалъ съ его руки и который былъ поднятъ и взятъ Памфилой¹⁾. Но Памфила тоже не успѣла разглядѣть того человѣка, жертвой котораго она сдѣлалась, и ей оставалось одно: скрыть отъ отца происшедшее съ ней несчастье, благо о немъ знала только ея няня, Софрона, да флейтистка Габротононъ, которая тоже была на бдѣніи (ср. ст. 260 слл.) и которую Памфила потеряла потомъ изъ вида. Спустя нѣкоторое время Памфила, не зная, что она выходитъ замужъ за человѣка, еѣ изнасиловавшаго, вступила въ бракъ съ Харисіемъ²⁾, который, надо думать, вскорѣ послѣ свадьбы уѣхалъ куда-то по дѣламъ³⁾. Въ его отсутствіе Памфила родила мальчика, который и былъ, вѣроятно, при содѣйствіи Софроны, а, можетъ быть, и ею лично, брошенъ въ лѣсу. Но все это не укрылось отъ Онисима, который, по возвращеніи своего барина, передалъ ему о происшедшемъ (ст. 205 слл.), и результатомъ этого доноса было то, что взбѣшенный Харисій отдалился отъ своей жены, и въ вихрѣ разгульной жизни началъ заглушать свое горе, ибо въ сущности онъ продолжалъ любить свою жену и тяготился разлукой съ ней. Эти изложенныя нами подробности, часть которыхъ оставалась еще неизвѣст-

1) Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло въ Несуга Теренція: вѣдь тамъ юноша, совершающій насиліе надъ дѣвушкой, похищаетъ у нея и ея перстень. См. v. 572 sqq.:

*Nam quom compressast gnata, forma in ténebris nosci nōn quitast,
Neque detractum ei est quicquam, qui post possit nosci qui siet;
Ipse eripuit vi, in digito quem habuit, virgini abiens anulū m.*

2) Въ „Героѣ“ Менандра и въ Несуга Теренція мы видимъ подобную же ситуацію: въ обѣихъ пьесахъ молодые люди женятся на обиженныхъ ими дѣвушкахъ, не подозрѣвая того, что эти дѣвушки были ихъ жертвами.

3) Ср. Несуга Теренція, гдѣ молодой мужъ тоже уѣзжаетъ вскорѣ послѣ свадьбы, а по возвращеніи тоже находитъ причину, которая заставляетъ его отдалиться отъ жены, хотя онъ и любитъ эту жену по прежнему.

ной для зрителей, а другая часть уже была выяснена въ недошедшихъ до насъ вводныхъ сценкахъ, и представляли собою ту канву, на которой должно было набрасываться дѣйствіе комедіи.

Но вѣрно ли возстановляемъ мы содержаніе недошедшихъ до насъ сценокъ и дѣйствительно ли среди разныхъ отрывковъ изъ комедій Менандра нѣтъ, кромѣ привлеченныхъ нами, другихъ, которые могли бы относиться къ „Третейскому суду“ и въ частности къ тѣмъ первымъ сценкамъ, о которыхъ намъ приходилось судить только съ болѣе или меньшей вѣроятностью? Этотъ вопросъ стѣбитъ того, чтобы мы его затронули, прежде чѣмъ переходить къ сохранившимся частямъ пьесы, — тѣмъ болѣе, что онъ не разъ трактовался въ научной литературѣ и до сихъ поръ еще не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ.

Впервые поднялъ его van Leeuwen¹⁾, предположившій, что весь первый актъ нашей пьесы пропалъ; что та сцена, которая открываетъ „Третейскій судъ“ въ его теперешнемъ видѣ, не принадлежала къ первому акту, а была началомъ второго, и что наконецъ весь первый актъ надо реконструировать слѣдующимъ образомъ. Сперва шла вводная сценка, въ которой выступали Онисимъ и поваръ²⁾, а затѣмъ, во время ихъ разговора, появлялся на сценѣ Смикринъ, тестъ Харисія, уже ознакомленный съ поведеніемъ зятя и являвшійся для того, чтобы вступить за свою дочь, Памфилу. О чемъ говорилъ Смикринъ съ находившимися на сценѣ персонажами, мы не знаемъ; но мы можемъ, по мнѣнію van Leeuwen'a, думать, что конецъ этого разговора и вмѣстѣ съ тѣмъ конецъ перваго акта заключается въ Порфирьевскомъ отрывкѣ II b, который вмѣстѣ съ другими Порфирьевскими фрагментами Менандра былъ опубликованъ В. К. Ернштедтомъ въ его превосходной работѣ „Порфирьевскіе отрывки изъ аттической комедіи“ (стр. 204 слл.). Отрывокъ этотъ, въ которомъ, какъ предполагалъ В. К. Ернштедтъ, выступаютъ три лица, имѣетъ такую форму³⁾:

1) J. van Leeuwen², о. с., 16 sq.

2) Въ этомъ пунктѣ van Leeuwen сходится съ Лео (о. с., 130) и съ другими (см. стр. 111).

3) Я привожу текстъ отрывка приблизительно въ томъ видѣ, какой приданъ ему В. К. Ернштедтомъ (о. с., 217), но кое-гдѣ вмѣсто коньектуръ

- Γ. οὕτως ἀγαθὸν τί σοι γένοιτο. — Β. μὴ λέγε¹⁾
ταῦτ' ὧ φίλ'.] — Γ. οὐκ εἰς κόρακας; οἰμῶξει μακρὰ²⁾. —
- (25) Α. ἀλλ' εἰμι νῦν εἶσω οαφῶς τε πνυθόμενος,
ὅπως ἔχει] τὰ τῆς θυγατρὸς, βουλευέσομαι³⁾,
ὄντινα τ]ρόπον πρὸς τοῦτον ἤδη προσβαλῶ⁴⁾. — 5
- Β. φράσωμεν αὐτῷ τοῦτον ἤκοντ' ἐνθάδε⁵⁾; —
Γ. φράσωμεν. — Β. οἶον κίναδος · οἰκίαν ποεῖ
(30) ἀνάστα]τον⁶⁾. — Γ. πολλὰς ἐβουλόμην ἄμα. —
Β. πολλὰ]ο; — Γ. μίαν μὲν τὴν ἐφεξῆς. — Β. τὴν ἐμὴν; —
Γ. τὴν ο]γὴν γ'. ἴωμεν δεῦρο πρὸς Χαρίσιον. — 10
- Β. ἴωμεν, ὥς καὶ μειρακυλλίων ὄχλος
εἰς τ]ὸν τόπον τισ ἐρχεθ' ὀποβεβεγμέν[ων],
(35) οἷς] μ[ή] ἐνοχλεῖν εὐκαιρον εἶν[α]ί μο[ι] δοκεῖ⁷⁾.

[χο]ρ[ου]⁸⁾

- Γ. ἐπι[σφαλῇ μὲν] πάντα τὰνθ[ρώπων · ἐμοί],
οἷμα[ι, πόλις ἐστὶ καὶ καταφυγὴ καὶ νόμος] 15
καὶ τοῦ [δικαίου τοῦ τ' ἀδίκου παντὸς κριτῆς]
ὁ δεσπ[ότης · πρὸς τοῦτον ἕνα οἷ ζῆν ἐμέ].
(40) ὁ γέρω[ν]
οὐδὲ λό[γον ἡμῶν οὐδ' ἐπιστροφὴν ἔχων]⁹⁾.

В. К. Ернштедта я принимаю конъектуры других ученых, которые кажутся мне либо болѣе удачными, либо ближе подходящими къ рукописному преданію.

1) οὕτως ἀγαθὸν τι Leeuwen; . . . / θοντι Jernstedt. Слова οὕτως—γένοιτο Koerte² (о. с., 144) относитъ къ В.

2) ταῦτ' ὧ φίλ' Jernstedt; μὴδὲν σὺ γ' Leeuwen. Весь пассажъ отъ μὴ λέγε до μακρὰ произносить у Koerte и van Leeuwen'a А.

3) ὅπως ἔχει Koerte; τὰ πράγματ' εὖ Jernstedt; ἤδη τὸ πᾶν μετὰ Leeuwen.

4) ὄντινα τρόπον Leeuwen; φέρε ποῦ τόπον Jernstedt, вкладывающій этотъ стихъ въ уста Γ, который произноситъ у него также ст. 6 и начало ст. 7.

5) φράσωμεν Koerte; εἰπωμεν Leeuwen; ἴν' ἐκεῖθεν Jernstedt.

6) Διδὸς ἄβατον Jernstedt; ἀνάστατον Kock.

7) οἷς μὴ Leeuwen; ἡ μὴν Jernstedt, который относитъ весь стихъ къ Γ.

8) Стихи, идущіе за χοροῦ — ихъ шесть — и начинающіе собою новый актъ, van Leeuwen оставляетъ въ сторонѣ, думая, вѣроятно, что они стоятъ на другомъ обрывкѣ папируса. Они дополнены В. К. Ернштедтомъ на основаніи Stob. floril. 62, 34.

9) На то, что стихъ 19 можно было бы возстановлять на основаніи fr. 836 (= Kock, о. с., III, 225), указалъ еще В. К. Ернштедтъ (о. с., 239, прим. 1). Такимъ образомъ, Carps напрасно считаетъ это за свое „открытие“ (о. с., 291, 41).

Выписанный мною отрывокъ ясно показываетъ намъ, что онъ содержитъ въ себѣ не только конецъ одного акта, но и начало другого: за первое говоритъ слово *χοροῦ*¹⁾, за второе — стихи 14—19, открывающіе монологъ какого-то раба²⁾. Но разъ это такъ, то гипотеза van Leeuwen'a падаетъ сама собою. И дѣйствительно, не обративъ должнаго вниманія на то, что текстъ, сохраненный Порфирьевскимъ отрывкомъ, вовсе не обрывается на словѣ *χοροῦ*, van Leeuwen попалъ въ довольно странное положеніе. Вѣдь, согласно его мнѣнію, сцена „суда“, которая начинается нашу пьесу въ ея теперешнемъ видѣ, есть первая сцена второго акта, тогда какъ концомъ перваго должны быть стихи 1—13 Порфирьевскаго отрывка II б. Но куда же въ такомъ случаѣ надо относить идущіе за ними стихи 14—19? Тоже къ началу? Или, можетъ быть, въ нихъ надо усматривать часть монолога, которымъ нѣкогда начинался второй актъ, тогда какъ сцена „суда“ слѣдовала за этимъ монологомъ и была, такъ сказать, вторымъ явленіемъ второго акта? Но всё это надо еще доказать или, по крайней мѣрѣ, обставить болѣе или менѣе правдоподобно.

Такова одна слабая сторона гипотезы van Leeuwen'a. Другая же заключается въ слѣдующемъ. Исходя изъ невѣрнаго предположенія, что Порфирьевскій отрывокъ II б стоитъ самъ по себѣ, безъ всякой внутренней и внѣшней связи съ отрывкомъ II а, van Leeuwen отдѣлилъ ихъ одинъ отъ другого и, отнеся первый къ „Третьейскому суду“, соединилъ второй съ Порфирьевскимъ отрывкомъ I а, который, какъ доказалъ это В. К. Эрнштедтъ (о. с., 167 сл.), принадлежитъ къ „Фазмѣ“ Менандра³⁾ и который van Leeuwen относитъ почему-то къ комедіи того же автора „Киѳаристъ“ (о. с., 165, 1). Между тѣмъ отрывокъ II б, занимающій verso того-же пергаменнаго листка, на recto котораго находится отрывокъ II а, стоитъ, какъ это опять таки доказано В. К. Эрнштедтомъ (о. с., 218 сл.), въ непосредственной связи съ послѣднимъ,

1) По поводу значенія ремарки *χοροῦ* см. ниже (гл. II, 11).

2) Этого раба можно, кажется, отождествлять съ Г, выступающимъ въ стихахъ 1—13. См. Эрнштедтъ, о. с., 238 сл. Иначе думаетъ Koerte² (о. с., 144), который смотритъ на него, какъ на новое лицо, въ силу чего и обозначаетъ его буквою Λ.

3) Какъ и слѣдовало ожидать, гипотезу В. К. Эрнштедта принимаетъ во всей ея полнотѣ Koerte, по мнѣнію котораго правильность этой гипотезы стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія (о. с., LV).

являясь ничѣмъ инымъ, какъ его продолженіемъ¹⁾. Отсюда ясно, что если мы будемъ смотрѣть на отрывокъ II b, какъ на часть „Третьейскаго суда“, то точно такую же частью этой комедии придется намъ считать и отрывокъ II a или, иначе, оба отрывка не отдѣлимы, — фактъ, съ которымъ, подобно van Leeuwen'у, не желаетъ считаться и Croiset (о. с., 62 слл.), оставляющій въ сторонѣ отрывокъ II a и относящій, въ отличие отъ van Leeuwen'a, отрывокъ II b не къ первому акту пьесы, а къ концу второго.

Выпишемъ теперь отрывокъ II a, о которомъ мы только что упоминали и который всего лучше изданъ В. К. Эрнштедтомъ (о. с., 175 слл.), а затѣмъ перейдемъ къ разбору еще одной гипотезы, нами пока не затронутой. Авторомъ этой гипотезы является Carps²⁾; сущность же ея заключается въ томъ, что къ „Третьейскому суду“ относятся оба Порфирьевскихъ отрывка, т. е., II a и II b, что, по крайней мѣрѣ, должно быть признано вполне логичнымъ и правильнымъ, коль скоро оба отрывка входили нѣкогда въ составъ одной и той же сценки.

II a

(A.) ἀνδροποσ οἶνον, αὐτὸ τοῦτ' ἐκπλήτ[τομαι]³⁾
 ἔγωγ' ὕπερ <ὁε> τοῦ μεθύσκε<σ>θ' οὐ λέγω.
 ἀπιστία γὰρ ἔσθ' ὁμοιον τοῦτό γε⁴⁾,
 εἰ καὶ βιάζεται κοτύλην τισ τοῦ ὀβολ[οῦ]⁵⁾

1) Я не считаю нужнымъ опровергать дикое мнѣніе Humpers'a, высказанное имъ въ статьѣ „L'intrigue de l'Arbitrage de Ménandre“ (= Musée Belge, 20 (1910), 345 sqq.), — мнѣніе, сущность котораго сводится къ тому, что Порфирьевскіе отрывки II a и II b или, какъ ихъ называетъ Humpers, fragment de Tischendorf и fragment de Jernstedt, относятся къ разнымъ пьесамъ, ибо между ними нѣтъ достаточно тѣсной связи. Мало того, придя къ этой удивительной мысли, Humpers считаетъ возможнымъ примкнуть къ давно забытой гипотезѣ Кока и, слѣдуя ей, снова воскресить нелѣпое предположеніе о томъ, что Порфирьевскіе отрывки принадлежали не къ кодексу, содержавшему цѣлыя комедіи Менандра, а всего на всего къ хрестоматіи, къ florilegium.

2) Carps, The plot of Menander's Epitrepontes (= American Journal of philology, XXIX (1908), 410—431; XXX (1910), 22—37, а также Carps, Four plays of Menander, 34 sqq.

3) ἐκπλήττομαι Cobet.

4) ἀπιστία рук.; ἀπληστία Wilamowitz. О ненужности этой поправки см. В. К. Эрнштедтъ, о. с., 184: ἀπιστία ὁμοιον = ὁμοίως ἀπιστον.

5) ὀβολοῦ Wilamowitz.

- (5) ὀνούμενος πίνειν ἑαυτόν. (B.) τοῦτ' ἐ[γὼ] ¹⁾ 5
 προσέμενον · οὗτος ἐμπεσὼν διασκεδᾷ ²⁾
 τὸν ἔρωτα. (Γ) τί δέ μοι τοῦτο; πάλιν οἰμῶ[ξομαι]. ³⁾
 (A.) προῖκα δὲ λαβὼν τάλαντα τέτταρ' ἀργύρου]
 οὐ τῆς γυναικὸς νενόμιχ' αὐτὸν οἶκετ[ην], ·
 10) ἀπόκοιτός ἐστι, πορνόβοσκῳ δώδεκα 10
 τῆς ἡμέρας δραχμὰς δίδωσι. (Γ.) δώδεκα.
 [ἐπίστα]τ' ἀκ[ρι]βῶς οὐτοσί τὰ πράγματα ⁴⁾.
 (B.) [τί δ' εἶ]σ δι[ατ]ροφὴν ἀνδρὶ καὶ πρὸς ἡμερῶν ⁵⁾
 [χρεῖας λ]ε[λόγ]ισται; (Γ.) δὴ' ὀβολοῦς τῆς ἡμέρας ⁶⁾.
 (15) (B.) [. . .]ντ . . σω πεινῶν τι τι τις . . . ποτε ⁷⁾; 15
 (Γ.) [οὐκ ἔσθ' ὅ]πως ο[ὐ] προσμένει Χαιρέ[στρατον] ⁸⁾.
 (B.) [τίς δδ' ἐσ]τι [δῆ], γλυκύνετε; (Γ.) ὁ τῆς ν[ύμφης] πατήρ ⁹⁾.
 (B.) [.]ων ὡς ἀθλιός τις [.] ¹⁰⁾
 (A.) [. ὁ] τρεῖς κακοδ[αίμων] ψάλ[τριαν]

1) ἐγὼ Cobet; ἐτι Leeuwen. Ст. 5—15 Carps влагаєт тоже въ уста А, но этому противорѣчить рукопись: находящіяся въ ней знаки препинанія, въ видѣ параграфа и промежутковъ съ точкою (ст. 6 и 8; ст. 5, 7, 11 и 14), ясно указываютъ на смѣну лицъ. Слѣдовательно, монологъ невозможенъ.

2) διασκεδᾷ Cobet.

3) οἰμῶξομαι Cobet; οἰμῶζεται Wilamowitz; οἰμῶζεται Koerte. Слова τί δέ—μοι οἰμῶξομαι Koerte относитъ къ В, но противъ этого говоритъ рукопись: въ ней послѣ ἔρωτα стоитъ точка, т. е., есть указаніе на смѣну лицъ.

4) ἐπίστατ' Cobet; πέπυστ' Leeuwen.

5) τί δ' Jernstedt; ἀλλ' Koerte. ημερων рук.; ἡμέραν Leeuwen.

6) χρεῖας Jernstedt; μίαν Leeuwen; πῶς τις Wilamowitz и Koerte, который напрасно относитъ слова: δὴ' ὀβολοῦς τῆς ἡμέρας къ лицу, произносящему ст. 13: этому мѣшаетъ промежутокъ съ точкою послѣ λελόγισται; ἀρκεῖν Carps.

7) ποῦ δ' ἐντράγω πεινῶν τι; τί τις . . . ποτέ Jernstedt; ἄν δ' ἐντράγω πεινῶν ἐτι πτίσων ποτέ Leeuwen; τελεῖν πλέω πεινῶντι τίς λόγος ποτέ Carps; ἱκανὸν τι τῷ πεινῶντι τι τις . . . σ ποτέ Koerte, который совершенно напрасно влагаєт этотъ стихъ, какъ и стихъ 14, въ уста А: послѣ ἡμέρας (ст. 14) стоитъ въ рукописи точка, т. е., есть опять таки указаніе на смѣну лицъ.

8) οὐκ ἔσθ' ὅπως οὐ προσμένει Χαιρέστρατον Cereteli; ὁρῶ τιν' ὅς σε προσμένει, Χαιρέστрате Carps; Χαρίσιός σε προσμένει, Χαιρέστрате J. Карп; Χαρίσιός σε προσμένει. — χαῖρ', ἀλλὰ τίς Koerte, который раздѣляетъ стихъ между двумя лицами (В и Γ), что невозможно ввиду отсутствія въ рукописи какихъ бы то ни было указаній на смѣну лицъ; . . . ос . . . προσμένει Χαιρέστρατον Jernstedt.

9) τίς ὁδ' ἐστί δῆ Jernstedt; ὁδ' ἐστί δῆ Koerte; νύμφης πατήρ Kock.

10) Стихи 18—20 я оставляю въ томъ видѣ, въ какомъ даетъ ихъ Ернштедтъ, ибо коньектуры Wilamowitz'a, Koerte и Carps'a меня не удовлетворяють.

(20) Γ.]σαν γυναικα Γ.] 20
 Γ.]οι
 Γ.]σ

Итакъ, соединивъ оба отрывка (IIa и IIb) вмѣстѣ и предположивъ между ними наличность лакуны, приблизительно въ 15 строкъ¹⁾, Carps начинаетъ оперировать съ отрывками, какъ съ частью „Третьякаго суда“, причемъ выставляетъ въ пользу своего предположенія слѣдующіе доводы. Какъ видно изъ текста, въ сценкѣ участвуютъ три лица (A, B и Γ), изъ которыхъ одно называется Хэрестратомъ, если только правильно дополняется Carps'омъ стоящее въ концѣ стиха 16 слово *χαρε*[.], да сверхъ того въ ней идетъ рѣчь еще о двухъ другихъ персонажахъ, а именно, о какой-то флейтисткѣ (IIa 19) и юношѣ Харисіи (IIb 10). Что же касается до отдѣльныхъ чертъ, присущихъ этимъ лицамъ, то надо замѣтить, что A имѣетъ разительное сходство съ Смикриномъ. И дѣйствительно, въ лицѣ A мы видимъ передъ собой ворчливаго и скупого тестя, который негодуетъ на поведеніе своего зятя, отдалившагося отъ жены, дочери A (IIa 10, IIb 4, ср. также IIa 17), проводящаго время въ дорого-стоющихъ кутежахъ (IIa 1.—4) и развлекающагося сверхъ того съ арфисткой, за которую онъ платитъ порнобоску по 12 драхмъ ежедневно (IIa 10, 19). При этомъ A не столько горюетъ о положеніи своей дочери, сколько объ ея приданомъ (IIa 8), — новая черта, сближающая A съ Смикриномъ, который рисуется въ „Третьякомъ судѣ“, какъ человѣкъ расчетливый (ст. 541: *λογιστικός*), тяжелый (ст. 539: *χαλεπός*) и притомъ всё время думающій о деньгахъ, данныхъ въ приданое за дочерью (ст. 525 и 539). Однимъ словомъ, выходитъ, что въ A мы должны какъ будто видѣть Смикрина, а въ невѣрномъ мужѣ — Харисіи, тѣмъ болѣе, что имя „Харисій“ упоминается въ IIb 10. Далѣе, Carps хочетъ усматривать Онисима въ томъ лицѣ, которое мы обо-

1) Carps, Four plays of Menander, 97. Определить въ точности величину лакуны невозможно, ибо для этого у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Но если мы примемъ во вниманіе разсужденія В.К. Ернштедта (о. с., 15) объ очень небольшомъ форматѣ рукописи, то лакуну придется считать меньше, чѣмъ въ 15 строкъ. Такимъ образомъ, ближе къ истинѣ, чѣмъ Carps, стоитъ Koerte² (о. с., 143), определяющій лакуну въ 10 строкъ. Возможно, впрочемъ, что она была еще незначительнѣе.

значаемою буквою Г и которое представляет собою раба, преданнаго своему господину и старающагося спасти послѣдняго отъ опасности, грозящей ему со стороны тестя, т. е., А (II b 14 слл., а также II a 6). Наконецъ, Carps убѣжденъ и въ томъ, что третьимъ лицомъ, — оно обозначено у насъ буквою В — выступающимъ въ сценѣ, будетъ Хэрестратъ, съ которымъ Онисимъ (т. е., Г) ведетъ разговоръ (II b 6 слл.; II a 16) и который является собственникомъ одного изъ находящихся на сценѣ домовъ, какъ это явствуетъ изъ II b 9. Таковы въ общихъ чертахъ основные доводы Carps'a, съ которыми я не могу согласиться въ силу слѣдующихъ соображеній.

Прежде всего коснемся вопроса о тождествѣ именъ, которое, повидимому, импонируетъ Carps'у; хотя и не относится имъ къ числу главныхъ доводовъ, на которыхъ онъ строитъ свою гипотезу. Изъ одного того, что имена „Харисій“ и „Хэрестратъ“ встрѣчаются и въ „Третьейскомъ судѣ“ и въ Порфирьевскихъ отрывкахъ, еще нельзя, думается мнѣ, сдѣлать какого-нибудь опредѣленнаго вывода, говорящаго въ пользу принадлежности отрывковъ II a и II b къ нашей пьесѣ, — тѣмъ болѣе, что, по словамъ самого Carps'a¹⁾, „мы не должны забывать, что Менандръ очень часто примѣняетъ одни и тѣ-же имена для характеристики сходныхъ типовъ“. И дѣйствительно, ради примѣра, можно указать на то, что Горгій, какъ *adulescens*, выступаетъ въ „Героѣ“ и „Земледѣльцѣ“; что Фидій играетъ такую-же роль въ „Героѣ“, въ „Колакѣ“ и въ „Фазмѣ“, а Мосхionъ — въ „Отрѣзанной косѣ“, въ „Саміанкѣ“, въ „Киѳаристѣ“, въ „Подкидышѣ“ (*Ἐποβολιταῖοι*) и, можетъ быть, въ „Земледѣльцѣ“; что Миррину мы встрѣчаемъ не только въ „Героѣ“, но также и въ „Земледѣльцѣ“ и что, наконецъ, цѣлый рядъ другихъ персонажей съ одними и тѣми-же именами Лахеса и Демеи, Софроны и Дориды, Плангѳ и Габротононъ, Геты и Дава то и дѣло попадаетъ намъ на глаза не только въ разныхъ комедіяхъ самого Менандра²⁾, но и въ пьесахъ его *alter ego*, Теренція³⁾. Изъ всего этого вытекаетъ, что наличность именъ

1) Carps, The plot of Menander's Epitrepontes (= American Journal of philology, XXIX (1908), 416).

2) Подробнѣе говоритъ объ этомъ А. Koerte² (о. с., XXI sq.).

3) Такъ юноша Antipho выступаетъ въ Eunuchus и Phormio, Ram-

Харисія и Хэрестрата въ Порфирьевскихъ отрывкахъ и въ „Третьейскомъ судѣ“ еще не можетъ служить показателемъ того, что отрывки дѣйствительно относились къ „Третьейскому суду“, а не къ какой либо другой пьесѣ Менандра, заглавіе которой намъ неизвѣстно.

Обратимся теперь къ вопросу о сходствѣ ситуаций. Я не отрицаю и не хочу отрицать того, что на первый взглядъ это обстоятельство кажется весьма знаменательнымъ. Скажу больше, мнѣ самому нѣкогда приходила въ голову мысль объ идентичности Порфирьевскихъ отрывковъ съ „Третьейскимъ судомъ“: до такой степени подѣйствовало на меня это сходство! Но и въ данномъ случаѣ намъ не слѣдуетъ упускать изъ вида слѣдующихъ безусловно вѣрныхъ словъ Carps'a¹⁾: „мы не должны забывать и того, что нерѣдко сходные мотивы входятъ у Менандра въ составъ интриги различныхъ пьесъ“. Это замѣчаніе въ высшей степени правильно, и хорошимъ подтвержденіемъ ему можетъ служить та близость между фабулой „Героя“ и фабулой „Земледѣльца“, на которую уже обратилъ вниманіе Koerte²⁾ и которая не разъ должна была наблюдаться и въ другихъ произведеніяхъ „новой“ комедіи³⁾. И въ самомъ дѣлѣ, какъ въ „Героѣ“, такъ и въ

philus — въ Несуга и Andria, Phaedria — въ Eupuchus и Phormio, старикъ Хреметъ — въ Несуга, Andria и Phormio, Лахесъ — въ Несуга и Eupuchus, нянька Софрона — въ Eupuchus и Phormio, рабъ Давъ — въ Andria и Phormio и т. д.

1) Carps, o. c., 416.

2) A. Koerte², o. c., XXII.

3) Въдѣ если греческая трагедія вращалась въ области однихъ и тѣхъ-же мифовъ, перерабатываемыхъ поэтами на разные лады, то и греческая комедія ко времени Менандра находилась приблизительно въ такомъ-же положеніи. Цикль ея сюжетовъ уже сложился, главные мотивы были намѣчены, основные типы выработаны, и она, подобно трагедіи, могла варьировать только однѣ частности. Комедія уже забыла про то переходное время, когда, послѣ Аристофана, ей, отказавшейся отъ роли политической сатиры, пришлось пролагать новые пути, вырабатывать новое направленіе, находить новые сюжеты. Для поэтовъ „новой“ комедіи были уже непонятны жалобы Антифана на трудности комическаго жанра и на тяжелое положеніе комиковъ, которымъ

πάντα θεῖ
εὐρεῖν, ὀνόματα καινὰ, τὰ διωχημένα
πρότερον, τὰ νῦν παρόντα, τῇ καταστροφῇ,
τῇ εἰσβολῇ (fr. 191 = Коск., o. c., II, 90).

„Земледѣльцѣ“ мы не только встрѣчаемся съ двумя женщинами, носящими одно и то-же имя Миррины, но видимъ сверхъ того поразительное сходство между ихъ судьбой, и притомъ не только въ общемъ, но и въ частностяхъ. А между тѣмъ, несмотря на всё кажущееся тожество фабулы и разныхъ мелкихъ подробностей, обѣ пьесы рѣзко отличаются другъ отъ друга: базируясь на схожемъ фундаментѣ, онѣ вовсе не схожи со стороны своего внутреннего устройства и характеровъ выступающихъ въ нихъ персонажей. Но отсюда слѣдуетъ, что и то сходство ситуаций, которое поражаетъ насъ въ Порфирьевскихъ отрывкахъ и въ „Третьейскомъ судѣ“, еще не можетъ считаться достаточнымъ основаніемъ для отождествленія отрывковъ съ интересующей насъ пьесой.

Я, впрочемъ, согласенъ съ тѣмъ, что всё приведенные пока доводы носятъ нѣсколько предположительный характеръ, вовсе не исключая возможности того, что если Порфирьевскіе отрывки могли не принадлежать къ „Третьейскому суду“, то съ такимъ же правомъ они могли и входить въ составъ послѣдняго. Для того, чтобы разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ, нужно привести другія, болѣе существенныя доказательства, и эти доказательства, думается мнѣ, имѣются въ нашемъ распоряженіи. Но въ чемъ же они заключаются? Они заключаются въ томъ, что въ отрывкахъ, при наличности большого внѣшняго сходства съ „Третьейскимъ судомъ“, замѣчается не малое количество такихъ частныхъ, которыя сводятъ это сходство на нѣтъ. Къ выясненію этихъ частныхъ намъ и слѣдуетъ теперь обратиться.

Прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе слѣдующее. Изъ „Третьякаго суда“, какъ мы увидимъ это ниже, явствуетъ, что флейтистка, которой обзавелся герой пьесы, Харисій, вовсе не берется имъ на прокатъ у порнобоска (II а 10), а куплена имъ и находится такимъ образомъ въ его полномъ распоряженіи (ср. ст. 323, а также ст. 513 слл., изъ которыхъ видно, что Габротононъ выпускается на волю). Далѣе, эта флейтистка живетъ вмѣстѣ съ Харисіемъ въ томъ

Въ общихъ чертахъ всё это было уже готово. такъ что для творчества каждаго отдѣльнаго поэта оставалось только разнообразить основу, вплетая въ нее новыя неожиданныя детали и придавая трафаретнымъ сценическимъ типамъ, уже знакомымъ публикѣ по тѣмъ условнымъ маскамъ, которыя они носили, черты индивидуальныхъ характеровъ.

домѣ, который онъ занимаетъ и которымъ является домъ Хэрестрата (ср. ст. 194). Между тѣмъ невѣрный мужъ, выступающій въ Порфирьевскихъ отрывкахъ, кутить — это вытекаетъ изъ текста, — не у себя и не въ домѣ своего пріятеля, — нѣтъ, мѣстомъ его кутежа служить домъ порнобоска (ср. II b 8 слл.). Мало того, этотъ порнобоскъ, согласно остроумному замѣчанію В. К. Ернштедта (о. с., 212), тоже участвуетъ въ сценкѣ, а именно онъ и есть тотъ самый персонажъ, который мы обозначаемъ буквою В. Но вѣрно ли это? ¹⁾ По мнѣнію Carps'a въ В надо усматривать Хэрестрата. Однако противъ подобнаго предположенія говоритъ слѣдующее. Во-первыхъ, Г, какъ видно изъ текста, относится къ В, какъ къ существу ему равному, и притомъ относится довольно презрительно, тогда какъ В всё время передъ нимъ заискиваетъ. Во вторыхъ, совершенно немыслимо, чтобы В, если онъ дѣйствительно Хэрестратъ, обращаясь къ Г, т. е., къ рабу, говорилъ ему *υδουτάτα* (II a 17), ибо это обращеніе предполагаетъ одинаковость соціальнаго положенія, чего при гипотезѣ Carps'a нѣтъ. Въ третьихъ, если бы В на самомъ дѣлѣ представлялъ собой Хэрестрата, то Г, въ которомъ Carps видитъ Онисима, т. е., раба, врядъ ли бы могъ сказать ему, что онъ желаетъ, чтобы домъ В „сгинулъ“ (II b 8 слл.). Правда, Carps думаетъ, что это странное, чтобы не сказать больше, пожеланіе Г объясняется тѣмъ, что домъ В „is occupied by the leno who owns Nabrotopop“ ²⁾, но это надо еще доказать, чего Carps однако не дѣлаетъ, да и не можетъ сдѣлать. Наконецъ, какъ правильно отмѣчаетъ Koerte ³⁾, если бы мы допустили, что Carps разсуждаетъ правильно, намъ пришлось бы удивляться на порнобоска, который „pop in urbe, sed ruri iupanar instituit“, ибо дѣйствіе „Третейскаго суда“ происходитъ не въ городѣ, а въ деревнѣ. Предчувствуя, вѣроятно, подобное

1) Ср. В. Вагнерке, Menandrea (= Журн. Мин. Нар. Просв., 1909, февраль, отд. класс. филол., 70 сл.), который считаетъ, что Порфирьевскіе отрывки могли бы относиться къ „Третейскому суду“, если бы этому не мѣшала фигура порнобоска, не игравшая будто бы — такъ думалъ Магх (см. Kretschmar, De Menandri reliquiis, 72) — никакой роли въ комедіяхъ Менандра.

2) Carps, Four plays of Menander, 98, 31.

3) Koerte², о. с., XXIII.

возражение Carps старается парализовать его замѣчаніемъ, что „it was not the practice of wild Athenian youth to introduce their mistresses into their homes, but to visit them at the house of the Ieno“¹⁾. Но во-первыхъ, это замѣчаніе Carps'a ни на чемъ не основано, а во-вторыхъ, если мы будемъ раздѣлять его, то намъ придется думать, что Хэрестратъ отдалъ свой домъ въ наемъ порнобоску лишь для того, чтобы его пріятель Харисій имѣлъ возможность жить съ арфисткой, — предположеніе, по меньшей мѣрѣ, странное, чтобы не сказать больше. Итакъ, коль скоро мы примемъ гипотезу Carps'a во всей ея полнотѣ, то мы на каждомъ шагу будемъ наталкиваться на разныя противорѣчія, которыя никоимъ образомъ нельзя будетъ примирить съ дѣйствіемъ и съ содержаніемъ „Третьскаго суда“.

Но помимо всѣхъ этихъ, приведенныхъ мной соображеній, я хотѣлъ бы указать еще на одну частность, которая касается II а 16 и которая, на мой взглядъ, еще одинъ лишній разъ доказываетъ, что Порфирьевскіе отрывки не имѣютъ ничего общаго съ „Третьскимъ судомъ“ Менандра.

Согласно Carps'у стихъ 16 Порфирьевскаго отрывка II а надо читать такъ :

[ὄρω τιν'] ὅσ σ[ε] προσμένει Χαῖρε[στратε],

при каковомъ дополненіи наличность Хэрестрата на сценѣ будетъ стоять внѣ всякаго сомнѣнія²⁾. Очень близко къ конъектурѣ Carps'a подходит и конъектура Jda Carr³⁾, которая хочетъ придать всему стиху слѣдующую форму :

[Χαῖρι] ὅσ σ[ε] προσμένει Χαῖρε[στратε],

думая, значитъ, вмѣстѣ съ Carps'омъ, что Хэрестратъ есть одинъ изъ участвующихъ въ сценкѣ персонажей. Наконецъ, Koerte⁴⁾, который считаетъ, что въ рукописномъ χαῖρε [. . .] вовсе не скрывается собственное имя „Хэрестратъ“, дѣлитъ весь стихъ 16 между двумя лицами и читаетъ его такъ :

Г. [Χαῖρι] ὅσ σ[ε] προσμένει. — В. χαῖρ', [ἀλλὰ τίς].

1) Carps, o. c., 44.

2) Carps, o. c., 96.

3) J. Carr, Zu den Epitrepontes des Menander (= Hermes, 47 (1912), 318).

4) Koerte², o. c., 143.

Но подобная трактовка стиха не может выдержать серьезной критики, ибо ей противорѣчитъ рукопись, въ которой нѣтъ никакихъ намековъ на смѣну лицъ, т. е., на то, что стихъ 16 произносится двумя персонажами (см. стр. 123,8), а не однимъ. Да, наконецъ, помимо этой чисто формальной причины, дополненіе Koerte кажется мнѣ довольно нелѣпымъ и съ точки зрѣнія простого смысла. И дѣйствительно, къ словамъ: „Харисій тебя поджидаетъ“ какъ-то не подходятъ отвѣтныя слова: „здравствуй, но что это, мой голубчикъ, за человѣкъ?“ Такимъ образомъ, дополненіе Koerte должно быть откинута, какъ безусловно неудачное и несуразное. Что же касается до возстановленій Carps'a и Карп, то они тоже кажутся мнѣ недостаточно обоснованными, и вотъ почему: у Carps'a его дополненіе стоитъ въ тѣсной связи съ невѣрнымъ взглядомъ на первые 15 стиховъ отрывка II а, какъ на монологъ, который произноситъ А (по Carps'у, Смикринъ). Такимъ образомъ, діалогъ начинается у Carps'a только съ 16 стиха, причемъ этотъ стихъ произноситъ у него Г (т. е., Онисимъ), который входитъ на сцену вмѣстѣ съ В (т. е., съ Хэрестратомъ) и который, замѣтивъ А, обращается къ В со словами:

ὁρῶ τιν' ὅς σε προσκίεει, Χαίρεστρατε.

Но противъ подобнаго распредѣленія стиховъ говорить рукопись, въ которой параграфы и промежутки съ точкой¹⁾ ясно указываютъ на то, что смѣна лицъ начинается уже въ ст. 5. А разъ это такъ, то, значитъ, дополненіе Carps'a теряетъ всю свою силу и должно быть признано за неподходящее наравнѣ съ дополненіемъ Koerte²⁾.

1) По поводу знаковъ препинанія въ Порфирьевскихъ отрывкахъ, на которые ни одинъ изъ новѣйшихъ издателей не обратилъ должнаго вниманія, см. все то, что говоритъ В. К. Ернштедтъ (о. с., 28—45).

2) Къ какимъ натяжкамъ и разнаго рода нелѣпымъ объясненіямъ текста приводитъ Carps'a его непремѣнное желаніе видѣть въ ст. 1—15 монологъ, доказываетъ, между прочимъ, интерпретація ст. 6, въ частности словъ: *οὗτος ἐμπέσων διασχεδᾷ τὸν ἔρωτα*. Carps переводитъ ихъ такъ: „he'll scatter affection to the winds, i. e. his wife's love“, и ввиду того, что подобный переводъ кажется ему нѣсколько страннымъ, онъ, ничтоже сумняшея, предполагаетъ въ рукописи ошибку и готовъ вм. *διασχεδᾷ τὸν ἔρωτα* читать *διαπαθᾷ τὰ παρθεῖα*! Любопытно, что Ниспрегс (о. с., 349), опровергающій гипотезу Carps'a, не находитъ ничего страннаго въ переводѣ, который и воспроизводится имъ безъ всякихъ замѣчаній!

Какъ распредѣляетъ стихи Jda Kapp, я не знаю. Но если судить по ея дополненію, она, подобно Koerte, думаетъ, что *Г* выступаетъ на сцену только послѣ стиха 16, что опять таки невозможно, ибо промежутокъ съ точкой, находящійся въ рукописи послѣ словъ *τὸν ἔρωτα* (начало ст. 7), ясно свидѣтельствуемъ въ пользу того, что стихъ 7 произносится не тѣмъ же лицомъ, которое говоритъ ст. 5—6, а другимъ, или, иначе, что *Г* вступаетъ въ діалогъ непосредственно вслѣдъ за *В*, а вовсе не въ ст. 16. Въ силу этихъ соображеній дополненіе Карр тоже не можетъ быть принято, тѣмъ болѣе, что оно, какъ и дополненіе Carps'a, теряетъ свой *raison d'être*, коль скоро *Г* находится на сценѣ съ самаго начала разговора. И дѣйствительно, слова: *Χαρίσιός σε προομένει Χαίρεστρατε*, вполне естественныя въ устахъ того лица, которое только что выходитъ на сцену, становятся очень неестественными, разъ это лицо, уже находившееся на сценѣ и уже говорившее съ *В*, только теперь находитъ нужнымъ сказать своему собесѣднику, что его поджидаетъ какой-то Харисій.

Итакъ, я не могу принять ни одного изъ приведенныхъ мной возстановленій ст. 16, который я лично хотѣлъ бы объяснять и возстановлять слѣдующимъ образомъ. Въ то время, какъ *В* въ ст. 15 реагируетъ какой-то нүточкой на слова *Г* въ ст. 14, *Г*, не обращая на него никакого вниманія, высказываетъ, надо думать, свое опасеніе насчетъ того, что *А* стоитъ у дома своего зятя съ тайною мыслью выждать послѣдняго и затѣмъ наброситься на него съ упреками. Это свое опасеніе *Г* могъ бы высказывать приблизительно въ такой формѣ: „внѣ всякаго сомнѣнія, онъ поджидаетъ моего ба-рина“, что можно было бы передать по гречески такъ:

[οὐκ ἔοθ' ὅπως οὐ] προομένει Χαίρε[στρατον] ¹⁾).

Но если это мое дополненіе правдоподобно, то оно исключаетъ всякую возможность принадлежности отр. II а и

1) Рукопись не противорѣчитъ моему возстановленію ст. 16. И дѣйствительно, передъ конечнымъ *σ* замѣтны остатки круглой буквы, которая могла быть не только *ο*, но и *ω*, скорѣе даже послѣднимъ. За окончаніемъ же *ω* идетъ опять таки круглая буква, не то *ο*, не то *σ*. Наконецъ, что касается до самого выраженія: *οὐκ ἔοθ' ὅπως οὐ*, то ср. Aristoph. Plut., 871: *κοὐκ ἔοθ' ὅπως οὐκ ἔχετε μὲν τὰ χρήματα*, а также Rap., 640: *οὐκ ἔοθ' ὅπως οὐκ εἰ σὺ γεννάδας ἀνήρ*.

II b къ „Третейскому суду“, ибо оказывается, что невѣрный мужъ Порфирьевскихъ отрывковъ называется не Харисіемъ, а Хэрестратомъ¹⁾. Этому-то Хэрестрату и могла принадлежать въ той пьесѣ, къ которой относились отрывки, роль *jeune premier*, влюбленнаго въ арфистку и отдалившагося ради нея отъ своей жены, — фактъ, который вполне подходилъ бы къ типу Хэрестрата, какимъ рисуется онъ въ комедіи Менандра: вѣдь въ послѣдней основной чертой этого типа было, по словамъ Хорикія²⁾, то, что онъ *ψαλτρίασ ἐρεῖ*³⁾. А какую же роль могъ играть въ такомъ случаѣ Харисій, упоминаемый въ II b 20? Онъ могъ быть либо братомъ, либо другомъ Хэрестрата, подобно тому, какъ Хэрестратъ — мы увидимъ это ниже — является другомъ юноши Харисія въ „Третейскомъ судѣ“.

Итакъ, на основаніи всѣхъ приведенныхъ мною доводовъ, я считаю доказаннымъ, что Порфирьевскіе отрывки не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого отношенія къ „Третейскому суду“ и что всѣ попытки включенія ихъ въ эту пьесу надо признать за безусловно неудавшіяся, независимо отъ того, будемъ ли мы вслѣдъ за van Leeuwen'омъ относить отрывки къ концу перваго акта, или вслѣдъ за Croiset — къ концу второго, или же, какъ дѣлаетъ это Carps, къ концу четвертаго. Отъ перемѣны мѣста здѣсь ничего не зависитъ, ибо отрывки II a и II b, какъ относящіеся къ другой пьесѣ, только въ ней и могли бы найти себѣ настоящее примѣненіе!

Но исключая Порфирьевскіе отрывки изъ состава „Третейскаго суда“, мы тѣмъ самымъ сводимъ нашу пьесу къ тому, что осталось отъ нея въ Каирской рукописи, и къ тѣмъ фрагментамъ, которые были извѣстны намъ раньше. Изъ этихъ фрагментовъ нѣкоторые уже были привлечены нами къ вводной сценкѣ (стр. 111 слл.), до насъ недошедшей и реконструированной нами лишь приблизительно; другіе же,

1) Такъ думалъ уже В. А. Ернштедтъ (о. с., 240): я повторяю такимъ образомъ только его мысль.

2) *Choric. apol. mim.*, 9 (= *Oeuvres de Charles Graux*, II, 57) См. стр. 108, 6.

3) Въ качествѣ любителя арфистокъ Хэрестратъ выводился между прочимъ въ *Ἐννοῦχος* (см. *schol. ad Pers. sat.* 5, 161) и въ *ὑποβολμαῖος*, гдѣ его братомъ былъ Мосхіонъ, про типъ котораго тотъ же Хорикій (см. стр. 108, 6) говоритъ, что его отличительной чертой было *παρθένου βιάζεσθαι*.

пока еще не утилизированные, относятся безусловно не къ началу пьесы, и вообще не къ первому ея акту, а потому и оставлены пока въ сторонѣ. Что же касается до самой реконструкціи начальной части комедіи, той части, которая, согласно нашему мнѣнію, состояла или могла состоять изъ двухъ діалогическихъ сценокъ, раздѣленныхъ монологомъ (стр. 117), то эта реконструкція, коль скоро мы отказываемся отъ мысли о принадлежности Порфирьевскихъ отрывковъ къ „Третейскому суду“ и въ частности къ первому его акту, — эта реконструкція, говорю я, остается во всей своей силѣ и, пока что, оказывается наиболѣе правдоподобной и естественной.

Значить, мы считаемъ, что „Третейскій судъ“ начинался съ діалога между поваромъ и Онисимомъ; за этимъ діалогомъ шелъ монологъ Онисима, содержащій въ себѣ, говоря словами Лукіана, *σύνταγμα τοῦ δράματος τὸν λόγον*¹⁾, а за нимъ слѣдовалъ снова діалогъ между Онисимомъ и Смикриномъ, персонажемъ, который впервые появлялся передъ зрителями и который оставался на сценѣ послѣ ухода Онисима къ Харисію. Мотивомъ же этого замедленія на сценѣ было желаніе Смикрина отправиться въ городъ для полученія необходимыхъ ему свѣдѣній о зятѣ, которыхъ онъ не могъ получить ни отъ дочери, ни отъ Онисима. Но въ то время, какъ Смикринъ приготовлялся къ отходу, въ дѣйствіе пьесы внезапно вплеталась новая, неожиданная деталь, которая временно задерживала Смикрина и которая сверхъ того поворачивала все дѣйствіе на новую дорогу. Деталью же этой, играющей въ нашей комедіи такую первостепенную роль, было появленіе на сценѣ двухъ рабовъ, Дава и Сирика, оживленнымъ разговоромъ которыхъ и начинается „Третейскій судъ“ въ его настоящемъ видѣ.

2.

Дѣйствіе первое.

Явленіе четвертое.

[Сцена представляетъ собой деревенскій ландшафтъ, на фонѣ котораго находятся два дома, тѣсно примыкающіе другъ къ другу. Одинъ домъ принадлежитъ Харисію, другой — Хэрестрату. Около

1) Lucian. Pseudolog. 4.

дома Харисія, въ которомъ проживаетъ дочь Смикрина, Памфила, стоитъ Смикринъ, приготовляющійся къ уходу въ городъ. Въ этотъ моментъ, сильно жестикулируя, вбѣгаютъ на сцену Давъ и Сирискъ, за которыми слѣдуетъ жена Сириска съ ребенкомъ на рукахъ. Оба раба одѣты въ кожухи (*διφθέραι*), но, въ отличіе отъ Сириска, Давъ, какъ пастухъ, держитъ въ рукѣ кривую палку и имѣетъ при себѣ суму (*πήρα*). Что же касается до Сириска, то его профессія угольщика тоже охарактеризована въ достаточной степени какъ костюмомъ, такъ и маской¹⁾.

Сирискъ (продолжая начатый споръ).

D₁ Нарушилъ право ты!

Давъ.

Ну, это врешь, бездѣльникъ!

Сирискъ.

Чужимъ добромъ владѣть не слѣдъ тебѣ! Пускай
Насъ разберетъ судья!

Давъ.

Готовъ... Давай судиться!

Сирискъ.

Но у кого?

Давъ.

По мнѣ годится всякъ, терплю
(5) Я по грѣхамъ... Къ чему съ тобою я дѣлился? 5

Сирискъ (указывая на Смикрина).

Возьмемъ его судьей.

Давъ.

Что-жъ, въ добрый часъ.

Сирискъ (обращаясь къ Смикрину).

Отецъ,

Минуточку одну ты удѣлить намъ можешь?

1) Переводъ сдѣланъ по изданію А. Koerte², Menandrea (Lipsiae 1912), 9 sqq. Во вниманіе приняты также: Sudhaus, о. с., 3 sqq.; van Leeuwen², о. с., 18 sqq.; Croiset, о. с., 14 sqq.; Bodin-Mazon, Extraits d'Aristophane et de Ménandre, 290 sqq.; Robert, Der neue Menander, 67 sqq.; Carps, Four plays of Menander, 48 sqq. и др.

С м и к р и н ъ.

Минутку, вамъ? Зачѣмъ?

С и р и с к ъ.

Затѣяли мы споръ...

С м и к р и н ъ.

А я то тутъ приче́мъ?

С и р и с к ъ.

Намъ раздобыть бы надо

- (10) Судью третейскаго. Такъ вотъ, коль не спѣшишь, 10
Ты разсуди-ка насъ.

С м и к р и н ъ.

Ахъ, чтобъ вамъ пусто было!

Туда же, — судятся, а сами — въ козюхъ!¹)

С и р и с к ъ.

Но всё таки — дѣльцо одинъ пустякъ, не больше,
И трудности въ немъ нѣтъ! — будь милостивъ, отецъ!

- (15) Ужъ снизойди до насъ... Самъ знаешь, правосудье 15
Во всемъ, всегда должно брать верхъ и перевѣсъ,
И кто бы ни былъ тутъ, пещись о немъ обязанъ
По мѣрѣ силъ своихъ. Таковъ ужъ нашъ удѣлъ!

Д а в ъ (въ сторону).

А онъ — куда рѣчистъ! Къ чему я съ нимъ дѣлился?

С м и к р и н ъ (заинтересованный).

- (20) Мой приговоръ блюсти согласны вы?²)

1) Великолѣпнымъ комментариемъ къ этой выходкѣ Смикрина служатъ слѣдующія слова Б. В. Варнеке: „*Διφθέρα* есть названіе одежды, свойственной исключительно сельскимъ жителямъ... Между тѣмъ, сельскіе жители отличаются отъ городскихъ, въ особенности отъ аѳинянъ, своей нелюбовью къ судамъ, какъ это подчеркиваетъ схолиастъ къ Аристофану (Птицы, 111): *οἱ ἀγροικοὶ μόνοι εἰσὶν οἱ μὴ φιλοδικασταί, ὥς ἄλλων ὄντων τῶν μισοδίκων καὶ τούτων ἀγροίκων*. Такимъ образомъ, Смикринъ какъ бы хочетъ сказать, указывая на ихъ одежды: и вы, деревенщина, тянетесь за аѳинянами, поддавшись тому же пороку, что и городъ, гдѣ теперь (какъ позднѣе (ст. 201) въ той же пьесѣ признаетъ Сирпскъ) всѣмъ приходится *δίκασι μελετᾶν· διὰ τοῦτ' πάντα γὰρ ὥρεται*“. Б. В. Варнеке, Костюмъ актеровъ римской комедіи (= Журн. Мин. Нар. Просв. 1910, мартъ, отд. класс. филолог., 103 сл.).

2) Каждый частный третейскій судья только въ томъ случаѣ могъ брать на себя разрѣшеніе данной тяжбы, если обѣ тяжущіяся стороны, об-

Сиriskъ.

О, да. 20

Смикринъ.

Ну, что-жъ, послушаемъ. Не къ спѣху мнѣ.
(обращаясь къ Даву).

Сначала

Ты будешь говорить, — ты, не раскрывшій рта.

Давъ.

Я свой рассказъ начну не прямо съ нашей ссоры,
А издали, — тогда ты толкомъ всё поймешь.

(25) Въ кустарникѣ густомъ, рукой подать отсюда, 25

Я пасъ свои стада, — пожалуй, тридцать дней
Тому назадъ, — одинъ, и вотъ нашель случайно
Ребенка малаго: онъ тамъ подкинутъ былъ.

При немъ лежалъ браслетъ и разные вещички, —

(30) Дрянцо.

Сиriskъ.

Объ нихъ и споръ!

Давъ.

Мѣшаетъ говорить. 30

Смикринъ (обращаясь къ Сиriskу).

Коль перебьешь еще, вотъ этой самой палкой¹⁾

Я по тебѣ пройдуся.

Давъ.

И по дѣломъ!

Смикринъ.

Ну, дальше.

Давъ.

Ребенка поднялъ я, принесъ къ себѣ домой,
Хотѣлъ воспитывать: такъ я рѣшилъ сначала.

рашавшіяся къ нему за содѣйствіемъ, соглашались подчиняться его приговору — *τοῖς γνωσθεῖσιν ἐμμένειν*. Ср. Dem. 27,1: *εἰ μὲν ἐβούλετο "Αφοβοσ, ὡ ἀνδρες δικασταί, τὰ δίκαια ποιεῖν ἢ περὶ ὧν διαφερόμεθα τοῖς οἰκείοις ἐπιτρέπειν, οὐδὲν ἂν ἔδει δικῶν οὐδὲ πραγμάτων ἀπέχρη γὰρ ἂν τοῖς ὑπ' ἐκείνων γνωσθεῖσιν ἐμμένειν*. По поводу третейскихъ судей см. Pauly - Wissowa's Real Encyclopädie, V, 313 s. v. *διαιτηταί*, а также Schoemann - Lipsius, Griechische Altertümer, I, 515.

1) Необходимой принадлежностью каждого старика въ комедіи была, между прочимъ, палка. Ср. Poll. IV, 119: *γερόντων δὲ φόρμα ἡμῶν, καμπύλη*.

- (35) Но за ночь мысль пришла — со всѣми такъ бываетъ — 35
И сталъ я про себя иное говорить :
- D₂ „Къ лицу ли мнѣ дитя ? Ну, мнѣ ли съ нимъ возиться ?
Гдѣ деньги на прокормъ ? Къ чему заботы мнѣ ?“
- (40) Такъ думая¹⁾, съ зарей я снова выгналъ стадо,
А тутъ (указывая на Сирика).
и онъ пришелъ — онъ угольщикъ — себѣ 40
Дровъ напилить : мы съ нимъ друзьями раньше были,
Любили поболтать. Замѣтилъ онъ, что я
Задумчивъ, и спроси : „ты, Давъ, съ чего же это
(45) Повѣсилъ голову?“ — „Да полонъ ротъ хлопотъ“²⁾, 45
Отвѣтилъ я ему, и выболталъ всё сразу,
Какъ я дитя нашелъ, какъ поднялъ. Кончить рѣчь
Я не успѣлъ, какъ онъ давай просить да клянчить :
„Отдай ты мнѣ дитя“, и повторять притомъ
На разные лады : „дай богъ тебѣ удачи !
(50) Да вкусишь радости ! Да будешь вольнымъ ты !“ 50
„Есть женка у меня“ — онъ продолжалъ — „недавно

1) Такъ перевожу я рукописное *τοιοῦτοί τις ἦν*, считая вмѣстѣ съ Croiset (о. с., 19, 39), что оно равняется *οὕτω πᾶσι εἶχον*. Leeuwen² (о. с., 22), какъ мнѣ кажется, безъ достаточныхъ на то оснований, мѣняетъ это чтеніе рукописи на *τοιοῦτοί τις ὦν*, но понимаетъ всё выраженіе не иначе, чѣмъ Croiset, Lefebvre, Robert и Sudhaus. Однако, противъ подобнаго пониманія высказывается Vollgraff (о. с., 60 sq.), по мнѣнію котораго *τοιοῦτος ἦν* можетъ значить только „talis erat“, но не „haec mihi mens erat“, т. е., иными словами, *τοιοῦτος ἦν* или *ὦν* указываетъ не на душевное состояніе, а на матеріальное положеніе. Дава. Ввиду этого Vollgraff, слѣдуя совѣту Wilamowitz'a и принимая вмѣстѣ съ тѣмъ поправку van Leeuwen'a придаетъ стихамъ 37—39 такой видъ :

*πόθεν δ' ἐγώ
τοσαῦτ' ἀναλώσω — τί φροντίδων ἐμοί ; —
τοιοῦτοί τις ὦν ;*

причемъ Vollgraffу слѣдуетъ и Koerte² (о. с., 10). Но мнѣ подобное переустройство стиховъ кажется довольно неуклюжимъ, а самое пониманіе *τοιοῦτός τις ἦν* въ смыслѣ „talis erat“ нѣсколько ригорознымъ, почему я и остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣніи, считая, что *τοιοῦτός τις ἦν* можно переводить и черезъ „находясь въ такомъ состояніи“, „думая такъ“.

2) Vollgraff (о. с., 61 sq.) находитъ, что слова „*περίεργός εἰμι*“ не значать : sollicitus sum (или, какъ перевожу я : полонъ ротъ хлопотъ), и что весь пассажъ, примѣнительно къ обычному значенію слова *περίεργος*, надо переводить такъ : „cur tristis est“ inquit, „Davus meus ? cur tandem ?“ ego natura *περίεργος* sum itaque rem ei parro, ut puerulum repperissem et sustulissem. Я согласенъ, что при такомъ переводѣ *περίεργος* сохраняетъ

Она мнѣ родила, но умерло дитя".
(Подъ женой разумѣлъ онъ ту, что здѣсь съ ребенкомъ).

С м и к р и н ъ (обращаясь къ Сириску).
Такъ ты просилъ, Сирискъ?

С и р и с к ъ.
Просилъ.

Д а в ъ.

Сплошь цѣлый день
(55) Онъ приставалъ, молилъ... Я общалъ, я отдалъ 55
Ему дитя, а онъ, мнѣ кучу разныхъ благъ
Понасуливъ, ушелъ... поцѣловавъ мнѣ руку.

С м и к р и н ъ (обращаясь къ Сириску).
Ты руку цѣловалъ?

С и р и с к ъ.
Да, цѣловалъ.

Д а в ъ.

Ушелъ
Съ женою онъ, и вдругъ, со мной случайно встрѣтись,
Онъ требуетъ теперь отдачи тѣхъ вещицъ, 60
Что были кинуты съ ребенкомъ, — вещи эти
(60) Такъ... пустячки одни, не больше. Говорить,
Что вещи — не мои, что я его обидѣлъ,
Не отдавая ихъ, считая за свои.
А я ему въ отвѣтъ: „скажи спасибо лучше 65
За то, что, просьбѣ внявъ, я принялъ въ часть тебя".
А если я чего не додалъ, онъ не въ правѣ
(65) Учитывать меня. Вотъ если бы со мной
Наткнулся онъ на кладъ и этотъ кладъ случайный
Находкой общей былъ, — владѣлъ бы онъ однимъ, 70

свое обычное значеніе; но тѣмъ не менѣе, мнѣ думается, что контекстъ требуетъ иного, можетъ быть, и необычнаго толкованія, а также и другой интерпункции, чѣмъ та, которую даетъ Vollgraff. Поэтому я остаюсь при своемъ переводѣ, хотя и знаю, что толкуя *περίεργος* такъ, какъ я его толкую, я даю ему новый смыслъ, который только съ большою натяжкой можно вывести изъ обычнаго.

- А я — другимъ. Но онъ со мною вмѣстѣ не былъ, —
 Нашелъ вѣдь я одинъ! За что же всё тебѣ,
 (70) А мнѣ ни капельки? Итакъ, по доброй волѣ
 Я уступилъ тебѣ частицу своего.
 Коль нравится она, владѣй ей на здоровье, 75
 А коль не по душѣ, верни её назадъ.
 С₁ Самъ насъ не обижай, — и мы тѣснить не будемъ!
 (75) Но всё прибрать къ рукамъ, — гдѣ силой, гдѣ мольбой,
 Ну, это, братъ, шалишь. (Къ Смикрину)
 Я рѣчь свою окончилъ.

Си р и с к ѣ.

Онъ кончилъ?

С м и к р и н ѣ.

Ты оглохъ? Да, кончилъ.

Си р и с к ѣ.

Хорошо. 80

- Такъ, значитъ, мой чередъ. Ребенка онъ нашелъ,
 Одинъ, — онъ въ этомъ правъ, всё было такъ, отецъ.
 (80) Тутъ спорить не о чемъ. Его просилъ я слезно,
 Дитя я выпросилъ. Онъ въ этомъ тоже правъ. —
 Но вотъ одинъ пастухъ, собрать его по службѣ, 85
 Съ его же словъ сболтнулъ, что будто Давъ нашелъ
 При маленькомъ еще какія-то вещички.
 (85) Чтобъ ихъ потребовать, малютка — здѣсь, отецъ!
 Дай мнѣ его, жена (женщина подаетъ ребенка).
 Примѣтъ и ожерелья
 Съ тебя онъ требуетъ и такъ лепечетъ, Давъ: 90
 „Всѣ вещи — мой надѣлъ, но — не твоя добыча“.
 А я, какъ опекунъ, я за дитя стою:
 (90) Мнѣ эту должность ты вручилъ, отдавъ малютку! —
 Теперь же, батюшка, — такъ мнится мнѣ — твой долгъ
 Рѣшить, должно ли намъ припрятать для ребенка, 95
 Пока онъ не взростетъ, какъ и хотѣла мать,
 (Кто бъ ни была она!) и золотыя вещи
 (95) И всё, что будетъ тамъ, иль вору ихъ отдать,
 Хотя бы первымъ онъ нашелъ добро чужое? —
 Но почему же я, ребенка взявъ, не сразу 100
 Сталъ вещи требовать? Я права не имѣлъ!
 Я и теперь вѣдь здѣсь не для своей корысти,

- (100) Не своего ишу. А „общая находка?“
 Нѣтъ слова „я нашелъ“ тамъ, гдѣ дитя страдаетъ!
 Здѣсь не „находка“, нѣтъ, я вижу здѣсь грабежъ! 105
 Подумай-ка, отецъ. Вѣдь, можетъ быть, малютка
 Знатнѣе насъ. Вскормясь средь подневольныхъ рукъ,
 (105) Онъ взглянетъ свысока когда нибудь на рабство
 И, сердцу слѣдуя, возьметъ за дѣла,
 Что баричамъ къ лицу: за львиную охоту, 110
 За дротикъ, иль за бѣгъ на играхъ. Ты бывалъ,
 Небось, въ театрѣ? Да. Такъ штуки эти знаешь! 1)
 (110) Какой-то козопасъ, какъ я, н о с и в ш і й ш к у р у 2),
 С₂ Нашелъ Нилея разъ и Пелія. Когда
 Узналъ онъ, что они — не то, что онъ... почище, 115
 Онъ разсказалъ имъ всё, — какъ поднялъ, какъ нашелъ,
 И сумку отдалъ имъ съ примѣтами. Они же,
 (115) Узнавъ такимъ путемъ про всё, что ихъ касалось,
 Царями сдѣлались, а были... пастухи.
 Но если бъ онъ, какъ Давъ, распродалъ всѣ вещицы, 120
 Чтобъ выручить себѣ, ну, хотъ двѣнадцать драхмъ,
 Въ безвѣстности глухой они бъ остались оба,
 (120) Они-то, славные, да знатные притомъ!
 Ну, значить, мой отецъ, не будетъ вовсе толка,
 Коль я возьму дитя, чтобъ воспитать, а Давъ 125
 Затретъ тѣмъ временемъ пути къ его спасенью!
 Вѣдь съ помощью примѣтъ одинъ сестры не взялъ

1) Изъ словъ Сирика видно, что онъ большой любитель театра, что онъ хорошо знаетъ сценическій репертуаръ и при случаѣ не прочь щегольнуть этимъ фактомъ, какъ своего рода показателемъ его образованности и того, что онъ, несмотря на всю свою бѣдность, все таки причастенъ цивилизации. Ср. Philostr. epist. 7 (vol. II, ed. Kauser, p. 227): *ἂντις πρόσ τὸ θέατρον πενήτων ὁ δῆμος*.

2) Слова „αἰπὸς ἔχων οἶον ἐν τῷ διφθέρα“ сказаны Сирикомъ не спроста. Въ нихъ заключается отвѣтъ на презрительный возгласъ Смиррина въ началѣ сценки (ст. 12):

*δίκαιο λέγουσθε περὶ λατρεῖτε, διφθέρα σ
 ἔχοντες.*

Т. е., Сирикъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что иногда и человѣкъ, одѣтый въ простой козухъ, оказывается достойнымъ уваженія, коль скоро онъ поступаетъ благородно, на манеръ козопаса, спасшаго Пелія и Нилея, героевъ Софокловской драмы *Τυρός*.

- (125) Себѣ въ супружницы, другой спасъ мать, а третій,
Тотъ брата вызволилъ ¹⁾. Вѣдь наша жизнь, отецъ,
Куда какъ сбивчива, и мы должны задолго 130
Провидѣть многое, чтобъ горя избѣжать. —
Но Давъ сказалъ : „верни, коль не по нраву“. Этимъ
(130) Онъ мыслить одолѣть меня въ своихъ дѣлахъ.
Но это — не законъ, чтобъ ты, себѣ присвоивъ,
Имѣнье дѣтское, присвоилъ и дитя, 135
И на свободѣ вновь вредить ему бы началъ,
Растративъ тѣ дары, что спасены судьбой.
(135) Я все сказалъ. Теперь постанови рѣшенъе.

С м и к р и н ъ.

Да, вѣдь, рѣшить легко. Что при ребенкѣ, — то
Принадлежитъ ему. Таковъ мой судъ.

Д а в ъ.

Чудесно! 140

Ну, а ребенокъ? Онъ — ?

С м и к р и н ъ.

Его я отдаю,

- Конечно, не тебѣ: ты — татъ, а вотъ ему,
(140) Что защищалъ дитя отъ нападеній вора.

С и р и с к ъ.

Да вкусишь счастье ты!

Д а в ъ.

Спаситель мой, Зевесъ!

Что за неправый судъ! Я отыскалъ, — и что-же? 145
Обобранъ до-чиста, а тотъ, кто не искалъ,
Владѣетъ всѣмъ! Отдать?

1) Мы не знаемъ, въ какой трагедіи братъ, благодаря своевременному
предъявленію *tā yvōrlōmata*, не женился на своей сестрѣ. Но мы знаемъ,
что два другихъ факта, приводимые Сирискомъ, имѣли между прочимъ
мѣсто, одинъ въ „Антиопѣ“ Еврипида, гдѣ Зетъ и Амфіонъ избавляли отъ
смерти свою мать, Антиопу, а другой — въ „Ифигеніи Таврической“, гдѣ
Ифигенія спасала Ореста.

С м и к р и н ъ.

Отдай.

Д а в ъ.

Неправый судъ!

(145) Пусть лопну, если лгу!

С и р и с к ъ.

Давай же, да скорѣе.

Д а в ъ.

Гераклъ, обиженъ я!

С и р и с к ъ.

Снимай свою суму,

Да покажи ее: ты въ ней вѣдь вещи носишь! 150
(къ Смикрину).

В₁ Минутку подожди, пожалуйста.

Д а в ъ.

Зачѣмъ

Я взялъ его судьей?

С и р и с к ъ.

Давай суму, негодникъ!

Д а в ъ.

(150) Обиженъ, оскорбленъ!

С м и к р и н ъ (къ Сириску).

Все тутъ?

С и р и с к ъ.

Какъ будто, все.

А впрочемъ, можетъ быть, въ неправдѣ уличенный,
Пока я рѣчь держалъ, — онъ кое-что слизнулъ! 155

Д а в ъ.

И не подумалъ бы!

С и р и с к ъ (уходящему Смикрину).

Спасибо дорогой!

Такихъ бы судей намъ!

Д а в ъ .

Ну, нѣтъ. Клянусь Геракломъ,
(155) Обидчикъ, — не судья! Что за неправый судъ!

С и р и с к ъ .

И дрянъ же ты!

Д а в ъ (въ бѣшенствѣ).

Самъ дрянъ! Смотри теперъ ты въ оба,
Чтобъ дѣтское добро мнѣ въ цѣлости хранить! 160
Знай напередъ: стеречь тебя я не устану!

С и р и с к ъ (презрительно).

Проваливай, — влетить! Ну, а теперъ, жена,
(160) Ребенка отнеси ты къ барчуку въ покои.
Сегодня переждемъ мы Хэрестрата здѣсь ¹⁾,
А завтра за дѣла опять съ тобой возьмемся, 165
Свой уплативъ оброкъ ²⁾. — А впрочемъ, нужно намъ
Сперва пересчитать всѣ вещи. Есть корзина?
(165) За пазуху клади, коль нѣтъ ея.

1) При переводѣ ст. 160—161 я слѣдую той интерпункціи, которую даютъ Leeuwen, Robert и Koerte, а именно:

λαβοῦσα πρὸς τὸν τρόφιμον ἐνθάδ' εἰσφερε.

Χαιρέστρατον νῦν γὰρ μενοῦμεν ἐνθάδε.

Наоборотъ Agniet, за нимъ Sudhaus (о. с., 8), Croiset (о. с., 32) и Карр (о. с., 318) ставятъ точку послѣ *Χαιρέστρατον*, дѣлая изъ этого слова опредѣленіе къ *τρόφιμον*. При этомъ Карр находитъ, что „die herkömmliche Verbindung... ist an sich gezwungen“, а Croiset говорить: „il paraît indispensable que Syriscos nomme ici son maître pour instruire le public, que la désignation vague *τρόφιμος* n'aurait pas suffisamment éclairé“.

2) Изъ этихъ словъ Сирика видно, что онъ живетъ на сторонѣ, на оброкъ, почти что на положеніи *οἱ χωρὶς οἰκοῦντες*, и, добывая самъ себѣ пропитаніе, обязанъ только время отъ времени уплачивать своему хозяину опредѣленную оброчную сумму. По поводу такихъ оброчныхъ рабовъ ср. Aesch. с. Timarch., 97: *χωρὶς δὲ οἰκέτας δημιουργοὺς τῆς οὐκνοτομικῆς τέχνης ἐννέα ἢ δέκα, ὧν ἕκαστος τοῦτω δὴ ὀβολοῦς ἀποφορὰν ἔφερε τῆς ἡμέρας*. См. также Schoemann-Lipsius, Griech. Altertümer, I, 367.

Явленіе пятое.

[Изъ дома Харестрата выходитъ Онисимъ и медленно направляется въ сторону Сирика и его жены, не замѣчая ихъ сначала. Они же, занятые разглядываніемъ вещей, тоже не видятъ его. Видъ у Онисима озабоченный.]

О н и с и м ъ (про себя).

Не поваръ,

А просто размазня! Вчера мы въ это время
За выпивку взялись —

С и р и с к ъ (разбирая вещи и передавая женѣ).

Вотъ это... пѣтушокъ... 170

Какъ будто, да. Возьми. Ишь ты, какой тяжелый¹⁾!
Вещичка съ камешкомъ! А вотъ тебѣ сѣкира!

О н и с и м ъ (замѣтивъ Сирика, про себя).

(170) Что это?

С и р и с к ъ (не замѣчая Онисима).

Перстень... да... желѣзный, съ позолотой²⁾,
На немъ печатка: быкъ, а можетъ и козель.
Ну, гдѣ тутъ разобрать? Какимъ-то Клеостратомъ 175
Онъ сдѣланъ, какъ о томъ мнѣ буквы говорятъ.

О н и с и м ъ (подойдя вплотную).

Дай посмотрѣть.

С и р и с к ъ (протягивая перстень).

Смотри. Ты кто?

1) Такъ перевожу я слово *στριφνός*, которое можетъ значить и „крѣпкій“. Ср. Hesych. s. v. *στριφνός* ·· *σφιγνός*, *πυγνός*, *στερεός*. Всѣ, упоминаемая здѣсь, вещицы представляютъ собой частью амулеты — такъ, напр., пѣтушокъ, имѣвшій значеніе *ἀποτροαῖον* —, частью и игрушки, частью, наконецъ, предметы воспоминанія. Всѣ же вмѣстѣ они и есть тѣ *υνωρίσματα*, которыя клались при выкидываемыхъ дѣтяхъ и которыя Лонгъ (Pastor. III, 24, ed. Seiler) характеризуетъ, какъ своего рода *ἐντάφια*.

2) Въ текстѣ *ἐπὶ χρυσῷ*. Vollgraff (о. с., 63) приравниваетъ это слово къ греч. *ἐποχρυσωμένος* и къ лат. *subauratus*. По русски *ἐπὶ χρυσῷ* можно передать черезъ выражеше „позолоченный“ или „съ позолотой“. Наоборотъ, *ἐπὶ χρυσῷ*, *ἐπὶ ἀργυρῷ* указываютъ, повидимому, на накладное золото и серебро.

Онисимъ.

Вотъ этотъ самый!

Сирискъ.

(175) Кто этотъ?

Онисимъ.

Перстень.

Сирискъ.

Чей? Тебя я не пойму.

Онисимъ.

Харисій, баринъ мой, — хозяинъ перстня.

Сирискъ.

Брешешь!

Онисимъ.

Онъ обронилъ его —

Сирискъ.

Отдай кольцо, треклятый. 180

Онисимъ.

Тебѣ дать наше? Нѣтъ, скажи мнѣ, гдѣ нашель?
Гдѣ поднялъ?

Сирискъ.

Аполлонъ и вы, другіе боги!

(180) Ну, чистая бѣда! Попробуй-ка спасать
Сиротское добро! Кому не лѣнь, — всякъ тащить.
Дай перстень, говорю.

Онисимъ.

Ты, видно, очумѣлъ!

185

В₂ Кольцо — Харисія, клянусь я Аполлономъ!

Сирискъ.

Зарѣжусь раньше я, чѣмъ уступлю тебѣ,
(185) Хоть въ чемънибудь. Бери, но знай, судиться буду
Со всѣми: что въ сумѣ, то — не мое, — дитяти!
(къ женѣ, продолжая разбирать вещи)

Что это за уборъ? Возьми. Лоскутъ пурпурный!¹⁾ 190

Теперь ступай домой. (Обращаясь къ Онисиму.)

Что скажешь?

О н и с и м ъ.

Я скажу:

Кольцо — Харисія! Его онъ обронилъ,

(190) Когда былъ выпивши.

С и р и с к ъ.

А я — рабъ Хэрестрата.

Коль хочешь, береги ты перстень у себя,

А то мнѣ передай, я сохраню.

О н и с и м ъ.

Нѣтъ, буду

195

Я самъ его беречь.

С и р и с к ъ

Мнѣ это всё равно.

Вѣдь мы съ тобой идемъ въ одно и то же мѣсто,

(195) Сюда, не правда ли? (указываетъ на домъ Хэрестрата).

О н и с и м ъ.

У насъ сейчасъ приѣмъ²⁾,

1) Bodin-Mazon, Extraits d'Aristophane et de Ménandre, 305, 1 правильно указываютъ на то, что подъ „пурпурнымъ лоскутомъ“ надо разумѣть „un lambeau du vêtement que Pamphilé portait à la fête de Taurophories (ср. ст. 271 слл.) et qui avec l'anneau servira à la reconnaissance“.

2) Въ текстѣ *νυν...συνάγουσι*. Я передаю эти слова черезъ: „у насъ сейчасъ приѣмъ“, хотя и знаю, что подобный переводъ не исчерпываетъ всего значенія глагола *συνάγειν*. И дѣйствительно, *συνάγειν* можетъ значить „собираться на пиръ (и въ частности на пиръ въ складчину)“, т. е., можетъ соотвѣтствовать выраженію, употребленному мной въ моемъ переводѣ: „у насъ сейчасъ приѣмъ“ = „у насъ сейчасъ собираются (на пиръ) гости“. Этотъ же смыслъ имѣетъ глаголѣ *συνάγειν* и въ Men. fragm. 158 (= Kock, o. c., III, 46):

καὶ νῦν ἑτέρω τοῦτων συνάγουσι κατὰ μῦθον.

Наконецъ, не иначе хотѣлъ бы я толковать *συνάγω* и у Theophr. Charact. 30, 18: *ἀμέλει δὲ καὶ συναγόντων παρ' αὐτῷ, ὑποθεῖναι τῶν παρ' αὐτοῦ διδомένων ξύλων καὶ φακῶν καὶ ὄξους καὶ ἄλων καὶ ἐλαίου τοῦ εἰς τὸν λύχρον*. Но, помимо значенія „собираться“, *συνάγω*, въ приложеніи къ пиру, можетъ имѣть и другой смыслъ, а именно: „пировать въ складчину“. Ср. Athen. VIII, 365 c: *ἐλεγον δὲ συνάγειν καὶ τὸ μετ' ἀλλήλων πίνειν*. Далѣе, если во всѣхъ этихъ случаяхъ при *συνάγω* можно и не до-

Такъ, значить, барину докладывать не время.
Я завтра доложу. (Уходитъ).

Сирискъ.

До завтра подождемъ! 200
Ну, а насчетъ судьи, — бери, кого захочешь,
Не буду спорить я! (Въ сторону):

Опять мнѣ повезло!

(200) А право, не пора ль, оставивъ всё, заняться
Судебнымъ ремесломъ? Имъ нынѣ всё спасешь!

[Уходитъ, какъ и Онисимъ, въ домъ Хэрестрата, а тѣмъ временемъ на сценѣ появляется хоръ, который занимаетъ мѣсто въ оркестрѣ и приступаетъ къ пѣнію, сопровождая его пляской].

Музыкальная интермедія.

Дѣйствіе второе.

Явленіе первое.

[Изъ дома Хэрестрата выходитъ Онисимъ. Въ рукахъ у него тотъ перестень, который онъ ваялъ у Сириска. Видъ у него задумчивый и мрачный].

бавлять слова *συνέσιον*, то это слово является не лининимъ, когда глаголь получаетъ значеніе „устроить пиръ въ складчину“. Ср. Diphil. fr. 43, 28: ἀπὸ συμβολῶν συνέχοντα (i. e. τὸ συνέσιον), а также Poll. VI, 8: συναγαγεῖν συνέσιον, συστῆσαι, πληρῶσαι, συζωοῦνταί, συναθροῦσαι, συγκαλεῖσαι. Наконецъ, *συνάγειν* можетъ значить: „собирать, созывать на пиръ“. Ср. Theophr. charact. 27, 11: καὶ ἐν δεκαδισταῖο συνάγει τοὺς μεθ' αὐτοῦ συναύχοντα, а также Men. fr. 450 (= Kock, III, 129):

ἀστεῖον τὸ μὴ
συνάγειν γυναῖκα μηδὲ δειπνίζειν ὄχλον.

Изъ всѣхъ этихъ значеній наиболѣе подходящимъ къ нашему мѣсту я считаю одно, а именно: „собираться на пиръ“ (ср. A. Koerte, *Χορον* = *Hermes* 43 (1908), 303), и никоимъ образомъ не могу согласиться съ Croiset (о. с., 39) и съ Bodin-Mazon (о. с., 305, 5), которые переводятъ *συνέχοντα* черезъ „они пируютъ, они сидятъ за столомъ“. Ср. также Bethe, *Der Chor bei Menander* (= *Ber. über die Verh. der sächs. Ges. der Wiss. zu Leipzig, phil.-hist. Cl.*, 60 (1908), 212), который тоже понимаетъ *συνέχοντα* въ смыслѣ: „jetzt sind sie bei Tisch“. По поводу того, имѣетъ или не имѣетъ слово *συνέχοντα* отношеніе къ появленію хора, будетъ сказано ниже (II, 11).

Онисимъ.

- Я барину разъ пять, а то и больше, перстень 205
 Всѣ показать хотѣлъ. Нѣтъ, нѣтъ да подойдешь
 Близехонько, — стоишь совсѣмъ къ нему вплотную,
 (205) Да и опять назадъ. Эхъ, старый мой доносъ!
 И каюсъ же я въ немъ! Твердить мой баринъ часто:
 „Зевсъ разрази того, кто эту язву вскрылъ 210
 На горе мнѣ“. — Боюсь, что, примирясь съ женою,
 Меня, наушника, онъ въ порошокъ сотретъ
 (210) За то, что знаю всё! Поостеречься надо
 И къ старой кутерьмѣ не подбавлять другой!
 Намъ хватить стараго: и въ немъ бѣды не мало! 215

Явленіе второе.

[Изъ дома Харестрата выбѣгаетъ вся въ слезахъ флейтистка
 Габротононъ, отбиваясь отъ гостей Харисія, которые хотятъ ее
 удержать].

Габротононъ.

- Не трогайте меня . . . прошу . . . не приставайте. —
 Ослѣпла, видно, я и вотъ сама себя
 (215) Поставила теперь въ смѣшное положеніе!
 В_з Я мнила, любить онъ, а вышло, что ко мнѣ
 Въ немъ ненависть кипить, — совсѣмъ не человѣчья¹⁾. 220
 Не позволяетъ мнѣ съ нимъ рядомъ возлечь,
 Велитъ поодаль быть!

Онисимъ (про себя, не видя Габротононъ).

А не вернуть ли перстень
 Опять тому рабу? Нѣтъ смысла!

Габротононъ.

- Дурачокъ!
 (220) Къ чему онъ тратитъ зря такую уйму денегъ?
 Благодаря ему вѣдь я теперь могла бъ, 225
 Какъ дѣвушка, идти съ кошницею священной:²⁾

1) Ср. Ter. Hec. 179: *miris modis odisse coepit Sostratam*.

2) Ср. Aristoph. Lys., 646:

κακωνηφόρον πει' οὐσα παῖς καλὴ' ἡοῦσ'
ισχάδων δραθόν,

Я третій день уже чиста отъ „брачныхъ узъ“,
Какъ люди говорятъ —

Он и симъ (про себя).

Скажите, ради бога,

(225) Скажите, какъ бы мнѣ . . .

Явленіе третье.

[На сцену послѣшно вбѣгаетъ Сирискъ. Онъ, повидимому, кого-то ищетъ и находится въ сильномъ волненіи].

Сирискъ.

Ищу его, ищу . . .

Повсюду . . . зря. (Замѣтивъ Онисима):

Вотъ онъ! Отдай-ка мнѣ, любезный, 230

Кольцо, иль покажи, кому ты тамъ хотѣлъ.

Намъ нуженъ бы судья. Пора мнѣ въ путь-дорогу!

Он и симъ (въ замѣшательствѣ).

Дѣльцо то — чистый грѣхъ . . . Навѣрняка я знаю:

(230) Харисій, баринъ мой, — хозяинъ перстня. Но . . .

Боюсь я показать. Коль я отдамъ, то сразу 235

Харисій нашъ отцомъ тому ребенку станеть,

Съ кѣмъ перстень былъ найденъ.

Сирискъ (съ недоумѣніемъ).

Ишь ты, куда загнулъ!

Он и симъ.

На Таврополіяхъ, при бдѣши ночномъ,

(235) Гдѣ были женщины, онъ обронилъ свой перстень.

Ты пораскинь умомъ, и выйдетъ: онъ дѣвицу 240

Тамъ изнасиловалъ, она же родила

И кинула дитя. — Найти-бъ её сначала,

Да ей бы перстень дать, всё вышло бы на свѣтъ!

(240) Пока же — тутъ одна лишь смута, да волненье!

а также Schol. ad v. 646: *ταῖς πομπαῖς ἐκνηφύρουν αἱ παρθέναι· ἐφύρουν δὲ καὶ λοιπὰς τινὰς ὁλοχρύσουσιν.* [Ср. еще Luc. Mer. dial. 7,4: *οὐκ οὖν ἀνέρας τοσούτων μενεῖς διὰ τοῦτο καὶ σωφρονήσεις καθάπερ οὐχ ἑταῖρα, τῆς δὲ θεσμοφύρου ἱερείᾳ τις οὐσα.*

Сирискъ.

Самъ обсуди! Но знай: коль хочешь запугать ¹⁾, 245
Въ надеждѣ получить за перстень отступного, —
Ты плохо разсчиталъ! Дѣлиться я ни съ кѣмъ
И не подумаю!

Онисимъ.

Мнѣ не нужна дѣлежка!

Сирискъ.

(245) Вотъ какъ! — Я здѣсь на часъ: я въ городъ ухожу,
А тамъ, когда вернусь, подумаю, что дѣлать! 250
(Уходитъ).

Явленіе четвертое.

[На сценѣ — Онисимъ и Габротононъ. Онисимъ стоитъ молча, Габротононъ же, которая раньше внимательно прислушивалась къ разговору Онисима съ Сирискомъ, смотритъ теперь на окно въ домъ Херестрата, въ которомъ видна жена Сириска, кормящая ребенка].

Габротононъ.

Нашъ угольщикъ нашелъ то самое дитя,
Которое теперь его жена пѣствуетъ?

Онисимъ.

Да, по его словамъ . . .

Габротононъ (съ нѣжностью).

Какой прелестный крошка!

Онисимъ.

(250) И перстень барина: онъ при ребенкѣ былъ!

1) Въ текстѣ *εἰ δ' ἀνασείω*, выраженіе, которое я передаю словами: „коль хочешь запугать“, ибо *ἀνασείω* вполне соотвѣтствуетъ нашему: „наводить страхъ, запугивать“. Ср. Dem. Contra Aristog., 47: *τῇ κατὰ Δημοκλέους εἰσαγγελίαν ἀνασείσας ποτ' ἔτρεψεν*; Т. е., Сирискъ хочетъ сказать: „если ты думаешь застрашать меня именемъ Харисія и воображаешь, что я, напуганный возможностью разнаго рода осложненій, соглашусь откупиться отъ тебя, лишь бы получить обратно перстень, то ты горько ошибаешься: я на это не пойду“.

Габротононь.

В₄ И ты, чудовище, — коль это — твой барченокъ, 255
Допустишь, чтобъ его растили, какъ раба?
Повѣсить бы тебя!

Онисимъ.

Да мы пока не знаемъ,
Кто мать?

Габротононь.

А перстень свой Харисій потерялъ
(255) На Таврополіяхъ?

Онисимъ.

Онъ пьянъ былъ, по рассказамъ
Съ нимъ бывшего раба.

Габротононь.

Онъ на ночное бдѣнье, 260
Гдѣ были женщины, должно быть, ворвался; —
Однажды и при мнѣ была такая штука...

Онисимъ (пораженный).

Какъ это при тебѣ?

Габротононь.

А въ прошломъ-то году,
(260) На Таврополіяхъ! Играла я на арфѣ
Тогда для дѣвушекъ, рѣзвилась, какъ онѣ: 265
Вѣдь я мушинъ тогда еще совсѣмъ не знала! — ¹⁾
(Онисимъ дѣлаетъ жестъ недовѣрія).

Клянусь Кипридою!

1) Въ текстѣ стоитъ: *οὐδ' ἐγὼ τότε | οὐπω γὰρ ἄνδρ' ἦδεν τι ἐσσι, καὶ μάλα*. Насколько можно судить по рукописи, слова: *καὶ μάλα* должны быть относимы къ Габротононѣ. По крайней мѣрѣ, они отдѣлены отъ предшествующей имъ фразы не двумя точками, а одной, указывающей лишь на паузу, но не на смѣну лицъ. Ввиду этого Коерте совершенно напрасно влагаетъ эти слова въ уста Онисима: къ Онисиму они совсѣмъ не подходятъ. Зато въ устахъ Габротононѣ они вполне кстати, ибо они являются какъ бы отвѣтомъ гетеры на жестъ недовѣрія, который дѣлаетъ Онисимъ.

Онисимъ.

А знаешь, кто была

Та дѣвушка?

Габротононъ.

Спрошу! Она была подругой

(265) Тѣмъ, кто привезъ меня.

Онисимъ.

Слыхала, кто отецъ?

Габротононъ.

Не слышала. Зато её бы я признала, —
Вотъ только бъ увидеть! Красавица она,
Да и богатая!

270

Онисимъ.

Такъ не она ли это?

Габротононъ.

Не знаю. — Ну, такъ вотъ, на время насъ оставивъ,
(270) Ушла она, и вдругъ бѣжитъ одна въ слезахъ,
Терзая волосы. Мы смотримъ: платье въ клочьяхъ,
Изорвано совсѣмъ, а было хоть куда, —
Такое нѣжное: вѣдь прямо изъ Тарента!

275

Онисимъ.

А перстень былъ у ней?

Габротононъ.

Возможно, но она —

(275) Не буду лгать — его не показала.

Онисимъ.

Что-же

Мнѣ дѣлать-то теперь?

Габротононъ.

Самъ думай! Но коль ты

280

Не глупъ и вѣришь мнѣ, то перстень господину
Ты покажи. Къ чему, коль крошка отъ свободной,
Мы будемъ истину отъ барина таить?

Онисимъ.

- (280) Сперва, Габротононъ, поищемъ мать малютки,
И въ этомъ ты должна мнѣ помощь оказать! 285

Габротононъ.

- Ну, это — не легко, пока не знаю точно,
Кто былъ насильникомъ. Я, видишь ли, боюсь
Такъ, не подумавши, раскрыть глаза знакомымъ.
(285) Кто знаетъ, можетъ быть, онъ перстень заложилъ
С₃ Пріятелю, а тотъ его посѣялъ. Или,
Быть можетъ, при игрѣ, при складчинѣ въ залогъ 290
Онъ далъ свое кольцо, иль объ него побился,
Да проигралъ пари и отдалъ перстень. Часто
(290) Такіе случаи бываютъ на пирахъ!
Пока обидчика не знаю я, не стану
Искать я дѣвушки, и раскрывать глаза, 295
На что бы ни было.

Онисимъ.

Ты складно говоришь!

Но что же дѣлать мнѣ?

Габротононъ.

Подумай-ка, Онисимъ,

- (295) Не по душѣ ль тебѣ, что мнѣ взбрело на умъ. —
Я на себя возьму всё дѣло . . . Этотъ перстень
Ты мнѣ отдашь, и я, держа его въ рукахъ, 300
Съ нимъ къ барину пойду —

Онисимъ.

Ты продолжай! Я началъ

Какъ будто понимать.

Габротононъ.

Онъ видитъ: я — съ кольцомъ.

- (300) „Гдѣ ты взяла кольцо?“ — „Взяла еще дѣвицей
На Таврополіяхъ“. Я выдамъ за свое,
Что было съ той: онъ почти-что мнѣ извѣстно! 305

Онисимъ.

Извѣстно лучше всѣхъ!

Габротононъ.

Ну, если тотъ грѣшокъ
Имъ вправду совершенъ, онъ самъ пойдетъ на встрѣчу
(305) Уликамъ всяческимъ, и такъ какъ выпилъ онъ,
То первымъ скажетъ всё, — съ наскока. Я же буду
Поддакивать ему, но первой не начну, 310
Чтобъ не провратъся вдругъ.

Онисимъ.

Чудесно, вотъ-те Гелій!

Габротононъ.

Для осторожности, жеманясь, я начну
(310) Обычное болтать: „ты былъ такимъ безстыднымъ,
Такимъ неистовымъ“.

Онисимъ.

Чудесно!

Габротононъ.

„Ты меня
Вразъ повалилъ! Мое совѣмъ пропало платье! 315
О я несчастная!“ — Да, передъ этимъ я
Ребеночка возьму, начну ласкать и плакать,
(315) А женщинѣ скажу: „Гдѣ ты нашла?“

Онисимъ.

Геракль!

Габротононъ.

А подъ конецъ всего я крикну: „вотъ — твой мальчикъ!“
И тутъ найденыша я протяну ему. 320

Онисимъ.

Ай, да Габротононъ, какъ это зло и ловко!

Габротононъ.

Когда же выйдетъ все наружу, и отцомъ
(320) Себя признаетъ онъ, мы на досугъ сыщемъ
Ту дѣвушку.

Онисимъ (съ ироніей).

С₄

Но ты забыла объ одномъ :
Свободной станешь ты! Какъ матери ребенка, 325
Онъ вольную тебѣ безъ замедленья дать!

Габротононъ.

Не знаю, но хочу!

Онисимъ.

Такъ ты о томъ не знаешь? —

(325) А благодарность мнѣ, — ты какъ на этотъ счетъ?

Габротононъ.

Клянусь богинями¹⁾! Тебя считать я буду
Винovníкомъ всего²⁾!

Онисимъ (недовѣрчиво).

А если ты нарочно 330

Дѣвицу не найдешь и, обманувъ меня,
Оставишь на бобахъ, — какъ быть тогда?

Габротононъ.

Несчастный!

(330) Какой мнѣ въ этомъ толкъ? Иль я дѣтей хочу?

О боги, я хочу одной свободы, только, —
Какъ платы за труды!

Онисимъ (убѣжденно).

Свобода при тебѣ! 335

Габротононъ (радостно).

Такъ, значить, ты со мной?

1) Т. е., Деметрой и Корой.

2) Въ текстѣ *πάντων ὑέμαντ' ὁ αἴτιον | ἡυῆσμαι τούτων*. Вмѣсто *πάντων* Voigtgraff предлагаетъ читать *πάντας* (о. с., 65). Но на мой взглядъ эта поправка, которую принимаетъ и Koerte² (о. с., 23), не нужна. Габротононъ хочетъ сказать: „за все это, т. е., за всѣ благія послѣдствія, которыя будутъ имѣть мой шагъ, я буду благодарна тебѣ, ибо ты своимъ согласіемъ оказалъ мнѣ значительную помощь“. Так. обр., *πάντων* — вполнѣ на мѣстѣ.

Онисимъ.

Отъ всей души! Но если
Ты въ сторону вильнешь, тогда съ тобой сражусь.
(335) На это хватитъ силъ! Пока же мы посмотримъ,
Что выйдетъ у тебя!

Габротононъ (радостно).

Такъ, значить, по рукамъ?

Онисимъ.

Да по рукамъ.

Габротононъ.

Тогда отдай мнѣ этотъ перстень. 340

Онисимъ.

Бери.

Габротононъ.

Теперь, Пиеѳ, лети на помощь мнѣ¹⁾
И рѣчь мою направь, какъ я того желаю. (Уходить).

Явленіе пятое.

[На сценѣ находится одинъ Онисимъ, погруженный въ свои мысли, которыя не отличаются, повидимому, веселымъ характеромъ. По крайней мѣрѣ, Онисимъ выглядитъ мрачнымъ и озабоченнымъ].

Онисимъ.

(340) Хитра на выдумки!²⁾ Почуявъ, что нельзя
Любовью выманить себѣ свободы право,
Что дѣло сорвалось, — она на новый путь 345
Вступила и пошла. (Съ горечью):

А я всю жизнь пробуду

1) Croiset (о. с., 56) правильно отмѣчаетъ, что воззваніе къ *Πειθώ* объясняется со стороны Габротононъ тѣмъ, что „la déesse Peitho faisait partie du cortège d'Aphrodité“, но въ такомъ случаѣ „с'est donc une déesse amie pour Hæbrotonon“, которая, какъ куртизанка, въ особенности должна была почитать *Ἀφροδίτη πάνδημος*.

2) Ср. Eurip., J. T., 1032:

δεινὰ γὰρ αἱ γυναῖκες εὐρίσκειν τέχνας.

Рабомъ! Вѣдь я — слюняй, дубина¹⁾. Нюха нѣтъ
(345) На тонкости! (Съ надеждой).

Зато перепадетъ мнѣ, вѣрно,
Коль дѣло выгорить! Я заслужилъ. (Съ отчаяніемъ).

Пустое!

И глупъ же ты! Мечтать, что женщина тебя 350
За помощь отдарить? Спасибо, если горя
Ты не хлебнешь еще! (Нерѣшительно, но съ радостью).

Пока, не спорю я,

(350) Дѣла у барыни у нашей, охъ, непрочны!
Вѣдь если дочерью свободного отца
Окажется та мать, что родила ребенка, 355
Съ ней баринъ вступить въ бракъ, а барыню турнетъ!
Съ гнилого корабля пора и мнѣ спастись!
Пока что, я успѣлъ къ сторонкѣ отойти,

(356) И къ новой кутерьмѣ остаться непричастнымъ. 360
Подальше отъ интригъ! А если я опять
Иль сплетничать начну, иль носъ въ чужое суну, —
Пусть выбьютъ... зубы мнѣ²⁾! (Всматривается въ даль).

N₁ T₁ Кто это тамъ идетъ?

(360) Смикринъ къ намъ жалуется, изъ города вернулся,
(Смикринъ подходитъ).

Опять разсерженъ онъ... Что если онъ узналъ,

1) Въ текстѣ: *λέμφορ, ἀπόπληκτοο*. Греч. *λέμφορ* всего ближе подходитъ къ нашему „слюняй“, „соплякъ“ и обозначаетъ собой человѣка не столько глупаго, сколько вялаго и нерѣшительнаго, т. е., размазню, растяпу, разгильдяя. Въ такомъ же смыслѣ стоитъ *λέμφορ* и въ Меп. fr. 493 (= Коск, III, 142).

γέρωρ ἀπεμέμνκτ' ἄθλισο λέμφορ.

Ср. Phot. Lex. (ed. Naber): *λέμφορ · ἀνόητος, μνῆσθης*.

Что же касается до *ἀπόπληκτοο*, то это слово соответствуетъ нашему „пришибленный“, „Богомъ обиженный“, т. е., глупый, дураковатый, дубина. Ср. Dem. с. Mid., 143: *οὐχ οὕτως εἰμι γέρωρ οὐδ' ἀπόπληκτοο*, а также Strat. fr. 1, 35 (= Коек, III, 362):

τί οὐν, ἀπόπληκτε, περιπλοκάσ λέγεισ.

2) Ср. Plaut. Mll. glor., 565 sqq.:

(Sc.) *egone si post hunc diem
muttivero, etiam quod egomet certo sciam,
dato excruciaudum me: egomet me dedam tibi.*

Изъ за чего у насъ < сыръ-боръ весь загорѣлся > ? 365
Убраться бы скорѣй, чтобъ не мозолить глазъ ¹⁾ !

(Уходить).

3.

Монологомъ ²⁾ Онисима заканчивается первая, наиболѣе хорошо сохранившаяся часть „Третьскаго суда“, которая, благодаря отличному состоянію текста и полному отсутствію лакунъ, не заключаетъ въ себѣ никакихъ затрудненій для пониманія какъ хода самого дѣйствія, такъ и характеровъ выступающихъ въ пьесѣ персонажей. Зато послѣ монолога Онисима мы оказываемся предъ наличностью однихъ только обрывковъ, всё время прерываемыхъ лакунами, и притомъ такихъ обрывковъ, въ которыхъ цѣлые стихи попадаютъ лишь ввидѣ исключенія. По болѣшей же части намъ приходится имѣть дѣло либо съ начальными, либо съ конечными словами стиховъ, а иногда и просто съ отдѣльными буквами, — обстоятельство, которое приводитъ насъ къ необходимости судить о многомъ лишь относительно, безъ всякой увѣренности въ томъ, что наши выводы и предположенія дѣйствительно вѣрны и правильны. И тѣмъ не менѣе, мы не можемъ отказаться отъ необходимости реконструировать эту сильно пострадавшую часть нашей комедіи, — не можемъ отказаться потому, что въ противномъ случаѣ многое изъ дальнѣйшаго будетъ для насъ безусловно непонятнымъ и неяснымъ.

Часть пьесы, о которой мы говоримъ, представляетъ собой комплексъ или, вѣрнѣе, остатки 132 стиховъ, изъ которыхъ 17 (= ст. 366—383) приходятся на монологъ Смикрина, непосредственно слѣдовавшій за монологомъ Онисима ³⁾.

1) За ст. 365 шель въ рукописи еще одинъ стихъ, который тоже принадлежалъ къ монологу Онисима и который теперь имѣетъ такую форму:

προ [. α] με δεῖ.

Wilamowitz хочетъ возстановлять его слѣдующимъ образомъ :

πρότερον γάρ Ἀφρόγονοι τί δρά ὑμῶναι με δεῖ.

2) Послѣ монолога Онисима Zuretti, Menandro. Scene e frammenti, 96, готовъ былъ бы помѣстить Порфирьевскіе отрывки Πα—Πβ. См. однако стр. 119 слл.

3) Эти стихи стоятъ на лицевой сторонѣ обрывка М, представляющаго собой непосредственное продолженіе лицевой стороны обрывковъ NT, на

О приближеніи Смикрина оповѣщалъ зрителей уже Онисимъ передъ своимъ уходомъ со сцены, причемъ онъ указывалъ даже на то, что Смикринъ находится въ раздраженномъ состояніи (ст. 360 сл.):

Смикринъ къ намъ жалуется, изъ города вернулся,
Разсерженъ чѣмъ-то онъ.

Такимъ образомъ, зрители еще до прихода Смикрина узнавали о его приподнятомъ настроеніи, которое, конечно, должно было выразиться и въ тѣхъ словахъ, съ которыми онъ выступалъ на сцену. Недаромъ, Онисимъ считаетъ для себя за лучшее не попадаться на глаза раздраженному старику, который, согласно его предположенію, успѣлъ навести кое-какія справки насчетъ поведенія своего зятя, тѣмъ болѣе, что для этой именно цѣли онъ и отправился въ городъ въ началѣ перваго акта.

Но къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать съ точностью, чего касался Смикринъ въ своемъ монологѣ, ибо отъ этого монолога сохранились только начальныя слова, да и то не всегда полныя. Можно, впрочемъ, предполагать, что Смикринъ начиналъ свою рѣчь съ жалобъ на Харисіа, — на то, что онъ обманулся ¹⁾ въ своемъ зятѣ: онъ считалъ его за человѣка серьезнаго ²⁾, а между тѣмъ этотъ зять оказался человѣкомъ распущеннымъ и „транжирой“ (ст. 367: *ἄσχατος*). Возможно даже, что Смикринъ отзывался о Харисіи приблизительно такъ, какъ отзывается, неизвѣстно о комъ, какое-то лицо въ Мепандр. fr. 615 (= Коск, о. с., III, 185):

*ἐγὼ δ' ἀνόητος, εὐτελῆα ὑπερβολῇ,
ὁ δ' ἄσχατος, πολυτελῆς, ὄραοντο ἀφόδρα.*

которой находятся конечныя стихи монолога Онисима, начиная отъ словъ (ст. 358)

περιεργασάμενον ἢ λαλήσαντ' ἔχτεμεῖν

и кончая словами (ст. 365):

πορὶ αἱ με δεῖ.

См. Lefebvre², о. с., 14 (табл. XXXVII).

1) Ср. ст. 366: *ἐξη* /, въ началѣ котораго Carps (о. с., 90) хочетъ видѣть глагольную форму *ἐξηπατήθη*.

2) Въ качествѣ человѣка серьезнаго, да притомъ занимающагося философскими вопросами, выступаетъ Харисій и въ своемъ монологѣ (ст. 487 сл.): по крайней мѣрѣ, такимъ Харисій казался даже самому себѣ до обнаруженія факта насилія, произведеннаго имъ на Таврополіяхъ.

Что же касается до *δωτία* Харисія, то она въ первую голову выражается въ томъ, что Харисій пьянствуетъ (ст. 372: *πίνειν*), — фактъ, который Смикрину доподлинно извѣстенъ (ст. 371: *σαφῶς*). Мало того, Харисій является супругомъ Памфилы, дочери Смикрина, только „по имени“ (ст. 373: *τοῦνομα*), ибо онъ живетъ вдали отъ нея вотъ уже нѣсколько дней (ст. 375: *πλέον ἡμε[ρῶν?]*). Ср. слова Габротононъ (ст. 223): *ἀγνή γάμων γάρ, φασί, ἡμέραν τρίτην*, откуда явствуетъ, что разрывъ Харисія съ Памфилой произошелъ дня за четыре до начала дѣйствія пьесы). Всѣ эти факты удручаютъ Смикрина. На минуту приходитъ ему въ голову мысль о необходимости примирить мужа съ женой (ст. 376: *αὐτὸν διαλλ[ᾶσαι?]*), но онъ сейчасъ же оставляетъ еѣ: она кажется ему несвоевременной (ср. ст. 377: *οἶμοι, τάλαο*), тѣмъ болѣе, что всѣ поведеніе Харисія, насчетъ котораго Смикринъ наводилъ справки (ст. 381: *πυνθανόμενος*), исключаетъ, повидимому, возможность какихъ бы то ни было примирительныхъ шаговъ.

Такъ можно было бы понимать тѣ жалкіе обрывки, которые сохранились отъ монолога Смикрина, — отъ монолога, который не ограничивался первыми 17 стихами, но шелъ на протяженіи еще приблизительно 10 стиховъ, какъ предполагается это Koerte¹⁾. Въ настоящее же время на мѣстѣ этихъ стиховъ тянется лакуна, послѣ которой начинается новое явленіе и выводится новый персонажъ²⁾. Этимъ же новымъ персонажемъ будетъ, согласно остроумному предположенію Sudhaus'a³⁾, никто иной, какъ тотъ самый поваръ, съ которымъ мы встрѣчались уже въ началѣ пьесы и который выходилъ теперь изъ дома Хэрестрата на улицу, вѣроятно, въ

1) Предположеніе Koerte основано на слѣдующемъ: обрывки NTM, составлявшіе нѣкогда одну страницу, заключаютъ въ себѣ въ общемъ 25 стиховъ (ст. 358—383). Между тѣмъ количество строкъ на каждой страницѣ папируса колеблется между 35—38. Отсюда ясно, что тахіμιν пропавшихъ стиховъ будетъ 10.

2) Первые 25 стиховъ этого новаго явленія (ст. 384—408) приходятся на оборотную сторону обрывковъ NTM. См. Lefebvre², о. с., 15 (табл. XXXVII). -

3) См. Jensen, De Menandri codice Cairensi (= Rheinisches Museum, 56 (1910), 549, 1): Sudhausius haec fere mecum communicavit: E domo exit coquus interrogans servos: οὐδὲς οὐ—ἔρεος ὑμῖν, nempe desiderat suppellectilem ampliore.

надеждѣ найти здѣсь нужнаго ему Онисима¹⁾. Предполагая, что Онисимъ стоитъ на улицѣ, поваръ сразу обращается къ нему съ вопросомъ (ст. 384): *οὐδεὶς ἐ[χ]ί[ν]υ[ο]ς ἕτερος ὑμῖν*, т. е.: „а нѣтъ ли у васъ другой большой миски?“ Но на эти слова онъ не получаетъ никакого отвѣта, если не считать сдѣланнаго à part возгласа Смикрина (ст. 384—385): *ποικίλον | ἄριστον ἀριστῶσιν*, т. е.: „а завтракъ у нихъ, видно, на славу“. Тогда, не замѣчая еще стоящаго въ сторонѣ Смикрина, — подробность, то и дѣло имѣющая мѣсто въ „новой“ комедіи — и не видя вмѣстѣ съ тѣмъ Онисима, поваръ слѣдующимъ образомъ начинаетъ жаловаться на свою судьбу (ст. 385 сл.):

ὦ τρισάθλιος

386 *ἐγὼ κατὰ πολλ[ά] · νῦν μὲν οὖν οὐκ οἶδ' ὅπως*
δ[ι]φαιεδοῦ ν . . . [. . .] νη . οσ, ἀλλ' ἐὰν πάλιν
π[ε]ριδεξιὸν χρεῖα μαγείρου [τι]ς τύχη²⁾

390 *[ὅμ]ιν [ποτ', ὦ μακάρι]ε, [β]αλεῖτ' εἰς μακαρίαν³⁾.*

Т. е.: „о я, несчастный, трижды несчастный по многимъ причинамъ! Въ данный моментъ не знаю, ужъ какъ <...>, но если еще когда нибудь понадобятся вамъ мои услуги, услуги свѣдущаго повара, то я, любезный, (просто скажу): убирайтесь по добру, по здорову“.

Но этимъ жалобамъ и угрозамъ повара, говоримымъ безъ отношенія къ стоящему въ сторонѣ Смикрину и направленнымъ по адресу отсутствующаго Онисима, клало конецъ выступленіе Смикрина, который завязывалъ разговоръ съ поваромъ или сразу послѣ стиха 390, или же, что, пожалуй, вѣроятнѣе, нѣсколько ниже. Во всякомъ случаѣ, сказать съ точностью, какое изъ этихъ двухъ предположеній правильнѣе, нельзя, ибо въ рукописи, сохранившей только самые концы стиховъ, нѣтъ на это никакихъ указаній. Какъ бы то ни было, изъ остатковъ стиховъ видно, что въ нихъ говорилось, между прочимъ, объ арфисткѣ (ст. 396: *ψαλ]τρίασ*), о какихъ-то деньгахъ, вѣроятно, о приданомъ

1) Точно также мотивируется выходъ повара и въ *Σαμία* Менандра, гдѣ поваръ появляется на сценѣ въ поискахъ за нужнымъ ему ради кули-нарныхъ цѣлей рабомъ Парменономъ (ст. 142 слл.)

2) *περιδεξιὸν χρεῖα* Croiset.

3) *ὅμιν* Croiset; *ποτ' ὦ μακάριε* Cereteli.

Памфилы, истрачиваемых на разные непотребныя вещи (ст. 401: *τὰ χρημάτα*; ст. 398: *μῆλαρ γε*) и что, наконец, упоминалась и сама Памфила, если только къ ней относились слова *δέσποιν' οὐκίασ* (ст. 404). Наконец, въ ст. 405 мы находимъ собственное имя *Σμύλαο*, которымъ, какъ думаетъ Koerte, назывался поваръ, причемъ это-же имя скрывается, повидимому, и въ буквѣ Σ[Γ], стоящей на поляхъ съ лѣвой стороны стиха 420,¹⁾ отмѣченнаго къ тому же параграфомъ. Но если это такъ, то можно думать, что въ стихѣ 405 поваръ называлъ себя Смикрину²⁾ и что именно съ этого стиха и начинался настоящій діалогъ между обоими персонажами, тогда какъ до ст. 405 говорилъ одинъ Смикринъ, къ словамъ котораго поваръ дѣлалъ только реплики. Впрочемъ, говоря такъ, я говорю лишь предположительно, безъ всякой увѣренности въ правильности своихъ словъ: мнѣ кажется только, что это возможно и что заключительные стихи 405—408 могли бы быть вкладываемы въ уста повара, а не Смикрина.

Но если по поводу распредѣленія стиховъ 384—408, занимающихъ verso обрывковъ NTM, мы принуждены говорить съ большой неопредѣленностью, то въ нѣсколько лучшемъ положеніи находимся мы по отношенію къ стихамъ 408₁ слл., которые занимаютъ verso обрывковъ YR³⁾ и которые, послѣ лакуны въ 10 стиховъ⁴⁾, идутъ вслѣдъ за стихами 384—408, какъ ихъ продолженіе. И дѣйствительно, въ этихъ стихахъ мы имѣемъ несомнѣнную діалогическую сценку, участниками которой являются тѣ-же переонажи, что и выше, т. е., Смикринъ и поваръ. При этомъ изъ словъ повара — ими начинается обрывокъ YR — видно, что, во-первыхъ, поваръ принимаетъ Смикрина за одного изъ гостей Харисія (ст. 408₁: *ῥμῶν ἐταῖρος ὄντοο*) и что, во-вторыхъ, его слова ни въ коемъ случаѣ не являются словами, которыми откры-

1) Слово *Σμύλαο*, какъ имя повара, скрывается, повидимому, — такъ думалъ Dindorf — и въ испорченномъ *σημλαν* Меп. fr. 518,5 (= Kock, o. c. III, 148): *τί σοι διαφέρει τοῦτο; παρὰδεσ' σημλαν*.

Ср. Meineke, *Fragment. com. att.*, IV, 223, который хочетъ читать весь стихъ такъ: *τί σοι διαφέρει τοῦτο; πάραγε Σμύλα*.

2) Точно также называетъ себя и Парменонъ въ *Σμύλα* Менандра (ст. 302).

3) См. Lefebvre², o. c., V sqq., а также 16—17 (табл. С и В).

4) Ср. стр. 160, прим. 1.

валась его бесѣда съ Смикриномъ. Наоборотъ, эти слова ясно показываютъ намъ, что бесѣда начиналась гораздо раньше (съ ст. 405, какъ предположили мы это выше) и что главнымъ предметомъ ея былъ какъ разъ Харисій. По крайней мѣрѣ, поваръ упоминаетъ о немъ, какъ о лицѣ, про которое уже шла рѣчь: такъ, не называя его по имени, онъ обозначаетъ его просто на просто словомъ *οὗτος* (ст. 408₁). Что же касается до болѣе детальнаго содержанія бесѣды, то изъ сохранившихся стиховъ видно, что поваръ, уже раньше говорившій о Харисіи, переходитъ теперь къ наиболѣе существенной подробности изъ жизни послѣдняго, а именно, къ исторіи съ кольцомъ и съ найденнымъ. „Мнѣ сдается“ — говоритъ поваръ — „что этому пріятелю вашему не везетъ“ (ст. 408₁: *ὁμῶν ἐταῖρος οὗτος ἀ[τυχ]ῆς φαίνεται*). Не везетъ же ему потому, что у него оказался „ребенокъ, прижитый отъ уличной швали“ (ст. 408₂: *παῖδαρι[ον] ἐκ πόρνῃς*), — ребенокъ, котораго онъ „взялъ“ къ себѣ (ст. 409: *εἴληφεν*), такъ какъ, благодаря „приходу“ кого-то (ст. 408₃: *προσῶν*) и предъявленію кольца (?), ему пришлось признать ребенка, за своего собственнаго¹⁾. Какъ реагировалъ Смикринъ на эти слова повара, мы не знаемъ, ибо отъ его реплики, идущей вслѣдъ за словами повара, почти ничего не сохранилось, если не считать выражений *μάλα* (ст. 411), *βίον* (ст. 413) и относящагося къ Харисію возгласа *τοῦ δυοτιχοῦς* (ст. 414). Но можно думать, что эта реплика носила достаточно энергичный характеръ, вполне соотвѣтствовавшій и характеру самого Смикрина и тому раздраженному состоянію, въ которомъ онъ находился. По крайней мѣрѣ, его дальнѣйшія слова (ст. 416—420₁) вполне оправдываютъ это предположеніе. И дѣйствительно, сдѣлавъ сперва какой-то рѣзкій выпадъ противъ Харисія, Смикринъ начинаетъ затѣмъ разсуждать о необходимости принятія серьезныхъ мѣръ противъ

1) Изъ этихъ словъ повара ясно, что Габротононъ уже успѣла привести въ исполненіе свой планъ и что этотъ планъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ, причемъ вѣсть о найденномъ, разнесшаяся по всему дому, дошла и до ушей повара. — К о е r t e² (о. с., 28) готовъ ехешрli gratia дополнять ст. 408₂ слл. такъ:

*παῖδαριον ἐκ πόρνῃς γεγονὸς αὐτῷ ποτε,
προσῶν ἀπέδειξε δακτύλιόν τι, τοῦτο δὲ
εἴληφεν εἰς τὴν οἰκίαν.*

своего зятя, — мѣръ, которая онъ формулируетъ такъ (ст. 416 слл.):

ἀλλ' ἴσως ἐγὼ
πολυπραγμονῶ πλεῖω τε πράττω τῶν ἐμῶν;
κατὰ λόγον · ἐξὸν [μ' ἀπαγαγεῖν] τὴν θυγατέρα ¹⁾
λαβόντα, τοῦτο μ[ὲν ἀνα]οείσω καὶ σχεδὸν ²⁾
420 δεδογμένον μ[οι καταμ]ένει · μαρτυρομαι ³⁾
420₁ ὑμᾶς δ' ὁμο[λ]ωσ?]
μεθ' ὧν ἐ[κ]εῖνος]
θυγατέρα[.]
δειξ. ' υ[.]

Т. е.: „скажутъ, пожалуй, что я сую свой носъ повсюду, что я превышаю свои права? Какъ бы не такъ! — коль скоро я имѣю право взять свою дочь и увести ее къ себѣ, я этимъ и припугну, и это рѣшеніе почти что принято мной. Васъ же, съ которыми мой зять, я призываю въ свидѣтели того, что <я возьму> свою дочь“. Этими словами Смикринъ въ достаточной степени выяснялъ повару настоящій характеръ своихъ отношеній къ Харисию, и поваръ, понявъ свою недавнюю оплошность и видя сверхъ того, что Смикринъ находится внѣ себя отъ гнѣва, — не находилъ ничего лучшаго, какъ сказать ему (ст. 420₅ — 420₈)

μηδὲ ο[υ]]
καρτερο[ικὸς ἴσθι]]

Т. е.: „не <гнѣвайся такъ>, сдержись <лучше>“. Этими словами повара замыкается обратная сторона обрывка ΥR, и мы снова оказываемся передъ лакуной, приблизительно, въ 14 стиховъ, чтобы затѣмъ на лицевой сторонѣ того-же обрывка найти продолженіе той-же бесѣды Смикрина съ поваромъ. Но эта заключительная часть бесѣды сохранилась еще хуже, чѣмъ та, о которой мы только что говорили. И дѣйствительно, въ безусловно хорошемъ состояніи находится только одинъ начальный стихъ 420₇; всѣ же остальные стихи, вплоть до стиха 427, представля-

1) μ' ἀπαγαγεῖν Croiset.

2) τοῦτο μὲν ἀναοείσω Cereteli. Ср. то, что я говорю по поводу ἀναοείω на стр. 150, 1.

3) μοι καταμένει Cereteli.

ютъ собой жалкіе обрывки, изъ которыхъ врядъ ли можно сдѣлать какойнибудь опредѣленный выводъ. Стихъ же 420₇, произносимый поваромъ, звучитъ такъ:

μολὲ τὸν ἡδὺν λεγόμενον τοῦτον βίον.

Т. е.: „онъ ненавидитъ эту, такъ называемую, веселую жизнь“.

Спрашивается теперь, къ кому скорѣ всего могутъ относиться эти слова? Само собой разумѣется, что къ Харисію. Для этого достаточно вспомнить всё то, что говорила про Харисія Габротононъ. Вѣдь изъ ея словъ вполне ясно, что Харисій, надѣявшійся найти утѣшеніе въ вихрѣ разгульной жизни, не нашелъ его тамъ; что, наоборотъ, эта разгульная жизнь пришлась ему не по душѣ и что, наконецъ, та самая арфистка, которую онъ купилъ для своего удовольствія, возбудила въ немъ одно лишь отвращеніе, не больше (ст. 215 слл.). Но разъ это такъ, то слова повара являются очень хорошимъ дополненіемъ къ словамъ Габротононъ: они еще разъ подчеркиваютъ тотъ знаменательный фактъ, что Харисій, о транжирствѣ и распущенности котораго такъ много говоритъ и думаетъ Смикринъ, — что этотъ Харисій тяготится своимъ образомъ жизни, ибо эта жизнь не удовлетворяетъ его: онъ просто на просто топить въ ней свое горе! Только такой выводъ, думается мнѣ, можно сдѣлать изъ приведенныхъ нами словъ повара, — независимо отъ того, были ли они сказаны серьезно или же, что также возможно, въ шутку. Во всякомъ случаѣ, эти слова, къ которымъ поваръ дѣлалъ въ послѣдующихъ стихахъ какія-то дополненія, для насъ несомнѣнно ясныя (ст. 420₈: *ἐμείνωσ' ἑαχεν ἐοπέραο*)¹⁾, врядъ ли могли успокоить Смикрина и отвлечь его отъ принятаго имъ рѣшенія взять дочь къ себѣ и разъ навсегда покончить съ зятемъ, который осмѣлился ввести въ свой домъ гетеру. Къ сожалѣнію, слова Смикрина, являвшіяся репликой на разсужденія повара, дошли до насъ въ такомъ обрывочномъ видѣ, что мы не можемъ сдѣлать изъ нихъ никакого вывода. Равнымъ образомъ, очень трудно сказать, что дѣлалъ поваръ

1) Если бы мы не знали отъ Габротононъ, что она „уже три дня, какъ чиста отъ брачныхъ объятій“ (ст. 223), то слова повара можно было бы относить къ факту обладанія ея Харисіемъ. Ср. Ter. Andr., 85: *dic sodes quis Chrysidem habuit*.

послѣ ст. 420₉, т. е. оставался ли онъ на сценѣ или же уходилъ въ домъ. Мнѣ лично кажется, что послѣднее болѣе правдоподобно, а потому я думаю, что стихи 420₉—427 Смикринъ произносилъ уже одинъ, безъ повара, причемъ въ этихъ стихахъ, для насъ навсегда утраченныхъ, онъ могъ говорить только объ одномъ, а именно, о своемъ зятѣ, главной причинѣ его гнѣва и главномъ предметѣ его постоянныхъ размышлений.

Итакъ, если всѣ отмѣченные нами обрывки истолкованы и оцѣнены правильно, мы получаемъ довольно любопытную картину того, какъ постепенно шагъ за шагомъ становятся извѣстны Смикрину разныя тайны его зятя, яко бы имѣвшія мѣсто въ дѣйствительности. Еще недавно Смикринъ могъ упрекать Харисіа лишь за кутежи, да за то, что онъ, не обращая вниманія на жену, обзавелся арфисткой. Теперь же оказалось, что провинности Харисіа гораздо серьезнѣе: выяснилось, что у него есть ребенокъ, прижитый имъ отъ гетеры и что этого ребенка онъ взялъ къ себѣ въ домъ, или, иначе, призналъ за своего. Однимъ словомъ, получилась такая ситуація, при которой Смикринъ уже могъ, конечно, съ согласія своей дочери, взять еѣ къ себѣ и затѣмъ начать дѣло о разводѣ¹⁾. Но предварительно надо было повидаться съ Харисіемъ и серьезно переговорить съ нимъ обо всемъ происшедшемъ. Такимъ образомъ, свиданіе тестя съ зятемъ являлось вполнѣ назрѣвшей потребностью, и это свиданіе дѣйствительно происходитъ передъ нами послѣ стиха 427, на что между прочимъ указываетъ *nota marginalis* Χαρ (т. е., Χαρίσιος), стоящая на поляхъ рукописи и отмѣчающая появленіе новаго персонажа²⁾.

1) Введеніе въ домъ любовницы было достаточнымъ поводомъ для того, чтобы жена могла начать противъ своего мужа дѣло о разводѣ передъ архонтомъ. См. [Andoc.], Contr. Alcib., 14: λαβὼν δὲ τὴν αὐτὴν προίκα ὅσῃν οὐδεὶς τῶν Ἑλλήνων, οὕτως ὑβριστῆς ἦν ἐπεισάγων εἰς τὴν αὐτὴν οἰκίαν ἑταίρας καὶ δούλας καὶ ἐλευθέρους, ὥστ' ἠνάγκασε τὴν γυναῖκα σωφρονεστάτην οὖσαν ἀπολιπεῖν, ἐλθοῦσαν πρὸς τὸν ἀρχοντα κατὰ τὸν νόμον.

2) LeFebvre², о. с., VII и IX, хочетъ читать *nota marginalis*, какъ Χαῖρ, и видѣть въ этомъ неполномъ написаніи имя Χαῖρ(εστράτου). При этомъ, по Лефевру выходитъ, что партнеромъ Смикрина, начиная отъ ст. 408₁, былъ не поваръ, а Хэрестратъ. Но я, вслѣдъ за Koerte, думаю, что это — невѣрно, и вотъ почему. Во первыхъ, отмѣтку на поляхъ я могу прочесть только, какъ Χαρ (т. е. Χαρίσιος); во-вторыхъ, мнѣ неясно, о чемъ могъ говорить Хэрестратъ, если онъ дѣйствительно выступалъ на сценѣ, послѣ того, какъ поваръ уже сдѣлалъ передъ Смикриномъ нѣкоторыя разо-

Этому новому персонажу и могла принадлежать вторая половина ст. 427 послѣ словъ Смикрина: *ἡμῖν κενηθενκώο*, причемъ то, что говорилось этимъ персонажемъ, непосредственно вслѣдъ за его выходомъ на сцену, могло сводиться только къ какому нибудь восклицанію, ибо послѣ стиха 427 — на это указываетъ параграфъ — идетъ снова рѣчь Смикрина. Но разъ это такъ, то надо думать, что Харисій, выйдя изъ дома, направился въ сторону, противоположную той, на которой стоялъ Смикринъ, и, не замѣчая послѣдняго — подробно, не разъ встрѣчающаяся у Менандра (ср. ст. 165 слл.; 213 слл.; 432 слл.)¹⁾ — говорилъ свои вступительныя слова. Мало того, оба, находившіяся на сценѣ лица продолжали не замѣчать другъ друга и послѣ, произнося каждый свой монологъ, т. е., иными словами, вся сценка могла быть построена приблизительно такъ-же, какъ построено начало второго акта, гдѣ Онисимъ и Габротононъ сперва ведутъ каждый свою линію, а затѣмъ вступаютъ другъ съ другомъ въ оживленную бесѣду (см. ст. 213 слл.). Итакъ, послѣ вступительныхъ словъ Харисія, которыя не дошли до насъ, снова начиналъ говорить Смикринъ, причемъ отъ его монолога, заканчивающаго собой лицевую сторону обрывка ΥR, сохранилось въ общей сложности 9 стиховъ, лишь отчасти поддающихся разбору и имѣющихъ слѣдующую форму (ст. 428—431₅):

- ὄψηλός ὢν τις [οὗτος οὐκ οἱ]μώξεται;*
καταφθαρεῖς τ' ἐ[ν] ματρὶ]λεῖα τὸν βίον
 430 *μετὰ τῆς καλῆς [γυν]αικός, ἣν ἐπεισάγει,*
βιώσειδ' ἡμᾶς δ' [οὐ]δὲ γινώσκειν δοκῶν;
 431₁ *[.] ἤξει λαβῶν*
[.] δ]ηλαδὴ
[.] ἐμοὶ δοκεῖ
[.] . . ν
 431₅ *[.] ἔστι μοι.*

Т. е.: „Неужели этому гордецу такъ-таки ничего и не будетъ? Неужели, сгноивъ себя въ развратѣ, будетъ онъ

блаченія, и, въ третьихъ, я считаю, что за пониманіе *ποτα marginalis* такъ, какъ понимаетъ еѣ Koerte, говорить еще и то обстоятельство, что нѣсколько ниже мы дѣйствительно присутствуемъ при разговорѣ Смикрина съ Харисіемъ (ст. 431₂: *Χα[ρ]ίσιε*, ст. 431₃₃: *Χαρ.*, и въ особенности ст. 431₅₄: *Χα[ρ]ίσιε*). См. Lefebvre², о. с., 17 (табл. С).

1) См. Koerte², о. с., XXVIII.

жить, да поживать съ той красавицей, которую онъ ввелъ къ себѣ въ домъ, и воображать, что мы ничего не знаемъ, не вѣдаемъ“ ? ¹⁾—Приведенными словами Смикрина заканчивается гесто обрывка YR, и мы снова оказываемся предъ наличностью лакуны, которая, по расчетамъ Koerte, равняется, приблизительно, 28 строкамъ, не менѣе ²⁾. А затѣмъ начинается новый обрывокъ VX ³⁾, бывшій нѣкогда во второмъ кватернионѣ двумя первыми страницами его перваго листа ⁴⁾. Но этотъ обрывокъ — онъ имѣетъ форму длинной и узкой полосы — включаетъ въ себѣ еще больше трудностей, чѣмъ фрагменты, затронутые нами выше, ибо всё его содержаніе сводится — на гесто къ концамъ стиховъ, а на verso — къ началамъ, или, иначе, къ отдѣльнымъ, часто неполнымъ словамъ и рѣченіямъ.

Что касается до гесто обрывка, то, по остаткамъ стиховъ на немъ, довольно трудно сказать, имѣемъ ли мы дѣло съ монологомъ или съ діалогомъ. Тѣмъ не менѣе, я думаю, что правильнѣе будетъ предполагать діалогъ, ибо врядъ ли возможно, чтобы оба персонажа, т. е. Смикринъ и Харисій, могли говорить, не замѣчая другъ друга, на протяжении болѣе, чѣмъ 30 строкъ (ст. 427—431₅+лакуна въ 28 строкъ):

1) Возможно, конечно, что ст. 431₁—431₅ могли говорить не Смикриномъ, но Харисіемъ, и представлять собой его реплику à part. Но пока доказать этого мы не можемъ, я предпочитаю видѣть въ нихъ продолженіе рѣчи Смикрина.

2) Лицевая сторона обрывка YR включаетъ въ себѣ 20 строкъ. Значитъ, ей до полной страницы не хватаетъ 15 строкъ, ибо обычное число строкъ на каждой страницѣ папируса равняется 35. Лицевая же сторона обрывка VX, представляющая собой нижнюю часть листа, включаетъ въ себѣ 23 строки. Отсюда ясно, что ей до полной страницы не хватаетъ 12 строкъ. Итакъ, вся лакуна между YR и VX, дѣйствительно, вмѣщаетъ въ себѣ отъ 27 до 28 строкъ.

3) См. Lefebvre², о. с., IX sqq., а также 15 (табл. XLI).

4) О томъ, почему нельзя видѣть въ отрывкахъ VX непосредственнаго продолженія отрывковъ NTM, см. Lefebvre², о. с., XI—XIII. Ср. также Koerte², о. с. XVIII, 1. За самое послѣднее время вопросъ о томъ, что отрывки VX представляютъ собой продолженіе отрывковъ NTM, снова поднялся въ литературѣ. Ему посвящены статьи: Robert, Zu den Epitrepontes des Menander (= Sitzungsber. der Kön. preuss. Akad. der Wiss., phil.-hist. Kl. (1912), 404 sqq.) и Sudhaus, Zu den neuen Bruchstücken der Epitrepontes (= Hermes, 48 (1913), 14 sqq.). Несогласный съ доводами обоихъ ученыхъ, я остаюсь при своихъ взглядахъ, а подробный разборъ статей Robert'a и Sudhaus'a привожу въ „Приложеніи“.

чего либо подобного мы въ „новой“ комедіи и, въ частности, въ комедіи Менандра еще не встрѣчали. Да наконецъ и само по себѣ такое явленіе было бы въ достаточной степени неправдоподобнымъ и неестественнымъ. Въ силу этого я полагаю, что гесто обрывка VX представляетъ собой остатки діалога, который, впрочемъ, начинался не на гесто, а захватывалъ, надо думать, и часть той лакуны въ 28 строкъ, о которой мы упоминали выше. Однако, остатки этого діалога слишкомъ ничтожны для того, чтобы по нимъ можно было судить объ его содержаніи. Можно предполагать только, что Смикринъ нападалъ на Харисіа, ставя ему на видъ, какъ его легкомысленное поведеніе вообще, такъ и его пристрастіе къ арфисткѣ въ частности: по крайней мѣрѣ, на пространствѣ стиховъ 431₆—431₂₈ слово „арфистка“ попадаетъ дважды (ст. 431₉: *τῆς ψαλτρίας*; ст. 431₂₀: *καὶ ψάλτρια*). Но помимо арфистики упоминается еще и „игра въ кости“ (ст. 431₂₁: *κρίβαν τύχῳ*), къ которой Харисій питалъ, повидимому, большое пристрастіе и которая, конечно, была особенно не по душѣ скупому и расчетливому Смикрину. О томъ, какъ реагировалъ Харисій на эти, заслуженные имъ упрёки, мы не знаемъ, ибо очень трудно сказать, какія слова произносились имъ и какія — Смикриномъ. Мы можемъ предполагать только, что онъ старался какъ нибудь оправдать свое поведеніе, что было для него довольно затруднительно, ибо онъ не могъ открыть тестю настоящую причину своего отдаленія отъ жены. Вѣдь это была его тайна, и онъ, подобно Памфилу изъ „Несуга“ Теренція, долженъ былъ пу-с-каться на разнаго рода увертки, которыя могли привести только къ одному, а именно, къ усиленію гнѣва въ Смикринѣ.

И дѣйствительно, когда послѣ лакуны въ 8 стиховъ мы оказываемся передъ продолженіемъ разговора Смикрина съ Харисіемъ, — передъ продолженіемъ, которое занимаетъ verso того же обрывка VX (ст. 431₂₉ — 431₅₅), мы видимъ, что разговоръ тестя съ зятемъ успѣлъ принять еще болѣе оживленный характеръ, косвеннымъ подтвержденіемъ чего служатъ довольно часто попадающіеся параграфы, — своего рода указаніе на частую смѣну одного говорящаго лица другимъ. Притомъ, насколько можно судить по тексту, Харисій находится въ положеніи побѣжденнаго. По крайней мѣрѣ, онъ говоритъ про себя: „я погибъ“ (ст. 431₄₆: *ἔγωγ' ἀπόλωλα*),

„я оробѣлъ“ (ст. 431₄₇: *ὀκνηρόν*). Но что же могло завести его въ подобный тупикъ, изъ котораго нѣтъ настоящаго выхода? Я думаю, что объяснить это могутъ слѣдующія слова Смикрина: „она родила“ (431₅₀: *τέτοκε*), — слова, которыя станутъ для насъ понятны, если мы припомнимъ тотъ пассажъ изъ бесѣды Смикрина съ поваромъ, въ которомъ поваръ говоритъ о ребенкѣ, яко-бы рожденномъ арфисткой отъ Харисія (ст. 408₁—409).

Итакъ, надо думать, что Смикринъ, который сначала упрекалъ Харисія за разные второстепенные недочеты въ его жизни, подъ конецъ ставилъ ему на видъ и его главный грѣхъ, а именно, наличность незаконнорожденного ребенка, — фактъ, который вмѣстѣ съ принятіемъ въ свой домъ гетеры являлся для Смикрина достаточнымъ поводомъ къ уводу Памфилы отъ ея мужа. Само собой разумѣется, что предъ лицомъ подобнаго обвиненія, правильность котораго Харисій не могъ опровергнуть, ему оставалось одно, — впасть въ отчаяніе. Но въ такомъ случаѣ, слова: „я погибъ“, „я оробѣлъ“ будутъ для насъ вполне понятны: они служатъ вполне естественнымъ отвѣтомъ Харисія на страшную для него угрозу Смикрина, противъ которой у него не было никакихъ средствъ къ защитѣ. И я полагаю, что этой угрозой Смикрина и кончался, въ сущности говоря, его діалогъ съ Харисіемъ, ибо если даже этотъ діалогъ и продолжался еще послѣ ст. 431₅₅, то въ немъ уже не могло заключаться ничего существеннаго и важнаго: всё важное было сказано, — оставалось подводить итоги! Ввиду этого мы, думается мнѣ, имѣемъ полное право считать, что стихъ 431₅₅ является своего рода заключеніемъ какъ діалога, такъ и всего второго акта, который долженъ былъ замыкаться тѣмъ, что Смикринъ входилъ въ домъ къ Харисію, гдѣ жила Памфила, а Харисій, — тотъ удалялся въ домъ Хэрестрата, гдѣ находилась Габротононъ съ ребенкомъ, котораго она, по согласію съ Онисимомъ, выдала, для извѣстныхъ ей цѣлей, за своего собственнаго.

4.

Итакъ, согласно наніему представленію, разговоромъ Смикрина съ Харисіемъ заканчивался второй актъ пьесы, за которымъ, какъ и за первымъ, должна была идти музыкаль-

ная интермедія, указывавшая на паузу въ дѣйствіи и, внѣ всякаго сомнѣнія, отмѣченная въ рукописи традиціонной ре-маркой *χοροῦ*. Но о томъ, какъ начинался новый актъ, т. е., какого рода сценки, монологическія или діалогическія, открывали его, мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, ибо вслѣдъ за стихомъ 431₅₅, замыкающимъ обрывокъ VX, идетъ лакуна, и на этотъ разъ довольно значительная. По крайней мѣрѣ, согласно расчетамъ Koerte ¹⁾, которые я считаю за безусловно пріемлемые, размѣры этой лакуны доходятъ до 70 строкъ или, говоря иначе, послѣ обрывка VX не хватаетъ, приблизительно, двухъ страницъ, бывшихъ третьей и четвертой страницами второго кватерніона ²⁾. Само собой разумѣется, что при такомъ значительномъ прорывѣ въ рукописи мы не имѣемъ никакой возможности возстановить, хотя бы въ общихъ чертахъ, содержаніе утраченной части, а также опредѣлить съ точностью, какіе персонажи участвовали въ ней: мы можемъ разсуждать объ этомъ только гадательно, причемъ разсужденія нани будутъ таковы.

Мы уже видѣли, что въ концѣ второго акта Смикринъ намѣревался идти къ Памфилѣ, дабы убѣдить еѣ въ необходимости развода съ Харисіемъ, --- развода, который онъ считалъ за нѣчто неизбѣжное послѣ разоблаченій повара и своего разговора съ зятемъ. Между тѣмъ, въ той сценкѣ, которая идетъ за лакуной и о которой намъ еще придется говорить ниже, выступаетъ передъ зрителями сама Памфила ³⁾, причемъ по всему видно, что она уже участвовала въ дѣйствіи и что ея нахожденіе на сценѣ вызвано какимъ-то обстоятельствомъ, сущности котораго мы не знаемъ. Но разъ это такъ, то, значить, Памфила была однимъ изъ тѣхъ персонажей, которые играли роль въ самомъ началѣ акта или, точнѣе, въ той его части, на мѣстѣ которой находится въ настоящее время лакуна. Спрашивается теперь, что могло быть поводомъ къ появленію Памфилы на сценѣ? Наиболѣе естественнымъ отвѣтомъ на это будетъ, на мой взглядъ, мнѣніе Koerte, согласно которому новый актъ открывался выхо-

1) A. Koerte², о. с., XVIII.

2) Ср. стр. 108, 1.

3) Это доказалъ Jensen (о. с., 549) своей удивительной по результатамъ колыящей страницы H₁, содержащей сценку свиданія Габротононъ съ Памфилой.

домъ Смикрина и его дочери ¹⁾. И дѣйствительно, подобный выходъ находился бы въ отличномъ соотвѣтствіи съ намѣреніемъ Смикрина взять дочь къ себѣ, т. е., съ его желаніемъ увести еѣ отъ мужа. Правда, самый разговоръ на эту тему, какъ явствуетъ это изъ ст. 464 слл., происходилъ за сценой и не былъ, такъ сказать, частью дѣйствія, протекавшаго передъ лицомъ зрителей. Но зато Смикринъ, выходявшій изъ дома съ дочерью, которая, какъ мы узнаемъ изъ дальнѣйшаго (ст. 499 слл.), не хотѣла слѣдовать совѣту отца, могъ просто на просто приводить еще какіе нибудь доводы въ пользу своего предложенія, чтобы поколебать такимъ образомъ упорство дочери и устроить дѣло по своему. И очень возможно, что правъ Robert ²⁾, считающій, что къ подобному разговору отца съ дочерью могъ бы относиться Мен. fr. 566 (= Коск, о. с., III, 173):

χαλεπὸν, Πамφίλῃ,
ἐλευθέρῃ γυναικὶ πρὸς πόρνην μάχη.
πλείονα κακουργεῖ, πλείον' οἶδ', αἰσχύνεται
οὐδέν, κολακεῖν μᾶλλον.

Т. е.: Свободной женщинѣ, Памфила, не легко бороться съ той, чьи прелести продажны: она искуснѣе и опытнѣй, стыда въ ней вовсе нѣтъ, зато на лестъ она гораздо!

Но если этотъ фрагментъ дѣйствительно относился къ нашей пьесѣ ³⁾ и, въ частности, къ интересующей насъ сценкѣ, то въ немъ можно было бы видѣть отвѣтъ Смикрина на слова Памфила, и притомъ на такія слова, въ которыхъ выражалася надежда на то, что со временемъ Харисій оставитъ арфистку и снова вернется къ своей женѣ. Въдъ Памфила, какъ и Харисій, находилась передъ Смикриномъ въ нѣсколько стѣсненномъ положеніи: она тоже не могла открыть отцу истинной причины страннаго поведенія своего мужа и тоже должна была

1) A. Koerte², о. с., XXVIII.

2) Robert, Der neue Menander, 3 и 79. Ср. J. van Leeuwen², о. с., 164. Въ уста Софроны вкладываютъ фрагментъ Croiset (о. с., 67) и Carps (о. с., 104).

3) Сомнѣваются въ принадлежности отрывка къ „Третьейскому суду“ Б. В. Варнеке, Новыя комедіи Менандра, 99 и A. Koerte², о. с., XXVIII, 2. За послѣднее время въ пользу принадлежности отрывка къ нашей пьесѣ высказался и Vollgraff. См. Berl. phil. Wochenschrift. Sonderheft, (1912), 1595.

говорить довольно уклончиво! Разводиться же съ мужемъ она не хотѣла потому, что любила его, причѣмъ случай съ ребенкомъ былъ ей, въ сущности говоря, только на руку: вѣдь въ виду того, что и Памфила и Харисій оказывались въ одинаковомъ положеніи, можно было надѣяться, что Харисій смягчится и что разрывъ мужа съ женой окажется только временнымъ, а не постояннымъ!

Но слова Памфилы, каковы бы они ни были и чего бы они не касались, должны были приходиться не по душѣ Смикрину, и можно поэтому думать, что весь разговоръ отца съ дочерью велся, по крайней мѣрѣ, со стороны отца въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ, тѣмъ болѣе, что Смикринъ, насколько можно судить по его разговору съ Софроной (ст. 522 слл.), а также по бесѣдѣ съ поваромъ, не умѣлъ выражаться мягко: вѣдь недаромъ Онисимъ называетъ его *χαλεπός*! Итакъ, начальная сценка, открывавшая третій актъ, могла представлять собой діалогъ между отцомъ и дочерью, — діалогъ, который скорѣе всего обрывался на томъ, что Смикринъ уходилъ въ городъ съ цѣлью привести оттуда для окончательнаго убѣжденія Памфилы ея няню, Софрону, которая вмѣстѣ съ Смикриномъ и появлялась передъ зрителями послѣ ст. 520 слл.¹⁾; Памфила же, послѣ ухода отца, оставалась еще на сценѣ и могла произносить особый монологъ, къ которому я хотѣлъ бы относить Меп. fr. 184 (= Коск, III, 53):

*ἐξέτιόνει μὲν οὖν
κλαίονσα.*

Т. е.: „я выплакала свои глаза (отъ горя)“²⁾. А что монологъ этотъ, въ которомъ Памфила могла выражать волнующія еѣ чувства тоски и скорби, долженъ быть отличаться грустнымъ характеромъ, — на это указываютъ между прочимъ слѣдующія слова Памфилы, стоящія въ началѣ той сценки, которая идетъ за лакуной (ст. 434):

Кто изъ боговъ меня, бѣдняжку, пожалѣетъ?

1) Такъ думаетъ и Koerte² (о. с., XXVIII).

2) Carps (о. с., 103) и Croiset (о. с., 67, 1) вкладываютъ эти слова въ уста Софроны. Такъ же поступаетъ и Robert (о. с., 84).

Такимъ образомъ, можно считать безусловно приемлемымъ, что Памфила принимала участіе въ дѣйстви или, иначе, что Менандръ, въ противоположность своимъ латинскимъ подражателямъ, Плавту и Теренцію, не останавливался передъ выведеніемъ на сцену самой *vitiata virgo* (въ нашемъ случаѣ *νεογάμοσ*), — фактъ, который еще недавно отрицался всѣми учеными, кромѣ Robert'a ¹⁾.

Значить, согласно нашему мнѣнію, утраченное начало третьяго акта состояло изъ діалогической сценки и слѣдовавшаго за ней монолога; а уже за этимъ монологомъ шла, непосредственно примыкая къ нему, та діалогическая сцена, которая дошла до насъ и которая имѣетъ такую форму.

Дѣйствіе третье.

Явленіе третье²⁾.

[На сценѣ, передъ домомъ Харисія, стоитъ Памфила, только-что окончившая свой монологъ. Въ этотъ моментъ изъ дома Харестрата выходитъ Габротононъ держащая на рукахъ плачущаго ребенка.]

Габротононъ.

Н₁ Съ ребенкомъ выхожу... Онъ, глупенькій, всё плачетъ, И ужъ давно! — Что съ нимъ, никакъ не разберу!

Памфила.

Кто изъ боговъ меня, бѣдняжку, пожалѣетъ?

Габротононъ.

(435) О боги милые, < онъ, видно, мать зоветъ : >
< Соскучился по ней! >

1) Въ своей книгѣ „Die Masken der neueren attischen Komödie“, 41, 2, Robert очень кстати указываетъ на то, что выведеніе на сцену изнасилованной дѣвушки не было, повидимому, чѣмъ-то необычайнымъ въ практикѣ „новой“ комедіи. По крайней мѣрѣ, среди комическихъ масокъ, перечисляемыхъ Поллуксомъ (IV 152), фигурируютъ двѣ маски для *ψευδοκόρη*. См. Poll. IV, 152: *ἡ δὲ ψευδοκόρη λευκοτέρα τῇ χροίᾳ καὶ περὶ τὸ βρέγμα δέεται τὰς τρίχας καὶ ἔοικε νεογάμῳ · ἡ δὲ ἑτέρα ψευδοκόρη διαγινώσεται μόνῃ τῇ ἀδιακρίτῃ τῇ κόμῃσιν*.

2) Очень хорошо и тонко разобрана эта сценка Vollgraiff'омъ въ его рецензій на второе изданіе Koerte. См. Berl. phil. Wochenschrift. Sonderheft, (1912), 1594.

Памфила.

Пойду къ себѣ . . .

435

Габротононъ (замѣчая Памфилу).

Немного

Повремени-ка здѣсь!

Памфила.

Меня зовешь?

Габротононъ.

Тебя.

Памфила (про себя).

Кто это? (Обращаясь къ Габротононъ):

Я съ тобой какъ будто не знакома!

Габротононъ (вглядываясь).

Она и есть! Ее я узнаю! — Привѣтъ

(440) Тебѣ, голубушка! Не уходи, — дай руку!

<Припомни,> милая: ты годъ тому назадъ

440

На Таврополіяхъ <со мной свела знакомство!>

Памфила (смотря на ребенка).

Скажи мнѣ, женщина, откуда у тебя . . .

Ребенокъ?

Габротононъ (показывая на ожерелье,
надѣтое на шейку ребенка).

Ты на немъ не видишь ли вещицы,

(445) Знакомой для тебя? — Да незачѣмъ робѣть!

Памфила.

Такъ ты ему . . . не мать?

Габротононъ.

Я ею назвалась,

445

Не съ цѣлью матери законной повредить,

А чтобъ найти ее при случаѣ! И нынѣ

Я эту мать нашла: вѣдь ты передо мной,

Какъ и въ былые дни!

Памфила.

А кто . . . отец ребенка?

Габротононъ.

(450) Харисій!

Памфила.

Милая, а тутъ . . . ошибки нѣтъ?

450

Габротононъ.

Нѣтъ, дѣло — ясное! — Вѣдь ты его супруга?
Ты здѣсь живешь?

Памфила.

О, да¹⁾.

Габротононъ.

Счастливица! Тебя

Богъ, видно, пожалѣлъ! (Прислушиваясь).

Какъ будто, у сосѣдей

Дверь хлопнула. Шаги . . . сюда идутъ! Къ себѣ

(455) Возьми-ка ты меня, чтобъ я про остальное

455

Тебѣ повѣдала подробно, не спѣша.

(Уходятъ въ домъ Харисія).

Явленіе четвертое.

[На сцену изъ дома Харестрата выходитъ Онисимъ. На немъ
лица нѣтъ, онъ чѣмъ-то напуганъ].

Онисимъ.

Бѣснуется во всю, клянуся Аполлономъ!

Въ него вселился бѣсъ! Онъ бѣсится, о боги!

Онъ — это баринъ мой, Харисій . . . Разлилась

(460) Въ немъ, видно, желчь, иль что-то въ этомъ родѣ, — 460

Другого не могу представить я себѣ!

1) Слова: „о, да“, въ подлинникѣ: „*vaixi*“, отданы въ рукописи Памфила. Несмотря на это Коерте² (о. с., 33) вкладываетъ ихъ въ уста Габротононъ, съ чѣмъ я никоимъ образомъ не могу согласиться. Ср. по этому поводу разсужденія Vollgraff'a въ „Berl. phil. Wochenschrift. Sonderheft“, (1912), 1594.

Сначала у дверей ¹⁾ стоялъ онъ долго, въ щель
Украдкою смотря и слухъ свой напрягая ²⁾.

А за дверьми отецъ его жены въ сердцахъ ³⁾

(465) Ей что-то говорилъ, сдается мнѣ. Нашъ баринъ 465

Блѣднѣлъ, краснѣлъ, да какъ, — противно вспоминать!

Н₂ Потомъ онъ простоналъ: „о свѣтъ моихъ очей!

Что слышу отъ тебя!“ И вдругъ съ ужасной силой

Себя по головѣ ударивъ, произнесъ,

(470) Минуту погода: „И я съ такой женою 470

Нѣсчастнымъ мнилъ себя, негодникъ!“ Наконецъ,

Прослушавъ рѣчь жены, онъ въ домъ взошелъ и началъ

Рвать волосы, стонать, ну, впрямь, сходить съ ума ⁴⁾!

„Такъ низко пасть, какъ я“, онъ повторялъ, „ребенка

(475) Прижить на сторонѣ, и за такой же грѣхъ 475

Жены не пощадить, не сжалиться надъ бѣдной!

Да я совѣмъ дикарь! Гдѣ сердце у меня!“

Такъ онъ себя бранилъ, безъ жалости, а очи, —

Тѣ кровью налились, и былъ онъ — внѣ себя!

1) Для того, чтобы понять, въ чемъ тутъ дѣло и какимъ образомъ Харисій, бывшій у Хэрестрата, могъ подслушать слова Памфилы, находившейся въ другомъ домѣ, — для этого надо сдѣлать слѣдующее предположеніе. Повидимому, оба дома, тѣсно примыкавшіе другъ къ другу, были со стороны двора соединены особымъ переходомъ черезъ садъ, — подробность часто фигурирующая въ „новой“ комедіи. Ср. Plaut. Cas., 613:

abi et aliud cura, ego jam per hortum inssero
meam istuc transire uxorem ad uxorem tuam.

Plaut. Stich., 614: non metuo: per hortum transibo, non transibo in purpiscum.

При наличности подобнаго сообщенія Харисію нетрудно было подойти къ выходящей въ садъ двери того дома, гдѣ была Памфила, и подслушать весь разговоръ, оставаясь притомъ незамѣченнымъ.

2) При переводѣ я слѣдую конъектурѣ Agnī'a: ἐν/εταχῶ τ'ἀχοῦσ πάνν/. Коерте принимаетъ теперь конъектуру Robert'a: ἐνδ/ετρεβεν ἡθλιος/.

3) Я принимаю конъектуру Wilamowitz'a: περι/οργῶ πάνν/. Коерте же, слѣдую Sudhaus'у, пишетъ: περι/τῆσ'συμφορῶ/.

4) Въ текстѣ ἐστασις. Къ тѣмъ примѣрамъ на употребленіе этого слова разными авторами, которые приводитъ Bruhn, Ueber den Wortschatz des Menander (Diss. Jena 1910), 33, можно прибавить еще Philostr. epist. 25 (ed. Kayser, vol. II, p. 238): τοῦτον δὲ αἰτίον ἢ τοῦ θυμοῦ ἐστασις ἀκριβῶς σου συγχεῖν οὐσα τὴν τοῦ προσώπου χάριν.

- (480) Струхнулъ порядкомъ я! Я весь отъ страха высохъ! 480
 Вѣдь если бѣшенный меня увидитъ онъ,
 Меня, доносчика, — того гляди, прикончитъ.
 Вотъ почему тайкомъ я проскользнулъ сюда!
 Куда дѣваться мнѣ? Что выдумать? (Прислушивается).
 Ой, лихо!
- (485) Подходить смерти! Дверьми онъ хлопнулъ: онъ идетъ! 485
 Спаситель мой, Зевесъ, спаси меня, коль можешь!
 (Кидается въ сторону).

Явленіе пятое.

[Изъ дома выбѣгаетъ Харисій. Видно, что онъ внѣ себя: его одежда — въ безпорядкѣ, на его лицѣ написано отчаяніе и полное прервѣніе къ самому себѣ].

Харисій (указывая на себя).

- Вотъ — онъ, кто безъ грѣха, кто доброй славы ищетъ,
 Кто благо и порокъ умѣетъ различать,
 На комъ ни пятнышка, кто въ жизни безупреченъ! — ¹⁾
- (490) Недурно божество расправилось со мной, — 490
 Такъ мнѣ и слѣдуетъ! Оно мнѣ подсказало:
 „Безумецъ, не забудь! Ты — тоже человѣкъ!
 Ты смѣешь пыжиться, ты съ высоты вѣщаешь!
 Невольный грѣхъ жены тебѣ невыносимъ!
 А самъ — я покажу — въ такой же грѣхъ впадаешь! 495
- (495) И вотъ когда съ тобой она мягка, топтать
 Ты смѣешь въ грязь еѣ? Пускай же всѣ увидятъ,
 Что ты — слѣпецъ, дикарь, негодный человѣкъ! —
 Небось, она отцу совсѣмъ не то сказала,
 Что ты воображалъ, — сказала: „если съ нимъ 500
- (500) Пришла я жизнь дѣлать, съ нимъ раздѣлю и горе,
 Его постигшее“. А ты — пустой гордецъ!“

* * *

1) Въ текстѣ ἀνεπίπληκτος αὐτὸς τῷ βίῳ. Ср. Bekker, Anecd. gr., 398, 7: ἀνεπίπληκτος ὃ οὐδεὶς ἐπιπλήσσει ἁμαρτάνοντι. Εὐπολιος, а также Eur. Or., 920: ἀχέραιος, ἀνεπίπληκτον ἡσυχῶς βίον.

На этомъ обрывается въ рукописи монологъ Харисіа, и мы снова оказываемся передъ лакуной, приблизительно, въ 20 строкъ. Но я думаю, что погибшая часть монолога не могла занимать всей лакуны: по крайней мѣрѣ, идущій за лакуной обрывокъ U даетъ намъ уже не монологъ, а остатки діалогической сценки. Отсюда какъ будто слѣдуетъ, что на долю монолога приходилось всего на всего нѣсколько строкъ, тогда какъ всё остальное ихъ количество должно было относиться къ началу новаго явленія, т. е., къ діалогической сценкѣ.

Конечно, на основаніи сохранившейся части монолога (ст. 487 сл.), мы не можемъ опредѣлить, чего касалась его погибшая часть, но я полагаю, что къ ней можно было бы относить, напр., слѣдующій фрагментъ, про который Стобей говоритъ, что онъ взятъ имъ изъ „Третейскаго суда“¹⁾.

*ἐλευθέρῳ τὸ καταγελασθαι <γὰρ> πολὺ
αἰσχιστόν ἐστι, τὸ δ' ὀδυνᾶσθ' ἀνδρώπινον.*

Т. е.: Нѣтъ хуже, если сталъ свободный человѣкъ посмѣшищемъ для всѣхъ, страдать же люди вправѣ!

И дѣйствительно, эти слова вполне подходили бы къ ситуаціи Харисіа, который благодаря наличности ребенка, яко бы прижитого имъ отъ арфистки, оказывался въ довольно унизительномъ положеніи: ему грозила опасность сдѣлаться притчей во языцѣхъ, что ввиду присущей Харисію гордости (ср. ст. 501 и 428) было для него наиболѣе чувствительнымъ ударомъ. Итакъ, я полагаю, что отмѣченный мной фрагментъ могъ бы быть на мѣстѣ въ конечной части монолога, и притомъ, какъ мнѣ кажется, съ бѣльшимъ правомъ, чѣмъ относимый сюда же Carps'омъ²⁾ fr. adesp. 221 (= Коск, о. с., III, 450):

οἶαν ἀδικῶ γυναιχ' ὁ δουδαίμων ἐγώ,

который былъ бы ничѣмъ инымъ, какъ дублетомъ ст. 469 сл.:

οἶαν λαβών

γυναιχ' ὁ μέλεος ἡτύχηκα.

Спрашивается теперь, между какими персонажами пьесы происходилъ тотъ діалогъ, остатки котораго сохранились на

1) Stob. floril. 89, 5 (= Коск, о. с., III, 51, fr. 176).

2) Carps, о. с., 114.

оборотной сторонѣ¹⁾ обрывка U? Однимъ изъ этихъ персонажей былъ, внѣ всякаго сомнѣнія, Харисій, выступающій, между прочимъ, въ качествѣ дѣйствующаго лица и въ той діалогической сценкѣ, которая находится на verso обрывка Q, идущаго за обрывкомъ U. Но кто же былъ его партнеромъ? И Croiset (о. с., 76) и Carps (о. с., 114) думаютъ, что имъ былъ Онисимъ, — мнѣніе, съ которымъ я считаю возможнымъ согласиться въ силу слѣдующихъ соображеній. Мнѣ кажется, что изъ хода дѣйствія какъ будто вытекаетъ, что встрѣча Онисима съ Харисіемъ являлась вполне назрѣвшей потребностью: слишкомъ уже сильно боялся этой встрѣчи Онисимъ и слишкомъ уже глубоко былъ онъ замѣшанъ въ интригѣ, направленной противъ Памфилы! Ввиду этого вполне мыслимо, что именно на него и долженъ былъ обрушиваться первый ударъ со стороны раздраженного Харисія и что первая діалогическая сценка, шедшая за монологомъ, представляла собой какъ разъ столкновеніе между этими двумя персонажами.

Что же касается до содержанія этого столкновенія, то Croiset²⁾ думаетъ, что послѣднее происходило приблизительно такъ. Харисій подъ конецъ своего монолога замѣчалъ притаившагося въ сторонѣ Онисима и набрасывался на него. Онисимъ же, напуганный этимъ и понимающій, что приведенная въ исполненіе хитрость Габротононъ можетъ имѣть дурныя послѣдствія какъ разъ для него самого, вскрывалъ настоящую подоплеку дѣла и выдавалъ такимъ образомъ Габротононъ, результатомъ чего могло быть только одно, а именно, личное объясненіе Харисія съ арфисткой. Къ сожалѣнію, изъ остатковъ діалога на verso обрывка U трудно сдѣлать какой нибудь выводъ, подтверждающій или опровергающій гипотезу Croiset: слишкомъ уже незначи-

1) См. BeFebvre², о. с., XIII sq. и 21 (табл. XLI). — Обрывки U и Q, входившіе нѣкогда въ составъ одной и той-же страницы и отдѣленные въ настоящее время одинъ отъ другого небольшимъ прорывомъ, заключаютъ на каждой своей сторонѣ, т. е., на verso и на recto, U—6 стиховъ, Q—9 стиховъ. А такъ какъ каждая страница папируса содержитъ въ себѣ отъ 35 до 38 строкъ, то, значитъ, отрывкамъ U и Q не хватаетъ до полной страницы около 20 строкъ.

2) Croiset, о. с. 76.

тельны эти остатки, сводящіеся къ однимъ концамъ стиховъ и имѣющіе такую форму:

U ₂	]ἐγὼ μὲν οὐ:	501 ₁
	 νῆ τῶν Δία	
	]αὐτὸ' οὕτω σφόδρα	
	]ὡς ὁμολογῶ:	
	 οὐ? πρὸ]ς ἐμὲ βλέπει	501 ₅
	 ἐται]ρίδ[ιον?] αἶε . . . ε	

Я думаю, впрочемъ, что если слово *ἐταιρίδιον* въ ст. 501₆ восстановлено мной вѣрно, то какъ этотъ стихъ, такъ и предшествующій ему ст. 501₅ οὐ? πρὸ]ς ἐμὲ βλέπει, можно было бы считать за слова Онисима, говорящаго про Габротононъ. Ничего же другого, болѣе опредѣленнаго и точнаго, изъ ст. 501₁ слл. вывести невозможно, тѣмъ болѣе, что за ст. 501₆ снова идетъ лакуна, на этотъ разъ, впрочемъ, меньшая¹⁾. Послѣ же лакуны начинается новый обрывокъ Q, на оборотной сторонѣ котораго находится девять, приблизительно, полныхъ стиховъ, воспроизводящихъ передъ нами опять таки разговоръ Харисія, но уже не съ Онисимомъ, а съ Габротононъ. Отсюда ясно, что Габротононъ появлялась на сценѣ вскорѣ послѣ ст. 501₆, причемъ ея появленіе должно было быть неожиданностью для Харисія, не говоря уже о томъ, что нѣсколько загадочнымъ представлялся ему и самый фактъ выхода Габротононъ отъ Памфилы, съ которой, насколько онъ зналъ, она до сихъ поръ не была знакома. Что же касается до Онисима, то очень возможно, что онъ, подъ вліяніемъ разговора съ своимъ бариномъ, разговора, который врядъ ли велся со стороны Харисія въ спокойномъ тонѣ, такъ же поспѣшно и въ такомъ же ужасѣ удалялся со сцены, какъ дѣлаетъ это Парменонъ въ „Саміанкѣ“, спасающійся бѣгствомъ отъ Демеи, пригрозившаго ему наказаніемъ (ст. 109).

Но какъ и съ чего начинался разговоръ между Габротононъ и Харисіемъ, мы не знаемъ, такъ какъ verso обрывка Q, содержащее этотъ разговоръ, вводитъ насъ прямо *in medias res*. Отсюда слѣдуетъ, что начало разговора, до насъ не дошедшее, имѣло мѣсто до ст. 502, открывающаго собой verso обрывка Q или, иначе, что оно падало какъ

1) См. стр. 180, 1.

разъ на ту маленькую лауну, которая отдѣляетъ Q отъ U. Что же касается до ст. 502, то отъ него сохранилось только одно слово *ἐπειράθησ*, за которымъ слѣдуетъ отвѣтъ Габротононъ, обращенный къ Харисію. Но изъ этого еще нельзя вывести, что ст. 502 произносился Харисіемъ и что въ словѣ *ἐπειράθησ* заключался упрекъ по адресу арфистки, которая „пыталась“ направить Харисія на ложный путь. Столь же возможно, что весь стихъ принадлежалъ какъ разъ къ репликѣ Габротононъ и что ст. 503 представлялъ собой его непосредственное продолженіе, какъ думаетъ это, напр., Stob. (о. с., 78). Однимъ словомъ, по данному вопросу мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго; но зато вся остальная часть разговора не заключаетъ въ себѣ никакихъ трудностей и можетъ быть переведена такъ:

Габротононъ.

Q₂ Сейчасъ узнаешь всё, клянуся Аполлономъ.

Харисій.

Зачѣмъ томишь меня, негодница?

Габротононъ.

Глупышъ,

(505) Ужъ ты не спорь со мной. Пойми: твоя супруга 505
Ребенка родила: онъ не чужой тебѣ!

Харисій.

О, если бъ было такъ!

Габротононъ.

Да, такъ, клянусь Деметрой!

Харисій.

Что ты сказала? Что?

Габротононъ.

Сказала только правду!

Харисій.

Такъ, значитъ, то дитя Памфилой рождено?

Габротононъ.

(510) Памфилой и тобой.

Харисій.

Памфилоу? Напрасной,

510

Габротононъ, прошу, надежды не сули!

Стихомъ 511 заканчивается разговоръ Харисія съ Габротононъ въ его теперешнемъ, неполномъ видѣ, и передъ нами снова открывается лакуна, приблизительно, въ 20 строкъ, которая отдѣляетъ конечный стихъ на verso обрывка Q отъ начального стиха, стоящаго на recto обрывка U. Благодаря этому мы не знаемъ ни того, какъ развивалась дальнѣе бесѣда Харисія съ арфисткой, ни того, что слѣдовало за ней, какъ ея непосредственное продолженіе. Во всякомъ случаѣ, стихъ 511 не могъ быть заключительнымъ стихомъ бесѣды. Изъ него видно, что Габротононъ должна была дать еще кое-какія дополнительные разъясненія, послѣ чего только и могла наступить полная реализація всякаго рода неизвѣстностей и неопредѣленностей, среди которыхъ до сихъ поръ вращался Харисій. Отсюда ясно, что бесѣда Харисія съ Габротононъ продолжалась и послѣ стиха 511; но о томъ, какъ далеко заходила она, сказать трудно.

Равнымъ образомъ, трудно рѣшить вопросъ и насчетъ того, какъ дѣйствовалъ Харисій послѣ окончанія своего разговора съ Габротононъ. Впрочемъ, если я вѣрно понимаю ходъ дѣйствія пьесы, то можно думать, что вслѣдъ за открытіемъ, сдѣланнымъ Харисію арфисткой, послѣдній долженъ былъ искать немедленнаго примиренія со своей женой. По свойственной ему пылкости, да къ тому же измученный продолжительной душевной борьбой между любовью къ женѣ и нежеланіемъ ее простить, Харисій долженъ былъ поступать стремительно, поступать такъ, какъ этого требовалъ его несдержанный характеръ. Повинуясь движенію своего сердца, онъ долженъ былъ немедленно послѣ бесѣды съ Габротононъ броситься къ женѣ, чтобы вымолить у нея прошеніе, причемъ вмѣстѣ съ нимъ могла уходить и Габротононъ. А затѣмъ, послѣ удаленія Харисія и арфистки, въ дѣйствіи могла наступать пауза или, иначе, уходъ вышеуказанныхъ персонажей могъ обозначать собой конецъ акта, который и замыкался выступленіемъ хора, этого своеобразнаго дѣйствующаго лица, не причастнаго къ дѣйствію комедіи. Такимъ образомъ, согласно нашему мнѣнію, бе-

сѣда Харисія съ Габротононъ могла быть послѣднимъ явленіемъ акта; самый же актъ я хотѣлъ бы назвать актомъ „неожиданныхъ открытій“, тѣмъ болѣе, что онъ дѣйствительно приводилъ къ полному выясненію той тайны, которая до сихъ поръ служила причиной отдаленія Харисія отъ Памфилы. Но разъ это такъ, то бесѣда Харисія съ Габротононъ есть ничто иное, какъ настоящая сценка „признанія“, настоящій *ἀναγνώρισις*, безъ котораго не можетъ обойтись ни одна пьеса „новой“ комедіи.

5.

Спрашивается теперь, какъ развивалось дѣйствіе дальше, и можно ли на основаніи того, что осталось въ рукописи отъ послѣдующихъ сценокъ, реконструировать новый актъ, который, какъ намъ это кажется, начинался послѣ діалога Харисія и Габротононъ. Я не буду скрывать, что попытка подобной реконструкціи заключаетъ въ себѣ еще больше трудностей, чѣмъ реконструкція третьяго акта, гдѣ, несмотря на массу прорывовъ и лакунъ, всё таки можно установить приблизительный ходъ дѣйствія и намѣтить, хотя бы въ общихъ чертахъ, возможную смѣну лицъ и явленій. Причина же тѣхъ трудностей, съ которыми сопряжено возстановленіе четвертаго акта, объясняется отчасти тѣмъ, что въ немъ выступаетъ новое лицо, съ которымъ мы раньше не встрѣчались, если только вѣрно возстановляется учеными начало ст. 512, отчасти же тѣмъ, что въ хорошемъ видѣ дошла до насъ только вторая половина акта (ст. 521—591), тогда какъ отъ первой сохранилось всего на всего 15 неполныхъ стиховъ, за которыми слѣдуетъ лакуна, приблизительно, въ 70 строкъ съ небольшимъ. Но, при наличности подобныхъ условій, очень трудно составить себѣ ясную картину того, какъ развивалось дѣйствіе, черезъ какіе этапы оно проходило и съ какими подробностями было оно связано. Естественнымъ же результатомъ подобной неопредѣленности является то, что и вся реконструкція получаетъ абсолютно гадательный характеръ, причѣмъ единственное, чего она можетъ достигнуть, это — болѣе или меньшей степени вѣроятности.

Мы уже сказали выше, что часть той лакуны въ 20 строкъ, которая отдѣляетъ verso обрывка Q отъ recto

обрывка U, шла на окончаніе бесѣды Харисія съ Габротононъ. Другая же часть лакуны, и притомъ, надо думать, бѣдшая, падало на начало новаго акта, причѣмъ къ этому же началу относятся и тѣ остатки діалогической сценки, которые занимаютъ гесто обрывковъ U и Q.

Что касается до гесто обрывка U, то оно даетъ намъ остатки 6 стиховъ, изъ которыхъ четыре снабжены знакомъ параграфа, — ясное указаніе на то, что мы дѣйствительно имѣемъ передъ собой діалогъ, и притомъ довольно оживленнаго характера, ибо частые параграфы могутъ указывать только на одно, а именно, на частую смѣну дѣйствующихъ лицъ. Но кто же былъ въ діалогъ этими дѣйствующими лицами? Однимъ изъ нихъ, какъ это явствуетъ изъ *poth marginalis* ON (т. е., 'Ονησιμος), стоящей противъ ст. 510₄, былъ никто иной, какъ Онисимъ. Что же до другого, то онъ остается для насъ лицомъ неизвѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что имя его въ рукописи не обозначено. Далѣе, относительно содержанія разговора, который ведутъ между собою Онисимъ и его партнеръ, трудно сказать что нибудь опредѣленное, ибо рукопись сохранила только начала стиховъ, сводящіеся къ отдѣльнымъ словамъ, не больше. И дѣйствительно, общій видъ сохранившейся части діалога будетъ таковъ:

U ₁	ἐπάρχον[.]	510 ₁
	δυνωσ αβ[.] ¹⁾	
	ἀλλ' ἐξαπατ[.]	
On.	ἀπέωοε ουν[.] ²⁾	
	ἐγωγε προο[.]	510 ₅
	.. αν[.]	

Сдѣлать изъ этихъ жалкихъ обрывковъ какой нибудь точный выводъ, конечно, немыслимо. Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что діалогъ, бѣдшая часть котораго приходится на лакуну въ 20 строкъ, оканчивался ст. 510₈, послѣ чего собесѣдникъ Онисима удалялся, а самъ Онисимъ произносилъ монологъ, въ начальныхъ стихахъ котораго (ст. 510₄ слл.) онъ говорилъ, повидимому, о Габротононъ, какъ о своей союзницѣ и, притомъ, какъ о человѣкѣ, содѣйствовавшемъ

1) 'Αβρότονον Lefebvre; ἀβέλερον Koerte.

2) ουνμαχοῦσ' ἐμοί Koerte; ουνμαχοῦσα Lefebvre.

чьему то спасенію. Но кто же былъ собесѣдникомъ Онисима? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ придется обратиться къ разбору тѣхъ стиховъ, которые стоятъ на гесто обрывка Q и которые представляютъ собой продолженіе только что приведенныхъ нами остатковъ діалогической сценки, — продолженіе, ограниченное отъ этихъ остатковъ небольшою лакуной и имѣющее такую форму:

[.]λω κ[.] Q₁
 X[.]ατ' ἡδε το μετα τα[υτα
 οπως [δια]μενεισ ων Χαρισιω[
 οιοσπερ οισθα πιστοσ · ου γαρ εσ[
 εταιριδ[ι]ον τοντ' ουδε το τυχον[515
 σπουδη δε και παιδαριον ηδ ε[
 ελευθεροσ παξ · μη βλεποι[
 κ[α]ι πρωτον αυτην κατα μονα[σ
 τον φιλτατον και τον γλυκυτα[τον]

Что прежде всего бросается въ глаза въ нашемъ отрывкѣ, это — полное отсутствіе знаковъ чередованія лицъ, т. е., отсутствіе какъ параграфовъ, такъ и двоеточій, — подробность, которая какъ будто заставляетъ насъ видѣть въ стихахъ 511—519 слова одного лица, а не двухъ. Но вѣрно ли это? По мнѣнію всѣхъ издателей Каирской рукописи, кромѣ Croiset, это не вѣрно, въ силу чего всѣ они хотятъ усматривать здѣсь остатки діалога, несмотря на рукописное преданіе, противорѣчащее подобному взгляду. Посмотримъ теперь, какъ строится учеными этотъ діалогъ? Съ легкой руки Sudhaus'a¹⁾ первое слово въ ст. 512 читается, какъ X[αιρέστω]ατ' ²⁾, и вкладывается въ уста Онисима, тогда какъ вся остальная часть стиха, а также ст. 513—516 являются словами Хэрестрата. Далѣе, ст. 517 разсматривается, какъ реплика Онисима, а ст. 518—519 снова отдаются Хэрестрату,

1) Sudhaus, о. с., 19. Въ настоящее время Sudhaus отказывается отъ своего дополненія. См. Sudhaus, Zu den neuen Bruchstücken der Epitrepointes (= Hermes, 48 (1913), 27).

2) Такъ читаетъ это слово и Jensen (о. с., 553), который видитъ въ рукописи даже первое ρ слова Xαιρέσ[τ]ατοσ, т. е., X[αι]ρ[ε]σ[τ]ατ'. См. однако Lefebvre², о. с., 21 (табл. XXXVIII).

такъ что общій видъ всего отрывка (я привожу его въ обработкѣ Koerte) будетъ таковъ:

(Ον.) [.] νωκ[.]
X[ai]ρ[έστρ]ατ' · (Χαι.) ἦδε τὸ μετὰ τα[ῦτα φροντιεῖ]
ὅπως [δια]μενεῖς ὄν Χαρισίῳ [οὐ γέ]
οἶδ' ὅπερ ἦσθα πιστός · οὐ γάρ ἐστ' ἄφρον]
ἐταῖρίδιον τοῦτ' οὐδὲ τὸ τυχόν [ἐπλάσατο], 515
σπουδῇ δὲ καὶ παιδάριον ἦδ' ἐ[γνώρι]σεν.]
 (Ον.) ἐλευθερος, πᾶξ · μὴ βλέποι[μ', εἰ προσεδόκων.]
 (Χαι.) κ[α]λὴ πρῶτον αὐτὸν κατὰ μόνα[σ δρᾶν θέλω]
 τὸν φίλτατον καὶ τὸν γλυκύτατ[ον ὕδοῦν].

Я оставляю въ сторонѣ оцѣнку самихъ дополненій, которыя, на мой взглядъ, по большей части, очень удачны. Въ настоящій же моментъ меня интересуетъ другое, а именно, превращеніе отрывка въ діалогъ и выведеніе на сцену, въ качествѣ собесѣдника Онисима, Хэрестрата, персонажа, съ которымъ мы еще не встрѣчались.

По мнѣнію Koerte¹⁾, Хэрестратъ есть никто иной, какъ отецъ Харисія, т. е., γέρον. Но, какъ совершенно правильно замѣчаетъ Croiset²⁾, если бы Хэрестратъ дѣйствительно былъ отцомъ Харисія, то можно было бы удивляться на то, что Сирискъ, являющійся его рабомъ, во первыхъ, не знаетъ Онисима, принадлежащаго къ той же familia, а во вторыхъ, хотеть судиться съ сыномъ своего хозяина (ст. 185, 198). На это Robert³⁾ и другіе отвѣчаютъ, что незнакомство Сирика съ Онисимомъ надо объяснять просто тѣмъ, что Сирискъ живетъ на сторонѣ, тогда какъ Онисимъ постоянно находится при Харисіи, — странное объясненіе, какъ будто исключающее всякую возможность того, что Сирискъ при своихъ посѣщеніяхъ Хэрестрата могъ видѣть Онисима, хотя бы мелькомъ. Но еще страннѣе то, что имя Харисія, упоминаемое Онисимомъ (ст. 176, 189, 230), не производитъ на Сирика никакого впечатлѣнія, — настолько не производитъ, что Сирискъ продолжаетъ упорно стоять на своемъ, чего думается мнѣ, онъ бы не сдѣлалъ, если бы Харисій былъ,

1) Koerte², о. с., XIX, 3. Такъ же думаютъ: van Leeuwen², о. с., 12, 3; Robert, о. с., 1 sq. и Carps, о. с., 29 sq.

2) Croiset, о. с., 8. См. также Humpers, о. с., 355 sqq.

3) Robert, о. с., 2; Carps, о. с., 29.

какъ это полагаетъ Koerte, его „барченкомъ“, его *τροφίμοσ*. Однимъ словомъ, получается такое впечатлѣніе, точно въ лицѣ Сириска и Онисима мы имѣемъ рабовъ, принадлежащихъ разнымъ господамъ, и притомъ господамъ, которые не находятся другъ съ другомъ въ родственныхъ отношеніяхъ. Впрочемъ, я готовъ согласиться съ тѣмъ, что всѣ приведенныя мной возраженія еще не являются неопровержимымъ доказательствомъ того, что Хэрестратъ не могъ быть отцомъ Харисія и что ввиду этого не надо приводить другихъ, болѣе серьезныхъ доводовъ. Но подобные доводы у насъ есть, причемъ сводятся они къ слѣдующему¹⁾. До сихъ поръ намъ было извѣстно, что имя „Хэрестратъ“ прилагалось „новой“ комедіей и, въ частности, Менандромъ исключительно къ юношамъ. По крайней мѣрѣ, Хэрестратъ, какъ *adulescens*, выступалъ въ „Евнухѣ“ и въ „Подкидышѣ“ (*Ἐποβαλμαῖος*) Менандра²⁾, да сверхъ того это-же имя встрѣчается и въ Горанскихъ комическихъ отрывкахъ, гдѣ носителемъ его опять таки является юноша, а не старикъ (ст. 107, 165 и 168)³⁾. Мало того, изъ Хорикія Газейскаго, на котораго мы уже имѣли случай сослаться (см. стр. 108, 6), мы знаемъ, что отличительной чертой Хэрестрата, какъ типа *adulescens*, было то, что онъ *ψαλτρίασ ἐρῶ*, причемъ именно въ качествѣ такого любителя арфистокъ онъ и выступалъ въ „Евнухѣ“, какъ явствуетъ это изъ Персія (Sat. V, 161) и изъ слѣдующихъ словъ Персіевскаго схолиаста: *hunc locum de Menandri Eupucho traxit, in quo Davum servum Chaerestratus adulescens alloquitur, tamquam amore Chrysidis derelictus, idemque tamen ab ea revocatus ad illam redit.*

Но въ „новой“ комедіи существовало своего рода правило, согласно которому опредѣленные имена играли роль опредѣленной и притомъ несмѣняемой этикетки, позволявшей узнавать сразу и къ тому же безошибочно, съ кѣмъ

1) Впервые привелъ эти доводы Legend въ „Revue des études grecques“, X (1909), 208, а затѣмъ ихъ развилъ Numpers (о. с., 357 сл.). Ср. также Carr, *Zu den Epitrepontes des Menander* (= *Hermes*, 47 (1912), 318).

2) См. Kock, о. с., III, 53—54 и 137.

3) Горанскіе отрывки были впервые опубликованы Jouguet въ „Bulletin de correspondance hellénique“, XXX (1906), 103 sqq. См. также Koerte, *Die Komödienpapyri von Ghôran* (= *Hermes*, 43 (1908), 38 sqq).

зрители имѣютъ дѣло, т. е., иными словами, имена юношей никогда не отдавались старикамъ, равно какъ имена дѣвушекъ — зрѣлымъ женщинамъ, а имена рабовъ и рабынь — людямъ свободнымъ. И насколько мнѣ извѣстно, нельзя указать ни одного случая, гдѣ это своеобразное правило, получившее силу особаго закона, было бы нарушено или не соблюдено въ достаточной степени¹⁾. Но разъ это такъ, то желаніе нѣкоторыхъ ученыхъ дѣлать изъ Хэрестрата старика оказывается шагомъ довольно рискованнымъ и притомъ не имѣющимъ подъ собою никакихъ солидныхъ основаній, а слѣдовательно, и должно быть откинуто, какъ нѣчто, противорѣчащее практикѣ „новой“ комедіи и къ тому же нарушающее ея законы. Итакъ, если Хэрестратъ выступалъ въ „Третейскомъ судѣ“ въ качествѣ дѣйствующаго лица, онъ долженъ былъ играть роль юноши, пріятеля Харисія, но отнюдь не могъ быть отцомъ послѣдняго²⁾.

Такъ и смотреть на Хэрестрата Croiset³⁾, удѣляющій ему мѣсто въ началѣ третьяго акта, тамъ, гдѣ, согласно нашему мнѣнію, происходитъ діалогъ между Смикриномъ и Памфилой (стр. 171 слл.). Но это и будетъ въ реконструкціи Croiset единственное мѣсто, гдѣ появляется Хэрестратъ, на обязанности котораго лежитъ утѣшать Харисія и который затѣмъ въ дальнѣйшемъ ходѣ пьесы уже не принимаетъ никакого участія, — гипотеза, которая кажется мнѣ нѣ-

1) Только въ „Евнухѣ“ Теренція имя „Хреметъ“, которое обыкновенно прилагается къ старикамъ, приложено къ молодому человѣку. Но и это исключеніе станетъ для насъ вполне понятнымъ, если мы вспомнимъ, что Хреметъ, выступающій въ „Евнухѣ“, — вовсе не является юношей и во всякомъ случаѣ не юношей, годнымъ на роль *jeune première*. Его любовная пора уже миновала и онъ стоитъ, такъ сказать, на границѣ между юношей и зрѣлымъ человѣкомъ.

2) Bodin-Mazon, о. с., 302, 2 хотятъ видѣть въ Хэрестратѣ хозяина „d'un de ces hôtels ou cabarets (*καπηλεία, πανδοχεία*) dans lesquels, déjà à l'époque d'Isocrate (Isoc., VII, 49; XV, 287), les jeunes gens se réunissaient pour faire la fête“. Однако я думаю, что противъ подобнаго предположенія говоритъ прежде всего та роль, которая возлагалась обыкновенно на носителя имени „Хэрестратъ“ въ „новой“ комедіи (см. стр. 188). А во-вторыхъ, если бы мы приняли объясненіе французскихъ ученыхъ, то намъ пришлось бы допустить, что въ нашемъ случаѣ „золотая молодежь“, вмѣсто того, чтобы кутить въ городѣ, перебиралась въ деревенскую харчевню. Въ дѣйствіе „Третейскаго суда“ происходитъ въ деревнѣ!

3) Croiset, о. с., 65.

сколько странной, ибо при ней роль Хэрестрата оказывается безусловно излишней и ничѣмъ не оправдываемой.

Значить, пока нами установлено, что Хэрестратъ, во-первыхъ, не могъ изображать старика, а во-вторыхъ, врядъ ли могъ появляться въ началѣ третьяго акта. Переходимъ теперь къ тому возстановленію обрывка Q, которое даетъ Коерте. Послѣдній, какъ мы уже видѣли, усматриваетъ въ Хэрестратѣ отца Харисія, — предположеніе, признанное нами невозможнымъ. Что же касается до того участія въ дѣйствіи, которое, согласно Коерте, выпадало на долю Хэрестрата, то оно сводилось къ тому, что Хэрестратъ, появляясь въ началѣ четвертаго акта, сперва давалъ свободу Онисиму и Габротононъ, а затѣмъ уводилъ арфистку съ собой въ городъ¹⁾. Но подобная реконструкція, независимо даже отъ того, что Хэрестратъ не могъ быть отцомъ Харисія, сама по себѣ не выдерживаетъ серьезной критики, ибо и при ней появленіе Хэрестрата будетъ абсолютно необоснованнымъ. Правда, въ „новой“ комедіи мы можемъ указать не мало случаевъ, когда то или другое лицо выступаетъ передъ зрителями только подъ самый конецъ дѣйствія, какъ, напр., Критонъ въ *Andria* Теренція. Но всякое подобное выступленіе бываетъ обыкновенно обставлено какими нибудь серьезными причинами, а самый персонажъ, выходящій на сцену подъ конецъ пьесы, не рѣдко играетъ роль настоящаго *deus ex machina*, развязывающаго слишкомъ туго затянувшійся узелъ интриги, какъ видимъ мы это опять таки на примѣрѣ Критона. Въ нашемъ же случаѣ ничего подобнаго нѣтъ, ибо завязка оказывается уже распутанной къ приходу Хэрестрата, и ему остается одно — давать свободу Онисиму и Габротононъ, какъ будто этого не могла сдѣлать сама Памфила или Харисій.

Однимъ словомъ, я считаю, что Хэрестратъ, другъ Харисія, въ домѣ котораго послѣдній временно проживаетъ, во-все не участвовалъ въ дѣйствіи нашей пьесы: онъ былъ отсутствующимъ лицомъ²⁾, имя котораго понадобилось поэту

1) Коерте², о. с., XXIX. Что касается до Jensen'a (о. с., 553), то онъ думаетъ, что Хэрестратъ не только отпускаетъ на волю Онисима и Габротононъ, но и связываетъ ихъ узами брака. Такъ же думаетъ теперь и Vollgraff. См. *Berl. phil. Wochenschrift. Sonderheft*, (1912), 1594.

2) Впервые предположилъ это Б. В. Варнеке, *Новыя комедіи Менандра*, 98, а затѣмъ ту-же мысль развилъ Ниппергз, о. с., 354 sqq.

лишь для того, чтобы объяснить, къ кому и за чѣмъ пришелъ Сирискъ, персонажъ играющій важную роль въ комедіи, а также для того, чтобы помѣстить подъ кровлей Хэрестрата Харисія, временно отдалившагося отъ своей жены, Памфилы. На случай же, если эти мои соображенія покажутся недостаточно убѣдительными, я могу сослаться на слѣдующее. Не каждое собственное имя, приводимое въ той или другой комедіи, указываетъ на то, что персонажъ, его носящій, принималъ непремѣнное участіе въ дѣйствіи. Такъ, напр., въ самомъ концѣ „Отрѣзанной косы“ Менандра (ст. 447) упоминается Филинъ, на дочери котораго Патэкъ хочетъ женить своего сына, Мосхіона. Но это вовсе не значитъ, что Филинъ игралъ какую нибудь роль въ пьесѣ. Равнымъ образомъ, въ концѣ *Heautontimorumenos* Теренція (ст. 1065) Хреметъ говоритъ Клиніи, что онъ нашелъ для него невѣсту въ лицѣ дочери нѣкоего Архонида. Однако этотъ Архонидъ нигдѣ въ пьесѣ не выступаетъ : его имя взято просто на просто, какъ первое попавшееся имя, нужное поэту для его цѣлей. Наконецъ, въ „Евнухъ“ того-же Теренція юноша Херея говоритъ рабу Парменону (ст. 327), что ему при выслѣживаніи приглянувшейся дѣвушки помѣшалъ родственникъ и однолѣтокъ его отца, Архименидъ, — лицо, которое не появляется въ пьесѣ и о которомъ больше нигдѣ не говорится. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ ясно, что и Хэрестратъ могъ быть такимъ же отсутствующимъ лицомъ, вовсе не замѣшаннымъ въ дѣйствіе пьесы и въ ней отнюдь не выступавшимъ.

Но коль скоро я держусь подобнаго мнѣнія, я не могу, конечно, согласиться и съ тѣмъ, что слово, начинающее собой стихъ 512, надо читать, какъ *X[ai]q[éste]at'*. Въдѣ съ такимъ же правомъ могло стоять здѣсь и *χ[αρίεστ]at'*, какъ думаетъ это Croiset¹⁾. Итакъ, дополненіе, предложенное Sudhaus'омъ, я считаю недостаточно обоснованнымъ, а для себя лично и совсѣмъ неприемлемымъ. Съ другой же стороны я не могу раздѣлить и обычнаго взгляда на гестъ обрывка Q, какъ на остатки діалога, ибо прежде, чѣмъ насиловать рукописное преданіе, говорящее противъ этого, нужно еще убѣдиться въ томъ, что это преданіе, дѣйствительно оши-

1) Croiset, o. e., 82.

бочно, чего я, напр., не вижу. Къ тому же нѣсколько страннымъ кажется мнѣ и то, что рукопись, которая съ рѣдкой послѣдовательностью проводитъ принципъ обозначенія смѣны дѣйствующихъ лицъ черезъ параграфы и двоеточіе, — что эта рукопись почему-то измѣнила своему принципу какъ разъ по отношенію къ тексту обрывка Q, превративъ его такимъ образомъ изъ діалога въ монологъ! Однимъ словомъ, я, вслѣдъ за Croiset¹⁾, смотрю на текстъ, сохраненный обрывкомъ Q, какъ на остатки монолога; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ противоположность французскому ученому, я не могу видѣть въ этихъ остаткахъ слова Памфилы, обращенныя ею къ Онисиму, ибо противъ подобнаго взгляда говоритъ, во-первыхъ, грубоватый тонъ монолога, а во-вторыхъ, его заключительныя слова, изъ которыхъ, если брать дополненіе Croiset²⁾, какъ будто слѣдуетъ, что Памфила хочетъ не то повидать, не то перенести къ себѣ ребенка, какъ будто всего этого она не могла сдѣлать раньше (ср. ст. 443—456).

Что же касается до меня, то, на мой взглядъ, лицомъ, произносящимъ монологъ, будетъ никто иной, какъ Онисимъ³⁾, разсуждающій самъ съ собой о томъ, что выпало на его долю благодаря благополучному окончанію дѣла съ кольцомъ и съ найденнымъ. А такъ какъ лакуна между обрывками U и Q можетъ быть лишь очень и очень незначительной, то я думаю, что ст. 511 слл. (recto обр. Q) является своего рода продолженіемъ ст. 510₄—510₆ (recto обр. U), или, иначе, что съ этихъ послѣднихъ стиховъ начинался повѣствовательный монологъ Онисима, переходившій затѣмъ послѣ лакуны на обрывокъ Q.

Но разъ мы думаемъ такъ, намъ придется внести кое-какія измѣненія и въ самый текстъ отрывка, причемъ эти измѣненія сведутся къ очень небольшому и почти не затро-

1) Croiset, о. с., 82.

2) Ср. Croiset, о. с., 82:

*καὶ πρῶτον αὐτὴν κατὰ μὲν [αὐτὴν] λαβὼν ἑγὼ
τὸν φίλτατον καὶ τὸν γλυκύτατον [οὐ παῖδ' ἐμὸν]
[φέρειν σὺν αὐτῇ βούλομαι εἰς τὴν οἰκίαν].*

3) Carps (о. с., 116) тоже вкладываетъ ст. 511—516 въ уста Онисима, но затѣмъ у него начинаетъ говорить Хэрестратъ который и произноситъ ст. 517—519.

нужно дополнений Koerte, если не считать того, что диалог должен будет принять форму слѣдующаго монолога:

[ὦ, νῆ τὸν Ἀπόλλω καὶ θεοὺς, πόλλ' εἶπε μοι] ¹⁾
 χαρίεσται' ἦδε · τὸ μετὰ ταῦτα φροντιῶ] ²⁾
 ὅπως [δια]μενεῖς ὦν Χαρισίω [σὺ γε] ³⁾
 οἴσπερ ἦσθα πιστός . οὐ γὰρ ἐστ' ἄφρον] ⁴⁾
 ἐταιρίδιον τοῦτ' οὐδὲ τὸ τυχόν [ἐπλάσαστο.] ⁵⁾ 515
 σπουδῇ δὲ καὶ παιδάριον ἦδ' ἐ[γνώρισεν.] ⁶⁾
 ἐλευθέροσ, πᾶξ · μὴ βλέποιμ', εἰ προσεδόκων.] ⁷⁾
 καὶ πρῶτον αὐτὸν κατὰ μόνα[σ ὁρᾷν θέλω] ⁸⁾
 τὸν φίλτατον καὶ τὸν γλυκύτατον [ὡς δεσπότην.] ⁹⁾

Т. е.:

Клянусь богами я, клянуся Аполлономъ,
 Не мало сладкихъ словъ сказала мнѣ она:
 „Отнынѣ буду я смотрѣть за тѣмъ, чтобъ вѣренъ
 Ты былъ Харисію, какъ раньше былъ“. — Ей, ей,
 Гетера не глупа, придумала все складно, 515
 Такъ дѣло сладила, что признано дитя! —
 Ишь ты, свободенъ я! Не ожидалъ, ей богу! —
 Страсть какъ мнѣ хочется сейчасъ наединѣ
 Увидѣть барина, голубчика, родного! ¹⁰⁾

Итакъ, мы считаемъ, что эти слова говорилъ Онисимъ

1) ὦ, νῆ τὸν Ἀπόλλω Robert; καὶ θεοὺς, πόλλ' εἶπε μοι Cereteli.

2) χαρίεσται' Croiset; φροντιῶ Cereteli.

3) σὺ γε Sudhaus.

4) οἴσθα par.; ἦσθα Arnim; ἄφρον Koerte.

5) ἐπλάσαστο Koerte.

6) ἐγνώρισεν Hense.

7) βλέποιμ', εἰ προσεδόκων Koerte.

8) ὁρᾷν θέλω Koerte; αὐτὴν par.: αὐτόν Lefehvre.

9) δεσπότην Cereteli.

10) За послѣднее время ст. 512 слл. подверглись новой трактовкѣ со стороны Vollgraffa, который, подобно остальнымъ ученымъ, видитъ въ нихъ диалогъ Хэрестрата и Онисима, съ чѣмъ я согласиться не могу. Равнымъ образомъ не могу я одобрить и слѣдующаго дополненія ст. 514—516:

οὐ γὰρ ἐστ' ἀπλῶς
 ἐταιρίδιον τοῦτ' οὐδὲ τὸ τυχόν [παλγνιον],
 σπουδῇ δὲ καὶ παιδάριον ἦδε [θρέψεται].

Особенно же подозрительно мнѣ слово *παλγνιον*, которое Vollgraff переводитъ черезъ „(nettes Ding), an dem man eine Welle seine Freude haben mag“. См. Vollgraff, Berl. phil. Wochenschrift. Sonderheft (1912), 1594 сл.

и говорилъ ихъ притомъ одинъ, такъ какъ его собесѣдникъ уходилъ со сцены послѣ стиха 510₃. Но кто же былъ собесѣдникомъ Онисима, если имъ не могли быть ни Хэрестратъ, ни Памфила? Мнѣ кажется, что этимъ собесѣдникомъ была Габротононъ, выходившая въ началѣ четвертаго акта отъ Харисія и сообщавшая Онисиму, который въ этотъ моментъ вступалъ на сцену, о томъ, что все уладилось, что она сама получила вольную и что такая же вольная ждетъ и Онисима, — извѣстіе, по поводу котораго Онисимъ и произносилъ свой монологъ, чтобы затѣмъ идти къ Харисію, находившемуся при Памфилѣ и ея ребенкѣ.

Я не знаю, конечно, убѣдительно ли послѣдняя часть моей гипотезы и подходит ли она подъ понятіе *τὸ εἶδος*, но вмѣстѣ съ тѣмъ я увѣренъ, что ст. 511 слл. могутъ быть разсматриваемы только, какъ часть монолога Онисима и что, съ другой стороны, Хэрестратъ не игралъ и не могъ играть никакой роли въ нашей пьесѣ, какъ думали это раньше.

Значитъ, согласно нашему мнѣнію, четвертый актъ начинался съ діалогической сценки, которая переходила затѣмъ въ монологическую, причемъ дѣйствующими лицами въ этихъ сценкахъ были Онисимъ и Габротононъ. Но этимъ предположеніемъ и ограничивается всё, что мы можемъ сказать по поводу начала акта, ибо вслѣдъ за ст. 519 снова открывается лакуна и, притомъ, очень значительная, равняющаяся, какъ думаетъ Koerte, 70 строкамъ или, иначе, двумъ страницамъ. Ввиду громадности лакуны, а также благодаря полному отсутствію какихъ бы то ни было данныхъ, на которыя можно было бы опереться, мы принуждены отказаться отъ всякой попытки восстановленія утраченной части акта. Мы можемъ предположить только, что она должна была заключать въ себѣ цѣлый рядъ дополнительныхъ эпизодовъ, являвшихся своего рода прелюдіей къ стихамъ 521 — 591, въ которыхъ выступалъ Смикринъ, единственный персонажъ комедіи¹⁾, еще не посвященный во всё происшедшее. И дѣйствительно, послѣ своего разрыва съ зятемъ и столкно-

1) Что касается до Сириска, то мыслимо, конечно, что на его долю выпадала какая нибудь роль въ утраченной части четвертаго акта, хотя съ другой стороны нельзя не отмѣтить и того, что его появленіе здѣсь вовсе не было чѣмъ-то обязательнымъ. Насколько я понимаю, роль этого персонажа могла ограничиваться только первой частью пьесы, а именно, частью

венія съ дочерью, онъ какъ бы отсталъ отъ поступательнаго движенія событій, и они успѣли разыгаться во всю прежде, чѣмъ онъ вернулся изъ города и принялъ въ нихъ участіе. Такимъ образомъ, только онъ одинъ продолжалъ находиться во власти гнѣва на Харисія и страха за свои деньги, т. е., во власти прежнихъ ощущеній, которымъ, казалось, не предвидѣлось и конца. Что же касается до всѣхъ остальныхъ, то они уже не стояли передъ лицомъ неизвѣстности: всѣ ихъ волненія кончились, и они могли спокойно дожидаться возвращенія Смикрина, который и не подозрѣвалъ о возможности того, что случилось, ибо слухи объ этомъ еще не успѣли дойти до него.

Правда, Croiset²⁾ думаетъ, что Харисій и Памфила, дабы наказать ворчливаго старика, отправляли за нимъ Софрону, которая должна была рассказать о томъ, что Харисій взялъ къ себѣ свою жену, и которая въ то-же время должна была посовѣтовать ему не раздражаться на это. То есть, иными словами, Croiset предполагаетъ, что Памфила и Харисій устраивали противъ Смикрина настоящій заговоръ и что изложенію этого заговора была посвящена одна изъ сценокъ въ самомъ началѣ акта. Но это предположеніе кажется мнѣ довольно неестественнымъ и слишкомъ уже придуманнымъ, тѣмъ болѣе, что противъ него говоритъ, повидимому, и самый текстъ, идущій за лакуной, въ частности же стихи 522—530. И дѣйствительно, изъ этихъ стиховъ вовсе не видно, чтобы Смикринъ былъ ознакомленъ съ фактомъ нахожденія Памфилы у Харисія. По крайней мѣрѣ, онъ не упоминаетъ объ этомъ и если говорить о чемъ, то лишь о своемъ намѣреніи увести дочь отъ ея расточительнаго мужа. Да и вообще вся сценка, въ которой Смикринъ обращается къ Софронѣ, производитъ такое впечатлѣніе, точно онъ ведетъ Софрону изъ своего дома и притомъ съ очень опредѣленной цѣлью: она должна убѣ-

подготовительной, той частью, гдѣ возникаетъ исторія съ кольцомъ и съ найденнымъ. Для дальнѣйшаго же развитія дѣйствія Сирискъ являлся лицомъ ненужнымъ, и если снѣ все таки выступалъ въ четвертомъ актѣ, то только для того, чтобы, наравнѣ съ Онисимомъ и Габротононъ, получить свободу и убѣдиться въ томъ, что ребенокъ, котораго онъ спасъ, на самомъ дѣлѣ знатнѣе его, какъ онъ и предполагалъ это раньше.

2) Croiset, о. с., 83.

дить Памфилу согласиться на разводъ. Ввиду этого гораздо проще думать такъ, какъ думаетъ Koeigie, а именно, что въ началѣ третьяго акта Смикринъ уходилъ въ городъ, дабы привести оттуда Софрону; въ четвертомъ же актѣ онъ возвращался съ нею, причемъ изъ его словъ ясно, что по дорогѣ Софрона старалась отговорить его отъ принятаго имъ плана, что приводило его въ раздраженіе и было причиной тѣхъ рѣзкостей и угрозъ, которыми онъ и осыпаетъ старуху, не отвѣчающую ему ни слова. Итакъ, я оставляю въ сторонѣ гипотезу Croiset, хотя и понимаю, почему онъ долженъ былъ ее выставить. Въдѣ у него Софрона принимаетъ участіе въ дѣйствіи пьесы¹⁾ и между прочимъ ведетъ тотъ самый разговоръ съ Габротономъ (ст. 452 слл.), который, какъ это доказано теперь Jepsen'омъ, ведетъ на самомъ дѣлѣ не она, но Памфила. А такъ какъ, съ другой стороны, изъ стиховъ 522 слл. вытекаетъ, что Смикринъ приходитъ какъ разъ съ Софроной, то Croiset и надо было предварительно отослать Софрону къ нему, чтобы объяснить этимъ ихъ совмѣстное появленіе въ концѣ комедіи, что въ противномъ случаѣ было бы не совсѣмъ ясно. Я же считаю, что Софрона не принимала участія въ дѣйствіи пьесы вплоть до ея послѣдняго акта и что она была лицомъ, нужнымъ только для развязки, но вовсе не нужнымъ для того, чтобы выступать раньше въ качествѣ болѣе или менѣе отвѣтственного персонажа. Въ подобномъ же взглядѣ на Софрону укрѣпляетъ меня между прочимъ и то обстоятельство, что съ уничтоженіемъ возможности ея выхода въ сценкѣ съ Габротономъ, исчезаетъ, кажется, всякій поводъ къ ея выходу въ послѣдствіи, если не считать заключительнаго акта, гдѣ она появляется въ качествѣ спутницы Смикрина, чтобы своими словами, словами лица особенно близкаго къ Памфилѣ²⁾, разсѣять послѣднія сомнѣнія старика и поставить, такъ сказать, точку надъ всѣмъ, что когда-то было (ст. 583 слл.).

1) См. Croiset, о. с., 66 sqq.

2) Robert (о. с., 1) совершенно напрасно хочетъ видѣть въ Софронѣ жену Смикрина. Гораздо правильнѣе будетъ считать ее за няню Памфила, т. е., за рабыню, тѣмъ болѣе, что имя „Софрона“, какъ имя *τροφῶν*, встрѣчается въ Eupichus и Phormio Теренція, а также въ „*Πρωτ*“ Менандра и въ *Pastoralia* Лонга (IV, 21, ed. Seiler). См. стр. 64, 2, а также Б. В. Варнеке, о. с., 98.

Переходимъ теперь къ сохранившейся части четвертаго акта, которая начинается съ двухъ стиховъ, стоявшихъ, по-видимому, въ тѣсной связи съ тѣмъ текстомъ, на мѣстѣ котораго тянется теперь вышеупомянутая нами лакуна въ 70 строкъ (ст. 520—521):

οὐφρονα · τοιαυτοὶ γὰρ οὐκ ἀπέσχετ' αὖ
ἐκείνοσ εἶ τοῦτ' οἶδ' , ἐγὼ δ' ἀφ᾽ ἑσομαι.

По мнѣнiю Koerte¹⁾, Robert'a²⁾ и Carps'a³⁾ эти слова, произносимыя уходящимъ со сцены Хэрестратомъ, имѣютъ въ виду Габротононъ, а потому и должны быть переводимы, приблизительно, такъ: „онъ не сумѣлъ бы воздержаться отъ подобной женщины, я же сумѣю“⁴⁾. Такой переводъ былъ бы, конечно, вполнѣ правиленъ, если бы только мы могли быть увѣрены въ томъ, что при *τοιαυτοὶ* надо подразумѣвать *γυναικὸς*, ибо глаголь *ἀπέσχεσθαι* очень часто ставится въ эротическомъ смыслѣ, въ смыслѣ лат. *tapus abstinere*, какъ правильно отмѣчаетъ это Carps (о. с., 118, прим.). Но, помимо этого спеціальнаго значенiя, онъ имѣетъ и другое, болѣе широкое, а именно: „воздерживаться отъ чего либо“, будь то мысли, поступки, настроенiя и т. д., причемъ очень возможно, что какъ разъ такой смыслъ и былъ приданъ ему въ ст. 520—521, которые въ своемъ настоящемъ, изолированномъ положенiи остаются для насъ несомѣлными ясными. Ясно только одно, что ихъ произносилъ персонажъ, оставившiй сцену; но опредѣлить съ точностью, кто былъ этимъ персонажемъ и къ кому относились его слова, безусловно немислимо⁵⁾. Я упомяну только для полноты изложенiя, что, по

1) Koerte², о. с., XXIX и 38.

2) Robert, о. с., 91.

3) Carps, о. с., 118.

4) Отмѣчу только, что если относить стихи 520—521 къ Хэрестрату, то получается довольно курьезная ситуацiя, а именно: Хэрестратъ уводитъ съ собой Габротононъ, дабы спасти Харисiя отъ возможности впасть въ искушенiе!

5) Я отказываюсь отъ своего прежняго мнѣнiя, согласно которому ст. 520—521 должны были произноситься Софроной: это мнѣнiе покоится на невѣрномъ пониманiи текста и на невѣрномъ его переводѣ! См. Церетели, Новооткрытая комедiя Менандра *Ἐπιτρέποντες* (= Журн. Мин. Нар. Просв., 1908, октябрь, отд. класс. фил., 39, отд. отт.).

мнѣнію Croiset¹⁾, эти слова говорилъ Харисій, желавшій выразить ту мысль, что хотя онъ и могъ бы отплатить своему тестю за всѣ его оскорбленія, онъ рѣшился воздержаться отъ этого, чего на его мѣстѣ Смикринъ бы ни въ коемъ случаѣ не сдѣлалъ. Какъ бы то ни было, когда лицо, говорившее загадочные для насъ стихи 520—521, уходило со сцены, на ней появлялся Смикринъ, сопровождаемый Софроной, и появлялся, конечно, въ своемъ обычномъ, т. е. раздраженномъ состояніи, волнуемый притомъ вѣчными думами о деньгахъ, яко-бы расточаемыхъ Харисіемъ, и о необходимости увести Памфилу, дабы такимъ образомъ спасти хотя бы остатки ея приданого. Этимъ приходомъ Смикрина и открывалось новое явленіе, которое сохранилось въ рукописи полностью и которое можно было бы перевести такъ:

Смикринъ.

- Н₃ Коль я не разобью башки твоей, Софрона,
Пусть пропаду совсѣмъ! Ты будешь мнѣ читать
Нравоученья? Ты, негодная старуха?
Съ увозомъ дочери я, видишь ли, спѣшу! 525
- (525) Иль ждатель, по твоему, пока зятекъ почтенный
Приданого не съѣлъ? Иль о своемъ добрѣ
Балясы съ нимъ точить? И лѣзть съ такимъ совѣтомъ!
Нѣтъ, лучше мнѣ спѣшить! Ни слова, а не то —
Завоеешь у меня! — И я съ Софроной спорю! 530
- (530) Увидишь дочь мою, — изволь уговорить!
А какъ пойду домой — пусть счастья мнѣ не будетъ,
Коль я — ты видѣла болото на пути? —
Коль я не продержу тебя всю ночь въ болотѣ!
Тамъ и скапутишься! Заставлю я тебя 535
- (535) Не возражать ни въ чемъ, не спорить! (Про себя).
Постучаться
Мнѣ надо въ дверь: она закрыта! (Стучить къ Харисію).
Рабъ, рабы,
Ну, отпирайте мнѣ! Рабы, оглохли что-ли?

1) Croiset, o. c., 84:

Хар. [Τιμωρίαν δ' ἀφείσ' ἔσθην δείξω με δὴ]
σώφρονα · τοιαυτοὶ γὰρ οὐκ ἀπέσχετ' ἄν
ἐκεῖνος, ἐν τούτῳ δ' ἐγὼ δ' ἀφέξομαι.

[Дверь дома медленно отворяется и на порогъ ея показывается Онисимъ. Въ немъ не замѣтно прежней растерянности; онъ спокоенъ, важенъ и торжествененъ; видно, что буря, которой онъ боялся, не принесла ему ни малѣйшаго вреда, и что онъ снова обрѣлъ свою прежнюю самоувѣренность.]

О н и с и м ъ.

Кто это въдверь стучить? — Ахъ, это самъ Смикринъ,
Сердитый, жалуется за дочерью своею 540
(540) И... за приданымъ!

С м и к р и н ъ.

Да, треклятый!

О н и с и м ъ.

Что-жъ, тому,

Кто деньгамъ счетъ ведетъ и разумомъ блистаетъ,
Къ лицу весь этотъ спѣхъ...

С м и к р и н ъ.

Гераклъ, вѣдь и разбой¹⁾

Совсѣмъ особенный! О демоны, о боги!

О н и с и м ъ.

Неужли у боговъ есть время для того, 545
(545) Чтобъ каждый день имѣть про каждого въ запасъ
Добро и зло, Смикринъ?

С м и к р и н ъ (недоумѣваяюще).

Что хочешь ты сказать?

О н и с и м ъ (наставительно).

Я поясню сейчасъ. — Всѣхъ городовъ примѣрно
Найдется съ тысячу. А въ каждомъ тысячь тридцать

1) Въ текстѣ стоитъ: τὸ θ' ἄρπασι, 'Ἠράκλειος, | θάρματόν οἱον. Эти слова van Leeuwen² (о. с., 67), Capps (о. с., 121) и Vollgraff, Berl. phil. Wochenschrift, Sonderheft (1912), 1595, вкладываютъ, вопреки указанію рукописи, въ уста Онисима, причемъ Vollgraff, какъ мнѣ кажется, безъ достаточныхъ на то оснований, усматриваетъ въ нихъ „einen spottenden Ton“, яко бы не подходящий къ раздраженному Смикрину. Что же касается до пониманія слова ἄρπασι, то я вслѣдъ за Bodin-Mazon (о. с., 311) и Legrand (о. с., 221) перевожу его словомъ „разбой“, и вижу въ немъ ни что иное, какъ намекъ со стороны Смикрина на расточительность Харисія.

Живетъ людей. И вотъ приходится богамъ 550
(550) Губить и миловать всѣхъ безъ остатка...

Смикринъ.

Враки! ¹⁾

Вѣдь выйдетъ, что у нихъ не жизнь, а вѣчный трудъ!

Онисимъ.

„Но если не они заботятся, то — кто же?“

Ты спросишь. — Въ каждого вѣдрили нравъ они

Начальникомъ. Однихъ онъ въ порошокъ стираетъ, 555

(555) Коль худо съ нимъ они обходятся, другихъ —

Блюдетъ и милуетъ. Нашъ нравъ — вотъ кто
нашъ богъ!

Н₄ И счастье и бѣда, — всё отъ него зависитъ,

Его и ублажай, не дѣлая притомъ

Ни зла, ни глупости, коль хочешь быть счастливымъ! 560

Смикринъ.

(560) Такъ, стало быть, теперь мой нравъ дурить, подлецъ?

Онисимъ.

Нѣтъ, губить онъ тебя . . .

Смикринъ.

Ты что-то разошелся!

Онисимъ.

А развѣ хорошо, что дочь свою, Смикринъ,

Отъ мужа ты берешь?

Смикринъ.

Я говорить не стану,

Что это хо-ро-шо! Такъ нужно!

Онисимъ.

Вотъ-те на!

565

1) Ст. 550—551 я, согласно рукописи, считаю за слова Смикрина. Напротивъ того, Koerte ² (о. с. 39), слѣдуя указанію Richards'a, относитъ ихъ къ рѣчи Онисима, что между прочимъ рекомендуется и Vollgraff'омъ въ его „Menandrea“, 70, 1.

- (565) Онъ нужнымъ зло призналъ! Ну, кто иной толкаетъ
 Къ гибели его, какъ не безумный нравъ!
 На этотъ разъ тебя, хоть ты задумалъ злое,
 Случайность сберегла, и въ домѣ ты найдешь
 И миръ и тишину и прекращенье ссоры. 570
- (570) Но берегись, Смикринъ, чтобъ не попасться вновь
 На прежней глупости! Сегодня же прощаемъ
 Мы всѣ твои грѣхи. Входи . . . и поласкай
 Внученка своего!

Смикринъ.

Внученка? Подлый рабъ!

Онисимъ.

- Считался умникомъ, а вышелъ крѣпколобымъ! 575
- (575) Дочь зрѣлую держалъ онъ подъ замкомъ, — и вотъ,
 О чудо изъ чудесъ! У насъ явился крошка,
 Да пятимѣсячный!

Смикринъ.

Я не пойму!

Онисимъ.

Зато

Старуха поняла, навѣрное! — Мой баринъ
 На Таврополіяхъ —

Смикринъ.

Софрона!

Онисимъ.

Овладѣлъ 580

- (580) Твоей красавицей, вдали отъ хоровода
 Бродившей, — въ толкъ берешь мои слова?

Смикринъ.

Беру.

Онисимъ.

И вотъ она его . . . признала, онъ — еѣ,
 И всё наладилось.

Смикринъ (обращаясь къ Софронъ).

О чемъ онъ это, вѣдьма?

Онисимъ (торжественно).

„Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно! 585
(585) Удѣлъ жены родить“.

Смикринъ:

Дуракъ, да что съ тобою?

Онисимъ.

Коль не поймешь меня, тебѣ прочту, Смикринъ,
Изъ „Авги“ монологъ¹⁾.

Смикринъ.

Вся кровь во мнѣ вскипаетъ
Отъ тона этого. — Должно быть, знаешь ты,
Про что онъ говорить?

Софрона.

О да, конечно знаю! 590
Старуха поняла, въ чемъ дѣло, раньше всѣхъ!

Смикринъ.

(590) Сплошныя чудеса! Но если это — правда,
То счастья бѣльшаго и въ мірѣ не найти!

1) При распредѣленіи ст. 585—588 между дѣйствующими лицами я слѣдую van Leeuwen'у, который влагаетъ цитату изъ Еврипида (ст. 585 сл.), а также угрозу прочесть монологъ изъ „Авги“ въ уста Онисима. Что до Koerte, то онъ относитъ всё это къ Софронъ. Но мнѣ кажется, что это невѣрно, ибо, какъ говоритъ Vollgraff, „wie sollte eine Amme eine *ῥῆσις* aus Euripides auswendig wissen?“ Наоборотъ, въ устахъ Онисима всякія цитаты и поученія будутъ вполне на мѣстѣ: вѣдь онъ представляетъ собой чело-вѣка „образованнаго“, знакомаго даже съ философіей Эпикура! Зато я сомнѣваюсь въ необходимости дѣлить ст. 582 и 586 такъ, какъ дѣлитъ ихъ Vollgraff. А именно, Vollgraff думаетъ, что въ ст. 582 слова: *ἀλοθάγει γέ*, а въ ст. 586 слово: *τί* надо относить къ Смикрину, тогда какъ слова: *ναί* (ст. 582) и *μῦθος ἐ?* (ст. 586) произносятся Софроной. Правда, при такомъ дѣленіи стиховъ діалогъ получаетъ больше живости, да сверхъ того Софронъ удѣляется въ немъ больше мѣста, но мнѣ кажется, что одного этого еще недостаточно, а потому я считаю возможнымъ удержать при переводѣ то распредѣленіе, котораго держится Koerte. См. Vollgraff, Berl. phil. Wochenschrift, Sonderheft (1912) 1595.

Пьеса въ своемъ настоящемъ видѣ обрывается этимъ радостнымъ восклицаніемъ Смикрина, который, откинувъ свою прежнюю мрачность и злость, начинаетъ превращаться въ нѣжнаго дѣдушку и, повидимому, готовъ исполнить недавній совѣтъ Онисима, предлагавшаго ему поласкать внука.

Такимъ образомъ, мы стоимъ почти у самаго конца пьесы. Недостаешь, по всей вѣроятности, какой нибудь маленькой заключительной сценки, которая могла быть выдержана, приблизительно, въ томъ же духѣ, въ какомъ выдержана соотвѣтствующая сцена въ „Отрѣзанной костѣ“, и которая представляла собой ничто иное, какъ торжественный моментъ общей радости, общаго восторга. Всѣ только что пережитыя тревоженія забывались, всё темное и скучное уходило на задній планъ, и недавніе враги, тестъ и зять, снова дѣлались друзьями благодаря ребенку, который изъ бѣднаго найденыша превращался въ желаннаго для всѣхъ продолжателя рода и въ законнаго наслѣдника всѣхъ Смикриновскихъ сокровищъ. Однимъ словомъ, колесо Судьбы поворачивалось въ сторону счастья, котораго еще недавно не ожидало ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы и начало которому положилъ, самъ того не вѣдая, Смикринъ, присудивній ребенка и всѣ его *унаследованія* Сириску!

6.

Намѣтивъ въ общихъ чертахъ возможный ходъ дѣйствія пьесы и приложивъ въ переводѣ сохранившуюся часть ея текста, мы выполнили первую половину нашей задачи. Теперь намъ нужно переходить къ разбору цѣлаго ряда другихъ вопросовъ, а именно: къ характеристикѣ выступающихъ въ пьесѣ персонажей, къ выясненію частичной зависимости „Третьейскаго суда“ отъ трагедіи, къ тѣмъ социальнымъ и философскимъ взглядамъ, которые въ немъ затронуты и, наконецъ къ нѣкоторымъ подробностямъ его структуры, въ частности же къ той роли, которую игралъ въ немъ и вообще въ „новой“ комедіи хоръ.

Обратимся сперва къ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ и начнемъ эту характеристику съ женскихъ типовъ, среди которыхъ наиболѣе оригинальнымъ и интереснымъ будетъ типъ арфистки Габротононъ, — типъ обычной гетеры, разсмотрѣнный однако не съ обычной точки зрѣ-

нія и превращенный благодаря этому въ нѣчто новое, намъ до той поры неизвѣстное.

Гетера, какъ одинъ изъ комическихъ персонажей, начинается свое выступленіе со временъ древней комедіи, въ частности, со временъ Аристофана. Однако, если судить по сохранившимся пьесамъ послѣдняго, то роль гетеры, будь то арфистка или простая *megērix*, не принадлежала къ числу первенствующихъ ролей, на которыхъ сосредоточивалось главное дѣйствіе той или другой пьесы. Гетера, какъ такая, выступала обыкновенно въ качествѣ дополнительнаго аксессуара, необходимаго для участія въ заключительныхъ сценкахъ фривольнаго характера, въ сценкахъ, которыя давали картинки ничѣмъ не сдерживаемой грубой чувственности. По крайней мѣрѣ, такое мѣсто отводится гетерамъ въ „Ахарнянахъ“, гдѣ Дикэополь показывается передъ зрителями въ сопровожденіи двухъ женщинъ легкаго поведенія, причемъ эти женщины представляютъ собой *καφά πρῶβωλα* (ст. 1198 сл.). То-же самое видимъ мы и въ „Осахъ“, въ томъ пассажѣ изъ нихъ, гдѣ Филоклеонъ совершаетъ свое торжественное вступленіе на сцену вмѣстѣ съ арфисткой, по поводу которой завязывается у него потомъ довольно нецензурная бесѣда съ Бделиклеономъ (ст. 1335 сл.). Не иную картинку даетъ, наконецъ, и та сценка изъ „Θεσμοφορίазυς“, гдѣ скиѳскій стрѣлокъ, сторожащій Мнесилоха, упускаетъ своего плѣнника изъ за приглянувшейся ему куртизанки (ст. 1175 сл.). Но во всѣхъ этихъ пьесахъ выводимыя на сцену гетеры играютъ чисто пассивную роль: не участвуя сами въ дѣйствіи, онѣ служатъ лишь предлогомъ или мишенью для нецензурныхъ выходокъ другихъ персонажей. Только въ однихъ „Ἐκκλησιαζυς“ гетерѣ предоставляется, хотя и маленькая, но довольно изящная роль, содержаніе которой сводится сперва къ спору со старухой, ищущей физическаго наслажденія, а затѣмъ къ зазыванію юноши, причемъ по этому поводу завязывается между гетерой и юношей своего рода діалогъ, въ которомъ на пѣсенку гетеры юноша отвѣчаетъ настоящей серенадой, настоящимъ *παράλαιοιδύριον* (ст. 950 сл.). Этими примѣрами и исчерпывается, пожалуй, все то, что мы знаемъ о роли гетеры въ древней комедіи, тѣмъ болѣе, что никакихъ положительныхъ результатовъ нельзя извлечь по этому поводу и изъ тѣхъ фрагментовъ, которые

сохранились отъ пьесъ другихъ комиковъ Аристофановскаго времени¹⁾. Во всякомъ случаѣ ясно одно, — что гетера, какъ отдѣльный персонажъ, не привлекала къ себѣ особеннаго вниманія со стороны представителей *ἀρχαία κομῳδία*: у нихъ были другіе, болѣе широкіе интересы, а потому останавливаться на гетерѣ, какъ на центральномъ типѣ, они не считали для себя нужнымъ! Она играла въ ихъ произведеніяхъ роль, не болѣе значительную, чѣмъ цѣлый рядъ другихъ третьестепенныхъ лицъ, нужныхъ для общаго антуража, но вовсе не интересныхъ для детальной обработки.

Зато совсѣмъ иное положеніе заняла гетера въ „средней“ комедіи, гдѣ ей удалось выдвинуться на первый планъ, тѣмъ болѣе, что, говоря словами Quizot²⁾, „au temps de la comédie moyennne, ce n'étaient les démagogues qui regnaient, c'étaient les courtisanes et les philosophes; ce n'était plus des intérêts publics, de la guerre et de la paix, du sénat, des chevaliers et de l'assemblée, que s'occupait surtout la foule, mais des idées et des voluptés“. И дѣйствительно, даже при самомъ бѣгломъ просмотрѣ отрывковъ „средней“ комедіи мы замѣчаемъ, что громадное количество относящихся къ ней пьесъ, если судить по ихъ заглавіямъ, занимается вопросомъ о куртизанкахъ, причемъ беретъ этотъ вопросъ не только отвлеченно, но и въ приложеніи къ опредѣленнымъ личностямъ, пользовавшимся въ то время извѣстностью. Благодаря этому мы то и дѣло встрѣчаемся съ пьесами, носящими имя или одной или другой гетеры³⁾, съ пьесами, въ которыхъ, если судить по отрывку изъ *Νεοττία* Анаксила⁴⁾, критиковались и выставлялись на видъ разныя отрицательныя качества извѣстныхъ гетеръ, какъ то ихъ жадность, безсердечность, лживость и т. д., или же, если мы возьмемъ *Ἰσοστάσιον* Алексиды⁵⁾, разнаго рода ухищренія, къ которымъ прибѣгаютъ онѣ для улавливанія въ свои сѣти мужчинъ и которыя сводились къ своего рода специальной тренировкѣ, имѣ-

1) См. по этому поводу Б. В. Варнеке, Наблюденія надъ древнеримской комедіей (Казань 1905), 79, 5.

2) G. Quizot, Ménandre (Paris 1885), 113. Ср. также Denis, La comédie grecque (Paris 1886), II, 376 сл.

3) Достаточно будетъ указать на *Μαλθακή*, *Μέλισσα*, *Νεοττία*, *Φιλωτία*, *Χρυσία* Антифана, на *Ἰσοστάσιον*, *Παμφίλη* Алексиды, на *Ἀντίλα* Эпикрата.

4) Anaxil. fr. 22 (= Коск, о. с., II, 270).

5) Alex. fr. 98 (= Коск, о. с., II, 329).

ющей цѣлью скрывать физическіе недостатки и, наоборотъ, выставлѣть на видъ физическія достоинства. Такимъ образомъ, насколько я понимаю, разработка типа гетеры шла въ „средней“ комедіи въ двухъ направленіяхъ: отчасти навелась критика на ту или другую извѣстную всѣмъ куртизанку, отчасти же обрисовывался, пусть даже въ самыхъ общихъ чертахъ, типъ куртизанки вообще, опредѣленный цеховой типъ, со всѣми только ему присущими особенностями¹⁾. Однимъ словомъ, разрабатывая типъ гетеры, поэты „средней“ комедіи то набрасывали его, какъ карикатурный портретъ извѣстнаго лица²⁾, то придавали ему болѣе общій характеръ, причѣмъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ останавливались, повидимому, не столько на углубленіи типа, сколько на снабженіи его рядомъ чисто внѣшнихъ деталей.

Что же касается до „новой“ комедіи, то хотя личная сатира-карикатура и не была чужда ей, особенно въ первое время ея развитія³⁾, тѣмъ не менѣе эта сатира не занимала въ ней важнаго мѣста, ограничиваясь, по большей части, лишь отдѣльными выпадами, да намеками. Поэтому и при обрисовкѣ типа гетеры „новая“ комедія должна была не столько снимать портреты съ опредѣленныхъ представительницъ *demi-monde'a*, сколько руководиться тѣмъ отвлеченнымъ типомъ куртизанки, который уже былъ намѣченъ „средней“ комедіей, но намѣченъ пока лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. И вотъ, „новая“ комедія взяла этотъ собирательный цеховой типъ, установила для него рядъ постоянныхъ специфическихъ признаковъ, расширила и округлила его, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отличіе отъ своей предшественницы, „средней“ комедіи, стала частично его индивидуализи-

1) Я не могу входить по этому вопросу въ болѣе детальныя разсужденія, такъ какъ это отвлекло бы меня отъ моей прямой цѣли дать характеристику Габротононь. Мои разсужденія — это только субструкция, нужная мнѣ для того, чтобы показать, что слѣдуетъ относить въ Габротононь къ типу куртизанки вообще и что является въ ней ея индивидуальными чертами, вложенными въ ея характеръ Менандромъ.

2) Ср. *Ἀντίλοχ* Эпикрата (*Episcrat. fr. 2. 3* = Коск, о. с., II, 282 sq.) а также *Ἰσσοτάσιον* Анасила (*Anaxil. fr. 22* = Коск, о. с., II, 270).

3) См. по этому поводу Koerte, Menander (= *Archiv für Papyrusforschung*, IV, 516 sq.) и Г. Ф. Церетели, Комедія Менандра Саміанка, 36 (= гл. III, 3).

ровать, или, иначе, дробить на группы индивидуальных характеровъ, входящихъ въ общій типъ, какъ его частичныя подраздѣленія. Благодаря этому многія гетеры „новой“ комедіи, поскольку онѣ являются представительницами своего цеха, заключаютъ въ себѣ тѣ черты, которыя этому цеху присущи; но поскольку тѣ же гетеры знаменуютъ собой опредѣленный индивидуумъ, постольку онѣ выходятъ изъ цеха и превращаются подъ рукой поэта въ самостоятельную особь, на время забывающую про свои цеховыя привычки и обычаи. Такимъ образомъ, въ „новой“ комедіи образуются двѣ группы гетеръ: гетера, какъ профессиональный типъ, и гетера, какъ индивидуальный характеръ.

При разсмотрѣннй первой группы, наиболѣе многочисленной, мы почти къ каждой изъ ея представительницъ можемъ приложить слѣдующія слова изъ комедіи Менандра „Θαῖδα“¹⁾:

*ἐμοὶ μὲν οὖν αἰδέετοιαύτην, θεά,
 θραοεῖαν, ὥραιαν δὲ καὶ πιδανὴν αἶμα,
 ἀδικοῦσαν, ἀποκλήρουσαν, αἰτοῦσαν πικρά,
 μηδενὸ ἐρωῶσαν, προσποιουμένην δ' αἰεὶ.*

Приэтомъ, такія черты, какъ сребролюбіе и алчность, безсердечіе и лживость, самое безнабашное кокетство и вмѣстѣ съ тѣмъ полная неспособность любить настоящимъ образомъ, — всѣ эти черты то и дѣло сказываются въ гетерахъ первой группы, лучшими представительницами которой могутъ служить Бакхида изъ *Nauphormionepos* Теренція и Фронезіумъ изъ *Truculentus* Плавта²⁾. Но наряду съ подобными куртизанками чисто-цехового типа, въ сущности очень односторонняго и однообразнаго, мы не разъ встрѣчаемъ гетеръ, которыя, сохраняя свои профессиональныя черты, способны тѣмъ не менѣе отзываться на всё хорошее и доброе, будь это жалость къ постороннимъ лицамъ, или чувство сердечной привязанности, или, наконецъ, самопожертвованіе, хотя бы и связанное иногда съ надеждой на выгоду. Достаточно указать, ради примѣра, на Хрисиду изъ „Саміанки“

1) Мен. fr. 217 (= Коск., о. с., III, 62).

2) Исчерпывающимъ образомъ обрисованъ типъ куртизанки въ „новой“ комедіи въ книгѣ Б. В. Варнеке, Наблюдения надъ древне-римской комедіей, 35 слл. Ср также Legrand, Daos. Tableau de la comédie grecque, 100 sqq.

Менандра, на Файду изъ Еупишус Теренція¹⁾, на Бакхиду изъ его же Несуга, — на этихъ трехъ, въ сущности отличныхъ другъ отъ друга куртизанокъ, про которыхъ никоимъ образомъ нельзя сказать, чтобы онѣ были *meretrices palae*: оставаясь гетерами и не теряя присущихъ гетерамъ чертъ, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ оказываются настоящими, глубоко чувствующими женщинами, отличающимися притомъ, каждая въ отдѣльности, особыми, чисто-индивидуальными черточками. Т. е., иными словами, это — уже не трафаретный типъ гетеры, выдержанный въ условномъ тонѣ, а настоящіе типичные характеры, правда, не вполне еще развитые, но во всякомъ случаѣ ясно намѣченные и психологически обоснованные. Однако, и эти только что упомянутые нами образы гетеръ, несмотря на всю ихъ привлекательность и изящество, всё таки уступаютъ образу Габротононъ, выдержанному Менандромъ въ еще болѣе нѣжныхъ тонахъ и еще детальнѣе, чѣмъ они, обрисованному²⁾.

Что прежде всего поражаетъ въ Габротононъ, это — полное отсутствіе какой бы то ни было жадности къ деньгамъ, — черта, которой нѣтъ ни у Бакхиды, ни у Файды и которой, само собой разумѣется, нѣтъ и у остальныхъ представительницъ той-же профессіи. Габротононъ не знаетъ словъ „*da mihi*“ *atque* „*adfer mihi*“ (Тер. Навтоп., 223), словъ, которые, какъ вѣчно-повторяющійся refrain, то и дѣло звучать въ устахъ куртизанокъ. Въ этомъ отношеніи она съ полнымъ правомъ можетъ быть квалифицирована, какъ „*ignara artis meretriciae*“ (Тер. Навтоп., 226), какъ настоящій новичокъ, еще не понимающій, въ чемъ заключается главная выгода его специальности³⁾.

1) Образъ Файды, ввиду того, что Еупишус Теренція восходитъ къ *Εὐνούχος* и *Κόλαξ* Менандра (см. Доп. praef. ad Eupich., I, 11), съ полнымъ правомъ можно считать за Менандровскій. Только Файда Теренція называлась въ *Εὐνούχος* Менандра не Файдой, а Хрисидой (см. Pers. sat. V, 161).

2) Характеристику Габротононъ, къ сожалѣнію, слишкомъ общую и поверхностную, даютъ Carps, о. с., 30 и A. di Bella, La commedia di Menandro, 64 sqq. Что же касается до Legrand, Daos. Tableau de la comédie grecque, 113, то онъ ограничивается только общими замѣчаніями, не выделяя Габротононъ изъ числа другихъ куртизанокъ „новой“ комедіи.

3) Этотъ фактъ равнодушія Габротононъ къ матеріальнымъ выгодамъ объясняется до нѣкоторой степени и тѣмъ, что Габротононъ лишь очень недавно занялась ремесломъ гетеры. По крайней мѣрѣ, она сама очень

Правда, Габротононъ осталась довольна тѣмъ, что на нее обратилъ вниманіе Харисій, но она была довольна не потому, что это сулило ей обогащеніе и свободу, а потому, что это льстило ея самолюбію, самолюбію красивой женщины, думающей, что она нравится. По крайней мѣрѣ, только такой выводъ можно сдѣлать изъ ея словъ (ст. 215):

я мнила, любить онъ.

Но вотъ оказывается, что никакой любви нѣтъ, что въ Харисіи „кипитъ“ не любовь, а „ненависть, совсѣмъ не человѣчья“ (ст. 216), что всѣ надежды Габротононъ ни на чемъ не основаны и что она, просто на просто,

поставила себя въ смѣшное положеніе.

Какъ же реагируетъ на это Габротононъ? Обиженная равнодушіемъ Харисія, она тѣмъ не менѣе не чувствуетъ противъ него злобы. Ей странно только одно, а именно, что онъ, сторонясь отъ нея (ст. 217 сл.), продолжаетъ на нее тратиться (ст. 220), ибо, согласно ея представленію, подобный образъ дѣйствій, понятный при наличности чувства, непонятенъ при отсутствіи послѣдняго. Т. е., иными словами, равнодушіе Габротононъ къ деньгамъ выражается и здѣсь съ достаточной наглядностью, дѣлая изъ нея такимъ образомъ куртизанку, пренебрегающую основнымъ правиломъ своего ремесла. Зато нѣкоторыя другія, чисто профессиональныя черты имѣются у нея въ наличности. Такъ, напр., ей ничего не стѣбитъ дѣлать довольно прозрачныя намеки на свое вынужденное воздержаніе отъ любви (ст. 221 слл.), пускаться въ рассказъ о томъ, что еще очень недавно она не имѣла никакого представленія о мущинахъ (ст. 262), и рисовать, наконецъ, съ извѣстной долей безстыдства очень фривольную картину своего паденія, яко бы имѣвшаго мѣсто на Таврополіяхъ (ст. 311 сл.). Вотъ во всемъ этомъ ясно сказывается настоящая гетера! Но такъ какъ все это дѣлается Габротононъ съ какой-то особенной граціей и наивностью, то

энергично подчеркиваетъ тотъ фактъ, что какой нибудь годъ тому назадъ она еще не знала мушинъ (ст. 262). Но разъ это такъ, то среди остальныхъ представительницъ полусвѣта она, дѣйствительно, является новичкомъ, еще не успѣвшимъ ни потерять присущей ей тонкости, ни усвоить въ полной степени цехового міросозерцанія.

нецензурная сущность ея словъ какъ бы стушевывается, и Габротононъ, оставаясь гетерой, всё таки не теряетъ присущей ей женственности и нѣжности, качествъ, которыя постоянно находятся при ней, какъ своего рода распознавательные знаки, и которыя сказываются во всемъ, что бы она ни дѣлала ¹⁾).

Приэтомъ, за что бы ни бралась Габротононъ, на всѣхъ ея поступкахъ лежитъ печать рѣдкой непосредственности ея натуры, — натуры, которая дѣйствуетъ исключительно интуитивно и которой чуждо всякое заблаговременное обдумываніе или обсужденіе предпринимаемыхъ шаговъ. Поэтому, когда Габротононъ рѣшается на какойнибудь шагъ, она выступаетъ сразу, не взвѣсивая ни про, ни contra и вмѣстѣ съ тѣмъ не сворачивая въ сторону подъ защиту чего либо, придуманнаго на случай неудачи. Но эта способность дѣйствовать интуитивно не исключаетъ, конечно, ни хитрости ни изворотливости, безъ которыхъ Габротононъ не была бы Габротононъ, не была бы той *τοπασιμον γυναικον*, какъ величаетъ ее Онисимъ. Однако, вся ея хитрость носить довольно невинный характеръ, ибо она не пользуется и не хочетъ пользоваться ею кому либо во вредъ. Ввиду этого всякій, даже мимолетный знакъ недовѣрія или подозрѣнія вызываетъ у нея горячую отповѣдь, какъ видимъ мы это изъ ея репликъ Онисиму (ст. 330 слл.) и Памфилъ, на минуту заподозрившихъ её въ лживости и неискренности, т. е., въ томъ, чего у Габротононъ нѣтъ и въ поминѣ и чѣмъ она опять таки очень выгодно отличается отъ типа обычной куртизанки, лживой и неискренней *κατ' ἐξοχήν*.

Правда, предпринимая весь свой планъ, Габротононъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ свою собственную выгоду, что прекрасно понимаетъ Онисимъ (ст. 321 сл., а также ст. 341 сл.) и чего между прочимъ не отрицаетъ и она сама,

1) Какъ настоящая женщина, сознающая свою красоту и заботящаяся о томъ, чтобы выставить её въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, Габротононъ обращаетъ большое вниманіе и на наряды. Недаромъ она такъ детально и съ такимъ восторгомъ описываетъ платье Памфилы, которое произвело на нее сильное впечатлѣніе, и недаромъ, запомнивъ всѣ частности этого платья, она не помнитъ вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ или не былъ въ рукахъ у Памфилы искомый перстень, когда она въ растерзанномъ видѣ вернулась обратно къ своимъ подругамъ.

вызванная на это сознание словами своего собеседника. Однако, во всемъ этомъ еще нельзя видѣть ни неискренности Габротононъ, ни того, что она руководится исключительно личными интересами безъ отношенія къ интересамъ другихъ лицъ. Такой взглядъ на нашу арфистку былъ бы безусловно невѣренъ, тѣмъ болѣе, что противъ него говорить очень и очень многое.

Такъ, прежде всего, Габротононъ умѣетъ отдаваться чувству жалости и притомъ жалости не внѣшней, не поверхностной, но глубокой и длительной. Достаточно вспомнить по этому поводу объ ея отношеніи къ несчастному найденышу (ст. 249 и 432 сл.) и объ ея искренномъ негодованіи на Онисима за то, что онъ мало заботится о пользѣ ребенка, который можетъ быть ребенкомъ его господина. Зная по опыту, что представляетъ собой рабство и съ какими ужасами оно связано, Габротононъ не хочетъ и не можетъ допустить, чтобы ни въ чемъ неповинное маленькое существо погибло въ рабствѣ благодаря человѣческой небрежности. И тутъ, въ этомъ выступленіи Габротононъ, сказывается только ея доброе сердце, ибо сострадая найденышу, она вовсе не думаетъ о самой себѣ. Равнымъ образомъ, и опять таки безъ отношенія къ своимъ личнымъ интересамъ, отзывается Габротононъ и на интересы Харисія, чловѣка, ей симпатичнаго, несмотря на все то презрѣніе, съ которымъ онъ къ ней относится, оскорбляя ея достоинство гетеры (ст. 217 сл.). Наконецъ, сколько теплоты и нѣжности вкладываетъ Габротононъ и въ свое обращеніе къ Памфилѣ и какимъ задушевнымъ тономъ бесѣдуетъ она съ ней, съ чловѣкомъ, который возбуждаетъ въ ней и жалость и состраданіе и радость по поводу того, что его судьба измѣнилась наконецъ къ лучшему (ст. 440 сл.). Всѣ эти данныя очень ясно говорятъ въ пользу способности и умѣнія Габротононъ откликаться на чловѣческое горе и входить въ интересы чужихъ лицъ, будь то маленькій ребенокъ, или юноша, почему либо ставпій ей симпатичнымъ, или посторонняя женщина, ей въ сущности очень мало знакомая. Но разъ это такъ, то и во всемъ образѣ дѣйствій Габротононъ надо различать двѣ стороны, а именно: сторону личной заинтересованности и сторону глубокой отзывчивости, не имѣющей ничего общаго съ думами о пользѣ и выгодѣ. И

если мы будемъ смотрѣть на Габротононъ подѣ такимъ угломъ зрѣнія, то изъ за ея внѣшняго облика, — облика привлекательной гетеры, напоминающаго собой изящную Танагрскую статуетку, взглянетъ на насъ ея внутренній чарующій обликъ, — обликъ отъ природы тонкаго человѣка, правда, пострадавшаго отъ жизни и ея условій, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранившаго въ себѣ цѣлый рядъ довольно высокихъ этическихъ чертъ, которыя то и дѣло показываются наружу во всемъ блескѣ своей неподдѣльной свѣжести и красоты.

Я нѣсколько дольше, чѣмъ слѣдовало, остановился на характеристикѣ Габротононъ, но это объясняется тѣмъ, что въ лицѣ Габротононъ мы имѣемъ единственный, чисто-менандровскій образъ гетеры, имѣемъ подлинникъ, вышедшій изъ подѣ кисти самого автора, а не простую репродукцію, хотя бы и выполненную съ достаточной точностью и полнотой. При этомъ, хотя роль Габротононъ и дошла до насъ не въ надлежащей сохранности, хотя то тамъ, то сямъ встрѣчаются въ ней прорывы, всё таки въ общихъ чертахъ она ясна для насъ, какъ ясенъ и характеръ самой арфистки, въ которой Менандръ сумѣлъ усмотрѣть „внутренняго“ человѣка, независимо отъ его профессіи и связанныхъ съ ней, порой очень неприглядныхъ частныхъ. Гораздо хуже обстоятъ дѣло съ ролью Памфилы, этой *vitata virgo* (на положеніи *νεβύλα*), выведенной поэтомъ на сцену, а не оставленной, какъ это обыкновенно дѣлается въ „новой“ комедіи, вдали отъ прямого участія въ дѣйствіи. Вѣдь до насъ отъ всей роли Памфилы дошли только незначительные обрывки, только одна маленькая, да и то не вполнѣ сохранившаяся сценка, въ которой къ тому же первое мѣсто удѣлено Габротононъ, тогда какъ сама Памфила выступаетъ лишь въ качествѣ аксессуара, нужнаго для развязки. Въ силу этого набросать ясную характеристику Памфилы довольно трудно, и намъ придется поэтому не то, что очертить ея образъ, а просто на просто намѣтить тѣ главныя черты ея характера, которыя можно разобрать и благодаря которымъ она является своего рода контрастомъ къ Габротононъ.

И дѣйствительно, Габротононъ это — воплощенная энергія, и активность, это — человѣкъ, который не столько думаетъ, сколько дѣйствуетъ. Иное дѣло П а м ф и л а. Насколько я её понимаю, она — болѣе заурядный типъ и, при-

томъ, типъ нѣсколько шаблонной выдѣлки. Ея единственная яркая черта это — любовь къ мужу, предъ которымъ она чувствуетъ себя виноватой, и вытекающее отсюда упорство въ борьбѣ съ отцомъ, желающимъ отдѣлить её отъ чловѣка, который несмотря ни на что остается ей близокъ и дорогъ.

На этой почвѣ и на почвѣ страданія отъ нераздѣленной любви и происходитъ въ ней внутренняя борьба, которая выражается однако лишь въ пассивной тоскѣ и въ пассивномъ сопротивленіи, но не въ какомъ либо рѣшительномъ шагѣ, могущемъ такъ или иначе вывести её на прямую дорогу. Мягкая по природѣ и до извѣстной степени безвольная, Памфила не можетъ рѣшиться на активное выступленіе, если не считать таковымъ ея словъ, поразившихъ Харисію и произведшихъ полный переворотъ въ его взглядахъ на женщину вообще, на жену въ частности, а именно, словъ (ст. 499 сл.):

если съ нимъ

пришла я жизнь дѣлать, съ нимъ раздѣлю и горе,
его постигшее.

Вотъ эта прямота и глубина чувства, это умѣнье находить въ себѣ, опять таки благодаря чувству, извѣстную долю устойчивости и упорства, и составляетъ сильную сторону Памфила, ея главную добродѣтель. Въ тѣсной же связи съ этой потребностью любить и быть любимой находится и та нѣжность, которая проявляется у Памфила въ ея отношеніи къ Харисію и показателемъ которой служить ея трогательная готовность не только прощать, но и быть по прежнему вѣрнымъ другомъ, несмотря на разныя, какъ будто мѣшающія этому обстоятельства. Итакъ, Памфила это — типъ мягкой и любящей женщины, типъ сравнительно блѣдно-индивидуализированный и во всякомъ случаѣ болѣе слабый и менѣе рельефный, чѣмъ Гликера изъ „Отрѣзанной косы“, если только можно сравнивать эти два образа, — образъ *vitiatae virginis* и образъ дѣвушки, стоящей почти что на положеніи *meretricis* *вопа*. Намъ слѣдовало бы коснуться теперь еще одного женскаго типа, а именно, Софроны, но я не буду останавливаться на немъ, такъ какъ, во-первыхъ, отъ роли Софроны, даже если она и была значительнѣе, чѣмъ намъ это кажется,

почти ничего не сохранилось, а во-вторых, я не думаю, чтобы этот обычный типъ рабыни-няни могъ заключать въ себѣ много новыхъ чертъ, ставящихъ его на положеніе индивидуального характера. Ввиду всего этого я минуя Софрону и перехожу къ характеристикѣ мужскихъ персонажей, среди которыхъ наиболѣе любопытными являются Харисій и Смикринъ.

Что касается до Харисіа, то хотя его роль, какъ и роль Габротононъ, дошла до насъ въ нѣсколько отрывочномъ видѣ, въ ней всё таки можно различить не мало интересныхъ деталей, которыя дѣлаютъ Харисіа своего рода исключеніемъ изъ типа *adulescens* вообще¹⁾. Какъ типичный *adulescens*, Харисій ищетъ любви и страдаетъ отъ нея. Далѣе, не вполнѣ свободенъ онъ и отъ того воздѣйствія, которое оказываютъ на юношей „новой“ комедіи „*nox, vinum et amor*“ и результатомъ котораго бываетъ совершеніе поступковъ довольно предосудительнаго свойства и характера. Послушный „*impetus adolescentiae*“ Харисій врывается, напр., на ночное бдѣніе женщинъ и совершаетъ здѣсь насиліе надъ Памфилой, причемъ, какъ и полагается (ст. 256),

онъ пьянъ былъ, по рассказамъ
съ нимъ бывшего раба.

Равнымъ образомъ, подобно другимъ *adulescentes*, Харисій не держится въ стѣнѣ отъ пировъ въ складчину, отъ игры въ кости и наконецъ отъ желанія топить свое горе въ кутежахъ, какъ дѣлаетъ это и Полемонъ изъ „Отрѣзанной косы“. Всѣ эти качества находятся у Харисіа на лицо и благодаря имъ онъ входитъ въ общій типъ *adulescens*, какъ одно изъ составляющихъ его звеньевъ. Но кромѣ этихъ, я сказалъ бы, трафаретныхъ качествъ, которыя составляютъ специфическую особенность каждаго *jeune premier* комедіи, независимо отъ его ранга, положенія и рода занятій, есть у Харисіа и другія, болѣе выгодныя или, по крайней мѣрѣ, болѣе оригинальныя черты, дѣлающія изъ него своеобразную и притомъ очень интересную личность, не встрѣчающуюся

1) Хорошую характеристику Харисіа даютъ Б. В. Варнеке, Новая комедія Менандра, 40 сл. и Carps, Four plays of Menander, 30 сл. Ср. также A. di Bella, La commedia di Menandro, 53 и Legrand, Daos. Tableau de la comédie grecque, 208.

ни у Плавта, ни у Теренція въ ихъ переработкахъ греческихъ комическихъ оригиналовъ. Въ чемъ же заключаются эти черты Харисія? Онѣ заключаются въ слѣдующемъ. Всѣ то, что сближаетъ Харисія съ обычными юношами комедіи, — всё это играетъ у него вовсе не первенствующую роль и во всё не является чѣмъ то такимъ, на чемъ по преимуществу сосредоточены его интересы. Напротивъ того, всё это, за исключеніемъ любви, но любви настоящей, представляетъ для него простую накипь, которой онъ можетъ отдаваться лишь случайно и присутствія которой въ себѣ онъ почти что не замѣчаетъ. Его же настоящіе интересы сосредоточены на другомъ, — отчасти на вопросахъ этико-философскаго характера, отчасти на желаніи выработать изъ себя строго-моральнаго человѣка, на совѣсти котораго не лежитъ ни единого пятнышка и который такимъ образомъ можетъ служить своего рода носителемъ высшихъ принциповъ нравственности. И одно время, до открытія своего проступка на Таврополіяхъ, Харисій уже готовъ былъ видѣть въ себѣ своего рода „подражанія достойный образецъ“, что явствуетъ изъ его же словъ (ст. 487 сл.):

вотъ онъ, кто безъ грѣха, кто доброй славы ищетъ,
кто благо и порокъ умѣетъ различать,
на комъ ни пятнышка, кто въ жизни безупреченъ, —

изъ словъ, которыя, помимо всего прочаго, заставляютъ предполагать, что Харисій принадлежалъ къ числу адептовъ какой-то философской школы, скорѣе всего школы стоической, въ которой добродѣтель квалифицировалась, какъ *ἐπιστήμη ἀγαθῶν καὶ κακῶν*, помогающая человѣку быть *ἀκέραιος* и *ἀναμάρτητος*¹⁾. Мало того, въ сознаніи своей мнимой „безгрѣшности“, Харисій началъ было смотрѣть на прочихъ людей сверху внизъ (ст. 428: *ὄψηλός ὢν τις*; ст. 501: *ὅν δὲ τις ὄψηλός σφόδρα*) и отказывался прощать имъ всѣ ихъ прегрѣшенія, хотя бы и совершенныя противъ воли или по невѣдѣнію (ст. 493). Т. е., иными словами, упоенный своей воображаемой чистотой, герой Менандра дошелъ до того, что временно позабылъ объ одной обще-человѣческой истинѣ, которую такъ формулируетъ Теренцій въ своемъ *Hautontimorumenos*:

homó sum: humani nil a me alienum puto.

1) См. Bodin-Mazon, Extraits d'Aristophane et de Ménandre, 308.

Но вотъ начинаютъ наступать разочаровашя. Прежде всего оказывается, что Памфила, которую полюбилъ Харисій, не вполне безгрѣшна, хотя и не по своей винѣ, а по винѣ какого-то юноши, оставшагося ей неизвѣстнымъ. Оскорбленный въ своемъ чувствѣ и въ своей гордости, Харисій отдается отъ жены и, забывъ про свои философскіе принципы, старается топить горе въ разгулѣ. Но это ему не удается: чувство любви оказывается сильнѣе, разгулъ, хотя бы и внѣшній, не приноситъ никакого успокоенія ¹⁾, и Харисій продолжаетъ мучиться, причемъ если гордость мѣшаетъ ему сойтись съ Памфилой, то въ свою очередь любовь не позволяетъ довести дѣло до развода и до огласки ²⁾, и Харисій начинаетъ даже жалѣть о томъ, что тайна жены вообще стала ему извѣстной, какъ видно это изъ слѣдующихъ словъ Онисима (ст. 207):

Твердить мой баринъ часто:

„Зевсъ разрази того, кто эту язву вскрылъ
На горе мнѣ“.

Съ однимъ только онъ никоимъ образомъ не можетъ примириться, это — съ необходимостью взглянуть на грѣхъ Памфилы, какъ на нѣчто, если и не допустимое, то во всякомъ случаѣ прощаемое: противъ этого возмущается его мужская гордость, съ которой онъ не можетъ справиться, тѣмъ болѣе, что онъ лично кажется самому себѣ человѣкомъ безупречнымъ, котораго обвинять положительно не за что. Од-

1) Стоить вспомнить только объ отношеніи Харисія къ Габротононъ, о постоянномъ опасеніи Онисима, боящагося, что Харисій примирится съ Памфилой, и, наконецъ, о той внутренней борьбѣ, которая всё время идетъ въ немъ, чтобы понять, насколько сильны и хороши чувства Харисія къ Памфилѣ и какъ глубоко затронула его душу вся исторія съ женой, съ которой онъ и хочетъ и не можетъ примириться и сойтись по прежнему.

2) Харисій, какъ это явствуетъ изъ хода дѣйствія пьесы, не открываетъ и не хочетъ открывать истинной причины своего удаленія отъ жены. Объ этомъ знаетъ только одинъ Онисимъ! Но дѣйствуя такъ, Харисій тѣмъ самымъ спасаетъ Памфилу отъ разнаго рода подозрѣній и непріятностей, и если набрасываетъ на кого тѣнь, то лишь на самого себя, — подробность, нѣсколько сближающая его съ Памфиломъ изъ „Несуга“ Теренція, съ Памфиломъ, который тоже скрываетъ тайну своей жены, провинившейся передъ нимъ на манеръ жены Харисія, и который тоже достигаетъ своимъ образомъ дѣйствій того, что Филумена остается все-таки какъ бы то ни было подозрѣній и сплетень.

нако и это воображеніе Харисія оказывается въ концѣ концовъ пустой иллюзіей, и передъ нимъ, не ожидавшимъ этого, встаетъ новый вопросъ, — вопросъ уже не о невольной винѣ Памфилы, а о своей собственной винѣ, для которой трудно подыскать какое нибудь подходящее извиненіе.

Какъ же относится къ этому Харисій? Прежде всего его охватываетъ ужасъ предъ возможностью того, что онъ будетъ разлученъ съ Памфилой, т. е., иными словами, сознание своей вины передъ женой только усиливаетъ его любовь къ послѣдней, причемъ опасеніе, что Памфила согласится на доводы Смикрина, заставляетъ его идти даже на подслушаніе того разговора, который въ другомъ домѣ ведутъ между собою дочь и отецъ (ст. 462 слл.). Вотъ первое воздѣйствіе, которое оказываетъ на Харисія раскрытіе его собственной тайны!

Что же касается до второго, то оно гораздо значительнѣе и важнѣе, ибо оно производитъ сильный переворотъ въ нѣкоторыхъ взглядахъ Харисія. Тотъ фактъ, что Памфила готова не только отпустить своему мужу совершеніе безусловно возмутительнаго проступка, но и смотрѣть на этотъ проступокъ, какъ на „горе“, какъ на „несчастіе“ для него (ст. 499 сл.), — этотъ фактъ прежде всего ставитъ передъ Харисіемъ проблему о „вольномъ“ и „невольномъ“ грѣхѣ (ср. ст. 493), а затѣмъ приводитъ его къ мысли о томъ, что при обсужденіи нѣкоторыхъ женскихъ оцѣнокъ на первомъ планѣ нужно ставить не мужскую гордость, а чисто-человѣческую жалость и состраданіе (ст. 476 слл.), — подробность, въ высшей степени знаменательная, ибо, если я не ошибаюсь, мы впервые¹⁾ встрѣчаемся здѣсь съ постановкой того во-

1) Впрочемъ, жалобы на то, что для мужчинъ всё является вещью дозволенной, тогда какъ для женщинъ на каждомъ шагу ставятся разнаго рода препоны и стѣсненія, — такіа жалобы раздаются уже въ трагедіяхъ Еврипида, живо интересовавшагося такъ называемымъ „женскимъ вопросомъ“. Достаточно будетъ указать на слова Медуи, которая возмущается безправностью и приниженностью женщинъ и излишней свободой мужчинъ (Med., vv. 230 sqq.), — на слова, которыя могутъ служить настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ взглядовъ аѣинскаго общества V вѣка. Но въ такомъ случаѣ Менандръ только повторяетъ мысли Еврипида, съ той впрочемъ разницей, что у него проповѣдь терпимости по отношенію къ женщинамъ влагается въ уста мужчины, и притомъ мужчины, согрѣшившаго противъ женщины. Это уже большой шагъ впередъ и шагъ довольно оригинальный,

проса, который до сих поръ еще не можетъ считаться рѣшеннымъ и который въ болѣе блѣдной формѣ такъ формулируется Теренціемъ въ его Несуга, передѣланной изъ *Ἐκχυρά* Аполлодора Каристскаго (ст. 662 сл.):

Censén te posse réperire ullam mulierem,
Quae cáreat culpa? an qui non delincúnt víri?

Но если у Теренція или, вѣрнѣе, у Аполлодора вопросъ о томъ, что допустимо и что недопустимо для женщинъ, затронуть лишь мимоходомъ, то у Менандра, наоборотъ, онъ выдвинуть на первое мѣсто, и разрѣшеніе его Харисіемъ почти что въ пользу женщинъ вноситъ въ характеръ послѣдняго новую черту, которая рѣзко отграничиваетъ его отъ юношей „новой“ комедіи вообще и отъ Памфила изъ Несуга Теренція въ частности. И дѣйствительно, у Памфила, какъ правильно отмѣчаетъ это Б. В. Варнеке¹⁾, вся переживаемая имъ „драма проходитъ на поверхности его хорошаго и простаго сердца“, тогда какъ „у Харисія она врывается и въ область разума“, дѣлая изъ него благодаря этому проповѣдника такихъ взглядовъ, которымъ словно бы и нѣтъ мѣста въ обычномъ міровоззрѣніи *τὰ μικρὰ μείραμα τὰ τοῦ Μενάνδρου ἐν ταῖς παννυχίαις ἀκόλαστα*²⁾. Вѣдь, какъ ни какъ, Харисій подѣ влияніемъ раскаянія въ совершенномъ имъ поступкѣ готовъ вернуться къ женѣ, несмотря на то, что она уже принадлежала кому-то, т. е., онъ какъ бы признаетъ, что согрѣшившій мужчина не можетъ быть судьей согрѣшившей женщины. Что же касается до Памфила, стоящаго передъ разрѣшеніемъ сходнаго вопроса, то подобныя мысли ни разу не приходятъ ему въ голову и онъ никоимъ образомъ не можетъ возвыситься надъ обычными предразсудками, которые значатъ для него больше, чѣмъ вся его любовь къ Филуменѣ. Правда, положеніе Памфила еще болѣе затруднительно, чѣмъ положеніе Харисія, ибо ему приходится не только прощать жену, но и признавать ея незаконнаго ребенка³⁾. Од-

который дѣлаетъ изъ комика не подражателя, но продолжателя Еврипида и его завѣтовъ Ср. Legrand, о. с., 568 слл. и, въ особенности, Stavenhagen, *Epitrepontes und Hekyra* (= *Hermes*, 45 (1910), 581 сл.).

1) Б. В. Варнеке, *Новыя комедіи Менандра*, 41.

2) *Aelian. Hist. an.*, VII, 19.

3) Ср. слѣдующія слова Памфила (ст. 649 сл.):

*Etiam si dudum fuerat ambiguus hoc mihi,
Nunc non est, quom eam sequitur alienus puer.*

нако, какъ бы то ни было, вся внутренняя борьба, переживаемая Памфиломъ, не производитъ никакой эволюціи въ его взглядахъ на женщину, тогда какъ у Харисія эта эволюція находится на лицо, причемъ какъ разъ благодаря ей онъ и поднимается надъ общимъ уровнемъ окружающаго его общества, рабомъ котораго наоборотъ остается Памфилъ, несмотря на всю присущую ему мягкость и уступчивость. Такимъ образомъ, Харисій стоитъ безусловно выше Памфила, ибо, умѣя не только чувствовать, но и думать, онъ является человѣкомъ болѣе глубокимъ и серьезнымъ, — человѣкомъ не одного хорошаго сердца, но и тонко-развитого разума. А разъ это такъ, то въ лицѣ Харисія мы имѣемъ совсѣмъ особенный типъ *adulescens*, который, какъ я уже говорилъ выше, не попадался до сихъ поръ въ греко-римской комической литературѣ и который еще одинъ лишній разъ показываетъ намъ, какъ хорошо варьировалъ Менандръ обычные, чисто-трафаретные образы, вкладывая въ нихъ новыя, какъ будто бы и не подходящія къ нимъ черты и качества.

Переходимъ теперь къ характеристикѣ Смикрина, въ лицѣ котораго мы имѣемъ недурной образчикъ сварливаго (*δύσκολος*) и скареднаго (*οικρολόγος*) старика, — имѣемъ типъ, безусловно отрицательнаго характера и притомъ, поскольку дѣло касается неоднократнаго примѣненія его въ „новой“ комедіи, типъ, не совсѣмъ для нея необычный ¹⁾. По крайней мѣрѣ, представители „новой“ комедіи не одинъ разъ останавливались на изображеніи скупцовъ и сребролюбцевъ, которымъ они придавали обыкновенно черты стариковъ, какъ говорить объ этомъ и Юліанъ Отступникъ, упоминающій о *φιλάργυροι γέροντες ὑπὸ τῶν κομωδῶν ἐπὶ τὴν οἰκηνὴν ἐλκόμενοι* ²⁾. И дѣйствительно, мы знаемъ, что два поэта „новой“ комедіи ³⁾, а именно, Діоксиппъ ⁴⁾ и Θεогνέτης ⁵⁾,

1) По поводу Смикрина и вообще по поводу типа скупца см. *Le grand*, о. с., 218 слл. Ср. также *Carps*, о. с., 28 сл. и *A. di Bella*, о. с., 88 слл.

2) *Inl. Apost.*, Or. I, 19 d (ed. Dindorf) = Коск, о. с. III, 464, fr. adesp. 308.

3) Ср. *Φιλάργυρος* Филиппида (= Коск, III, 307), а также *Θησαυρός* Діоксиппа (= Коск, III, 358), *Διφιλα* (= Коск, II, 557) и *Φιλέмона* (= Коск, II, 486).

4) См. Коск, о. с., III, 359.

5) См. Коск, о. с., III, 364 (fr. 1).

касались вопроса о скупцахъ въ своихъ пьесахъ, носившихъ заглавіе *Φιλάρυρος*. Приэтомъ, если отъ пьесы Дюксихпа не сохранилось ничего характернаго, то отъ пьесы Теогнета дошелъ до насъ довольно любопытный отрывокъ, въ которомъ скупецъ старается парировать чьи то слова о томъ, что истиннымъ пріобрѣтеніемъ для человѣка является не богатство, но мудрость.

Что же касается до Менандра, то онъ, повидимому, от носился къ типу скупца съ особеннымъ вниманіемъ и интересомъ, ибо этотъ типъ, насколько намъ извѣстно, встрѣчался у него въ цѣломъ рядѣ комедій: въ *Δύσκολος*, въ *Θησαυρός*, въ *Ἐπιτρέποντες* и *Ὑδρία*, а также, надо думать, въ *Ἀσπίς*, въ *Δακτύλιος* и, наконецъ, въ той неизвѣстной по заглавію комедіи, къ которой относились Порфирьевскіе отрывки II а и II б¹⁾. Но само собой разумѣется, что при частомъ воспроизведеніи одного и того-же типа Менандръ, дабы не повторяться въ немъ, долженъ былъ или вкладывать въ разныхъ его представителей какія нибудь новыя черты, или варьировать чисто-внѣшнія детали и положенія, или же, наконецъ, разсматривать самый типъ съ различныхъ точекъ зрѣнія и притомъ въ различномъ объемѣ. Яснымъ же доказательствомъ того, что Менандръ именно такъ и дѣйствовалъ, служатъ два образа скупцовъ, вышедшіе изъ подъ его кисти: образъ Смикрина, героя „Третьскаго суда“, и образъ Эвклиона, выступающаго въ *Aulularia* Плавта, въ пьесѣ, входящей не то къ *Δύσκολος*²⁾, не то къ *Ὑδρία*³⁾, нашего поэта.

Въ характерѣ Смикрина, какъ я уже говорилъ выше,

1) Для *Δύσκολος* характерны отрывки 128 и 129 (= Коск, III, 38); для *Θησαυρός* — отр. 235, а также Donat. Eun. prol. 9 (= Коск, III, 67); для *Ὑδρία* — отр. 468 (= Коск, III, 134). Съ меньшей увѣренностью можно говорить объ *Ἀσπίς* и *Δακτύλιος*; но не мѣшаетъ все таки отмѣтить, что въ первой пьесѣ выступалъ персонажъ, носящій имя „Смикринъ“ (= Коск, III, 25, fr. 76 ab), а во второй появлялся отецъ, радовавшійся, что ему удалось найти для своей дочери такого жениха, который не требовалъ за ней приданаго (= Коск, III, 31, fr. 103). Наконецъ, что касается до Порфирьевскихъ фрагментовъ, то въ нихъ, какъ и въ *Ἐπιτρέποντες*, мы встрѣчаемъ отца, волнующагося не столько о судьбѣ своей дочери, покинутой мужемъ, сколько о судьбѣ ея денегъ (стр. 123).

2) Geffken, Studien zu Menander, 3 sqq.

3) Legrand, о. с., 218, 8. Ср., однако, Pressler, De Plauti Aulularia (Miss. Leipzig 1908), 28 sqq.

выдѣляются двѣ основныхъ черты: сварливость и скаредность, — черты, развитыя, приблизительно, одинаково и словно дополняющія другъ друга¹⁾. Въ силу этого въ глазахъ людей, его знающихъ, Смикринъ рисуется не только какъ *λογιστικός* (ст. 541), но и какъ *χαλεπὸς ἀνὴρ* (ст. 539), отъ котораго лучше держаться поодаль (ст. 363), и съ которымъ, ввиду его раздражительности, лучше не вступать ни въ какія пререканія. И дѣйствительно, какъ настоящій типъ сварливаго старика, Смикринъ не способенъ ни на мягкость, ни на отзывчивость. Напротивъ того, онъ вѣчно готовъ къ нападешю, — готовъ даже тогда, когда для этого нѣтъ никакихъ серьезныхъ поводовъ или причинъ. Такъ, напр., робкая просьба Сирика вызываетъ съ его стороны рѣзкую отповѣдь (ст. 8—9), и притомъ отповѣдь, заключающую въ себѣ не только грубость, но и язвительную насмѣшку (ст. 11—13). Равнымъ образомъ, на несвоевременное выступленіе того-же Сирика Смикринъ сразу реагируетъ угрозой, которую онъ вкладываетъ въ слѣдующія далеко не ласковыя слова:

коль перебьешь еще, вотъ этой самой палкой
я по тебѣ пройдуся.

И эта грубость сказывается у Смикрина не только въ его обращеніи съ тяжущимися рабами, на которыхъ онъ смотритъ сверху внизъ и которыхъ не удостаиваетъ даже кивкомъ головы при своемъ уходѣ со сцены, но и со всѣми остальными людьми, съ которыми ему приходится сталкиваться. Мы вѣчно слышимъ въ его рѣчахъ одинъ и тотъ же сварливый и раздражительный тонъ, независимо отъ того, гово-

1) Черты сварливости и скаредности замѣтны уже у стариковъ Аристофановскихъ комедій. Ср., напр., разговоръ Стрепсиада съ рабомъ въ „Облакахъ“ (ст. 56 слл.), споръ стариковъ съ мальчикомъ въ „Осахъ“ (ст. 248 слл.), характеристику Дема въ „Всадникахъ“ (ст. 40 слл.). Подробнѣе касается этого вопроса Süss, *De personarum antiquae comoediae atticae usu atque origine* (Diss. Bonn 1905), 112 sqq. — Не подлежитъ сомнѣнію, что и поэты „средней“ комедіи при трактовкѣ типа стариковъ вкладывали въ этотъ типъ тѣ-же черты, что и Аристофанъ, но только они должны были брать ихъ въ большемъ масштабѣ и касаться ихъ гораздо подробнѣе, вырабатывая так. образомъ общіе типы сварливца и скареда. И очень возможно, что эти типы и выступали въ качествѣ главныхъ персонажей въ такихъ комедіяхъ, какъ *Θησαυρός* Анаксандрида (= Коск, II, 142) и *Φιλῶντροι* Филиска (= Коск, II, 443).

ритель ли онъ съ поваромъ, или съ Харисіемъ, или же, наконецъ, съ самимъ собой. Но если эта повышенность тона можетъ быть до нѣкоторой степени извиняема при бесѣдѣ Смикрина съ зятемъ, обижающимъ его дочь и тратящимъ его деньги, то очень трудно найти для нея подходящее извиненіе, когда объектомъ нападокъ Смикрина дѣлается, напр., такой незащитный человѣкъ, какъ Софрона. А между тѣмъ именно тутъ и сказывается во всемъ блескъ вся Смикриновская сварливость, проявляющаяся не только въ общемъ тонѣ рѣчи, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, изъ которыхъ одно оказывается грубѣе другого. И чего только не говоритъ Смикринъ Софронъ! То онъ грозитъ ей ударами, то обѣщаетъ продержатъ всю ночь въ болотѣ, то просто на просто осыпаетъ ругательствами (ст. 522 слл.). И хотя Софрона молчитъ упорно, злоба Смикрина не стихаетъ ни на минуту. Напротивъ того, угрозы и требованія то и дѣло смѣняють другъ друга, становясь все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе, пока наконецъ Смикрину не надоѣдаетъ объектъ его брани и пока его гнѣвъ не переносится на другого человѣка, а именно, на Онисима. Однимъ словомъ, хотя роль Смикрина, какъ и роли остальныхъ персонажей „Третьякаго суда“, дошла до насъ не въ полной сохранности, мы тѣмъ не менѣе видимъ, что сварливость была основной чертой его характера, — чертой, которая сближаетъ его съ Эвклиономъ изъ *Aulularia* Плавта, съ Демеей изъ *Adelphoe* Теренція и, наконецъ съ тѣмъ старикомъ, который выступаетъ въ Порфирьевскихъ отрывкахъ IIa и IIb. Косвеннымъ же подтвержденіемъ того, что *δυσκολία* была, такъ сказать, постояннымъ отличительнымъ признакомъ Смикрина или, иначе, что Смикринъ былъ одной изъ разновидностей типа *δυσκολος*, — подтвержденіемъ этого служатъ слова Алкифрона и Юліана Отступника, которые характеризуютъ его, какъ *πρεσβύτερος δύσκολος* и *δύστροπος*, какъ человѣка, мучающаго другихъ своими выходками ¹⁾.

Наряду же съ этой отмѣченной нами чертой Смикриновскаго характера есть у Смикрина и другая черта, столь же несимпатичная и столь же ярко выражающаяся во всѣхъ

1) Iulian. Misopog. 349 c: ἐνόμισαν ἂν Σμικρίνην ὄραν ... δύσκολον πρεσβύτερον. Alciphro. epist., III, 7, 3: ἐπέστη ποθὲν Σμικρίνης ὁ δύστροπος καὶ δύσκολος.

его словахъ и поступкахъ, — черта, которую можно назвать „скарედностью“ (*μικρολογία*)¹⁾ и которая столь же неотдѣлима отъ него, какъ и „сварливость“. Скажу больше, эта черта, какъ черта доминирующая, еще сильнѣе останавливала на себѣ вниманіе писателей древности. По крайней мѣрѣ, если „сварливый“ Смикринъ упоминается у нихъ лишь между прочимъ, то Смикринъ „скаредъ“ служитъ своего рода нарицательнымъ именемъ всякаго скупца и скареда, независимо отъ тѣхъ проявленій, въ которыхъ выражается владѣющая имъ страсть къ деньгамъ.

Но ввиду того, что Смикринъ, какъ типъ скряги, выступалъ не въ одной, а въ нѣсколькихъ пьесахъ Менандра (*Ἀσπίς*, *Δυσκόλοο* (?), *Ὑδρία* (?), *Ἐπιτρέποντες*), намъ очень трудно опредѣлить съ точностью, къ какому именно Смикрину должны быть относимы тѣ или другія слова о немъ того или другого автора. Такъ, напр., когда Хорикій Газейскій, говоря о *Σμικρίνῃσφι φίλάρχουσιν*, прибавляетъ къ этому: *ὁ δὲ δῖος μὴ τι τῶν ἐνδόν ὁ καπνὸς οἴχοιτο φέρων*²⁾, то ясно, что онъ разумѣетъ не Смикрина изъ „Третейскаго суда“, а какого-то другого Смикрина, послужившаго, можетъ быть, образцомъ для Эвкліона изъ *Aulularia* Плавта, для Эвкліона, который, по словамъ Стробила (ст. 300 сл.),

quin divom atque hominum clamat continuo fidem,
de suo tigillo fumus si qua exit foras.

Равнымъ образомъ, неизвѣстно, къ какой именно пьесѣ Менандра, выведившей Смикрина, надо прилагать и слѣдующія очень неопредѣленные слова ритора Θемистія: *τὸ δὲ καὶ τοῖς χρησαοθαὶ δεηθεῖσι δοῦναι δωρεάν καὶ πλείονός γε δοῦναι δωρεάν ἢ δόφ' χρηθῶσαι ἤττορος, καὶ προοέτι γε ἀφανίσαι τὴν αἴτησιν, ὅπως ἂν αὐτογνώμων ἢ δωρεὰ νομοθεῖ, τίνα Ἀλκιβιάδην οὐχ ὑπερβαίνει; τίνα Κίμωνά οὐκ ἀποφαίνει Σμικρίνην*; ³⁾ Зато, какъ разъ къ интересующей насъ комедіи и, въ частности,

1) Теофрастовскій *μικρολόγος* (Theophr. charact. X) почти не совпадаетъ съ Смикриномъ: будучи еще болѣе мелочнымъ, онъ представляетъ собой какъ бы особую разновидность скареда, не останавливающегося притомъ и передъ ростовщичествомъ. Благодаря этому въ немъ можно различать одновременно и черты будущаго Плюшкина и черты будущаго Гарпагона.

2) Choric. apol. mim., 9 (= Œuvres de Charles Graux, II, 57).

3) Themist. or. 34, 17 (ed. Dindorf, p. 462).

къ выступающему въ ней Смикрину, относится слѣдующій пассажъ изъ Амброзіанскихъ схолій къ Od. VII, 225: *νομιδῆ γὰρ σμικρολόγοσ φαίνεται (Ὀδυσσεὺσ) προτάσων τῶν φιλάτων τὴν κτῆσιν, ὡσ παρὰ Μενάνδρῳ Σμικρίνησ ἐν Ἐπιτρέπονσιν*¹⁾, — пассажъ, который можетъ служить настоящей исходной точкой для нашихъ разсужденій о „скаредности“ одного изъ главныхъ героевъ „Третьякаго суда“.

И дѣйствительно, если мы приложимъ слова Гомеровскаго схоліаста къ тѣмъ поступкамъ и рѣчамъ Смикринъ, а, которыми характеризуется его роль въ пьесѣ, то мы увидимъ, что Смикринъ на самомъ дѣлѣ гораздо больше значенія придаетъ своимъ имущественнымъ интересамъ, чѣмъ интересамъ своей единственной дочери, счастьемъ которой грозитъ не то окончательная гибель, не то временной развалъ. По крайней мѣрѣ, объ уничтоженіи или ослабленіи той неурядицы, которая ворвалась въ жизнь Памфилы и Харисіа, Смикринъ почти что не думаетъ, если не считать мимолетной мысли объ этомъ, не нашедшей, впрочемъ, никакого реального примѣненія (ст. 376). Зато страхъ за приданое Памфилы ни на минуту не оставляетъ его, и онъ вѣчно носится съ думой о необходимости вырвать деньги дочери изъ рукъ ненавистнаго ему зятя, проводящаго время въ дорого стоящихъ кутежахъ. И эта дума о деньгахъ, съ которыми другіе не умѣютъ обращаться, какъ слѣдуетъ, до такой степени овладѣваетъ старикомъ, что онъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ высказываетъ ее, не обращая при этомъ никакого вниманія на то, кто въ данный моментъ является его собесѣдникомъ или повѣреннымъ.

Правда, при разговорѣ съ поваромъ Смикринъ выдвигаетъ на первый планъ странное поведеніе Харисіа, которое яко бы вынуждаетъ его къ принятію рѣшительныхъ мѣръ, на которыя въ противномъ случаѣ онъ бы, конечно, не рѣшился (ст. 416 слл.). Далѣе, на минуту вспыхиваетъ въ немъ и другое, чисто человѣческое ошущеніе, а именно, обида на зятя, который не считается ни съ нимъ, ни съ его дочерью, обижая послѣднюю тѣмъ, что проводитъ время съ гетерой (ст. 428 слл.). Но всѣ эти чувства, даже если они и являются вполне искренними, не отличаются ни длительностью, ни

1) Scholia Ambros. ad. Hom. Od. VII, 225.

интенсивностью : они — минутная вспышка, не больше. Единственной же, всепоглощающей и могучей страстью, подъ властью которой и находится Смикринъ, будетъ его любовь къ деньгамъ вообще, къ приданому Памфилы въ частности. И всякій, кто знаетъ Смикрина, знаетъ про эту слабую сторону его характера, которая подавляетъ въ немъ всѣ остальные чувства и которая заставляетъ его стремиться лишь къ одному, — къ спасенію денегъ отъ всякихъ уменьшающихъ ихъ тратъ. Недаромъ, Онисимъ называетъ Смикрина человѣкомъ, „умѣющимъ вести счетъ деньгамъ“ (*λογιστικός*), — недаромъ привѣтствуетъ онъ его слѣдующими насмѣшливыми словами (ст. 538 слл.):

Кто это въ дверь стучитъ? — Ахъ, это самъ Смикринъ,
Сердитый, жалуется за дочерью своею
И... за приданымъ.

Да, страсть старика всѣмъ извѣстна, настолько извѣстна, что всякій готовъ объяснять каждый шагъ его, какъ естественное и вполне понятное послѣдствіе этой страсти, поработившей въ немъ всѣ остальные душевные движенія и уничтожившей всякую мягкость и чувствительность. И судя Смикрина подобнымъ образомъ, Онисимъ, конечно, не ошибается. Достаточно прослушать монологъ старика, чтобы убѣдиться въ этомъ. И дѣйствительно, что какъ не скарденность, не забота о деньгахъ руководитъ Смикриномъ въ его желаніи отдѣлать Памфилу отъ Харисія? По крайней мѣрѣ, онъ и самъ не скрываетъ этого, когда говоритъ Софронъ (ст. 524 слл.):

Съ увозомъ дочери я, видишь-ли, спѣшу!
Иль ждать, по твоему, пока зятекъ почтенный
Приданого не съѣлъ? Иль о своемъ добрѣ
Балясы съ нимъ точить? И лѣзть съ такимъ совѣтомъ?

Изъ этихъ словъ Смикрина, какъ бы мы ихъ ни объясняли, ясно вполне, что Гомеровскій схоластъ былъ безусловно правъ, когда говорилъ про Менандровскаго героя, что онъ *προσδοκεῖ τῶν φιλάτων τὴν κτῆσιν*. И въ самомъ дѣлѣ, самъ Смикринъ своими собственными словами подтверждаетъ это, и подтверждаетъ притомъ съ такой циничной откровенностью, что намъ остается одно, а именно, видѣть въ немъ, какъ дѣлали это и писатели древности, типъ сухого

скареда и скряги, копящаго деньги ради денегъ и лишь минутаи отдающагося другимъ, болѣе человѣческимъ чувствамъ, для надлежащаго переживанія которыхъ у него уже нѣтъ соотвѣтствующихъ данныхъ: всѣ онѣ, если и были, давнымъ давно заостенѣли и замерли!

Но давая въ лицѣ Смикрина вполне законченный и тонко индивидуализированный образъ скареда, Менандръ не объясняетъ намъ, какимъ образомъ и подъ вліяніемъ какихъ условій развилась въ его героѣ та страсть къ деньгамъ, которая владѣетъ имъ и благодаря которой онъ сталъ тѣмъ, что онъ есть, т. е. безсердечнымъ и сухимъ человѣкомъ, почти что не откликающимся на настоящую человѣческую жизнь. Этотъ вопросъ не интересуется Менандра и не останавливаетъ на себѣ его вниманія, а потому и откидывается имъ въ сторону, какъ нѣчто второстепенное и ненужное. Однако, поступая такъ, поэтъ не дѣлаетъ тутъ никакой ошибки, а тѣмъ болѣе не вредитъ и тому общему впечатлѣнію, которое производитъ созданный имъ художественный образъ. Цѣль поэта другая, — онъ хочетъ просто на просто показать намъ одинъ изъ отрицательныхъ житейскихъ типовъ, и притомъ не въ его внутренней борьбѣ съ самимъ собой, а въ тѣхъ мелочныхъ придирахъ и притѣсненіяхъ, которыми доносится онъ своихъ близкихъ.

Зато нѣсколько иной характеръ имѣетъ Плавтовскій Эвкліонъ, тоже восходящій къ Менандру и представляющій собой не столько типъ скареда, сколько скупца *κατ' ἐξοχήν*, мучающаго главнымъ образомъ самого себя и все время живущаго подъ страхомъ утратить свое богатство. Приэтомъ поэтъ съ достаточной наглядностью показываетъ намъ и ту основную причину, изъ которой развилась болѣзненная страсть Эвкліона. Унаслѣдовавъ нѣкоторыя черты скаредности отъ своего дѣда и отца, Эвкліонъ вмѣстѣ съ тѣмъ принужденъ былъ жить все время на доходы съ обработки ничтожнаго клочка земли¹⁾, среди жалкой обстановки, которая, по словамъ Стафилы,

*inaniis sunt oppletae atque araneis*²⁾.

И вдругъ, неожиданно-негаданно, Эвкліонъ становится об-

1) Plaut. Aulul., vv. 6 sqq.

2) *ibid.*, v. 84.

ладателемъ сокровища, а именно, кадушки съ золотомъ, которая дѣлается для него источникомъ цѣлаго ряда мукъ и терзаній. Испытавъ на себѣ всю тяжесть бѣдности и надѣленный къ тому же наслѣдственной скарденностью, Эвкліонъ мало по малу подпадаетъ подъ власть назойливой мысли о томъ, что ему надо, во что бы то ни стало, сберечь свое сокровище, и сберечь притомъ такъ, чтобы никто не могъ подозревать объ его наличности. И вотъ онъ продолжаетъ вести свой прежшій образъ жизни, благодаря которому окружающіе говорятъ про него съ насмѣшкой, что

*pumex pop aequae est arduus atque hic est senex*¹⁾.

Мало того, всѣми правдами и неправдами старается онъ вложить въ сознаніе всѣхъ знающихъ его людей, что онъ дѣйствительно бѣденъ, ради каковой цѣли ходитъ, напр., наряду съ настоящими бѣдняками, за полученіемъ грошевого пособия²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принимаетъ совсѣмъ исключительныя мѣры къ тому, чтобы тайна его сокровища оставалась нескрытой: онъ самъ сидитъ при своей кадушкѣ въ качествѣ безсмѣннаго сторожа! Если же приходится ему отдаляться отъ дома, то его сердце начинаетъ болѣть³⁾ и ему чудится, что идутъ воры, что слышатся какіе-то подозрительныя шумы⁴⁾. При этомъ всё, рѣшительно всё кажется ему подозрительнымъ и во всемъ безъ исключенія усматриваетъ онъ нѣчто, грозящее его кадушкѣ съ золотомъ. Такъ, когда Мегадоръ, желающій жениться на его дочери, обращается къ нему съ ласковымъ привѣтомъ, онъ не находитъ ничего другого, какъ сказать про себя:

*jam illic homo aurum scit me habere, eo me salutat
blandius*⁵⁾.

Равнымъ образомъ, когда тотъ-же Мегадоръ хвалитъ его, какъ хорошаго гражданина, онъ думаетъ, что „*aurum huic oŕet*“⁶⁾. Однимъ словомъ, что бы ни дѣлалось, что бы ни говорилось другими людьми, во всемъ видитъ онъ своего

1) *ibid.*, v. 297.

2) *ibid.*, vv. 106 sqq.

3) *ibid.*, v. 105.

4) *ibid.*, v. 242 sq.

5) *ibid.*, v. 185.

6) *ibid.*, v. 216.

рода засаду и держится поэтому вѣчно на сторожѣ, снѣдаемый постоянною мыслью о томъ, что люди, успѣвъ проникнуть въ его тайну, намѣрены похитить у него его деньги.

Правда, эта подозрительность Эвкліона до нѣкоторой степени понятна: какъ человѣкъ бѣдный, онъ не привыкъ къ ласковости со стороны богатыхъ и, если угодно, не лишено вѣрности слѣдующее его замѣчаніе по этому поводу:

pop temerarium est ubi dives blande appellat pauperem¹⁾.

Но бѣда въ томъ, что Эвкліонъ не знаетъ мѣры въ своихъ подозрѣніяхъ: находясь во власти своей *idée fixe*, онъ полагаетъ, что всѣ только и думаютъ о разныхъ комплотахъ противъ него, что всѣ только и стремятся къ его кадушкѣ, даже когда они, какъ Мегадоръ, и не преслѣдуютъ на самомъ дѣлѣ никакихъ денежныхъ интересовъ²⁾. И вотъ, благодаря этому, Эвкліонъ оказывается настоящимъ „самомучителемъ“, настоящимъ *ἐαυτοτύχιωροῦμενος*, не знающимъ ни минуты покоя и отдыха. Но несмотря на свою позорную страсть, которая проявляется въ каждомъ его поступкѣ — достаточно указать на его циничную похвальбу тѣмъ, что онъ купилъ къ свадьбѣ дочери только „*tusculum*“ и „*sogopas floreas*“³⁾ — несмотря на все это, въ Эвкліонѣ можно различить еще остатки кое-какихъ чисто-человѣческихъ побуждений и чувствъ. Такъ, напр., онъ не лишенъ настоящей гордости бѣдняка, не желающаго служить предметомъ насмѣшки со стороны богатыхъ. По крайней мѣрѣ, его первоначальный отказъ Мегадору въ рукѣ Федріи звучитъ очень гордо и красиво, звучитъ съ большимъ достоинствомъ и эффектомъ⁴⁾. Съ другой стороны, не замерла въ Эвкліонѣ и любовь къ дочери. Правда, поглощенный думами о кадушкѣ, онъ временно забылъ думать о Федріи, забылъ настолько,

1) *ibid.*, v. 184.

2) Ср. слова Эвкліона (v. 265 *sqq.*):

di immortales, opsecro, aurum quid valet!
credo ego illum jam inaudisse me esse tibiensaurum domi,
id inhiat, ea adfinitatem hanc opstinavit gratia.

3) *ibid.*, v. 371 *sqq.*

4) *ibid.*, v. 220 *sqq.*:

heta, Megadore, hau decorum factus tuis factis factis;
ut inopem atque innoxium aps te atque aps tuis me inrideas.

что очень прозрачные намеки Ликонида на его вину передъ Федріей кажутся ему намеками на то, что именно Ликонидъ и является похитителемъ золота ¹⁾. Но зато, когда слова юноши дѣлаются ему ясны и онъ узнаетъ о позорѣ дочери, онъ сразу забываетъ о своемъ потерянномъ сокровищѣ и всѣ его мысли переносятся на дочь, любовь къ которой какъ бы торжествуетъ надъ его недавней любовью къ деньгамъ ²⁾.

Итакъ, если въ лицѣ Смикрина Менандръ выводитъ передъ нами типъ сухого скупца, то въ лицѣ Эвкліона онъ даетъ типъ подлиннаго скупца, но скупца, пожалуй, болѣе человѣчнаго или, по крайней мѣрѣ, болѣе способнаго, чѣмъ Смикринъ, къ переживанію, пусть даже минутному, настоящихъ человѣческихъ чувствъ и мыслей. Приэтомъ, хотя въ Эвкліонѣ, какъ и въ Смикринѣ, довольно ясно сказываются черты „сварливости“ — ср., напр., его разговоръ съ Стафиллой и съ Конгріономъ ³⁾, — эта сварливость не занимаетъ въ его характерѣ, какъ въ характерѣ Смикрина, доминирующаго положенія: она стоитъ всего на всего на второмъ мѣстѣ, и не она, а скупость, какъ таковая, скупость въ различныхъ ея проявленіяхъ служить настоящимъ показателемъ Эвкліона, — своего рода мѣткой, по которой можно узнать его среди другихъ представителей той-же категоріи ⁴⁾.

1) *ibid.*, v. 745 sqq.

2) *ibid.*, v. 796 и 800 sq.

3) *ibid.*, vv. 40 sqq. и 415 sqq.

4) Поскольку дѣло касается Эвкліона, я никоимъ образомъ не могу согласиться съ слѣдующимъ выводомъ *Le grand'a* (о. с., 219): „Bref, si le héros de l'Avululaire n'est pas l'avare-type, si même il n'est pas, à proprement parler, un avare, on peut bien dire de lui, sans injustice, qu'il est un pingre“. Мнѣ наоборотъ кажется, что Эвкліонъ представляетъ собой довольно ярко очерченный типъ скупца, хотя, конечно, какъ правильно отмѣчаетъ это *Le grand* (о. с., 218), его и не слѣдуетъ слишкомъ сблизжать съ Молюеровскимъ Гарпагономъ. Вѣдь Гарпагонъ, помимо всего прочаго, не только скупецъ, но и ростовщикъ, — черта, которой нѣтъ у Эвкліона и которая вообщѣ чужда скупцамъ „новой“ комедіи, стремящимся не къ приумноженію, а къ сохраненію своего имущества. Скажу больше, Гарпагонъ, хоть онъ и образовался изъ Смикрина — Эвкліона, похожъ на свой греческій прототипъ лишь постольку, поскольку онъ, послѣ утраты шкатулки, произноситъ свой монологъ, навѣянный монологомъ Эвкліона, а также поскольку онъ ведетъ основанную на недоразумѣніи бесѣду съ возлюбленнымъ своей дочери, бесѣду, которая опять таки напоминаетъ собой разговоръ Эвкліона съ юношей Ликонидомъ. Ср., впрочемъ, *Вопнет, Smicrinés — Euction — Harpagon* (= *Mélanges Havet*, 17 сл.).

Рѣдкое умѣнье Менандра вносить въ любой, чисто-трафаретный комическій образъ такія черты, которыя, способствуя его индивидуализированію, превращаютъ его изъ простаго типа въ настоящій характеръ, — это умѣнье, въ приложеніи къ „Третьейскому суду“, съ неменьшею яркостью сказывается и на фигурахъ трехъ рабовъ, выступающихъ въ нашей пьесѣ, а именно, на фигурахъ Дава, Сириска и Онисима. Взятые всѣ вмѣстѣ, они представляютъ собой особую группу персонажей, ту группу, безъ которой не могла обойтись „новая“ комедія и изъ которой то и дѣло выходили „personnes d'intrigue“, несшія на себѣ всю тяжесть дѣйствія той или другой пьесы. Но въ нашемъ случаѣ всѣ поименованныя мною лица появляются въ болѣе скромной роли: предоставляя центральное мѣсто арфисткѣ, которая какъ бы замѣняетъ собой *servus callidus*, они участвуютъ въ дѣйствіи иначе, — либо, какъ Онисимъ, въ качествѣ пособниковъ Габротононъ, либо же, какъ Давъ и Сирискъ, въ качествѣ лицъ, не по своей винѣ замѣшавшихся въ общую путаницу. Ввиду этого они, собственно говоря, стоятъ на второмъ планѣ и не на нихъ, конечно, сосредоточивается главный интересъ комедіи, поскольку дѣло касается веденія ея интриги. Но несмотря на это, всѣ они съ поразительной выпуклостью выдѣляются на общемъ фонѣ дѣйствія, и выдѣляются, главнымъ образомъ, потому, что каждый изъ нихъ представляетъ собой оригинальную и въ высшей степени самобытную фигуру, которая сразу и навсегда врѣзается въ нашу память. Возьмемъ, напр., Дава. Если разобрать его роль саму по себѣ, то окажется, что она сводится къ однократному выступленію его въ началѣ пьесы, послѣ чего онъ выходитъ изъ состава дѣйствующихъ лицъ и уже не появляется въ дальнѣйшемъ предъ глазами зрителей. И тѣмъ не менѣе, онъ до такой степени типиченъ, до такой степени хорошо и тонко очерченъ, что его образъ, образъ обычнаго раба, получаетъ значеніе индивидуальнаго и притомъ вполне цѣльнаго характера, выхваченнаго поэтомъ изъ самой жизни.

Пастухъ по профессіи, привыкшій къ грубой крестьянской жизни, Давъ не знаетъ ничего другого кромѣ нея, а потому и всѣ его интересы прикованы къ ней и къ тому, чтобы устроить еѣ получше. Въ силу этого, найдя ребенка, онъ обращаетъ свое вниманіе не столько на него, сколько на тѣ

вещи, которыя при немъ находятся, думая именно на нихъ построить свое благополучіе. Что же касается до ребенка, то усматривая въ немъ только одну помѣху, онъ и отдаетъ его Сириску, дѣлая, впрочемъ, такой видъ, будто этимъ своимъ поступкомъ онъ оказываетъ ему одолженіе. Т. е., иными словами, Давъ — большой эгоистъ, обладающій притомъ нѣкоторой долей хитрости или, вѣрнѣе, лукавства. Но къ своему несчастью онъ не обладаетъ ни умомъ, ни настоящей сообразительностью. Правда, рассказывая о своей находкѣ, онъ довольно искусно прикрываетъ свое желаніе присвоить вещи найденыша, говоря, что они — „дрянце“ и что на нихъ надо смотрѣть, какъ на „пустячки одни, — не больше“ (ст. 60). Съ неменьшей ловкостью рисуетъ онъ и свое quasi-добродушіе по отношенію къ Сириску, добродушіе, которое выразилось будто бы въ томъ, что онъ удѣлилъ пріятелю часть находки, чего въ сущности могъ бы и не дѣлать. Наконецъ, дабы навредить противнику, онъ умѣетъ во время подвести его подъ гнѣвъ третейскаго судьи и одобрить затѣмъ гнѣвный окрикъ послѣдняго, думая, что подобная лстивость можетъ имѣть свою пользу и выгоду. Вотъ во всемъ этомъ довольно хорошо сказывается чисто крестьянское лукавство Дава и его относительное умѣніе пользоваться моментомъ! Но будучи способенъ на мелкія хитрости, онъ абсолютно не способенъ на какой нибудь зрѣло обдуманнѣй шагъ, а тѣмъ болѣе на то, чтобы во время разглядѣть опасность и уберечься отъ нея. Онъ, что называется, заднимъ умомъ крѣпокъ, т. е., онъ видитъ свои ошибки только тогда, когда ихъ уже нельзя исправить, и въ этомъ какъ разъ и заключается вся комичность его положенія въ его неравной борьбѣ съ ловкимъ и находчивымъ Сирискомъ. Сбитый съ толку, онъ сразу теряетъ всякую способность къ соображенію и можетъ только сожалѣть о своей прежней недалковидности, что не мѣшаетъ ему сейчасъ же дѣлать новыя ошибки и опять таки не замѣчать ихъ до поры до времени. Такъ, напр., не сумѣвъ учесть всей опасности, которая грозитъ ему со стороны Сириска, онъ сразу соглашается на третейскій судъ, причемъ въ этотъ моментъ его главнымъ образомъ снѣдаетъ мысль о томъ, зачѣмъ онъ подѣлился со своимъ бывшимъ пріятелемъ, въ силу чего онъ только и знаетъ, что повторять: „зачѣмъ я съ нимъ дѣлился“. Но вотъ Смикринъ

ставить свой приговоръ; въ результатъ котораго вся находка Дава переходитъ къ его врагу, и Давъ, оказавшійся при пиковомъ интересѣ, мѣняетъ свой *terrain* и начинаетъ говорить съ тупымъ упорствомъ: „что за неправый судъ“. Конечно, сами по себѣ эти многократно-повторяющіяся восклицанія производятъ комичное впечатлѣніе; но для Дава, какъ таковаго, они вполне понятны: въ нихъ, въ этихъ восклицаніяхъ, онъ выражаетъ всё свое негодованіе и недоумѣніе по поводу случившагося, недоумѣніе глупаго человѣка, увѣреннаго въ своей правотѣ. Вѣдь съ точки зрѣнія Дава съ нимъ поступили, конечно, безбожно! И дѣйствительно, вся находка была сдѣлана имъ; по своей доброй волѣ онъ уступилъ часть ея своему товарищу, и вотъ у него отнимаютъ все, да еще третируютъ его, какъ какого-то вора предъявляющаго несправедливыя требованія. Правда, и Сирискъ и Смикринъ приводятъ каждый свои доводы; но эти доводы непонятны ему. При ограниченности его міросозерцанія и при той примитивной грубости, которой отличаются его взгляды, ему трудно взять въ толкъ всѣ эти слова о справедливости, о *τὸ δίκαιον*, на чѣмъ и настаиваетъ Сирискъ¹⁾. Онъ смотритъ на справедливость иначе, гораздо упрощеннѣе, чѣмъ его противникъ, и что бы ни говорили ему, онъ всё равно будетъ стоять на своемъ: для того, чтобы усвоить чужіе, болѣе высокіе взгляды, ему не хватаетъ ни развитія, ни ума, ни сердца. Жадный, черствый и грубо-эгоистичный, да къ тому же несообразительный и неповоротливый, Давъ можетъ понять только одно: еще недавно въ его рукахъ находилось нѣчто цѣнное, ему дѣйствительно нужное, и всё это исчезло сразу и онъ опять остался съ пустыми руками, съ пустой сумой, безъ всякой надежды найти еще разъ нѣчто подобное тому, что у него отняли. И если угодно, то его гнѣвъ и его растерянность производятъ не одно комичное впечатлѣніе: какъ ни какъ, но Давъ, сбитый съ толку, Давъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, представляетъ собой довольно жалкую фигуру, тѣмъ болѣе жалкую, что онъ не понимаетъ и не можетъ понять, что поступить съ нимъ иначе было абсолютно невымыслимо²⁾.

1) См. Б. В. Варнеке, о с., 36.

2) По поводу Дава ср. также Legrand, о. с., 232 sq. и Carrs, о. с., 26 сл.

Зато полнымъ контрастомъ къ Даву является Сирискъ, его недавній другъ и пріятель, а нынѣ злѣйшій врагъ, одерживающій надъ нимъ верхъ въ спорѣ изъ за *υπαρῑσματα*. Будучи рабомъ Хѣрестрата, Сирискъ не живетъ однако въ домѣ своего хозяина. Онъ живетъ на сторонѣ, почти что на положеніи *χωρίς οἴκου*, и, занимаясь угольнымъ ремесломъ, обязанъ лишь время отъ времени доставлять опредѣленный оброкъ. Такимъ образомъ, несмотря на свое подневольное положеніе, онъ пользуется относительной свободой и можетъ, благодаря ей, не ощущать всей тяжести лежащаго на немъ рабства. Мало того, эта свобода въ жизни и въ дѣйствіяхъ оказывается въ высшей степени благопріятной и для развитія въ немъ той природной тонкости взглядовъ и ощущеній, которая такъ выгодно отличаетъ его отъ грубаго и мало что понимающаго Дава. Вращаясь не только въ деревнѣ, но и въ городѣ, Сирискъ, поскольку это для него возможно, испытываетъ на себѣ вліяніе цивилизованной жизни и пріобрѣтаетъ кое-какія вкусы и привычки, словно бы и неподходящія къ его ремеслу угольщика. Такъ, напр., онъ знакомъ съ театральными представленіями, чѣмъ, видимо, очень гордится, и знакомъ притомъ довольно детально. По крайней мѣрѣ, ему извѣстно содержаніе кое-какихъ трагедій, и онъ съ видомъ настоящаго знатока отличаетъ въ нихъ тѣ подробности, которыя особенно сильно врѣзались въ его память. А такъ какъ онъ не вполне умѣетъ отличать фикцію отъ дѣйствительности и такъ какъ съ другой стороны въ его характерѣ замѣчается извѣстная доля романтичности, то онъ иногда ставитъ себя на мѣсто нѣкоторыхъ героевъ мифологій и видитъ въ томъ, что случилось съ нимъ, своего рода параллель къ тому, что происходитъ на сценѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить ту часть его рѣчи, въ которой онъ сравниваетъ себя съ козопасомъ, спасшимъ Нилея и Пеліа, а также его слова по поводу примѣтъ и ихъ значенія (ст. 109 слл.). Но не одни театральныя зрѣлища знакомы Сириску. Онъ имѣетъ, повидимому, нѣкоторое представление и о другихъ сторонахъ городской жизни: о судебномъ ремеслѣ, которымъ „нынѣ всё спасешь“, и о тѣхъ громкихъ разсужденіяхъ по поводу права и справедливости, которыя то и дѣло должны были раздаваться и въ судахъ и съ ораторской трибуны. Приэтомъ, судьбище, какъ та-

ковое, представляет для него особую прелесть, тѣмъ болѣе, что онъ убѣжденъ въ силѣ своего слова и въ неотразимости своихъ доводовъ. Недаромъ, послѣ побѣды надъ Давомъ, онъ сразу предлагаетъ Онисиму рѣшить споръ о кольцѣ судомъ, заявляя съ наивной важностью, что для него рѣшительно всё равно, кто бы ни былъ между ними посредникомъ (ст. 197 сл.). Мало того, онъ до такой степени опьяненъ своимъ успѣхомъ, что совершенно серьезно мечтаетъ о перемѣнѣ своей профессіи угольщика на профессію ходатая по дѣламъ, для какой профессіи онъ находитъ себя вполне подготовленнымъ (ст. 200 сл.).

Итакъ, Сирискъ является очень любопытнымъ образомъ чисто-боевой натуры, — натуры наивно самоувѣренной и вѣчно готовой къ нападенію, но только къ нападенію открытому и притомъ во имя исключительно-чистыхъ принциповъ. И эта послѣдняя черта его характера, т. е., это стремленіе отстаивать только правое дѣло, сказывается у него во всемъ. До щепетильности честный и глубоко-отзывчивый на всё хорошее, онъ готовъ не щадить своихъ силъ, лишь бы не дать восторжествовать кривдѣ. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ онъ и начинаетъ борьбу съ Давомъ, своимъ недавнимъ пріятелемъ, который возмущаетъ его своей нечестностью по отношенію къ безпомощному ребенку. Ставя справедливость выше пріязни и личной выгоды, Сирискъ ни минуты не сомнѣвается въ томъ, какъ слѣдуетъ поступить ему въ данномъ случаѣ, и глубокимъ негодованіемъ на человѣческую подлость звучатъ тѣ слова въ его рѣчи, гдѣ онъ отстаиваетъ права малютки, находящагося подъ его защитой (ст. 85 сл.). Равнымъ образомъ, когда Онисимъ предъявляетъ свои права на перстень (ст. 178), Сирискъ усматриваетъ въ этомъ желаніе расхитить „сиротское добро“ и готовъ идти на какія угодно крайности, лишь бы только не уступить своему противнику, причемъ его не пугаетъ даже и тотъ фактъ, что ему придется имѣть дѣло съ Харисіемъ, т. е., уже не съ рабомъ, а съ свободнымъ человѣкомъ. Ни на какую дѣлежку Сирискъ, конечно, не согласенъ (ст. 241 сл.). Какъ истинный поборникъ правды, онъ напередъ исключаетъ всякую возможность какой либо некрасивой сдѣлки, могущей повредить его пріемышу, и возмущенный тѣмъ, что „всякій, кому только не лѣнь“, готовъ тащить сиротское имущество, смѣло

приготавливается къ защитѣ, уповая на свое краснорѣчіе, уже разъ оказавшее ему помощь.

Однимъ словомъ, если въ лицѣ Дава мы имѣемъ грубаго человѣка, не способнаго къ воспріятію и къ пониманію болѣе высокихъ чувствъ и мыслей, то въ лицѣ Сириска передъ нами выступаетъ человѣкъ совсѣмъ иного склада, иного развитія и иной, тонко-чувствующей души. Правда, онъ производитъ иногда комичное впечатлѣніе своей порывистостью и наивной самоувѣренностью, своей высокой оцѣнкой самого себя и своихъ талантовъ оратора, а также этимъ стремленіемъ показать, что онъ, хоть и рабъ, но рабъ, причастный къ цивилизаціи, рабъ, умѣющий и говорить и чувствовать и дѣйствовать, какъ настоящій свободный человѣкъ. Но, конечно, всѣ эти недостатки, если только ихъ можно назвать недостатками, нисколько не вредятъ ему и нисколько не ослабляютъ той наивной прелести, которая такъ присуща ему и которая дѣлаетъ изъ него нѣчто совсѣмъ особенное, — своего рода рыцаря безъ страха и упрека, рыцаря, только по ошибкѣ Судьбы одѣтаго въ простой кожухъ и помѣщеннаго среди такихъ типовъ, какъ Давъ.¹⁾

Намъ остается теперь заняться характеристикой Онисима, который, въ противоположность Сириску и Даву, является не простымъ чернорабочимъ, но довѣреннымъ слугою Харисія и притомъ слугою, на рукахъ котораго лежитъ всё хозяйство и весь распорядокъ въ домѣ. Такъ, напр., къ его обязанностямъ относится наемъ повара, заботы по устройству пировъ и обѣдовъ, а также главный присмотръ за тѣмъ, чтобы всё шло гладко и чтобы ни въ чемъ не было задержки. Поэтому то Онисимъ и волнуется, когда нанятой имъ поваръ оказывается болѣе способнымъ къ болтовнѣ, чѣмъ къ работѣ, и когда благодаря ему обѣдъ не поспѣваетъ къ положенному времени (ср. отр. 4, а также ст. 165 сл.). Однимъ словомъ, Онисимъ — это главное лицо среди всей остальной челяди, и къ тому же лицо, уже много лѣтъ находящееся въ услуженіи у Харисія. Вѣдь онъ, какъ это видно изъ словъ повара (отр. 1), былъ нѣкогда дядькой своего молодого барина, который такимъ образомъ оказывается его питомцемъ, его „выкормышемъ“ (*τροφίμος*). Отсюда ясно, что между Харисіемъ и Онисимомъ существуетъ довольно тѣсная связь, осно-

1) По поводу Сириска ср. Саp p s, о. с., 27.

ваніемъ которой является долготѣнная совмѣстная жизнь, за время которой и баринъ и слуга успѣли привыкнуть другъ къ другу. Приэтомъ Онисимъ не только привыкъ къ Харисію, но и безусловно ему преданъ, преданъ настолько, что считаетъ своимъ долгомъ открыть ему глаза на оскорбительное для него поведеніе Памфилы (ст. 205 слл.),¹⁾ — шагъ, который приноситъ Онисиму лишь одно безпокойство, ибо его „доносъ“, хотя и сдѣланный имъ изъ добрыхъ побужденій, вооружаетъ противъ него Харисія и способствуетъ въ концѣ концовъ только тому, что положеніе самого Онисима дѣлается очень шаткимъ и опаснымъ (ст. 205 слл., а также ст. 481 сл.). Но если, открывая Харисію тайну Памфилы, Онисимъ имѣлъ ввиду интересы своего барина, то проникнуть въ эту тайну ему удалось благодаря одной присущей ему особенности, а именно, благодаря ненасытной жаждѣ вмѣшиваться во все происходящее, хотя бы оно и не имѣло къ нему прямого отношенія. Т. е., иными словами, Онисимъ — настоящий типъ *περίεργος*, типъ человѣка, сующаго свой носъ повсюду и желающаго быть *au courant* всего, что дѣлается. Впрочемъ, Онисимъ и не скрываетъ этой своей слабости, являющейся чисто-типической чертой каждого раба „новой“ комедіи, — чертой, которая есть уже у Аристофановскаго Ксанѳіа, которой не чуждъ привратникъ Аида Эакъ, какъ явствуетъ это изъ его разговора съ Ксанѳіемъ въ „Лягушкахъ“²⁾, и которая не въ меньшей степени присуща и Каріону изъ „Богатства“³⁾. Такъ, напр., на восклицаніе повара:

1) Ср. по этому поводу Alciph., Epist. III, 27. Здѣсь изображается приблизительно такая же ситуація, какую мы видимъ въ „Третьейскомъ судѣ“, а именно: жена на пятый мѣсяцъ послѣ свадьбы родитъ ребенка, о чемъ между прочимъ не знаетъ ея мужъ, Федрія. Этого ребенка, снабженнаго *δέραϊά τινα καὶ γυνώρισματά*, она поручаетъ выбросить паразиту Асфаліону. Но другой паразитъ, Филомагиръ, проникаетъ въ тайну и намѣренъ открыть ее обманутому мужу, въ томъ, впрочемъ, случаѣ, если молодая женщина и ея приспѣшники будутъ продолжать надъ нимъ, т. е., надъ Филомагиромъ, свои прежнія издѣвательства, называя его льстецомъ и паразитомъ. Такимъ образомъ, Филомагиръ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ простой и довольно низкой мести, чего по отношенію къ Онисиму мы предполагать не можемъ.

2) Aristoph. Ran., vv. 748 sqq.

3) Aristoph. Plut., vv. 18 sqq. Ср. также слѣдующія слова Пармёна, раба, выступающаго въ Несуга Теренція (ст. 193 сл.):

Quid égerint inté se, non dum etiám scio;

Nisi sáne curaest, quórsum eventurum hóc slet.

Онисимъ, ты мнѣ любь! И ты свой носъ повсюду
Суешь! —

Онисимъ отвѣчаетъ слѣдующими, очень характерными
словами (отр. 2+3):

Всезнайкой быть пріятнѣ всего!

Далѣе, когда тотъ же Онисимъ, послѣ своей бесѣды съ
Габротононъ, начинаетъ дѣлать оцѣнку тому положенію, въ
которомъ онъ находится, благодаря сдѣланному имъ доносу
на Памфилу, онъ говорить прямо (ст. 357 слл.):

А если я опять

Иль сплетничать начну, иль носъ въ чужое суну, —
Пусть выбьютъ зубы мнѣ!

Изъ этихъ словъ вполне ясно что Онисиму хорошо извѣ-
стенъ его главный недостатокъ, т. е., *pervergula*, недостатокъ,
который дополняется еще страстью къ болтовнѣ и къ сплет-
нямъ, — второе, опять таки очень характерное для рабовъ
качество, про которое Парменонъ изъ Несуга Теренція гово-
рить такъ (ст. 112):

et illud mihi vitium est maximum.

Значить, пока нами установлено, что въ характерѣ Они-
сима можно различить три основныхъ черты, сближающихъ
его съ очень многими рабами „новой“ комедіи, а именно:
преданность своему хозяину, ненасытное любопытство и, на-
конецъ, склонность къ сплетничеству. Но, обладая этими
качествами, Онисимъ, въ противоположность другимъ „Ска-
пэнамъ“ комедіи, не обладаетъ тѣмъ, что могло бы сдѣлать
изъ него настоящаго, въ комическомъ смыслѣ, „homme d'in-
trigue“, т. е., иными словами, у него нѣтъ ни малѣйшей спо-
собности къ созданію ловкихъ плановъ, а также никакого
умѣнія выворачиваться изъ неблагопріятно слагающихся об-
стоятельствъ. Онисимъ слишкомъ неповоротливъ для этого,
слишкомъ тяжкодуменъ и, къ довершенію прочаго, нѣсколько
трусоватъ. Онъ можетъ только восхищаться изобрѣтатель-
ностью другихъ (ср. ст. 340), можетъ апплодировать ей и по-
нимать ея значеніе, но самъ, говоря его же словами, не имѣ-
етъ „нюха на тонкости“ (ст. 345) или, вѣрнѣе, не имѣетъ над-
лежащей смѣлости и смекалки. Такъ, напр., взявъ кольцо у
Сириска, онъ не знаетъ, что съ нимъ дѣлать, и безъ толку

носится съ нимъ до тѣхъ поръ, пока въ дѣло не вступаетъ Габротононъ, въ одну минуту создающая цѣлый планъ, который и увѣнчивается въ концѣ концовъ успѣхомъ. Правда, Онисимъ косвенно помогаетъ арфисткѣ, но помогаетъ, какъ простой подмастерье, больше смотрящій на работу мастера, чѣмъ участвующій въ ней. Приэтомъ, помогая Габротононъ, онъ всѣми силами старается „отойти къ сторонкѣ“ и „къ новой кутерьмѣ остаться непричастнымъ“ (ст. 355 сл.), ибо онъ находитъ, что съ него „хватитъ и стараго“, тѣмъ болѣе, что и „въ немъ бѣды не мало“ (ст. 211).

Изъ всего этого ясно, что у Онисима дѣйствительно не хватаетъ ни рѣшительности, ни смѣлости. Но зато, какъ человѣкъ нерѣшительный, онъ постоянно, и притомъ съ разныхъ сторонъ, обдумываетъ свое положеніе, взвѣсивая всевозможные про и contra, которые то поднимаютъ въ немъ надежду на благопріятное окончаніе всякихъ тревоженій, то наоборотъ приводятъ въ отчаяніе и въ ужасъ (ср. ст. 340—359). И вотъ среди этихъ измѣнчивыхъ ощущеній идетъ вся жизнь Онисима, которому всё время „и хочется и колется“, пока, наконецъ, противъ всякихъ его ожиданій дѣло не складывается для него болѣе, чѣмъ благополучно: вѣдь онъ получаетъ вольную! На первыхъ порахъ онъ прямо не помнитъ себя отъ радости, и съ неподдѣльной теплотой и восторгомъ говоритъ о Габротононъ, которая освободила его не только отъ страха, но и отъ рабства (ст. 511 слл.). Ну, а затѣмъ, по минованіи всякихъ опасностей, къ нему возвращается та важность и наглость стараго двороваго, которая было покинула его на время и которая теперь снова проявляется въ немъ съ еще болѣе силой и интенсивностью.

Способность смотрѣть на нѣкоторыхъ людей сверху внизъ замѣчается у Онисима уже въ его разговорѣ съ Сирискомъ, но тамъ она прсказывается всё таки довольно слабо, ибо неожиданная находка перстня вызываетъ у Онисима столько побочныхъ думъ и мыслей, что ему становится не до важности. Зато, когда онъ обрѣтаетъ свой прежній покой, да оказывается еще на положеніи вольноотпущеннаго, его наглость снова находитъ къ нему дорогу и вспыхиваетъ очень ярко, какъ явствуется это изъ его разговора съ Смикриномъ. Еще недавно онъ боялся Смикрина и избѣгалъ съ нимъ всякихъ столкновеній (ст. 360 слл.). Теперь же онъ не только

бесѣдуетъ съ нимъ, какъ равный съ равнымъ, но даже третируетъ его, какъ существо болѣе низкаго порядка, надъ которымъ можно глумиться и на которомъ можно выместить всѣ прежнія, очень непріятныя для Онисима переживашя и обиды. И что всего любопытнѣе, сварливый Смикринъ пасуетъ передъ наглостью простого раба, который поучаетъ его съ снисходительной важностью, какъ глупаго ребенка, нуждающагося въ умномъ поученіи. Приэтомъ, какъ истинный слуга такого барина, который занимается философіей, Онисимъ самъ пускается въ философствованіе и развиваетъ передъ ошалѣвшимъ старикомъ Эпикуровскую теорію о невмѣшательствѣ боговъ въ дѣла міра и о роли характера въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка. Правда, излагая эту теорію, Онисимъ очень далекъ отъ философской точности, но все таки его поученіе ясно доказываетъ, что онъ не напрасно провелъ всю свою жизнь около Харисія и что разговоры послѣдняго на философскія темы, разговоры которые Онисимъ могъ слышать не одинъ разъ, нашли въ немъ очень хорошій откликъ и очень понятливаго слушателя, во всякомъ случаѣ болѣе понятливаго, чѣмъ Смикринъ, играющій въ сценѣ съ Онисимомъ роль настоящаго, глупаго Pantalone¹⁾.

Теперь послѣ окончающія характеристики Онисима мы могли бы коснуться еще роли повара, чисто-комического персонажа, вносившаго въ тѣ части пьесы, гдѣ ему приходилось выступать, оттѣнокъ веселаго и легкаго фарса. Но къ сожалѣнію, эта роль почти что пропала. Что же касается ея сохранившихся частей, то онѣ не заключаютъ въ себѣ ничего характернаго, да сверхъ того слишкомъ уже похожи на такую же роль повара въ „Саміанкѣ“, о которой намъ еще придется говорить ниже. Ввиду этого я скажу только, что поваръ, бывшій однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ „Третьскаго суда“, представлялъ собой обычный цеховой типъ повара, — типъ, отличительными чертами котораго являются болтливость, склонность къ сплетнямъ, высокое мнѣніе о себѣ и о своемъ искусствѣ, недовольство порядками того дома, куда онъ попалъ, и, наконецъ, рѣдкая способность къ зубоскальству, на что между прочимъ намекаютъ слѣдующія слова Аѳинея (XIV, 659b): *μάλιστα γὰρ ἐισάγονται οἱ μάγειροι σκαπτικοὶ τινοὶ, ὡς πρῶτα*

1) Недурную характеристику Онисима даетъ Carrs, о. с., 27 sq.

Μενάνδρῳ ἐν Ἐπιτρέπουσιν (ср. также стр. 114). Возможно, впрочем, что кромѣ этихъ чисто-цеховыхъ качествъ Менандръ вкладывалъ въ фигуру повара и нѣкоторыя индивидуальныя черты, которыми поваръ изъ „Третьякаго суда“ отличался отъ поваровъ, выступавшихъ въ другихъ комедіяхъ того-же автора. Однако, такъ ли это или не такъ, сказать трудно. Можно только, на основаніи Аѳиней, думать, что преимущественной чертой нашего повара было зубоскальство, которое скорѣе всего могло проявляться въ его бесѣдѣ съ Смикриномъ и которое должно было придавать всей сценкѣ отбѣнокъ веселости и неподдѣльнаго комизма. Такимъ образомъ, роль повара имѣла въ пьесѣ только аксессуарное значеніе, въ противоположность ролямъ всѣхъ тѣхъ персонажей, о которыхъ мы говорили выше, и главнымъ, можетъ быть, даже исключительнымъ ея назначеніемъ было возбуждать смѣхъ въ зрителяхъ.

Но если мы оставимъ въ сторонѣ эту „persona comica“, не возведенную на положеніе индивидуальнаго характера, и вернемся снова къ другимъ уже разобраннѣмъ нами персонажамъ, то мы увидимъ, что въ большинствѣ случаевъ Менандръ не ограничивался выведеніемъ простыхъ типовъ, снабженныхъ какимъ нибудь однимъ условнымъ качествомъ. На основаніи двухъ разсмотрѣнныхъ нами комедій, а именно, „Героя“ и „Третьякаго суда“, мы должны будемъ придти къ иному выводу, на возможность полученія котораго я уже намекалъ выше.

Типы, какъ таковыя, типы съ ярко-подчеркнутыми цеховыми и сословными особенностями, выступаютъ у Менандра не въ первую голову, и не они во всякомъ случаѣ останавливаютъ на себѣ его вниманіе. Правда, согласно установившимся до него правиламъ, онъ вводилъ въ свои пьесы, въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, группы однихъ и тѣхъ же персонажей, выведеніе которыхъ было освящено традиціей и наличность которыхъ составляла *conditio sine qua* поп любой пьесы „новой“ комедіи. Притомъ каждый изъ этихъ персонажей, вмѣстѣ съ присущей ему по роли маской, привносилъ и рядъ постоянныхъ типичныхъ качествъ, безъ которыхъ онъ былъ бы немыслимъ въ глазахъ зрителей. Такимъ образомъ, Менандръ получалъ серію готовыхъ фигуръ, которыя были снабжены рядомъ специфическихъ особенностей, зависящихъ

или отъ рода занятій даннаго лица, или отъ его возраста и соціального положенія, или же, наконецъ, отъ того, какой типъ должно было оно представлять собою.

Но эти, унаслѣдованныя Менандромъ чисто-условныя фигуры, которыя можно было бы назвать настоящими цеховыми типами, выступаютъ у него на сценѣ не съ тѣми только чертами, которыя и дѣлали изъ нихъ нѣчто неподвижное, разъ навсегда очерченное и опредѣленное. Въ каждомъ такомъ типѣ Менандра прежде всего интересовалъ „внутренній“ человѣкъ, т. е., то внутреннее „я“, которое и движетъ каждымъ человѣческимъ индивидуумомъ, независимо отъ того, кто онъ по профессіи, по возрасту или по положенію. Поэтому, встрѣчаясь у Менандра съ любымъ условнымъ типомъ, мы почти всегда, и притомъ сразу, начинаемъ замѣчать въ немъ что-то новое, отличающее его отъ другихъ лицъ той-же категоріи или того-же класса. Достаточно будетъ указать, ради примѣра, на фигуры пяти рабовъ, съ которыми намъ пришлось имѣть дѣло въ „Героѣ“ и въ „Третьейскомъ судѣ“. Всѣ эти лица, какъ представители рабскаго сословія, имѣютъ между собой очень много общаго, и всѣмъ имъ присуще нѣчто специфическое, подводящее ихъ подъ типъ раба вообще. Но лишь только мы начинаемъ всматриваться въ любого изъ нихъ повнимательнѣе, мы видимъ, что каждый изъ нихъ представляетъ собой оригинальную особь, оригинальный, тонко-индивидуализированный характеръ, — представляетъ собой человѣка, который живетъ и движется, который подверженъ самымъ разнообразнымъ страстямъ и душевнымъ побужденіямъ, который интересуется насъ, какъ нѣчто намъ близкое, вполне понятное и хорошо знакомое. Однимъ словомъ, въ герояхъ Менандра мы видимъ передъ собой настоящихъ людей, отграниченныхъ другъ отъ друга своими характерами, людей самой обычной складки, т. е. тѣхъ людей, которыхъ даетъ повседневная жизнь со всѣми ея тревоженіями, заботами и интересами.

Ввиду этого я не прочь былъ бы назвать комедію Менандра „комедіей индивидуальныхъ характеровъ“, правда, мелкихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ останавливающихъ на себѣ вниманіе своей выпуклостью и свѣжестью, своей удивительной правдивостью и, наконецъ, по истинѣ рѣдкостной жизненностью.

7.

Согласно принятому нами плану, намъ слѣдовало бы перейти теперь къ выясненію частичной зависимости „Третьскаго суда“ отъ трагедіи. Но прежде, чѣмъ коснуться этого вопроса, я хотѣлъ бы остановиться на другой, не менѣе важной проблемѣ, а именно, на выясненіи философскихъ взглядовъ Менандра, которые влагаются имъ въ уста Онисима и которые какъ будто имѣютъ нѣчто общее съ ученіемъ Эпикура.

Правда, проблема эта не представляетъ собой чего-либо новаго: она уже не одинъ разъ ставилась и разрѣшалась въ новѣйшихъ работахъ по Менандру¹⁾. Однако и теперь еще, несмотря на многократное рассмотрѣніе ея разными учеными, и въ особенности Vollgraff'омъ, она не можетъ считаться безусловно исчерпанной, тѣмъ болѣе, что если Vollgraff видитъ въ одномъ пассажѣ „Третьскаго суда“ (ст. 544 слл.) ясное и несомнѣнное отраженіе эпикурейства, то Arnim столь же категорически отрицаетъ это, хотя, какъ мнѣ кажется, и безъ достаточныхъ на то оснований²⁾. Ввиду этого врядъ ли будетъ излишнимъ, если мы снова возьмемся за разрѣшеніе этой проблемы и снова поставимъ вопросъ о томъ, можно ли видѣть въ ст. 544 слл. воспроизведеніе взглядовъ Эпикура на боговъ и на ихъ отрицательную роль въ міровомъ процессѣ, а также и на то положительное значеніе, которое имѣетъ при устройствѣ человѣческой жизни духовная сущность человѣка, — его внутреннее „я“.

Согласно Эпикуру, боги существуютъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ они вовсе не таковы, каковыми представляетъ ихъ себѣ человѣческое воображеніе³⁾. Прежде всего, они не имѣютъ причастности къ созданію міра, который образовался безъ ихъ содѣйствія, самъ собой, путемъ случайнаго сцѣпленія ато-

1) Ranke, *Periphrasmen, sive de Epicuri, peripateticorum, Aristippi placitorum apud poetas comicos vestigiis* (Marpurgi 1900); Arnim, *Kunst und Weisheit in den Komödien Menanders* (= *Neue Jahrbücher f. d. Klass. Alt.*, XXV (1900), 252); Vollgraff, *Menandrea*, 66 sqq.; A. di Bella, *La commedia di Menandro*, 113 sqq., и въ особенности 123 sqq. Ср. также Legend, o. c., 566.

2) Arnim, o. c., 252.

3) Usener, *Epicurea*, ep. III (p. 60): θεοὶ μὲν γὰρ εἰσὶν· ἐναργὴς γὰρ αὐτῶν ἔστιν ἡ γυνῶσις· οἶον δ' αὐτοῖς <οἱ> πολλοὶ νομίζουσιν, οὐκ εἰσὶν.

мовъ¹⁾. Но не участвуя въ созданіи міра и живя вдали отъ него, въ особомъ „междуміріи“ (*μετακόσμια*, *intermundia*), боги не вліяють и на дальнѣйшій ходъ мірового процесса, въ чемъ бы онъ ни выражался²⁾. Чуждые заботъ, страховъ и страданій, а также всякихъ страстей, они пребываютъ въ вѣчномъ, невозмутимомъ покоѣ, не отзываясь ни на что, лежащее внѣ ихъ и не нарушая никакими аффектами своего спокойнаго и блаженнаго состоянія, или, какъ говоритъ Цицеронъ³⁾, „ *nihil enim agit deus, nullis occupationibus est implicatus, nulla opera molitur, sua sapientia et virtute gaudet*“.

Такимъ образомъ, ни созданіе міра, ни устройство его, ни тѣмъ болѣе жизнь, въ немъ идущая, не имѣютъ никакого отношенія къ эпикуровскимъ богамъ: всё это оставляетъ боговъ безразличными, какъ нѣчто такое, что могло бы вывести ихъ изъ той своеобразной нирваны, въ которой они пребываютъ. Т. е., иными словами, боги существуютъ, но для чего и въ силу чего, неизвѣстно⁴⁾. Отдѣленные отъ міра и помѣщенные à part, они являются безстрастными созерцателями всего происходящаго, не могущими внушить къ себѣ ни страха, ни уваженія, ни любви, а слѣдовательно, не могущими никоимъ образомъ возмутить ходъ человѣческой

1) Usener, o. c., fr. 361 (p. 241): *κοινῶς οὖν ἀμαρτάνουσιν ἀμφότεροι* (Ἀναξαγόρας καὶ Πλάτων), *ὅτι τὸν θεὸν ἐποίησαν ἐπιστρεφόμενον τῶν ἀνθρωπίνων καὶ τοῦτον χάριν τὸν κόσμον κατασκευάζοντα*.

2) Usener, o. c., fr. 359 (p. 240): *τὸν δὲ θεὸν ὁμολογῶν εἶναι ἀίδιον καὶ ἀφθαρτον φησὶ μηδενὸς προνοεῖν, καὶ ὕλῃς πρόνοιαν μὴ εἶναι μηδὲ εἰμαρμένην, ἀλλὰ πάντα αὐτοματισμῷ γίνεσθαι. καθῆσθαι γὰρ τὸν θεὸν ἐν τοῖς μετακόσμοις οὕτω καλουμένας ὑπ' αὐτοῦ. ἔξω γὰρ τι τοῦ κόσμου οἰκητήριον τοῦ θεοῦ ἔθετο εἶναι λεγόμενον τὰ μετακόσμια. ἡδεσθαι δὲ καὶ ἡσυχάζειν ἐν τῇ ἀκροτάτῃ εὐφροσύνῃ, καὶ οὕτε αὐτὸν πράγματα ἔχειν οὕτε ἄλλω παρέχειν*. Ср. Мен. fr. 549, 3 sq.:

*ὅταν γὰρ ἄλυπος διὰ τέλους εἶναι θέλῃς,
ἢ δεῖ θεόν σ' εἶναι τιν' ἢ τάχα δὴ νεκρόν.*

3) Cic. de nat. deor., I, 19, 51. Ср. Usener, o. c., fr. 360; 363, 364.

4) Мысли о томъ, что боги не только не причастны къ человѣческой жизни, но и безразличны къ ней, проповѣдовались уже задолго до Эпикура, какъ явствуетъ это изъ слѣдующихъ словъ Платона (*De republica*, II, 365 D): *ἀλλὰ δὲ θεοὺς οὕτε λανθάνειν οὕτε βιάσασθαι δυνατόν. οὐκοῦν, εἰ μὲν μὴ εἰσὶν ἢ μηδὲν αὐτοῖς τῶν ἀνθρωπίνων μέλει, οὐδ' ἡμῖν μελετήεον τοῦ λανθάνειν. εἰ δὲ εἰσὶ τε καὶ ἐπιμελοῦνται, οὐκ ἄλλοθεν τοι αὐτοὺς ἴσμεν καὶ ἀκηκόαμεν ἢ ἔκ τε τῶν λόγων καὶ τῶν γενεαλογούντων ποιητῶν*. См. M. Wundt, *Geschichte der griechischen Ethik*, II, 200, 2.

жизни, которая протекает сама по себѣ и устройство которой зависитъ исключительно отъ самого человѣка и отъ его духовной сущности.

Посмотримъ теперь, совпадаютъ ли съ изложенными нами взглядами Эпикура на боговъ тѣ мысли о послѣднихъ, которыя влагаются Менандромъ въ уста Онисима въ ст. 544—551, гласящихъ слѣдующее :

— Неужли у боговъ есть время для того,
Чтобъ каждый день имѣть про каждаго въ запасѣ
Добро и зло, Смикринъ? — Что хочешь ты сказать?
— Я поясню сейчасъ... Всѣхъ городовъ, примѣрно,
Найдется съ тысячу. А въ каждомъ тысячь тридцать
Живетъ людей. И вотъ приходится богамъ
Губить и миловать всѣхъ безъ остатка... — Враки,
Вѣдь выйдетъ, что у нихъ не жизнь, а трудъ сплошной!

Изъ этихъ стиховъ, какъ бы мы ихъ ни толковали, можно сдѣлать только одинъ выводъ, а именно: боги, занятые чѣмъ-то постороннимъ, не имѣютъ времени для того, чтобы карать или награждать людей за ихъ поступки, т. е., иными словами, боги не обращаютъ на людей должнаго вниманія и не считаютъ нужнымъ о нихъ заботиться. Поступаютъ же они такъ потому, что въ противномъ случаѣ ихъ жизнь превратилась бы въ сплошной трудъ, и они, согласно выраженію Цицерона¹⁾, стали бы „*laboriosissimi*“, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Но разъ это такъ, то выходитъ, что жизнь боговъ, какъ рисуеъ её Онисимъ, представляетъ собой жизнь беззаботную, жизнь, чуждую всякаго труда и волненій, или, иначе, что эта жизнь носитьъ приблизительно такой же характеръ, какъ и жизнь боговъ по Эпикуру.

Правда, въ словахъ Онисима нѣтъ прямого указанія на невмѣшательство боговъ въ ходъ мірового процесса, — обстоятельство, которое и заставляетъ Арним'а отрицать въ приведенномъ нами пассажѣ какіе бы то ни было отзвуки эпикуреизма²⁾. Но мнѣ кажется, что это соображеніе Арним'а слишкомъ уже ригорозно. И дѣйствительно, для цѣлей Они-

1) Cic. de nat. deor., I, 19, 52.

2) Arnim, o. c., 252: (diese Stelle) leugnet nur die directe Verursachung aller einzelnen Güter und Uebel des Lebens durch die Götter, keineswegs wie Epikur das Eingreifen der Götter in den Weltlauf überhaupt.

сима было абсолютно ненужнымъ затрагивать вопросъ объ отношеніи боговъ къ міру вообще. Поэтому-то онъ, или, вѣрнѣе, Менандръ, говорящій его устами, и оставляетъ этотъ вопросъ въ сторонѣ, какъ не имѣющій прямого касательства къ дѣлу. Что же до вопроса объ отношеніи боговъ къ людямъ, т. е. объ ихъ вмѣшательствѣ въ дѣла человѣческія, то по этому поводу Онисимъ высказывается очень опредѣленно и притомъ въ чисто-эпикуровскомъ духѣ, чего, думается мнѣ, отрицать нельзя и на что обратила вниманіе уже древность въ лицѣ Давида (Aristot. categ. 23, 27), говорящаго по поводу ст. 544—546 слѣдующее: τῷ Ἐπικούρῳ συνήκμασε Μένανδρος· οὗτοι δὲ οἱ Ἐπικούρειοι καὶ μέχρι τῶν οὐρανίων ἵστασιν τὴν πρόνοιαν, ἵνα μὴ πράγματα σῴῃ τὸ θεῖον περιεργαζόμενον τὰ τῆδε· μέμνηται δὲ τῆς δόξης καὶ Μένανδρος ἐν τοῖς Ἐπιτροπέουσιν ἦν ἡ φησὶν κτλ¹⁾).

Переходимъ теперь къ дальнѣйшимъ словамъ Онисима (ст. 552—559):

„Но если не они заботятся, то кто-же“,
 Ты спросишь. — Въ cadaго вѣдрили нравъ они
 Начальникомъ. Однихъ онъ въ порошокъ стираетъ,
 Коль худо съ нимъ они обходятся, другихъ —
 Блюдетъ и милуетъ. Нашъ нравъ, — вотъ кто нашъ богъ!
 И счастье и бѣда, — всё отъ него зависитъ,
 Его и ублажай, не дѣлая притомъ
 Ни зла, ни глупости, коль хочешь быть счастливымъ.

Эти слова, какъ сами по себѣ, такъ и въ качествѣ продолженія ст. 544—551, даютъ довольно неожиданный выводъ, какъ бы противорѣчащій тому, который мы сдѣлали выше. И дѣйствительно, если въ ст. 544 слл. заключаются отзвуки эпикуровскаго ученія о богахъ, то въ ст. 552 слл. мы не видимъ ничего, напоминающаго это ученіе. Правда, въ ст. 552 Онисимъ еще разъ говоритъ на ту тему, что боги не заботятся о людяхъ, но зато дальше онъ строитъ какую-то новую теорію о характерѣ, играющемъ роль замѣстителя боговъ и, что еще страннѣе, роль, которая возлагается на него какъ разъ богами, не имѣющими попеченія о дѣлахъ человѣческихъ. Отсюда вытекаетъ, что боги, хотя и не вмѣшиваются прямо въ

1) Коск, о. с., III, 51, fr. 174.

человѣческую жизнь, вмѣниваются въ нее косвенно, ибо какъ разъ они и „внѣдрили“ въ человѣка его нравъ, его характеръ, его *τρόπος*.

Но подобное представленіе о богахъ противорѣчить представленію о нихъ Эпикура, который разъ и навсегда изъялъ ихъ изъ жизни міра и людей и поставилъ à part въ качествѣ равнодушныхъ зрителей, живущихъ исключительно для себя и въ себѣ. Такимъ образомъ, боги, замѣщающіе себя въ человѣкѣ его характеромъ, не имѣютъ, повидимому, ничего общаго съ эпикуровскими богами, равно какъ ничего общаго съ ученіемъ философа не имѣетъ и тотъ смыслъ, который придается человѣческому нраву и который возводитъ его, согласно остроумному замѣчанію Vollgraff'a¹⁾, на положеніе своеобразнаго „*deorum vicarius*“.

Спрашивается, какъ выйти изъ этого затрудненія? Самимъ легкимъ выходомъ было бы, конечно, указаніе на то (такъ, между прочимъ, и поступаетъ Vollgraff²⁾), что, коль скоро философскія истины вложены въ уста простого раба, то странно было бы ожидать, чтобы онѣ излагались послѣднимъ съ надлежащей точностью и пониманіемъ, тѣмъ болѣе, что, будь это на лицо, вся сценка потеряла бы въ комизмѣ и въ естественности и приблизилась бы къ трагическимъ *ἀνέκδοτα* въ духѣ Еврипида. „*Consulto autem*“ — говоритъ Vollgraff — „*poetam philosophorum scita in servili ore aliquatenus corripuisse crediderim, ut caveret ne pop Onesimus aliquis, sed vir liberalibus studiis eruditus aut perfectus philosophus quidam loqui videretur*“.

Если мы встанемъ на такую точку зрѣнія, то намъ не трудно будетъ объяснить противорѣчіе, заключающееся въ одновременномъ допущеніи боговъ, стоящихъ внѣ міра, и боговъ, косвенно заботящихся о людяхъ, причемъ объясненіе наше можно было бы формулировать такъ: недостаточно твердый въ философскихъ истинахъ и не отвыкшій еще отъ обычныхъ религіозныхъ представленій, Онисимъ, самъ того не замѣчая, отрицаетъ и въ то-же время допускаетъ вмѣшательство боговъ въ мірскія дѣла, нарушая такимъ образомъ цѣлость и точность излагаемой имъ эпикуровской теоріи.

1) Vollgraff, o. c., 69.

2) Vollgraff, o. c., 70.

Но если этотъ пунктъ въ разсужденіи Онисима могъ бы быть объясненъ вышеуказаннымъ способомъ, то гораздо хуже обстоитъ дѣло съ „характеромъ“, возводимымъ на роль замѣстителя боговъ. Въдѣ характеръ, какъ нѣчто неустойчивое и непостоянное, да къ тому же не у всѣхъ одинаковое, врядъ ли можетъ быть разсматриваемъ, какъ божественное начало, руководящее людьми и завѣдующее ихъ жизнью. По крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ греческихъ философовъ, не исключая Эпикура, не придавалъ ему подобнаго смысла и значенія, ибо, какъ говоритъ Vollgraff¹⁾, „id, quod munere vicarii deorum in homine fungi debeat, utique necesse est, ut integrum et aequabile esse“, чего про характеръ сказать, конечно, нельзя, коль скоро онъ у различныхъ людей бываетъ различнымъ, т. е., или хорошимъ, или же, наоборотъ, дурнымъ. Между тѣмъ, всякое божественное начало, будучи всегда однимъ и тѣмъ-же, можетъ быть только хорошимъ, ибо зло несомнѣстимо съ понятіемъ о божествѣ, какъ говоритъ объ этомъ, напр., Еврипидъ въ „Ифигеніи Таврической“ (ст. 391):

οὐδένα γὰρ οἶμαι δαιμόνων εἶναι κακόν.

Итакъ, изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что въ рѣчи Онисима о характерѣ мы имѣемъ дѣло съ какимъ-то недоразумѣніемъ, основаннымъ либо на непониманіи Эпикура, либо же на простомъ извращеніи теоріи послѣдняго, и что ввиду этого слово *τρόπος* должно быть признано за невѣрный терминъ, вмѣсто котораго надо подыскать другой, болѣе подходящий, если только въ словахъ Онисима дѣйствительно таится эпикуровское ученіе, а не что либо другое. Что касается до Vollgraff'a, то онъ ни на минуту не сомнѣвается въ томъ, что приведенный нами пассажъ о характерѣ заключаетъ въ себѣ нѣчто эпикуровское, хотя и затемненное до неузнаваемости благодаря вкравшемуся въ него искаженію, причемъ основаніемъ для подобной мысли служить для Vollgraff'a слѣдующее²⁾.

Прежде всего, онъ предполагаетъ, что если бы Онисимъ выразился правильно, то замѣстителемъ боговъ онъ долженъ былъ бы назвать или *οὐνείδησις*, или *νοῦς*, или *λόγος*, т. е. одну изъ тѣхъ духовныхъ сущностей, которыя играли роль

1) Vollgraff, о. с., 69.

2) Vollgraff, о. с., 71 sq.

въ ученіи какъ эпикурейцевъ, такъ и стоиковъ, и упомина-
ніе о которыхъ находимъ мы и у Менандра (см. Мен. топ.
597 и 654, Мен. fr. 11 и 762). Далѣе, Vollgraff отмѣчаетъ и
тотъ фактъ, что если въ ученіи Эпикура управленіе человѣ-
ческой жизнью возлагается на человѣческій духъ, то у сто-
иковъ и академиковъ эту роль играютъ геніи (*δαίμονες*),
которые въ качествѣ наблюдателей и руководителей сопут-
ствуютъ человѣку, начиная отъ дня его рожденія¹⁾, и о ко-
торыхъ Эпикуръ не говоритъ, между прочимъ, ни слова.
Между тѣмъ, въ нашемъ пассажѣ Онисимъ, какъ бы непра-
вильно онъ ни выражался, упоминаетъ не о геніяхъ, вѣд-
ренныхъ въ человѣка, какъ считали это академики, но о
характерѣ или, точнѣе, какъ думаетъ Vollgraff, о чемъ-то
духовномъ, замѣняющемъ собой божество и исполняющимъ,
такъ сказать, функціи послѣдняго. Наконецъ, главнымъ под-
твержденіемъ того, что Онисимъ въ своей рѣчи имѣетъ въ
виду ученіе Эпикура, служитъ, по мнѣнію Vollgraff'a, слѣду-
ющій пассажъ изъ Сенеки, почти что совпадающій съ Ме-
нандровскимъ (ep. mor. 41): *non sunt ad coelum elevandae
manus.... prope est a te deus, tecum est, intus est. ita dico,
Lucili: sacer intra nos spiritus sedet, malorum bonorumque po-
strorum observator et custos. hic prout a nobis tractatus est,
ita nos ipse tractat.*

Что эти слова Сенеки разительнo похожи на слова Онн-
сима, отрицать, конечно, нельзя. А такъ какъ разобранное
нами разсужденіе Онисима является прямымъ продолженіемъ
его эпикуровскихъ мыслей насчетъ боговъ, и такъ какъ, съ
другой стороны, Сенека, хотя онъ и былъ стоикомъ, любилъ
черпать изъ Эпикура приходившіяся ему по душѣ сентенціи²⁾,

1) Cp. Мен. fr. 550 (= Коск, о. с., III, 167 sq.):

*ἅπαντι δαίμων ἀνδρὶ συμπαρίσταται
εὐθὺς γενομένῳ, μυσταγωγὸς τοῦ βίου
ἀγαθὸς καὶ κακὸν γὰρ δαίμων οὐ νομιστέον
εἶναι βίον βλέποντα χρηστόν.*

Ср. также Plat., Phaed., 107 D: *λέγεται δὲ οὕτως, ὥς ἄρα τελευτή-
σαντα ἕκαστον ὁ ἑκάστου δαίμων, ὅσπερ ζῶντα εἰλήχει, οὕτως
ἄγειν ἐπιχειρεῖ εἰς δὴ τινα τόπον, οἱ δὲ τοῦ συλλεγέντα διαδixασμένους
εἰς Αἶδου πορεύεσθαι μετὰ ἡγεμόνος ἑκείνου, ᾧ δὴ προστέταται τοῦ ἐνδόνος
ἐκείσε πορεύειν.*

2) Vollgraff, о. с., 73 sq.; Usener, Epicurea, praef., LV. Ср.
также Sen. ep. mor. 2: *soleo enim et in aliena castra transire, non tam-
quam transfuga, sed tamquam explorator.*

то ничто, кажется, не мѣшаетъ намъ видѣть въ словахъ Онисима о *τρόπος* отзвуки эпикуровской морали, хотя и облеченной на этотъ разъ въ довольно странную, не совсѣмъ эпикуровскую форму. Таковы въ краткихъ чертахъ доводы Vollgraff'a, съ которыми я въ общемъ согласенъ и которые, какъ мнѣ кажется, съ достаточной наглядностью говорятъ за то, что ст. 544 слл. представляютъ собой популярное изложеніе эпикуровской теоріи о богахъ и о роли человѣческаго духа, — изложеніе, не чуждое, впрочемъ, ошибокъ или, вѣрнѣе, намѣренныхъ неточностей. Вотъ къ этимъ неточностямъ, въ оцѣнкѣ которыхъ я расхожусь съ Vollgraff'омъ, мнѣ и хотѣлось бы перейти теперь, такъ какъ онѣ, по моему мнѣнію, находятся въ непосредственной связи съ тѣмъ представленіемъ Менандра о человѣческой жизни, котораго онъ, повидимому, держался и которое, думается мнѣ, можно еще прослѣдить по дошедшимъ до насъ обрывкамъ его комедій.

Если мы начнемъ просматривать эти обрывки, то мы увидимъ, что чаще всего въ нихъ упоминается о двухъ силахъ, регулирующихъ нашу жизнь и то устрояющихъ, то разрушающихъ её. Этими силами, не вполнѣ равномерными по своему значенію, являются *τρόπος* и *τύχη*, т. е., характеръ и случай. Что касается до перваго, то онъ до нѣкоторой степени зависитъ отъ насъ, отъ нашей воли, и можетъ быть направляемъ согласно нашему желанію. Зато по отношенію къ „случаю“ мы находимся на положеніи существъ, безусловно отъ него зависящихъ, не могущихъ ни парировать его удары, ни предусматривать во время тѣхъ перемѣнъ, которыя онъ можетъ внести въ ходъ нашей жизни. Такимъ образомъ, мы оказываемся одновременно и свободными и несвободными, причемъ единственное, чего мы можемъ достигнуть, это — направлять въ надлежащую сторону свой характеръ, свой нравъ, ибо, дѣйствуя такъ, мы можемъ обезпечить себя, по крайней мѣрѣ, хоть въ этомъ отношеніи, отъ разныхъ нежелательныхъ послѣдствій и осложненій.

Мысль о томъ, что характеру принадлежитъ важная роль въ человѣческой жизни и что онъ является однимъ изъ условій человѣческаго благополучія, — эта мысль была впервые высказана Эпихармомъ и высказана притомъ въ слѣду-

ющей формѣ: *ὁ τρόπος ἀνθρώποισι δαίμων ἀγαθός, οἷς δὲ καὶ κακός*¹⁾. Что же касается до Менандра, то онъ усвоилъ ее и она сдѣлалась, такъ сказать, его излюбленной мыслью, настоящей *idée fixe*, которой онъ и предоставилъ очень широкое мѣсто въ своихъ комедіяхъ, присоединивъ къ ней, впрочемъ, и мысль о *τύχη*.

Всего яснѣе это взаимодѣйствіе „случая“ и „характера“ выражено Менандромъ въ отр. 589²⁾:

*ἀνευ κακῶν γὰρ οἶκIAN οἰκουμένην
οὐκ ἔστιν εὖρεῖν, ἀλλὰ τοῖς μὲν ἡ τύχη
τούτων δίδωσιν ἀφθονίαν, τοῖς δ' οἱ τρόποι.*

Но разъ дурной нравъ можетъ принести только одно горе, то ясно, что отъ такого горя можно спастись лишь обузданіемъ своего нрава, ибо въ противномъ случаѣ, какъ говорить намъ тотъ-же Менандръ³⁾,

*ἀλογίστου τρόπου
ἀτύχημα φεύγειν ἐστὶν οὐκ ἀνθαίρετον.*

Зато, если обстоятельства складываются такъ, что, несмотря на правильное направленіе характера, человѣкъ все таки терпитъ несчастіе, то для него можетъ служить утѣшеніемъ тотъ фактъ, что это несчастіе пришло не отъ него, но отъ „случая“, съ которымъ бороться немислимо, ибо

*τυφλὸν γε καὶ δύστηνόν ἐστιν ἡ τύχη*⁴⁾,

и ввиду этого,

*ὧν δὲ μὴ αἴτιος τρόπος,
τά γ' ἀπὸ τῆς τύχης φέρειν δεῖ γνησίως τὸν εὐγενῆ*⁵⁾.

Но если поэтъ и умѣетъ иногда давать вышеуказанные трезвые совѣты, то бываютъ у него и такія минуты, когда его начинаетъ возмущать несправедливость, царящая въ мірѣ и проявляющаяся какъ разъ по отношенію къ хорошимъ

1) Epicharm. fr. 258 (= Kaibel, Com. gr. fragmenta, I, 1, 139).

2) Коск, о. с., III, 179.

3) Коск, о. с., III, 73, fr. 253. Ср. также fr. 594 :

*ὁ μὴ φέρων δὲ κατὰ φύσιν τὰ πράγματα
τύχην προσηγόρευσεν τὸν ἑαυτοῦ τρόπον.*

4) Коск, о. с., III, 121, fr. 417 b.

5) Коск, о. с., III, 59, fr. 205.

людямъ, обладающимъ чистымъ характеромъ, и тогда у него
вырываются горькія слова, вродѣ, напр., слѣдующихъ:

*οὐδέν με λυπεῖ μᾶλλον ἢ χρηστός τρόπος
εἰς χαλεπὸν ὅταν ᾗ συγκεκλημένος βίον¹⁾.*

Однако, эта несправедливость и измѣнчивость, царящія
въ мірѣ, вполне понятны, ибо, согласно Менандру,

*οὕτως ἀσυλλόγιστον ἡ τύχη ποιεῖ.
τὸ συμφέρον τί ποτ' ἐστὶν ἀνθρώπου βίῳ,
οὗ χρηταὶ νόμοις, καθ' οὓς κρίνει τὰ πράγματα,
οὐδ' ἐστὶν εἰπεῖν ζῶντα ταῦτ' οὐ πείσομαι²⁾.*

А такъ какъ, съ другой стороны, хотя про „случай“ и
можно сказать:

ὥς ποικίλον πράγμ' ἐστὶ καὶ πλάνον τύχη³⁾,

однако, разъ отъ этого „случая“ всё зависитъ и разъ

πρὸς τὴν τύχην γὰρ ζυγομαχεῖν οὐ ῥᾶδιον⁴⁾,

то приходится признать его мощъ и силу и, отбросивъ всякія
мысли о значеніи человѣческаго разума и человѣческой
сообразительности⁵⁾, придти къ слѣдующему единственно прави-
льному выводу:

*τύχη κυβερνᾷ πάντα ταύτην καὶ φρένας
δεῖ καὶ πρόνοιαν τὴν θεὸν καλεῖν μόνην,
εἰ μὴ τις ἄλλως ὀνόμασιν χαίρει κενοῖς⁶⁾.*

И вотъ, выступая въ качествѣ главной міровой силы,
„случай“ дѣлаетъ то, что рѣшительно всѣ являющіяся событія,
имѣющія мѣсто въ человѣческой жизни, оказываются въ его

1) Коск, о. с., III, 195, fr. 670. Ср. также fr. 590:

*ὦ μεταβολαῖς χαίρουσα παντοίαις τύχαις,
σὸν ἐστ' ὕνειδος τοῦθ', ὅταν τις ὦν ἀνὴρ
δίκαιος ἀδίκους περιπέσῃ συμπτώμασιν,*

и fr. 356:

*ὥς ἀδικον, ὅταν ἡ μὲν φύσις
ἀποδῇ τι σεμνόν, τοῦτο δ' ἡ τύχη κακοῖ.*

2) Коск, о. с., III, 103, fr. 355.

3) Коск, о. с., III, 81, fr. 288.

4) Коск, о. с., III, 195, fr. 673, 2.

5) Ср. fr. 482 (= Коск, о. с., III, 139).

6) Коск, о. с., III, 139, fr. 483.

рукахъ и въ его власти, приче́мъ если къ нему и примѣнимы слова:

ὡς ὁρατίζεθ' ἡ τύχη πρὸς βίονσ¹⁾,

то нельзя отрицать и того, что, благодаря его измѣнчивости, очень часто послѣ пережитого человѣкомъ горя наступаетъ неожиданный поворотъ къ лучшему и что человѣкъ изъ страдальца превращается въ счастливца²⁾. Но разъ это такъ, то никогда не слѣдуетъ падать духомъ и, будучи всегда готовымъ ко всему, нужно серьезно наблюдать линіи за однимъ, а именно за тѣмъ, чтобы не приходилось сожалѣть о своихъ собственныхъ проступкахъ, совершенныхъ благодаря недостаточно-зоркому наблюденію за своимъ нравомъ, за своимъ *τρόπος*³⁾. Отсюда вытекаетъ, что „нравъ“, какъ таковой, играетъ видную роль въ человѣческой судьбѣ, ибо онъ можетъ или улучшить или ухудшить нашу жизнь, которая и безъ того подвергается всякаго рода испытаніямъ со стороны „случая“, управляющаго ею.

И дѣйствительно, человѣкъ, обладающій благороднымъ характеромъ, прежде всего, какъ думаетъ Менандръ, не пойдетъ ни на какой дурной поступокъ, независимо отъ того, будетъ ли онъ имѣть отношеніе къ нему самому или къ другимъ людямъ. Слѣдуя движенію своего нрава, словно требованію какого нибудь опредѣленнаго закона⁴⁾, онъ не рѣшится, конечно, на несправедливость или на обиду, коль скоро она можетъ принести вредъ его ближнему⁵⁾. Съ другой стороны, подъ давленіемъ того-же нрава, онъ знаетъ всегда, какъ слѣдуетъ ему поступать въ томъ или въ другомъ случаѣ, приче́мъ никакія рѣчи, никакія убѣжденія не могутъ отвлечь его отъ исполненія его долга⁶⁾. Наконецъ,

1) Коск, о. с., III, 228, fr. 855.

2) Ср. fr. 94 (= Коск, о. с., III, 29, 5):

τὸ τῆς τύχης γὰρ θεῦμα μεταπίπτει ταχῶς.

3) Ср. Мен. 'Επιτρет., 566 sqq.

4) Мен. fr. 772 (= Коск, о. с., III, 216):

δίκαιος ἂν ᾖ, τῷ τρόπῳ χρῆσαι νόμῳ.

5) Мен. fr. 774 (= Коск, о. с., III, 216):

δίκαιος ἀδικεῖν οὐκ ἐπίσταται τρόπος.

6) Мен. fr. 575 (= Коск, о. с., III, 175):

*ἐμὲ δὲ ποιεῖν τὸ καθήκον οὐχ ὁ οὐδὲ λόγος,
εὖ ἴσθ' ἀκριβῶς, ὁ δ' ἴδιος πελθεῖ τρόπος.*

подобный человекъ можетъ имѣть громадное вліяніе и на другихъ людей, и къ его словамъ всякій будетъ внимательно прислушиваться ввиду того, что

τροπος εσθ' ο περιων του λεγοντος, ου λογος ¹⁾.

Однимъ словомъ, выходитъ, что благородный характеръ способствуетъ украшенію жизни, ибо онъ вноситъ въ нее элементъ нравственной прелести. Правда, это не значить, что жизнь такого человека сложится непременно счастливо: „случай“ можетъ, конечно, испортить ее, но испортить только внѣшнимъ образомъ. Что же касается до ея внутренняго содержанія, то оно пребудетъ неизблемымъ, тѣмъ болѣе, что у человека останется всегда сознаніе своей правоты, — своего рода утѣшеніе въ незаслуженномъ горѣ или несчастіи²⁾. Зато совершенно иначе обстоитъ дѣло съ тѣмъ, кто является обладателемъ дурного нрава или, иначе, кто, согласно Онисиму, „плохо обходится со своимъ характеромъ“. Не говоря уже о томъ, что онъ, рѣшаясь на худые поступки, вноситъ дисгармонію въ свою собственную жизнь, онъ портитъ и коверкаетъ сверхъ того и жизнь другихъ людей, такъ или иначе отъ него зависящихъ. И вотъ примѣромъ такого человека является въ глазахъ Онисима Смикринъ, „безумный нравъ“ котораго чуть что не привелъ его къ совершенію непоправимой ошибки: къ уничтоженію счастья его дочери, къ настоящему „несчастью“, которое однако было бы и „преступленіемъ“, ибо оно произошло бы не „благодаря случаю“, но „благодаря злой волѣ“ ³⁾. А если тѣмъ не менѣе все обошлось благополучно, то это случилось лишь потому, что нѣкоторое стеченіе обстоятельствъ помѣшало осуществленію Смикриновскаго плана⁴⁾. Т. е., иначе, капризный и непостоянный „случай“ исправилъ ту ошибку, которую хотѣлъ сдѣлать „характеръ“, направленный въ дурную сторону и не могшій вслѣдствіе этого дѣйствовать такъ, какъ ему бы слѣдовало.

1) Мен. fr. 472, 7 (= Коск, о. с., III, 135).

2) Ср. fr. 205 (= Коск, о. с., III, 59).

3) Ср. Мен. fr. 426 (= Коск, о. с., III, 124):

*αὐτῆς καὶ ἀδίκῃς διαφορὰν ἔχει ·
τὸ μὲν διὰ τῆς ἡγέτας, τὸ δ' αἰρέσει.*

4) Ср. ст. 567 сл.:

*καὶ νῦν μὲν ὁρμῶντ' ἐπὶ πονηρὸν πρᾶγμα σε
ταῦτόματον ἀποσέσωξε.*

Однимъ словомъ, изъ разобранныхъ нами отрывковъ, а также изъ обращенной къ Смикрину рѣчи Онисима видно, что въ міросозерцаніи Менандра „случай“ и „характеръ“ занимали очень важное мѣсто и что именно этимъ двумя силамъ нашъ поэтъ и приписывалъ главное значеніе какъ въ ходѣ, такъ и въ устройствѣ человѣческой жизни¹⁾. „Случай“ и „характеръ“, — вотъ настоящіе боги Менандра, въ которыхъ онъ вѣритъ и власть которыхъ надъ людьми онъ признаетъ безусловно, причемъ если „случай“, какъ слѣпая сила, возбуждаетъ въ немъ грустныя, подчасъ пессимистическія мысли²⁾, то „характеръ“, какъ нѣчто духовное и болѣе гибкое, заставляетъ поэта возлагать на него нѣкоторыя надежды и упованія. И, быть можетъ, нигдѣ, ни въ одномъ изъ приведенныхъ нами отрывковъ, не выяснена у Менандра съ такою отчетливостью роль „характера“, какъ въ вышеуказанномъ пассажѣ изъ „Третьскаго суда“, пассажѣ, который, несмотря на весь присущій ему комизмъ, заключаетъ въ себѣ очень глубокую и довольно обстоятельно развитую мысль.

Но если человѣческій *τρόπος* или, иначе, индивидуальное человѣческое „я“, вызывало къ себѣ со стороны поэта столько вниманія и интереса, то невольно хочется задать себѣ вопросъ, дѣйствительно ли только ради намѣреннаго искаженія эпикуровской теоріи помѣщено это слово въ интересующемъ насъ мѣстѣ, и не вѣрнѣе ли будетъ смотрѣть на эту постановку неподходящаго на первый взглядъ термина, какъ на желаніе Менандра развить еще одинъ лишній разъ свой излюбленный взглядъ на роль „характера“ въ жизни? Мнѣ лично кажется, что подобное предположеніе будетъ безусловно вѣрнымъ и безусловно пріемлемымъ, а тѣмъ болѣе ясно показывающимъ намъ, какъ относился нашъ поэтъ къ передачѣ чужихъ теорій, хотя бы это и были теоріи Эпикура, его друга и сверстника. Не будучи самъ философомъ и не считая нужнымъ вводить философскія док-

1) О сходной роли „случая“ и „характера“ у Теренція см. П. Черняевъ, Бытъ и нравы по комедіямъ Теренція (Варшава 1912), 37 слл. Здѣсь мы имѣемъ ясную репродукцію тѣхъ-же менандровскихъ мыслей, вложенныхъ въ сходную форму и выраженныхъ съ большою опредѣленностью и выпуклостью: недаромъ же Теренція называли въ древности *dimidiatus Menander*!

2) См. Меп. fr. 481 (= Коск., о. с., III, 138).

трины во всей их полнотѣ въ свои комедіи, Менандръ при случаѣ всё таки пользовался ими, но пользовался лишь постольку, поскольку онѣ не мѣшали его личнымъ взглядамъ и воззрѣніямъ. Онѣ вовсе не хотѣлъ быть своего рода передаточной инстанціей или, вѣрнѣе, распространителемъ чужихъ мыслей. Онѣ бралъ ихъ, если онѣ приходились къ мѣсту, но въ то-же время онѣ считалъ себя въ правѣ видоизмѣнять ихъ согласно требованіямъ своей собственной, чисто практической философіи, въ которой на первомъ мѣстѣ стояли „случай“ и „характеръ“. Поэтому-то и въ интересующемъ насъ пассажѣ онѣ не постѣснился поставить вмѣсто эпикуровскаго „*sacer spiritus*“ совсѣмъ другое, и притомъ довольно неустойчивое понятіе, а именно, *τρόπος*, — понятіе, благодаря которому, правда, затемнилась безусловно ясная мысль Эпикура о руководительствѣ духа надъ человѣкомъ, но зато съ полной опредѣленностью вырисовалась собственная мысль Менандра, его вѣчная *idée fixe* ¹⁾.

8.

Переходимъ теперь къ вопросу о зависимости „Третьскаго суда“ отъ трагедіи, къ вопросу, который можетъ быть рѣшенъ лишь относительно, но который вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ довольно важное историко-литературное значеніе, такъ какъ онѣ приводитъ насъ къ проблемѣ о зависимости Менандра отъ Еврипида, и притомъ зависимости не только идейной, но и формальной. Дѣло въ томъ, что хотя „новая“ комедія и заимствовала свои сюжеты изъ круга обыденной жизни, а не изъ круга миѣическихъ сказаній, какъ трагедія, однако въ „Третьскомъ судѣ“ мы присутствуемъ

1) Вопросъ о томъ, какое значеніе въ руководствѣ челоѣческой жизнью придавалъ Менандръ челоѣческому *νοῦς*, рѣшить, на мой взглядъ, довольно трудно. Правда, мы располагаемъ тремя отрывками (fr. 11, 70 и 762), въ которыхъ *νοῦς* называется „богомъ“ (*θεός*). Но ввиду того, что fr. 762 :

ὁ νοῦς γὰρ ἡμῶν ἐστὶν ἐν ἑκάστῳ θεός,

представляетъ собой дословное повтореніе Eur. fr. 1018 (= Nauck², Tragic fragm., 685), позволительно, кажется, думать, что и вся мысль о *νοῦς* не есть оригинальная мысль Менандра, а мысль наносная, заимствованная у Еврипида, подобно тому, какъ заимствовано нашимъ поэтомъ у академикѣ упоминаніе о генияхъ — хранителяхъ (*δαίμονες*), о которыхъ говорится въ отр. 550 (см. стр. 248, 1). Иначе, повидимому, думаетъ Agnès, о. с., 252.

при любопытной попыткѣ Менандра приобщить комедию къ такой темѣ, которая трактовалась уже въ одной изъ пьесъ Еврипида. Правда, эта тема взята и помѣщена нашимъ поэтомъ въ качествѣ второстепеннаго, хотя и очень важнаго, эпизода; правда, утративъ свою былую трагичность, она, такъ сказать, опростилась, т. е. получила оттѣнокъ обыденщины и изъ царской обстановки перешла въ мѣщанскую. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на подобнаго рода измѣненія, необходимыя уже потому, что, согласно грамматикѣ Діомеду¹⁾, *κωμῳδία ἐστὶν ἰδιωτικῶν πραγμάτων ἀκίνδυνος περιούρη*, мы всё таки не можемъ отрицать, что тема, какъ таковая, взята изъ героическаго цикла и что построенная на ней сценка, въ которой Сирискъ спорить съ Давомъ предъ лицомъ Смикрина; есть ничто иное, какъ воспроизведеніе части мифа объ Алопѣ и притомъ воспроизведеніе, очень близко стоящее къ Еврипиду и къ его трагедіи „*Ἀλόπη*“²⁾.

Что касается до содержанія послѣдней, то оно, согласно Гигину³⁾, сводится въ общихъ чертахъ къ слѣдующему. Алопа, дочь царя Керкіона, дѣлается жертвою Посейдона и родитъ отъ него сына, котораго, тайкомъ отъ своего отца, передаетъ кормилицѣ съ порученіемъ бросить его въ лѣсу. „*Qui cum expositus esset*“ — продолжаетъ Гигинъ — „*equa venit et ei lac praestabat. quidam pastor equam persecutus vidit infantem atque eum sustulit. qui veste regia indutum cum in casam tulisset, alter compastor rogavit ut sibi eum infantem donaret. ille ei donavit sine veste. cum autem inter eos iurgium esset, quod qui puerum acceperat insignia ingenuitatis reposceret, ille autem non daret, contententes ad regem Cercyonem venerunt et contendere coeperunt. ille autem qui infantem donatum acceperat, repetere insignia coepit. quae cum adlata essent et agnosceret Cercyon ea esse ex veste scissa fillae eius Alopes, nutrix timens regi indicium fecit infantem eum Alopes esse*“.

1) Diomed. de comoedia IX, 1' (= Kaibel, Com. gr. fragm. I, 1, 57).

2) См. по этому поводу: Bodin, Notes sur l'Arbitrage de Ménandre (= *Révue de philologie*, 32 (1908), 73 sq.); Bodin-Mazon, o. c., 289; Fischl, Zu Menanders Epitrepontes (= *Hermes*, 43 (1908), 311 sq.); Б. В. Варнеке, Новые комедіи Менандра, 94; A. di Bella, o. c., 152 sq.

3) Hygin. fab. 187. Ср. Nauck², Trag. graec. fragm., 389 sq. Реконструкцію „Алопы“ даетъ Welcker, Die griechischen Tragödien, II, 711–717.

Если мы сопоставимъ теперь этотъ разсказъ Гигина, особенно же ту часть его, гдѣ говорится о двухъ пастухахъ и объ ихъ тяжбѣ, съ соотвѣтствующей сценой „Третейскаго суда“, то мы увидимъ, что Менандръ, хотя и переноситъ дѣйствіе въ другую обстановку и въ другія условія, почти что не отходитъ отъ Еврипида какъ въ расположеніи, такъ и въ трактовкѣ заимствованнаго имъ матеріала. И дѣйствительно, оставивъ въ сторонѣ сказочныя подробности, онъ не измѣняетъ однако ни одной изъ тѣхъ деталей, которыя могутъ пригодиться ему и изъ которыхъ при желаніи можно скомпоновать сценку, словно выхваченную изъ настоящей жизни. Такъ, напр., онъ не трогаетъ основного мотива ссоры: какъ у Еврипида, такъ и у него эта ссора начинается изъ за имущества найденныша, причемъ если у Еврипида пастухъ, получившій ребенка, видитъ въ этомъ имуществѣ „*insignia ingenuitatis*“, то и Сирискъ требуетъ у Дава *tà γυναικίματα* не ради личной выгоды, а для того, чтобы помочь ребенку установить впослѣдствіи свое свободное происхожденіе. Далѣе, какъ у Еврипида, такъ и у Менандра разборъ тяжбы возлагается на лицо, не знающее, что оно приходится ребенку дѣдомъ. Наконецъ, насколько можно судить объ этомъ по Гигину, пастухи, выступавшіе въ „Алопъ“, начинали передъ Керкіономъ настоящій *ἀγων λόγων*, т. е. поступали не иначе, чѣмъ Давъ и Сирискъ въ „Третейскомъ судѣ“. И мнѣ кажется, что безусловно правъ Welcker¹⁾, который настолько не сомнѣвается въ наличности подобнаго агона, что считаетъ возможнымъ сказать: „*der Prozess der beiden Hirten vor dem Könige ist bei Hygin ganz so angelegt, wie er dem Euripides zu einer glänzenden Gerichtsscene dienen konnte*“. Вѣдь мы знаемъ, что у Еврипида, дѣйствительно, было большое пристрастіе къ устройству такихъ сценъ, въ которыхъ два лица вступали въ споръ передъ третьимъ, и которыя являлись какъ бы отголоскомъ настоящихъ судьбищъ, столь любимыхъ аѳинянами. Ввиду всего этого мы имѣемъ нѣкоторое право думать, что и тяжба Сириска съ Давомъ была составлена Менандромъ примѣнительно къ сценѣ суда въ „Алопъ“, или, иначе, что Менандръ былъ обязанъ трагедіи какъ разъ той сценкой, о которой, между прочимъ, упоминаетъ Квинтиліанъ²⁾.

1) Welcker, о. с., 713.

2) Inst. orat., X, 1, 70.

Итакъ, изъ сказаннаго нами явствуетъ, что въ основѣ „Третьскаго суда“ лежитъ часть того мѣста, который Еврипидъ взялъ сюжетомъ для своей „Алопы“, и что, сверхъ того, тотъ же Еврипидъ помогъ Менандру и въ созданіи эпизодичной сцены, давшей заглавіе комедіи. Но, кромѣ всего нами указаннаго, есть въ „Третьскомъ судѣ“ еще одна маленькая подробность, тоже, повидимому, заимствованная изъ „Алопы“, а именно, упоминаніе о *πορφύρεᾳ πέτρῳ*, о „пурпурномъ лоскуткѣ“, который находится среди вещицъ ребенка, перебираемыхъ Сирискомъ. Правда, этотъ предметъ не имѣетъ большого значенія и не изъ за него начинается споръ между Сирискомъ и Онисимомъ. Но тѣмъ не менѣе я былъ бы не прочь усматривать въ немъ своего рода отдаленное воспоминаніе о той „vestis regia“, „scissa vestis“, которая играетъ такую важную роль въ „Алопѣ“ и по которой Керкіонъ убѣждается въ виновности своей дочери. Однако, если въ „Алопѣ“ главная роль при *ἀναγνώρισίῳ* удѣляется одеждѣ царевны, то въ „Третьскомъ судѣ“ на первомъ мѣстѣ стоитъ эпизодъ съ перстнемъ Харисіа, т. е. деталь, которой нѣтъ въ трагедіи Еврипида. И все таки, хотя ея нѣтъ въ „Алопѣ“, она находится на лицѣ въ другой Еврипидовской пьесѣ, а именно, въ той самой „Авгѣ“, о которой говорится въ заключительныхъ стихахъ нашей комедіи (ст. 583 сл., а также ст. 585 сл.).

Что касается до содержанія „Авги“, то оно въ общихъ чертахъ извѣстно намъ по одному отрывку изъ *Progymnasmata* Моисея Хоренскаго, по отрывку, начало котораго звучитъ такъ: „dum in Arcadiae quadam urbe festum Minervae celebraretur, cum eiusdem sacerdote Augea Alei filia choreas in nocturnis sacris agitante rem Hercules habuit, qui et huius furti testem ei reliquit anulum. illa ex eo gravida Telephum reperit, quod nomen ex eventu adhaesit“¹⁾. Если сопоставить приведенный нами текстъ съ той фавулой, на которой построенъ „Третьскій судъ“ Менандра, то окажется, что эта фавула почти совпадаетъ съ основнымъ сюжетомъ „Авги“. И дѣйствительно, въ обѣихъ пьесахъ мы имѣемъ дѣло съ дѣвушкой, опозоренной во время ночного бдѣнія и удержавшей на па-

1) Mos. Choren. Progymn. lib. III, exempl. 3 (= Mat, Eusebii Chron. (Mediolani), 294). Ср. Nauck², о. с., 436 sq. Первымъ указалъ на это Wilamowitz-Moellendorf, *Analecta Euripidea*, 189.

мать о своемъ позорѣ перстень насильника. Мало того, этотъ перстень, какъ явствуетъ изъ дальнѣйшихъ словъ Моисея, способствуетъ въ „Авгѣ“ тому, что Гераклъ признаетъ по нему ребенка и спасаетъ мать послѣдняго отъ грозившей ей смерти¹⁾, т. е., иными словами, мы имѣемъ передъ собой, правда, въ нѣсколько иной, болѣе трагичной формѣ, ту же развязку, которую даетъ намъ и „Третьейскій судъ“. Наконецъ, если мы начнемъ просматривать отрывки изъ „Авги“, то изъ одного изъ нихъ, относившагося, повидимому, къ рѣчи Геракла, намъ станетъ извѣстнымъ, что Гераклъ произвелъ насиліе подъ вліяніемъ опьяненія, о чемъ онъ и говоритъ въ слѣдующихъ стихахъ:

*νῦν δ' οἴῃοο ἐξέστησέ μ' ὁμολογῶ δέ σε
ἀδικεῖν, τὸ δ' ἀδίκημ' ἐγένετ' οὐχ ἐμοῦσιον²⁾.*

Но въ такомъ случаѣ его поступокъ и причина, вызвавшая послѣдній, оказываются вполне идентичными со всѣмъ тѣмъ, что знаемъ мы о Харисіи, частью изъ его собственныхъ словъ, частью изъ словъ Онисима и Габротононъ. А разъ это такъ, то еврипидовскій Гераклъ, выступавшій въ „Авгѣ“, является своего рода прототипомъ *τῶν μικρῶν μετράκων τῶν τοῦ Μενάνδρου*, которые отличаются склонностью къ буйству и обычнымъ извиненіемъ которыхъ бываетъ ссылка на „ночь, вино и молодость“³⁾.

Итакъ, связь между „Авгой“ и „Третьейскимъ судомъ“ на лицо, причемъ эта зависимость нашей комедіи отъ

1) Mos. Choren., l. c.: jam Augeae pater stupro cognito exandescens Telephum quidem deserto loco abiici, ubi is a cervia nutritus est, Augeam autem abisso submergi mandavit. Interm Hercules ad eam regionem delatus deque re gesta sua ex anulo admonitus et puerum ex se genitum eripuit et parentem ipsam ab instante mortis discrimine expedit.

2) Eurip. fr. 265 (= Nauck², o. c., 437). Совершенно также, какъ явствуетъ это изъ его словъ, поступилъ и Ксуфъ въ „Іонѣ“: ср., по крайней мѣрѣ, Ion, 551 sqq.

3) Stavenhagen въ своей статьѣ „Epitrepontes und Hekyra“ (= Hermes, 45 (1910), 582) склоненъ думать, что и мотивъ супруга, который, вернувшись домой изъ путешествія, находитъ свою жену беременной и который, несмотря на всю свою любовь къ ней, отдаляется отъ нея, — что и этотъ мотивъ, столь обычный въ „новой“ комедіи, восходитъ тоже къ Еврипиду и, въ частности, къ его трагедіи „Алкмена“. По поводу „Алкмены“ см. Engelmann, Archäologische Studien zu den Tragikern, 52, а также Decharme, Euripide et l'esprit de son théâtre, 261 sq.

„Авги“ не менѣе разительна, чѣмъ указанная нами выше зависимость ея отъ „Алопы“. Но только, если послѣдняя не упоминается и не цитруется Менандромъ въ текстѣ его комедіи, то, наоборотъ, объ „Авгѣ“ онъ говоритъ въ концѣ „Третьскаго суда“ устами Онисима и даже приводитъ изъ нея два стиха, взятые, повидимому, изъ защитительнаго монолога самой героини, съ которымъ она могла обращаться, напр., къ своему отцу Алею¹⁾). Такимъ образомъ, Менандръ какъ бы указываетъ на одинъ изъ своихъ источниковъ, и притомъ какъ разъ на тотъ, который, до нѣкоторой степени, послужилъ для него исходной точкой при созданіи фабулы его пьесы. Но коль скоро мы можемъ установить съ неопровержимой очевидностью, что въ основѣ „Третьскаго суда“ лежатъ двѣ пьесы Еврипида, то ничто, кажется, не мѣшаетъ намъ заключать, что „сюжетъ этой комедіи Менандра представляетъ собой контаминацію двухъ трагическихъ сюжетовъ“²⁾), — мысль, которую Bodin формулируетъ такъ: (Ménandre) empruntait à l'Augé et à l'Alopé par une sorte de contamination le point de départ de sa pièce et le thème d'une de ses plus jolies scènes³⁾).

Эта установка факта сюжетной зависимости Менандра отъ Еврипида, позволяетъ намъ поднять еще одинъ вопросъ, а именно, вопросъ о томъ, можно ли опредѣлить съ точностью, насколько близко стоялъ нашъ комикъ къ излюбленному имъ трагику при передачѣ отдѣльных деталей и подробностей уже не сюжетнаго, а скорѣе структурнаго характера. Объ этомъ вопросѣ намъ еще придется говорить впослѣдствіи, при разборѣ одной сценки изъ „Отрѣзанной косы“, гдѣ все, и структура, и общій тонъ выдержаны въ чисто-еврипидовскомъ духѣ. Но и по отношенію къ „Третьскому суду“ у насъ, думается мнѣ, есть кое-какія данныя, которыя даютъ возможность, если и не рѣшить, то, по крайней мѣрѣ, затронуть интересующую насъ проблему.

1) Eur. fr. 920 (= Nauck², о. с., 658):

*ἡ φύσις ἐβούλεθ', ἡ νόμων οὐδὲν μέλει.
γυνὴ δ' ἐπ' αὐτῇ τῷ δ' ἔφρ.*

Т. е.:

Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно.
Удѣлъ жены родить!

2) Варнеке, о. с., 94.

3) Bodin, о. с., 74.

Нѣсколько выше мной уже было указано на то, что сцену суда въ нашей комедіи можно было бы разсматривать, какъ сцену, навѣянную Еврипидомъ. Коснемся теперь этого вопроса подробнѣе.

Быть можетъ, ни одинъ изъ греческихъ драматиковъ не любилъ до такой степени, какъ Еврипидъ, вставлять въ свои пьесы сцены споровъ и словесныхъ состязаній, построенныхъ къ тому же по всѣмъ правиламъ риторики и ораторскаго искусства. Эти состязанія, которыя съ полнымъ правомъ можно называть агонами, носили у Еврипида двоякій характеръ, а именно, или судебный, или же чисто риторическій ¹⁾. Въ послѣднемъ случаѣ они, какъ извѣстно, представляли собой ничто иное, какъ настоящія декламациі на отвлеченныя темы, произносимыя двумя лицами, и притомъ такъ, что или одно лицо выступало въ защиту какого нибудь тезиса, а другое опровергало послѣдній, или же каждый изъ спорящихъ персонажей развивалъ и обосновывалъ свой собственный тезисъ, діаметрально противоположный тезису его противника. Къ числу подобныхъ декламацийъ относятся знаменитый споръ между Ликомъ и Амфитріономъ въ „*Ἡρακλῆος μαινομένης*“ (ст. 160—203) на тему о недостаткахъ и достоинствахъ лука, какъ оборонительнаго и наступательнаго оружія ²⁾, а также споръ между Зетомъ и Амфіономъ въ „*Ἀντίοπῃ*“ (fr. 185, 187, 188, 198, 199) ³⁾ на тему о томъ, что лучше и предпочтительнѣе, жизнь ли созерцательная, направленная на развитіе интеллектуальной стороны человѣка, или же жизнь практическая, въ которой на первомъ мѣстѣ долженъ стоять не интеллектъ, но физическая сила.

Однако, эти декламациі не имѣютъ къ намъ прямого отношенія, ибо онѣ, насколько намъ извѣстно, не отразились на идущей вслѣдъ за Еврипидомъ комедіи Менандра, и не отразились, конечно, потому, что стояли слишкомъ уже далеко отъ проявленій дѣйствительной жизни, которая только и интересовала нашего комика. Но есть въ трагедіяхъ Еврипида и другіе примѣры споровъ, тѣ самые, которые, какъ я сказалъ

1) Decharme, о. с., 50 sqq.

2) См. по поводу этого спора Wilamowitz-Moellendorf², Euripides Herakles, I, 139—140.

3) Nauck², Trag. gr. fragm., 414—416, 419—421.

выше, носятъ „судебный“ характеръ и которые самъ Еврипидъ называетъ *ἀμιλλα λόγων* (Suppl., v. 428) или же *ἀγών* (ibid., v. 427). Вотъ на этихъ спорахъ я и хотѣлъ бы остановиться, причемъ наиболѣе типичными я склоненъ былъ бы считать тѣ изъ нихъ, которые находятся въ „Гекубѣ“ (ст. 1132—1251), въ „Троянкахъ“ (ст. 914—1059) и въ „Гераклидахъ“ (ст. 134—231).

Отмѣтимъ сперва, что во всѣхъ этихъ спорахъ, какъ и въ вышеуказанныхъ декламацияхъ, чувствуется сильный привкусъ риторики, настолько сильный, что въ каждой изъ двухъ рѣчей, составляющихъ споръ, можно безъ большого труда различить необходимыя составныя части любой судебной рѣчи, а именно, *προοίμιον*, *διήγησις*, *ἀπόδειξις* и *ἐπίλογος*. Далѣе, нельзя отрицать и того, что всѣ эти словесныя состязанія очень богаты всевозможными софистическими вывертами и что, наконецъ, кое-гдѣ въ нихъ можно подмѣтить и тѣ фигуры украшенія, отъ которыхъ не свободенъ даже Лисій, несмотря на всю простоту своего стиля. Впрочемъ, всѣ эти частности имѣютъ для насъ лишь второстепенное значеніе. Для насъ гораздо важнѣе другое, а именно, чисто внѣшній видъ споровъ, которые строятся обыкновенно такъ, что тяжущіеся имѣютъ своего особаго судью, руководящаго словопреніемъ и выносящаго въ концѣ концовъ приговоръ. Такъ въ „Гекубѣ“, въ спорѣ Гекубы съ Полиместоромъ, судьей является Агамемнонь, въ „Троянкахъ“ споръ между Еленой и Гекубой рѣшаетъ Менелай, а въ „Гераклидахъ“ такую же роль посредника между аргивскимъ вѣстникомъ и юлаемъ беретъ на себя царь Демофонтъ. Интересно затѣмъ и то обстоятельство, что каждому такому спору предшествуетъ всегда болѣе или менѣе оживленное столкновеніе между противниками, столкновеніе, конецъ которому кладетъ обыкновенно лицо, выступающее въ качествѣ третейскаго судьи и вводящее благодаря этому простую перебранку въ рамки настоящаго судебного разбирательства.

Если мы обратимся теперь отъ еврипидовскихъ „агоновъ“ къ той сценкѣ судьбища, которую даетъ намъ комедія Менандра, то мы замѣтимъ безъ особаго труда, что эта сценка скомпанована въ еврипидовскомъ духѣ. Правда, мы не найдемъ въ рѣчахъ Дава и Сирика ни явныхъ слѣдовъ

риторики¹⁾, ни повышенного трагического тона²⁾. Правда, объ рѣчи трудно разбить на строго-отграниченныя одна отъ другой составныя части, рекомендуемыя правилами ораторскаго искусства. Ничего подобнаго, какъ мнѣ кажется, въ нашей сценкѣ нѣтъ, да и не должно быть, коль скоро Менандръ хочетъ дать примѣръ обычной житейской тяжбы, которую ведутъ простые рабы, не искушенные въ тайнахъ краснорѣчія и руководящіеся просто на просто присущимъ имъ здравымъ смысломъ и хитростью. Ну, а если Сирискъ, какъ человѣкъ, нѣсколько болѣе цивилизованный, чѣмъ его противникъ, и старается прежде всего выяснить вопросъ о правѣ и справедливости, то эта подробность, равно какъ и отличающее Сирииска стремленіе говорить покрасивѣе, да посложнѣе, вовсе не вносятъ въ идущій передъ нами споръ чего либо неестественнаго: вѣдь въ Сирискѣ мы имѣемъ типъ человѣка, который кое-что видѣлъ, кое-что слышалъ и который очень не прочь блеснуть какъ своимъ развитіемъ, такъ и своей образованностью! Такимъ образомъ, и эмфазъ Сирииска и его періоды, состоящіе изъ плохо-пригнанныхъ другъ къ другу фразъ³⁾, — всё это не только не опровергаетъ, но наоборотъ подтверждаетъ наши слова о томъ, что въ рѣчахъ рабовъ нѣтъ никакого риторическаго привкуса. И тѣмъ не менѣе отъ всей сценки вѣетъ чѣмъ-то еврипидовскимъ!

Такъ, прежде всего, останавливаетъ на себѣ вниманіе ея внѣшнее устройство, почти что совпадающее съ устройствомъ „агоновъ“ у Еврипида. И дѣйствительно, сперва мы присутствуемъ при простой перебранкѣ между Давомъ и Сирискомъ, при перебранкѣ, конецъ которой кладетъ вмѣша-

1) Если не считать слѣдующей игры словъ, выдержанной въ духѣ настоящей риторической *σχημα* (ст. 102): *σὺχ εἴρεσια τοῦτ' ἐστίν, ἀλλ' ἀφαίρεσις*. Ср. Ter. Andr., 218: *inceptiost amentium, haud amantium*. Cic. Verr. IV, 5, 10: *quod putabant ereptionem esse, non emptionem*.

2) Единственнымъ пассажемъ „Третьскаго суда“, въ которомъ можно констатировать наличность трагическаго, нѣсколько приподнятаго тона, будетъ монологъ Харисія (ст. 487 сл.). Въ немъ, дѣйствительно, есть и эмфазъ и то, что Аристотель обозначаетъ словомъ *σεμνότης*. Что же касается до остальнаго текста пьесы, то и его общій тонъ, и обороты, и выборъ словъ, — всё это поражаетъ своей естественностью и простотой, своей близостью къ обыкновенной разговорной рѣчи.

3) Legend, о. с., 335 sq.

тельство Смикрина, какъ третейскаго судьи, выбраннаго спорящими. Затѣмъ начинаются рѣчи сторонъ, представляющія собой два строго-выдержанныхъ монолога, которые идутъ одинъ за другимъ, почти безъ перерывовъ, если не считать за таковыя выпадъ Сириска и не имѣющие прямого отношенія къ дѣлу вопросы Смикрина. Эти монологи Дава и Сириска, напоминающіе своей простотой и безыскусственностью рассказы еврипидовскихъ „вѣстниковъ“, напоминаютъ въ то же время и рѣчи тѣхъ лицъ, которыя спорятъ въ „Гекубѣ“, въ „Троянкахъ“ и въ „Гераклидахъ“¹⁾. По крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ въ нихъ краткихъ, перебивающихъ другъ друга репликъ, которыя наблюдаются въ агонахъ аристофановскихъ комедій, но видимъ длинныя, зашего рода судебныя рѣчи, выдержанныя сверхъ того хотъ и въ простомъ, но въ условно серьезномъ тонѣ, въ тонѣ настоящаго спора, не заключающаго въ себѣ ничего комическаго²⁾.

Т. е., иными словами, въ спорѣ Дава и Сириска можно и должно усматривать отзвуки еврипидовской трагедіи, которая, повліявъ въ нашемъ случаѣ на фабулу комедіи, повліяла вмѣстѣ съ тѣмъ и на структурную сторону послѣдней, поскольку дѣло касается разобранной нами сценки третейскаго суда. А что Менандръ вообще, подобно Еврипиду, любилъ украшать свои пьесы такого рода сценами, объ этомъ свидѣлствуетъ и Квинтиліанъ, говорящій слѣдующее: „*mihi orator probari in opere suo videtur, nisi forte aut illa moralia iudicia, quae Epitrepontes, Epicleros, Locroe habent, aut meditationes in Psophodoe, Nomothete, Nypobolimaео поп omnibus oratoriis numeris sunt absolutae*“³⁾. Изъ этихъ, приведенныхъ нами, словъ Квинтиліана можно, помимо всего прочаго, вывести, что сцены судовъ у Менандра „не выполнялись согласно всѣмъ требованіямъ ораторской техники“, — упрекъ, котораго ученый риторъ не дѣлаетъ, между прочимъ, Еврипиду, находя, что послѣдній „*et dicendo ac respondendo cui-*

1) Иначе думаетъ Б. В. Варнеке (о. с., 37), который сближаетъ сцену суда нашей комедіи какъ разъ съ сценами сходныхъ судовъ у Аристофана.

2) Небольшую долю комизма можно усматривать лишь въ томъ, какъ держатся спорящіе рабы. Однако, этотъ комизмъ, лежащій скорѣе въ ихъ характерахъ, чѣмъ въ ихъ словахъ, отнюдь не подчеркивается поэтому: онъ только чувствуется.

3) Quintil. inst. orat., X, 1, 70.

libet eorum, qui fuerunt in foro disertí, comparandus est“¹⁾. Но для насъ лично этотъ упрекъ Квинтилиана представляетъ драгоценную подробность, которая косвенно подтверждаетъ всё то, что говорилось нами выше по поводу отсутствія въ рѣчахъ Дава и Сириска риторическихъ прикрасъ и чисто-риторическихъ построений. И дѣйствительно, сравнивая Еврипида съ Менандромъ и видя въ послѣднемъ подражателя перваго, Квинтилианъ вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ограничиваетъ обоихъ поэтовъ, что „настоящій ораторъ“, Еврипидъ, какъ бы противопоставляется „не настоящему“, Менандру, хотя и этотъ „не настоящій ораторъ“, какъ говоритъ тотъ же Квинтилианъ, „diligenter lectus ad cuncta, quae praecipimus, effingenda sufficiat“²⁾. Итакъ, упрекая Менандра за недостаточное соблюденіе правилъ риторики³⁾ и не отрицая въ то-же время того вліянія, которое имѣлъ на него Еврипидъ, Квинтилианъ даетъ намъ довольно вѣрную картину той тѣсной зависимости комедіи Менандра отъ трагедіи Еврипида, которую мы можемъ проверить теперь по „Третьейскому суду“ и которая, какъ это оказывается, распространялась иногда и на фабулу пьесъ и даже на нѣкоторые детали чисто-структурнаго характера⁴⁾.

Но это не значитъ, конечно, что каждая пьеса „новой“ комедіи находилась въ такой неразрывной связи съ трагедіей. Внѣ всякаго сомнѣнія бывало и такъ, что мѣсто трагедіи занимала иногда „древняя“ комедія, что въ свою очередь отражалось на многомъ и, въ частности, на тонѣ зависящихъ отъ нея пьесъ. И очень возможно, что такой именно случай имѣемъ мы въ *Rudens* Плавта, въ комедіи, оригиналь которой восходитъ къ Дифилу⁵⁾. Здѣсь, какъ и въ „Третьейскомъ судѣ“, мы имѣемъ сцену спора изъ за *γυναικίσματα* между рыбакомъ Грипомъ и рабомъ Трохаліономъ, спора, который приводитъ противниковъ къ суду предъ ли-

1) Ibid., X, 1, 68.

2) Ср. ibid., X, 1, 69: hunc (i. e. Euripidem) et admiratus maxime est, ut saepe testatur, et secutus, quamquam in opere diverso, Menander.

3) Ibid., X, 1, 69.

4) Ср. также то, что говорится нами ниже по поводу частичной связи „Третьейскаго суда“ съ „Алkestидой“ Еврипида (стр. 283).

5) Ср. Plaut. *Rudens*, 32 sq.:

primumdum hinc esse nomen urbi Diphilus
Cyrenas voluit.

цомъ особаго посредника, а именно, предъ лицомъ Демонета, хозяина Грипа (ст. 1052—1128).

Однако, этотъ споръ, нѣкоторыя подробности и основная тема котораго совпадаютъ со споромъ изъ „Третьскаго суда“¹⁾, заключаетъ въ себѣ то различіе, что въ немъ почти не видно судебной подкладки, которая наоборотъ выступаетъ очень ярко у Менандра. Въ связи же съ этимъ, и рѣчи тяжущихся не укладываются въ рамки настоящихъ рѣчей, а сводятся къ краткимъ репликамъ, имѣющимъ характеръ простой перебранки. Такимъ образомъ, сцена суда въ *Rudens* рѣзко отличается отъ подобной же сцены въ ниней комедіи, и если эта послѣдняя сцена носить на себѣ ясный отпечатокъ Еврипида, то первая такого отпечатка не имѣетъ. Конечно, какъ правильно замѣчаетъ Б. В. Варнеке²⁾, трудно сказать, на чей счетъ надо относить это различіе, на счетъ ли Дифила или на счетъ Плавта. Но все таки мнѣ кажется, что не будетъ слишкомъ рискованнымъ, если мы выскажемся въ пользу греческаго комика, и вотъ въ силу какихъ соображеній. Насколько намъ извѣстно, Дифилъ, хоть онъ и принадлежалъ къ числу представителей „новой“ комедіи, стоялъ гораздо ближе къ комедіи „средней“, или, иначе, къ той комедіи, которая не успѣла еще отдѣлаться отъ буффоннаго характера „древней“³⁾. Ввиду этого вполне возможно, что и споръ въ *Rudens*, нѣсколько напоминающій собой аристофановскіе агоны, восходитъ къ самому Дифилу, хотя внѣ всякаго сомнѣнія Плавтъ, который вообще довольно свободно относился къ греческимъ оригиналамъ, и могъ произвести въ немъ разнаго рода перемѣны. Но даже если мое предположеніе и не выдерживаетъ серьезной кри-

1) Такъ, напр., Грипъ и Трохаліонъ все время перебиваютъ другъ друга, а Демонетъ, какъ и Смикринъ, то и дѣло прибѣгаетъ къ угрозамъ. Далѣе, Трахаліонъ, какъ правильно отмѣчаетъ это Б. В. Варнеке (о. с., 36), „желаетъ выяснитъ судомъ вопросъ: *quo modo habebas id refert, iurene an iniuria*“, т. е., иными словами, онъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, что и Сирискъ. Наконецъ, самъ Демонетъ, рѣшающій споръ о *crepundia*, оказывается, какъ и Смикринъ, лицомъ заинтересованнымъ: вѣдь Палэстра, которой принадлежитъ ящичекъ, найденный Грипомъ, есть дочь Демонета, имъ нѣкогда утерянная. Такъ обр., если Смикринъ, присуждая вещи Сириску, спасаетъ тѣмъ самымъ своего внука, то Демонетъ послѣ разбора *crepundia* находитъ свою дочь.

2) Б. В. Варнеке, о. с., 37.

3) См. Denis, La comédie grecque, II, 415 sqq.

тики, всё таки можно сказать съ полной увѣренностью, что сцену суда въ Rudens Плавта нельзя сближать съ таковой же сценой въ комедіи Менандра, „Третейскій судъ“, какъ это иногда дѣлается¹⁾, ибо обѣ сцены восходятъ къ различнымъ источникамъ, насколько можно судить объ этомъ по ихъ устройству и тону.

Итакъ, изъ всего мною сказаннаго вытекаетъ, что Менандръ стоялъ въ сравнительно близкой зависимости отъ Еврипида, въ зависимости, сводившейся не только къ развитію и къ углубленію нѣкоторыхъ взглядовъ и прецептовъ трагика, но и къ перенесенію на почву комедіи кое-какихъ структурныхъ и сюжетныхъ частныхъ, которыя, впрочемъ, подвергались со стороны комика разнаго рода измѣненіямъ и упрощеніямъ сообразно требованіямъ того жанра, который онъ создавалъ и въ которомъ работалъ. Благодаря этому, усвоивая кое-что у Еврипида, Менандръ умѣлъ оставаться оригинальнымъ и самобытнымъ, какъ оставался самобытнымъ и Мольеръ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, какъ, напр., въ комедіи „Скупой“, доходитъ до очень близкой передачи своего оригинала.

9.

Въ предыдущей главѣ мы говорили о томъ вліяніи, которое оказала на „Третейскій судъ“ трагедія Еврипида. Попробуемъ теперь коснуться другой, не менѣе интересной проблемы, а именно, вопроса о вліяніи „Третейскаго суда“ на пьесу Аполлодора Каристскаго *Ἐκνυρά*, послужившую въ свою очередь оригиналомъ для Несуга Теренція²⁾, и при-

1) Bodin-Mazon, о. с., 290.

2) Въ пользу мнѣнія о томъ, что оригиналомъ для Несуга Теренція была *Ἐκνυρά* Аполлодора говоритъ слѣдующее: во-первыхъ, Донатъ въ своемъ комментаріи къ Несуга въ шести мѣстахъ (Нес., 58, 214, 286, 380, 440, 620) сравниваетъ Теренціевскій текстъ съ текстомъ Аполлодора (см. Kock, о. с., III, 283—284); во вторыхъ, тотъ же Донатъ (praef. ad Нес. I) дѣлаетъ еще такое замѣчаніе: *haec fabula Apollodori dicitur esse graeca, nam et ipsa et Phormio ab eodem dicuntur esse translatae, cum reliquae quattuor sint Menandri comici*; въ третьихъ, въ *Vita Terenti* (Aeli Donati commentum Terenti, ed. Wessner, I, 10) мы читаемъ: *duae ab Apollodoro translatae esse dicuntur comoediae, Phormio et Hecyra, quattuor reliquae a Menandro*. Наконецъ, всѣ рукописи Теренція говорятъ то-же, что и Донатъ (*graeca Apollodori*), и только одинъ cod. Bembinus замѣчаетъ: *graeca Menandri*. Слова cod. Bembinus отстаиваетъ Nescini, *De Terentio eiusque fontibus*, 56—57. См. од-

томъ оригиналомъ, который, насколько можно судить объ этомъ по Донату¹⁾, почти что не подвергся измѣненіямъ со стороны своего римскаго переводчика.

Такимъ образомъ, въ Несуга Теренція мы имѣемъ своего рода точное отображеніе греческаго подлинника, для насъ навсегда утеряннаго, и можемъ поэтому съ полнымъ правомъ сравнить замѣняющую его римскую пьесу съ нашей, которая еще Сидонію Аполлинарію казалась комедіей „*similis argumenti*“²⁾. И дѣйствительно, какъ въ „Третьейскомъ судѣ“, такъ и въ Несуга, мы имѣемъ дѣло съ юношей, который совершаетъ насиліе надъ неизвѣстной ему дѣвушкой и затѣмъ, спустя нѣкоторое время, женится на ней, но такъ, что ни онъ, ни она не узнаютъ другъ друга. Мало того, въ обѣихъ пьесахъ молодой вскорѣ послѣ брака уѣзжаетъ, а молодая родить въ его отсутствіе ребенка, — обстоятельство, которое заставляетъ мужа отдалиться отъ жены, несмотря на всю его любовь къ ней. Далѣе, въ силу этой любви мужъ, хотъ и отдаляется отъ жены, не отсылаетъ еѣ однако отъ себя къ тестю, но всячески старается скрыть отъ другихъ ея проступокъ, дабы не навлечь на нее разнаго рода непріятностей. Наконецъ, какъ въ „Третьейскомъ судѣ“, такъ и въ Несуга, дѣло разъясняется благодаря перстню, причеъ въ этомъ разъясненіи главную роль играетъ гетера, — въ Несуга Бакхида, а въ „Третьейскомъ судѣ“ — Габротононь. Изъ всего сказаннаго ясно, что обѣ пьесы достаточно близки другъ къ другу и что въ ихъ содержаніи заключается цѣлый рядъ сходныхъ подробностей, которыя какъ будто позволяютъ считать ихъ за *fabulae similis argumenti*, какъ дѣлаетъ это Сидоній Аполлинарій.

нако: Б. В. Варнеке, о. с., 38 и Schanz, Geschichte der römischen Literatur, I, 1, 145 sq. (здѣсь указана и вся остальная литература по этому вопросу). Весь вопросъ о связи между *Ἐπιτρέποντες* и Несуга разобралъ недавно Stavenhagen, *Epitrepontes und Hekyra* (= Hermes, 45 (1910), 576—582).

1) По крайней мѣрѣ, Донатъ только въ двухъ мѣстахъ отмѣчаетъ тѣ перемѣны, которыя были сдѣланы Теренціемъ. Ср. его слова къ ст. 816 и 825.

2) Sid. Apol., Epist. IV, 12 (= Migne, Patr. lat., 58, 517): *nuper ego filiusque communis Terentianae Hecyrae sales ruminabamus; studenti assidebam naturae meminsens et professionis oblitus. Quoque absolutus rhythmos concisos incitata docilitate sequeretur, ipse etiam fabulam similis argumenti, id est, Epitrepontem Menandri in manibus habebam.*

Однако, несмотря на всё сходство въ сюжетѣ, есть между обѣими комедіями и большое различіе, не только внѣшняго, но и внутренняго характера, — различіе, на которомъ намъ и придется остановиться поподробнѣе.

Прежде всего, въ Несуга, вопреки обычаю „новой“ комедіи и въ противоположность „Третьейскому суду“, нѣтъ раба, похожаго по своему положенію и по своей роли на Онисима, т. е., нѣтъ раба, посвященнаго во всѣ тайны своего господина и принимающаго близкое участіе въ интригѣ. Вѣдь Парменонъ изъ Несуга почти не участвуетъ въ дѣйствіи: онъ всё время удаляется Памфиломъ, какъ ненужный и лишній свидѣтель, только мѣшающій планамъ своего барина!¹) Затѣмъ, согласно выраженію Доната, въ пьесѣ выступаютъ, „benivolaе socius“, т. е. благорасположенныя къ молодымъ свекровь и теща, — персонажи, которыхъ нѣтъ въ „Третьейскомъ судѣ“. Наконецъ, и сама Бакхида, въ отличіе отъ Габротононъ, оказывается тѣсно связанной съ Памфиломъ: вѣдь Памфилъ до своего вступленія въ бракъ жилъ съ ней и былъ настолько къ ней расположенъ, что женился на Филуменѣ лишь въ угоду своему отцу, противъ своей воли, въ силу чего, пока не развилась въ немъ любовь къ женѣ, еще старался поддерживать съ гетерой прежнія отношенія. Такимъ образомъ, Бакхида, улаживающая рознь между молодыми супругами, приноситъ извѣстнаго рода жертву, что дѣлаетъ изъ нея „bona meretrix“, и вполне позволяетъ ей говорить про себя (ст. 834 сл.):

etsi hóc meretrices áliae polunt; néque enim est in
rem póstram,
ut quisquam amator núptiis laetétur.

Вотъ всѣ эти подробности, имѣющія мѣсто въ Несуга и имѣвшія его въ *Εκχυρά* Аполлодора, не совпадаютъ съ тѣми деталями, которыя заключаются въ „Третьейскомъ судѣ“, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ явствуетъ это изъ Доната, были „новинками“ и въ общей практикѣ „новой“ комедіи. По крайней мѣрѣ, Донатъ считаетъ вполне естественнымъ

1) Ср. Don. Hec., 359: et simul notandum, quod in hac fabula ridicule vexatur usque ad ultimum servus et ablegatur, cum sit et piger et curiosus. См. Le o², Plaut. Forschungen, 141, 2.

сказать про комедию Теренция слѣдующее: *in tota comoedia hoc agitur, ut res povae fiant nec tamen abhorreant a consuetudine: inducuntur enim benivolae socrus, verecunda nurus, lenissimus in uxorem maritus et item deditus matri suae, meretrix bona*¹⁾. Правда, типъ мужа, влюбленнаго въ свою жену, типъ, на который продолжаютъ смотрѣть, какъ на „анти-менандровскій“²⁾, и который выдѣляется Донатомъ, какъ нѣчто необычное, — этотъ типъ находитъ себѣ хорошую параллель въ Харисіи изъ „Третьяка суда“, въ Харисіи, сколкомъ съ котораго онъ и является. Необычнымъ же въ этомъ типѣ будетъ только то, что теренціевскій или, вѣрнѣе, аполлодоревскій мужъ, кромѣ жены, любитъ еще и свою мать, Со-страту, — подробность, дѣйствительно, не встрѣчающаяся въ дошедшихъ до насъ пьесахъ „новой“ комедіи.

Какъ бы то ни было, новымъ, по сравненію съ „Третьякимъ судомъ“, оказывается въ пьесѣ Аполлодора: во-первыхъ, типъ раба, стоящаго вдали отъ дѣйствія; во-вторыхъ, типъ доброй свекрови, расположенной къ своей невѣсткѣ³⁾; въ-третьихъ, типъ *meretrix*, поставленной въ иное положеніе, чѣмъ Габротононъ, и, наконецъ, въ четвертыхъ, типъ сына, колеблющагося между любовью къ женѣ и любовью къ матери. Таковъ будетъ тотъ фонъ, на которомъ Аполлодоръ и строитъ свою комедию въ параллель къ комедіи Менандра, послужившей для него исходной точкой. Но этотъ фонъ, не похожій на фонъ „Третьяка суда“, не является тѣмъ единственнымъ, что ограничиваетъ пьесу Аполлодора отъ пьесы Менандра. Напротивъ того, онъ служитъ только послѣдствіемъ другихъ измѣненій внутренняго характера, и притомъ измѣненій очень глубокихъ и очень существенныхъ, ибо они касаются самой сути пьесы, а именно, ея основной проблемы, которую авторъ конструируетъ на свой ладъ, дабы и здѣсь „*povae res fiant*“.

Однако, для того, чтобы понять, въ чемъ заключаются эти измѣненія, намъ придется выяснитъ еще разъ ту проблему, которая ставится самимъ Менандромъ въ его „Тре-

1) Don. praef. ad. Hec., I, 9.

2) Leo², Plaut. Forschungen, 141, 2. См. однако Б. В. Варнеке, о. с., 39, 1.

3) Cp. Don., Hec. 198: *conatur Terentius adversum famam socrum bonam reperire*.

тейскомъ судѣ“, и на наличность которой впервые обратилъ вниманіе Stavenhagen въ своей статьѣ „Epitrepontes und Hekyra“¹⁾.

Согласно мнѣнію Stavenhagen'a, съ которымъ я могу только согласиться, „фигура Харисія занимаетъ въ нашей пьесѣ совсѣмъ особое положеніе“. Особенность же этого положенія состоитъ въ томъ, что черезъ посредство Харисія Менандръ старается провести мысль о необходимости смотрѣть на женщинъ нѣсколько иначе, чѣмъ смотрѣли на нихъ въ его время. Правда, онъ не ставитъ передъ нами вопроса о женскомъ равноправіи во всей его ширинѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выдвигаетъ на первое мѣсто ту часть этого вопроса, при рѣшеніи которой въ пользу женщинъ послѣднія почти что приравниваются къ мужчинамъ въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ. И дѣйствительно, какая мысль больше всего волнуетъ Харисія послѣ того, какъ онъ, до той поры увѣренный въ своей нравственной чистотѣ, убѣждается въ своей грѣховности? Мысль о томъ, что если на немъ, на мужчинѣ, лежитъ грѣхъ, то онъ не можетъ быть судьей согрѣшившей женщины. И лишь только эта мысль встаетъ передъ нимъ во всей своей ясности, онъ ни на минуту не задумывается надъ тѣмъ, какъ слѣдуетъ ему поступать дальше. Памфилы, какъ грѣшной женщины, для него больше не существуетъ. Онъ видитъ въ ней просто на просто такого же человѣка, какъ онъ самъ, человѣка, впавшаго въ грѣхъ, какъ и онъ, т. е., иными словами, Харисій кладетъ конецъ ходячему мнѣнію о томъ, что только однимъ мужчинамъ все дозволено. Согласно его мнѣнію, или, вѣрнѣе, мнѣнію поэта, это — пустой предразсудокъ, противорѣчащій законамъ природы, законамъ той φύσις, которая одинакова для всѣхъ людей, будь то мужчина или женщина. Къ этой же гуманной мысли Харисій приходитъ благодаря той любви, которую онъ испытываетъ къ Памфилѣ, — благодаря любви, которая и руководитъ имъ въ его борьбѣ между склонностью къ женѣ и мужской гордостью.

Правда, благодаря большимъ лакунамъ въ роли Харисія мы не въ состояніи прослѣдить съ точностью постепенное развитіе того конфликта, который происходитъ въ его

1) Hermes, 45 (1910), 581 sq.

душѣ. Но всетаки отдѣльные моменты этого конфликта вырисовываются довольно ярко, и мы можемъ сказать, что если сразу, вслѣдъ за доносомъ Онисима, на Харисію и находитъ гнѣвъ, побуждающій его отдалиться отъ Памфилы и купить Габротононъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ его любовь къ женѣ, не затихающая ни на одну минуту, сперва заставляетъ его жалѣть о фактѣ доноса (ст. 207 сл.), затѣмъ отвращаетъ отъ удовольствій, среди которыхъ онъ хотѣлъ забыться (ст. 215 сл.; 420,) и, наконецъ, проводя его черезъ рядъ душевныхъ мученій, приводитъ къ тому, что онъ начинаетъ жалѣть Памфилу и относиться съ презрѣніемъ къ самому себѣ. Такимъ образомъ, передъ нами развивается настоящая психологическая драма, основнымъ двигателемъ которой оказывается любовь, но любовь настоящая, а не только чувственная. И вотъ эта любовь и помогаетъ Харисію поставить и благополучно рѣшить вопросъ объ относительномъ равноправіи женщинъ, въ которыхъ герой Менандра научается видѣть такихъ же людей, какъ и онъ самъ, т. е. людей слабыхъ, не застрахованныхъ ни отъ грѣха, ни отъ ошибокъ, въ чемъ бы онѣ ни выражались.

Но разъ Харисій приходитъ къ подобной мысли, то для него въ дѣлѣ примиренія съ женой оказывается уже ненужной и обычная *logse majeure* „новой“ комедіи, т. е. *ἀναγνώρισις*, какъ правильно отмѣчаетъ это Stavenhagen¹⁾. А если тѣмъ не менѣе *ἀναγνώρισις* имѣется у насъ на лицо, то это, согласно мнѣнію того же Stavenhagen'а, нужно объяснять не столько ходомъ дѣйствія пьесы, сколько подчиненіемъ поэта условіямъ обычая, соблюденія котораго могли требовать консервативные вкусы публики, не доросшей еще до пониманія новыхъ для нея идей Менандра²⁾.

Спрашивается теперь, какъ отнесся Аполлодоръ къ проблемѣ, поставленной его предшественникомъ? Stavenhagen полагаетъ, что онъ или не понялъ ея, или же не обратилъ на нее должнаго вниманія³⁾. И дѣйствительно, всё, что осталось отъ этой проблемы, сводится въ „Несуга“ — такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется — къ слѣдующимъ двумъ сти-

1) Stavenhagen, o. c., 582.

2) Stavenhagen, o. c., 582.

3) Stavenhagen, o. c., 582.

хамъ, на которые мнѣ уже приходилось указывать (стр. 218) и которые представляютъ собой мимолетное замѣчаніе, не имѣющее серьезнаго значенія (ст. 662 сл.):

censép te posse rēperire ullam mūliērem,
quae cáreat culpa? an quí поп delincúnt víri?

Эти слова Лахеса, отца Памфила, къ сожалѣнію оставлены въ сторонѣ Stavenhagen'омъ. А между тѣмъ, какъ они сами, такъ и ихъ положеніе въ пьесѣ — они занимаютъ мѣсто простой ремарки — лишій разъ указываютъ на то, что проблема Менандра была для Аполлодора пустымъ звукомъ, на который онъ не могъ и не умѣлъ отозваться. Но такъ какъ, съ другой стороны, эта проблема находилась въ „Третьскомъ судѣ“ на лицо и такъ какъ она красной нитью тянулась по всей пьесѣ, то Аполлодоръ, проходя мимо нея, всё таки не могъ миновать её безусловно, и вотъ результатомъ такого, чисто-внѣшняго отношенія къ ней и явился слабый отзвукъ ввидѣ приведенныхъ нами стиховъ, значеніе и смыслъ которыхъ ослаблены помимо всего прочаго и тѣми стихами, которые имъ предшествуютъ (ср. ст. 655 сл.).

Но коль скоро Аполлодоръ отошелъ отъ разбора Менандровской проблемы и коль скоро она не представляла для него никакого интереса, то онъ долженъ былъ перенести центръ своего вниманія на другое и сообразно съ этимъ перестроить всю пьесу, что онъ, дѣйствительно, и сдѣлалъ. Посмотримъ теперь, въ чемъ заключалась перестройка Аполлодора.

Это — большая заслуга со стороны Stavenhagen'a, что онъ первый взялся за рѣшеніе отмѣченнаго нами вопроса, и притомъ не только взялся, но и рѣшилъ его безусловно исчерпывающимъ образомъ. Поэтому и намъ въ нашихъ послѣдующихъ разсужденіяхъ то и дѣло придется опираться на него, хотя мы и не можемъ согласиться съ нѣкоторыми его доводами имѣющими, впрочемъ, лишь второстепенное значеніе ¹⁾.

1) Я имѣю ввиду попытку Stavenhagen'a доказать, что на мѣстѣ повѣствовательнаго монолога Бакхиды (ст. 816 сл.), который мы имѣемъ въ Несуга Теренція, у Аполлодора въ его *Εκφορά* находился діалогъ между гетерой и юношей. Равнымъ образомъ, не убѣдительно для меня и мысль Stavenhagen'a о томъ, что весь пятый актъ теренціевской Несуга не совпадаетъ съ соотвѣтствующимъ актомъ греческой пьесы. По моему мнѣнію для такого рода сужденій у насъ слишкомъ мало данныхъ!

Итакъ, что же дѣлаетъ Аполлодоръ съ „Третейскимъ судомъ“, превращая его въ „*Εκλογή*“? Сохраняя мотивъ юноши, продолжающаго любить свою введенную въ грѣхъ жену, Аполлодоръ остается исключительно при детальной разработкѣ этого мотива, причемъ главное, чего онъ хочетъ достигнуть, это — изобразить исторію тѣхъ конфликтовъ, въ которые долженъ попадать Памфилъ, сохраняющій, несмотря ни на что, вѣрность своей Филуменѣ и желающій, во что бы то ни стало, скрыть отъ досужихъ людей ея грѣхъ, дабы спасти еѣ отъ разнаго рода толковъ и пересудъ¹⁾.

Но для того, чтобы сдѣлать это положеніе Памфила какъ можно болѣе затруднительнымъ и сложнымъ, Аполлодору надо было внести въ свой оригиналъ, т. е. въ „Третейскій судъ“, кое-какія измѣненія, которыя и свелись у него къ слѣдующему. Прежде всего, дѣло рисуется у него такъ, что, до проникновенія Памфила въ тайну Филумены, эта тайна была извѣстна только самой Филуменѣ, да ея матери, Мирринѣ. Объясняется же это тѣмъ, что насиліе, которому подверглась Филумена, было совершено надъ ней не во время празднества, какъ то было съ Памфилой изъ „Третейскаго суда“, а на какой-то пустынной и далекой улицѣ (ст. 828), гдѣ никого въ тотъ моментъ не было. Такимъ образомъ, тайна молодой женщины находится въ рукахъ только двухъ близкихъ ей людей, а именно, мужа и матери. Далѣе, сохраненію тайны отъ любопытныхъ глазъ способствуетъ и то, что ребенокъ, являющійся послѣдствіемъ совершеннаго надъ Филуменой насилія, родится у нея на десятый мѣсяцъ послѣ ея вступленія въ бракъ, а не на пятый, какъ у Памфилы. Т. е., иными словами, съ внѣшней стороны все обстоитъ гладко, но какъ разъ это внѣшнее благополучіе и является для самого Памфила роковымъ. Роковымъ же является оно потому, что, женившись на Филуменѣ противъ своей воли, Памфилъ не жилъ съ ней вплоть до своего отъѣзда, — не жилъ даже тогда, когда уже успѣлъ полюбить ее. А не жилъ онъ съ ней по той причинѣ, что долгое время не могъ отвыкнуть отъ своей прежней любовницы, Бакхиды, съ которой и послѣ

1) Stavenhagen, o. c., 578.

свадьбы старался поддерживать старыя отношенія и отъ которой отдалился лишь тогда, когда она (ст. 159)

maligna multo et mágis procax facta flico est.

Значить, ребенокъ Филумены, на котораго родные Памфила смотрятъ какъ на его законнаго сына, на самомъ дѣлѣ не принадлежитъ ему: онъ для него *alienus puer*! И всё таки Памфилъ продолжаетъ любить жену, причемъ трудность его положенія усугубляется еще и тѣмъ, что онъ все время колеблется между желаніемъ оберечь Филумену отъ сплетенъ и нежеланіемъ примириться съ фактомъ своего позора. И вотъ, не поднимая вопроса о незаконности ребенка, онъ старается найти другія основанія и другіе поводы къ разводу. Но такъ какъ эти основанія слишкомъ уже ничтожны¹⁾, то мало по малу они приводятъ лишь къ тому, что какъ Лахесъ, отецъ Памфила, такъ и Фидиппъ, его тестъ, начинаютъ усматривать въ дѣйствіяхъ юноши простое желаніе отдѣлаться отъ Филумены и вернуться къ Бакхидѣ. Однимъ словомъ дѣло слагается такъ, что для Памфила нѣтъ выхода: стремленіе примирить двѣ непримиримыя вещи, а именно, спасти отъ пересудовъ жену и вмѣстѣ съ тѣмъ найти спасеніе для самого себя, — это стремленіе оказывается невыполнимымъ. Но благодаря ему передъ нами рисуется ясная картина тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ конфликтовъ, которые мучатъ Памфила вплоть до того момента, пока въ завязавшуюся путаницу не вмѣшивается Бакхида и не доводитъ дѣла до благополучнаго конца. Такимъ образомъ, главная мысль аполлодоровской *Ἐκχυρά* это — показать борьбу обманутаго мужа съ самимъ собой и съ людьми его окружающими, борьбу, основаніемъ которой служитъ любовь къ женѣ и невозможность отдѣлаться отъ ходячаго взгляда на согрѣшившую женщину. Ну, а для того, чтобы придать этой борьбѣ по-

1) Сперва Памфилъ предлогомъ своего желанія разойтись съ женой выставляетъ то обстоятельство, что Филумена худо относится къ его матери, Состратѣ (ст. 470 сл.); затѣмъ, когда этотъ предлогъ отпадаетъ въ виду того, что Сострата, дабы не мѣнять счастью своего сына, намѣрена совсѣмъ уѣхать изъ города, Памфилъ находитъ иной предлогъ, а именно: онъ не хочетъ жить съ женой на томъ основаніи, что она скрыла отъ него рожденіе ребенка, котораго и родила не въ его домѣ, но въ домѣ своихъ родителей, куда нарочно для этой цѣли и переехала (ст. 655 сл.).

больше драматизма, поэтъ и набрасываетъ тотъ фонъ, о которомъ мы говорили выше и цѣлью котораго служить одно: затруднить положеніе героя и сдѣлать его безвыходнымъ.

Когда же, благодаря Бакхидѣ, выясняется, что виновникомъ насилія надъ Филуменой былъ самъ Памфилъ, и когда, благодаря этому, жизнь молодыхъ супруговъ можетъ снова войти въ нормальную колею, то Памфилъ заботится лишь о томъ, чтобы его проступокъ не сдѣлался извѣстнымъ его отцу и тестю (ст. 865 слл.). Что же касается до какихънибудь болѣе глубокихъ мыслей по этому поводу, то онъ не приходитъ ему въ голову, т. е., иными словами, мы еще одинъ лишній разъ видимъ, что проблема Менандра вовсе не интересовала Аполлодора, а тѣмъ болѣе его alter ego, Теренція.

10.

Выяснивъ, поскольку это было возможно, ту связь, которая существовала между „Третьейскимъ судомъ“ и трагедіей Еврипида и параллельно съ этимъ затронувъ вопросъ объ обратномъ вліяніи нашей пьесы на *Εἰμωρ* Аполлодора Каристскаго, мы должны отмѣтить теперь тѣ частности „Третьейскаго суда“, въ которыхъ можно было бы видѣть отраженіе „древней“ комедіи, а именно, комедіи Аристофана. Коснемся сперва комическаго элемента. Какъ это видно изъ сохранившихся частей пьесы, мы напрасно стали бы искать въ ней того частью неудержимо-веселаго, частью насмѣшливо-сатирическаго тона, которымъ въ большей или меньшей степени проникнуты всѣ произведенія аристофановской музыки. Этотъ тонъ чуждъ „Третьейскому суду“, какъ чуждъ онъ, впрочемъ, и другимъ пьесамъ „новой“ комедіи, не унаслѣдовавшей отъ „древней“ ни ея слишкомъ откровенной грубости, ни ея язвительнаго смѣха, ни ея разнузданнаго, подчасъ obscenнаго, веселья и шутокъ. Тонъ „Третьейскаго суда“ иной: онъ почти что серьезень, а потому и элементъ комизма ослабленъ въ пьесѣ до послѣдней степени. И дѣйствительно, въ чемъ этотъ элементъ выражается? Въ языкѣ? Но тутъ Менандръ идетъ совсѣмъ инымъ путемъ, чѣмъ Аристофанъ. Такъ, напр., мы не встрѣчаемъ у него ни разчитанныхъ на смѣхъ новыхъ и сложныхъ словообразованій, ни вѣчной игры словами, ни намѣреннаго подбора такихъ выраженій, въ которыхъ заключается или грубый

каламбуръ, или ярко выраженное буффонство, или же стремление обозначить всё своимъ собственнымъ именемъ. Ввиду своей склонности къ подлинному реализму, Менандръ старается давать тотъ языкъ, на которомъ могли говорить въ его время и который всецѣло соприкасался бы съ дѣйствительностью, а не съ фикціей. И вотъ, придерживаясь въ общемъ чисто аттическаго говора, онъ по преимуществу беретъ не литературный языкъ, но языкъ обыденной рѣчи, тотъ языкъ, которымъ пользовалось современное ему образованное общество и въ которомъ, согласно Плутарху, то и дѣло попадались *τὰ κατὰ χρόνον διόματα*. Но такъ какъ греческій языкъ ко времени Менандра уже заключалъ въ себѣ много словъ и рѣчей, заимствованныхъ изъ другихъ діалектовъ, то и эти слова попадаютъ иногда у нашего комика, равно какъ попадаютъ у него изрѣдка и обороты, взятые изъ трагическаго стиля, обороты, о которыхъ будетъ сказано ниже ¹⁾. Итакъ, Менандровскій языкъ, поскольку дѣло касается выбора словъ, стоитъ довольно далеко отъ языка аристофановской комедіи, причемъ къ нему съ полнымъ правомъ можно было бы примѣнить слѣдующія слова Цицерона: *apud (comicos poetas) nisi quod versiculi sunt, nihil est aliud cotidiani dissimile sermonis* ²⁾. Равнымъ образомъ, и при постройкѣ отдѣльныхъ фразъ и періодовъ у Менандра замѣчается та-же тенденція какъ можно ближе подходить къ разговорной рѣчи и, воспроизводя её, не впадать ни въ излишнюю литературность, ни въ излишній комизмъ. А для того, чтобы убѣдиться въ вѣрности моего замѣчанія, достаточно прочесть любой пассажъ изъ „Третьякаго суда“, хотя бы, напр., отрывокъ изъ рѣчей Дава и Сирика. И когда мы прочтемъ его, то какая особенность въ постройкѣ фразъ прежде всего бросится намъ въ глаза? Та особенность, что внѣшняя форма каждой фразы не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго оттѣнка выдѣланности или излишней правильности и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, во всей рѣчи нѣтъ настоящей періодичности и соразмѣрности отдѣльныхъ частей. Это — именно разговорная рѣчь, рѣчь быстрая и мѣстами непра-

1) Bruhn, Ueber den Wortschatz des Menander. Diss. Jena. 1910; Legrand, o. c., 329 sqq.

2) Cic. orat. 20, 67.

вильная, такая рѣчь, въ которой и разстановка словъ, и сведеніе ихъ въ группы, и способъ образованія изъ этихъ группъ отдѣльныхъ фразъ, — всё, рѣшительно всё, зависитъ отъ индивидуальности говорящаго, отъ степени его развитія, отъ тѣхъ эффектовъ и чувствъ, во власти которыхъ онъ находится. Для того же, чтобы сдѣлать такую рѣчь еще болѣе живой, сжатой и бойкой, Менандръ вводитъ въ нее массу асиндетовъ, парентезъ и эллипсовъ; то и дѣло переходитъ отъ прямой рѣчи къ косвенной; то и дѣло вставляетъ разныя восклицанія, вопросы и тому подобное¹⁾. Особенно же характерна въ этомъ отношеніи его склонность къ асиндетамъ, къ такъ наз. *ἀσύνδετος τρόπος*, который риторомъ Θεοномъ характеризуется такъ: *ἔστι δὲ καὶ ἄλλος τρόπος ἀσύνδετος καλούμενος, ὅτ' ἂν τοὺς συνδέοντας τῇν φράσιν συνδέομενο παραλείπωμεν*²⁾. Но благодаря этому намѣренному опущенію разныхъ связующихъ и скрѣпляющихъ частицъ, вся фраза превращается въ группу свободно стоящихъ словъ, что и даетъ ту *λέξις λελυμένη*, которую риторъ Димитрій считаетъ за особенность Менандровскаго стиля³⁾ и про которую онъ говоритъ, что такая рѣчь „*ἀναγκάσει καὶ τὸν μὴ θέλοντα ὑποκρίνεσθαι*“, тогда какъ „*εἰ συνδήσας εἴποις . . . πολλὴν ἀπάθειαν τοῖς συνδέομοιο συμβαλεῖο*. *πάν δὲ τὸ ἀπαθεῖς ἀνυπόκριτον*“⁴⁾. Но коль скоро *λέξις λελυμένη* является особенно пригодной для *ὑπόκρισις*, для игры, то это, говоря словами Legrand'a⁵⁾, обозначаетъ только одно, а именно, „*qu'il se rapprochait, par son décousu même, du langage réellement parlé*“.

Изъ всего нами сказаннаго, причемъ это сказанное въ такой же мѣрѣ приложимо къ „Третьейскому суду“, какъ и къ

1) Ср. Epitr., 33 sqq.; 59 sq.; 4, 5, 23, 37—38; 85 sq.; 68 sqq. Массу примѣровъ на всѣ эти особенности приводитъ Legrand, о. с., 338 sq.

2) Theon. progymn. 23 (= Walz, Rhetores graeci, I, 196).

3) Demetr. de elocut. 193 (= Walz, о. с., IX, 86): *ἐναγωνισὸς μὲν οὖν ἴσως μᾶλλον ἢ διαλελυμένη λέξις . ἡ δ' αὐτὴ καὶ ὑποκριτικὴ καλεῖται . κινεῖ γὰρ ὑπόκρισιν ἢ λύσιν . γραφικὴ δὲ λέξις ἡ ἐνανάγνωστος . αὐτὴ δὲ ἐστὶν ἡ συνηρημένη καὶ οἷον ἡσφαλισμένη τοῖς συνδέσμοις . διὰ τοῦτο δὲ καὶ Μένανδρον ὑποκρίνονται, λελυμένον ἐν τοῖς πλετοτοῖς, Φιλήμονα δὲ ἀναγινώσκουσιν*.

4) Dem. de elocut. 194 (= Walz, о. с., IX, 86). Подробно обо всемъ этомъ говоритъ Legrand, о. с., 335 sqq.

5) Legrand, о. с., 337.

остальнымъ пьесамъ Менандра, вытекаетъ, что языкъ Менандровскихъ комедій и съ точки зрѣнія лексическаго матеріала, и съ точки зрѣнія фразеологіи заключаетъ въ себѣ очень мало общаго съ языкомъ „древней“ комедіи. И всѣ таки, то тамъ, то сямъ можно находить у Менандра кое-какіе аристофановскіе отзвуки, которые отражаются не столько на самомъ языкѣ, сколько на манерѣ возбужденія смѣха путемъ чисто-аристофановскихъ приемовъ. Такъ, напр., поскольку дѣло касается „Третьякаго суда“, мы встрѣчаемъ въ немъ одинъ разъ столь часто примѣняемую Аристофаномъ фигуру *παρά προσδοκίαν*, фигуру, которую риторъ Тиверій характеризуетъ такъ: *παρά προσδοκίαν δὲ ἔστιν, ὅταν ἄλλο τοῦ ἀκροατοῦ προσδεχόμενον, ἄλλα μετὰ τινος χάριτος ἐπενέγκῃ*¹⁾. Вотъ эту фигуру, состоящую въ томъ, что говорящій, имѣя ввиду одно слово, внезапно замѣняетъ его другимъ, или одинаково начинающимся, или же совсѣмъ различнымъ, даетъ намъ ст. 358—359: *ἐκτεμεῖν | δίδωμ' ἑμαυτοῦ τοῦς δ... δόντας*, въ которомъ глаголь *ἐκτεμεῖν*²⁾ требуетъ въ сущности обсценнаго выраженія *ὄρχεις*, замѣненного однако другимъ, вполнѣ приличнымъ словомъ, начинающимся съ той же буквы. Хороней же параллелью къ этому приведенному нами пассажи можетъ служить Arist. Nub., 710:

δάκνουσι μ' ἐξέρποντες οἱ κορ... Ἰνδιοί,

гдѣ слово *κορίνδιοι* поставлено вмѣсто ожидаемаго *κόρεις*, какъ явствуетъ это и изъ слѣдующихъ словъ схолиаста: *δέον οἱ κόρεις εἰπεῖν, κορίνδιοις εἶπεν*³⁾. Далѣе, къ числу аристофановскихъ приемовъ отнесъ бы я и тотъ видъ фигуры *τὸ κατ' ἀπαισιώπησιν*, при которомъ говорящій, яко-бы для соблюденія приличія, не произноситъ непристойнаго слова, безъ труда однако выводимаго изъ смысла всей фразы. Хороніую же характеристику подобной апосіопезы даетъ риторъ

1) Tib. de figuris, 16 (= Walz, o. c., VIII, 544).

2) Ср., напр., Plaut. Aul., 250 sq.:

si hercle ego te non elinguandam dederо usque ab radicibus,
impero auctorquē sum ut tū me quovis castrandum loces.

3) Ср. также Aristoph. Acharn., 18: *οὕτως ἐδήχθην ἐπὶ κο... νιας τὰς ὀφρῶς (κονίας в. κόρεων)*; Pax 176: *καὶ μὴ φυλάξει χ... ορτάσω τὸν κάνα-θαρὸν (χορτάσω в. χεσοῦμαι)*; ibid., 440: *μὰ Δι', ἀλλ' ἐν εἰρήνῃ διαγαγεῖν τὸν βίον | ἔχονθ' ἑταίραν καὶ ρκαλ... εὐοντ' ἄνθρακας (οκαλεῖονθ' в. σκαλαθύροντα).*

Тиверій, формулюющий её сл. обр.: ἀποσιώπησις δὲ ἐστὶν ὅταν μέλλον λέγειν πρᾶγμα αὐτὸ μὲν ἀποσιώπησῃ, τὴν δὲ ὑπόνοιαν αὐτοῦ καταλήτῃ¹⁾. Такъ вотъ эту апосіопезу встрѣчаемъ мы въ ст. 578—580:

(Ον.) τότε γὰρ οὐμὸς δεσπότης
τοῖς Ταυροπολλοῖς... (Σμ.) Σωφρόνη. (Ον.) ταύτην λαβὼν
χορῶν ἀνασπασθεῖσαν.... αἰσθάνει γε; (Σμ.) ναί —,

въ которыхъ послѣ слова ἀνασπασθεῖσαν должно было бы стоять или *κατήσχυε* или *διεκώρῃσεν*. А настоящую параллель къ этимъ стихамъ Менандра можно было бы видѣть въ Arist. Vesp., 1178:

ἔπειτα δ' ὥς ὁ Καρδοπίων τὴν μητέρα....,

гдѣ схолиастъ дѣлаетъ отъ себя прибавку: *λείπει ἔτηρεν*²⁾. Не мѣшаетъ, сверхъ того, отмѣтить, что и вся заключительная сцена „Третьякаго суда“, въ которой находится разобранный нами пассажъ, выдержана поэтомъ въ духѣ легкаго фарса, нѣсколько напоминающаго собой заключительныя сценки аристофановскихъ пьесъ, хотя это сходство и будетъ не инымъ, чѣмъ сходство неясной тѣни съ предметомъ, который её отбрасываетъ. Наконецъ, для полноты изложенія слѣдовало бы указать еще на одну подробность, которую любили примѣнять Аристофанъ и „средняя“ комедія и отзвуки которой можно находить иногда и у Менандра, а именно, подробность, суть которой заключается въ пользованіи трагическимъ стилемъ исключительно въ цѣляхъ усиленія комическаго эффекта, — приѣмъ, который обозначался въ греческомъ языкѣ терминомъ *παράτραφδεῖν*. Но мнѣ лично кажется, что именно въ „Третьякомъ судѣ“ этой подробности нѣтъ на лицо, если только не считать за неё примѣненія въ самомъ концѣ пьесы двухстишиной цитаты изъ „Авги“ Еврипида (ст. 583—584), цитаты, разсчитанной, конечно, на смѣхъ зрителей и вызывающей со стороны

1) Tib. de fig. 10 (= Walz, o. c., VIII, 536).

2) Ср. также Aristoph. Aves, 441 sqq.:

(Α.) μήτε δάχνειν τοῦτον οὐ μέ,
μήτ' ὀρχίπεδ' ἔλκειν, μήτ' δρύττειν... (Β.) οὐτί που
τόν...; οὐδαμῶς. (Α.) οὐκ, ἀλλὰ τῷ ὀφθαλμῷ λέγω.

Schol.: μὴ διασπᾶν τοὺς ὀρχεῖα, μὴ δρύττειν τὸν πρωκτὸν · τὸν πρωκτὸν γὰρ δεῖκνυς φησιν, οὐτί που τὸν. См. еще Theocr., I, 105: οὐ λέγεται τὰν Κύπριν ὁ βούβολουσ...; и Schol.: λείπει κατασχόναι.

Смикрина негодующій возгласъ: *σὺ μοι χολῆν | κινεῖς παλαιονομίην*. Вообще же, если повышенный тонъ и попадаетъ кое-гдѣ въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ нашей комедіи, то это дѣлается поэтомъ не всегда для усиленія комизма. Напротивъ того, иногда при посредствѣ подобнаго тона поэтъ хочетъ изобразить нѣсколько приподнятое настроеніе своихъ героевъ, выбитыхъ изъ колеи какимъ либо неожиданнымъ событіемъ и утратившихъ благодаря этому свое прежнее, сравнительно спокойное состояніе. Такъ, напр., монологъ Харисіа, находящагося подъ властью горькихъ думъ о самомъ себѣ, начинается совсѣмъ въ духѣ трагической *συννόησις*, которая, впрочемъ, выдерживается не на долго и очень скоро уступаетъ мѣсто обычному тону, тону естественной рѣчи, хотя и не лишенной нѣкотораго эмпѣза и волненія (ст. 487—492). Вѣдь, недаромъ, Горацій въ своей „Ars poetica“ говоритъ про комедію:

interdum tamen et vocem comoedia tollit,
iratusque Cbremes tumido diligitat ore.

Впрочемъ, бываетъ иногда и такъ, что повышенный тонъ, не будучи пародіей трагическаго, не выражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и состоянія душевнаго волненія, какъ видимъ мы это въ приложеніи къ Сириску, любящему время отъ времени брать высокія нотки, лишь потому, что такой стиль рѣчи кажется ему признакомъ образованности (ср. ст. 15—19). Но само собой разумѣется, что тутъ мы находимся уже предъ наличностью комическаго эффекта, принаровленнаго однако къ *ἥδωο* даннаго лица, а потому и не имѣющаго ничего общаго съ тѣми эффектами, которые путемъ того же трагическаго тона достигаются Аристофаномъ и „средней“ комедіей¹⁾.

Итакъ, поскольку дѣло касается „Третьскаго суда“, то если объектомъ нашихъ наблюденій будетъ служить языкъ пьесы и примѣненіе нѣкоторыхъ комическихъ приемовъ, намъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ удастся установить точки соприкосновенія между „Третьскимъ судомъ“ и комедіями Аристофана. Однако, и эти точки соприкосновенія не будутъ отличаться ни особой рельефностью, ни особой значительностью, что и понятно. Вѣдь Менандръ, согласно остроумному

1) По поводу трагическаго тона въ комедіи ср. Leo², Plaut. Forschungen, 135 sq., и также Legrand, о. с., 607 sq.

замѣчанію Legrand¹⁾, не даромъ былъ ученикомъ Теофраста. У послѣдняго онъ долженъ былъ научиться основнымъ теоріямъ Аристотеля о томъ, что такое смѣхъ, въ чемъ заключается истинно-смѣшное, чѣмъ это истинно-смѣшное отличается отъ плоскаго и какой стороной смѣха должна заниматься комедія²⁾. Съ другой же стороны, стремленіе Менандра къ подлинному реализму, въ чемъ опять таки можно, а можетъ быть, и нужно усматривать вліяніе той-же перипатетической школы³⁾, должно было отвлекать поэта отъ всякой каррикатуры и буффонства и, наоборотъ, привлекать къ комизму подлинному, взятому изъ жизни и заключающемуся частью въ особенностяхъ того или другого характера, частью же въ подробностяхъ того или другого положенія. Такой именно серьезный комизмъ и находимъ мы въ „Третьейскомъ судѣ“, гдѣ всѣ смѣшныя стороны, коль скоро онѣ находятся на лицо, объясняются сами собой, какъ естественное послѣдствіе разнаго рода complicatіонъ и условій жизни.

Но если въ вопросѣ о комическомъ элементѣ вліяніе „древней“ комедіи оказывается столь незначительнымъ и поверхностнымъ, то по отношенію къ чему другому сказалось оно въ „Третьейскомъ судѣ“ яснѣе? Прежде всего, оно сказалось въ немъ, равно какъ и въ другихъ пьесахъ Менандра, въ слѣдующей подробности. Если у Аристофана дѣйствующія лица любятъ обращаться къ публикѣ въ своихъ монологахъ-прологахъ, слѣдующихъ за вводной діалогической сценкой, и любятъ излагать въ нихъ *τοῦ δράματος τὸν λόγον*, то этотъ условный пріемъ не былъ окончательно отброшенъ и Менандромъ, причемъ примѣнялся онъ имъ не только въ прологахъ, но и въ монологахъ повѣствовательнаго характера, стоящихъ въ серединѣ пьесы, какъ видимъ мы это по рѣчи Онисима, предшествующей выходному монологу Харисія (ст. 457 слл.). И дѣйствительно, Онисимъ, въ ужасѣ выбѣгающій изъ дома и повѣствующій зрителямъ, къ которымъ онъ обращается со словами *ὦ ἄνδρες*, обо всемъ, что только что произошло въ домѣ, нѣсколько напоминаетъ собой аристофановскіе персонажи: онъ, какъ и они, говоритъ съ публикой, онъ, какъ и

1) Legrand, о. с., 622 sq.

2) См. Arist. Ethic. Nicom., p. 1127B—1128B.

3) Э. Ф. Зѣлинскій, Геродъ и его бытовые сценки, 6.

они, знакомить её съ происшедшимъ. Но на этомъ кончается сходство и начинается различіе. Такъ, прежде всего, Онисимъ излагаетъ зрителямъ *τὸν λόγον* не пьесы, а одного опредѣленнаго момента, только что имѣвшаго мѣсто въ дѣйствіи. Во вторыхъ же, — и это гораздо важнѣе — его монологъ играетъ роль своего рода введенія, обусловливающаго собой выходъ Харисія и его рѣчь. Но такой обусловливающий монологъ, стоящій въ серединѣ пьесы, уже не есть нѣчто аристофановское: прецедентъ къ нему мы находимъ не въ „древней“ комедіи, но, какъ отмѣтилъ это Leo¹⁾, въ трагедіи, а именно, въ трагедіи Еврипида „Алкеста“, въ той ея сценѣ, гдѣ дѣйствующими лицами являются слуга Адмета и Гераклъ (ст. 747—802). Какъ и въ „Третьейскомъ судѣ“, выходъ слуги въ „Алкестѣ“ вызывается необычнымъ поведеніемъ Геракла, которое и описывается слугой въ монологѣ, предшествующемъ выходу и монологу самого героя. Далѣе, въ „Алкестѣ“, какъ и въ „Третьейскомъ судѣ“, это описаніе слуги находитъ себѣ подтвержденіе въ рѣчи Геракла, и, наконецъ, какъ здѣсь, такъ и тамъ, вся сцена имѣетъ важное значеніе для дальнѣйшаго хода дѣйствія. Но разъ всё это такъ, то связь между Аристофаномъ и „Третьеискимъ судомъ“ сведется къ очень и очень небольшому: къ обращенію актера къ публикѣ со словами *ὦ ἄνδρες*.

Итакъ, пока намъ не удалось установить факта существеннаго воздѣйствія „древней“ комедіи на нашу пьесу. Наоборотъ, мы съ достаточной очевидностью показали, что это воздѣйствіе свелось въ нашемъ случаѣ къ однимъ мелочамъ, къ воспроизведенію нѣкоторыхъ мелкихъ пережитковъ, не имѣющихъ особеннаго значенія. Посмотримъ теперь, не найдется ли какого нибудь болѣе обильнаго для нашихъ разсужденій матеріала, если мы затронемъ структурную часть „Третьеискаго суда“. Въ одной изъ предшествующихъ главъ (гл. 8) нами уже было указано на то, что въ этомъ отношеніи нѣкоторую, и притомъ, очень важную роль сыгралъ для Менандра Еврипидъ, и что сцену суда между Давомъ и Сирискомъ можно было бы сопоставлять съ агонами нѣкоторыхъ Еврипидовскихъ трагедій. Спрашивается теперь, не найдется ли въ нашей пьесѣ такихъ же ясныхъ слѣдовъ ея

1) Leo, Der Monolog im Drama, 84.

структурной зависимости отъ Аристофана? Къ сожалѣнію, отвѣтить вполне опредѣленно на этотъ вопросъ будетъ довольно трудно, и вотъ почему. Въ сохранившейся части пьесы такихъ слѣдовъ мы не видимъ. Но они были на лицо, если только правильно возстановляется нами самое начало комедіи, отъ котораго, какъ мы это видѣли, дошли лишь отдѣльные, разрозненные фрагменты. Вѣдь, согласно нашей реконструкціи, пьеса открывалась діалогической сценкой, за которой слѣдовалъ разъяснительный монологъ. Основаніе же для подобной реконструкціи даютъ отчасти сами фрагменты, отчасти та аналогія, которую представляетъ пьеса Менандра „Отрѣзанная коса“, начинавшаяся съ діалога и переходившая затѣмъ на монологъ, произносимый богиней Невѣдшія.

Точно также построено было и начало комедіи „Герой“, въ которой вслѣдъ за вводной діалогической сценкой, представляющей бесѣду двухъ рабовъ, шелъ монологъ, произносимый самимъ *Ἦρωσ θεός* (стр. 97). Но такого рода устройство вводныхъ частей въ комедіяхъ принадлежитъ, какъ доказалъ это Лео¹⁾, къ числу приемовъ Аристофана, и притомъ къ числу приемовъ, которые съ большой интенсивностью проводились имъ въ противовѣсъ Еврипиду, любившему начинать свои пьесы съ пролога въ формѣ монологической рѣчи. Отсюда вытекаетъ, что, находя у Менандра такое сочетаніе діалога и монолога, при которомъ діалогъ открываетъ пьесу, а монологъ, идущій за нимъ, служитъ его разъясненіемъ и дополненіемъ, мы можемъ видѣть здѣсь отраженіе аристофановской манеры или, иначе, манеры „древней“ комедіи²⁾. Но мнѣ кажется, что не во внѣшнемъ устройствѣ только сказывается эта близость и сходство: она сказывается, пожалуй, и въ сути самого содержанія, насколько можно судить объ этомъ по начальной сценкѣ изъ „Героя“. И дѣйствительно, если мы сопоставимъ съ этой сценкой соответствующія сценки изъ „Всадниковъ“ или „Мира“, то мы увидимъ слѣдующее: какъ у Менандра, такъ и у Аристофана начальныя діалогическія партіи служатъ какъ бы вступле-

1) Лео², о. с., 191 sq.

2) Такъ построена *expositio* въ „Мирѣ“, „Осахъ“, „Всадникахъ“, и наконецъ въ „Птицахъ“.

пиемъ къ настоящему дѣйствию, его мотивировкой, такъ сказать. Въ нихъ же самихъ этого дѣйствія нѣтъ, въ нихъ, думается мнѣ, заключается только передача тѣхъ переживаній и чувствованій, которыя выпали на долю выступающихъ передъ зрителями лицъ благодаря ряду фактовъ, имѣвшихъ мѣсто раньше, и притомъ такихъ фактовъ, которые и обусловливаютъ собой дѣйствіе пьесы. А такъ какъ одной передачи этихъ чувствованій оказывается недостаточно для того, чтобы зрители уяснили себѣ, въ чемъ тутъ дѣло, то къ діалогической партіи приставляется разъяснительный монологъ, — своего рода разгадка предложенной раньше загадки. Такимъ образомъ, вводная часть стоитъ сама по себѣ: она есть ничто иное, какъ рекапитуляція того, что было до начала дѣйствія, и ея единственной цѣлью является ознакомленіе зрителей съ тѣмъ, безъ чего и само дѣйствіе не имѣло бы своего *raison d'être*.

Однако, несмотря на все сходство аристофановскихъ „*expositioes*“ съ менандровскими, есть въ послѣднихъ одна черта или, вѣрнѣе, подробность, которая представляетъ собой нѣчто новое, неизвѣстное „древней“ комедіи, и которая заключается въ слѣдующемъ. Въ то время, какъ аристофановскіе персонажи, выступающіе въ начальныхъ партіяхъ, почти что не носятъ на себѣ слѣдовъ индивидуализаціи, тѣ же персонажи у Менандра подвергаются самой тщательной обработкѣ со стороны своихъ характеровъ, какъ явствуетъ это изъ „Героя“ и изъ соотвѣствующихъ фрагментовъ „Третейскаго суда“. Но благодаря этому и сами вводныя сценки, хотя и продолжаютъ, съ внѣшней стороны, играть прежнюю роль простого вступленія, вырастаютъ въ своемъ общемъ значеніи и превращаются въ тонкія бытовые картинки, въ которыхъ мы находимъ уже не трафаретные, комическіе типы, но настоящихъ людей, настоящие индивидуальныя характеры, или отличные другъ отъ друга, или же, во всякомъ случаѣ, другъ на друга не похожіе.

Итакъ, поскольку дѣло касается структурной стороны „Третейскаго суда“ и „Героя“, мы можемъ сказать, что „древняя“ комедія отразилась здѣсь довольно ясно, и что, такимъ образомъ, не одна только еврипидовская трагедія была для Менандра обращеніемъ, которымъ онъ время отъ времени пользовался.

11.

Но кромѣ вопроса о ввѣдныхъ частяхъ комедіи, вопроса, только что нами разобраннаго, есть и другой вопросъ, который тоже слѣдуетъ подводить подъ общую проблему о структурной зависимости комедіи Менандра отъ комедіи Аристофана, а именно, вопросъ о хорѣ, объ его роли и значеніи. Однако, при разрѣшеніи этого вопроса намъ придется выйти изъ тѣсныхъ рамокъ „Третьскаго суда“ и волей-неволей взять его во всей его цѣлости, въ приложеніи ко всѣмъ пьесамъ Менандра, и даже не одного Менандра, но вообще — къ пьесамъ „средней и „новой“ комедіи.

Вопросъ о хорѣ и объ участи, постигшей его въ связи съ тѣми измѣненіями, которыя испытала на себѣ греческая комедія, вопросъ не новый. Уже давно, еще до открытія Каирскаго кодекса, ставился онъ въ наукѣ, причемъ одни ученые, какъ Lüders¹⁾, Bethe²⁾ и Christ³⁾, высказывались за полное отсутствіе хора, а другіе, какъ, напр., Reisch⁴⁾, склонялись къ той мысли, что хоръ продолжалъ существовать и въ трансформированной комедіи, но исключительно на положеніи дополнительнаго элемента, не нужнаго для дѣйствія и всецѣло отъ него оторваннаго. Приэтомъ, защитники послѣдняго мнѣнія старались обосновать его слѣдующимъ образомъ. Прежде всего они указывали на литературныя свидѣтельства, а именно, на слова Эсхина⁵⁾ и Аристотеля⁶⁾, изъ которыхъ явствуется, что въ комедіи демосѣеновскаго времени хоръ еще былъ ея составной частью, хотя это и не значить, конечно, что онъ былъ настоящимъ дѣйствующимъ лицомъ на манеръ хора въ большинствѣ аристофановскихъ пьесъ.

1) Lüders, Die Dionysischen Künstler, 116 sqq.

2) Bethe, Prolegomena, 245 sqq.

3) Christ, Das Theater des Polyklet im Epidauros (= Sitzungsber. d. Münch. Akad. d. Wiss., phil.-hist. Cl. (1894), 25 sq.). Ср. также Christ⁴⁾; Griech. Literaturgeschichte, 317.

4) Reisch, Chor (= Wissowa, Pauly's Real-Encyclopädie, III, 2403); Dörpfeld-Reisch, Das gr. Theater, 258; Körte, Die Komödienpapyri von Ghorân (= Hermes, 43 (1908), 41); Körte, Neue Jahrbücher für das Kl. Altertum, V (1900), 81 sqq.; Leo, Der Monolog im Drama, 41.

5) Aesch. I, 157: *ὅς ἐνπρεπὴς ὢν ἰδεῖν τοσοῦτον ἀπέχει τῶν ἀσχερῶν, ὥστε πρόφην ἐν τοῖς κατ' ἀρχοῦς Διονυσίοις χωμφῶν ὄντων ἐν Κόλλυτῳ καὶ Παρμένοντος τοῦ χωμφῶν εἰπὼντιο τι περὶ τὸν χορὸν ἀνάπαιστον οὐδεὶς ὑπελάμβανε ἐπὶ τὸ μειράκιον, ἀλλ' εἰς σε πάντες.*

6) Arist. Pol. III, 3, 1276b.

Далѣ, въ пользу существованія хора говорятъ и нѣкоторые, дошедшіе до насъ лирическіе отрывки изъ пьесъ „средней“ комедіи, отрывки, на которые приходится смотрѣть, какъ на остатки хоровыхъ партій¹⁾, но которые вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе не доказываютъ, что эти партіи играли въ соотвѣствующихъ пьесахъ какую нибудь существенную роль.

Наконецъ, въ нашемъ распоряженіи находится цѣлый рядъ эпиграфическихъ данныхъ, изъ которыхъ можно вывести, что комическіе хоры существовали даже во II в. до Р. Х. Такъ, напр., о комическомъ хорѣ упоминается въ одной делосской надписи 279 г.²⁾; о 7 *χορευταὶ κομικοί* говорится въ одновременныхъ ей делфійскихъ надписяхъ, содержащихъ въ себѣ списокъ технитовъ, выступавшихъ на праздникъ Сотерій³⁾, и, наконецъ, о 4 *χορευταὶ κομικοὶ* говоритъ намъ дельфійская же надпись II в. до Р. Х.⁴⁾. Всѣ эти, дополняющіе другъ друга, факты свидѣтельствуютъ о томъ, что комическій хоръ находился на лицѣ даже и тогда, когда комедія, какъ таковая, уже не имѣла почти ничего общаго со своимъ прототипомъ, а именно, съ комедіей „древней“. Но, съ другой стороны, всё это оказывается еще очень недостаточнымъ для разсужденія о томъ, какова была роль этого хора, во что онъ, въ сущности говоря, выродился и дѣйствительно ли былъ онъ для каждой комической пьесы чѣмъ нибудь безусловно и притомъ органически необходимымъ.

Постепенное вырожденіе хора и потеря имъ своего *raison d'être* замѣчается уже у Аристофана. Такъ, если въ болѣе древнихъ комедіяхъ послѣдняго (ср. „Ахарняне“ или „Всадники“) хоръ является настоящимъ *πρόσωπον*, заинтересованнымъ въ ходѣ дѣйствія, то въ „Экклезіазусахъ“ и, особенно, въ „Богатствѣ“ онъ сходитъ на положеніе простого придатка, удержаніе котораго въ организмѣ пьесы объясняется лишь одной традиціей. И дѣйствительно, въ „Богатствѣ“, если не считать *πρόδοσ*, у хора нѣтъ особыхъ,

1) Meineke, Com. graec. fragmenta, I, 298 sqq.

2) Bulletin de correspondance hellénique, XIV (1890), 396, l. 85.

3) Wescher-Poucart, Inscriptions de Delphes (Paris 1866), n. 3, l. 67—75; n. 4, l. 69—75; n. 5, l. 73—79; n. 6, l. 71—77.

4) Εφημερίς αρχαιολογική, 1883, 163. См. Körte, о. с., 41, а также Legrand, о. с., 422, 5.

связанных съ пьесой пѣсень. Эти пѣсни оказываются ненужными для дѣйствія, равно какъ не нуженъ для него и самъ хоръ, ибо дѣйствіе идетъ безъ участія хора, который тѣмъ не менѣе остается на лицо. Т. е., иными словами, хора нѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ есть, а на наличность его указываетъ помѣта *χοροῦ*, стоящая послѣ ст. 321, 626, 770, 801, 957, 1096, 1170¹⁾ и знаменующая собой, по всей вѣроятности, то, что въ отмѣченныхъ нами мѣстахъ хоръ, при пустой сценѣ, исполнялъ особые номера, или, иначе, что онъ былъ предназначенъ для заполнения антрактовъ.

На это же самое намекають, повидимому, и слѣдующія, не вполне ясныя слова анонимнаго автора XI біографіи Аристофана²⁾: *πάλιν δὲ ἐκκλεωπτότος καὶ τοῦ χορηγεῖν τὸν Πλοῦτον γράψας εἰς τὸ διαναπαύεσθαι τὰ σκηνικὰ πρόσωπα καὶ μεταοικεῖν ἄζεσθαι ἐπιγράφει χοροῦ φθεγγόμενος ἐν ἐκείνοιο, ᾧ καὶ ὀρώμεν τοὺς νέους οὕτως ἐπιγράφοντας Σήλω 'Αριστοφάνου*. Изъ этихъ словъ, въ которыхъ, какъ говорить Koerte³⁾, „Aufführung und Buchausgabe sind hoffnungslos durcheinander geworfen“, видно всё таки, что съ сценической точки зрѣнія хоръ былъ нуженъ для наступавшихъ въ дѣйствіи паузъ или, иначе, что онъ заполнялъ ихъ, давая актерамъ время для отдыха и переодѣванья. Что же касается до устройства текста пьесъ въ рукописяхъ, то здѣсь помѣта *χοροῦ* указывала просто на просто на конецъ акта и на происходящую послѣ этого паузу, которая при воспроизведеніи пьесы на сценѣ заполнялась пѣсней хора, носившей случайный характеръ и не имѣвшей прямого отношенія къ дѣйствію, а потому и опускаемой въ текстъ.

Какъ бы то ни было, и слова анонима, и роль хора въ „Богатствѣ“ и „Экклезіазусахъ“ съ достаточной ясностью говорятъ за то, что при закатѣ „древней“ комедіи хоръ, не исчезнувъ фактически, исчезъ изъ нея, какъ *πρόσωπον*, — фактъ, который долженъ былъ найти себѣ продолженіе и въ комедіи „средней“. Но къ сожалѣнію, за неимѣніемъ опредѣленныхъ данныхъ, мы не можемъ сказать, какъ въ

1) Такая же помѣта находится и въ „Экклезіазусахъ“ послѣ ст. 729, 876 и 1111, равно какъ есть она и въ „Облакахъ“ послѣ ст. 888.

2) Dübner, Scholia in Aristophanem, XXVIII, 72. sqq.

3) Koerte, o. c., 39.

своемъ послѣдовательномъ развитіи шло это выдѣленіе хора изъ комедіи и что новаго было внесено сюда представителями „средняго“ комическаго жанра.

Мы можемъ предполагать только, на основаніи дошедшихъ до насъ лирическихъ отрывковъ (см. выше), что въ нѣкоторыхъ пьесахъ „средней“ комедіи хоръ имѣлъ особыя партіи, не представлявшія собой простыхъ *ἐμβόλαι* и не служившія только для заполнения антрактовъ. Но это не значитъ еще, что всѣ партіи хора носили такой характеръ и что, съ другой стороны, не было въ „средней“ комедіи и такихъ пьесъ, въ которыхъ хоръ не былъ бы сведенъ къ простому выступленію пѣвцовъ, исполнявшихъ какія нибудь пѣсни во время наступившей паузы.

Напротивъ того, это послѣднее предположеніе вполне возможно, тѣмъ болѣе, что такое выдѣленіе хора явилось бы лишь естественнымъ развитіемъ того принципа, который проводится уже въ „Богатствѣ“ Аристофана и который, какъ мы это сейчасъ увидимъ, становится доминирующимъ въ „новой“ комедіи. Однимъ словомъ, поскольку дѣло касается комедіи „средней“, то можно, кажется, думать, что въ ней наблюдалась еще по отношенію къ хору нѣкоторая двойственность или, иначе, что „средняя“ комедія не успѣла еще окончательно отдѣлаться отъ хора: она, такъ сказать, оставалась на полдорогѣ.

Зато, если мы перейдемъ къ „новой“ комедіи, мы прежде всего замѣтимъ, что въ ней какъ будто нѣтъ чисто-лирическихъ размѣровъ, т. е., размѣровъ, указывающихъ на наличность хоровыхъ партій. По крайней мѣрѣ, среди сохранившихся отрывковъ можно указать только на одинъ, вложенный въ анапесты, а именно, на отрывокъ изъ *Δευκαλῖα* Менандра¹⁾. Но если этотъ отрывокъ и могъ относиться къ пѣснѣ хора, то, съ другой стороны, какъ замѣчаетъ Leo²⁾, онъ могъ и не принадлежать къ ней. Помимо же этого отрывка у насъ нѣтъ никакихъ другихъ, которые были бы облечены въ форму лирической пѣсни. Напротивъ того, все, что сохранилось отъ „новой“ комедіи,

1) Коек, о. с., III, 89, fr. 312. См. Meineke, о. с., I, 443, а также Leo, *Der Monolog im Drama*, 41.

2) Leo, о. с., 41.

включая сюда и новонайденные пьесы Менандра, допускаетъ лишь два размѣра, а именно, ямбическій триметръ и трохаическій тетраметръ, — фактъ, который какъ бы подтверждаетъ правильность слѣдующихъ словъ Гефестіона о размѣрахъ у главнаго представителя „новой“ комедіи: *πῆ μὲν γὰρ τετραμέτρα ἐν τῷ αὐτῷ ποιῆματι, πῆ δὲ τρίμετρα εὐρίσκεται*¹⁾.

Но разъ это такъ, то слѣдуетъ, кажется, думать, что „новая“ комедія не знала хора въ томъ смыслѣ, въ какомъ знала его „средняя“, т. е., хора, участвующаго въ дѣйстви путемъ исполненія особой, связанной съ дѣйствиѣмъ пѣсни. Такой хоръ, отдаленно напоминавшій собой хоръ „древней“ комедіи, былъ, повидимому, чуждъ ей и ею не примѣнялся. Въдъ недаромъ, нѣтъ его ни въ одной изъ четырехъ пьесъ, сохраненныхъ Каирскимъ кодексомъ, и недаромъ въ „Героѣ“, въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ, онъ не фигурируетъ въ качествѣ особаго *πρόσωπον*: о немъ вовсе не упоминается, его какъ бы совсѣмъ нѣтъ, онъ, такъ сказать, выдѣленъ изъ пьесы, какъ нѣчто, не имѣющее къ ней прямого отношенія и если существующее, то само по себѣ.

Т. е., иными словами, хору дана роль à part, но такая роль, которая протекаетъ внѣ пьесы. Единственнымъ же указаніемъ на то, что хоръ, будучи изъятъ изъ комедіи, все таки оставался при ней, служить помѣта *χοροῦ*, та самая помѣта, которую мы уже видѣли у Аристофана и толкованіе которой заключается, помимо вышеприведенныхъ словъ анонимаго автора аристофановской біографіи, въ слѣдующемъ пассажѣ изъ Эвантія: *res admonuit poetas, ut primo quidem chorus tollerent, locum eis relinquentes, ut Menander fecit*²⁾.

Вотъ эта помѣта, знаменующая собой, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она находится, шла пауза и появлялся хоръ, заполнявшій антрактъ своимъ выступленіемъ, — эта помѣта встрѣчается въ пьесахъ „новой“ комедіи не одинъ разъ. И дѣйствительно, мы находимъ её въ „Третьейскомъ судѣ“ послѣ ст. 201, въ „Саміанкѣ“ послѣ ст. 270, въ „Отрѣзанной косѣ“ послѣ ст. 76, да сверхъ того она же попадаетъ намъ

1) Meineke, о. с., I, 442; Leo, о. с., 41. Ср. также: Leo, *Chorus* (= Hermes, 43 (1908), 310).

2) Euanthius de comoedia, III, 1 (= Kibel, Com. gr. fragm., I, 1, 65).

въ Порфирьевскомъ отрывкѣ II b (см. стр. 120) послѣ ст. 13 и, наконецъ, въ Горанскихъ фрагментахъ, которые даютъ её дважды¹⁾. Приэтомъ, ни разу вслѣдъ за помѣтой не идетъ той пѣсни, которую исполнялъ хоръ, и ни разу не дѣлается намека на то, что онъ былъ занятъ именно пѣсней, а не пляской.

Но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ, повидимому, вслѣдъ за Koerte²⁾, считать, что на обязанности хора лежало какъ разъ исполненіе пѣсни, ибо это гораздо болѣе подходило бы къ традиціямъ комическаго хора, который всегда былъ хоромъ поющимъ, а не только хоромъ танцующимъ. Тотъ же фактъ, что пѣсенъ хора не сохранилось, можно было бы объяснять тѣмъ, что эти пѣсни, какъ не имѣющія отношенія къ дѣйствію, а, можетъ быть, даже и не написанныя самимъ авторомъ той или другой пьесы, не вносились въ рукописный текстъ, какъ не внесены онѣ и въ текстъ аристофановскаго „Богатства“ и „Экклезіазусъ“.

Итакъ, согласно нашему убѣжденію хоръ, выступавшій въ антрактахъ и указывавшій своимъ появленіемъ на конецъ cadaго даннаго акта, былъ хоромъ, исполнявшимъ какую-нибудь пѣсню, но пѣсню, не стоявшую въ связи съ дѣйствіемъ пьесы.

Однако, если отъ этихъ пѣсенъ, носившихъ чисто-случайный характеръ, не сохранилось ни одной строчки, то нельзя ли всё таки найти въ текстѣ комедій чего либо такого, что указывало бы, пусть даже на самую внѣшнюю, связь хора съ отдѣльными моментами дѣйствія или, по крайней мѣрѣ, нельзя ли найти въ этомъ текстѣ какихъ нибудь намековъ на предстоящее въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ появленіе хора? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ придется обратиться къ разбору всѣхъ тѣхъ пассажей, гдѣ находится помѣта χοροῦ, причемъ прежде всего мы остановимся на Порфирьевскомъ отрывкѣ II b.

Въ этомъ отрывкѣ передъ χοροῦ стоятъ слѣдующіе стихи:

*ἰωμεν, ὦα καὶ μυρακυλλίων ὄχλοα
εἰς τὸν τόπον τια ἔρχεθ' ὑποβεβρεγμέν[ων,
οἷσ] μὴ ἐνοχλεῖν εὐκαιρον εἶναι μο[ι] δοκεῖ.*

1) Bulletin de correspondance hellénique, XXX (1906), 106 (par. I, fr. 1, col. II 8) и 148 (par. II, fr. 5, 4).

2) Körte, o. c., 40.

Стихи эти произносятся однимъ изъ персонажей, послѣ чего какъ онъ, такъ и его собесѣдникъ, уходятъ со сцены, уступая мѣсто входящему на нее хору.

Совершенно такую же ситуацію видимъ мы и въ „Отрѣзанной кости“ (ст. 71—73): здѣсь, какъ и въ Порфирьевскомъ отрывкѣ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ, обращаетъ вниманіе другихъ на приближеніе толпы подвыпившихъ юношей, что до нѣкоторой степени является причиной ухода всѣхъ со сцены, на которой и выступаетъ хоръ, о чемъ можно судить по помѣтѣ *χοροῖ*.

Наконецъ, совсѣмъ такой же прецедентъ встрѣчался, какъ отмѣтилъ это Leo¹⁾, и въ одной пьесѣ Алексиды, что явствуетъ изъ слѣдующаго фрагмента²⁾:

*καὶ γὰρ <μεθύσων> ἐπὶ κῶμον ἀνθρώπων δρῶ
πληθὺς προσιδόν, ὥς τῶν καλῶν τε ἀγαθῶν
ἐνθάδε συνδύντων · μὴ γένοιτό μοι μόνον
νύκτωρ ἀπαντῆσαι καλῶς πεπραγόνων
ὅμῳ περὶ τὸν βαλλισμόν · οὐ γὰρ εἴν ποτε
θοῖμάτιον ἀπενέγκαιμι μὴ φύσας πετρά.*

Зато нѣсколько иначе обстоитъ дѣло въ „Саміанкѣ“ и въ „Третьейскомъ судѣ“. И дѣйствительно, какъ въ той, такъ и въ другой пьесѣ передъ ремаркой *χοροῖ* нѣтъ никакого указанія на возможное появленіе хора, если только не считать за это въ „Третьейскомъ судѣ“ ст. 195: *νυνὶ μὲν οὖν συνάγουσι*, а въ „Саміанкѣ“ ст. 268: *τᾶνδον εὐτρεπῆ*; — стихъ, имѣющій отношеніе къ приготавлиющемуся брачному торжеству.

Наконецъ, не мѣшаетъ отмѣтить, что и въ *Hautontimophemos* Теренція, въ пьесѣ, восходящей къ *Ἐαυτὸν τιμωροῦμενος* Менандра, есть, какъ доказываетъ это Skutsch³⁾, намекъ на то, что въ греческомъ подлинникѣ первый актъ пьесы кончался обычной помѣтой *χοροῖ*, которой предшествовало заявленіе одного изъ персонажей насчетъ готовящейся

1) Leo, *Хорон* (= *Hermes*, 43 (1908), 308 sqq).

2) Alex. fr. 107 (= Коск, о. с., II, 333). Слово *μεθύσων* дополнено Leo.

3) Skutsch, *Хорон bei Terenz* (= *Hermes*, 47 (1912), 141 sqq.).

у него пирушки и о необходимости пригласить на нее одного изъ его пріятелей¹⁾.

Спрашивается теперь, какой выводъ можно сдѣлать изъ всѣхъ приведенныхъ нами пассажей? Bethe, основываясь главнымъ образомъ на мѣстахъ изъ Алексиды, изъ „Отрѣзанной косы“ и изъ Порфирьевскаго отрывка II b, думаетъ, что хоръ, появившійся во время перваго антракта, вслѣдъ за указывающими на его появленіе словами какого нибудь дѣйствующаго лица, оставался затѣмъ на сценѣ во все время дѣйствія пьесы, какъ было это и въ „древней“ комедіи²⁾. При этомъ, подобный хоръ, согласно мнѣнію того-же Bethe, не мѣнялъ своихъ масокъ и, оставаясь однимъ и тѣмъ-же, постоянно присутствующимъ хоромъ, изображалъ собой толпу подвыпившихъ юношей, *κῶμος μεθύοντων*³⁾. Но само собой разумѣется, что коль скоро такой хоръ, всецѣло оторванный отъ дѣйствія и вѣчно сохраняющій одинъ и тотъ-же обликъ, не сходилъ послѣ перваго антракта со сцены, то при концахъ послѣдующихъ актовъ уже не приходилось отмѣчать его выступленіе какой нибудь соотвѣтствующей тирадой⁴⁾. Онъ просто на просто, лишь только сцена становилась пустой отъ актеровъ, начиналъ свою, связанную съ пѣсней, пляску, а зрители, видя дѣйствующій хоръ, до той поры стоявшій въ сторонѣ, понимали, что начинается интермедія, отдѣляющая одинъ актъ отъ другого.

Такимъ образомъ, согласно мнѣнію Bethe, указаніе на

1) Cp. Ter. Hautontim., 168 sqq.:

sed ut dici tempus est,
tempust monere me hunc vicinum Phantam,
ad cenam ut veniat: ibo, vlsam si domist.

См. также Б. В. В а р н е к е, Мелкія замѣтки къ Плавту (= Журн. Мин. Нар. Просв. 1912, августъ, отд. класс. филол., 376 сл.). Здѣсь очень наглядно доказывается, что и въ Rudens Плавта можно изъ словъ входящаго на сцену юноши Плесидиппа (ст. 89—93) вывести, что въ первичной редакціи пьесы Плесидиппъ, „появлялся на сценѣ не одинъ, а въ сопровожденіи хора изъ своихъ *πρόπολοι*, подобно хотя бы Ипполиту въ трагедіи Еврипида. Тѣ же самые хореуты затѣмъ въ началѣ 2-го акта являлись опять, но уже рыбаками“.

2) Bethe, Der Chor bei Menander (= Berichte über die Verhandlungen der Königl. sächs. Gesellschaft der Wiss. zu Leipzig, phil.-hist. Kl., 60 (1908), 221).

3) Bethe, o. c., 214 и 222.

4) Bethe, o. c., 223.

вступающій на сцену хоръ дѣлалось только въ концѣ перваго акта¹⁾, и притомъ вѣчно въ одной и той-же формѣ, ибо хоръ всегда представлялъ собой неизмѣнный *κῶμος*.

Я не буду отрицать, что гипотеза, высказанная Bethe, отличается остроуміемъ и что при ней связь хора „новой“ комедіи съ хоромъ комедіи „древней“ принимаетъ очень ясный и отчетливый видъ. И тѣмъ не менѣе, эта гипотеза, несмотря на всю свою завлекательность, врядъ ли можетъ быть принята во всей ея цѣлости, ибо противъ нея говоритъ цѣлый рядъ соображеній, уже высказанныхъ разными учеными.

Такъ, прежде всего, я вполне согласенъ съ Croiset, что „rien n'eut été plus monotone que de voir reparaître entre tous les actes une pareille troupe“, т. е., несмѣняемую толпу подвыпившихъ юношей²⁾. Правда, Bethe говоритъ, что „надо еще доказать“, что этого не могло быть. Но, съ другой стороны, врядъ ли можно считать за подтвержденіе гипотезы Bethe и тотъ фактъ, что аналогичный „перманентный“ хоръ мы встрѣчаемъ въ греческой трагедіи и комедіи V в. до Р. X³⁾. И дѣйствительно, надо еще доказать, что комедія Менандра сохранила въ неприкосновенности старый обычай, въ чемъ а priori можно сомнѣваться⁴⁾ и для обоснованія чего у насъ нѣтъ до сихъ поръ никакихъ положительныхъ данныхъ.

Но зато у насъ есть кое-что, какъ будто говорящее противъ Bethe, и это кое-что сводится къ слѣдующему. Такъ, прежде всего, очень трудно представить себѣ, чтобы комедія Менандра, стремящаяся къ воспроизведенію настоящей жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ начала до конца построенная на принципѣ вести дѣйствіе такъ, чтобы всякая тайна и всякій въ тишинѣ обдумываемый планъ не имѣли никакихъ постороннихъ свидѣтелей, — чтобы эта комедія допускала наличность постоянного, неуходящаго хора, нахожденіе котораго на

1) Bethe, о. с., 223 sq. Ср. van Leeuwen²⁾, о. с., 16, 5.

2) Croiset, Ménandre. L'Arbitrage (Paris 1908), 62. Эти слова Croiset направлены противъ мнѣнія van Leeuwen'a (о. с., 16, 5), но такъ какъ гипотеза Bethe о перманентномъ хорѣ есть, въ сущности говоря, ничто иное, какъ развитіе и обоснованіе мысли голландскаго ученаго, то замѣчаніе Croiset съ полнымъ правомъ можетъ быть приложено и къ теоріи Bethe.

3) Bethe, о. с., 223, 1.

4) Legrand, о. с., 425, 1.

сценѣ могло только нарушать иллюзію и ставить дѣйствующихъ лицъ въ необходимость дѣлать видъ, будто они не замѣчаютъ хоревтовъ, которые, присутствуя для зрителей, должны были казаться отсутствующими для актёровъ ¹⁾).

Съ другой же стороны, можно сомнѣваться и въ томъ, что хоревты въ теченіе всей пьесы не мѣняли своихъ масокъ, сохраняя такимъ образомъ всё время одинъ и тотъ-же обликъ. Мыслимо, конечно, что иногда дѣло обстоило и такъ, какъ рисуетъ его Bethe, но очень сомнительно, чтобы оно обстоило такъ всегда.

И мнѣ кажется, что хорошимъ доказательствомъ, говорящимъ противъ излишней прямолинейности Bethe, служить какъ разъ остроумное наблюденіе Б. В. Варнеке, сдѣланное имъ надъ Rudens Плавта, гдѣ сперва хоръ изображаетъ товарищей юноши Плесидиппа, а затѣмъ — рыбаковъ, выступающихъ съ особой, включенной въ текстъ, пѣсней ²⁾. Правда, эта пѣсня, имѣющая отношеніе къ дѣйствию и вовсе не являющаяся одной интермедіей, указываетъ, что оригиналъ Rudens относился еще къ той порѣ, когда комическій хоръ не успѣлъ разъ и навсегда превратиться въ простую внѣшнюю добавку, вовсе не связанную съ организмомъ пьесы. Но какъ бы то ни было, для насъ въ данный моментъ важно только то, что, на основаніи Rudens, мы можемъ, повидимому, предполагать, что хоръ въ „новой“ комедіи могъ иногда мѣнять свой обликъ или, иначе, что утвержденіе Bethe о несмѣняемости масокъ у хоревтовъ должно быть нѣсколько ограничено.

Итакъ, мнѣ не вѣрится, чтобы хоръ „новой“ комедіи, и въ частности комедіи Менандра, былъ хоромъ перманентнымъ, удерживающимъ втеченіи пьесы всегда однѣ и тѣ-же маски. Не вѣрится мнѣ также и въ то, что этотъ хоръ представлялъ собой только одинъ *κῶμος μεθύοντων* и что, наконецъ, вступленію этого хора на сцену въ концѣ первыхъ актовъ предшествовала всегда одна и та-же тирада, говорящая въ той или другой формѣ о приближеніи толпы подвыпившихъ юношей.

Что до меня, то я представляю себѣ всё дѣло нѣсколько иначе, а именно, представляю его слѣдующимъ об-

1) Leo, Der Monolog im Drama, 39—40.

2) Б. В. Варнеке, о. с., 377 сл. Ср. стр. 293, 1.

разомъ. Прежде всего, я не думаю чтобы хоры „новой“ комедии были всегда „ganz und gar unpersönlich und ohne jede Beziehung zur Handlung und ihren Trägern“¹⁾. Я думаю, наоборотъ, что кое-какое отношеніе къ дѣйствию и къ дѣйствующимъ лицамъ у хора иногда было, хотя это отношеніе и сводилось исключительно къ одной внѣшности. Къ этой мысли приводитъ меня и отмѣченное выше (стр. 293, 1) предположеніе Б. В. Варнеке о слѣдахъ хора въ первомъ актѣ Плавтовскаго *Rudens*, гдѣ хоровы изображали собой друзей юноши Плесидиппа и, какъ таковые, хотя и оставались на положеніи *κωφά πρόσωπα*, были внѣшнимъ образомъ все таки причастны къ дѣйствию пьесы. По аналогіи же съ подобнымъ хоромъ можно было бы — и я не нахожу этого слишкомъ рискованнымъ — считать, что и хоры въ „Третейскомъ судѣ“, въ „Отрѣзанной кости“ и въ „Саміанкѣ“ тоже изображали собой лицъ, яко-бы имѣющихъ отношеніе къ героямъ пьесъ, а именно, къ Харисию, къ Полемону и къ Мосхиону, — предположеніе, которое уже было высказано Koerte²⁾ и съ которымъ я считаю возможнымъ согласиться.

Но коль скоро мы допустимъ это, то намъ придется ограничить и мысль Bethe о хорѣ, какъ о безразличномъ *κῶμος*, причемъ единственное, что окажется возможнымъ сохранить, будетъ предположеніе о томъ, что иногда хоръ представлялъ собой и веселую толпу юношей, возвращавшихся въ шумной процессіи съ пирушки³⁾.

Приэтомъ, что касается до тирады, отмѣчающей появленіе хора, то, конечно, всего естественнѣе думать, что такая тирада помѣщалась въ концѣ перваго акта, при первомъ выступленіи хоровцовъ передъ публикой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ врядъ ли можно допустить, чтобы эта тирада имѣла всегда ту форму, которую она имѣетъ въ „Отрѣзанной кости“ и въ Порфирьевскомъ отрывкѣ II в. Я скорѣе готовъ былъ бы склоняться къ мысли, что форма тирады

1) Bethe, о. с., 221.

2) Koerte, *Хоры* (= *Hermes*, 43 (1908), 301 sqq.); Leo, *Der neue Menander* (= *Hermes*, 43 (1908), 166 sq.); Capps, *Four plays of Menander*, 33, 144; Croiset, *Ménandre. L'Arbitrage*, 38; Robert, *Scenes aus Menanders Komödien*, 91; Zuretti, *Menandro. Scene e frammenti*, 78 и 217.

3) Legrand, о. с., 425. Такой, напримѣръ, *κῶμος* выступаетъ въ „Отрѣзанной кости“.

зависѣла отъ требованій той ситуаціи, при которой появлялся хоръ, и что, наконецъ, сама тирада могла иногда и не заключать въ себѣ ясныхъ указаній на приближеніе послѣдняго. Такъ, напр., если мы примемъ гипотезу Skutsch'a насчетъ хора въ *Neautontimochrepon* Теренція ¹⁾, то намекомъ на приближеніе хоревтовъ будутъ слѣдующія слова уходящаго со сцены Хремета:

tempust monere me hunc vicinum Phamiā,
ad cenam ut veniat: ibo, visam si domist.

Съ этими словами Хреметъ удалялся, и на опустѣвшую сцену вступалъ хоръ, изображавшій его пріятелей, приглашенныхъ на пиръ по случаю праздника въ честь Діониса. Этотъ хоръ, въ отсутствіе Хремета, и заполнялъ антрактъ пѣніемъ и пляской, а затѣмъ входилъ въ домъ старика на положеніи его гостей, на что и намекаютъ, повидимому, слова, возвращающагося Хремета: *egomet convivas moror* ²⁾. Равнымъ образомъ, и въ „Третьемъ судѣ“ замѣчаніе Онисима: *μὲν οὖν οὐράνοισι* можетъ, какъ мнѣ кажется, относиться только къ входящему на сцену хору, который могъ изображать гостей Харисія, идущихъ къ нему на пирушку ³⁾, и который, по удаленіи Онисима и Сириска, исполнялъ свой антрактный номеръ, на что и указываетъ помѣта *χοροῖ*.

Итакъ, я думаю, что заключительная тирада, отмѣчающая приходъ хоревтовъ, вовсе не была въ пьесахъ „новой“ комедіи одноформенной, причемъ очень возможно, что во всѣхъ остальныхъ актахъ, кромѣ перваго, этой тирады и не было, а если она и была, то ея форма врядъ ли могла быть столь опредѣленной, какъ въ первомъ актѣ: вѣдь для зрителей, уже ознакомленныхъ съ хоромъ, послѣдующіе его выходы не могли казаться необоснованными, ибо онъ, какъ ни какъ, а былъ для нихъ лицомъ, связаннымъ, хотя бы и внѣшнимъ образомъ, съ героями разыгрываемой передъ ними пьесы!

Съ другой же стороны, очень возможно, что „новая“ комедія въ своей борьбѣ съ хоромъ и въ своемъ стремленіи подойти, какъ можно ближе, къ подлинной дѣйствитель-

1) Skutsch, o. c., 141 sqq.

2) Skutsch, o. c., 143.

3) См. мое примѣчаніе къ ст. 195 (стр. 146, 2).

ности, для достиженія которой хоръ былъ всё таки помѣхой, — что эта комедія нарушала иногда даже и эту, чисто-внѣшнюю связь хора съ пьесой и ограничивалась только тѣмъ, что „les choreutes paraissaient à la fin de chaque acte, disparaissaient avant le retour des acteurs sans que rien fît la moindre allusion à leur présence; leurs exercices formaient des intermèdes, au sens le plus strict de ce mot“¹⁾.

Однимъ словомъ, я не думаю, чтобы въ „новой“ комедіи, какъ разъ по отношенію къ хору, царствовала неподвижная традиція, не допускавшая никакой эволюціи. Наоборотъ, гораздо естественнѣе предполагать, что при постепенномъ развитіи комедіи и приближеніи ея къ жизни, она старалась отдѣлываться и отъ такого архаизма, какъ хоръ, стѣснявшій ее и требовавшій обоснованія для своего выхода на сцену. Поэтому-то и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что на ряду съ хоромъ, такъ или иначе причастнымъ къ дѣйствію, могли быть въ „новой“ комедіи и такіе случаи, когда хоръ, появляясь въ концѣ актовъ, просто на просто заполнялъ паузу своимъ пѣніемъ и пляской, причемъ выходы этого хора ничѣмъ не обосновывались и не объяснялись. Такимъ образомъ, согласно нашему убѣжденію, роль и значеніе хора въ „новой“ комедіи не представляли собой чѣго-либо законченнаго и разъ навсегда установленнаго; напротивъ того, всё это постоянно мѣнялось, а тайною цѣлью этихъ измѣненій было желаніе покончить съ хоромъ совсѣмъ, что и удалось сдѣлать римской комедіи въ лицѣ ея послѣдняго представителя, а именно, Теренція.

1) Legrand, о. с., 425.

III.

С а м і а н к а.

1.

Среди пьесъ Менандра, открытыхъ Лефебромъ¹⁾, четвертое мѣсто по порядку занимаетъ въ Каирскомъ кодексѣ та комедія, которой издатели дали названіе „*Σαμία*“²⁾. Правда, въ рукописи заглавіе пьесы не сохранилось, но тѣмъ не менѣе предположеніе издателей вполне правдоподобно. Во-первыхъ, въ репертуарѣ Менандра дѣйствительно существовала комедія „*Σαμία*“³⁾, во-вторыхъ, роль, которую играетъ въ ней пьесъ женщина съ Самоса, очень значительна, и въ-третьихъ, эта женщина, именуемая Хрисидой, два раза обозначается словомъ „Саміанка“ (ст. 50 и 139). Такимъ образомъ, данныхъ для фиксированія пьесы опредѣленнымъ заглавіемъ вполне достаточно, причемъ эти данныя какъ будто не исключаютъ возможности того, что пьеса, съ которой мы имѣемъ дѣло, есть, дѣйствительно, „*Σαμία*“ Менандра.

Комедія доншла до насъ не въ полномъ видѣ: мы полагаемъ приблизительно одной ея третью, заключающей въ себѣ 342 стиха, которые распредѣляются между тремя актами

1) Lefebvre, *Fragments d'un manuscrit de Ménandre*, Le Caire 1907. Lefebvre², *Papyrus de Ménandre*, (Le Caire 1911), 34—43.

2) Въ правильности этого названія сомнѣвается только одинъ Гармон. См. его замѣтку: *Sanlia an Titthe?* (= *Berl. Philol. Woch.* 1910, col. 1109).

3) Отъ нея сохранился всего на всего одинъ незначительный отрывокъ. См. Коск, III, fr. 437: *φέρει τὸν λιβατωτὸν ὃν δ' ἐπίθεσ τὸ πῦρ, Τρύφη*. Слово *Τρύφη* добыто Скалигеромъ изъ рукописнаго *τρύφη*. Если же эта конъектура Скалигера правильна, то можно предполагать, что въ пьесѣ выступала рабыня, по имени *Τρύφη*. Ср. Коск, о. с., III, 126 и Меппеке, *Menandri et Philemonis reliquiae*, 154, а также Варнеке, *Menandrea* (= *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1909, февраль, отд. класс. филол., 75) и Б. В. Варнеке, *Новыя комедіи Менандра*, 101.

и которые расположены на одномъ кватерніонѣ, сохранившемся однако не въ цѣлости. Такъ, нѣсколько пострадали первыя двѣ страницы, въ которыхъ не хватаетъ 3—4 строкъ сверху, затѣмъ пропалъ средній листъ кватерніона, т. е., страницы 7—10, и, наконецъ, не достаётъ двухъ послѣднихъ страницъ, т. е., 15 и 16¹⁾. Такимъ образомъ, при среднемъ разсчетѣ въ 35 строкъ на страницу²⁾, исчезло около 210 стиховъ, что вмѣстѣ съ сохранившимися 342 стихами составитъ приблизительно комплексъ въ 550 строкъ съ небольшимъ, помѣщавшихся на упомянутомъ нами кватерніонѣ. Но даже и въ томъ случаѣ, если мы, нѣсколько повысивъ разсчетъ, доведемъ число стиховъ до 600, этого числа всё таки будетъ мало для того, чтобы считать, что комедія Менандра дошла до насъ въ сравнительной цѣлости: слишкомъ уже ничтоженъ былъ бы при подобномъ условіи ея объемъ и слишкомъ бы сильно противорѣчило это практикѣ „новой“ комедіи, пьесы которой, если судить по Плавту и Теренцію, заключаютъ въ себѣ обыкновенно не менѣе 1000 стиховъ.

Однако, помимо этой, чисто-формальной причины, есть и другія основанія, въ силу которыхъ намъ приходится считать, что „Саміанка“ занимала собой не только тотъ кватерніонъ, о которомъ шла рѣчь выше, но и часть кватерніона ему предшествовавшего, тогда какъ самый конецъ ея, до насъ не дошедшій, захватывалъ, по всей вѣроятности, начало новаго кватерніона, слѣдовавшаго за нашимъ непосредственно, если не думать только, что для этого конца хватало и тѣхъ двухъ страницъ, которыя замыкали нашъ кватерніонъ и которыя до насъ не дошли, т. е., страницы 15—16³⁾.

Въ чемъ же заключаются эти основанія, склоняющія насъ къ мысли, что мы стоимъ не передъ самымъ началомъ пьесы, а приблизительно передъ серединой ея? Онѣ заключаются въ слѣдующемъ.

Въ своемъ настоящемъ видѣ комедія открывается на

1) См. Lefebvre², о. с., III и Koerte², о. с., XXX.

2) Число строкъ на каждой страницѣ папируса колеблется между 33—38. См. Koerte², о. с., XII.

3) Общій видъ всего нашего кватерніона, при тѣхъ обозначеніяхъ, которыя даются каждой отдѣльной страницѣ его Лефебромъ (о. с., III) и Кёрте (о. с.), будетъ таковъ: $G_{1-2} I_{3-4} F_{1-2} < \text{лосипа въ 4 страницы} >, F_{3-4} I_{1-2} < G_{3-4} >.$

половину сохранившимся монологомъ, который какъ будто имѣетъ характеръ обычнаго пролога, излагающаго тѣ событія, которыя необходимо знать зрителямъ для пониманія дальнѣйшаго. Но одновременно съ этой ролью путеводителя монологъ заключаетъ въ себѣ какъ будто бы и искусно скрытую завязку, благодаря которой зритель словно попадаетъ въ самый центръ дѣйствія, именно этой завязкой и вызываемаго къ жизни. Однимъ словомъ, ничто какъ будто не мѣшаетъ думать, что отмѣченный нами монологъ, частью котораго мы располагаемъ, открывалъ собой комедію, на манеръ того, какъ бываетъ это у Аристофана, Плавта и Теренція, не говоря уже объ Еврипидѣ и самомъ Менандрѣ, слѣдовавшемъ иногда по слѣдамъ послѣдняго¹⁾. И тѣмъ не менѣе, есть въ этомъ монологе нѣкоторыя детали, которыя заставляютъ меня отказаться отъ мысли, что онъ былъ началомъ комедіи, — детали, которыя намъ и придется разобрать подробно, тѣмъ болѣе, что на первый взглядъ онъ ускользаетъ отъ вниманія и кажутся не столь важными, каковы на самомъ дѣлѣ²⁾.

Однако, прежде чѣмъ перейти къ изложенію причинъ того, почему монологъ не могъ открывать собой пьесы, намъ, для ясности, придется установить общую ситуацію, которая предшествовала дѣйствію пьесы, причемъ данныя для этого мы возьмемъ отчасти изъ текста, отчасти же изъ простыхъ предположеній, которыя кажутся намъ болѣе или менѣе вѣроятными. Какова же будетъ эта ситуація? Она, какъ мы ее себѣ представляемъ, будетъ такова.

Аѳинянинъ Демей, человѣкъ пожилой, богатый и слабохарактерный, сожительствуетъ съ Хрисидой, уроженкой острова Самоса, которую нѣкогда онъ спасъ отъ нищеты (ст. 163—164)

1) См. введеіе (стр. 27), а также „Земледѣльца“ (IV, 2).

2) Въ своей статьѣ „Комедія Менандра Саміанка“ (С.-Петербургъ 1909), я смотрѣлъ на этотъ монологъ иначе, а именно, я видѣлъ въ немъ непосредственное начало пьесы. Такъ же думали Б. В. Варнеке, Новая комедія Менандра, 101; Leo, Der neue Menander (= Hermes, 43, 161); Leo, Der Monolog im Drama, 79 и Zuretti, Menandro. Scene e frammenti, 268. Иначе поступали Robert, Der neue Menander, 6 sqq., который относилъ монологъ къ серединѣ второго дѣйствія, и van Leeuwen², Menandri fragmenta, 118, который тоже считалъ, что не хватаетъ всего перваго акта. Ср. также van Leeuwen, Menander (= Mnemosyne, 37 [1909], 120), гдѣ онъ повторяетъ свое мнѣніе, и Koerfe², о. с., XXXI.

и къ которой чувствуетъ глубокую привязанность. Но не меньшимъ расположеніемъ съ его стороны пользуется и его пріемный сынъ Мосхіонъ, юноша тихій и скромный (ст. 129), какъ будто непохожій на тѣхъ молодыхъ людей, которые проводятъ время среди кутежей и гетеръ. Однако, несмотря на свое обычное послушаніе, онъ незадолго до начала дѣйствія пьесы успѣлъ чѣмъ-то разгнѣвать своего отца, такъ что отношенія между нимъ и старикомъ стали одно время натянутыми (ср. ст. 117 сл.)¹⁾. Правда, мы не знаемъ, что было причиной этого конфликта, но можно думать, что тутъ замѣшались какіе-то слухи насчетъ амурныхъ похожденій юноши, — обстоятельство, которое и вынудило Демею составить планъ о женитьбѣ Мосхіона на какой нибудь подходящей дѣвушкѣ, причемъ выборъ его остановился на Плангѣ, дочери его сосѣда и пріятеля Никерата. Заручившись согласіемъ послѣдняго, Демея сразу объявилъ сыну о своемъ рѣшеніи женить его на Плангѣ, думая такимъ образомъ вывести всё на чистую воду²⁾. И дѣйствительно, если бы Мосхіонъ заупрямился, то онъ доказалъ бы этимъ, что слухи, дошедшіе до Демеи, были справедливы и что у него въ самомъ дѣлѣ есть на сторонѣ любовная интрига. Но расчеты старика не оправдались: Мосхіонъ съ радостью принялъ вѣсть объ ожидающемъ его бракѣ (ст. 120), и, благодаря этому, „оправдался“ (ст. 119) передъ отцомъ, рѣшившимъ, что всѣ слухи не имѣютъ подъ собой никакого основанія и что его сынъ по прежнему представляетъ изъ себя образецъ, достойный подражанія (ст. 57 сл.).

А между тѣмъ пословица о томъ, что „дыма безъ огня не бываетъ“, оказалась и на этотъ разъ вполне правильной, и если тайна Мосхіона не вскрылась передъ Демеей сразу, то произошло это не вслѣдствіи отсутствія тайны, а просто потому, что выбранная для юноши дѣвушка была какъ разъ той, на которой уже раньше остановился его выборъ. Дѣло въ томъ, что Мосхіонъ, повидимому, на общій манеръ другихъ юношей „новой“ комедіи, совершилъ надъ Плангѣ на-

1) См. Carps, о с., 224.

2) Приблизительно такъ-же поступаетъ и Симонъ въ „Andria“ Теренція, когда онъ хочетъ убѣдиться въ томъ, правильны или неправильны его подозрѣнія насчетъ склонности его сына, Памфила, къ дѣвушкѣ Гликерѣ. Ср. Ter. Andr., 155 sqq.

силіе (ст. 301)¹⁾, но затѣмъ не покинулъ своей жертвы, а привязался къ ней и, не прекращая установившейся между ними близости, выжидалъ удобнаго момента для того, чтобы посвятить отца въ свою тайну и выпросить у него согласіе на женитьбу.

Почему онъ не сдѣлалъ этого сразу, мы не знаемъ, но можно предполагать, что его, какъ и Эскина въ „Adelphoe“ Теренція, удерживалъ отъ сознанія стыдъ передъ Демеей и вмѣстѣ съ тѣмъ легкомысленная надежда на то, что дѣло какъ нибудь образуется, и притомъ образуется само собой, безъ всякаго ущерба для его гордости и доброй славы²⁾. Какъ бы то ни было, но Мосхіонъ медлилъ, а тѣмъ временемъ его связь съ Плангѡ зашла такъ далеко, что Плангѡ оказалась матерью, и Мосхіонъ очутился въ положеніи отца, не знающаго, что ему дѣлать съ ребенкомъ, существованіе котораго надо было скрывать и отъ Демеи и отъ Никерата, дабы спасти и себя и Плангѡ отъ излишнихъ непріятностей и упрековъ.

И вотъ Мосхіонъ идетъ на такой шагъ, который кажется ему наиболѣе вѣрнымъ и безопаснымъ, а именно, съ вѣдома своей старой няни и довѣреннаго раба Парменона (ст. 34, 38 сл., 304 слл.), онъ рѣшается перенести ребенка въ домъ своего отца и вручить его отцовской любовницѣ Хрисидѣ съ тѣмъ, чтобы та выдала его за найденныша, котораго она хочетъ оставить у себя и воспитывать (ср. ст. 140, 159, 195 сл.)³⁾.

1) Приблизительно такую же ситуацію имѣемъ мы и въ Adelphoe Теренція. Тамъ юноша Эскинъ подъ вліяшемъ опьяненія насилуетъ свободно-рожденную дѣвушку, но затѣмъ, раскаявшись въ своемъ поступкѣ, приноситъ повинную матери своей жертвы и даетъ обѣщаніе жениться на дѣвушкѣ, которая приходится ему по душѣ и которую онъ считаетъ за свою невѣсту. См. Ter. Adelph., 465—474.

2) Совершенно также поступаетъ и Эскинъ изъ Adelphoe Теренція: онъ тоже скрываетъ свой проступокъ отъ своего пріемнаго отца Микіона, ибо ему стыдно послѣдняго. См. Ter. Adelph., 681 sqq.

3) Такъ думаетъ van Leeuwen² (о. с., 117), съ которымъ я вполне согласенъ и мнѣніе котораго я считаю за наиболѣе правдоподобное. Мое же личное мнѣніе, отъ котораго я отказался и которое было высказано мной въ моей статьѣ „Комедія Менандра Саміанка“, стр. 5, сводилось къ слѣдующему: я думалъ, что дѣло надо представлять себѣ такъ, что одновременно съ рожденіемъ ребенка у Плангѡ родится дитя и у Хрисиды, дитя, которое затѣмъ умираетъ и на мѣсто котораго Хрисиды беретъ ребенка Мосхіона.

Хрисиды исполняетъ волю Мосхіона и мало по малу уламываетъ Демею, который, скрѣпя сердце, соглашается, хотя и противъ своей воли (ср. ст. 139 сл. и, въ особенности, ст. 63 сл.), исполнить просьбу Хрисиды, достигающей такимъ образомъ того, чего ей хотѣлось и что входило въ интересы какъ Мосхіона, такъ и Плангò. Благодаря всему этому, ребенокъ оказывается временно пристроеннымъ, а молодые люди получаютъ возможность жить спокойно въ ожиданіи того, пока измѣнившіяся обстоятельства не помогутъ окончательно уладить дѣла. Между тѣмъ, согласно волѣ случая, обстоятельства, какъ мы это видѣли, дѣйствительно измѣняются и бракъ молодыхъ людей становится дѣломъ рѣшеннымъ и для всѣхъ желательнымъ.

Все, мною изложенное, является предшественнымъ тому, съ чего начинается дѣйствіе пьесы, причемъ кое-что изъ этого предшественнаго должно было, какъ мнѣ кажется, трактоваться въ той части комедіи, которая стояла передъ дошедшимъ до насъ монологомъ. Но что именно могло трактоваться въ ней? Конечно, отвѣтить на этотъ вопросъ вполне опредѣленно будетъ дѣломъ нѣсколько труднымъ, ибо въ нашемъ распоряженіи имѣются только намеки, да и то не особенно яснаго характера. И тѣмъ не менѣе, разъ эти намеки имѣются, мы можемъ взяться за попытку построить гипотезу, претендующую на нѣкоторую вѣроятность. Исходнымъ же пунктомъ для этой гипотезы будутъ слѣдующія слова, произносимыя Демеей и имѣющія отношеніе къ Мосхіону (ст. 115 сл.):

вѣдь если бы мой сынъ свершилъ проступокъ свой
въ угоду похоти, терзаемый любовью,
иль злобясь на меня, — то мысли бы его

Такъ же думалъ и Zuretti (о. с., 264), который выставилъ однако и другую гипотезу, а именно: дѣйствуя по соглашенію съ Мосхіономъ, Хрисиды, когда для Плангò приходило время родить, выдавала себя тоже за женщину, ожидающую ребенка, и затѣмъ, когда Плангò разрѣшалась отъ бремени, брала дитя послѣдней, какъ будто бы это было ея собственное, прижитое ею отъ Демеи. Ср. также Koerte², о. с., XXXI и Robert, *Der neue Meppander*, 6. Наконецъ, согласно Carps'у (о. с., 225), мысль котораго я считаю непріемлемой, выходитъ, что въ домъ Демеи находятся два ребенка, одинъ, принадлежащій Хрисидѣ, другой — Плангò, причемъ послѣдній, ошибочно принимаемый Демеей за перваго, и кладетъ начало всей дальнѣйшей путаницѣ.

не разнились отъ тѣхъ, при коихъ былъ онъ раньше, и онъ тогда бы мнѣ во всемъ перечить сталъ.

Но нынѣ предо мной онъ оправдался: вѣсть о брактѣ принялъ онъ изъ устъ моихъ съ восторгомъ.

Какъ бы ни стали мы разсматривать эти слова, но одно является въ нихъ несомнѣннымъ, а именно, что они намекаютъ на какое-то столкновение между отцомъ и сыномъ, окончившееся, впрочемъ, благополучно. Приэтомъ, какъ я уже говорилъ выше, причиной подобнаго столкновения могли быть слухи о любовныхъ похожденияхъ Мосхіона, а содержаніемъ — горячій обмѣнъ словами, при которомъ сынъ не хотѣлъ уступать отцу и суть котораго могла заключаться: со стороны Демеи — въ требованіи отъ сына немедленнаго согласія на женитьбу, а со стороны Мосхіона — въ нежеланіи исполнить это, пока онъ не узнавалъ, что въ невѣсты прочитъ ему та самая Плангò, къ которой онъ уже и раньше питалъ серьезную склонность. И вотъ, когда онъ узнавалъ про это, его мысли, при которыхъ „онъ былъ раньше“, сразу мѣнялись, и онъ, еще недавно желавшій „перечить“ Демеѣ, переходилъ снова къ послушанію и, такимъ образомъ, „оправдывался“ въ глазахъ своего отца, еще недавно имъ недовольнаго. Но если я правильно толкую смыслъ отмѣченнаго мною пассажа, то можно думать, что этотъ пассажъ заключаетъ въ себѣ намекъ на какую-то сценку, которая только что разыгрывалась передъ зрителями и въ которой подробно развивалось всё то, о чемъ теперь Демея говоритъ лишь мимоходомъ, какъ о вещи, не требующей болѣе подробнаго изложешя, ибо она въ достаточной мѣрѣ всѣмъ уже извѣстна.

Да, но можетъ быть это будетъ не совсѣмъ сценично повторять, хотя бы и съ помощью неясныхъ намековъ, о томъ, что недавно разыгрывалось на сценѣ? Что касается меня, то я не вижу тутъ чего либо не сценичнаго, тѣмъ болѣе, что намеки, дѣлаемые Демеей, такъ общи и расплывчаты, что не могутъ внести въ дѣйствіе нежелательнаго и скучнаго повторенія. Да къ тому же, изъ дальнѣйшаго хода дѣйствія видно, какъ мнѣ кажется, что намекамъ Демеи должно было предшествовать что нибудь, болѣе, чѣмъ они, существенное, если только не полагать, что это существенное заключалось въ недошедшемъ до насъ началѣ монолога. И

дѣйствительно, приведенные мною выше стихи будутъ слишкомъ уже непонятны, если не считать, что подробности, въ нихъ отмѣченныя, были предварительно гдѣ нибудь освѣщены и развиты. Но если онѣ были развиты въ монологѣ, то тогда ихъ повтореніе, спустя какіе нибудь 100 стиховъ, было бы нѣсколько страннымъ и какъ будто излишнимъ. Зато если эти подробности излагались черезъ посредство настоящаго дѣйствія, т. е., если онѣ затрагивались въ отдѣльной сценкѣ или же въ комплексѣ сенокъ, относящихся къ особому акту, то тогда, будучи развиты тамъ надлежащимъ образомъ, онѣ вполне могли быть затронуты потомъ мимоходомъ, какъ нѣчто, о чемъ уже шла рѣчь выше. Однимъ словомъ, на основаніи всѣхъ приведенныхъ мною соображеній, я считаю возможнымъ думать, что бесѣда между Демеей и Мосхіономъ принадлежала къ числу тѣхъ частей комедіи, которыя изображались на сценѣ путемъ дѣйствія, а не путемъ разсказа, и что сверхъ того она входила въ составъ акта, предшествовавшаго монологу, или, иначе, что монологъ, начинающій пьесу въ ея настоящемъ видѣ, не начиналъ ея, когда она была цѣлой, но открывалъ собой всего на всего второй актъ¹⁾. Далѣе, не подлежитъ, на мой взглядъ, никакому сомнѣнію и то, что бесѣда отца съ сыномъ не могла сама по себѣ наполнять цѣлаго акта, но была лишь одной изъ частей послѣдняго, входящихъ въ него какъ составной, хотя и очень существенный моментъ. О томъ же, что кромѣ этой бесѣды относилось къ утерянному для насъ акту и чего касались другія его сцены, — объ этомъ трудно составить себѣ опредѣленное понятіе, равно какъ очень трудно судить и о томъ, какое изъ дѣйствующихъ лицъ произносило вступительный монологъ-прологъ, если только съ монолога, а не съ диалогической сценки начиналось дѣйствіе пьесы. Наконецъ, мы не можемъ быть увѣрены и въ томъ, извѣстенъ ли намъ весь составъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, или же, наоборотъ, были въ ней и такіе персонажи, роли которыхъ не дошли до насъ и отъ которыхъ не сохранилось даже именъ, указывающихъ на то или иное значеніе ихъ въ пьесѣ.

Правда, въ единственномъ отрывкѣ изъ „Саміанки“, сохраненномъ не Каирскимъ кодексомъ, а аттицистомъ Фрини-

1) См. Carrs, о. с., 227.

хомъ¹⁾, упоминается, повидимому, рабыня Трифа (*Τριφνη*)²⁾; но даже если этотъ персонажъ и участвовалъ въ дѣйстви, то все таки роль его остается для насъ неясной, такъ какъ отъ нея не дошло до насъ ни одного фрагмента. Поэтому, мы никоимъ образомъ не можемъ идти вслѣдъ за Робертомъ, который въ своей реконструкціи „Саміанки“ удѣляетъ этой Трифѣ довольно много мѣста въ первомъ, недошедшемъ до насъ актѣ, причемъ дѣлаетъ это безъ какихъ бы то ни было солидныхъ основаній, если не считать за таковыя отнесеніе къ роли Трифы ряда неизвѣстно куда принадлежащихъ отрывковъ³⁾. Но не менѣе произвольно поступаетъ Робертъ и дальше, когда въ погонѣ за недостающими персонажами вводитъ, напр., въ текстъ „Саміанки“ отрывки LP, хотя и входяще въ составъ Каирскаго кодекса, но принадлежаще къ какой-то другой пьесѣ, не имѣющей съ нашей ничего общаго, кромѣ имени „Мосхионъ“⁴⁾, встрѣчающагося однако не въ одной „Саміанкѣ“, а и въ „Отрѣзанной косѣ“. Зато, благодаря отнесенію къ „Саміанкѣ“ отрывковъ LP, Робертъ добываетъ для себя двухъ новыхъ персонажей, а именно, Херею и Лахеса, съ которыми затѣмъ не знаетъ, что дѣлать, и которые остаются для него простымъ балластомъ, что и понятно: вѣдь они участвовали не въ „Саміанкѣ“, а въ другой комедіи, какъ это и доказано теперь Кёрте и Лефевромъ⁵⁾. Но коль скоро дѣло обстоитъ такъ, то и всѣ соображенія Роберта падаютъ, а вмѣстѣ съ ними исчезаютъ изъ „Саміанки“ и тѣ дополнительные дѣйствующія лица, которые были взяты имъ изъ отрывковъ LP. Итакъ, мы не можемъ сказать, были или не были въ нашей пьесѣ другіе персонажи, кромѣ тѣхъ, которые выступаютъ въ сохранныхъ Каирскимъ кодексомъ частяхъ комедіи, но зато мы можемъ сказать, что если они и были, то они не имѣли ничего общаго съ персонажами, созданными Робертомъ. Значитъ, если мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о дополнительныхъ

1) Phryn. ecl., 187 (ed. Lobbeck).

2) См. стр. 299, 2.

3) Robert, Der neue Menander, 6 sqq., а также 34 sqq.

4) См. Robert, о. с., 6.

5) Koerte², о. с., XLIII; Lefebvre², о. с., XVI sqq. Очень хорошо доказываетъ несостоятельность гипотезы Роберта Б. В. Варнеке, Новыя комедіи Менандра, 100 слл.

персонажахъ, вопросъ, котораго мы не можемъ рѣшить надлежащимъ образомъ, то единственнымъ положительнымъ результатомъ нашихъ разсужденій будетъ лишь установка того факта, что сохранившейся части пьесы предшествовалъ не дошедшій до насъ, особый актъ, въ которомъ набрасывался основной фонъ для развиваемой дальше интриги. Посмотримъ теперь, какъ развивается эта интрига и какъ ведется дѣйствіе въ переданныхъ намъ Каирскимъ кодексомъ остаткахъ „Саміанки“. Согласно нашей гипотезѣ, бесѣда Демеи съ Мосхіономъ кончалась тѣмъ, что Мосхіонъ соглашался на бракъ съ Плангѡ, причемъ, кромѣ Демеи и его сына, нѣкоторое участіе во всемъ дѣлѣ долженъ былъ принимать и отецъ Плангѡ, Никерать, который, какъ мнѣ кажется, тоже выступалъ въ первомъ актѣ, тѣмъ болѣе, что его роль отца невѣсты какъ будто требовала, чтобы и онъ появлялся передъ зрителями. Да къ тому же, въ концѣ второго акта мы видимъ его возвращающимся изъ города съ овцой, купленной для жертвоприношенія по случаю готовящагося брачнаго торжества, — обстоятельство, которое позволяетъ предполагать, что въ начальномъ дѣйствіи пьесы Никерать, хотя бы на манеръ Эвкліона изъ *Aulularia* Плавта, могъ сперва давать свое согласіе на выдачу Плангѡ замужъ, а затѣмъ уходить въ городъ за соотвѣтствующими покупками (ст. 184 слл.). И мнѣ кажется, что нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что конецъ перваго акта могъ быть скомпанованъ по образцу конца третьяго, или, иначе, что онъ могъ замыкаться уходомъ Демеи и Никерата, удаляющихся для того, чтобы, каждый по своему, позаботиться обо всемъ, что нужно для подготавлиемаго празднества (ср. ст. 268). Такимъ образомъ, первый актъ могъ заканчиваться всеобщимъ ожидашемъ веселья и радости, причемъ ничто какъ будто не предсказывало ни непріятностей, ни осложнений, но, наоборотъ, всё складывалось какъ нельзя лучше и безоблачнѣе. Зато съ наступлениемъ второго акта всё мѣнялось, и передъ глазами зрителей начинала развертываться картина внезапно наступившей разрухи, которой еще недавно нельзя было предвидѣть и которая вскрывалась съ первыхъ же словъ выходившаго на сцену Демеи. И дѣйствительно, когда въ началѣ второго акта Демея показывается передъ зрителями, мы видимъ въ немъ уже не благодушнаго человѣка, довольнаго своей судьбой и

вѣрящаго до самозабвенія въ своихъ близкихъ. Демея выходитъ на сцену взволнованнымъ, поколебленнымъ въ своихъ недавнихъ мечтахъ, выходитъ для того, чтобы передъ лицомъ зрителей повѣдать про тѣ бѣды, которыя неожиданно стряслись надъ нимъ. Мысли одна другой чернѣе охватываютъ его голову; одно подозрѣніе вызываетъ за собой другое; силъ, чтобы стряхнуть и разсѣять ихъ, нѣтъ, — однимъ словомъ, передъ нами — выбитый изъ колеи человѣкъ, не знающій, чтò ему дѣлать и какъ съ собой справиться. Но съ чего же начались всѣ бѣдствія Демеи? Да съ того, что онъ сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ неясныхъ словъ старой няни Мосхіона, словъ, изъ которыхъ онъ узналъ, что дитя, кормимое Хрисидой, принадлежитъ не ему, а Мосхіону. Отсюда и пошли всѣ его подозрѣнія, причемъ, благодаря незнанію настоящаго положенія дѣлъ, Демея думаетъ, что онъ стоитъ передъ уродливымъ фактомъ сожительства сына съ любовницей отца. Само собой разумѣется, онъ приходитъ въ ужасъ. Но этотъ ужасъ Демеи кажется намъ вполне понятнымъ и естественнымъ. Равнымъ образомъ, и завязка дѣйствія на почвѣ недоразумѣнія, вызваннаго недостаточной освѣдомленностью заинтересованнаго лица, не заключаетъ въ себѣ ничего натянутого. Наоборотъ, она въ высшей степени драматична и красива, а наивный рассказъ Демеи о недавнихъ приготовленіяхъ къ брачному торжеству, въ которыхъ старикъ изъ любви къ сыну принималъ личное участіе и среди которыхъ онъ и узналъ поразившую его подробность, звучитъ очень трогательно и отличается рѣдкой наглядностью.

Однако, наиболѣе ясное представленіе обо всемъ этомъ можетъ дать намъ только самый текстъ пьесы, къ которому мы и обратимся теперь, предпославъ ему списокъ дѣйствующихъ лицъ и обозначивъ роль каждого изъ нихъ въ отдѣльности.

Дѣйствующія лица¹⁾.

Демея; отецъ Мосхіона, богатый старикъ.

Парменонъ, рабъ Демеи, довѣренное лицо Мосхіона.

1) Переводъ сдѣланъ по Koerte², о. с., 44 sqq. Во вниманіе приняты также: J. van Leeuwen², о. с., 119 sqq.; Sudhaus, о. с., 23 sqq.; Robert, о. с., 49 sqq.; Capps, о. с., 237 sqq.; Bodin-Mazon, о. с., 319 sqq.; Jensen, De Menandri codice Cairensi (= Rheinisches Museum, 56 (1910), 554 sqq.); Zuretti, о. с., 268 sqq.

Хрисидѣ, любовница Демеи, бывшая гетера, родомъ съ Самоса.
Никератъ, отецъ Плангѣ, возлюбленной Мосхіона, старикъ.
Мосхіонъ, сынъ Демеи, юноша.

Поваръ.

Статисты: старая няня Мосхіона,
поваренокъ.

Хоръ: особыхъ партій хоръ не имѣетъ. Онъ выступаетъ
только въ концѣ каждого дѣйствія, въ качествѣ
музыкально-вокальной интермедіи.

(Дѣйствіе пьесы происходитъ въ Афинахъ).

Дѣйствіе второе.

Явленіе первое.

[Сцена представляетъ собой городскую улицу. Въ глубинѣ
сцены два дома, стоящіе по сосѣдству. Одинъ изъ нихъ принад-
лежитъ Демеѣ, другой — Никерату. Въ моментъ начала дѣйствія
изъ перваго дома выходитъ самъ Демея. Онъ чѣмъ-то вволнованъ
и растроенъ. По его виду можно судить, что съ нимъ случилось
какое-то несчастіе].

Демея¹⁾.

- G₁ Вернулся я домой и, ну, что было мочи,
Для свадьбы хлопотать! Домашнимъ въ двухъ словахъ
Я дѣло выяснилъ, велѣлъ все приготовить,
Что нужно: домъ прибрать, пирогъ испечь, ячмень
Въ корзину высыпать²⁾... Работа закипѣла... 5
(10) Отъ спѣшки поднялась, извѣстно, кутерьма...
Захныкало дитя, — его, чтобъ не мѣшало,
Кидаютъ на кровать. А челядь сразу вся

1) Стиху, съ котораго я начинаю переводъ, предшествуютъ остатки
трехъ стиховъ, оставляемыхъ мной въ сторонѣ ввиду ихъ фрагментарности.

2) Подъ „пирогомъ“ разумѣется такъ наз. „брачный пирогъ“ (*πλάκοψα γάμικη*), приготовляемый изъ пшеничной муки, къ которой примѣшивался
сесамъ (*σέσαμον*), символъ плодородія. См. Саp p s, о. с., 238, 7. Для каж-
додневной же ѣды употреблялся хлѣбъ, который дѣлали изъ простого яч-
меня (*μᾶζα*). Что же касается до „корзины съ ячменемъ“, то она имѣла от-
ношеніе къ жертвенному обряду (*προτέλεια*), совершаемому передъ брач-
нымъ пиромъ, причемъ въ ней находились: повязки для жертвеннаго жи-
вотнаго (*στέμματα*), ножъ для его закланія (*μάχαιρα*) и ячменные зерна (*ὀύ-
λαί*), которыми его осыпали. По поводу выраженія: *ἐνάρχεσθαι γάμον* —
„зачинать корзину“ см. S p e n g e l, Opferbräuche der Griechen, 47—49.

- Кричить : „муки, воды ! гдѣ уголья, гдѣ масло ?“
 Я самъ велъ выдачу, я помогаль слегка. 10
 И вотъ пришлось мнѣ спуститься въ кладовую.
 Тамъ я замѣшкался : хотѣлъ побольше я
 (15) Припасовъ захватить, да съ выборомъ, конечно. —
 Сижу я въ кладовой, а сверху въ этотъ мигъ
 Вдругъ сходитъ женщина какая-то, спускаясь 15
 Какъ разъ въ ту комнату, что рядомъ (тамъ у насъ
 Прядильня, изъ нея жъ есть выходъ въ кладовую
 (20) И лѣстница наверхъ). Та женщина была
 Когда-то мамкою Мосхѳона, рабыней,
 Ну, а теперь она свободна... Увидавъ 20
 Ребенка — плакаль онъ, валяясь безъ призора —
 Она, не вѣдая, что самъ я — въ кладовой,
 (25) Рѣшила, что болтать ей можно безъ опаски.
 Къ ребенку подойдя, старуха и начини
 Обычныя слова : „малюточка, голубчикъ, 25
 Сокровище мое ! Гдѣ мама-то твоя ?“
 Цѣлуетъ старая ребеночка, качаетъ...
 (30) Когда же пересталъ онъ плакать, про себя
 Она и говорить : „обидѣли старуху !
 Мосхѳонъ-то, — давно-ль такимъ же крошкой былъ ! 30
 Небось, умѣла я ласкать его, да няньчить,
 А нынче, какъ онъ самъ сыномъ обзавелся,
 G₂ <Я, вишь, и не нужна>, другой дитя <вручили !>

¹⁾
 (36) Рабыня въ этотъ мигъ вбѣгаетъ со двора.
 Старуха ей : „Стыдись ! Хоть вымойте ребенка ! 35
 Про малаго забыть, когда его отецъ
 Вступаетъ въ бракъ, — суди, ну, статочное-ль дѣло ?“
 (40) А та въ отвѣтъ : „Балда ! Чего звонишь во всю ?
 Вѣдь самъ-то здѣсь“. — „Да ну ? А гдѣ ?“ —
 „Здѣсь, въ кладовушкѣ“.
- И сразу о другомъ она заводитъ рѣчь :

1) Здѣсь въ рукописи не хватаетъ около четырехъ стиховъ, да кромѣ того стихи 34—35 дошли въ однихъ обрывкахъ, не позволяющихъ угадать ихъ содержаше. Можно, впрочемъ, думать, что эти стихи заключали въ себѣ дальнѣйшія причитанія старухи на тему о томъ, какой образцовой няней была она и какой невнимательной оказалась предпочтенная ей женщина.

- „Иди-ка, нянюшка, сама¹⁾ зоветъ... скорѣе“. 40
 И тутъ-же: „Пронесло! Онъ, вѣрно, не слыхалъ!“
 „Ишь дернуло меня, на горе разболталась“,
 (45) Сказала старая и изъ прядильни вонъ.
 Я вышелъ вслѣдъ за ней, совсѣмъ такимъ, какъ прежде
 Вошелъ, — не суетясь, какъ будто ничего 45
 Не слышалъ, не узналъ, а на дворѣ встрѣчаю
 (50) Саміанку: она, когда я мимо шелъ, —
 Давала крошкѣ грудь²⁾). Но, значить, этотъ крошка
 И впрямь ея сынокъ. А кто же былъ отцомъ?
 Я или... Господа, нѣтъ, я не продолжаю 55
 (55) И подозрѣнію чужда душа моя!³⁾
 Я лишь про то сказалъ, чтó видѣлъ самъ и слышалъ,
 И гнѣва нѣтъ во мнѣ... Богами поклянусь,
 Что сына знаю я: онъ былъ на рѣдкость скромнымъ,
 Ну, и почтительнымъ онъ былъ ко мнѣ всегда. 60
 (60) Но лишь припомню я, что старая болтушка
 Когда-то нянею Москіона была,
 Что отъ меня тайкомъ она шептаться смѣетъ,
 Да какъ увижу ту, что, мнѣ наперекоръ, —
 Чадолюбивая! — ребенка отстояла, 65
 Чтобъ выкормить его, — я, право, самъ не свой! —
 I₃ Ага! Мнѣ повезло! Идетъ Парменонъ съ рынка.
 (66) Сейчасъ онъ будетъ здѣсь... Пообожду, пока
 Онъ этихъ чужаковъ не доведетъ до двери.
 (Отходить въ сторону).

Явленіе второе.

[На сценѣ появляется рабъ Парменонъ, держащій на плечахъ корзину, наполненную провизіей. Его сопровождаетъ поваръ съ поваренкомъ, которыхъ онъ подрядилъ на рынкѣ для приготовления параднаго обѣда].

1) Подъ словомъ „сама“ (въ греч. текстѣ стоитъ *αὐτή*) разумѣется Хрисиды, являющаяся какъ бы „хозяйкой“ того дома, въ которомъ ея сожитель Демей играетъ роль „хозяина“.

2) Ср. по этому поводу слѣдующія слова Коерте² (о. с., XXXI): *Tum e cella egressus Chrysidem infanti matrem praebentem videre sibi videtur.*

3) При переводѣ я слѣдую рукописному чтенію: *οὐθ' ὅπως*, которое, на мой взглядъ, предпочтительнѣе коньектуры Wilamowitz'a: *οὐθ' ὅπως*, вводимой въ текстъ Коерте.

Парменонъ.

Эй, поваръ! Не пойму, зачѣмъ тебѣ таскать

70

Съ собой ножи? Вѣдь ты, клянусь богами, можешь

(70) Зарѣзать безъ ножа... одною болтовней.

Поваръ.

Невѣжда!

Парменонъ.

Я?

Поваръ.

По мнѣ, ты что-то въ этомъ родѣ!

Балясы что-ль точу, коль спрашиваю, сколько

Накрыть столовъ, да много-ль женщинъ ждешь,

75

Да скоро ли обѣдъ, да нужно-ль раздобыться

(75) Распорядителемъ, да хватить ли у вась

Посуды всяческой, да есть ли въ кухнѣ крыша,

Да всё ли на лицо? ¹⁾

1) Тотъ тонъ, въ которомъ говоритъ поваръ, является обычнымъ тономъ повара „средней“ и „новой“ комедии, равно какъ нѣтъ ничего новаго и въ содержаніи его рѣчи. Что же касается перечисляемыхъ имъ подробностей, то про нихъ можно сказать слѣдующее. О „столахъ“ поваръ спрашиваетъ потому, что количествомъ столовъ опредѣлялось и количество гостей: вѣдь передъ каждой *κλίνη*, на которой помѣщалось двое, ставился одинъ маленькій столъ! О „женщинахъ“ говорится отдѣльно потому, что женщины, если только онѣ не были гетерами (см. „Третьейскій судъ“, ст. 217 сл.), возлежали за отдѣльными столами. Наконецъ, что касается „распорядителя“ (*τραπεζοποιός*), то онъ соотвѣтствуетъ лат. *strictor*, причемъ, если на обязанности повара лежало приготовленіе обѣда и общій надзоръ за кухней, то въ обязанности „распорядителя“ входилъ общій присмотръ за подачей обѣда, за прислугой и за посудой. Ср. *Antiph. fr. 152* (= Коск, о. с., II, 73):

*προσέλαβον ἔλθων τοντονί
 τραπεζοποιόν, ὅσα πλυνεῖ σκεύη, λύχνους
 ἑτοιμάσει, σπονδάς ποιήσει, τᾷλλ' ὅσα
 τοῦτω προσήκει.*

Вопросъ насчетъ „посуды“ объясняется тѣмъ, что повара, если посуды въ домѣ не хватало, давали на прокатъ свою (см. стр. 112, 1). Наконецъ, вопросъ о „крытой кухнѣ“ имѣетъ свое обоснованіе въ томъ, что въ нѣкоторыхъ домахъ кухня помѣщалась подъ открытымъ небомъ. Ср. *Alex. fr. 173* (= Коск, о. с., II, 362):

*Α. ὀπτάνιον ἔστιν; Β. ἔστι. Α. καὶ κάπνην ἔχει;
 Β. ὀηλονότι. Β. μή μοι ὀηλον· ἀλλ' ἔχει κάπνην;
 Β. ἔχει. Α. κακόν, εἰ τύφουσαν. Β. ἀπολεῖ μ' οὐτός.*

Парменонъ.

Любезный, рѣжешь ты
Не какъ нибудь, — меня ты рознялъ на кусочки, 80
Не замѣчая самъ.

Поваръ.

Эхъ, попадетъ!

Парменонъ.

Тебѣ-жъ
(80) Достанется за всё! Ну, живо въ домъ!

Явленіе третье.

[Поваръ съ поваренкомъ входятъ въ домъ. Парменонъ хочетъ идти за ними, но въ этотъ моментъ Демея выдвигается впередъ и окликаетъ его по имени].

Демея.

Парменонъ!

Парменонъ.

Меня зовутъ?

Демея.

Тебя.

Парменонъ (оборачиваясь).

А здравствуй, господинъ!

Демея.

Корзину съ плечъ долой и маршъ сюда.

Парменонъ (оробѣвъ).

Въ часъ добрый!

Демея (про себя).

Отъ этого, небось, не скроется ничто, — 85
Про всё разнюхаетъ! Недаромъ онъ умѣетъ
(85) Въ чужое носъ совать... Вотъ къ дому подошелъ
И стукнулъ въ дверь!

Парменонъ.

Исполни всё, Хрисиди,
 Что нужно повару, да нянюшку держи
 Ты отъ бутылочки подальше... (не отходя отъ двери).
 Что прикажешь 90
 Мнѣ, господинъ?

Демей.

Что прикажу? Отъ двери прочь!
 (90) Сюда... поближе!

Парменонъ (приближаясь)
 Здѣсь!

Демей.

Послушай-ка, Парменонъ.
 Всею дюжиной боговъ клянусь, что я тебя —
 На то причины есть! — драть не хочу!

Парменонъ (струсивъ).

За что-же
 Меня, да драть? За что?

Демей.

За то, что тайну скрылъ. 95

Парменонъ.

(95) Діонисъ, Аполлонъ, спаситель Зевсъ, Асклепій, —
 Клянусь, что я....

Демей.

Молчи, не нужно этихъ клятвъ!
 Ты словъ моихъ пока не понялъ.

Парменонъ.

Ну, а если
 Я вру тебѣ, пусть мнѣ —

Демей (указывая на окно,
 гдѣ видна Хрисиди).

Смотри сюда.

Парменонъ.

Смотрю.

Демея.

I₄ Ребенокъ этотъ... чей?

Парменонъ.

Ребенокъ?

Демея.

Знать желаю, 100

Ребенокъ кѣмъ рожденъ?

Парменонъ.

Хрисидой.

Демея.

Кто отецъ?

Парменонъ.

(100) Ты, господинъ.

Демея.

А, лжець! Ты смерти стдишь!

Парменонъ.

Смерти?

Демея.

Я знаю точно все... Мнѣ сказано: Мосхionъ —
Отець малюточки, ты — съ сыномъ заодно,
Ну, а Саміанка... она дитя питаетъ!

105

Парменонъ.

Кѣмъ сказано?

Демея.

Никѣмъ... Отвѣтъ же: кто отецъ

(105) Ребенку?

Парменонъ.

Господинъ, я ужъ сказалъ; скрывать же...

Демея.

Скрывать? Рабы, ко мнѣ! Плетей сюда, чтобъ драть
Пройдоху этого.

Парменонъ.

Не надо, ради бога!

Демея.

Порукой Гелій мнѣ, что будешь ты съ клеймомъ. 110

Парменонъ.

Ты заклеймишь меня?

Демея.

Не медля!

Парменонъ.

Сгибъ я, бѣдный! (Убѣгаетъ).

Демея.

- (110) Стой, каторжникъ! Куда? Лови его! — О градъ
Кекроповой страны, о ты, ээиръ далекій!

(Спохватываясь).

Демея, что съ тобой? Чего вопишь, дуракъ?

Сдержись, мужчиной будь! Передъ тобой Мосхіонъ 115

Не виновать ни въ чемъ . . . Быть можетъ, рѣчь моя

Звучитъ рискованно, но, господа, въ ней — правда!

- (115) Вѣдь если бы мой сынъ свершилъ проступокъ свой

Въ угоду похоти, терзаемый любовью,

Иль злобясь на меня, — то мысли бы его

120

Не разнились отъ тѣхъ, при коихъ былъ онъ раньше,

И онъ тогда бы мнѣ во всемъ перечить сталъ!

Но нынѣ предо мной онъ оправдался: вѣсть

- (120) О бракѣ принялъ онъ изъ устъ моихъ съ восторгомъ,

Не потому, что страсть владѣла имъ, какъ мнѣ 125

Сначала думалось: изъ рукъ моей Елены¹⁾

1) Называя Хрисиду „Еленой“, Демея хочетъ подчеркнуть этимъ всю развратность своей любовницы, увлекшейся молодостью Мосхіона и совратившей его съ пути истины. Вѣдь въ „комедии“ имя „Елена“ было своего рода синонимомъ всякой невѣрной жены, измѣняющей своему мужу! Carps (о. с., 251, прим.) очень кстати отмѣчаетъ, что на слова: *τὴν ἐμὴν Ἑλένην* можно было бы смотрѣть, какъ на реминисценцію сл. стиха изъ еврипидовскаго „Телефа“: *ὄνκ ἀπολοῦμαι | τῇσ' οἷσ' Ἑλένησ' εἴνεκα* (= Nauck², о. с., 587, fr. 722).

- Хотѣлъ онъ вырваться, — всему она виной!
 Навѣрняка, мой сынъ былъ выпивши, собою
 (125) Владѣть уже не могъ, — она и завлекла!
 Не мало дѣлъ такихъ творить вино да юность, 130
 Сбивая съ толку тѣхъ, кто не вредилъ своимъ
 До той поры ни въ чемъ... Ну, можно ли повѣрить,
 Чтобъ кроткій, да къ чужимъ внимательный, мой сынъ
 (130) Мнѣ гадость учинилъ. Онъ не пойдетъ на это,
 Хотя бы десять разъ пріемнымъ сыномъ былъ, 135
 F₁ А не роднымъ... По мнѣ, вся суть въ одномъ лишь нравѣ!
 Зато она — дрянцо, впрямь уличная шваль! —
 Демей, что съ тобой? Тутъ ругань не поможетъ!
 (135) Ну, будь мужчиной ты, страсть заглуши, простишь
 Съ любовью и таи, поскольку хватитъ силы, 140
 Несчастье про себя, — для сына, а ее,
 Исчадье Самоса, ты вышвырни изъ дома
 Тормашкой внизъ, къ чертямъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что
 (140) Подобрала дитя, о прочемъ же ни слова!
 Нѣтъ, губы закуси, скрѣпись, героемъ будь! 145

Явленіе четвертое.

[Въ то время, какъ Демей, стараясь побороть охватившее его волненіе, стоитъ погруженный въ свои думы, изъ дома Демей показывается поваръ, чѣмъ-то раздраженный и кого-то ищущій. За нимъ слѣдуетъ поваренокъ].

Поваръ.

А нѣтъ-ли здѣсь его, — за дверью? Рабъ, Парменонъ! —
 Молодчикъ улизналъ, а мнѣ и не помогъ!

Демей (отталкивая повара).

(145) Съ дороги прочь!

Поваръ (обращаясь къ поваренку).

Геракль! Что это, малый, — а?
 Вломился въ домъ старикъ: съ ума онъ, вѣрно, спятилъ!
 Иль что другое съ нимъ? А впрочемъ, мнѣ-то что! 150
 (Изъ дома доносятся крики Демей).

Сдается мнѣ, старикъ рехнулся. Посидономъ
 Клянусь, что это — такъ! Ужъ больно онъ кричить! —

- (150) Вотъ будетъ хорошо, коль вся посуда ляжетъ,
 Попадшись подъ ноги, въ лоскъ передъ нимъ! Гремить
 Дверями онъ. Проваль тебя возьми, Парменонъ.
 Вишь затащилъ куда! — Къ сторонкѣ отойду! (Уходитъ)¹⁾.

Явленіе пятое.

[Изъ дома поспѣшно выходитъ Демея. За нимъ слѣдуетъ Хрисиды съ ребенкомъ на рукахъ и старуха, няня Мосхона].

Демея.

Не слышишь? Вонъ пошла!

Хрисиды.

Куда мнѣ дѣться, бѣдной? 156

Демея.

Къ чертямъ?

Хрисиды.

Ой, лихо мнѣ!

Демея.

Да, лихо, — это такъ! —

- (156) Разжалобить слезой не хочешь-ли? Заставлю
 Тебя покончить...

Хрисиды.

Съ чѣмъ?

Демея.

Ни съ чѣмъ! Есть у тебя
 Старуха и дитя. Проваливай, да живо! 160

Хрисиды.

Ужъ не за то-ль, что я дитя подобрала,
 Ты гонишь и...

1) Поваръ отходить, повидимому, въ переулокъ, въ *angiportum*. Ср. Ter. Phorm., 891: *sed hinc concedam in angiportum hoc proximum*.

Демя.

За что еще?¹⁾ Я за ребенка
(160) Гоню, — за этотъ грѣхъ!

Хрисиди.

Мнѣ не понять тебя!

Демя.

Ты не умѣла жить въ довольствѣ!

Хрисиди.

Не умѣла?

Да что ты говоришь?

Демя.

Хрисиди, ты ко мнѣ
Ну, прямо въ рубищѣ пришла, — небось, забыла?

165

Хрисиди.

Такъ что-жъ изъ этого?

Демя.

Я для тебя былъ всѣмъ,
(165) Пока жилось тебѣ не важно!

Хрисиди.

Ну, а нынче?

Демя.

Молчи! Твое — съ тобой! Вдобавокъ же даю
F₂ Тебѣ рабыню я, и денегъ. Вонъ изъ дома!

170

Хрисиди (про себя).

Припадокъ гнѣва съ нимъ, — попробую смягчить! —
Послушай, дорогой.

1) Демя, усматривая въ вырвавшемся у Хрисиды „и“ желаніе Хрисиды продолжать перечисленіе ея дальнѣйшихъ проступковъ, думаетъ, что она хочетъ сознаться въ совершеніи того грѣха, въ которомъ онъ ее подозреваетъ, т. е., въ сожителствѣ съ Мосхіономъ. Поэтому-то, видя, что она останавливается на полусловѣ, онъ и задаетъ ей вопросъ: „за что еще“, на который однако не получаетъ никакого отвѣта, и въ силу этого выставляетъ причиной ея изгнанія только то, что она „подобрала ребенка“.

Демея.

Чего тебѣ?

Хрисидида.

Не мучь!

Демея.

(170) Другая женщина теперь мой кровъ оцѣнить,
И будетъ за него признательна богамъ!

Хрисидида.

Что это значить?

Демея.

Ты обзавелась сыночкомъ,
Ты получила все!

175

Хрисидида.

Тутъ вовсе нѣтъ грѣха!
И всё таки, коль ты...

Демея.

Скажи еще словечко, —
Вмигъ съѣзжу по башкѣ!

Хрисидида.

И подѣломъ! Молчу,
(175) И, молча, въ домъ вхожу. (Идетъ къ дому).

Демея.

Какъ важно! По заслугамъ
Оцѣнишь ты себя лишь въ городѣ. Вѣдь тамъ
Всего за десять драхмъ бѣгутъ на пиръ гетеры,
Подобныя тебѣ, и безъ просыпу пьютъ,
Пока не глянетъ смерть, а коли не успѣютъ
(180) Скончаться во-время, — то впроголодь сидятъ!
Познаешь это ты не хуже, чѣмъ другія,
И лишь тогда поймешь, кто ты и чѣмъ грѣшна!
Стой, гдѣ стоишь!

180

185

(Уходитъ въ домъ и запираетъ за собой дверь).

Хрисидида.

Увы! Горька моя судьбина! (Плачетъ).

Явленіе шестое.

[На сцену входитъ Никератъ, возвращающійся изъ города. Онъ ведетъ за собой тощую овцу и, погруженный въ свои мысли, сначала не замѣчаетъ Хрисиду, которая продолжаетъ стоять у дома Деи и горько плакать. Около нея находится старая няня Мосхіона, держащая на рукахъ ребенка].

Никератъ.

Овечка въ самый разъ для жертвы подойдетъ
(185) Богинямъ и богамъ: кровь есть въ ней, селезенка
Раздута хорошо, и печень недурна.

Костей же, сколько хошь! Все, значить, есть,
что нужно

190

Для Олимпійцевъ, — да! Друзей же угошу
Я... шкуркой, на куски ее разрѣзавъ: шкурка
(190) Вѣдь это — мой удѣлъ! (Замѣчаетъ Хрисиду).

Геракль! Что вижу я?

Хрисиды, у дверей, въ слезахъ! Она ли это?

Она и есть! (Обращаясь къ Хрисидѣ.)

Что тамъ стряслось?

Хрисиды (плача).

А то, что выгнать

195

Меня твой добрый другъ. Ну, вотъ и все!

Никератъ (пораженный).

Геракль!

Неужто онъ, — Деи?

Хрисиды.

Онъ.

Никератъ.

За что?

Хрисиды.

За сына.

Никератъ.

(195) Да сказывали мнѣ жена и дочь, что ты —
Вишь угорѣлая! — дитя взяла и кормишь.
Но вѣдь Деи добръ?

Хрисидѣ.

Сперва не злился онъ, 200

А тамъ, повременивъ, и распалился гнѣвомъ, —
Внезапно. Самъ суди: онъ отдалъ мнѣ приказъ
Все въ домѣ честию-честь для свадьбы приготовить.

(200) Я занялась. Вдругъ онъ—рехнулся, зная! — вбѣжалъ
И... выгналъ изъ дому.

Никератъ.

Демея? Видно спятилъ? 205

2.

Словами Никерата обрывается въ рукописи первый фрагментъ пьесы и вмѣстѣ съ тѣмъ второй актъ въ его настоящемъ, неполномъ видѣ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что послѣ бесѣды Хрисиды съ Никератомъ дѣйствіе врядъ ли могло затягиваться на долгое время. Повидимому, не хватаетъ очень немногаго, а именно, конца разговора, который долженъ былъ приводить къ тому, что Никератъ — мы не знаемъ, въ силу какихъ побужденій — предлагалъ Хрисидѣ пріютъ въ своемъ домѣ. А что дѣло обстояло дѣйствительно такъ, и что Хрисидѣ, временно оставшаяся безъ пристанища, находила его затѣмъ именно у Никерата, видно изъ дальнѣйшаго, гдѣ раздраженный Никератъ въ свою очередь гонить Хрисиду изъ своего жилища.

Однимъ словомъ, я рисую себѣ возможное окончаніе второго акта слѣдующимъ образомъ: Никератъ, который въ своемъ разговорѣ съ Хрисидой не разъ выражалъ удивленіе поступку Демеи, слышавшаго до той поры за чловѣка благодушнаго и мягкаго, подъ конецъ обращался къ дѣвушкѣ со словами утѣшенія и гостепріимно открывалъ передъ ней двери своего дома, приглашая устроиться тамъ съ ребенкомъ и старухой, няней Мосхіона. Въ моментъ же перехода изгнанницы съ одного пепелища на другое, появлялся, повидимому, хоръ, изображавшій, надо думать, пріятелей Мосхіона, шедшихъ къ своему другу на свадьбу, причемъ это появленіе хора и замыкало собой второй актъ, который съ полнымъ правомъ можно было бы назвать „актомъ недоразумѣній“.

Что же касается до лакуны, идущей въ рукописи за словами Никерата: *Δημέας χορῶ* — „Демея? Видно спятилъ“

(ст. 201), то, по расчетамъ Koerte¹⁾, она могла равняться максимумъ одному листу, т. е., четыремъ страницамъ, или, иначе, отъ конца перваго отрывка до начала втораго не хватаетъ круглымъ счетомъ 140 стиховъ. Небольшое количество этихъ стиховъ будетъ падать на конецъ втораго акта, а вся остальная масса придется на долю тѣхъ сценъ, которыя шли за вторымъ актомъ, какъ части одного или двухъ дѣйствій. Эти пропавшія сцены и содержали въ себѣ изложенье цѣлаго ряда посредствующихъ событій и подробностей, являвшихся своего рода обоснованіемъ той второй части пьесы, которая дошла до насъ и которая начинается ст. 202, вводящимъ насъ въ середину разговора Демеи съ Никератомъ. Но благодаря полному отсутствію фрагментовъ, которые можно было бы съ нѣкоторой увѣренностью считать принадлежностью этихъ пропавшихъ сценъ, намъ въ высшей степени трудно представить себѣ, что именно было ихъ содержаніемъ.

Нельзя, впрочемъ, отрицать, что нѣкоторую помощь приносить здѣсь какъ разъ вторая часть (ст. 202 слл.), изъ которой, какъ бы отрывочна она ни была, мы можемъ усмотрѣть, что фактамъ, въ ней излагаемымъ, предшествовало прежде всего полное разубѣжденіе Демеи въ его подозрѣніяхъ насчетъ Мосхіона (ст. 206). Но путемъ какихъ эволюцій достигался этотъ результатъ, сказать трудно. Мы можемъ только думать на основаніи, на примѣръ, словъ Мосхіона (ср. его монологъ, ст. 271—272), что у Демеи послѣ изгнанія Хрисиды происходило какое-то объясненіе съ сыномъ, въ результатъ чего Демей и узнавалъ всю подноготную, до той поры отъ него скрытую. Въдѣ недаромъ же Мосхіонъ говоритъ:

когда напраслину, что на меня взводили,
стряхнуть мнѣ удалось, обрадовался я.

Само собой разумѣется, что юноша не произнесъ бы этихъ словъ, если бы образъ дѣйствій Демеи соотвѣтствовалъ тому рѣшенію, которое онъ принялъ во второмъ актѣ и которое онъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ (ст. 136 сл.):

таи, поскольку хватить силы,
несчастье про себя, — для сына.

1) Koerte², о. е., XXX.

Повидимому, это благое намѣреніе такъ и осталось невыполненнымъ, равно какъ и слова (ст. 141):

ты губы закуси, скрѣпись, героемъ будь!

Ясно, что Демей, не желавшій по-началу вмѣнивать сына въ свои подозрѣнія, затѣмъ, подъ вліяніемъ гнѣва, забывалъ о своемъ первоначальномъ планѣ и напускался съ упреками на Мосхіона, которому, чтобы защититься, приходилось волей-неволей посвятить отца во всѣ свои тайны. Возможно также, что въ своей оправдательной рѣчи Мосхіонъ входилъ и въ изложеніе причинъ, заставившихъ его рѣшиться на переносъ ребенка изъ дома Никерата въ домъ Демей, причемъ главной причиной онъ могъ выставить суровый характеръ Никерата, всегда готоваго на разнаго рода крайности. Какъ бы то ни было, Демей въ концѣ концовъ убѣждался въ невинности Хрисиды и Мосхіона, которыхъ онъ напрасно задѣлъ обиднымъ подозрѣніемъ и, такимъ образомъ, пьеса постепенно входила въ фазисъ выясненій того недоразумѣнія, которое и вызвало массу всевозможныхъ complicatіонъ. Итакъ, согласно моему мнѣнію, утерянный для насъ третій актъ содержалъ въ себѣ, между прочимъ, бесѣду Мосхіона съ Демеей, причемъ эта бесѣда могла стоять очень близко къ самому началу акта.

Но если Демей узнавалъ всю правду относительно фиктивного ребенка Хрисиды изъ устъ своего сына Мосхіона, то, повидимому, и Никерату удавалось какимъ-то образомъ проникнуть въ тайну своей дочери, Плангѣ. По крайней мѣрѣ, когда прерванное лакуной теченіе пьесы снова возобновляется, то Никератъ уже выступаетъ передъ нами въ видѣ чловѣка, буруеваемаго довольно опредѣленными подозрѣніями. Правда, онъ не знаетъ еще всего происшедшаго во всей его полнотѣ. Иначе не сталъ бы Демей говорить по его адресу (ст. 221 сл.):

остается линіе одно:

разсказать ему, въ чемъ дѣло, —

равно какъ не имѣли бы смысла и слѣдующія слова того-же Демей:

Зевсомъ я клянусь, что онъ,
какъ узнаетъ, въ чемъ тутъ дѣло, забунуетъ, заоретъ.

Отсюда ясно, что кое въ чемъ Никератъ еще не освѣ-

домленъ. Но во всякомъ случаѣ, позоръ дочери ему уже извѣстенъ, неизвѣстно только, кто былъ ея соблазнителемъ.

Спрашивается теперь, кто могъ намекнуть Никерату на несчастіе, имѣющее мѣсто въ его семьѣ, или, вѣрнѣе, путемъ стеченія какихъ обстоятельствъ могъ Никератъ узнать о томъ, что скрывалось отъ него такъ долго и съ такой тщательностью? Carps¹⁾ думаетъ и, кажется, не безъ основанія, что такимъ лицомъ, наполовину открывающимъ истину, былъ никто иной, какъ самъ Демея. И дѣйствительно, Демея, уже знающій про тайну Мосхіона и про его склонность къ Плангѣ, могъ намекнуть Никерату на то, что у послѣдней есть ребенокъ, неизвѣстно, отъ кого прижитый. Но одновременно съ этимъ онъ, дабы смягчить впечатлѣніе отъ своихъ словъ, долженъ былъ заявить Никерату и о томъ, что, несмотря на приключившееся съ Плангѣ несчастіе, Мосхіонъ все таки согласенъ жениться на ней и что такимъ образомъ всё можетъ устроиться вполне благополучно. Доказательствомъ же того, что не кто либо другой, а именно Демея былъ человѣкомъ, открывающимъ глаза Никерату, служатъ, какъ мнѣ кажется, слѣдующія слова Никерата, съ которыми онъ обращается къ Демеѣ и изъ которыхъ, какъ будто, видно, что Никератъ уже слышалъ кое-что отъ Демеи, хотя это „кое-что“ и было передано ему не полностью (ст. 238 сл.):

Ты, Демея, обижаешь, — вижу я,
что тебѣ про всѣ извѣстно.

Однако, изъ всего, предшествующаго этимъ словамъ, поскольку сохранилось оно въ рукописи (ст. 202 сл.), нельзя вывести ничего такого, что обосновывало бы ихъ, если только не думать, что соотвѣтствующее обоснованіе находилось выше, въ утерянныхъ для насъ частяхъ пьесы. И въ самомъ дѣлѣ, коль скоро Демея уже успѣлъ поговорить съ Никератомъ насчетъ Плангѣ и оказался благодаря этому человѣкомъ, знающимъ про тайну дѣвушки, то само собой разумѣется, что Никератъ можетъ подозрѣвать его и въ томъ, что онъ знаетъ больше того, что имъ пока сказано, или, иначе, что онъ знаетъ не только про грѣхъ дѣвушки, но и про то, кто былъ ея соблазнителемъ. Недаромъ же, высказавъ предположеніе,

1) Carps, о. с., 228.

что Демеѣ „всѣ извѣстно“, Никерать продолжаетъ затѣмъ еще болѣе опредѣленно и рѣшительно (ст. 240 сл.):

ужь не твой ли сынъ меня
обработалъ?

Но подобное заявленіе только въ томъ случаѣ будетъ имѣть свой *raison d'être*, если мы предположимъ, что у Де-меи до той бесѣды съ Никератомъ, которую сохранилъ папирусь и которая начинается съ ст. 202, уже былъ особый разговоръ, до насъ не дошедшій, — разговоръ, который и далъ Никерату полную возможность дойти, хотя бы и предположительно, до открытія настоящей правды. Если же эти наши соображенія правильны, то придется думать, что въ третьемъ актѣ, кромѣ діалогической сцены между Демеей и Мосхиономъ, была аналогичная сцена между тѣмъ-же Демеей и Никератомъ, причемъ обѣ эти сцены какъ бы начинали собой распутываніе тѣхъ недоразумѣій, которыя, какъ мы это видѣли, и занимали во второмъ актѣ первенствующее или, вѣрнѣе, исключительное положеніе.

Однако, если Демея, пріоткрывая истину и стараясь смягчить еѣ въ глазахъ Никерата общашемъ, несмотря ни на что, женить Мосхиона на Плангѣ, — если Демея, поступая такъ, думалъ, что Никерать успокоится и что такимъ путемъ уляжется вся, поднятая Демеей, кутерьма, то онъ горько ошибался, ибо не таковъ былъ характеръ Никерата, чтобы мириться сразу съ испытаннымъ имъ безчестіемъ. И дѣйствительно, когда кончается лагуна и снова начинается прерванное ею дѣйствіе, то мы видимъ передъ собой раздраженного Никерата, который не хочетъ сдаваться ни на какіе доводы Де-меи и который поглощенъ только одной мыслью, — узнать, во что бы то ни стало, имя обольстителя своей дочери. Что же касается Де-меи, этого случайнаго виновника всей приключившейся путаницы, то онъ на этотъ разъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы не дать разыграться новой бурѣ, для него теперь нежелательной и лишней, въ силу чего онъ и совѣтуетъ Никерату соблюдать спокойствіе и дѣйствовать осторожно. Но оскорбленный въ своихъ чувствахъ и взглядахъ Никерать уже не поддается голосу разсудка и поэтому, несмотря на совѣты пріятеля, онъ все-таки даетъ волю своему гнѣву, результатомъ котораго

и является все то, о чемъ говорятъ намъ послѣдующія сцены комедіи, относимыя мной къ началу четвертаго дѣйствія¹⁾.

Къ сожалѣнію только, эти сцены не представляютъ собой настоящаго начала, открывавшаго актъ въ его полномъ видѣ. Не хватаетъ, повидимому, нѣсколькихъ десятковъ стиховъ, въ которыхъ и заключалось обоснованіе дальнѣйшихъ шаговъ Никерата, предпринимаемыхъ имъ вслѣдъ за словами Демеи, дошедшими до насъ тоже не полностью. Такимъ образомъ, сохранившійся текстъ вводитъ насъ прямо *in medias res*, и мы присутствуемъ благодаря этому уже при завершеніи всего того, что подготовлялось выше и о чемъ мы можемъ судить лишь съ большой долей неопредѣленности.

Дѣйствіе четвертое.

Явленіе первое.

[На сценѣ находятся Демей и Никератъ, занятые оживленной бесѣдой. Подъ вліяніемъ бесѣды Никератъ приходитъ въ волненіе, которое все усиливается. Демей же старается успокоить друга, но это ему не удается].

Демей.

Г₈ Ну, а если въ домъ вернуться?²⁾

Никератъ.

Пустяки! Погибло всё!

Все къ концу идетъ, на смарку! (Бросается къ себѣ въ домъ).

Демей.

Зевсомъ я клянусь, что онъ,

Какъ узнаетъ, въ чемъ тутъ дѣло, забушуетъ, заоретъ!

(205) Онъ вѣдь грубъ, свинья свиньею, такъ и лѣзетъ
напроломъ!³⁾

1) Возможно, впрочемъ, что эти сцены вмѣстѣ съ тѣми, которыя заполняли нѣкогда лакуну и которыя не дошли до насъ, входили въ составъ не четвертаго, а третьяго акта. Въ такомъ случаѣ вся наша комедія распадалась не на пять актовъ, а всего на всего на четыре.

2) При переводѣ этого полу-стиха я слѣдую чтенію Лефевра: *ἀλλὰ πάλιν ἐλθόν*. Что же касается до Керте, то онъ вмѣсто *ἀλλὰ* читаетъ: *ἄλλα*.

3) Словами „свинья свиньею“ я перевожу греч. *οκατοφάγος*, синонимомъ къ которому будетъ латинское *stercoreus* (Plaut., *Miles gloriæ*, 90). Ср. Phot. Lexic.: *οκατοφάγος* · *ἀλάθαρτος*. Это-же слово встрѣчается у Менандра

Надо жь было мысли дикой мнѣ втемяшиться въ
башку! 210

Эхъ, клянусь самимъ Гефестомъ, смерти стою я!
(Слушаетъ).

Геракль!

Что онъ крикнулъ? Не ошибся: онъ велитъ подать огня,
Говоритъ: „спалю ребенка“. Внучка, значить, своего

(210) Опаленнымъ я увижу? Дверью хлопнулъ!
(На порогъ показывается Никератъ).

Предо мной

Ураганъ какой-то, буря, но отнюдь не человѣкъ! 215

Явленіе второе.

[Изъ дома, самъ себя не помня отъ гнѣва и волненія, выходитъ Никератъ. Словно не понимая, что онъ дѣлаетъ, онъ направляется къ Демею, который смотритъ на него съ ужасомъ].

Никератъ.

Слышь, Демея, вѣдь Хрисида ополчилась на меня,
Строить козни, да какія...

Демея.

Неужели?

Никератъ.

Дочь, жену

Убѣдила не сдаваться мнѣ ни въ чемъ, про все молчать,

При себѣ ребенка держать, мнѣ на зло, да говорить:

(215) „Не отдамъ“. — Не удивляйся, если я своей рукой 220
Съ этой женщиной раоправлюсь!

(Хочетъ идти къ себѣ въ домъ).

Демея.

Ты сказалъ: „своей рукой?“

еще въ „Отрѣзанной кося“ (ст. 204) и въ отр. 825 (= Коск, о. с., III, 222). Что же касается словъ: *αὐθέκαστος τῷ τρόπῳ*, которыя я передаю черезъ: „такъ и лѣзетъ напроломъ“, то слово *αὐθέκαστος*, взятое, какъ здѣсь, въ дурномъ смыслѣ, всего ближе можно, какъ мнѣ кажется, передать черезъ наше „самодуръ“, причемъ въ такомъ же смыслѣ даетъ его и Мен. fr. 843 (= Коск, о. с., III, 226). Ср. Pбгуп. eclog. 349 (ed. Lobesck): *αὐθέκαστότης ἀλλόχου* · τὸ μὲν οὖν αὐθέκαστος κάλλιστον ὄνομα, τὸ δὲ παρὰ τοῦτο πεποιημένον αὐθέκαστότης κίβδηλον.

Никератъ.

Но она всѣ тайны знаетъ!

Демей.

Никератъ, смотри, не смѣй.

Никератъ.

Я сказалъ впередъ: такъ будетъ! (Съ поспѣшностью
входитъ въ домъ.)

Демей (съ ужасомъ).

Обезумѣлъ, самъ не свой!

Ишь, какъ въ домъ влетѣлъ! Гдѣ выходъ,
передрагамъ гдѣ конецъ?

(220) Не бывалъ еще ни разу я въ подобной кутерьмѣ, 225
Въ томъ порукою мнѣ боги! Остается лишь одно:
Разсказать ему, въ чемъ дѣло. — Аполлонъ, вновь
дверь гремитъ!

Явленіе третье.

[Изъ дома Никерата выбѣгаетъ Хрисиды съ ребенкомъ на рукахъ. За ней въ отдаленіи показывается Никератъ, вооруженный палкой].

Хрисиды.

Горе мнѣ! Куда дѣваться? Что мнѣ дѣлать? У меня
Вырветъ онъ дитя!

Демей.

Хрисиды!

Хрисиды.

Кто зоветъ? (Замѣчаетъ Демей.)

Демей.

Ты въ домъ бѣги!

Никератъ (вслѣдъ Хрисидѣ).

(225) Эй, куда?

Демей (про себя).

Сегодня, значитъ, не уйти мнѣ, Аполлонъ, 230
Отъ борьбы! (Загораживая дорогу Никерату).
Чего ты хочешь? Ты за кѣмъ бѣжишь?

Никератъ (въ гнѣвѣ).

Уйди!

Не мѣшай ты мнѣ, Демя! Дай ребенку завладѣть,
Тайну выпытать у женщинъ!

Демя.

Онъ свихнулся! Это что?

Ты меня ударить хочешь?

Никератъ.

И ударю.

Демя.

Съ глазъ долой!

(230) Дамъ я сдачи! (Старается удержать Никерата).

Эй, Хрисида, ты спасайся: онъ сильнѣй! 235

Никератъ.

Ты меня коснулся первый, — при свидѣтеляхъ скажу!

Демя.

Да, но ты вѣдь лѣзешь съ палкой на свободную, — за ней
Ты гоняешься!

Никератъ.

Лгунишка!

Демя.

Самъ лгунишка!

Никератъ.

Не отдашь

Мнѣ ребенка?

Демя.

Шутишь, видно! Мой — ребенокъ!

Никератъ.

Нѣтъ, не твой!

Демя.

(235) Бьютъ меня! Внемлите, люди!

Никератъ (видя, что Хрисида вошла въ
домъ Демен).

Каркай громче! Въ домъ взойду 240

F₄ И съ Хрисидою покончу!

Демея (про себя).

Что тутъ дѣлать? Дѣло дрянъ!

Не позволю! (Становится противъ Никерата).

Стой на мѣстѣ!

Никератъ.

Осторожнѣй! Руки прочь!

Демея.

Успокойся!

Никератъ (съ горечью).

Ты, Демея, обижаешь, — вижу я,

Что тебѣ про все извѣстно.

Демея.

Такъ меня ты и шпыняй,

(240) А ее оставь, не трогай!

Никератъ.

Ужъ не твой ли сынъ меня

245

Обработалъ?

Демея.

Что за враки! Онъ возьметъ твою Плангò.

Ну, а съ ней стряслось другое! — Прогуляйся-ка со мной
Здѣсь немножко!

Никератъ.

Я согласенъ.

Демея.

И душой воспрянь опять! —

(245) Отъ трагическихъ поэтовъ ты, небось, слыхалъ не разъ,
Какъ Зевесъ подъ видомъ злата черезъ крышу

въ домъ проникъ

250

И затворницу-дѣвицу на любовь съ собой склонилъ?

Никератъ.

Ну, такъ что-жъ?

Демея.

А то, что надо быть готовымъ ко всему! —

Не течетъ ли въ домѣ крыша?

Никератъ.

Протекаетъ чуть не вся! —
Да, но это вѣдь не къ дѣлу!

Демей.

Зевсъ то золотомъ бывалъ,
(250) То дождемъ, — вотъ видишь, милый. Онъ и тутъ
не безъ грѣха! 255
Скоро-жъ мы нашли причину!

Никератъ.

За носъ водишь!

Демей.

Вотъ, ужъ нѣтъ!
Ты не хуже, чѣмъ Акрисій, — ну, нисколько!
Если-жъ Зевсъ
Дочь его почтилъ любовью, то твою —

Никератъ.

О горе мнѣ!
Я Мосхиономъ отдѣланъ!

Демей.

Онъ возьметъ твою Плангò!
(255) Ты не бойся! — А въ ребенкѣ — знаю я навѣрняка — 260
Богъ виной! Назвать не трудно сотни божескихъ дѣтей,
Что ютятся средь народа. Гдѣ-жъ тутъ ужась? —
самъ суди!
Хэрефонъ — онъ будетъ первымъ — сытъ, не
тратя ни гроша.
Ты сочтешь его за бога?

Никератъ.

Ну, сочту! Что жъ дѣлать мнѣ?
(260) Не ругаться жъ по пустому!

Демей.

Никератъ, а ты — умень! 265
Вотъ Андроклъ! Живетъ безъ срока, рыщетъ,
блещетъ, денегъ тьма,

Кудри, — тѣ всегда чернѣють: ихъ и смерть не
 побѣлитъ,
 Хоть зарѣжь, все будетъ юнымъ! — Чѣмъ, скажи,
 Андроклъ не богъ?
 Пусть, что было, къ счастью будетъ! Эмимамъ
 ты воскури
 (265) И берись за жертвы: скоро за Плангѣ мой сынъ
 придетъ. 270
 Поневолѣ онъ смирился, сталъ разумникомъ опять,
 Если-жъ въ чемъ и былъ онъ грѣшенъ, этотъ
 грѣхъ ему прости!

Никератъ.

Въ домѣ всё ты справилъ?

Демей.

Справлю!

Никератъ.

Ну, за мной помѣхи нѣтъ!

Демей.

Ишь ты умникъ! (Никератъ уходитъ къ себѣ).

Благодаренъ отъ души я всѣмъ богамъ:

(270) Вѣдь неправдой оказалось то, чего боялся я!

(Уходитъ).

275

Музыкальная интермедія.

Дѣйствіе пятое.

Явленіе первое.

[На сцену медленными шагами входитъ Мосхѣонъ, возвращающійся изъ города. Онъ мраченъ. Видно, что его гнететъ какая-то неотступная мысль, отъ которой онъ не можетъ освободиться].

Мосхѣонъ.

1. Когда напраслину, что на меня взводили,
 Стряхнуть мнѣ удалось, обрадовался я, —
 Мнѣ думалось: съ меня и этого довольно.
 Но вотъ, когда я сталъ всё толкомъ разбирать,

- (275) Да взвѣсивать, — тогда я духомъ возмутился. 280
 Теперь я самъ не свой отъ гнѣва на отца
 За то, что онъ меня такъ грубо заподозрилъ! —
 Будь у меня съ Плангѣ все гладко, не мѣшай
 Мнѣ клятва, да любовь, да время, да привычка,
 (280) Что сдѣлали меня теперъ ея рабомъ, — 285
 Отецъ бы не посмѣлъ въ глаза мнѣ бросить снова
 Такой напраслины: я-бъ скрылся съ глазъ долой,
 Изъ города бѣжалъ куда-нибудь, — ну, въ Бактры,
 Иль въ Карію, и тамъ освоился бъ съ копьемъ!
 (285) Но удержишь ты меня, моя Плангѣ! Не сдѣлать 290
 Мнѣ шага смѣлаго, не въ силахъ я! Эроть,
 Властитель думъ моихъ, лишилъ меня свободы!
 И всё-жъ не смѣю я отдѣлаться молчкомъ,
 Какъ трусь, какъ рабъ какой. По крайней мѣрѣ,
 словомъ,
 (290) Коль не могу другимъ, отца я допеку. 295
 „Прощай“ скажу. Тогда на будущее время
 Остережется онъ обиды наносить,
 Увидѣвъ, что на нихъ я не смотрю сквозь пальцы!
 (Замѣчаетъ приближающагося Парменона).
 Вотъ въ-время сюда какъ разъ подходитъ тотъ,
 (295) Кого сильнѣе всѣхъ хотѣлося мнѣ видѣть! 300

Явленіе второе.

[На сцену робко входитъ Парменонъ. Онъ то и дѣло останавливается, оглядывается по сторонамъ, прислушивается и, наконецъ, овладѣваетъ собой. Замѣтно, что какія-то соображенія мало по малу придаютъ ему смѣлости. Москіона, отошедшаго къ сторонѣ, онъ не видитъ].

Парменонъ.

- Тобой, владыка Зевсъ, клянусь, что поступилъ
 Я просто, какъ дуракъ, какъ жалкая скотина!
 Не согрѣшивъ ни въ чемъ, я струсилъ и бѣжалъ
 Отъ барина... Но что-жъ мной сдѣлано такого,
 (300) Что бѣгство вызвало? Давай-ка, разберемъ 305
 Мы все по косточкамъ. Барченокъ нашъ съ дѣвицей
 Свободной пошалилъ. Ну, а Парменонъ въ чемъ
 Здѣсь виноватъ? Она и понесла. Парменонъ
 Опять какъ будто чистъ! Малютка къ намъ попалъ.

(305) Принесъ его барчукъ, не я! Вдругъ изъ
домашнихъ, 310

Не знаю, кто, возьми, да тайну и открой.

I₂ Ну, а Парменонъ, — онъ, что сдѣлалъ здѣсь худого?
Да ровно ничего! Зачѣмъ же ты бѣжалъ,
Пустая голова и трусь первостепенный?

(310) Смѣшно сказать! — клеймомъ мнѣ баринъ
пригрозилъ, 315

Чтобъ правду всю узнать! Да не одно ль и тоже,
Клейменъ ты будешь зря, иль по заслугамъ? Тутъ,
Куда ни кинь, все клинъ!

Мосхiонъ.

Парменонъ!

Парменонъ (замѣчая Мосхiона).
Здравствуй, баринъ!

Мосхiонъ.

Съ своею болтовней покончи, да иди
(315) Скорѣе въ домъ!

Парменонъ.

Зачѣмъ?

Мосхiонъ.

Ты вынесешь оттуда 320
Дорожный плащъ и мечъ!

Парменонъ (пораженный).
Мечъ, ты сказалъ?

Мосхiонъ (нетерпѣливо).
Живѣй!

Парменонъ.

А онъ тебѣ на что?

Мосхiонъ.

Безъ лишнихъ словъ! Исполни,
Что сказано. Пошелъ!

Парменонъ.

Скажи, въ чемъ дѣло!

Мосхiонъ.

Я

Ремень возьму.

Парменонъ.

Зачѣмъ? Иду и такъ!

Мосхiонъ.

Чего же

Ты медлишь? (Парменонъ уходитъ).

Вотъ сейчасъ придетъ отецъ, начнетъ 325

- (320) Просить: „останься здѣсь!“ Но я къ его молениямъ,
Пока что, буду глухъ — такъ надо! — а потомъ
Увижу, что пора, и подчинюсь . . . Вотъ только бѣ
Повѣрили, что я исполню все, чего,
Клянусь Дюнисомъ, исполнить я не въ силахъ! 330
Готово! Онъ идетъ: пріотворилась дверь!

Явленіе третье.

[Мосхiонъ стоитъ, отвернувшись въ сторону. Между тѣмъ изъ дома Демеи быстро выходитъ Парменонъ. Видъ у него радостный и таинственный].

Парменонъ.

- (335) Мнится мнѣ, что ты остался всѣхъ событій позади!
Ничего-то ты не знаешь, ни о чемъ не слышалъ ты,
И бурлишь себѣ безъ толку! Въ домъ взойди:
узнаешь все!

Мосхiонъ.

Ты принесть?

Парменонъ.

Готовятъ свадьбу, ужъ кратеръ съ виномъ стоитъ,
И куренья пожираетъ жаръ Гефестова огня! 336

Мосхiонъ.

- (330) Ты принесть?

Парменонъ.

Въ тебѣ задержка, ждуть тебя давнымъ давно!

Мосхiонъ.

Ждутъ?

Парменонъ.

Чтобъ факель...

Мосхионъ.

Что-жъ ты медлишь?

Парменонъ.

Повезло тебѣ, барчукъ!

Бури нѣтъ! Да что съ тобою?

Мосхионъ.

Ты, — совѣты мнѣ давать?

Рабъ негодный! (Даетъ Парменону пощечину).

Парменонъ.

Охъ, Мосхионъ, что ты сдѣлалъ?

Мосхионъ.

Живо въ домъ, 340

Выноси скорѣе вещи!

Парменонъ.

Въ самый ротъ заѣхалъ мнѣ!

Мосхионъ.

(335) Ты опять бормочешь что-то?

Парменонъ.

Нѣтъ, иду! — Не повезло!

Незадача!

Мосхионъ.

Снова медлишь?

Парменонъ.

Свадьбу правятъ, — я не лгу!

Мосхионъ.

Въ домъ, скорѣй! Потомъ расскажешь!

(Парменонъ уходитъ).

Ну, теперь отецъ придетъ.

Да, но если не попроситъ онъ остаться? Если вдругъ, 345

Гнѣвный, мнѣ на дверь укажетъ, — что тутъ
дѣлать? Упустилъ

Я изъ виду случай этотъ! Не поступить такъ отецъ!
 (340) Ну, а если вдругъ поступить? — Рухнетъ все тогда, и я,
 Повернувъ назадъ оглобли, буду въ чистыхъ дуракахъ!

Слова Мосхіона замыкаютъ собой второй и послѣдній фрагментъ „Саміанки“, и мы остаемся въ полной неизвѣстности на счетъ того, обманулъ или не обманулъ юноша въ своихъ ожиданіяхъ. Одно только можно считать непреложнымъ, а именно, счастливый выходъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ изъ только что пережитыхъ ими тревоженій. Само собой разумѣется, что Мосхіонъ въ концѣ концовъ женится на своей Плангѣ, что Хрисидѣ снова водворяется въ домъ Демеи, что Никератъ безусловно успокаивается, увидѣвъ бесполезность своихъ страховъ, и что, наравнѣ съ этими лицами, немножко счастья достается и на долю Парменона, не говоря уже о самомъ Демѣѣ, главномъ виновникѣ всей сумятицы. Итакъ, съ этой стороны ничего неопредѣленнаго быть не можетъ: тутъ все безусловно ясно! Равнымъ образомъ, врядъ ли можно сомнѣваться и въ томъ, что до нормальнаго конца пьесы не хватаетъ очень немногаго. Утрачено, вѣроятно, какихъ нибудь двѣ-три сценки, носившихъ приблизительно такой-же характеръ, какъ соотвѣтствующія заключительныя сценки въ „Отрѣзанной косъ“.

И дѣйствительно, трудно себѣ представить, чтобы дѣйствіе послѣ того поворота, который оно сдѣлало благодаря Мосхіону, могло затягиваться еще на долгое время! Гораздо естественнѣе думать, что мы стоимъ недалеко отъ того момента, когда распустится послѣдшій узелъ, завязанный богиней Невѣдѣнія, и зрители воочію увидятъ, что „съ божьей помощью и худое можетъ иногда приводить къ хорошему“. Такимъ образомъ, и „Саміанка“, какъ всякая пьеса „новой“ комедіи, завершалась на обычный ладъ, по обычному шаблону, завершалась всеобщимъ довольствомъ и счастьемъ, причемъ очень возможно и то, что Хрисидѣ, какъ думаетъ Carps¹⁾, находила своего отца, оказывалась дочерью аеинскаго гражданина и, благодаря этому, входя снова въ домъ Демеи, входила въ него уже на положеніи жены, а не простой наложницы.

1) Carps, о. с., 230.

3.

Я не буду отрицать, что при томъ возстановленіи общаго хода дѣйствія, которое дано мной въ дополненіе и разъясненіе перевода, очень многое осталось неяснымъ и недостаточно обоснованнымъ. Я знаю, что цѣлый рядъ вопросовъ, болѣе или менѣе важныхъ, не получилъ надлежащаго отвѣта, что цѣлый рядъ подробностей прошелъ незамѣченнымъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ кажется, что та сравнительная наивность въ развитіи дѣйствія, та малая запутанность его, которая проглядываетъ въ моей реконструкціи, находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ сохранившемся текстѣ, если я вѣрно его понимаю и оцѣниваю. Дѣло въ томъ, что изъ четырехъ ново-найденныхъ пьесъ Менандра „Саміанка“, по преимуществу, какъ мнѣ кажется, является такой комедіей, въ которой сложная по внѣшности фабула разработана довольно примитивно.

Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе любопытная градація въ смыслѣ переноса тяжести дѣйствія съ одного лица на другое. Такъ, первый актъ есть удѣлъ Демеи: все дѣйствіе возникаетъ благодаря его гнѣву и всѣ дальнѣйшія событія исходятъ исключительно отъ него. Онъ стоитъ въ центрѣ, а около него въ роли страдательнаго элемента находится Хрисиды, въ роли успокаивающаго — Никератъ. Затѣмъ происходитъ обратное: мѣсто Демеи занимаетъ Никератъ, страдаетъ снова Хрисиды, успокоеніе вноситъ Демея. Наконецъ, картина въ третій разъ мѣняется: гнѣвъ, до той поры владѣвшій Демеей и Никератомъ, охватываетъ Мосхіона, который, подобно двумъ вышеупомянутымъ лицамъ, и даетъ пьесѣ новое направленіе. Такимъ образомъ, получается своего рода преемственность въ переносѣ съ одного лица на другое опредѣленнаго душевнаго движенія, причемъ только благодаря этому переносу пьеса и переходитъ изъ одного акта въ другой. Однимъ словомъ, образуется нѣчто похожее на *лампаδωρομία*, во время которой одинъ участникъ, пробѣжавъ извѣстное пространство, передавалъ свой факель другому, другой — третьему и т. д., пока факель не достигалъ цѣли.

Надо сознаться, что подобная прогрессивность дѣйствія заключаетъ въ себѣ нѣчто искусственное и, какъ мнѣ ка-

жется, врядъ ли можетъ быть сочтена за ловкій пріемъ со стороны автора. Вѣдь все время чувствуется, что дѣйствіе не свободно, что оно направляется рукой комика и что въ немъ нѣтъ того естественнаго, самодовлѣющаго порыва, который мы видимъ, напримѣръ, въ „Третьей Судѣ“ (*Ἐπιτρέποντες*), гдѣ все развивается какъ-то само собой, безъ всякой натянутости и принужденія. Конечно, вполне возможно, что эта примитивность въ развитіи дѣйствія не выступала съ такой рѣзкостью, когда пьеса была не рядомъ фрагментовъ, а стройнымъ цѣлымъ, одинаково развитымъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Тогда, вѣроятно, многіе недостатки композиціи не выходили наружу, и дѣйствіе протекало сравнительно гладко, а не такими размѣренными скачками, какъ въ настоящее время. И все-таки особенность, на которую мной было указано, должна была имѣть мѣсто, хотя и не въ столь сильной степени, какъ теперь!

Но разъ дѣйствіе имѣетъ свой *raison d'être* не въ самомъ себѣ, не въ природѣ своей, а исключительно въ побужденіяхъ извнѣ; если оно не замираетъ лишь потому, что постоянно въ критическій моментъ находитъ для себя по волѣ автора новаго носителя, который даетъ ему нужный толчокъ, то можно ли такое дѣйствіе называть настоящимъ, органически-развивающимся дѣйствіемъ? Я лично думаю, что нельзя. Если мы всмотримся въ ходъ пьесы, поскольку онъ различимъ въ ея отрывкахъ, то мы увидимъ, что пьесу можно считать остановившейся въ ея развитіи съ того момента, какъ Демей узнаетъ всю правду. И если, тѣмъ не менѣе, дѣйствіе продолжается, то происходитъ это не органическимъ путемъ, а путемъ придуманныхъ подробностей, которыя сами по себѣ изъ дѣйствія не вытекаютъ. Такъ, напр., мы не понимаемъ, почему Демей, видя, что Никератъ находится на пути къ открытію тайны, хранить ее про себя, хотя и знаетъ, что это открытіе можетъ предупредить рядъ нежелательныхъ послѣдствій, иначе неизбежныхъ, ввиду характера Никерата. Равнымъ образомъ, мы не понимаемъ, почему Мосхionъ послѣ того, какъ дѣло его, благодаря объясненію съ отцомъ, уладилось и приняло вполне благопріятное теченіе, вдругъ заднимъ числомъ начинаетъ ощущать обиду и такъ сильно принимаетъ ее къ сердцу, что готовъ покинуть родину и идти въ наемники. Всѣ эти вопросы остаются открытыми. Ко-

нечно, намъ могутъ возразить, что искомый отвѣтъ находился какъ разъ въ утраченныхъ частяхъ комедіи. Но врядъ ли это дѣйствительно такъ, и не вѣрнѣе ли будетъ относить всѣ эти темныя стороны пьесы на счетъ недостаточной умѣлости самого комика?

Но мыслимо ли себѣ представить, чтобы Менандръ, авторъ „Третьякаго суда“ и „Отрѣзанной косы“, — чтобы этотъ Менандръ, который поражаетъ насъ своимъ умѣніемъ вести дѣйствіе такъ, что почти никогда не ощущается въ немъ ни принужденія, ни вымученности, не сумѣлъ въ „Саміанкѣ“ показать столь обычныхъ въ немъ качествъ первокласснаго драматурга? Мнѣ думается, что хорошій отвѣтъ на этотъ вопросъ могло бы дать любопытное соображеніе, высказанное Коерте въ его статьѣ „Menander“¹⁾.

Въ этой статьѣ-отчетѣ о новонайденныхъ пьесахъ Менандра Коерте, между прочимъ, держится того взгляда, что „Саміанка“ представляетъ собой юношеское произведеніе поэта, когда онъ находился еще подъ вліяніемъ представителей „средней“ комедіи. Подтвержденіе же своему взгляду Коерте усматриваетъ не только въ „нѣсколько неумѣлой техники драмы“, но и „въ присутствіи личныхъ нападокъ“, выдержанныхъ въ духѣ древняго и средняго, но отнюдь не новаго комическаго жанра. И дѣйствительно, въ „Саміанкѣ“ мы встрѣчаемся съ насмѣшками, направленными какъ противъ извѣстнаго намъ изъ средней комедіи паразита Хэрефона (ст. 258 слл.), такъ и противъ какого-то молодящагося старика Андрокла (ст. 261 слл.), т. е. встрѣчаемся съ сатирой личнаго характера, для которой въ новой комедіи какъ будто не должно быть мѣста и которая попадаетъ въ ней лишь какъ отзвукъ старой манеры, постепенно выходящей изъ моды и наблюдаемой у Менандра только ввидѣ исключенія. При этомъ, однако, и Менандръ, какъ бы рѣдко ни прибѣгалъ онъ къ личной сатирѣ, пользовался ею, повидимому, не во всѣ періоды своего творчества. По крайней мѣрѣ, изъ четырехъ пьесъ нашего комика, въ которыхъ попадаетъ имя Хэрефона, а именно: *Ὀρχή*, (fr. 364 Kock), *Ἀνδροκύων* (fr. 56 Kock), *Μέθυ* (fr. 320 Kock) и *Κεχροφάλοο* (fr. 277 Kock), двѣ первыхъ от-

1) Archiv für Papyrusforschung, IV, 516 sq. Ср. также Коерте², Menandrea, XXXIII.

носятся къ началу его поэтической дѣятельности, т. е. къ тому времени, когда онъ не успѣлъ еще выйти изъ подъ вліянія средней комедіи¹⁾. Что же касается послѣдней, то для нея личность паразита Хэрефона была, на ряду съ другими подобнаго же сорта людьми, одной изъ наиболѣе любимыхъ мишеней для насмѣшекъ, и мы то и дѣло встрѣчаемся съ Хэрефономъ въ цѣломъ рядѣ отрывковъ изъ произведеній Антифана, Алексиды, Тимокла, Тимофея и Никострата²⁾, а также современника Менандра, Аполлодора изъ Гелы³⁾. Равнымъ образомъ, такой же мишенью для насмѣшекъ служилъ для поэтовъ средней комедіи и упоминаемый въ „Саміанкѣ“ Андроклъ, — личность, намъ ближе не знакомая, хотя его именемъ и была названа одна пьеса комика Софила, какъ доказалъ это недавно Breitenbach въ своей работѣ „De genere quodam titulorum comoediae atticae“ (Basileae 1908), 46 sq. Но коль скоро въ „Саміанкѣ“ мы находимъ ясно выраженные слѣды личной сатиры, да къ тому же сатиры, направленной противъ тѣхъ, кого вышучивала уже средняя комедія, то не будетъ слишкомъ смѣлымъ предполагать, что „Саміанка“, вмѣстѣ съ 'Ορχή и 'Ανδρογύγνος, была создана Менандромъ еще въ ту пору, когда онъ не успѣлъ проложить своей собственной дороги или, иначе, что въ „Саміанкѣ“, какъ выражается Koerte⁴⁾, „hat Menanders Kunst eben noch nicht ihre φύσις ausgebildet,

1) Согласно единодушному свидѣтельству древности, 'Ορχή была первой пьесой Менандра, которой онъ и дебютировалъ на драматическомъ прищѣ. Что же касается года ея постановки, то если слѣдовать „Паросской Хроникѣ“ (Μαργαρίτου, В 18, р. 22, ed. Jacoby), этимъ годомъ будетъ 315 годъ до Р. X. Ср. Clark, Cl. Phil. I, 313 sqq. Но гораздо больше вѣроятности заключаетъ въ себѣ показаніе Евсевія, согласно которому драма Менандра 'Ορχή была поставлена въ 325/4 году (= ol. 114,4), причемъ съ этимъ показаніемъ совпадутъ и слова Аполл. de comoedia graeca, 71 (= Kaibel, Com. gr. fragm., I, 1, р. 9), если мы вм. невѣрнаго имени архонта Διοκλέους будемъ читать вмѣстѣ съ Legrand, Revue des études grecques, 16 (1903), 358 — 'Αντικλέους. Относительно же 'Ανδρογύγμος достаточно указать на то, что въ этой пьесѣ упоминалась Ламійская война (fr. 52 Kock), откуда ясно, что постановка 'Ανδρογύγμος падаетъ почти на одно время съ постановкой 'Ορχή.

2) Antiphr., Σχόλαι (fr. 199 Kock); Alex., Συναποθνήσκοντες (fr. 210 Kock) и Φυγάς (fr. 257 Kock); Timocl., Ἐπιστολαί (fr. 9 Kock); Timoth., Κυνάριον (fr. 1 Kock); Nicosir., Τοκιστής (fr. 25 Kock).

3) Apollod. Gel., Ἰέρεια (fr. 24 Kock) и Σφαττομένη (fr. 26 Kock).

4) O. c., 517.

sie schleppt noch die Eierschalen der mittleren Komödie mit sich“. Съ другой же стороны, въ пользу этого предположенія говорить и отмѣченная нами выше недостаточная опытность автора въ дѣлѣ драматическаго искусства и, наконецъ, еще кое-какія частности, къ разбору которыхъ мы теперь и перейдемъ и среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ способъ обработки комическаго элемента и та форма, въ которую этотъ элементъ вкладывается.

Нѣсколько выше, а именно, въ „Третьейскомъ судѣ“, мнѣ уже приходилось разбирать вопросъ о „комизмѣ“ у Менандра, причемъ этотъ комизмъ я счелъ возможнымъ назвать „серьезнымъ комизмомъ“, да къ тому же такимъ, который выходитъ наружу по бѣльшей части самъ собой, безъ замѣтнаго вмѣшательства со стороны поэта¹⁾. Однако, въ приложеніи къ „Саміанкѣ“, эти мои слова должны быть нѣсколько ограничены, ибо тотъ комизмъ, съ которымъ мы имѣемъ здѣсь дѣло, отливаетъ, хотя и не вездѣ, чѣмъ-то, напоминающимъ собой древнюю комедію съ присущимъ ей *κατ' ἐξοχήν* буффонствомъ. И дѣйствительно, достаточно прочесть отъ начала до конца сценку столкновенія Демеи съ Никератомъ, чтобы на насъ пахнуло знакомымъ намъ аристофановскимъ духомъ, хоть и смягченнымъ въ сильной степени тѣми новыми вкусами и вѣяніями, которыя были внесены въ комическій жанръ „новой“ комедіей. Такъ, прежде всего, въ сценкѣ нѣтъ ни одной obscenity, ни одного слишкомъ фривольнаго жеста, или же разсчитанной на грубый эффектъ нецензурной шутки²⁾. Только кое-гдѣ, да и то въ соотвѣтствіи съ нѣсколько грубоватымъ характеромъ Никерата, Менандръ допускаетъ такіа выраженія, какъ *κῆραχθι* (ст. 235), — „каркай“, *ἐντεθρίωνεν* (ст. 241) — „обработалъ“, *ἐσκεύακεν* (ст. 254) — „отдѣлалъ“, *βοηκολεῖσ* (ст. 251) — „водишь за носъ“ и т. д.³⁾.

1) См. Введение, стр. 24.

2) Если не считать ст. 253, то въ пьесѣ, дѣйствительно, нѣтъ ни одной нецензурности. А впрочемъ, и этотъ стихъ: *εἰ δ' ἐκεῖν' ἤξιωσε (sc. μοιχεύειν или διακορεῖν), τὴν γε σὴν* —, съ допущенной въ немъ фигурой умолчанія, представляетъ собой, въ сущности говоря, очень невинную obscenity, напоминающую ст. 580 „Третьякаго суда“ (см. стр. 280).

3) Къ числу такихъ-же „крылатыхъ“ словечекъ метафорическаго характера относятся еще: *καταχόπτεισ* (ст. 77) — „ты меня рѣжешь“ (т. е., ты меня изводишь), *σκατοφάγος* (ст. 205) — „навозоѣдъ“ (т. е., свинья

Однако, и эти слова, взятые изъ обычной разговорной рѣчи, не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что рѣзало бы слухъ, или казалось придуманнымъ для усиленія комическаго впечатлѣнія. Напротивъ того, заимствованныя изъ настоящей жизни, всѣ эти, и подобныя имъ, реченія придають всему разговору оттѣнокъ естественности и правдивости, но отнюдь не буффонной грубости, имѣющей цѣлью потѣшать зрителей.

Итакъ, съ точки зрѣнія выбора словъ я не вижу въ сценкѣ ничего, что было бы рассчитано на повышение комизма, равно какъ нѣтъ въ ней и вводимыхъ для той же цѣли такихъ словообразованій, которыя обращали бы на себя вниманіе своей необычностью или произвольностью. Т. е., иными словами, къ разбираемой нами сценкѣ, поскольку дѣло касается ея языка, въ полной мѣрѣ приложимо все то, о чемъ я говорилъ уже при характеристикѣ язычной стороны „Третьскаго суда“.

Но если въ этомъ отношеніи интересующая насъ сценка почти что не отличается отъ прочихъ комедій Менандра, то есть въ ней однако и такія частности, которыя не подходятъ къ обычной менандровской манерѣ и которыя, какъ было уже сказано, заставляютъ насъ вспоминать о древней комедіи и, въ особенности, о комедіи Аристофана. Къ этимъ частностямъ я хотѣлъ бы отнести прежде всего нѣсколько буффонный характеръ всей сценки, построенной такъ, что каждое слово и движеніе дѣйствующихъ въ ней персонажей производитъ, несмотря на всю кажущуюся драматичность отдѣльных моментовъ, впечатлѣніе рассчитанныхъ на смѣхъ чисто-комическихъ эффектовъ. Правда, въ этихъ эффектахъ нѣтъ бьющаго черезъ край аристофановскаго остроумія и находчивости: они довольно блѣдны и мало красочны. Но, несмотря на это, тонъ, въ которомъ они выдержаны, не есть тонъ того серьезнаго комизма, который мы видѣли въ „Героѣ“ и въ „Третьскомъ судѣ“ и который заключается не столько въ группировкѣ соотвѣтствующихъ положеній, сколько въ характерахъ выступающихъ въ пьесѣ лицъ. Комизмъ нашей сценки будетъ попроще и поглубже: онъ весь въ одной вѣщности, причемъ его кульминаціоннымъ пунктомъ

свинью), *εἰσφθάρῃ* (ст. 229) — „сгинь, пропади“, *χαμαινύη* (ст. 133) — „шваль“, „сволочь“, *κατάξω τὴν κεφαλὴν* (ст. 173) — „башку расшибу, по башкѣ съѣзжу,“ и т. д.

является рукопашная, въ которую вступаютъ оба старика послѣ краткаго обмѣна угрозами и увѣщаніями. Такимъ образомъ, Менандръ въ своей „Саміанкѣ“ еще не умѣетъ проводить того, что дѣлается въ послѣдствіи своего рода распознавательнымъ знакомъ его творчества, т. е., иными словами, внѣшній фарсъ, внѣшняя, довольно поверхностная, шутка играютъ въ „Саміанкѣ“ гораздо болѣе видную роль, чѣмъ комизмъ внутренній, получающійся изъ умѣлаго сопоставленія смѣшныхъ чертъ, которыя могутъ быть на лицо въ любомъ характерѣ и въ любой ситуациіи и которыя не столько подчеркиваются, сколько просто чувствуются.

Наконецъ, если отъ комизма ситуациіи мы перейдемъ къ тѣмъ шуткамъ, съ помощью которыхъ Менандръ старается усилить комическое впечатлѣніе вообще, то мы увидимъ, что эти шутки не заходятъ за предѣлы банальныхъ, а иногда и довольно пошлыхъ эффектовъ. И дѣйствительно, чѣмъ инымъ, какъ не банальностью отзывающагося опасенія Демеи увидѣть своего внука „опаленнымъ“, или же угрозы Никерата „зажарить“ ребенка и „убить“ Хрисиду? Нѣсколько лучше, конечно, скомпанована та часть рѣчи Демеи, гдѣ онъ старается доказать, что въ несчастіи, приключившемся съ Плангѣ, виноватъ самъ Зевесъ, и гдѣ онъ называетъ дѣвушку второй Данаей. Тутъ — это правда — нельзя отрицать наличности настоящей неподдѣльной веселости и юмора, которые усугубляются еще тѣмъ, что Никератъ, какъ истинный тяжкодумъ, принимаетъ слова Демеи въ серьезъ и только подъ самый конецъ соображаетъ, что надъ нимъ просто на просто потѣшаются. Однако, и это красивое сопоставленіе Плангѣ съ Данаей, а въ особенности намеки на многолюбіе Зевса (ст. 249 сл.), не представляютъ собой чего либо оригинальнаго: вѣдь мы имѣемъ здѣсь одно изъ „общихъ мѣстъ“, то и дѣло повторяемыхъ въ греческой литературѣ! Достаточно указать, напр., на „Птицъ“ Аристофана (ст. 555 сл.), или на „Евнуха“ Теренція (ст. 588 сл.), гдѣ затрагивается приблизительно та-же тема, повидимому, общая для всей комедіи: недаромъ же фигурируетъ она, и притомъ не одинъ разъ, у Лукіана, этого знатока и перелagателя комическихъ пьесъ вообще и пьесъ Менандра въ частности¹⁾!

1) Luc., Somn. sive Gall., 13 (p. 722), а также Deor. conc. 6 (p. 531).

Но даже если мы и воздадимъ должное остроумію указаннаго нами пассажа, намъ все таки придется признать, что на немъ лежитъ ясный отпечатокъ фарса, тотъ отпечатокъ, который присущъ всей „Саміанкѣ“ и который приближаетъ ее болѣе, чѣмъ всякую другую пьесу Менандра, къ древней комедіи, про которую еще Leo сказалъ, что она была матерью „новой“¹⁾.

И въ самомъ дѣлѣ, фарсовый отпечатокъ замѣтенъ во многихъ мѣстахъ нашей пьесы, и замѣтенъ настолько сильно, что его не затѣняютъ и не могутъ затѣнить даже наиболѣе серьезныя части комедіи, какъ, напр., начинающій пьесу монологъ Демеи, или же разговоръ послѣдняго съ Хрисидой. Ввиду этого я могу только согласиться съ Carps'омъ, который называетъ „Саміанку“ „a farcical comedy“ и который хочетъ усматривать аналогію къ ней въ „Менэхмахъ“ Плавта, гдѣ дѣйствіе, построенное на сходствѣ двухъ братьевъ и на вытекающихъ отсюда коллизіяхъ, носитъ также очень ясно подчеркнутый фарсовый характеръ²⁾. Но соглашаясь съ этимъ, я не вижу однако достаточныхъ основаній для того, чтобы, вмѣстѣ съ Carps'омъ, видѣть въ Менандрѣ, авторѣ „Саміанки“, „an innovator in this direction“³⁾, ибо для подобнаго заключенія еще недостаточно того обстоятельства, что „the original of the Menaechi was composed a generation after Menander's death“. Не лучше ли, наоборотъ, думать, что, создавая „Саміанку“, Менандръ шелъ отчасти старой дорогой, которую проложила древняя комедія и которую видоизмѣнила средняя, т. е., дорогой постепеннаго перехода отъ сатиры и фарса къ болѣе серьезному жанру бытоописательнаго оттѣнка? И такъ какъ въ литературѣ ничто никогда не дѣлается скачками, то и по отношенію къ Менандру произошла самая обычная исторія, а именно, выступая на литературное поприще, Менандръ долженъ былъ, несмотря на всю оригинальность своего таланта, избыть общую судьбу всякаго поэта, т. е. онъ долженъ былъ отразить на себѣ старыя вліянія, которыя и сдѣлали то, что „Саміанка“, стоящая на своего рода перепутьи между старымъ и новымъ,

1) Leo, Der neue Menander (= Hermes, 43 (1908), 165).

2) Carps, o. c., 230.

3) Carps, o. c., 230.

являетъ собой разительный примѣръ смѣшенія ф а р с а съ одной стороны и бытовой комедіи съ другой. Итакъ, пока нами выяснено, что въ „Саміанкѣ“ имѣются налицо такія подробности, изъ которыхъ однѣ не замѣчаются въ болѣе зрѣлыхъ пьесахъ Менандра, а другія, если и замѣчаются, то не играютъ во всякомъ случаѣ важной роли и не подвергаются такой детальной обработкѣ, какъ здѣсь. Къ числу первыхъ относится, какъ мы это видѣли, „личная“ сатира, т. е. то, что греки обозначали терминомъ *διονυσιαστικὴ κωμὸς* *δῆλον*, а къ числу вторыхъ явная наклонность къ ф а р с у и желаніе смѣшнить черезъ посредство разнаго рода грубыхъ эффектовъ, довольно банальнаго характера. Наконецъ, сюда же слѣдуетъ относить и отмѣченную нами неискусность въ направленіи и веденіи дѣйствія, а также и нѣкоторое несоответствіе между поступками и характерами отдѣльныхъ персонажей. Такъ, напр., въ разобранной нами сценкѣ столкновенія Демеи съ Никератомъ нѣсколько странной и необоснованной кажется внезапная отходчивость послѣдняго, который вдругъ, безъ достаточныхъ на то оснований, какъ-то сразу успокаивается и сразу переходитъ на дружескую бесѣду, да притомъ столь мирнаго оттѣнка, что его недавній гнѣвъ и неистовство кажутся чѣмъ-то наноснымъ и ненужнымъ. Да и вообще, герои „Саміанки“ дѣйствуютъ какими-то скачками, словно маріонетки, которыхъ дергаютъ за веревку, — однимъ словомъ, дѣйствуютъ такъ, какъ дѣйствуютъ многіе изъ персонажей аристофановскихъ пьесъ, то и дѣло переходящіе отъ неровностей къ неровностямъ и отъ крайностей къ крайностямъ, ничѣмъ не вызываемымъ и ничѣмъ настоящимъ образомъ не оправдываемымъ. Но всѣ эти, разсмотрѣнные нами, частности являются, въ сущности говоря, только подтвержденіемъ приведеннаго выше мнѣнія Коеге, слѣдуя которому мы и можемъ теперь съ полнымъ правомъ смотрѣть на пьесу Менандра „Саміанку“, какъ на обращикъ такой „новой“ комедіи, которая въ достаточной мѣрѣ отразила на себѣ особенности древняго комическаго жанра и которая, именно въ силу этого, и оказывается для насъ драгоценнымъ литературнымъ памятникомъ: вѣдь въ ней мы видимъ Менандра, будущаго создателя „мѣщанской драмы“, стоящимъ еще на перепутьи!

4.

Разобравъ вопросъ о зависимости „Саміанки“ отъ древней и средней комедіи, мы должны коснуться теперь другой, не менѣе интересной проблемы, а именно, мы должны посмотреть, отразилось ли на нашей пьесѣ вліяніе трагедіи, и если отразилось, то въ какой степени и въ чемъ. Коснемся прежде всего сюжетной стороны. При характеристикѣ и разборѣ „Третьскаго суда“ мы указывали уже на то, что эта комедія представляетъ собой своего рода контаминацію изъ „Авги“ и „Алопы“ Еврипида, причемъ какъ первая, такъ и вторая пьесы дали Менандру не только фабулу, но и матеріалъ для постройки, по крайней мѣрѣ, одной и притомъ центральной сценки. Спрашивается теперь, можно ли подмѣтить нѣчто подобное и въ „Саміанкѣ“? По правдѣ говоря, отвѣтить на этотъ вопросъ вполне положительно оказывается дѣломъ довольно труднымъ, ибо у насъ въ данномъ случаѣ нѣтъ такихъ ясныхъ доказательствъ, какія имѣются по отношенію къ „Третьскому суду“. И тѣмъ не менѣе, совсѣмъ недавно была сдѣлана попытка найти среди Еврипидовскихъ пьесъ основу для нашей, причемъ попытка эта, принадлежащая Sehrт^у 1), сводится къ слѣдующему. У Еврипида была трагедія „Фэниксѣ“, содержаніе которой нѣсколько напоминало собой содержаніе „Ипполита“, ибо и въ ней выступалъ юноша, возбуждающій къ себѣ любовь, правда, не жены, но наложницы отца и затѣмъ, ввиду отказа удовлетворить страсть послѣдней, навлекающій на себя цѣлый рядъ бѣдствій. Какъ въ „Ипполитѣ“ Федра, такъ и здѣсь „ἀμνηστεινός γυνή“ Аминтора взводила клевету на юношу, обвиняя его передъ царемъ въ желаніи вовлечь ее въ грѣхъ, въ результатѣ чего разгнѣванный царь ослѣплялъ сына, а послѣдній уходилъ къ Пелею, и тамъ, черезъ посредство кентавра Хирона, вновь обрѣталъ зрѣніе и дѣлался владыкой Долоповъ 2). Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе еври-

1) Sehrт, о. с., 29 sqq.

2) Apollod. biblioth. III, 13, 8,3. По поводу трагедіи см. Welcker, Die griech. Tragödien, II, 803 sqq. Что же касается отрывковъ изъ „Феникса“ и различныхъ свидѣтельствъ древности относительно содержанія пьесы, то всѣ они сведены у A. Nauck², Trag. graec. fragmenta, 621 sqq.

пидовской драмы, въ которой общимъ съ нашей „Саміанкой“ будетъ только наличность наложницы и ошибочное подозрѣніе отца. Что же касается всего остального, то здѣсь трудно усмотрѣть что либо, хотя бы отдаленно напоминающее комедію Менандра, если не считать за таковое счастливый конецъ пьесы, показывающій, что она, подобно „Алкестѣ“, занимала въ соотвѣтствующей трилогіи или тетралогіи мѣсто „сатирической драмы“. Но всего этого, какъ мнѣ кажется, слишкомъ еще недостаточно для того сближенія, которое дѣлаетъ Sehrт, а тѣмъ болѣе для такого безапелляціоннаго вывода, какъ нижеслѣдующій: „*qua re cognita summo iure licet autumare Menandrum illam argumenti rationem, qua Phoenix Euripidis moveretur, Samiae consulto inseruisse*“. И дѣйствительно, если мы пойдемъ дорогой Sehrт'a, то съ такимъ же правомъ, съ какимъ дѣлаетъ это онъ, мы можемъ предполагать, что прототипомъ „Саміанки“ былъ не одинъ „Фэниксъ“, но и „Ипполитъ“ Еврипида, ибо и въ „Ипполитѣ“ разрабатывается та-же тема, съ той только разницей, что здѣсь роль искусительницы играетъ не наложница, а законная жена.

Итакъ, я считаю для себя абсолютно немислимымъ примкнуть къ гипотезѣ Sehrт'a, съ отпаденіемъ которой одновременно отпадаетъ и всякая возможность найти среди трагедій Еврипида такую пьесу, которая послужила бы основой для „Саміанки“, и притомъ основой, давшей ей почти что всю фабулу. А если подобная основа и существовала на самомъ дѣлѣ, хотя это и не необходимо, то во всякомъ случаѣ ею не могъ быть еврипидовскій „Фениксъ“, заключающій въ себѣ слишкомъ уже мало точекъ соприкосновенія съ „Саміанкой“, какъ можно судить объ этомъ по его содержанию, изложенному Аполлодоромъ.

Но если, поскольку дѣло касается сюжета, мы не можемъ найти для „Саміанки“ подходящей трагической основы, то кое-какіе трагическіе отзвуки все-таки различимы въ ней, хотя они и ограничиваются всего на всего четырьмя стихами, входящими въ тотъ монологъ Демеи, который идетъ вслѣдъ за его разговоромъ съ Парменономъ (ст. 110—114). И дѣйствительно, не говоря уже о повышенномъ тонѣ этихъ стиховъ, томъ тонѣ, которымъ „новая“ комедія пользуется иногда для обозначенія чувствъ гнѣва, страха или вообще

волненія¹⁾ и который, конечно, долженъ быть названъ трагическимъ, — не говоря уже объ этомъ, самый способъ выраженія, здѣсь примѣненный, живо напоминаетъ собой трагедію и въ частности трагедію Еврипида. Такъ, прежде всего, чисто-трагическимъ надо считать возгласъ Демеи, обращенный имъ къ *Κεκροπία χθών* и къ ээиру (ст. 110), возгласъ, къ которому можно найти немало параллелей въ различныхъ произведеніяхъ трагиковъ и для котораго имѣется между прочимъ хорошая аналогія въ слѣдующемъ восклицаніи Демеи изъ *Adelphoe* Теренція (ст. 790): *o caelum, o terra, o maria Neptuni*. Далѣе, что касается самой формы этого возгласа, то слова (ст. 110): *ὦ πόλιμα Κεκροπίας χθονός* заставляютъ вспоминать ст. 34 еврипидовскаго „Ипполита“: *ἐπεὶ δὲ Θησεύς Κεκροπίαν λείπει χθόνα*, равно какъ выраженіе: *ὦ ταναός αἰθήρ* (ст. 111) оказывается заимствованнымъ изъ еврипидовскаго „Ореста“ (ст. 322)²⁾. Наконецъ, чисто-еврипидовской манерой отзывается и обращеніе Демеи къ самому себѣ въ ст. 111 слл. (ср. также ст. 134), — подробность, которая уже была отмѣчена Leo³⁾, указавшимъ на то, что подобный способъ обращенія героевъ къ самимъ себѣ во 2 лицѣ, съ присовокупленіемъ своего имени, впервые былъ введенъ въ трагедію Еврипидомъ. Однимъ словомъ, изъ всего нами указаннаго явствуется, что отмѣченный нами пассажъ носить на себѣ ясные слѣды трагического стиля, взятаго однако не для комическихъ цѣлей, а исключительно для того, чтобы какъ можно болѣе выпукло обрисовать повышенное настроеніе героя, не властвующаго собой и берущаго благодаря этому нѣсколько необычный тонъ, подобно тому, какъ такой же тонъ беретъ въ „Третьейскаго судѣ“ и Харисій, выбитый изъ колеи разбившимися надъ нимъ несчастіями (см. стр. 300). Но при этомъ не мѣшаетъ отмѣтить, что Демея, въ противоположность Харисію, гораздо скорѣе сходитъ на обычную рѣчь и что, въ силу этого, повышенное начало его монолога не такъ хорошо вяжется съ его дальнѣйшими словами, выдержанными въ духѣ обыденнаго разговора съ самимъ собою. Однако, что бы тамъ ни было, трагическій стиль все-таки остается на

1) См. „Введение“, стр. 4.

2) Ср. также Eurip. Med., 771, гдѣ стоитъ слово „πόλιμα“ и Eurip. Ion, 1571, гдѣ встрѣчается выраженіе „Κεκροπία χθών“.

3) Leo, Der Monolog im Drama, 99 sqq.

лицо, и мы, такимъ образомъ, можемъ сказать, что комедія Менандра „Саміанка“, несмотря на всю близость свою къ древнему комическому жанру, заключаетъ въ себѣ и нѣкоторые слѣды еврипидовскаго вліянія, которое, правда, не проявляется въ ней съ такой опредѣленностью, какъ въ „Третьскомъ судѣ“, но которое тѣмъ не менѣе ощущается въ частностяхъ, хотя бы и второстепеннаго характера¹⁾.

Отмѣченными мною подробностями исчерпывается, какъ мнѣ кажется, все, въ чемъ можно было бы усматривать нѣкоторую связь между нашей пьесой и трагедіей, ибо что касается ея структурной стороны, то тутъ, ввиду недостаточности текста, трудно придти къ какимъ бы то ни было опредѣленнымъ выводамъ, тѣмъ болѣе, что и устройство начальныхъ сценъ пьесы остается для насъ загадкой. Правда, въ нашемъ распоряженіи имѣется довольно длинный монологъ Демен, открывающій комедію въ ея настоящемъ, неполномъ видѣ. Но и этотъ монологъ, который разсматривался раньше, какъ прологъ, выдержанный въ еврипидовскомъ духѣ, не можетъ имѣть для насъ большого значенія, коль скоро доказано, что онъ начиналъ не первый, а второй актъ пьесы. А если все-таки и слѣдуетъ сказать по его поводу нѣсколько словъ, то я былъ бы очень не прочь приравнять его по его значенію и формѣ къ рассказамъ трагическихъ вѣстниковъ и въ особенности вѣстниковъ, выступающихъ въ драмахъ Еврипида. И въ самомъ дѣлѣ, по своей наглядности, простотѣ и пластичности онъ, на мой взглядъ, дѣйствительно подходитъ къ еврипидовской рѣчи, которая, какъ разъ, въ рассказахъ вѣстниковъ достигала наибольшей естественности и умѣнія приближаться къ разговорному языку, не теряя притомъ своей трагической важности и обстоятельности. Такъ вотъ эта самая обстоятельность ярко сказывается и въ словахъ Демен, который выступаетъ передъ зрителями съ своего рода отчетомъ, подобно тому, какъ съ такими же отчетами выступали и αγγελοι предъ лицомъ трагическихъ персонажей. Приэтомъ, какъ настоящій αγγελος, Деменъ входитъ въ самую мельчайшія

1) Подражаніе трагическому стилю слѣдуетъ усматривать еще въ ст. 329: θυμία ἀνάπτει <τι> θυμῷ θ' Ἡφαιστον βλαί, но здѣсь мы имѣемъ передъ собой скорѣе комическій эффектъ, такъ наз. παρὰτραυφία, чѣмъ желаніе поэта придать стилю серьезность и положительность, какъ въ ст. 110—112.

детали всего происшедшаго, и только подъ самый конецъ разсказа нѣсколько отделяется отъ безпристрастнаго повѣствовательнаго тона, котораго онъ держался сперва, что и понятно: вѣдь все, о чемъ онъ повѣствуетъ, въ первую голову касается его самого, — онъ не только раскащикъ, онъ и участникъ происшедшаго! И быть можетъ, ни одинъ изъ монологовъ, которыми такъ богаты пьесы Менандра, не носить на себѣ столь наглядныхъ повѣствовательныхъ чертъ, и притомъ такихъ чертъ, которыя, будучи не къ мѣсту въ прологѣ, оказываются вполне на мѣстѣ въ разсказѣ, съ котораго и начинаются дальнѣйшія осложненія въ ходѣ всего дѣйствія. Итакъ — повторяю еще разъ — я былъ бы не прочь разсматривать монологъ Демеи такъ, какъ я его разсматриваю, и видѣть въ немъ отраженіе еврипидовской манеры, но только еще болѣе приближенной къ жизни, а потому и лишенной трагической величавости и приподнятости. Вѣдь не надо забывать, что въ „Саміанкѣ“ мы имѣемъ дѣло съ бытовой комедіей, хотя и не стоящей еще на той высотѣ, на которой стоятъ „Третьейскій судъ“ и „Отрѣзанная коса“, лучшія изъ дошедшихъ до насъ пьесъ Менандра!

Спрашивается теперь, что можемъ сказать мы, проанализировавъ „Саміанку“ съ точки зрѣнія веденія дѣйствія и ея зависимости отъ трагическаго и древняго комическаго жанра, — что можемъ сказать мы по поводу затронутой въ ней бытовой стороны и выведенныхъ въ ней типовъ и характеровъ? Что касается бытовой стороны, то ей въ „Саміанкѣ“ удѣлено не меньше мѣста и вниманія, чѣмъ въ любой изъ остальныхъ пьесъ Менандра, причемъ передъ нами проходитъ цѣлый рядъ дивныхъ жанровыхъ картинокъ, выхваченныхъ изъ настоящей жизни и иллюстрирующихъ тогдашій семейный и общественный укладъ, равно какъ и тогдашніе нравы и привычки, — однимъ словомъ, все то, что поэтомъ наблюдалось и среди чего онъ жилъ и дѣйствовалъ. Но само собой разумѣется, что всѣ эти проявленія жизни, на передачѣ которыхъ останавливается поэтъ, не поднимаются надъ уровнемъ ординарщины, какъ не поднимаются надъ нею и типы тѣхъ людей, которые выступаютъ въ пьесѣ въ качествѣ носителей дѣйствія. Но это и понятно: вѣдь Менандръ и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, является истолкователемъ и иллюстраторомъ сѣренькой обыденщины, той самой обыденщины, которая

не даетъ и не можетъ дать ни интересныхъ по сложности характеровъ, ни какихъ либо глубокихъ жизненныхъ положений. Съ другой же стороны, ввиду фарсового оттѣнка, лежащаго на нашей пьесѣ, а также недостаточной еще умѣлости автора, тѣ картины быта, которыя даются въ „Саміанкѣ“, носятъ, несмотря на всю свою прелесть, нѣсколько поверхностный характеръ, чего нѣтъ, напр., въ „Третейскомъ судѣ“, гдѣ гораздо яснѣе и рельефнѣе рисуется какъ сама жизнь, такъ и разныя бытовые подробности, съ этой жизнью связанныя. Т. е., я хочу сказать, что въ картинахъ быта, набрасываемыхъ въ „Саміанкѣ“, нѣтъ надлежащей продуманности и законченности, вслѣдствіе чего онѣ всего скорѣе напоминаютъ собой моментальныя фотографіи, да къ тому-же снятыя, по большей части, съ малоинтересныхъ оригиналовъ. Такъ, напр., въ противоположность „Третейскому суду“, въ „Саміанкѣ“ почти нѣтъ такихъ картинъ, которыя вскрывали бы внутреннія стороны жизни, выясняли бы сословныя отношенія, подчеркивали бы нѣкоторыя соціальныя условія и особенности. Напротивъ того, авторъ „Саміанки“ ограничивается въ большинствѣ случаевъ тѣмъ, что, набросавъ въ общихъ чертахъ жанровую картинку, сразу отходитъ отъ нея и берется затѣмъ за обработку какихъ нибудь трафаретныхъ эффектовъ и подробностей. Благодаря этому, характеръ внѣшности, который проявляется въ способѣ веденія дѣйствія, проявляется не менѣе ярко и въ трактовкѣ всего жизненнаго уклада тѣхъ лицъ, которыя выступаютъ въ пьесѣ, что не мѣшаетъ, конечно, встрѣчать иногда удивительныя по выпуклости и жизненности картины, какъ, напр., изображеніе хлопотъ по поводу ожидаемаго брачнаго торжества, или описаніе разговора между няней Мосхіона и рабыней (ст. 1 слл.). Вотъ эти картины можно назвать дѣйствительно безукоризненными, и притомъ такими, которыя, перенося насъ въ обстановку того времени, сразу ставятъ насъ предъ лицомъ настоящихъ живыхъ людей, взятыхъ изъ подлинной жизни, но отнюдь не придуманныхъ поэтомъ.

Однимъ словомъ, знаніе жизни, умѣніе приглядываться къ различнымъ сторонамъ послѣдней, искусство брать изъ этой жизни то, что было въ ней типичнымъ, — все это уже находится на лицо у автора „Саміанки“ и то и дѣло выходитъ наружу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ-нѣтъ, да и ска-

жется неумѣіе автора развивать и углублять интересные моменты и положенія, равно какъ то и дѣло ощущается какая-то неровность и какое-то странное смѣшеніе стараго, трафаретнаго, съ желаніемъ внести нѣчто новое, а именно, замѣнить передачу однихъ внѣшнихъ подробностей углубленіемъ во внутреннія особенности наблюдаемыхъ объектовъ.

Но, быть можетъ, ни въ чемъ другомъ не сказывается съ такой опредѣленностью эта неровность, какъ въ обработкѣ характеровъ дѣйствующихъ въ пьесѣ персонажей, — любопытная частности, на которой намъ и придется остановиться подольше.

Мнѣ уже приходилось говорить выше, что Менандръ, въ противоположность „средней“ комедіи, старался выводить въ своихъ пьесахъ не столько простые, трафаретные типы, сколько индивидуальныя характеры, причемъ съ особенной яркостью сказывается это въ „Третьскомъ судѣ“, гдѣ условнымъ типомъ является только одинъ поваръ. Но это стремленіе къ индивидуализированію ходячихъ типовъ и умѣіе достигать послѣдняго, да притомъ такъ, что любой индивидуальный характеръ сохраняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ типичныхъ особенностей, — это умѣіе, говорю я, еще не проявляется въ достаточной степени въ „Саміанкѣ“, на что уже было указано Carps'омъ ¹⁾ и Zuretti ²⁾. И дѣйствительно, если выключить Демею и, пожалуй, Хрисиду, то всѣ остальные персонажи окажутся самыми типичными представителями тѣхъ условныхъ группъ, которыя „новая“ комедія переняла у „средней“.

Возьмемъ, ради примѣра, повар а. Съ поваромъ, какъ рисуется онъ обыкновенно въ комедіи, мы уже встрѣчались въ „Третьскомъ судѣ“, гдѣ ему удѣлена довольно большая роль чисто-фарсоваго характера. Приэтомъ мы видѣли, что чертами, характеризующими его по преимуществу, являются: *περιεργία*, *λαλία* и *ἀσργία*. Спрашивается теперь, что новаго прибавляетъ къ этому образу повара поваръ изъ „Саміанки“? Ровно ничего такого, что отграничивало бы его, какъ характеръ, отъ сходнаго съ нимъ персонажа, выступающаго въ „Третьскомъ

1) Carps, о. с., 230.

2) Zuretti, о. с., 266: i personaggi sono tutte figure e tipi, più che caratteri, ad eccezione di Demea, finamente disegnato; si vede l'unghia del leone.

судѣ“, ибо его отличительными чертами оказываются снова веселость, болтливость и склонность къ сплетнямъ и бездѣлю, т. е. обычные типичныя черты, безъ которыхъ поваръ, какъ таковой, немыслимъ въ представленіи комиковъ. Что же касается какихъ нибудь индивидуальных особенностей, то онѣ отсутствуютъ безусловно, благодаря чему поваръ изъ „Саміанки“ и остается просто на просто однимъ изъ звеньевъ, составляющихъ обычный цеховой типъ, не больше. Равнымъ образомъ, такимъ же условнымъ, ходячимъ типомъ будетъ и няня Мосхіона, которая, хотя и не выступаетъ въ пьесѣ на положеніи настоящаго дѣйствующаго лица, все таки въ достаточной мѣрѣ обрисовывается передъ нами со словъ Демеи и Парменона, причемъ на основаніи этихъ словъ очень не трудно представить себѣ фигуру ворчливой старухи, страдающей къ тому же однимъ существеннымъ недостаткомъ: она не прочь хлебнуть лишняго (ст. 87 сл.). Но разъ это такъ, то типъ няни подойдетъ подъ общій какъ для „средней“, такъ и для „новой“ комедіи типъ старухи-пьяницы, то и дѣло попадающійся въ отрывкахъ изъ комиковъ, причемъ начало этому типу было положено еще Аристофаномъ и „древней“ комедіей¹⁾.

Впрочемъ, я не отрицаю, что оба, разобранные мной, персонажи играютъ роль простого аксессуара, оживляющаго дѣйствіе, но не имѣющаго для послѣдняго мало-мальски существеннаго значенія. Отсюда ясно, что поэтъ могъ и не углублять ихъ, а тѣмъ болѣе превращать изъ типовъ въ индивидуальные характеры! Слѣдовательно, намъ, для доказательства того, что въ „Саміанкѣ“ выводятся скорѣе типы, чѣмъ характеры, надо обратиться къ протагонистамъ, т. е. къ тѣмъ персонажамъ, которые и несутъ на себѣ все дѣйствіе пьесы.

Коснемся прежде всего Мосхіона и Парменона, воплощающихъ въ себѣ обычную для „новой“ комедіи пару: юношу и, посвященнаго въ его любовныя тайны, раба, — вѣчную пару, которая, правда, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ продолжаетъ встрѣчаться потомъ даже у Мольера и Бомарше, какъ своего рода отзвукъ устарѣвшей сценической манеры.

1) См. Süss, De personarum antiquae comoediae atticae usu et origine, 129 sqq.

Что касается Мосхiона, то, поскольку роль его сохранилась въ пьесѣ, онъ — типичный представитель ампула *adulescens*. Въ немъ больше порывовъ, чѣмъ рѣшительности, больше склонности къ обдумыванію поступковъ, чѣмъ къ ихъ исполненію, т. е. онъ одинъ изъ тѣхъ, которые „не способны принять какое-нибудь рѣшеніе, и постоянно заявляютъ, что не знаютъ, что имъ дѣлать“ ¹⁾. Какъ и полагается *adulescens*, онъ весь ушелъ въ свою любовь: „Эротъ владѣетъ его думами“, „возлюбленная Плангò держитъ его въ своей власти“, „смѣлаго шага ему не сдѣлать“. Онъ можетъ только мечтать о томъ, что ему слѣдовало бы уйти отъ отца, но уйти на самомъ дѣлѣ онъ не въ состояніи: все, имъ переживаемое, а также и его слабый характеръ являются этому помѣхой. Одинъ только разъ кажется онъ уже готовымъ, если не къ серьезной роли, то, по крайней мѣрѣ, къ разыгрывашю таковой. Это, когда онъ хочетъ сдѣлать видъ, будто, не вынеся нанесенной ему обиды, онъ покидаетъ отчій домъ и идетъ на чужбину, чтобы тамъ размыкать свое горе. Но и тутъ очень скоро овладѣваютъ имъ сомнѣнія, страхи, неуверенность, и опять во всей своей очевидности выступаетъ основная черта его характера: безволие. А такъ вообще Мосхiонъ — добрый малый, тихій и скромный (*κόσμιος*), могущій иногда вспылить, поступить опрометчиво, сдѣлать глупость, но вмѣстѣ съ тѣмъ доступный глубокому чувству любви и привязанности, какъ видно это, напримѣръ, изъ его думъ о Плангò ²⁾. Однако, если сдѣланная мной характеристика правильно отмѣчаетъ всѣ особенности, присущія Мосхiону, то легко видѣть, что въ лицѣ Мосхiона мы имѣемъ дѣло не съ индивидуальнымъ характеромъ, а съ простымъ типомъ *adulescens*, который не разъ попадаетъ въ греко-римской комедіи и который выдерживается обыкновенно въ одномъ и томъ же тонѣ, въ тонѣ „*amator fervidus*“, какъ говорить

1) Б. В. Варнеке. Роль *adulescens* въ древне-римской комедіи (= Журн. Мин. Нар. Просв., 1908, августъ, отд. класс. филол., 317).

2) Я совершенно не вижу данныхъ для слѣдующей характеристики Мосхiона, которую предлагаетъ Робертъ (*Der neue Menander*, 9): „*Moschion stellt sich in folgenden, als ein von seinem Vater grenzenlos verwöhnter 115—117. 171—190. 195, arroganter, empfindlicher, launenhafter und doch energieloser 355—379, junger Herr heraus*“. Ср. Б. В. Варнеке, Новая комедіи Менандра, 102.

Апулей¹⁾. Что же касается какихъ нибудь самобытныхъ чертъ, которыя дѣлали бы изъ Мосхіона опредѣленную личность, то ихъ мы подмѣтить не можемъ, если не считать только, что онѣ сказывались въ тѣхъ поступкахъ и думахъ юноши, изображенію которыхъ были посвящены сцены, до насъ не дошедшія. Но такъ какъ подобное предположеніе, въ сущности говоря, ни на чемъ не основано, то правильнѣе будетъ сказать, что образъ Мосхіона не достаточно углубленъ и развитъ Менандромъ: онъ набросанъ въ общихъ чертахъ, онъ не разработанъ детально, да къ тому же показанъ намъ почти исключительно съ внѣшней стороны, а не со стороны своихъ духовныхъ проявленій.

То-же самое хотѣлъ бы я сказать и по поводу Парменона, который, подобно Мосхіону, является опять таки скорѣе цеховымъ типомъ раба, чѣмъ характеромъ, въ надлежащей степени индивидуализированнымъ. И дѣйствительно, въ чемъ выражаются и къ чему сводятся отличительныя черты Парменона? Онѣ сводятся къ „сованію своего носа повсюду“, къ пронырству, къ трусости и къ наглости, т. е., къ тѣмъ особенностямъ, которыми обыкновенно и характеризуется *servus callidus*. Правда, у Парменона есть еще вѣрность и преданность своему „барченку“, своему *τρόφιμος*, для котораго онъ идетъ и готовъ идти на многое и тайну котораго онъ сохраняетъ въ полной ея неприкосновенности. Но эта черта, сближающая его съ Онисимомъ, не является чертой доминирующей, такой чертой, по которой можно было бы выдѣлять его изъ ряда остальныхъ рабовъ, выступающихъ въ пьесахъ „новой“ комедіи, подобно тому, какъ выдѣляетъ она Гету изъ *Adelphoe* Теренція. Вѣдь какъ ни какъ, а то, что, по преимуществу, присуще Парменону, немногимъ отличается отъ того, что находится на лицо уже у аристофановскихъ Каріона и Ксанеія, — этихъ родоначальниковъ типа раба вообще!

Итакъ, что касается особенностей Парменона, то онѣ не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что придавало бы образу Парменона что нибудь новое, только ему одному присущее, ввиду чего видѣть въ Парменонѣ индивидуальный характеръ будетъ, какъ мнѣ кажется, дѣломъ неправильнымъ. Но если Парменонъ, какъ одна изъ разновидностей типа

1) Apul. Flor., 16 (ed. Helm, p. 24).

раба, и не может остановить на себѣ нашего вниманія, то есть всё таки въ роли, на него возложенной, одна частность, въ которой уже сказывается склонность Менандра къ проведешю психологическаго анализа, та самая склонность, которая потомъ такъ ярко вырисовывается въ „Третьейскомъ судѣ“, напр., въ монологахъ Онисима и Харисія. Вотъ на такомъ же монологѣ Парменона мнѣ и хотѣлось бы теперь остановиться.

Въ этомъ монологѣ поэтъ, исходя изъ характера своего героя, изображаетъ, какъ, путемъ постепеннаго самоубѣжденія, данный человѣкъ старается разсѣять свои страхи, какъ съ помощью логическихъ обоснованій онъ идетъ къ относительному душевному успокоенію и какъ, наконецъ, этотъ человѣкъ, еще недавно трепетавшій, начинаетъ шутить надъ былой опасностью. Этотъ градаціонный переходъ отъ одного ощущенія къ другому проведенъ удивительно тонко, и подъ конецъ монолога уже начинаешь чувствовать, какъ робкая вначалѣ фигура Парменона постепенно выпрямляется, какъ Парменонъ снова вырастаетъ въ своихъ глазахъ и дѣлается опять тѣмъ несравненнымъ Парменономъ, надоедливымъ и нагловатымъ, какимъ мы знали его раньше и какимъ снова выступаетъ онъ въ послѣднихъ сценахъ комедіи. Но подобный анализъ переживаемыхъ человѣкомъ ощущеній уже не имѣетъ ничего общаго съ поверхностной обрисовкой какого нибудь условнаго типа: это — уже новая манера, это уже тотъ способъ, съ помощью котораго и совершается переходъ отъ комедіи типовъ къ комедіи индивидуальных характеровъ. Такимъ образомъ, при обрисовкѣ Парменона Менандръ дѣлаетъ большой шагъ впередъ по сравненію съ обрисовкой Мосхіона и повара; но еще болѣе замѣтный прогрессъ наблюдается у поэта при трактовкѣ имъ характера Демеи, т. е. того персонажа, который и вызываетъ всѣ дальнѣйшія драматическія коллизіи.

По природѣ своей Де ме я — добрый, благодушный человѣкъ, привыкшій къ спокойной жизни и не желающій отказывать себѣ въ томъ, что доставляетъ ему пріятность. Онъ, несмотря на свои пожилые годы, не хочетъ, а пожалуй, и не можетъ существовать безъ любви, безъ ласки; ему нужна уютная, теплая атмосфера; ему нужны люди, которые хорошо бы къ нему относились и которымъ бы онъ въ свою очередь могъ

высказывать свое расположение. Такихъ людей у него двое : пріемный сынъ Мосхіонъ и любовница Хрисиды, причемъ именно эти два человѣка, по преимуществу, и заполняютъ собой его существованіе. Нѣжный отецъ не пересиливаетъ въ Демеѣ нѣжнаго любовника, — наоборотъ, оба оттѣнка любви словно дополняютъ другъ друга и даютъ Демеѣ нужное ему счастье. Но вотъ происходитъ катастрофа, которая выводитъ старика изъ его обычного благополучія. Въ немъ начинается борьба между отцомъ и любовникомъ. Эта борьба идетъ долго, ибо Демеѣ не хочется разочаровываться въ тѣхъ, кто ему дорогъ. Осудить обоихъ виновныхъ онъ не можетъ, оправдать ихъ онъ тоже не въ состояніи. Надо идти на компромиссъ, и вотъ мало-по-малу, все сильнѣе и сильнѣе, начинаетъ звучать въ немъ голосъ оскорбленнаго любовника. Сообразно съ этимъ нѣжность отца къ сыну получаетъ особую окраску: Демея начинаетъ жалѣть Мосхіона, какъ жертву опытной кокетки. Но жалость къ сыну и желаніе оправдать его усиливаетъ раздраженіе противъ Хрисиды, которое тѣмъ болѣе ощутительно, что Демея не можетъ стать равнодушнымъ къ обольстительному образу своей невѣрной подруги. Ревность душитъ его, страсть продолжаетъ говорить въ немъ. Остается одно : рѣшить вопросъ сразу, — способъ, примѣняемый иногда и слабыми людьми, желающими хоть чѣмъ-нибудь скрыть отъ самихъ себя свою слабость. И тогда онъ, этотъ мягкій человѣкъ, выгоняетъ на улицу провинившуюся передъ нимъ женщину, стараясь убѣдить себя въ томъ, что этого шага требуетъ отъ него любовь къ сыну. Такимъ образомъ, буря, поднявшаяся въ душѣ Демеи, приводитъ его къ жестокости, но лишь только онъ сознаетъ свою ошибку, въ немъ сразу просыпается прежній Демея, природѣ котораго чуждъ всякій актъ насилія, и нравственный обликъ его становится снова благодушнымъ и терпимымъ, какимъ былъ до катастрофы. Такимъ образомъ, трактуя Демею, Менандръ очень ясно и очень отчетливо показываетъ намъ ту внутреннюю борьбу, которая идетъ въ его героѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, показывая эту борьбу, онъ очень наглядными штрихами очерчиваетъ и характеръ старика, который, подходя кое въ чемъ подъ общій типъ „благодушнаго отца“, оказывается однако непохожимъ на него, поскольку дѣло касается его духовной жизни и проявленій его внутренняго „я“, его *τρόπος*.

Зато при обрисовкѣ Никерата Менандръ поступаетъ гораздо проще и шаблоннѣе. Такъ, прежде всего, не вдумываясь въ вопросъ о его характерѣ, онъ ставитъ его просто, какъ противоположность къ Демеѣ, какъ типъ раздражительнаго, грубаго и скупого старика, не способнаго къ воспріятію мало мальски тонкихъ ощущеній и чувствованій. Для его характеристики поэтъ находитъ вполне достаточнымъ сказать, что онъ представляетъ собой *σκατοφάγος, ἀνδρακτός, τραχὺς ἀνδρῶπιος*, и затѣмъ сразу переходитъ къ наглядному изображенію его дѣяній, какъ бы иллюстрирующихъ правильность этихъ эпитетовъ. Какихъ бы то ни было психологическихъ обоснованій при этомъ не приводится, и мы остаемся въ полной неизвѣстности насчетъ того, что происходитъ въ душѣ Никерата и чѣмъ отличается онъ, какъ таковой, отъ обычнаго типа раздражительнаго старика. Мало того, показавъ намъ, до какой уродливости можетъ доходить несдержанность Никерата, поэтъ какъ-то вдругъ, безъ достаточныхъ на то оснований, сразу сводитъ его на спокойное состояніе и, затѣмъ, удѣливъ ему роль глупаго Репталопе, удаляетъ его со сцены, какъ персонажъ, уже негодный для дѣйствія. Наконецъ, ни одна изъ характеризующихъ Никерата чертъ не углублена и не развита въ достаточной степени: онъ весь въ одной внѣшности, онъ ходячій типъ, не больше, почти что не подвергнутый индивидуализованію.

Переходимъ теперь къ Хрисидѣ. Я вполне согласенъ съ Б. В. Варнеке¹⁾, что всего ближе подходитъ къ ней Баххиды изъ „Несуга“ Теренція. Это сходство, какъ онъ вѣрно замѣтилъ, усиливается еще и той благородной ролью, которую играетъ Хрисиды, спасая ребенка Мосхіона и ставя свои личные интересы ниже интересовъ юноши и его возлюбленной. Хрисиды, дѣйствительно, настоящая *βοπα μετρητὴ*! Но относительно разработки ея характера я повторилъ бы то, что нѣсколько выше сказалъ по поводу Никерата: характеръ дѣвушки едва намѣченъ Менандромъ. Поэтъ только мелькомъ показываетъ намъ свѣтлый образъ Хрисиды, нѣжной и ласковой, трогательной въ своей привязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя всякая борьба противъ ея природѣ, умѣющей во имя этой привязанности бороться, не считаясь съ личными

1) Б. В. Варнеке, Новыя комедіи Менандра, 84 сл.

выгодами и невыгодами. Жаль одного, а именно, что поэтъ развертываетъ передъ нами одни поступки Хрисиды, а не ея душевныя движенія, какъ дѣлаетъ онъ это въ „Третьей-скомъ судѣ“ съ Габротононъ. Во всякомъ случаѣ, Хрисиды — одинъ изъ лучшихъ женскихъ типовъ Менандра, умѣвшаго, подобно Еврипиду, то и дѣло рисовать обаятельные по своей прелести женскіе образы.

Изъ сдѣланныхъ мной характеристикъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы въ достаточной степени видно, что бѣольшая часть послѣднихъ трактована Менандромъ очень поверхностно и притомъ такъ, что гораздо ярче вырисовываются ихъ типичныя особенности, знаменующія собой ихъ принадлежность къ обычнымъ цеховымъ группамъ, чѣмъ особенности чисто-индивидуальнаго оттѣнка, которыя только и могутъ сдѣлать изъ каждаго даннаго лица опредѣленный характеръ. Но коль скоро это такъ, то, значить, комедію Менандра „Саміанку“ можно будетъ назвать, въ противоположность „Третьейскому суду“, комедіей „типовъ“, а не „характеровъ“, что, въ связи съ другими, указанными выше деталями пьесы, въ свою очередь могло бы служить лишнимъ доказательствомъ въ пользу нашего мнѣнія о томъ, что „Саміанку“ слѣдуетъ причислять къ раннимъ произведешямъ Менандра, т. е. къ произведеніямъ того періода, когда онъ только еще начиналъ прокладывать свою собственную дорогу. Тогда станетъ для насъ понятной и та странная неровность при обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, на которую мы уже указывали выше, и та склонность къ воспроизведенію, по преимуществу, внѣшнихъ подробностей, которая отличала собой „среднюю“ комедію и которой почти незамѣтно въ лучшей пьесѣ Менандра, а именно, въ „Третьейскомъ судѣ“.

IV

Земледѣлецъ.

1.

Комедія Менандра „Земледѣлецъ“ (*Γεωργός*) пользовалась въ древности, по крайней мѣрѣ, въ римское время, нѣкоторымъ успѣхомъ, если заключать объ этомъ по тому, что она упоминается Квинтилианомъ¹⁾ и фигурируетъ въ числѣ другихъ общеизвѣстныхъ пьесъ Менандра въ одной эпиграммѣ Фронтон²⁾. Что же касается насъ, то мы въ теченіе очень долгаго періода могли судить о пьесѣ линію по нѣсколькимъ фрагментамъ изъ нея, сохраннымъ по преимуществу Стоевемъ³⁾, пока, наконецъ, въ 1897 г. количество этихъ фрагментовъ не увеличилось благодаря приобрѣтенному въ Египтѣ папирусному листку, содержащему въ себѣ почти 90 стиховъ изъ „Земледѣльца“⁴⁾.

Благодаря этой находкѣ, удачной еще и потому, что новонайденные стихи составляютъ связный текстъ, хотя мѣстами и сильно испорченный, получилась возможность отчасти исправить прежнія предположенія о пьесѣ⁵⁾, отчасти

1) Inst. orat. XI, 3, 91. Ср. также XII, 10, 25.

2) Anth. Pal. XII, 233:

*Τὴν ἀκμὴν Θησαυρὸν ἔχειν, κομῶδῃ, νομίζεις
οὐκ εἰδὼς αὐτὴν Φάσματος ὄντερην.
Ποίσει σ' ὁ χρόνος Μισοφμενον, εἴτα Γεωργόν,
καὶ τότε μαστεύσεις τὴν Περιχειρομένην.*

3) См. Коск, Com. att. fragm. III, 28 sqq.; Meineke, Fragm. com. graec. IV, 95 sqq.

4) Папирусъ хранится въ Женевской библіотекѣ за № 155. Объ исторіи находки см. Nicole, Le Laboureur de Ménandre (Genève 1898), 7.

5) Я имѣю въ виду гипотезу Мейнеке (о. с., 95), который, основываясь на томъ, что въ эпиграммѣ Фронтон²⁾ „cum Περιχειρομένη coniungitur Γεωργός“, полагалъ, что и эта пьеса относилась къ числу тѣхъ комедій, „in quibus quid amandum ζηλοτυπία efficere possit doceretur“. См. также Meineke, Menantiri et Philemonis reliquiae, 34 sq.

проникнуть въ нѣкоторыя детали ея содержанія и въ характеристику выступающихъ въ ней персонажей. Но всего этого наука достигла не сразу. Когда въ 1897 г. вышло въ свѣтъ первое изданіе фрагментовъ, сдѣланное Nicole, то сейчасъ же выяснилось, что оно не отвѣчаетъ своему прямому назначенію и ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить настоящей базой для дальнѣйшей работы. Прежде всего, Nicole, по странной близорукости, не замѣтилъ, что куски папируса, принятые имъ за остатки двухъ отдѣльныхъ листовъ, на самомъ дѣлѣ образуютъ одинъ листъ; что листъ этотъ не есть часть свитка, а часть папируснаго кодекса¹⁾ и что, наконецъ, текстъ, сохраненный папирусомъ, вовсе не распадается на рядъ разрозненныхъ сценъ, а представляетъ собой одно связное цѣлое. Это наблюденіе, сдѣланное Блассомъ (Blass)²⁾, сразу свело на нѣтъ какъ публикацію Nicole'я, такъ и большинство статей, написанныхъ на основаніи послѣдней³⁾, и открыло собой новую эру въ исторіи разработки памятника, причемъ дѣйствительнымъ началомъ этой эры можно считать новое изданіе фрагментовъ, исполненное Гренфеллемъ и Гентомъ⁴⁾.

Только съ появленіемъ его въ свѣтъ филологическая наука получила настоящую исходную точку, и только теперь,

1) Если только не думать, какъ это дѣлаетъ Dziatzko въ своихъ „Untersuchungen über ausgewählte Kapitel des antiken Buchwesens“ (Leipzig 1900), 128, что рукопись „Земледѣльца“ состояла изъ отдѣльныхъ, не связанныхъ въ кодексъ, листовъ. Dziatzko склоняется къ этому мнѣнію въ виду сравнительно большого формата листа (28,5 × 17,7 см.). Но можно ли считать этотъ фактъ серьезнымъ доказательствомъ? Вѣдь есть не мало *codices chartacei*, листы которыхъ превосходятъ своими размѣрами Женевскій папирусъ. Ср., напримѣръ, Каирскій кодексъ Менандра, въ которомъ, какъ говоритъ Кёрте (Menandrea, IX), „singulae paginae habent altitudinem 30 centimetrorum, latitudinem 18 centimetrorum“.

Для полноты прибавлю еще, что на верху лицевой стороны листа находится цифровое обозначеніе ς (= 6), а на оборотной — ζ (= 7). Отсюда ясно, что первая страница рукописи не была пагинирована. Что касается числа строкъ, то на recto оно равняется 44, а на verso — 43. Значитъ, количество стиховъ, которые могли предшествовать нашимъ, круглымъ счетомъ равнялось 220, ибо первая страница, какъ не пагинированная, врядъ ли была заполнена письмомъ: она служила своего рода обложкой.

2) Litt. Zentralbl. 50 (1897), 1648—1650.

3) Напримѣръ, статью Schenkl'я, Der Georgos des Menandros (в Oesterr. Jahresh. I (1898), 49 sqq.).

4) Grenfell-Hunt, Menander's *Γεωργος*, Oxford 1898.

въ виду провѣрки рукописнаго чтенія, стала мыслимой конъектуральная работа. Такимъ образомъ, изданіе Гренфелля и Гента сыграло громадную роль въ дѣлѣ упорядоченія вопроса о новооткрытыхъ фрагментахъ и стало главной опорой для всей послѣдующей научной литературы, которая въ скоромъ времени приняла довольно значительные размѣры. При этомъ за установку текста, за восполненіе лакунъ, а также за освѣщеніе общей ситуации взялись лучшіе представители классической филологіи, какъ Блассъ¹⁾, Вейль²⁾, Кайбель³⁾ и Виламовицъ-Мёллендорфъ⁴⁾. Всѣ они, по мѣрѣ силъ и таланта, старались внести необходимыя улучшенія въ пострадавшій отъ времени текстъ, и такъ или иначе, на основаніи разныхъ комбинацій, проникнуть въ тайну содержанія комедіи и, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ дать реконструкцію послѣдней⁵⁾.

Само собой разумѣется, что благодаря этой работѣ текстъ, сохраненный папирусомъ, мало по малу былъ приведенъ въ порядокъ и во многихъ мѣстахъ принялъ ту форму, за которую можно было высказаться, какъ за единственно вѣрную. Равнымъ образомъ, и при реконструкціяхъ содержанія, несмотря на всю ихъ различность, постепенно выяснились такіе пункты, которые нельзя было не счесть за безусловно положительные, не возбуждающіе никакого сомнѣнія. Итакъ, работа корифеевъ филологіи, къ которымъ

1) Litt. Zentralbl. (1898), 775, а также Hermes, XXXIII (1898), 654 sqq.

2) Weil, Le Campagnard de Ménandre (= Revue des études grecques, 1898, 121 sqq.). Эта статья (она перепечатана Вейлемъ въ его „Etudes sur l'antiquité grecque“ (Paris 1900), 253 sqq.) написана уже послѣ изданія Гренфелля и Гента, а потому и должна считаться послѣднимъ словомъ французскаго ученаго, чего нельзя сказать про его же статью „Les nouveaux fragments de Ménandre“ (= Journal des Savants, 1897, 675 sqq.), опубликованную раньше.

3) Kaibel, Menanders *Γεωργός* (= Nachr. d. K. Ges. der Wiss. zu Göttingen, phil.-hist. Cl., 1898, 146). Съ этой статьей я не считаюсь, ибо она построена на невѣрномъ предположеніи, что въ „Земледѣльцѣ“, какъ и въ „Adelphoe“ Теренція, участвуютъ два брата.

4) Willamowitz-Moellendorf, Die Reste des Landmannes von Menandros (на правахъ рукописи), а также „Der Landmann des Menandros“ (= Neue Jahrbücher für das Klass. Alt. II (1899), 513 sqq.).

5) Замѣчу, впрочемъ, что Виламовицъ воздержался отъ реконструкціи и ограничился только исправленіемъ текста и выясненіемъ типовъ комедій.

примкнулъ еще цѣлый рядъ другихъ знатоковъ древняго міра¹⁾, привела, въ концѣ концовъ, къ установленію цѣлой массы цѣнныхъ и непоколебимыхъ даинныхъ, съ которыми уже можно было оперировать вполне свободно.

Конечно, наибольшая интенсивность въ разработкѣ текста „Земледѣльца“ падаетъ на годы, непосредственно идущіе за годомъ его открытія. А затѣмъ, когда на мѣстѣ жалкихъ и неполныхъ отрывковъ выстроился связный и притомъ почти безукоризненный по формѣ текстъ, интересъ къ новинкѣ ослабѣлъ, разработка ея почти прекратилась, и лишь въ 1908 г. наши фрагменты снова сдѣлались предметомъ изслѣдованія²⁾, чтобы затѣмъ, еще разъ проверенными и коегдѣ исправленными, войти въ общее собраніе всѣхъ „Menandrea“, сдѣланное Кёрте³⁾.

2.

Изъ всего сказаннаго видно, что женевскіе фрагменты „Земледѣльца“ не представляютъ для науки безусловной новинки, что они уже многократно бывали предметомъ особой трактовки и что сказать по ихъ поводу что-нибудь безусловно новое, врядъ ли возможно. Но несмотря на это, я все-таки считаю нелишнимъ еще разъ взяться за нихъ и еще разъ попробовать, частью на основаніи построенныхъ раньше гипотезъ, частью путемъ ихъ ограниченія или исключенія, выставить такую реконструкцію пьесы, которая, какъ можно ближе, подходила бы и къ тексту, сохраненному папирусомъ, и къ тѣмъ отрывкамъ, которые были извѣстны намъ раньше. Однако, принимаясь за реконструкцію, я напередъ исключаю возможность распредѣленія всего дѣйствія по актамъ, какъ дѣлаетъ это Dziatzko (о. с., 518 sqq.), ибо для подобнаго рас-

1) Упомяну двухъ наиболѣе крупныхъ: v. Leeuwen, *Ad Menandri fragmentum nuper repertum* (= *Mnemosyne*, XXVI (1898), 299—313; Dziatzko, *Der Inhalt des Georgos von Menander* (= *Rh. Mus.* 54 (1899), 497 sqq.; 55 (1900), 104 sqq.).

2) Préchac, *Essai de restitution et d'interprétation d'un texte de Ménandre déjà connu* (= *Mélanges d'archéologie et d'histoire*, XXVII (1908), 278 sqq.).

3) *Menandrea ex papyris et membranis vetustissimis* ed. A. Körte² (Lipsiae 1912), 101 sqq. Ср. также Sudhaus, *Menandri reliquiae nuper repertae* (Bonn 1909), 58 sqq. и Kretschmar, *De Menandri reliquiis nuper repertis* (Lipsiae 1906), 5 sqq.

предѣленія у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Единственное, что мы въ состояніи сдѣлать, это — составить приблизительную картину, вовсе не претендующую на полноту и законченность. Но раньше, чѣмъ набросать эту картину, я позволю себѣ привести въ переводѣ весь текстъ Женевскаго папируса.

* * *

[Сцена, на которой происходитъ дѣйствіе, представляетъ собой городскую улицу. Въ глубинѣ сцены — два дома. Передъ однимъ изъ нихъ, болѣе богатымъ, находятся алтари, украшенные гирляндами цвѣтовъ; передъ другимъ, у входной двери, стоитъ какой-то юноша, который, повидимому, и хочетъ и не рѣшается постучаться въ нее].

Мосхіонъ¹⁾.

- 7 Я не былъ сорванцомъ, я не хотѣлъ дурного ...
(Къ тому же юноша тогда въ деревнѣ жилъ!)
Но вотъ, пока въ Коринѣ я уѣзжалъ по дѣлу,
- (5) Здѣсь дѣло сладили, сгубившее меня. —
Я подъ вечеръ домой вернулся, вижу: къ свадьбѣ 5
Готовятся, къ моей, но для меня чужой!
Всѣ алтари въ вѣникахъ, отецъ же мой — за жертвой.
Онъ сватаетъ мнѣ дочь! Есть у меня сестра,
- (10) Но только сводная: ее отецъ мой прижилъ
Отъ той, что у него въ наложницахъ живетъ! — 10
Придумать не могу, какъ мнѣ уйти отъ горя,
Не вижу выхода... Мнѣ вѣдомо одно:
Покинувъ отчій домъ безъ дальнихъ разговоровъ,
- (15) Разстроивъ бѣгствомъ бракъ, — я погубить могу
Гедію милую, а это — грѣхъ не малый! — 15
Пора бы стукнуть въ дверь, да не рѣшусь никакъ.
А что, коль братъ ея вернулся изъ деревни,
И дома у себя? Я долженъ взвѣсить все...
- (20) Нѣтъ, я пока уйду и снова думать буду
Все объ одномъ: какъ мнѣ отъ свадьбы ускользнуть? 20
(Уходитъ).

[Дверь дома, у котораго стоялъ Мосхіонъ, открывается и изъ нея выходятъ двѣ женщины, одѣтыя бѣдно, но такъ, какъ одѣваются афинскія гражданки. Одна изъ нихъ, сравнительно молодая,

1) Имени юноши въ рукописи не сохранилось. Для удобства называю его Мосхіономъ.

по имени Миррина, обращается къ другой, уже очень старой, съ слѣдующими словами, заставляющими думать, что между жёнщинами уже шёлъ какой-то разговоръ на тему, которая Миррину волнуетъ].

Миррина.

Какъ другу вѣрному, тебѣ, моя Филинна,
Ввѣряю я свои тревоги и печаль...
Вотъ каковы дѣла!

Филинна (съ горячностью, указывая на богатый домъ).

Дитя мое, ей богу,

(25) Теперь, прослушавъ все, толкнуться въ эту дверь
Была бы я не прочь, чтобъ, вызвавъ красная, 25
Въ глаза ему сказать, что думаю о немъ!

Миррина.

Филинна, перестань! Оставь его въ покоѣ!

Филинна.

(30) Въ покоѣ? Нѣтъ, пускай онъ сгинетъ! Ишь, подлецъ,
Обидѣлъ дѣвушку, — и, святость клятвъ нарушивъ,
Къ другой присватался...

Миррина (всматриваясь въ даль).

А вонъ и Давъ идетъ, 30

Слуга ихъ: это онъ вернулся изъ деревни!
Не стать ли въ сторону?

Филинна.

Зачѣмъ? Вѣдь намъ съ тобой

Нѣтъ дѣла до него!

Миррина.

А все же лучше будетъ! (Отходятъ).

[На сценѣ появляются два раба, Давъ и Сиръ, принадлежащіе владѣльцу богатаго дома и возвращающіеся въ данный моментъ изъ деревни. Оба они несутъ корзины, наполненные цвѣтами и зеленью. По всему видно, что Давъ занимаетъ болѣе важное мѣсто въ домѣ, чѣмъ Сиръ. Это явствуется какъ изъ его одежды, такъ и изъ способа держать себя].

Давъ (обращаясь къ Сиру).

Нигдѣ, по моему, ты поля не найдешь
(35) Честнѣе нашего: на немъ и миртъ родится, 35

- И дивный плющъ растетъ, и нѣтъ конца цвѣтамъ!
 А коль захочешь ты зерномъ его засѣять,
 Знай, все вернетъ оно, по совѣсти, сполна, —
 Безъ лишка, въ аккуратъ! — Ну, Сиръ, тащи живѣе
 (40) Поклажу въ домъ: она для свадьбы въ самый разъ! 40
 (Сиръ уходитъ. Давъ слѣдуетъ за нимъ, но замѣчаетъ
 Миррину и останавливается).
 Мирринъ мой привѣтъ! Будь счастлива.

М и р р и н а.

Ты также!

Д а в ъ (важно).

- Замѣтилъ я тебя, почтенная, не вдругъ.
 Ну, какъ живешь? Сейчасъ я дамъ тебѣ отвѣдать
 Благою вѣсть, иль нѣтъ, событіе: оно
 Z Навѣрно сбудется, коль пожелаютъ боги! 45
 (46) А я, — я раньше всѣхъ о немъ тебѣ скажу! —
 Какъ разъ на этихъ дняхъ, копая виноградникъ,
 Клебнетъ --- у него сынокъ твой въ батракахъ —
 Разсѣкъ себѣ бедро, да какъ еще, — на славу...

М и р р и н а.

Пропали мы!

Д а в ъ.

- Крѣпись и слушай до конца!
 (50) Какъ третій день пошелъ, у старика отъ раны 50
 Всю ногу разнесло, — до ужаса; потомъ
 Жаръ сильный сдѣлался; больному стало худо...

Ф и л и н н а.

Проваль тебя возьми! Ужъ именно, что ты
 Благою вѣсть принесъ!

Д а в ъ (пренебрежительно).

Помалкивай старуха...

55

- (55) И вотъ, когда ему внимательный уходъ
 Былъ нуженъ, всѣ рабы, что у него толпятся,
 Людишки грубые, — твердили лишь одно:
 „Пора околѣвать“. Но твой сынокъ на старца,
 Какъ на отца взглянулъ, досталъ цѣлебныхъ травъ 60
 (60) И началъ мазать, мыть, да растирать больного,

Носилъ ему ѣду, и утѣшалъ, и вотъ,
Какъ ни былъ плохъ старикъ, его своей заботой
Поставилъ на ноги...

Миррина.

О, милое дитя!

Давъ (снисходительно).

- Да, спора нѣтъ, твой сынъ съ нимъ поступилъ отмѣнно. 65
- (65) А онъ, очулавшись и обрѣтя досугъ, —
На время отложивъ труды свои и заступъ,
(Охъ, сѣро онъ живетъ!) сталъ юношу пытатъ
О всѣхъ дѣлахъ его, хотъ зналъ о нихъ сторонкой...
Твой сынъ о томъ, о семъ повѣдалъ; про сестру 70
- (70) И про тебя сказалъ, и что живете бѣдно.
Прошибло старика, понятно; отплатить
Рѣшилъ онъ юношѣ за всѣ его заботы, —
Ну, словомъ нашъ старикъ-затворникъ поумнѣлъ:
На дѣвочкѣ твоей вѣдь хочетъ онъ жениться! 75
- (75) Вотъ главное, къ чему я рѣчь свою клонилъ. —
Они сейчасъ придутъ, захватятъ васъ, и снова
Къ себѣ въ деревню, маршъ! Отнынѣ съ нищетой
Ужъ не придется вамъ считаться, — съ этимъ звѣремъ
Упрямымъ, да притомъ невыносимымъ здѣсь, — 80
- (80) Иль жить на сторонѣ, гдѣ нищету твою
Не всякій разглядитъ. Для этого деревня
И одиночество — желаннѣе всего¹⁾.
Ну, вотъ и передалъ я вѣсть тебѣ благою, 85
Теперь прощай! (Уходить въ домъ).

Миррина.

Прощай! (Взволнованная начинаетъ ходить по сценѣ).

1) Приблизительно тѣ же мысли о преимуществахъ для бѣдныхъ деревенской жизни высказываются въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ „Πλόκιον“ Менандра (fragm. 406 Kock):

*καὶ ὁ δεσπότης βεβούλεται πάνν.
ἐν ἀγορῇ γὰρ οἰκῶν οὐ σφόδρ' ἐξηλέγχεται
τῆς μερίδος ὧν τῆς οὐδαμοῦ τεταγμένως,
εἶχεν δὲ παραπέτασμα τὴν ἐρημίαν.*

Филинна (съ безпокойствомъ).

Да что съ тобой, дитя?

(85) Чего ты мечешься? Зачѣмъ ломаешь руки?

Миррина (съ отчаяніемъ).

Зачѣмъ? Я не пойму, что дѣлать мнѣ теперь!

* * *

Перейдемъ теперь къ разбору отрывка и заключающихся въ немъ подробностей. Изъ отрывка мной не переведенъ пока только одинъ послѣдній стихъ (о немъ скажу ниже) и остатки двухъ первыхъ стиховъ, отъ которыхъ сохранилось всего на всего три слова:

[.] *προσὶν πατρὶν*

[.] *ὑποφοβομένοο*

Смыслъ этихъ словъ для меня неясенъ. Можно сказать только, что юноша, произносящій монологъ, упоминалъ во второмъ стихѣ о какомъ-то лицѣ, предъ которымъ онъ ощущалъ робость, мѣшавшую ему быть откровеннымъ. Но кого онъ имѣлъ въ виду, опредѣлить трудно, если не думать только, что этимъ лицомъ былъ его отецъ. Причинъ же опасаться послѣдняго у юноши могло быть достаточно. Изъ текста видно, что онъ тайкомъ отъ отца сошелся съ какой-то дѣвушкой, дочерью Миррины, Гедіей, какъ это явствуетъ изъ дальнѣйшаго. Но сходясь съ ней, онъ вовсе не хотѣлъ брать за образецъ обыкновенныхъ кутящихъ юношей, заводящихъ временныя интрижки. Вѣдь недаромъ говорить онъ про себя:

Я не былъ сорванцомъ, я не хотѣлъ дурного¹⁾.

Нашъ юноша, котораго я называю Мосхіономъ, былъ, повидимому, болѣе *κόσμιος*, чѣмъ Мосхіонъ, выступающій въ „Саміанкѣ“, и не менѣе *εὐσεβέστατος* по отношенію къ своему отцу, чѣмъ послѣдній. Въ виду этого я не думаю, что его связи съ дѣвушкой предшествовалъ какой-нибудь актъ насилія, въ родѣ поступка Эскина въ „Adelphoe“ Теренція, и что словъ *persuāsīt* пох *amór* *vinum* *adulescēntia*²⁾

1) Такъ, думается мнѣ, надо переводить стихъ:

ἦν δ' οὐ πονηρὸς οὐδ' ἐδόκουν ἀμαρτάνειν.

2) Тер. Adelph., 470.

къ нашему юношѣ прилагать нельзя. Мнѣ лично кажется, что въ „Земледѣльцѣ“ ситуація была нѣсколько иной. Сближеніе Мосхіона съ Гедіей могло произойти подъ вліяніемъ настоящей любви, а не подъ вліяніемъ *ἀμολασία*, о которой такъ часто говоритъ намъ комедія. Правда, мнѣ могутъ возразить, что моему предположенію противорѣчитъ стихъ 28:

Обидѣлъ дѣвушку, — и, святость клятвъ нарушивъ,
Присватался къ другой...

Но мнѣ кажется, что слова „обидѣлъ дѣвушку“ (*ἠδίκησεν τὴν κόρην*) вовсе не заставляють насъ видѣть въ нихъ намекъ на актъ насилія¹⁾. *Ἀδίκη* со стороны Мосхіона сводится скорѣе всего къ тому, что онъ — въ этомъ, по крайней мѣрѣ, подозрѣваютъ его близкіе къ Гедіи люди — намѣренъ бросить дѣвушку, съ которой раньше сожительствовалъ и которая, повидимому, затяжелѣла. Итакъ, если я вѣрно оцѣниваю смыслъ стиха 28-го, Мосхіонъ абсолютно не подходитъ подъ типъ тѣхъ юношей комедіи, которыхъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Эліанъ (*Hist. ap. VII, 19*): *τὰ μικρὰ μερόμια τὰ τοῦ Μενάνδρου ἐν ταῖς παρωδίαις ἀμολασία*, и про которыхъ, дабы извинить ихъ дебоширство, приходится говорить, что оно *humanum*. Такимъ образомъ, согласно моему предположенію, связи Мосхіона съ Гедіей вовсе не предшествовалъ актъ насилія. Содѣйствовать же этой связи или, вѣрнѣе, не препятствовать ей могла мать Гедіи, Миррина. Вѣдь въ комедіи примѣры подобнаго отношенія матерей, какъ родныхъ, такъ и пріемныхъ, встрѣчаются нерѣдко. Достаточно будетъ указать на мать Плангò въ „Саміанкѣ“, которая, какъ это видно изъ дѣйствія пьесы, покрывала дочь. И вотъ, пользуясь попустительствомъ Миррины, нашъ юноша въ теченіе нѣкотораго времени сожительствовалъ съ дѣвушкой, причемъ ему въ его приключеніи

1) Такъ понимаетъ и Dziatzko (о. с., 505), который думаетъ, правда, что сближеніе Мосхіона съ Гедіей произошло по общему образцу комедіи, т. е. *per viam et impulsu adolescentiae*, но вмѣстѣ съ тѣмъ обосновываетъ свое мнѣніе не на ст. 28, а на одномъ фрагментѣ изъ „Земледѣльца“ (о немъ скажу ниже), изъ котораго можно заключать, что братъ Гедіи хочетъ привлечь соблазнителя сестры къ суду (конечно, по *δίκη βιαιών*), хотя не знаетъ ни его имени, ни, повидимому, и того, какъ произошло все дѣло. Ср. также Pöschel, о. с., 286.

помогло и то обстоятельство, что братъ Гедіи (ср. стихъ 2) находился въ отсутствіи — онъ жилъ въ батракахъ у земледѣльца Клеэнета (стихъ 48), — а, слѣдовательно, не могъ помѣшать Мосхіону въ его любовныхъ дѣлахъ. По крайней мѣрѣ, самъ Мосхіонъ намекаетъ на это, когда говоритъ въ своемъ монологѣ:

Къ тому же юноша тогда въ деревнѣ жилъ.

Отсюда ясно, что, будь братъ Гедіи налицо, Мосхіону не удалась бы его авантюра. Вѣдь недаромъ онъ до такой степени боится этого брата, что не рѣшается даже войти въ домъ къ своей возлюбленной изъ опасенія встрѣтиться съ нимъ (ср. стихъ 17)! Итакъ, братъ Гедіи не только не помогалъ и не содѣйствовалъ Мосхіону, но даже и не зналъ обо всемъ томъ, что случилось съ его сестрой за время его отсутствія. Тѣмъ не менѣе, въ немъ для Мосхіона таилась серьезная опасность, которая при случаѣ могла разстроить весь временно налаженный *modus vivendi*. Впрочемъ, первый ударъ послѣдовалъ не отсюда. Пока Мосхіонъ медлилъ и не рѣшался переговорить съ отцомъ по поводу своей любви, послѣдній, потому ли, что узналъ о связи сына съ бѣдной дѣвушкой, или просто потому, что нашелъ своевременнымъ наложить на него брачные узы, — рѣшилъ женить его на своей дочери, которую онъ прижилъ отъ наложницы, взятой имъ ἐπ' ἐλευθέροιο παισιν¹⁾. Возможно даже, что, дѣйствуя такъ, онъ дѣйствовалъ просто подъ вліяніемъ своей любовницы²⁾. Вѣдь недаромъ нашъ юноша говоритъ о послѣдней съ нѣкоторымъ раздраженіемъ. Какъ бы то ни было, отецъ Мосхіона не медлилъ, и въ отсутствіе сына, не заручившись предварительно его согласіемъ³⁾,

1) Подобные браки считались въ Аѳинахъ законными. См. Schœmann-Lipsius, Gr. Alt. I (1897), 375.

2) Wilamowitz-Moellendorf, Der Landmann des Menandros, 520.

3) Вѣдь отцы, насколько можно судить объ этомъ по комедіи, не всегда находили нужнымъ справляться съ желаніями сыновей, но часто по общественному усмотрѣнію выбирали для нихъ женъ и вообще регулировали ихъ жизнь. См. Legrand, Daos. Tableau de la comédie grecque (Lyon 1910), 276. Ср. также Ter. Andria, 238:

uxorem dare sese hodie mihi decrérat: nonne oportuit
praescisse me ante? nonne prius communcatum oportuit?

Такіе отцы, какъ Місіо и Филто встрѣчаются въ комедіи рѣдко, и рѣдко можно слышать изъ устъ отцовъ такіа слова (Plaut. Trinummus, 395):

подготовилъ все для грядущей свадьбы, такъ что Мосхіонъ, вернувшись изъ поѣздки, попалъ прямо на *προτέλεια*. И вотъ, подобно Клитопонту изъ романа Ахилла Тація „τὰ κατὰ Λευκίππην καὶ Κλειτοφῶντα“, ему оставалось только воскликнуть: *ὡς δ' ἤκουσα, ἀπολώλειν καὶ ἐξήτορν μηχανήν, δι' ἧς ἂν ἀναβαλέσθαι δύναμιν τὸν γάμον*¹⁾. Пораженный неожиданнымъ происшествіемъ, о которомъ онъ, еще не входя въ домъ, могъ узнать или отъ рабовъ или отъ знакомыхъ, нашъ юноша, вернувшійся изъ Коринѳа подъ вечеръ (*ὅπρὸ νύκτα*), повидимому, не зашелъ къ себѣ, а провелъ ночь гдѣ-то на сторонѣ, и только подъ утро направилъ свои шаги къ дому отца. Но и на этотъ разъ онъ не вошелъ въ него, ибо не хотѣлъ показываться на глаза близкимъ. Онъ рѣшилъ посѣтить свою возлюбленную, чтобы переговорить съ ней. Однако, и тутъ смѣлость ему измѣнила. Опасаясь отца, онъ въ то же время опасался и брата Гедіа, думая, вѣроятно, что Миррина, узнавъ о предстоящей свадьбѣ любовника своей дочери, вызвала сына и открыла ему все, происшедшее раньше. Однимъ словомъ, Мосхіонъ боялся опасности съ двухъ сторонъ и, не зная, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія, не нашелъ ничего лучшаго, какъ въ теченіе долгаго времени (ср. стихъ 16) стоять у двери того дома, въ которомъ живетъ Гедіа, и повѣрять самому себѣ всѣ свои печали и волненія²⁾. А впрочемъ, при слабомъ характерѣ Мосхіона, чтò было ему дѣлать? Пойти противъ воли отца и жениться на своей возлюбленной, благо она была или считалась свободной? Но это могло грозить цѣлымъ рядомъ неприятныхъ осложненій, особенно въ виду той матеріальной зависимости, въ которой находился почти каждый юноша комедіи по отношенію къ своему родителю³⁾. Или оставить

*sed hoc unum consolatur me atque animum meum,
quia qui nil aliud, quod sibi soli placet
consulit adversum filium, nugae agit.*

1) Acbill. Tat. II, 12 (ed. Hirschig). Объ этомъ мѣстѣ, на которое указалъ Kretschmar (о. с., 16), почти съ увѣренностью можно сказать, что оно навѣяно Менандромъ и въ частности монологомъ, открывающимъ нашу отрывокъ „Земледѣльца“.

2) Ср. Ter. Adelphoe, 633:

Péril: horresco semper, ubi pultare hasce occipio miser.

3) Legrand, о. с., 277.

отцовскій домъ и временно удалиться на чужбину, какъ сдѣлалъ это Клинія въ „Nautontimorimēnos“, въ виду вѣчныхъ попрековъ Менедема? Конечно, этотъ шагъ былъ бы удобенъ: вѣдь недаромъ, хотя и по другому поводу, симулируетъ его Мосхіонъ въ „Саміанкѣ“! Но нашъ юноша и на него не рѣшается. Онъ считаетъ, что подобный шагъ погубитъ Гедію, и въ виду этого откидываетъ его, какъ нѣчто грѣховное. А погубить Гедію этотъ шагъ можетъ, скорѣе всего, потому, что Гедія — беременна, какъ беременна, на примѣръ, Памфила въ „Andria“ или Памфила въ „Adelphoe“. Итакъ, если, съ точки зрѣнія своей нерѣшительности и слабости, Мосхіонъ и является типичнымъ представителемъ типа *adulescens*¹⁾, то по отношенію къ любовному чувству, имъ владѣющему, онъ стоитъ нѣсколько выше обыкновенныхъ юношей комедіи. Наряду съ Мосхіономъ изъ „Саміанки“, онъ представляетъ собой типъ нѣжнаго любовника, для котораго интересы дѣвушки имѣютъ важное значеніе и который усматриваетъ въ любви не только физическую сторону.

Теперь, выяснивъ, по мѣрѣ возможности, какъ типъ самого юноши, такъ и всѣ тѣ подробности, которыя кажутся намъ наиболѣе вѣроятными, мы могли бы перейти къ сценѣ, идущей за монологомъ. Но предварительно не мѣшаетъ затронуть еще одинъ вопросъ, а именно, вопросъ о томъ, монологомъ ли открывалось дѣйствіе пьесы, или же этому монологу предшествовала еще какая-нибудь вводная сценка. Я уже говорилъ выше, что число стиховъ, предшествовавшихъ сохранившейся части монолога, могло равняться приблизительно 220. Но такъ какъ трудно себѣ представить, чтобы вводный монологъ былъ до такой степени длиннымъ или чтобы этотъ монологъ былъ до такой степени отдаленъ отъ начала пьесы, то остается предполагать слѣдующее. Изъ 5 страницъ папируса, которыя когда-то предшествовали нашимъ, одна должна была приходиться на долю заглавія пьесы, на ~~вводную~~ и на списокъ дѣйствующихъ лицъ (ср. *Prosa* Менандра). Что же касается 4-хъ остальныхъ, то часть ихъ была занята или однимъ монологомъ юноши, или вводной сценкой и моноло-

1) См. Б. В. Варнеке, Роль *adulescens* въ древне-римской комедіи (= Журн. Мин. Нар. Просв., 1908, августъ, отд. класс. филол., 317).

гомъ, а другая, какъ думаетъ это Виламовицъ¹⁾, заключала въ себѣ *ῥένος Μενάνδρου*. Спрашивается теперь, какъ же начиналась наша пьеса? По этому поводу мнѣнія расходятся. Большинство ученыхъ думаетъ, что пьеса открывалась монологомъ, излагающимъ „всѣ обстоятельства дѣла“; нѣкоторые же, какъ, напримѣръ, Dziatzko (о. с., 507), стоятъ за второе предположеніе, т. е. за то, что монологу предшествовала особая сценка на манеръ тѣхъ, которыя наблюдаются въ римской комедіи, а также, прибавлю отъ себя, и въ „*Ἦρώς*“ Менандра. Мнѣніе же свое Dziatzko обосновываетъ слѣдующимъ образомъ. Прежде всего, онъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что имя юноши, произносящаго монологъ, не встрѣчается въ сценѣ, идущей за монологомъ, откуда явствуется, что оно гдѣ-то уже упоминалось, хотя, по мнѣнію Dziatzko, самъ юноша врядъ ли могъ сообщить зрителямъ о томъ, какъ его зовутъ. Далѣе Dziatzko полагаетъ, что странно было бы юношѣ говорить обо всемъ томъ, что касалось возникновенія его любви, утаиванія послѣдней отъ отца и т. д., тѣмъ болѣе, что въ римской комедіи о такого рода вещахъ говорятъ обыкновенно не сами юноши, а родные ихъ возлюбленныхъ. И вотъ, на основаніи этихъ данныхъ, Dziatzko строитъ особую вводную сценку, въ которой должна была участвовать Миррина, общавшая тѣ свѣдѣнія, которыя были необходимы для пониманія дальнѣйшаго. Но всѣ эти доводы Dziatzko, на мой взглядъ, не выдерживаютъ критики. Конечно, въ виду того, что имя юноши не встрѣчается ни въ сохранившейся части монолога, ни въ сценѣ, идущей за нимъ, надо думать, что оно уже упоминалось выше. Съ этимъ согласится всякій. Но врядъ ли можно согласиться съ тѣмъ, что „самому юношѣ неудобно было назвать себя по имени“. Юноша могъ сдѣлать это на манеръ того, какъ дѣлаетъ это Місіо въ „*Adelphoe*“²⁾. Далѣе, изъ того, что въ римской комедіи не самъ любовникъ является первымъ вѣстникомъ своей любви и связанныхъ съ ней complicacy, еще не слѣдуетъ, что этого

1) Wilamowitz-Moellendorf, *Der Landmann des Menandros*, 530. Ср. также А. Körte²⁾, о. с., XLV.

2) Ter. *Adelph.*, 59:

haec fratri mecum non conveniunt neque placent.
venit ad me saepe clamans, 'quid agis Micio?'

не было въ комедіи греческой. Укажу на Демею въ „Саміанкѣ“, на этого сѣдовласаго любовника, повѣряющаго зрителямъ свои семейныя и любовныя невзгоды. Наконецъ, въ пользу предположенія объ отсутствіи особой вводной сцены говорятъ и слѣдующія слова Квинтиліана¹⁾: *cum mihi comœdi quoque pessime facere videantur, quod etiam si juvenem agant, cum tamen in expositione aut senis sermo, ut in Hydriae prologo, aut mulieris, ut in Georgo (разумѣется, тоже въ прологѣ), incidit, tremula vel effeminata voce propuntiant*. Но говоря такъ, Квинтиліанъ, согласно вѣрному замѣчанію Вейля²⁾, хотѣлъ сказать только одно, а именно: „qu'un jeune homme faisait l'exposition de la pièce et que, dans le cours d'un récit animé, il rapportait les paroles d'une femme“. Въ виду всѣхъ этихъ, приведенныхъ мной, соображеній я и считаю безусловно доказаннымъ, что наша пьеса открывалась монологомъ юноши, который лично сообщалъ зрителямъ, какъ дѣлается это Демей въ „Саміанкѣ“, обо всемъ томъ, что предшествовало его настоящему положенію, и, конечно, называлъ и свое имя.

Переходимъ теперь къ дальнѣйшему. Само собой разумѣется, что поэтъ, изобразившій душевное состояніе представителя одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, долженъ былъ затѣмъ показать зрителямъ и чувствованія тѣхъ лицъ, которыя, принадлежа къ другой сторонѣ, должны были, не менѣе юноши, страдать отъ проектируемой свадьбы. И вотъ, въ качествѣ антитезы къ вводному монологу, Менандръ ставитъ передъ нами двухъ женщинъ, освѣщаетъ ихъ душевныя движенія и характеры, и заставляетъ насъ, такимъ образомъ, прислушиваться къ тому, что скажетъ *altera pars*. Но спрашивается, кого именно выводитъ Менандръ? Изъ папируса видно, что одна изъ женщинъ именуется Филинной, что она гораздо старше другой, ибо называетъ ее: „мое дитя“ (ст. 24 и 84) и что, наконецъ, она всецѣло предана своей собесѣдницѣ³⁾. Далѣе, изъ ея рѣчей, изъ ея способа вы-

1) *Inst. orat.* XI, 3, 91.

2) *Weil, Le Campagnard de Ménandre*, 125.

3) Отличную характеристику Филинны даетъ Kaibel, *о. с.*, 154. Ср. также Б. В. Варнеке, Наблюденія надъ древнеримской комедіей, 143, гдѣ Филинна приравнивается по своему характеру къ Кантарѣ изъ *Adelphoe* Теренція.

ражаться можно заключать, что она обладает рѣшительнымъ и независимымъ характеромъ, что она скоро на рѣшенія (ст. 25) и что на ней незамѣтно особаго налета культурности (ст. 53). Однимъ словомъ, ея социальное положеніе врядъ ли можетъ быть высокимъ, хотя и нѣтъ никакихъ основаній считать ее за рабыню или за вольноотпущенную. Гораздо естественнѣе видѣть въ ней женщину изъ народа, сохранившую и въ городѣ присущія ей особенности и повадки. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ ея собесѣдница. Мягкій и нѣжный тонъ, въ которомъ она ведетъ свою рѣчь, полное отсутствіе рѣзкости въ выраженіяхъ, умѣніе держать себя съ достоинствомъ, — все это указываетъ на то, что она стоитъ выше Филинны, что она гораздо культурнѣе послѣдней и что, наконецъ, характеръ у нея гораздо тоньше и женственнѣе. Но зато въ ея рѣчахъ проглядываетъ нѣкоторая робость, наложенная, повидимому, тяжелой жизнью и лишеніями, и полная растерянность предъ лицомъ грозящей опасности. Иными словами, Филинна и ея собесѣдница это — двѣ противоположности, два разнородныхъ типа, сопоставленные поэтомъ для полученія эффектовъ контраста, подобно тому, какъ для той же цѣли сопоставлены имъ Гета и Давъ въ комедіи „*Нрѡс*“, а также Сирискъ и Давъ въ „*Επιτρέποντες*“. Но за кого же надо принимать собесѣдницу Филинны? Правда, папирусь даетъ какъ бы прямое указаніе на то, что мы имѣемъ дѣло съ Мирриной. По крайней мѣрѣ, это можно выводить изъ словъ Дава (стихъ 41):

Мирринѣ мой привѣтъ! Будь счастлива!

Основываясь на этихъ словахъ, почти всѣ ученые, начиная съ Nicole'я, и усматривали въ женщинѣ, бесѣдующей съ Филинной, Миррину, а тотъ фактъ, что Филинна называетъ ее „мое дитя“, объясняли тѣмъ, что она — гораздо старше своей собесѣдницы и что, слѣдовательно, въ ея обращеніи нѣтъ ничего удивительнаго. Только одинъ van Leeuwen¹⁾, беря за исходную точку какъ разъ обращеніе Филинны, усумнился въ правильности обычнаго толкованія, и высказалъ предположеніе, что собесѣдницей Филинны является Гедія,

1) v. Leeuwen, о. с., 301 sqq. Ср. также то, что говоритъ по поводу непріемлемости гипотезы van Leeuwen'а Б. В. Варнеке, Наблюденія надъ древне-римской комедіей, 142 сл.

что Миррина выступает сравнительно поздно (послѣ стиха 40), что въ теченіе всего разсказа Дава дѣвушка вмѣстѣ съ Филиннѣй держатся въ сторонѣ и что, наконецъ, слова отчаянья произноситъ именно дѣвушка (ст. 86), а не Миррина. Эта гипотеза, несмотря на свою шаткость, была принята Gréchas'омъ, который, измѣнивъ въ ней кое-какія частности, попытался затѣмъ подкрѣпить ее доказательствами¹⁾. Разсмотримъ же теперь эти доказательства. Я оставляю въ сторонѣ довольно странное заявленіе Gréchas'a о томъ, что, разъ Миррина представляетъ собой „une femme du peuple“ (изъ чего это видно?), то „l'agitation et le désespoir exprimés par le vers 85 se laissent difficilement attribuer, quelle qu'en soit la cause, à une femme du peuple rompue au travail physique“ (о. с., 287). Не менѣе странно и другое замѣчаніе Gréchas'a, а именно, что слова:

Какъ другу вѣрному, тебѣ, моя Филинна,
Ввѣрю я свои тревоги и печаль,

потому не могутъ произноситься Мирриной, что это „supposerait déjà des sentiments compliqués“ (о. с., 288). Впрочемъ, эти доказательства самъ авторъ считаетъ „довольно слабыми“ и не они убѣждаютъ его въ правильности его гипотезы. Опроу для послѣдней Gréchas видитъ въ словахъ Филинны: „мое дитя“, въ ея горячности, которая лишь въ томъ случаѣ будетъ къ мѣсту, если считать, что старуха говоритъ съ самой покинутой дѣвушкой, которую она же и выкормила, далѣе въ нѣжномъ тонѣ собесѣдницы Филинны и, наконецъ, въ томъ воздѣйствіи, которыя производятъ на нее слова Дава (о. с., 288 слл.). Но, по правдѣ говоря, ни эти доказательства Gréchas'a, ни другіе второстепенные доводы, имъ приводимые, не убѣждаютъ меня въ томъ, что собесѣдницей Филинны является Гедія, т. е. сама дѣвушка, а не ея мать, какъ это обыкновенно думаютъ. Мало того, мнѣ кажется, что въ гипотезѣ французскаго ученаго есть одинъ пунктъ, который лучше всякой детальной критики опрокидываетъ все его построеніе. Я разумѣю ничѣмъ не обоснованный выходъ Миррины на

1) Gréchas (о. с., 287 sqq.) нѣсколько иначе распредѣляетъ стихи между дѣйствующими лицами. Согласно ему ст. 22 слл., 28, 33 сл., 85 (тѣ уѣд;) говоритъ Гедія; ст. 24 слл., 29 слл., 53 сл., 84 сл. — Филинна, и наконецъ, ст. 41, 49, 54, 63, 84 (почти все одни восклицанія), 87 — Миррина.

сцену. И дѣйствительно, неужели можно считать серьезной мотивировкой этого выхода замѣчаніе Préchac'a (о. с., 289): „on comprend que l'arrivée de l'esclave (т. е. Дава) intéresse Myr- rhiné: en l'apercevant, ou en reconnaissant sa voix, elle accourt, car elle est pauvre“? И что же послѣ этого дѣлаетъ Миррина? Да ничего такого, что могло бы служить къ ея характери- стикѣ: она стоитъ, какъ *καθόν πρόαπλον*! Въ виду всего этого я не считаю возможнымъ присоединиться къ гипотезѣ Leeuwen-Préchac и продолжаю думать, что дѣйствующими лицами діалога, смѣняющаго собой монологъ Мосхіона, могутъ быть только Миррина съ Филинной, бесѣдой которыхъ мы теперь и займемся.

Благодаря тому, что событія, всполошившія какъ Мос- хіона, такъ и семью его возлюбленной ¹⁾, уже были съ доста- точной полнотой затронуты въ монологѣ, для Менандра ста- новилось совершенно излишнимъ еще разъ останавливаться на нихъ. Поэтому объ женщины, если и касаются этихъ со- бытій, то не съ фактической стороны, а со стороны впечат- лѣнія, которое они на нихъ производятъ. И лишь мѣстами можно замѣтить, какъ поэтъ съ присущимъ ему мастерствомъ незамѣтно вставляетъ какую-нибудь деталь, вносящую нѣчто новое въ общую ситуацію. Такъ, напримѣръ, слово „крас- нобай“ (*ἀλαζών*) поставлено даромъ. Филинна, которая прилагаетъ его къ Мосхіону, хочетъ выразить имъ ту мысль, что „соловья баснями не кормятъ“, или, иначе, что разъ Мос- хіонъ общалъ не бросать Гедію и все-таки бросилъ, то вѣ- рить ему больше нельзя: онъ — настоящий *ἀλαζών* ²⁾! Но разъ это такъ, то къ прежде извѣстнымъ намъ фактамъ при- бавляется еще одинъ: Мосхіонъ за время своего сожитель- ства съ дѣвушкой не разъ говорилъ ей и Мирринѣ о томъ, что лишь только его обстоятельства измѣнятся къ лучшему, онъ сейчасъ же прикроетъ свою связь бракомъ ³⁾. И мы

1) За исключеніемъ, конечно, брата Гедіи, ни о чемъ не знающаго и находящагося къ тому же въ отсутствіи. О томъ, что онъ скоро вернется, мы узнаемъ изъ стиха 76.

2) Ср. Ter. Adelph., 621:

satis diu dedisti vérba, sat adhuc túa nos frustratást fides.

3) Нѣчто въ этомъ родѣ даетъ и Ter. Adelph., 471:

venit ipsus ultro lácrumans orans óhsecrans
fidém dans, jurans sé lham ducturúm domum.

охотно вѣримъ, что онъ, дѣйствительно, лелѣялъ эту мечту, ибо женитьба на сводной сестрѣ ему вовсе не улыбается. Но для женщинъ, незнающихъ всѣхъ подробностей, которыя имѣли мѣсто въ домѣ юноши, онъ является обманщикомъ, на котораго нельзя полагаться. Впрочемъ, гнѣвается на него Филинна, не щадящая крѣпкихъ словъ для выраженія своего негодованія. Что же касается Миррины, то она какъ-то ушла въ себя, а потому внѣшнимъ образомъ реагируетъ слабо: ея горе, какъ болѣе сильное, проявляется не въ шумѣ, а въ угнетенности духа. Къ тому же и по характеру своему она не способна шумѣть и кипятиться: на нее, наоборотъ, находить робость и растерянность, и всего лучше выражается это въ ея намѣреніи отойти въ сторону, когда она видитъ приближающагося къ ней Дава, хотя она и знаетъ, что именно отъ него могла бы получить наиболѣе точныя свѣдѣнія. Вообще, повторяю еще разъ, характеры и настроеніе обѣихъ женщинъ обрисованы Менандромъ до удивительности тонко и, на мой по крайней мѣрѣ взглядъ, съ исчерпывающей полнотой.

Но вотъ на сценѣ появляется Давъ, и картина сразу принимаетъ новый оттѣнокъ. Мы видимъ передъ собой еще одного представителя той богатой семьи, къ которой принадлежитъ Мосхіонъ. Правда, этотъ представитель занимаетъ въ ней второстепенное положеніе, ибо онъ — простой рабъ, простое орудіе въ рукахъ своего господина, т. е. отца Мосхіона. Но тѣмъ не менѣе, его фигура сразу переноситъ насъ въ обстановку, царствующую въ томъ домѣ, слугой котораго онъ является. Давъ привыкъ въ этомъ домѣ къ роскоши и богатству, и въ виду этого презираетъ бѣдность и бѣдныхъ. Съ другой стороны, вкусивъ всѣ прелести городской жизни, онъ презираетъ и деревню и ея обитателей, которые, по его мнѣнію, слишкомъ сѣры и неотесаны. Жить въ деревнѣ и заниматься сельской работой кажется ему чѣмъ-то уродливымъ и низкимъ. Деревня, это — удѣлъ бѣдныхъ, но не удѣлъ настоящихъ людей, т. е. богатыхъ. И вотъ, Давъ, какъ бы отождествляя себя съ послѣдними, на каждомъ шагу старается выставить свое мнимое превосходство, свою культурность, свое развитіе. Такъ, на примѣръ, хорошимъ полемъ онъ, какъ человѣкъ культурный, считаетъ то, которое даетъ самъ-одинъ, но зато приноситъ массу цвѣтовъ и зелени, нужныхъ для разнаго рода украшеній и празднествъ. Рав-

нымъ образомъ, онъ съ обожаніемъ прислушивается къ своей рѣчи, и то и дѣло вставляетъ въ нее обороты попышнѣе, позатѣйливѣе, которые, мѣшаясь съ оборотами простонародными, грубыми, кажутся не на своемъ мѣстѣ и рѣжутъ ухо. Однимъ словомъ, видно по всему, что Давъ кое-чего наслушался у своихъ господъ, кое-чему научился, но понялъ все вкривь и вкосъ, и въ результатъ, наглый уже отъ природы, сталъ еще наглѣе и надутѣе съ тѣми, конечно, кто, по его мнѣнію, не заслуживаетъ особаго вниманія. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ въ глазахъ Дава и Миррина. И вотъ онъ, не боясь отпора, все время говоритъ съ ней въ полу-ироническомъ, полу-насмѣшливомъ тонѣ. Чего стоитъ, на примѣръ, его обращеніе:

Замѣтилъ я тебя, почтенная, не вдругъ...

Ну, какъ живешь? ¹⁾

А впрочемъ, и вся его рѣчь, съ виду добродушная и благожелательная, на самомъ дѣлѣ дышитъ глубокимъ презрѣніемъ къ Мирринѣ и, пожалуй, даже злорадствомъ. Надо думать, что похожденія барченка, т. е. Мосхіона, ему извѣстны, имъ не одобряются, и потому онъ не прочь поглумиться надъ той, которую (хотя она и свободная женщина) онъ считаетъ за простую *apis рацрегсѳла* изъ числа тѣхъ, что сбываютъ своихъ дочерей богатымъ юношамъ. Возможно даже, что въ его преувеличенныхъ похвалахъ сыну Миррины и въ его рассказѣ о намѣреніи земледѣльца Клеэнета жениться на Гедіи нужно тоже усматривать скрытую иронию и злорадство, вполне понятныя, если считать, что отношенія дѣвушки къ Мосхіону ему хорошо извѣстны ²⁾. Однимъ словомъ, Давъ представляетъ собой рѣдкій по выразительности типъ раба дерзкаго, наглаго и порочнаго, который сроднился

1) Не иначе, чѣмъ Давъ съ Мирриной, разговариваетъ въ „*Adelphoe*“ Теренція и Сиръ съ Демеей: ср. его слова (v. 373):

Ehem, Démea, haud aspéxeram i.e. *quid agitur?*

1) Чувствуя, что мой переводъ не достаточно ярко воспроизводитъ подлинникъ, привожу и греческій текстъ:

*οὐ σε καθέσθρων, γεννητὴ καὶ κοσμίᾳ
γυναι. τί πράττεισ;*

2) *Willamowitz-Moellendorff*, o. c., 522.

съ рабствомъ и въ устахъ котораго не были бы странны слѣдующія слова:

ὡς κρείττον ἐστὶ δεσπότην χρηστοῦ τυχεῖν
ἢ εἶναι ταπεινῶς καὶ κακῶς ἐλευθέρων¹⁾.

Но интересный, какъ типъ, Давъ не менѣе интересенъ для насъ и потому, что его рѣчь заключаетъ въ себѣ новыя данныя для развитія дѣйствія пьесы. Прежде всего, мы узнаемъ изъ нея нѣкоторыя подробности относительно сына Миррины, т. е. того самаго юноши, котораго такъ боялся Мосхіонъ (ср. ст. 17), а во-вторыхъ, передъ нами выступаетъ еще одно лицо, которому предстояло играть въ пьесѣ важную роль, а именно, земледѣлецъ Клеэнетъ. Уже изъ монолога Мосхіона мы знали, что сынъ Миррины находится въ деревнѣ, но мы не знали, о какой деревнѣ идетъ рѣчь. Теперь для насъ становится яснымъ, что юноша служитъ работникомъ у Клеэнета, что этотъ Клеэнетъ, по образцу Менедема въ „Ναυτοπιτιμογιτεπος“, самъ, съ помощью рабовъ и вольнонаемныхъ, воздѣлываетъ свою землю и что, наконецъ, жизнь, которую ведетъ онъ, а слѣдовательно, и всѣ, находящіеся подъ его началомъ, отличается суровымъ, чисто трудовымъ характеромъ. Далѣе, изъ словъ Дава явствуется, что юноша живетъ на сторонѣ исключительно ради заработка, чтобы поддерживать имъ свою мать и сестру. А о томъ, что потеря этого заработка была бы тяжелымъ ударомъ для семьи, можно судить по восклицанію Миррины, которое вырывается у нея при извѣстїи о болѣзни Клеэнета (ст. 49). Однимъ словомъ, если раньше мы могли только догадываться о матеріальной необезпеченности Миррины, то теперь, послѣ разказа Дава, этотъ пунктъ становится для насъ безусловно яснымъ, причемъ такъ и кажется, что видишь передъ собой два различныхъ міра, діаметрально противоположныхъ другъ другу и другъ друга исключаяющихъ, а именно, міръ семьи Мосхіона и тотъ міръ, въ которомъ вращается Миррина и ея дѣти. Впрочемъ, судьба, до сихъ поръ враждебно относившаяся къ послѣднимъ, какъ будто хочетъ исправить свою прежнюю ошибку. И вотъ для Миррины, благодаря услугѣ, оказанной ея сыномъ Клеэнету, открывается путь къ спасенію отъ бѣдности: Клеэнетъ хочетъ жениться на ея дочери, Ге-

1) Philem. fr. 227 (= К о с к, II, 536). См. также, М е и н е к е, о. с. IV. 55.

дѣи, и такимъ образомъ вызволить всю семью изъ тѣхъ мытарствъ, которыя она до сихъ поръ испытывала. Но эта вѣсть не радуешь Миррину, а наоборотъ приводитъ ее въ отчаянье. Конечно, всего проще отчаянье Миррины можно было бы объяснить тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находится ея дочь и которое трудно скрыть отъ посторонняго глаза. Но оказывается, что не столько это обстоятельство волнуетъ Миррину: по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ она на него не ссылается и о немъ не упоминаетъ. Причина волненія заключается въ другомъ, и объ этомъ довольно ясно говоритъ стихъ 87, мной пока не переведенный. Къ нему намъ и придется обратиться теперь для разрѣшенія вопроса.

3.

Согласно той формѣ, которая придана этому стиху въ изданіи Кёрте, онъ читается слѣдующимъ образомъ:

[ἐπε]ὶ τίνοσ ἡ παῖσ ἐστὶ; τοῦτ' ἀνοῦ[ε ν]ῦν,

и можетъ быть переведенъ такъ:

Кто дѣвушка — отецъ? Ты послушай меня.

Я не буду подробно разсуждать о томъ, что словамъ *τίνοσ ἡ παῖσ ἐστὶ* можно придавать только тотъ смыслъ, который приданъ имъ въ моемъ переводѣ, и что ихъ нельзя переводить такъ, какъ переводили ихъ Вейль, Виламовицъ и другіе, а именно: „кому же достанется дѣвушка (т. е. Гедія)?“ Все это уже доказано Dziatzko¹⁾ и повторено Préchac'омъ²⁾, а слѣдовательно, не нуждается въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ. Для насъ гораздо важнѣе тѣ выводы, которые можно сдѣлать на основаніи восклицанія Миррины. Прежде всего, благодаря этому восклицанію, мы до нѣкоторой степени проникаемъ въ причину того волненія, которое вызвали въ Мирринѣ слова Дава. Оказывается, что, помимо связи дѣвушки съ Мосхіономъ, есть еще и другія, болѣе серьезныя обстоя-

1) Dziatzko, o. c., 512: Die Frage kann nicht die Bedeutung haben, welche v. Wilamowitz in seiner Uebersetzung hineinlegt: „Wer soll das Mädchen haben?“ Das müsste *τίνοσ γὰρ ἐστὶ*; heißen. Als Frau gehört sie noch keinem der beiden Bewerber, als Geliebte sicher dem Einen.

2) Préchac, o. c., 295.

тельства, которыя мѣшаютъ ея браку съ земледѣльцемъ. Заключаются же они въ тайнѣ происхожденія Гедіи, на что и намекаютъ слова Миррины: „кто дѣвушкѣ — отецъ“. По мнѣнію Dziatzko¹⁾, эти слова заставляютъ предполагать: или что Мирринѣ вообще неизвѣстны родители Гедіи, или же, что ей неизвѣстенъ только отецъ дѣвушки. Въ первомъ случаѣ Гедія будетъ простымъ найденнымъ, взятымъ на воспитаніе и выдаваемымъ Мирриной за родную дочь; во второмъ же случаѣ Миррина можетъ приходиться дѣвушкѣ родной матерью, если думать, что она въ дни своей юности сдѣлалась жертвой насилія со стороны какого-то неизвѣстнаго и затѣмъ родила ребенка, а именно, Гедію. Выставивъ эти двѣ возможности, Dziatzko переходитъ къ разбору каждой изъ нихъ, причемъ ходъ его разсужденій будетъ приблизительно слѣдующимъ. Предположимъ сперва, что Гедія — дочь Миррины. Разъ это такъ, то изъ героевъ комедіи, намъ пока извѣстныхъ, отцомъ дѣвушки могутъ быть или Клеэнетъ, или богатый сосѣдъ Миррины, т. е. отецъ Мосхіона. Но послѣднее, если принимать во вниманіе пріемы „новой“ комедіи, невозможно. Въдь, согласно этимъ пріемамъ, разъ какое-нибудь лицо совершило актъ насилія, повлекшій за собой рожденіе ребенка, а затѣмъ вступило въ бракъ (или въ сожительство) съ другой женщиной, то признанію (*ἀναγνώρισις*) ребенка отцомъ должно предшествовать одно изъ двухъ: или смерть супруги этого лица, какъ видимъ мы это въ „*Epidicus*“ Плавта, или же смерть любовницы, хотя бы и случайной, какъ наблюдается это въ „*Phormio*“ Теренція. Между тѣмъ, въ нашей комедіи оказались бы въ живыхъ обѣ женщины, такъ или иначе связанные съ отцомъ Мосхіона, а именно, Миррина и *γυνή*, взятая имъ *ἐκ' ἐλευθέρου παισίν*, — фактъ, который повлекъ бы за собой рядъ новыхъ и нежелательныхъ для комедіи осложненій. Остается, значить, Клеэнетъ. Но, по мнѣнію Dziatzko, противъ этого говорятъ, во-первыхъ, слова Дава, изъ которыхъ явствуетъ, что Клеэнетъ отличался всегда суровымъ образомъ жизни (ср. ст. 67); а во-вторыхъ, слѣдующій фрагментъ изъ „Земледѣльца“, сохранный Стоеемъ²⁾:

1) Dziatzko, о. с., 512 sqq.

2) Stob. Flor. 105, 28=fr. 94 Kock.

Кто бъ ни былъ тотъ, кто насмѣялся грубо
 Надъ вашей бѣдностью, — онъ жалокъ потому,
 Что можетъ самъ вкусить того, надъ чѣмъ глумился!
 Пусть онъ богатъ, и все жъ его богатство — тлѣнь:
 Вѣдь колесо судьбы и повернута можетъ!

Подобная рѣчь, какъ думаетъ Dziatzko ¹⁾, была бы странной въ устахъ Клеэнета, если бы онъ, упрекающій теперь соблазнителя Гедіи, самъ нѣкогда совершилъ поступокъ, еще болѣе грубый и низкій. Вѣдь наличность подобнаго факта въ его жизни повредила бы цѣльности его образа и „внесла бы въ обрисовку его характера ложный штрихъ“. Но можетъ быть, продолжаетъ Dziatzko, отцомъ дѣвушки было какое-нибудь неизвѣстное намъ лицо, напримѣръ, братъ отца Мосхіона, который въ концѣ пьесы „durch Adoption des Mädchens oder Heirat der Myrrhine jenem die fehlende Legitimität verschaffen könnte“ ²⁾. Однако, и это предположеніе не удовлетворяетъ Dziatzko. Онъ думаетъ, что если бы у Миррины былъ внѣ-брачный ребенокъ, она не могла бы выйти замужъ за какого-нибудь аѳинянина, а между тѣмъ этотъ фактъ имѣлъ мѣсто, такъ какъ у Миррины есть еще сынъ, въ законномъ происхожденіи котораго нѣтъ сомнѣній. Если же думать, что актъ насилія надъ Мирриной произошелъ уже въ то время, когда она находилась замужемъ, и притомъ въ отсутствіе мужа, куда-то уѣхавшаго и назадъ не вернувшася, „so wäre, falls das Kind nicht mehr unbedingt ehelich gelten konnte, seine Aussetzung die Regel gewesen“ ³⁾. И вотъ, на основаніи всѣхъ этихъ соображеній, къ которымъ присоединяется еще и тотъ фактъ, что Гедія нигдѣ не называется „дочерью“ Миррины, а исключительно „дѣвушкой“ (κόρη), Dziatzko приходитъ къ выводу, что Гедія — найденышъ, взятый Мирриной на воспитаніе и выдаваемый ею въ теченіе ряда лѣтъ за родную дочь. Но какъ дочь Миррины, Гедія все время шла за свободорожденную, за аѳинскую гражданку, на что, какъ найденышъ, не имѣла права. А такъ какъ всякій, ложно выдававшій себя за свободного, коль скоро его обманъ выходилъ наружу, подлежалъ продажѣ въ рабство,

1) Dziatzko, о. с., 514.

2) Dziatzko, о. с., 514.

3) Dziatzko, о. с., 515.

то Миррина и должна была бояться брака Гедіи съ Клеэне-томъ. Въдъ послѣдній, узнавъ истину, могъ начать дѣло, и тогда Гедіи грозила бы участь простой рабыни! Почему же въ такомъ случаѣ допустила Миррина сожительство Гедіи съ Мосхіономъ? Допустила въ надеждѣ на то, что когда-нибудь найдутся подлинныя родители дѣвушки и это дастъ Мосхіону возможность жениться на его возлюбленной, конечно, если родители послѣдней окажутся свободорожденными. Найти же этихъ родителей Миррина надѣялась съ помощью тѣхъ *γνώρισμα*, тѣхъ распознавательныхъ знаковъ, которые, какъ повѣствуетъ „новая“ комедія, обыкновенно оставались при брошенныхъ дѣтяхъ и которые, слѣдовательно, были найдены Мирриной и при Гедіи. Итакъ, Гедія, по мнѣнію Dziatzko, найденышъ. Кто же, спрашивается теперь, родители дѣвушки? Dziatzko думаетъ, что ими могутъ быть только отецъ Мосхіона и его сожительница. Нѣкогда, по неизвѣстной намъ причинѣ, они бросили своего ребенка, и вотъ теперь, спустя много лѣтъ, снова находятъ его и принимаютъ обратно въ свою семью, на манеръ того, какъ дѣлаетъ это Хреметъ въ „Hautontimoropepos“. Такова въ общихъ чертахъ — гипотеза Dziatzko, почти буквально воспроизведенная Préchac'омъ¹⁾, — гипотеза, которой нельзя отказать ни въ остроуміи, ни въ вѣроятности, хотя меня лично она и не совсѣмъ удовлетворяетъ.

Впрочемъ я не буду входить въ детальную критику какъ самой гипотезы, такъ и тѣхъ основаній, которыя привели къ ней Dziatzko. Я ограничусь лишь тѣмъ, что отмѣчу тѣ пункты, съ которыми несогласенъ и которые, на мой взглядъ, могутъ быть истолкованы иначе. Сюда прежде всего относится заявленіе Dziatzko о томъ, что въ Клеэнетѣ нельзя видѣть обидчика Миррины или, что то же, отца Гедіи. Dziatzko, какъ мы видѣли это выше, считаетъ, что при подобномъ предположеніи былъ бы внесенъ ложный штрихъ въ обрисовку личности земледѣльца. Но такъ ли это? Правда, тотъ Клеэнетъ, который выступаетъ передъ нами, представляетъ собой человѣка серьезнаго и строгаго, привыкшаго къ трудамъ и суровой жизни. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ всегда былъ такимъ. По крайней мѣрѣ, изъ текста ничего

1) Préchac, о. с., 296 sqq.

подобнаго вывести нельзя. Да къ тому же и сама древняя комедія говоритъ намъ, что одно дѣло — человѣкъ въ старости, другое — онъ же въ молодости. Ср., на примѣръ, слова Перифана изъ „Epidicus“ Плавта (vv. 391 sq.):

[quasi] поп plūruma
malefācta mea essent sōlida in adulescētia¹⁾.

Вотъ такой же „крупный“ поступокъ или, выражаясь словами Эліана (Epist. rust. 15), *θερμὸν καὶ νεανικὸν ἔργον*, могъ въ юности совершить и нашъ Клеэнеть, что не помѣшало ему впослѣдствіи измѣниться до неузнаваемости и сдѣлаться настоящимъ отшельникомъ, вторымъ Тимономъ-мизантропомъ, полнымъ благородныхъ мыслей. Вѣдь если въ „Nautoptimogutepos“ в о р ч л и в ы й Менедемъ — сразу послѣ ухода своего сына превращается, именно вслѣдствіе этого ухода, въ добраго и мягкаго старика, то тѣмъ паче могъ измѣниться за срокъ цѣлой жизни Клеэнеть, каковъ бы онъ ни былъ въ дни своей юности. Итакъ, я считаю, что Клеэнеть могъ быть обидчикомъ Миррины, а слѣдовательно, и отцомъ той самой дѣвушки, къ которой теперь, не зная, что она — его дочь, онъ сватается.

Во-вторыхъ, восклицаніе Миррины: „кто дѣвушкѣ — отецъ“, не надо понимать непременно въ томъ смыслѣ, что Миррина не знаетъ родителей (вѣрнѣе, отца) Гедіи. Это восклицаніе можно разсматривать, какъ своего рода риторическій вопросъ, на который Миррина ждетъ отвѣта отъ самой себя и который является только лишнимъ показателемъ ея взволнованности. Но разъ это такъ, то вовсе не исключена возможность, что Миррина знаетъ, кто именно — отецъ дѣвушки. Этимъ отцомъ является Клеэнеть. Скажу больше. При такомъ пониманіи словъ Миррины ея волненіе и отчаяніе дѣлаются еще болѣе понятными и трагичными, тогда какъ при объясненіи Dziatzko вся ситуація сильно теряетъ въ драматизмѣ, не говоря уже о томъ, что страхъ Миррины передъ проблематичной опасностью, которой можетъ подверг-

1) Ср. также Тег. Neaut. 213 sqq., гдѣ юноша Клитифонъ, характеризуя своего отца, Хремета, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ хорошую характеристику отцовъ вообще, тѣхъ отцовъ, которые, забывая о своихъ юношескихъ проступкахъ, требуютъ отъ молодежи, чтобы она руководилась ихъ старческой безстрастностью.

нутъся Гедія, въ случаѣ выхода ея замужъ за Клеэнета, производитъ нѣсколько натянутое впечатлѣніе. Итакъ, я думаю, что отцомъ Гедіи будетъ Клеэнетъ, а матерью — Миррина¹⁾.

Далѣе, и тотъ фактъ, что Гедія нигдѣ не называется „дочерью“ Миррины, а исключительно „дѣвушкой“ (*κόρη, παῖς*), вовсе не кажется мнѣ говорящимъ противъ выставленнаго мной предположенія. Во-первыхъ, не надо забывать, что до насъ дошелъ всего на всего маленькій отрывокъ, а во-вторыхъ, неужели изъ того, что именно въ этомъ отрывкѣ нѣтъ слова „дочь“, можно заключать, какъ это дѣлаетъ Dziatzko, что Гедія не дочь Миррины, а — приемышъ. Я лично думаю, что нельзя. Наконецъ, мнѣ хотѣлось бы указать еще на стихи 58 сл., которые, какъ мнѣ кажется, тоже подтверждаютъ мою гипотезу:

Но твой сынокъ на старца,
Какъ на отца, взглянулъ.

Само собой разумѣется, что въ этихъ словахъ Дава не можетъ быть сознательнаго намека на прошлое Миррины: Давъ его не знаетъ! Ему хочется просто на просто поглотиться надъ юношей, въ дѣйствіяхъ котораго онъ не прочь усматривать низкую угодливость передъ богатымъ старикомъ. И тѣмъ не менѣе, намекъ тутъ налицо. Только онъ сдѣланъ самимъ поэтомъ, и если пока еще не вполне ясенъ для зрителей, то сразу припомнится имъ въ послѣдствіи, когда станетъ извѣстнымъ, что юноша, ухаживая за постороннимъ человекомъ, какъ за роднымъ отцомъ, на самомъ дѣлѣ спасалъ отъ гибели именно родного отца, а не посторонняго человѣка. Но если это мое замѣчаніе правильно, то намъ слѣдовало бы и здѣсь усматривать примѣръ той самой *praestructio*, о которой мнѣ приходилось говорить выше (стр. 72) и цѣль которой заключалась въ подготовленіи зрителей къ воспріятію новыхъ, неожиданныхъ эффектовъ, имѣющихъ большое значеніе для хода всего дѣйствія пьесы.

Однимъ словомъ, на основаніи всего сказаннаго, я считаю себя вправѣ отклонить гипотезу Dziatzko и остановиться

1) Впервые на возможность этого предположенія указалъ у а п L e e u w e n (о. с., 301), а затѣмъ нѣсколько подробнѣе развилъ его К о e r t e² (о. с., XLV). См. W. Christ⁵, Geschichte d. griech. Litt., II, 1, 32.

на новомъ, приведенномъ мною предположеніи, которое мнѣ лично кажется и болѣе простымъ и болѣе естественнымъ.

Попробуемъ теперь выяснитъ кое-какія подробности, связанныя съ нашей гипотезой, хотя я и знаю напередъ, что всѣ онѣ будутъ носить чисто гадательный характеръ. Актъ насилія, произведенный Клеэнетомъ надъ Мирриной, могъ имѣть мѣсто или до ея замужества или послѣ него¹⁾. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ думать, что Миррина, по образцу Памфилы изъ „Третьскаго суда“, скрыла отъ мужа происшедшее съ ней несчастіе, надѣясь на то, что, когда ребенокъ родится, она тайкомъ сбудетъ его на сторону съ помощью какого-нибудь довѣреннаго лица. Ведя разсужденія дальше, можно предположить еще, что мужъ Миррины уѣхалъ по торговымъ дѣламъ (мотивъ нерѣдкій въ комедіи) и не вернулся обратно, благодаря чему Миррина, уже находившаяся въ интересномъ положеніи, съ полнымъ правомъ могла быть причислена къ разряду тѣхъ женщинъ, *οσαι αν τελευτήσαντος τοῦ ἀνδρὸς σκηπτονται νεῖν*²⁾. Какъ бы то ни было, но у Миррины родилось двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка (ср. то же число въ „Отрѣзанной косъ“ и въ „Героѣ“), которыхъ она не бросила на произволъ судьбы, но оставила при себѣ и стала воспитывать, въ надеждѣ, что со временемъ они станутъ для нея подспорьемъ. Съ этими-то дѣтьми и встрѣчаемся мы въ комедіи, причемъ сынъ Миррины оказывается служащимъ какъ разъ у Клеэнета. Но само собой разумѣется, что ни старикъ, ни юноша не знаютъ о той родственной связи, которая ихъ связываетъ. О ней знаетъ только Миррина, но и она до поры до времени не находитъ нужнымъ вскрывать ее, пока, наконецъ, благодаря игрѣ Случая, не наступаетъ такой моментъ, котораго Миррина не ожидала: отецъ, самъ того не подозрѣвая, начинаетъ свататься къ родной дочери! Было отъ чего прійти въ ужасъ, и этотъ ужасъ, очень хорошо выраженъ простыми словами Миррины: *ἐλεῖ τίποσ ἢ παῖσ ἐστὶ*“, съ которыми она обращается къ Филиннѣ, своему старому и испытанному другу, посвященному, впро-

1) Если только думать, что Миррина вообще была замужемъ. Вѣдь сначала она могла жить въ другомъ мѣстѣ, не непременно въ Аѳинахъ, и лишь впослѣдствіи могла переселиться въ городъ, гдѣ и стала выдавать себя за вдову, оставшуюся послѣ смерти мужа съ двумя дѣтьми на рукахъ.

2) Arist. *Ἀθ. πολ.* 56, 7.

чемъ, не во всѣ тайны своей собесѣдницы. Только исключительное по своей трагичности положеніе заставляетъ Миррину вскрыть теперь всю подноготную своей прежней жизни, и эта подноготная могла излагаться ею въ особомъ монологѣ, до насъ не дошедшемъ, началомъ котораго и служили слова:

Кто дѣвушкѣ — отецъ?! Ты послушай меня!

4.

Теперь послѣ выясненія всѣхъ подробностей, которыя, по моему мнѣнію, можно выводить изъ стиха 87, мнѣ остается разобрать тѣ немногочисленные фрагменты „Земледѣльца“, которые были извѣстны намъ раньше изъ Стовея и другихъ авторовъ, — тѣмъ болѣе, что эти фрагменты на фонѣ нашего отрывка получаютъ новое освѣщеніе и въ свою очередь кое въ чемъ дополняютъ его. Итакъ, переходимъ къ нимъ.

Изъ словъ Дава (стихъ 76) мы уже знаемъ, что Клеэнетъ вмѣстѣ съ сыномъ Миррины находятся на пути въ городъ и что съ минуты на минуту можно ожидать ихъ прибытія. Отсюда ясно, что въ сценахъ, слѣдовавшихъ за монологомъ Миррины (не были ли эти сцены началомъ второго акта?), они должны были выступать въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ. Но отъ этихъ сценъ, повидимому, ничего не сохранилось, ибо дошедшіе до насъ отрывки сюда, какъ мнѣ кажется, относиться не могутъ. Можно, впрочемъ, думать, что однимъ изъ первыхъ этаповъ въ дальнѣйшемъ развитіи дѣйствія была встрѣча Клеэнета съ Мирриной, встрѣча, которая могла происходить приблизительно такъ же, какъ происходитъ аналогичная встрѣча Перифана и Филиппы въ „Epidicus“ Плавта (vv. 534 sqq.). Послѣ этой встрѣчи вопросъ о сватовствѣ Клеэнета сходилъ, конечно, на нѣтъ, и весь интересъ пьесы сосредоточивался уже исключительно на Гедіи или, вѣрнѣе, на ея неудачной любви. Само собой разумѣется, что тайна этой любви должна была мало по малу вскрываться передъ Клеэнетомъ и юношей, котораго, къ слову сказать, звали Горгіемъ¹⁾. Но во всякомъ случаѣ имя соблазнителя дѣвушки дѣ-

1) Иначе думали Nicole, Blass и Weil, полагавшіе, что Горгія это — богатый сосѣдъ Миррины, отецъ Мосхіона. Однако, ср. *Нова* Меландра, гдѣ имя Горгія приложено какъ разъ къ юношѣ, а не къ старику.

лалось извѣстнымъ какъ старику, такъ и юношѣ, не сразу. Вѣдь иначе не сталъ бы Клеэнеть¹⁾ выражаться объ этомъ соблазнитель такъ неопредѣленно, какъ въ нижеслѣдующемъ отрывкѣ (fr. 94 Kock = fr. 2 Koerte):

Кто бъ ни былъ тотъ, кто насмѣялся грубо
Надъ вашей бѣдностью, — онъ жалокъ потому,
Что можетъ самъ вкусить того, надъ чѣмъ глумился.
Пусть онъ богатъ, — и все жъ его богатство тлѣнь!
Вѣдь колесо судьбы и повернуться можетъ.

Изъ этихъ словъ ясно, что если виновникомъ позора дѣвушки Клеэнеть и считаетъ одного изъ тѣхъ *μειδμα δολαота*, подвиги которыхъ засвидѣтельствованы комедіей, то, во всякомъ случаѣ, имени этого *μειδμων* онъ еще не знаетъ. Какъ бы то ни было, но несчастіе Гедіи должно было подѣйствовать удручающимъ образомъ и на брата ея, т. е. на Горгія, и надо думать, что не мало горькихъ словъ произнесъ онъ по этому поводу, если принять во вниманіе тѣ рѣчи Клеэнета, которыхъ мы сейчасъ коснемся. Горячій и экспансивный по природѣ, Горгій, повидимому, не хотѣлъ оставаться простымъ зрителемъ всего происходящаго. Ему хотѣлось найти обидчика, наказать его, унижить. И вотъ, какъ бы отвѣтомъ на эти желанія являются слѣдующія слова Клеэнета (fr. 95 Kock = fr. 3 Koerte):

Тотъ, Горгій, выше всѣхъ, кто власти надъ собою
Умѣетъ не терять въ минуты злыхъ обидъ,
А раздражительность и гнѣвные порывы, —
Все это говорить про мелочность души!

Однако, если къ человѣку обращаются съ подобною рѣчью, то ясно, что онъ находится внѣ себя, что онъ способенъ на крайности и что для пользы самого дѣла его необходимо обуздать и успокоить. Но вотъ имя обидчика становится извѣстнымъ. Это — Мосхіонъ, сынъ богатаго сосѣда Миррины. Само собой разумѣется, что гнѣвъ снова охватываетъ Горгія. Пусть обидчикъ богатъ, а онъ, Горгій, бѣденъ. Вѣдь передъ закономъ, передъ правомъ всѣ равны, а слѣдо-

1) Только Клеэнету и можно приписывать какъ этотъ отрывокъ, такъ и всѣ остальные. Къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ пьесы они не подойдутъ.

вательно, къ суду и долженъ обращаться обиженный. „Нѣтъ“, отвѣчаетъ на это Клеэнетъ (fr. 93 Kock = fr. 1 Koerte):

На бѣднаго глядятъ съ презрѣніемъ, мой Горгій,
Хотя бы говорилъ онъ правду. Мыслятъ всѣ,
Что цѣль его рѣчей — одно любостяжанье.
И даже если онъ обиженъ, — онъ идетъ,
Коль рваный плащъ на немъ, за низкаго прохожу.

Однимъ словомъ, Клеэнетъ всѣми силами старается удержать Горгія отъ всякаго рискованнаго и необдуманнаго шага, подобно тому, какъ въ „Отрѣзанной косѣ“ такую же роль сдерживающаго элемента играетъ Патэкъ по отношенію къ Полемону. Вообще я думаю, что сходство между Патэкомъ и Клеэнетомъ можно распространять и дальше, но, конечно, не по отношенію къ характерамъ обоихъ лицъ (тутъ они различны), а по отношенію къ той важной, почти доминирующей роли, которую они играютъ. Вѣдь недаромъ же наша пьеса называется „Земледѣльцемъ“. Уже изъ одного этого можно было бы заключать, что Клеэнету было отведено въ ней подобающее мѣсто. Но мнѣ кажется, что и всѣ подробности, мною выше указанныя, въ свою очередь подтверждаютъ мое предположеніе о томъ, что Клеэнетъ, какъ и Патэкъ, дѣлался въ концѣ концовъ своего рода руководителемъ дѣйствія. Да иначе и быть не могло, если только вѣрна наша гипотеза о тѣсной связи, существовавшей между земледѣльцемъ и дѣтьми Миррины. А разъ это такъ, то кто, какъ не Клеэнетъ, долженъ былъ браться за устройство того дѣла, въ которомъ страдательнымъ элементомъ являлась его собственная дочь? И вотъ, я думаю, что Клеэнетъ дѣйствительно выступалъ посредникомъ, и не только посредникомъ, а настоящимъ устройтелемъ брака. Такъ, напримѣръ, сперва онъ могъ вести бесѣду съ Мосхіономъ по поводу его чувствъ къ Гедіи и, узнавъ отъ него всю правду, вполне могъ говорить ему слѣдующія слова (fr. 100 Kock = fr. 5 Koerte):

Ты рехнулся? Вотъ умора! Самъ въ свободную влюбленъ,
И молчитъ себѣ и смотритъ, какъ другіе для него
Мастерятъ напрасно свадьбу.

А затѣмъ у Клеэнета должно было быть столкновеніе съ отцомъ Мосхіона. Отецъ же этотъ могъ до нѣкоторой степени напоминать собой Симона изъ „Andria“ Теренція,

такъ что роль Клеэнета совпадала бы тутъ съ ролью Критона изъ той же *Andria*, т. е. съ ролью человѣка, который спокойно и съ достоинствомъ выноситъ дерзости со стороны раздражительнаго богача и мало по малу обезоруживаетъ его и подчиняетъ своей волѣ¹⁾. Къ этому моменту въ дѣйствіи нашей комедіи и могъ бы относиться слѣдующій отрывокъ, характерный для Клеэнета, какъ для земледѣльца, гордящагося своимъ ремесломъ и презирающаго праздную городскую жизнь (fr. 97 + fr. 627 Kock = fr. 4 Koerte):

Да, я — мужикъ, — объ этомъ я не спорю.
Я въ городскихъ дѣлахъ неопытенъ совсѣмъ,
Но долгой жизни путь иной вручилъ мнѣ опытъ.
Итакъ не презирай ты рѣчи мужика!²⁾.

Внѣ всякаго сомнѣнія, эти „рѣчи“ одерживали въ концѣ концовъ побѣду надъ упорствомъ капризнаго богача, и результатомъ ихъ являлась женитьба Мосхіона на Гедіи, причемъ не исключена возможность и того, что Клеэнетъ въ свою очередь вступалъ въ бракъ съ Мирриной, благодаря чему Гедія и Горгіи дѣлались прямыми наслѣдниками его состоянія. Ну, а какая же участь выпадала на долю „сводной“ сестры Мосхіона, его недавней невѣсты? Ее, по всей вѣроятности, выдавали замужъ за Горгія, и, такимъ образомъ, обѣ семьи, еще недавно чуждыя другъ другу, сливались теперь по прихоти Судьбы въ одно дружное цѣлое, а на смѣну недавнимъ тревоженіямъ и беспокойствамъ приходило личное счастье, къ которому вѣдь и стремятся всегда всѣ герои Менандра.

1) Ср. Weil; о. с., 136.

2) Не рѣчами ли Менандровскаго земледѣльца навѣянъ слѣдующій пассажъ у Эліана (*Epist. rust.* 20): *μή τοίνυν γε ω ρ υ ω ν καταφρόνει · ἔστι γάρ τις καί ἐνταῦθα σοφία, γλώττη μὲν οὐ πεποικιλμένη οὐδὲ καλλωπιζομένη λῶων δύναμι, σιωπᾶ δ' εὖ μάλα καί δι' αὐτοῦ τοῦ βίου τὴν ἀρετὴν ὁμολογεῖσθαι*? Далѣе, мнѣ кажется, что къ „Земледѣльцу“ и, въ частности, къ рѣчамъ Клеэнета, можно было бы относить и слѣдующій фрагментъ, сохранный Люяномъ (*Zeῦς τραφῶς*, 32 = fr. adesp. 227 Kock):

ἄγροικὸς εἰμι τὴν σκᾶφην σκᾶφην λέγων.

Эти слова были бы вполне уместны въ устахъ Клеэнета, врага всякой дипломатіи! Тотъ же фактъ что Цеца приводитъ этотъ стихъ, какъ взятый у Аристофана, не заслуживаетъ большого вниманія: на свидѣтельства Цецы вообще полагаться нельзя!

v.

Отрѣзанная коса.

1.

Наши свѣдѣнія о комедіи Менандра „Περικειρομένη“ въ теченіе долгаго времени ограничивались двумя-тремя незначительными отрывками изъ нея¹⁾, да кое-какими, очень поверхностными намеками древнихъ авторовъ, на основаніи которыхъ трудно было даже въ самыхъ общихъ чертахъ представить себѣ приблизительное содержаніе пьесы²⁾. Но въ 1899 г. число отрывковъ значительно увеличилось благодаря папирусу изъ Оксирина, который далъ намъ цѣлую сцену, относящуюся къ концу комедіи, и притомъ такую сцену, которая сразу ознакомила насъ съ массой новыхъ подробностей и деталей, до той поры неизвѣстныхъ³⁾. Затѣмъ, въ 1907 г. мы, благодаря открытію Лефевромъ Каирскаго кодекса, получили уже окончательную возможность судить о пьесѣ, если и не во всей ея полнотѣ, то, во всякомъ случаѣ, въ значительной ея части, хотя многое въ ходѣ дѣйствія и продолжало оставаться для насъ не совсѣмъ яснымъ и довольно

1) Meineke, Menandri et Philemonis reliquiae, 136 sqq.; Meineke, Fragm. comic. graec., IV, 185 sq.; Kock, Com. graec. fragm., III, 111 sq.

2) Philostr. epist. 16 и 61 (ed. Kayser, II, 232, 253); Agathias, Anth. Palat. 5, 217 (ed. Stadtmüller I, 174), а также Tibull. I, 10, 53 sqq.; Lucian. Dial. meretr. 8, 1 и, въ особенности, Schol. Bemb. in Ter. Eun. I, 16 (= Umpfenbach, Hermes, II (1867), 344): videtur Detonsa[m] Peric <eir> omenen Menandri <tan>gere: in qua fabula miles suspicione percussus adulteri gladio amatae amputat c[ri]nes. Cp. Legrand, Les „dialogues des courtisanes“ comparés avec la comédie (= Revue des études grecques XXI (1908), 64).

3) Grenfell-Hunt, The Oxyrhynchus Papyri, II, 11 sqq., n. CCXI; Weil, Deux comédies de Ménandre (= Etudes sur l'antiquité grecque (Paris 1900), 273 sqq.); Kretschmar, De Menandri reliquiis nuper repertis (Lipsiae 1906), 80 sqq.

запутанным¹⁾. Но вотъ, годъ спустя, въ томъ же Египтѣ были найдены два пергаменныхъ листка (3 в. по Р. Х.) — они хранятся теперь въ Лейпцигѣ за № 613 —, содержащія частью уже извѣстные изъ Каирскаго кодекса, частью новые отрывки все изъ той-же „*Περικειρομένη*“, и съ этого момента научная разработка пьесы вступила въ болѣе опредѣленный фазисъ, такъ какъ пергаменные листки заполнили рядъ лакунъ и, до нѣкоторой степени, помогли выяснить рядъ недоразумѣній²⁾. Наконецъ, не мѣшаетъ отмѣтить, что въ самое послѣднее время къ числу уже упомянутыхъ нами рукописей прибавилась еще одна, а именно, Гейдельбергскій папирусъ 219 (2 в. по Р. Х.), заключающій въ себѣ остатки 18 стиховъ, но, къ сожалѣнiю, стиховъ, которые являются плохими дублетами ст. 42—59, въ гораздо лучшемъ видѣ сохранныхъ уже Каирскимъ кодексомъ³⁾.

Такимъ образомъ, при обработкѣ комедiи Менандра „*Περικειρομένη*“ мы имѣемъ возможность пользоваться четырьмя рукописями, изъ которыхъ три взаимно дополняютъ другъ друга, а четвертая, правда, уступая имъ въ значенiи, все таки представляетъ такой памятникъ, который, по крайней мѣрѣ, въ одномъ мѣстѣ (ст. 47: *ἑδυσχέρανε* вм. *ἑδυσχέρανε*) исправляетъ Каирскую. Всѣ эти четыре рукописи, взятые вмѣстѣ, даютъ намъ комплексъ въ 448 стиховъ, кое-гдѣ прерываемыхъ болѣе или менѣе значительными лакунами, причемъ по рукописямъ стихи распредѣляются такъ: на долю Каирскаго кодекса приходится 324 стиха, на долю Оксиринхскаго — 51, а остальное количество даютъ Лейпцигскiе пергаменные листки. Впрочемъ, по поводу послѣднихъ надо замѣтить, что хотя въ общемъ они и содержатъ 121 стихъ, однако изъ этихъ стиховъ 48 являются дублетами тѣхъ, которые имѣются также и въ Каирской рукописи (K 230—277 = L 14—61), а слѣдовательно, то новое, что дается Лейпциг-

1) Lefebvre, Fragments d'un manuscrit de Ménandre (Le Caire 1907); 105 sqq.; Lefebvre², Papyrus de Ménandre (Le Caire 1911), 24—33 и XIV sq.

2) A. Koerte, Zwei neue Blätter der Perikeiromene (= Berichte der königl. Sächs. Gesellschaft der Wiss. zu Leipzig, phil.-hist. Cl., LX, 145—175).

3) Gerhard, Ein Heidelberger Fragment aus Menanders Perikeiromene (= Sitzungsherrichte der Heidelberger Akad. d. Wiss., phil.-hist. Cl., 1911, 4 Abhandlung, 3 sqq.).

скими листками, сводится всего на всего къ 73 стихамъ, имѣющимъ, впрочемъ, громадное значеніе для выясненія хода дѣйствія пьесы и многихъ связанныхъ съ нимъ подробностей.

Итакъ, все, что дошло до насъ отъ „*Περικειρομένη*“, равняется 448 стихамъ¹⁾, т. е., приблизительно, половинѣ пьесы, если мы станемъ сводить размѣры послѣдней на 1000 стиховъ, руководствуясь въ данномъ случаѣ тѣми аналогіями, которыя даютъ намъ пьесы Плавта и Теренція. А впрочемъ, для рѣшенія вопроса о величинѣ комедіи, у насъ имѣются и другія, болѣе опредѣленные данныя, къ разбору которыхъ мы и перейдемъ. Такъ, прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ четыре страницы двухъ Лейпцигскихъ листовъ пагинированы, причемъ пагинація, помѣщенная на верхнихъ краяхъ страницъ, даетъ слѣдующія цифры: *να*, *νβ*, *ξα*, *ξβ*, т. е. 51, 52, 61 и 62. Изъ этихъ цифръ ясно, что рукопись, къ которой принадлежали Лейпцигскіе листки, распадалась на кватерніоны и что, съ другой стороны, наши листки входили въ составъ четвертаго кватерніона рукописи, будучи въ немъ страницами 3—4 и 13—14, или, иначе, вторымъ его листомъ. А такъ какъ число строкъ на каждой страницѣ Лейпцигскихъ листовъ равняется 30, то, значитъ, между дошедшими до насъ страницами, т. е. между страницей 52 и 61, помѣщалось нѣкогда на двухъ листахъ (т. е. на лл. 3 и 4) 240 стиховъ, что вмѣстѣ съ дошедшими 120 составляло комплексъ въ 360 стиховъ. Далѣе, коль скоро первая страница Лейпцигскихъ листовъ была въ рукописи 51-ой, то ясно, что ей предшествовало 50 страницъ, или, иначе, 1500 стиховъ. Но такъ какъ все это количество (+ 360 стиховъ) не могло приходиться на одну „*Περικειρομένη*“, то надо, вслѣдъ

1) Если не считать, что къ нашей пьесѣ относится и фрагментъ β, представляющій собой остатки 4 страницъ, которыя составляли нѣкогда одинъ листъ. Но этотъ фрагментъ, сохранившій только однаѣ начала, да концы стиховъ, врядъ ли можетъ быть предметомъ изслѣдованія, хотя, если вѣрить Лефебру, въ немъ и встрѣчается ποῖα marginalis: Πολ (i. е. *Πολέμων*), какъ будто бы и относящая его къ *Περικειρομένη*. Во всякомъ случаѣ, сказать про этотъ фрагментъ что нибудь опредѣленное довольно трудно. Можно отмѣтить только, что сохраненные имъ остатки стиховъ ясно указываютъ, что эти стихи входили въ составъ довольно оживленнаго діалога: въ пользу этого говорятъ частые параграфы, то и дѣло смѣняющіе другъ друга! Подробнѣе говорить о фрагментѣ β: Lefebvre², о. с., XIV sqq. и, въ особенности, Kœrle², о. с., XXXVIII sq.

за Koerte, думать, что наша пьеса занимала въ Лейпцигской рукописи второе мѣсто и начиналась, приблизительно, съ 35 страницы, тогда какъ первая 34 страницы, вмѣщавшія около 1020 стиховъ, падали на долю той комедіи, которая предшествовала нашей и которая до насъ не дошла¹⁾. Всѣ эти расчеты, какъ бы шатки они ни были, подтверждаетъ, на мой взглядъ, и Каирскій кодексъ, къ которому намъ и слѣдуетъ теперь обратиться, тѣмъ болѣе, что если стихи, сохраненные Лейпцигскими листками, относятся къ серединѣ пьесы, то большая часть текста, сохраненнаго Каирской рукописью, отстояла, повидимому, не особенно далеко отъ самаго начала комедіи, къ сожалѣнію не сохранившагося. Итакъ, коснемся теперь Каирскаго кодекса.

Наша пьеса, въ ея настоящемъ видѣ, занимаетъ въ кодексѣ два листа: Е и J, или, иначе, 8 страницъ. Эти листы, входившіе въ составъ одного и того-же кватерніона, были въ немъ вторымъ и четвертымъ листами, а слѣдовательно, заключали въ себѣ страницы: 3—4, 7—8, 9—10, и 13—14, на которыхъ и сохранилось 287 стиховъ. Что же касается остальныхъ, утраченныхъ листовъ кватерніона, т. е. лл. 1 и 3, то на нихъ, считая на страницу круглымъ счетомъ по 35 строкъ, было 280 стиховъ съ небольшимъ, что вмѣстѣ съ сохранившимися 287 стихами давало сумму въ 567 строкъ безъ малаго, которыя и заполняли кватерніонъ въ его цѣломъ видѣ²⁾. Но, кромѣ отмѣченныхъ мною двухъ листовъ, на долю „*Perikeiromene*“ приходится въ Каирскомъ кодексѣ еще маленькій отрывокъ К, содержащій въ себѣ (на recto и на verso) 37 стиховъ и относившійся нѣкогда къ второму листу того кватерніона, который слѣдовалъ за нашимъ, только что упомянутымъ³⁾. А такъ какъ число строкъ

1) Koerte², о. с., XXXIV sq.; Koerte, *Zwei neue Blätter der Perikeiromene*, 174 sq.

2) Значитъ, общій видъ кватерніона будетъ таковъ: <лсипа въ 2 страницы>, Е₁₋₂, <лсипа въ 2 страницы>, J₁₋₂, J₃₋₄, <лсипа въ 2 страницы>, Е₃₋₄, <лсипа въ 2 страницы>.

3) Опредѣлить съ приблизительною точностью то мѣсто, которое занималъ нѣкогда обрывокъ К, можно благодаря второму Лейпцигскому листку, т. е., благодаря страницамъ ξα и ξβ, которыя почти что продолжаютъ обрывокъ К, если не считать маленькой лакуны, приблизительно, въ 7—8 стиховъ, отдѣляющей ихъ отъ обрывка. См. по этому поводу Koerte, *Zwei neue Blätter der Perikeiromene*, 171 sqq.

на каждой страницѣ Каирской рукописи доходить до 35—38, то, значить, на обѣихъ страницахъ обрывка *К* не хватаетъ, приблизительно, 33 строкъ, что, вмѣстѣ съ сохранившимися 37, составляло 70. Итакъ, первыя четыре страницы второго кватерніона содержали въ себѣ круглымъ счетомъ 140 стиховъ, изъ которыхъ дошло до насъ всего на всего 37. Вслѣдъ за обрывкомъ *К* въ Каирскомъ кодексѣ идетъ лакуна, ибо на этомъ обрывкѣ кодексъ и кончается. Но, къ счастью, нѣкоторая часть этой лакуны восполняется вторымъ Лейпцигскимъ листкомъ, какъ бы играющимъ роль третьяго листа во второмъ кватерніонѣ Каирскаго кодекса и дающимъ намъ 60 стиховъ, т. е. число, которому не хватаетъ, приблизительно, 10 стиховъ для того, чтобы занять полностью предполагаемый нами третій листъ (т. е. первыя двѣ страницы) второго кватерніона. Если мы сложимъ теперь добытыя нами числа, то въ нашемъ распоряженіи окажется 210 стиховъ, а вмѣстѣ съ приведенными выше 570 у насъ получится сумма въ 780 стиховъ, къ которымъ надо прибавить еще 50, находящихся въ папирусѣ изъ Оксиринха.

Однако, текстъ, сохраненный Оксиринхскимъ папирусомъ, не примыкаетъ къ Лейпцигскому листку непосредственно, такъ что между ними надо предполагать наличность лакуны, по крайней мѣрѣ, въ 100 или въ 140 строкъ. Такимъ образомъ, размѣры нашей пьесы, если мы поведемъ счетъ отъ перваго, сохранившагося до насъ стиха Каирской рукописи, сведутся къ 920—930 стихамъ, не больше. Но первый стихъ „*Περικειρομένη*“, какъ даетъ его Каирскій кодексъ, не былъ первымъ стихомъ комедіи въ ея цѣльномъ видѣ, ибо начало комедіи пропало.

Спрашивается теперь, можно ли опредѣлить съ приближительной точностью размѣры этого начала? Если мы обратимся къ Лейпцигскимъ листкамъ, то коль скоро мы считаемъ, что „*Περικειρομένη*“ начиналась въ рукописи, къ которой они принадлежали, съ 35 страницы (см. выше), ясно, что первому стиху, сохраненному Лейпцигскими листками, предшествовало около 450 стиховъ. Между тѣмъ, первый стихъ Каирской рукописи отстоитъ отъ перваго стиха Лейпцигскихъ листковъ на разстояніи 340 стиховъ съ небольшимъ¹⁾. От-

1) Ср. Koerte², о. с., XXXV.

сюда видно, что пропавшее начало комедіи равнялось 100 стихамъ съ чѣмъ-то, и что, такимъ образомъ, размѣры всей „*Περικειρομένη*“ сводились, приблизительно, къ 1020—1030 стихамъ, изъ которыхъ 20—30, по аналогіи съ „*Ἦρωσ*“ Менандра, могли приходиться на долю *ὁ πόθος* и списка дѣйствующихъ лицъ пьесы.

Опредѣливъ, на сколько это было возможно, относительную величину интересующей насъ комедіи, мы можемъ перейти теперь къ разбору послѣдней, но предварительно намъ придется сказать нѣсколько словъ по поводу ея заглавія. Это заглавіе, собственно говоря, не сохранилось ни въ одной изъ упомянутыхъ нами четырехъ рукописей и, тѣмъ не менѣе, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мы, дѣйствительно, имѣемъ дѣло съ „*Περικειρομένη*“, а не съ какой-либо другой пьесой Менандра. Прежде всего, это явствуетъ изъ содержанія самой комедіи, косвеннымъ же подтвержденіемъ является то обстоятельство, что стихъ 408: *ὁ δ' ἀλάστορ ἐγὼ | καὶ ξηλότυπος ἀνδρῶπος*, находящійся въ сценѣ, которую сохранилъ Оксиринхскій папирусъ, отнесенъ въ „Лексиконѣ“ Фотія какъ разъ къ „*Περικειρομένη*“¹⁾. Равнымъ образомъ, и слова: *τὸ δὲ κεφάλαιον οὐδέπω λογίζομαι | τὸν δεσπότην*, которыя приводятся въ схоліи къ ст. 35 Аристофановскаго „Богатства“, какъ взятые изъ той-же „*Περικειρομένη*“, дѣйствительно, стоятъ въ текстѣ ново-открытой комедіи, какъ стихи 173—174²⁾. Слѣдовательно, данныхъ для фиксированія пьесы опредѣленнымъ заглавіемъ вполнѣ достаточно, и мы можемъ не сомнѣваться въ томъ, что передъ нами — дѣйствительно то самое произведеніе Менандра, которое когда-то пользовалось громкою славой и отзвуки котораго можно найти у разныхъ писателей древняго міра³⁾.

1) Reitzenstein, *Der Anfang des Lexicons des Photios*, 71, s. v. *ἀλάστορ*. Этотъ стихъ былъ намъ извѣстенъ и раньше изъ *Lex. Seguer.* (= Bekker, *Anecd. gr.* 374), гдѣ, впрочемъ, онъ приводится безъ опредѣленнаго указанія пьесы, изъ которой взятъ. Тѣмъ не менѣе уже Meineke съ присущей ему проникательностью предполагалъ, что его надо относить къ „*Περικειρομένη*“, — гипотеза, которая теперь подтверждается и Фотіемъ и Оксиринхскимъ фрагментомъ. См. Meineke, *Menandri et Philemonis reliquiae*, 137, а также *Fragm. com. gr.* IV, 186.

2) *Scholía graeca in Aristophanem* ed. Dühner, 327.

3) Кромѣ вышеприведенныхъ цитатъ слѣдовало бы отмѣтить еще *Lucian. Dial. meretr.* 9, 5 и 15, 3, гдѣ нѣкоторыя мѣста навѣяны, повидимому, соответствующими стихами нашей комедіи.

Сохранившіеся стихи пьесы распредѣляются по нѣсколькимъ дѣйствіямъ, причемъ всего лучше представленъ второй актъ, на который падаетъ цѣлый рядъ сценъ; остальные же акты пострадали гораздо больше, и это обстоятельство сильно затрудняетъ возстановленіе общаго хода дѣйствія, тѣмъ болѣе, что пьеса отличается рѣдкой запутанностью интриги. Въ своемъ настоящемъ видѣ пьеса открывается монологомъ, который произноситъ „Невѣдѣніе“ (*Ἔρρωια*). Но и этотъ монологъ дошелъ до насъ не въ полной сохранности: ему не хватаетъ нѣсколькихъ, повидимому, немногихъ стиховъ, въ которыхъ „Невѣдѣніе“ должно было, во-первыхъ, сообщать зрителямъ о томъ, кого они передъ собой видятъ¹⁾, и, во-вторыхъ, привести начало той исторіи, изложенію которой посвящены его дальнѣйшія слова. Думать же, что монологъ „Невѣдѣнія“ и былъ началомъ комедіи, нельзя. Это явствуется изъ того, что „Невѣдѣніе“ упоминаетъ въ немъ о двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицахъ пьесы, какъ о такихъ, которыхъ зрители уже видѣли (ст. 7 и 38). Но разъ это такъ, то мы должны думать, что монологу предшествовала особая вводная сцена (вѣрнѣе, что — двѣ сцены) на манеръ той, которую мы видимъ въ комедіи Менандра „Герой“. Эта сцена и открывала собой дѣйствіе или, точнѣе, была преддверіемъ къ нему, а уже за ней шелъ нашъ монологъ-прологъ, содержащій въ себѣ — говоря словами Лукіана — „изложеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла“ — *σύνταγμα τοῦ δράματος τὸν λόγον*²⁾.

Спрашивается, въ чемъ же заключались эти „обстоятельства“, а также, нельзя ли на основаніи ихъ опредѣлить, чего могла касаться вводная сценка комедіи? Отвѣтъ на все это даютъ намъ слова „Невѣдѣнія“. Изъ нихъ мы узнаемъ, что какая-то женщина, не отличавшаяся большими средствами, нашла двухъ брошенныхъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, которыхъ и взяла себѣ на воспитаніе. Но затѣмъ изъ двухъ найденышей она рѣшила оставить у себя только одну дѣвочку, а

1) По всей вѣроятности, *Ἔρρωια* давала эти объясненія въ такой-же формѣ, въ какой даютъ ихъ *Ἄφρο* у Филемона (Kock, II, 505, fr. 91) и *Ἐλεῦχος* у Менандра (Lucian. Pseudolog. 4). Ср. также то, что я говорю по поводу роли „Героя“ въ одноименной этому персонажу менандровской пьесѣ „Герой“ (стр. 97 сл.).

2) Lucian. Pseudolog. 4.

мальчика отдала богатой сосѣдкѣ, которой хотѣлось имѣть сына и которую, какъ видно изъ дальнѣйшаго, звали Мирриной. Когда дѣвочка, по имени Гликера, подросла, ея пріемная мать, въ то время сильно нуждавшаяся въ средствахъ (ст. 6), не помѣшала ей сдѣлаться любовницей офицера Полемона, причемъ выдала её за свою родную дочь¹⁾. Такимъ образомъ, дѣвушка оказалась пристроенной; ея же пріемная мать вскорѣ послѣ этого скончалась, но передъ смертью открыла своей питомицѣ тайну ея происхожденія, отдала ей найденныя съ нею распознавательные знаки (*γνώρισμα*), чтобы по нимъ дѣвушка могла отыскать своихъ родителей, а также указала ей и на ея родство съ юношей Мосхиономъ, жившимъ у Миррины на положеніи законнаго сына. Послѣ смерти старухи, Гликера, не желая открытіемъ тайны ставить своего брата въ неловкое положеніе, со дня на день откладывала минуту свиданія съ нимъ, довольствуясь тѣмъ, что истина была ей извѣстна. Но случилось такъ, что юноша, самъ того не подозревая, ускорилъ развязку. Онъ замѣтилъ красавицу и, думая, что если она и не изъ числа настоящихъ гетеръ, то, во всякомъ случаѣ, приближается къ нимъ, смѣло повелѣлъ атаку, тѣмъ болѣе, что, избалованный женщинами (ср. стихъ 113), не привыкъ ставить преграды своимъ желаніямъ. Но въ тотъ моментъ, когда, подкарауливъ дѣвушку у ея дома, онъ сразу приступилъ къ ней съ ласками, а она, зная, что передъ ней находится братъ, на поцѣлуи отвѣчала поцѣлуями, — вернулся ея возлюбленный, Полемонъ, и полный ревности, не разобравъ хорошенько, въ чемъ дѣло, положилъ начало всѣмъ тѣмъ осложненіямъ, которыя и вызвали пьесу къ жизни.

Все это, мной изложенное, находится, за немногими исключеніями, въ монологѣ „Невѣдѣнія“. Но есть въ этомъ монологѣ и еще кое-какія частности, которыя являются своего рода путеводной нитью для реконструкціи вводной сцены, до насъ не дошедшей. „Вы уже видѣли дѣвушку“, говоритъ „Невѣдѣніе“, обращаясь къ зрителямъ, а немного ниже (стихъ 38), начавъ рассказывать о внезапномъ появленіи Полемона, — оно вдругъ прерываетъ свой рассказъ словами:

Но о дальнѣйшемъ онъ недавно самъ сказалъ.

1) Ср. Lucian. Dial. meretr. 6, гдѣ мать, вынуждаемая къ тому бѣдностью, совѣтуетъ дочери взяться за ремесло гетеры.

Отсюда ясно, что Полемонъ, еще до монолога „Невѣдѣнія“, выступалъ на сценѣ, и притомъ съ цѣлой рѣчью, ибо въ противномъ случаѣ слова „Невѣдѣнія“ были бы, по меньшей мѣрѣ, странны. Итакъ, пока мы можемъ констатировать, что вводная сцена заключала въ себѣ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ Полемона и Гликеру. Но каково же было содержаніе этой сцены? Изъ текста комедіи (ст. 48 и 53), изъ показаній разныхъ писателей древности, изъ заглавія пьесы, наконецъ, мы знаемъ, что Полемонъ оскорбилъ свою любовницу тѣмъ, что, въ припадкѣ бѣшенства, отрѣзалъ у ней косу, въ силу чего пьеса и называется „*Περικειρομένη*“ или, какъ очень удачно переводить это слово Θ. Ф. Зѣлинскій, „Отрѣзанная коса“. Своей дикой выходкой, не сообразивъ всѣхъ ея послѣдствій, Полемонъ сдѣлалъ то, что поставилъ Гликеру не выше обыкновенной гетеры, обыкновенной продажной женщины, — онъ, такъ сказать, наложилъ на нее печать явнаго безчестія¹⁾. Но думать, что этимъ актомъ насилія была занята вводная сцена²⁾, или, что содержаніемъ послѣдней было появленіе плачущей Гликеры, за которой слѣдовалъ Полемонъ, осыпавшій ее оскорбленіями, — врядъ ли возможно³⁾.

Первое предположеніе будетъ противорѣчить общему характеру греческой драмы и примѣняемымъ въ ней пріемамъ, а второе — не подойдетъ къ характеру Полемона, какимъ рисуется онъ въ нашей комедіи. Вѣдь изъ текста прежде всего явствуетъ, что встрѣча Гликеры съ Мосхіономъ произошла вечеромъ, наканунѣ того дня, съ котораго начинается дѣйствіе. Съ другой же стороны, Полемонъ, который изображается по преимуществу человѣкомъ минуты, врядъ ли могъ откладывать до утра процедуру съ косою Гликеры.

1) Robert, Der neue Menander, 13, думаетъ, что *περικειροθαι* надо сопоставлять съ выраженіемъ: *οκαφίον κείρεσθαι*, т. е., иными словами, онъ полагаетъ, что Полемонъ остригъ Гликеру на манеръ того, какъ стриглись гетеры. Но мнѣ кажется, что это — невѣрно. Полемонъ просто отрѣзалъ косу Гликеры, благодаря чему у послѣдней получилось нѣчто вроде *κονρά περιτόχαλος*. Ср. Hesych: *οκαφίον · εἶδος κονρά τῆς κεφαλῆς, ὃ κείρεσθαι πασι τὰς ἐταίρενύσας · εἶναι δὲ περιτόχαλον*.

2) Такъ думалъ Lefebvre, о. с. 106 sq.

3) Такъ полагаетъ Robert, Bemerkungen zur Perikeiromene des Menander [= Hermes, 44 (1909), 284, 2].

Гораздо естественнѣе думать, что онъ сразу, подѣ влияніемъ аффекта, совершилъ свой поступокъ, въ которомъ черезъ короткое время уже готовъ каяться¹⁾. Недаромъ же, нѣсколько ниже, рабъ Полемона, Сосія, говоритъ про своего барина (ст. 52 сл.):

Недавно нашъ боецъ такъ и ходилъ грозой,
Недавно женскихъ косъ не выносилъ... А нынѣ
Онъ плачетъ за столомъ!

Но изъ этихъ словъ, какъ бы мы ихъ ни понимали, явствуетъ одно, а именно, что Полемонъ поступаетъ обыкновенно сгоряча, безъ предварительнаго обдумыванія своихъ поступковъ, и что, слѣдовательно, оскорбленіе, которое онъ нанесъ Гликерѣ, должно было быть нанесено имъ сразу послѣ удаленія Мосхіона, или, иначе, что не оно было предметомъ содержанія вводной сцены.

Итакъ, обѣ указанная мной попытки реконструировать содержаніе вводной сцены слѣдуетъ признать за неудавшіяся. Гораздо правильнѣе будетъ, если за исходную точку для реконструкціи мы возьмемъ слѣдующія слова „Невѣдѣнія“, касающіяся Полемона (стихъ 38):

Но о дальнѣйшемъ онъ недавно самъ сказалъ.

На основаніи этихъ словъ можно предполагать, что сцена открывалась или рѣчью одного Полемона или діалогомъ между нимъ и его довѣреннымъ рабомъ Сосіей. Въ силу того, что Сосія выступаетъ въ сценѣ, идущей за монологомъ „Невѣдѣнія“, какъ лицо, уже извѣстное зрителямъ, — слѣдуетъ думать, что они видѣли его раньше. А такъ какъ они могли видѣть Сосію только въ начальной сценѣ, то ясно, что тамъ у него была нѣкоторая роль. Какъ бы то ни было, Полемонъ въ своей рѣчи долженъ былъ рассказывать о томъ, что сдѣлалъ онъ съ Гликерой, уличенной имъ въ невѣрности, а также долженъ былъ жаловаться на измѣну любимой женщины, послѣ чего, сопровождаемый Сосіей, уходилъ изъ дома, чтобы гдѣ нибудь — можетъ быть, въ загородномъ помѣстьѣ — размыкать свое горе въ кругу друзей и веселыхъ женщинъ²⁾. Что же касается Гликеры, то поводомъ къ ея

1) Точно такъ-же рассуждаетъ и Schmidt, Menanders Perikelromene = Hermes, 44 (1909), 403 sq.).

2) Иначе Schmidt (о. с., 405), который думаетъ, что „die Gesell-

выходу на сцену могло быть желаніе удержать Полемона и оправдаться передъ нимъ¹⁾, — желаніе, которое оставалось невыполненнымъ и которое, въ свою очередь, могло дать поводъ къ жалобамъ на судьбу. Во всякомъ случаѣ, я не думаю, чтобы роль Гликеры въ начальной сценѣ была значительной. По крайней мѣрѣ, изъ словъ „Невѣдѣнія“: „вы её видѣли“, можно, думается мнѣ, заключать, что Гликера была просто-на-просто аксессуаромъ къ Полемону: она только дополняла его, весь же центръ тяжести лежалъ именно на немъ, а не на ней. Итакъ, Полемонъ уходилъ, а Гликера оставалась или одна, или же со своей служанкой Доридой, съ которой мы встрѣчаемся въ комедіи, какъ съ наперсницей Гликеры, глубоко ей преданной²⁾. Таковъ, приблизительно,

schaft versammelt sich in einem Wirtshause der Stadt“. Но противъ этого говоритъ ст. 174: *ἀν ἐξ ἀγορῆ θάπτον πάλιν ἐλθῆ* (sc. *Πολέμων*), изъ котораго видно, что Полемонъ находится не въ городѣ, а за-городомъ, въ деревнѣ.

1) Иначе Koerfe², о. с., XXXVIII: procedit Glycera (послѣ ухода Полемона), quae condicione iniquitatem lamentata vel sola vel cum Doride fugam e Polemoni aedibus parat. Что до Carps'a (о. с., 151), то онъ начинаетъ пьесу съ діалога между Полемономъ и Гликерой, съ діалога, къ которому онъ относитъ Мен. fragm. 569 (= Коск, III, 174). А затѣмъ, послѣ этого діалога, который замыкается уходомъ Полемона, начинается, согласно Carps'у, другая діалогическая сценка, участницами которой являются Гликера и Дорида, составляющія планъ о переходѣ изъ дома Полемона въ домъ Миррины, съ которой онъ и сговариваются.

2) Совершенно иначе рисуется ходъ дѣйствія какъ первой сцены, такъ и послѣдующихъ Робертъ. См. Robert, *Scenen aus Menanders Komödien*, 87; Der neue Menander, 13 сл.; Bemerkungen zur Perikeiromene des Menander (= Hermes, 44, 274 sq.). Согласно его представлению, вводная сцена кончалась тѣмъ, что Гликера, оскорбленная Полемономъ, уходила отъ него въ сопровожденіи Дориды въ такое мѣсто, которое вполне соответствовало продажной женщинѣ, т. е. въ *πορνείον*. Къ *πορνείον* и посылается (стихи 58 сл. и 164 сл.) Полемономъ его рабъ Сосія для наблюденія за тѣмъ, не пришелъ ли къ Гликерѣ Мосхіонъ. Наконецъ изъ того-же *πορνείον* перебирается Гликера и въ домъ къ Мирринѣ (стихъ 73). Входитъ въ разборъ данныхъ, которыя привели Роберта къ его странной гипотезѣ, я не буду, ибо на несостоятельность ихъ уже указалъ Б. В. Варнеке въ своей книгѣ „Новыя комедіи Менандра“, 102, а за самое послѣднее время они были еще разъ детально разобраны и затѣмъ отвергнуты Шмидтомъ въ статьѣ „Menanders Perikeiromene“ (= Hermes, 44, 405—407). Наконецъ, можно еще отмѣтить, что, по мнѣнію van Leeuwen'a (о. с., 74, 1), Гликера, послѣ нанесеннаго ей оскорбленія, не остается у Полемона, въ его домѣ, но уходитъ „ad amicam aliquam“, изъ жилища которой и перебирается затѣмъ къ Мирринѣ. Это предположеніе, какъ ни на чемъ не основанное, тоже не выдерживаетъ критики!

былъ ходъ дѣйствія вводной сценки, начинавшей собой пьесу. Въ ней зрители получали первые намеки на ту драму, которая должна была впослѣдствіи развернуться передъ ними. Но намеки эти были недостаточно еще ясны, а потому ихъ приходилось дополнять новыми, болѣе подробными свѣдѣніями, въ которыхъ давалось бы хоть какое нибудь обоснованіе для всего того, что зрители только что видѣли передъ собой, и вмѣстѣ съ тѣмъ приводились бы тѣ факты изъ *та проουγενήμενα*, безъ знанія которыхъ зрителями весь ходъ дѣйствія могъ бы потерять въ наглядности. И вотъ, въ качествѣ выяснителя, выступала богиня „Невѣдѣція“ со своимъ монологомъ, вполне умѣстнымъ для новой комедіи, — монологомъ, послѣ котораго завязка пьесы получала полную законченность и дѣйствіе могло свободно идти впередъ, безъ всякой опасности остаться неяснымъ и недосказаннымъ.

Дѣйствующія лица.

Полемонъ, офицеръ, молодой человѣкъ.

Сосія, рабъ Полемона, его довѣренное лицо.

Гликера, любовница Полемона, молоденькая дѣвушка.

Дорида, рабыня Полемона, наперсница Гликеры.

Невѣдѣніе.

Мосхіонъ, пріемный сынъ Миррины, юноша.

Давъ, рабъ, довѣренное лицо Мосхіона.

Привратникъ въ домъ Миррины.

Патэкъ, богатый старикъ, купецъ, другъ Полемона.

Миррина, богатая, замужняя женщина.

Габротононъ, флейтистка.

Хоръ: онъ изображаетъ собой толпу подвыпившихъ юношей, пріятелей (?) Полемона. Особыхъ партій хоръ не имѣетъ. Онъ выступаетъ только въ концѣ каждаго дѣйствія въ качествѣ музыкально-вокальной интермедіи.

Рабы Полемона и Миррины. Они играютъ роль простыхъ статистовъ, простыхъ *καφά πρόσωπα*.

[Дѣйствіе пьесы происходитъ въ Коринѣ¹⁾].

1) Переводъ сдѣланъ по изданію A. Koerte², о. с., 62 sqq. Во вниманіе приняты также: Sudhaus, о. с., 36 sqq.; van Leeuwen², о. с., 74 sqq.; Robert, Der neue Menander, 94 sqq.; Carps, о. с., 151 sqq. и др.

Дѣйствіе первое.

Явленіе третье.

[Сцена представляет собой городскую улицу, на которой, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, расположены два дома: Полемона и Миррины¹⁾. Вслѣдъ за уходомъ Гликеры въ домъ Полемона, сцена втеченіи нѣсколькихъ мгновеній пустуетъ, а затѣмъ на ней, какъ *deus ex machina*, появляется Невѣдѣніе].

Невѣдѣніе.

- Е₁ Одну лишь дѣвочку надумала старуха
Оставить у себя, а мальчика сбыла
Богатой женщинѣ, что здѣсь живетъ: ей сына
Хотѣлось ужъ давно! Такъ дѣло и сошлось...
- (5) Промчался рядъ годовъ, пришла война, въ Коринѣѣ, 5
Что день, то больше бѣдъ: старухѣ нѣтъ житья!
Дѣвица же — еѣ вы видѣли — успѣла,
Пока что, подрости, и обрѣла дружка.
Онъ тоже вамъ знакомъ, онъ родомъ изъ Коринѣа,
(10) Не человекъ, — огонь!²⁾ Старуха и отдай 10
Ему красавицу, какъ дочь свою родную...
Потомъ занемогла и, чувствуя, что къ ней
Подходитъ смертный часъ, не скрыла отъ дѣвицы
Судьбы ея, — о нѣтъ, сказала, что она
(15) Подкидышъ, отдала пеленки ей, въ которыхъ 15
Нашла ее, и ей повѣдала затѣмъ,
Что есть у ней и братъ, пока ей незнакомый. —
Старуха чуяла всю шаткость дѣлъ людскихъ,
И думалось ей, что если у дѣвицы,
Помимо брата, нѣтъ родни другой, то братъ 20

1) Koerte² (о. с., XXXVI) предполагаетъ, что на сценѣ находятся не два, а три дома. Но мнѣ кажется, что противъ этого говорятъ слова Невѣдѣнія, указывающаго зрителямъ только на дома Миррины (ст. 2) и Полемона (ст. 25 сл.). Ср. также Gerhard, Zu Menanders Perikleiotene (= Philologus, 69 (1910), 11, 6). Гипотезу о трехъ домахъ выставляетъ также и van Leeuwen² (о. с., 74), но только у него этотъ третій домъ принадлежитъ не Патѣку, какъ думаетъ Koerte, а „какой-то другъ“ Гликеры.

2) Словомъ „огонь“ я перевожу стоящее въ текстѣ „σφοδρὸς“, которое будетъ почти что синонимомъ къ „πρῶτος“.

- Поддержкой будетъ ей въ минуты затрудненій.
- (20) Къ тому жъ и предо мной, Невѣдѣнемъ, былъ страхъ,
Чтобъ на невольный грѣхъ дѣтей я не толкнуло:
Старуха видѣла, что юноша въ богатствѣ
И въ буйныхъ кутежахъ свою проводитъ жизнь, 25
Что молода еще питомица, красива, —
Что другъ ея изъ тѣхъ, къ кому довѣрья нѣтъ!
- (25) Старуха умерла... Другъ дѣвушки — онъ воинъ —
Недавно этотъ домъ купилъ себѣ... Съ тѣхъ поръ
Красавица жила рукой подать отъ брата, 30
Но истины она не вскрыла: вѣдь юнецъ
Считался богачомъ, ну, ей и не хотѣлось
- (30) Мѣнять его судьбы, коль въ слѣчай онъ попалъ!
Но вотъ нашъ сорванецъ дѣвицу запримѣтилъ,
Сталъ къ дому хаживать... Вчера же вечеркомъ, 35
Когда, уславъ рабу, она въ дверяхъ стояла,
Не долго думая, онъ подлетѣлъ, обнялъ
- (35) И началъ цѣловать, а дѣвушка — ни съ мѣста.
- Е₂ Ей было вѣдомо, что передъ нею — братъ!
Но къ дому воинъ шелъ и все, что было, видѣлъ... 40
А впрочемъ, обо всемъ онъ самъ вамъ разсказалъ!
Братъ дѣвушки бѣжалъ, шепнувъ ей: „на досугъ
- (40) Съ тобой мы свидимся“. Она жъ, кляня судьбу,
Тихонько плакала о томъ, что ей мѣшаютъ
Свободно дѣлать то, къ чему лежитъ душа. — 45
Для счастья въ будущемъ я заварила кашу,
Я воина за тѣмъ въ безумный гнѣвъ ввела —
- (45) Вѣдь по природѣ онъ совсѣмъ другой —, чтобъ легче
Открылась истина и братъ съ сестрой нашли
Родителей своихъ... Итакъ, кто недоволенъ 50
Безчестьемъ дѣвушки, пусть свой измѣнить взглядъ.
Вѣдь съ божьей помощью и зло къ добру приводитъ!
- (50) Прощайте зрители, ужъ не оставьте насъ
Вы милостью своей, и пьесу поддержите!
(Исчезаетъ).

Явленіе четвертое.

[На сцену входитъ рабъ Полемона, Сосія, и направляется къ дому своего барина. Видъ у него и недовольный и нѣсколько разстроенный].

Сосія.

- Недавно нашъ боець такъ и ходилъ грозой¹⁾, 55
 Недавно женскихъ косъ не выносилъ! А нынѣ
 Онъ плачетъ за столомъ... Его оставилъ я,
 (55) Когда несли ѣду: тамъ привалили гости,
 Друзья - пріатели, чтобъ барину помочь
 Въ тоскѣ его. А онъ, не зная, какъ развѣдать 60
 Про здѣшнія дѣла, послалъ меня домой,
 Какъ будто за плащомъ, хотя плаща не надо.
 (60) Ну, просто хочетъ онъ, чтобъ я прошелся здѣсь!

Явленіе пятое.

[Сосія хочетъ подойти къ дому, но въ эту минуту дверь отворяется и на порогъ показывается Дорида, рабыня Гликеры. Не замѣчая Сосію, который притаивается, она говоритъ Гликерѣ, не выходящей изъ дома].

Дорида.

Я, барыня, сперва поосмотрюсь маленько!

Сосія (въ сторону).

Дорида, — такъ и есть! Ишь, гладкая какая! 65
 Живется, видно, имъ не дурно... Ну, а мнѣ
 Пора бы и идти! (Входитъ въ домъ Полемона).

Дорида (у дома Миррины).

Дай постучу я въ двери...

(Стучить. Прислушивается).

- (65) Не видно никого изъ челяди²⁾)... Бѣда,
 Коль ты возьмешь себѣ въ любовники солдата!

1) Въ текстѣ: *ὁ σοβαρός ἦν ἀγρίως καὶ πολεμικός*. Выраженіемъ „ходить грозой“ съ достаточной яркостью, думается мнѣ, передается греч. *σοβαρός*. Ср. Phot. Lexic. s. v. *σοβαρός*· *λαμπρός, ἐπαίρομενος, τολμηρός, αὐθάδης, ἔξω τοῦ δέοντος φερόμενος*.

2) Въ текстѣ стоитъ: *οὐδεὶς γὰρ αὐτῶν ἔστιν ἔξω*, что я и передаю словами: „не видно никого изъ челяди“. Подъ „челядью“ (*αὐτοί*) надо разумѣть, думается мнѣ, людей Миррины, а не Полемона, какъ думаетъ Саррс (о. с., 159). Вѣдь Дорида, какъ принадлежащая къ дворнѣ Полемона, врядъ ли обозначила бы ее словомъ *αὐτοί*. Да къ тому же на предложенное мной толкованіе наводитъ, какъ мнѣ кажется, и союзъ *γὰρ*: Доридѣ приходится стучаться въ дверь къ Мирринѣ потому, что никого изъ рабовъ послѣдней на улицѣ нѣтъ!

На нихъ управы нѣтъ, и вѣрить имъ нельзя...

70

(Въ это время Сосія выходитъ отъ Полемона
и на минуту останавливается).

Да, вотъ хоть барыня, — ужъ какъ она страдаетъ
Отъ воина... Рабы!

Сосія (уходя).

Мой баринъ оживетъ,

Узнавъ, что дѣвушка горюетъ... Мнѣ сдается,

(70) Онъ этого и ждалъ...

Явленіе шестое.

[Сосія уходитъ, а между тѣмъ дверь дома Миррины открыва-
ется и на порогѣ ея показывается привратникъ].

Дорида.

Нельзя ли вызвать, рабъ...

Словами Дориды обрывается гесто листа Е и мы оказы-
ваемся передъ наличностью лакуны, приблизительно, въ
70 стиховъ. О томъ, какъ можно было бы возстановлять
ее, я скажу ниже, а сейчасъ мнѣ придется разобрать въ дета-
ляхъ діалогическую сценку, начинающуюся отъ ст. 61, такъ
какъ она заключаетъ въ себѣ не мало трудностей, съ кото-
рыми до сихъ поръ еще не удалось справиться. Какъ яв-
ствуется изъ сценки, Дорида появляется передъ зрителями
послѣ ст. 60, замыкающаго собой монологъ Сосіи, причемъ
Сосія видитъ ее, хотя и не обращаетъ должнаго вниманія на
ея слова, обращенныя къ Гликерѣ (ст. 61): этому мѣшаетъ
красота дѣвушки, производящая на Сосію неотразимое впе-
чатлѣніе (ст. 62). Благодаря этому Сосія сперва только смо-
трить на Дориду, а затѣмъ, уйдя въ свои мысли о жизни
обѣихъ женщинъ (ст. 63), не замѣчаетъ и того, что Дорида
направляется къ дому Миррины: помня, что ему надо при-
нести Полемену плащъ, онъ, не долго думая, идетъ къ дому
Полемона и входитъ въ него (ст. 64), послѣ чего Дорида
остается на сценѣ одна и сразу подходитъ къ жилищу Мир-
рины, чтобы постучаться въ дверь и вызвать кого-либо изъ
челяди. Такъ она и дѣлаетъ, причемъ, стоя въ ожиданіи у
двери, она и произноситъ ст. 65—67, подъ самый конецъ
которыхъ снова появляется Сосія, уже съ плащомъ въ рукахъ,

и слышитъ, такимъ образомъ, послѣднія слова Дориды, изъ которыхъ онъ выводитъ, что Гликера „горюетъ“. Сбродованный тѣмъ, что ему удастся хоть какъ нибудь успокоить Полемона, Сосія сразу уходитъ, упустивъ изъ виду возгласъ Дориды: „рабы“, и то, что она стоитъ у дома Миррины, а слѣдовательно, и слова Дориды: „нельзя ли вызвать, рабъ“, обращенныя либо къ привратнику, либо къ слугѣ Миррины, Даву, говорятся ею уже въ отсутствіи Сосіа.

Такъ хотѣлъ бы я объяснять сценку, хотя я и знаю, что и при этомъ объясненіи не устраняются нѣкоторыя частности, производящія довольно странное впечатлѣніе. Такъ, напр., мнѣ могутъ сказать, что слишкомъ мало времени дается Сосіа на удаленіе въ домъ и на выходъ оттуда. Далѣе, страннымъ можетъ показаться и то, что Сосія не обращаетъ вниманія на нахожденіе Дориды у дома Миррины и на ея слова: „рабы“. Но еще страннѣе будетъ, если мы, слѣдуя Gerhard¹⁾, предположимъ, что Сосія послѣ ст. 63 не уходитъ въ домъ Полемона, а остается на сценѣ вплоть до ст. 70 и сверхъ того является свидѣтелемъ всего дальнѣйшаго, ничѣмъ на это не реагируя. Равнымъ образомъ, невѣроятнымъ кажется мнѣ и предположеніе, высказанное Schmidt²⁾омъ, согласно которому Сосія входитъ въ домъ послѣ стиха 70, т. е., послѣ того, какъ Дорида, на его глазахъ, стучалась въ дверь Миррины, а выходитъ въ моментъ разговора Дориды съ привратникомъ или съ Давомъ³⁾. И въ томъ и въ другомъ случаѣ совершенно непонятнымъ остается для насъ, почему Сосія, посланный на развѣдки и оказавшійся невольнымъ свидѣтелемъ важныхъ для его барина событій, не доложилъ о нихъ Полемону. Въдъ послѣдній, какъ это явствуетъ изъ ст. 165, ничего о нихъ не знаетъ! Правда, Gerhard³⁾, чтобы выйти изъ этого затрудненія, предполагаетъ, на основаніи ст. 166 слл., что Сосія не сдѣлалъ доклада лишь потому, что ему было жаль Полемона и не хотѣлось лишній разъ его тревожить³⁾.

Но, на мой взглядъ, во-первыхъ, изъ ст. 166 слл. нельзя сдѣлать такого вывода, а во-вторыхъ, неяснымъ будетъ для

1) Gerhard, о. с., 13.

2) Schmidt, о. с., 411.

3) Gerhard, о. с., 16.

меня, если принять гипотезу Gerhard'a, и дальнѣйшее поведеніе Сосіи, который, оставаясь спокойнымъ въ ст. 164 слл., приходитъ въ страшное волненіе въ ст. 176 слл., когда узнать о переходѣ Гликеры къ Мирринѣ. Вѣдь если онъ присутствовалъ выше при переговорахъ Дориды съ людьми Миррины, то почему же теперь, послѣ того, какъ эти переговоры привели къ опредѣленнымъ результатамъ, онъ волнуется и возмущается, какъ человѣкъ, ничего подобнаго не подозрѣвавшій? Или, можетъ быть, намъ надо считать, какъ и дѣлаетъ это Sudhaus¹⁾, что посланецъ Полемона, являющійся передъ зрителями въ ст. 62 слл. и 164 слл., не есть Сосія, а просто одинъ изъ *οἰκῆται Πολέμωνος*, и что Сосія вступаетъ въ дѣйствіе только со ст. 176 слл.? Но для подобнаго предположенія у насъ, въ сущности говоря, нѣтъ никакихъ данныхъ, если не считать, что отмѣченные нами партіи Сосіи, какъ и партіи большинства дѣйствующихъ лицъ пьесы, не снабжены специальной помѣтой *Σω* (i. e. *Σωλοῖαο*), которая впервые встрѣчается при ст. 176. Однако, этого обстоятельства еще недостаточно для того, чтобы вводить въ дѣйствіе какое-то новое лицо, которое въ дѣйствиіи затѣмъ не участвуетъ, да и вообще оказывается для него излишнимъ²⁾. Наконецъ, остается еще одна возможность, а именно, считать, что Сосія входитъ въ домъ послѣ ст. 64, выходитъ изъ него уже послѣ всѣхъ переговоровъ Дориды, и что ст. 68—70 произноситъ никто иной, какъ сама Дорида³⁾. Но, помимо всего прочаго⁴⁾, подобное распредѣленіе стиховъ невозможно уже потому, что въ рукописи ст. 68—70 отнесены не къ Доридѣ, а къ другому лицу, на что

1) Sudhaus, o. c., 38 и 44; Sudhaus, Der Kampf um die Perikeiromene (= Rhein. Mus. 64 (1909), 412); Sudhaus, Die Perikeiromene (= Rhein. Mus. 63 (1908), 289).

2) Ср. Robert, Zur Perikeiromene des Menander (= Hermes, 44 (1909), 271).

3) Leeuwen², o. c., 82; Capps, o. c., 159; Robert, Der neue Menander, 98.

4) Вѣдь ст. 68—70, вполнѣ естественные въ устахъ Сосіи, будутъ не на мѣстѣ въ устахъ Дориды. И дѣйствительно, странно было бы Доридѣ говорить о томъ, что Полемонъ „обрадуется“, узнавъ „о слезахъ“ Гликеры, — странно потому, что Дорида вовсе не собирается докладывать объ этомъ Полемену, а кромѣ нея, наперсницы своей барыни, о слезахъ Гликеры никому не извѣстно, да и не можетъ быть извѣстно.

и указываетъ соответствующій знакъ, а именно, двоеточіе¹⁾. Итакъ, по исключеніи всякихъ другихъ возможностей и предположеній, намъ остается одно: вернуться къ нашей гипотезѣ и исходитъ въ дальнѣйшемъ отъ нея, хотя, повторяю еще разъ, она въ свою очередь не свободна отъ кое-какихъ недостатковъ и неясностей, нами уже указанныхъ.

Переходимъ теперь къ приблизительной реконструкціи той части комедіи, которая слѣдовала за ст. 70 и которая могла сводиться къ семидесяти стихамъ съ небольшимъ, для насъ въ настоящее время утраченнымъ. Мы уже видѣли, что Дорида была послана Гликерой къ Мирринѣ, причемъ съ первыхъ же словъ Дориды (ст. 61) становится яснымъ, что она посвящена во всѣ планы своей госпожи. Въ чемъ же, спрашивается, заключаются эти планы? Гликера, оскорбленная Полемономъ (ср. ст. 48) и вмѣстѣ съ тѣмъ напуганная имъ (ст. 130 и 211), не желаетъ оставаться подъ его кровомъ, въ особенности послѣ того, какъ онъ не счелъ для себя нужнымъ выслушать ея оправданія или, вѣрнѣе, объясненія. Обида, ею незаслуженно испытанная, всецѣло овладѣваетъ ея душой (ср. ст. 315 сл.) и она, что вполне согласуется съ ея характеромъ, сразу останавливается на планѣ покинуть своего сожителя. Но куда и къ кому идти? И вотъ она рѣшается отдаться подъ покровительство своей ссѣдки, Миррины, благо послѣдняя является пріемной матерью ея брата, главнаго виновника всего происшедшаго. Да къ тому же у Миррины она могла найти защиту не только противъ Полемона, но и противъ Мосхіона: для этой цѣли ей нужно было открыть только одно, а именно, тайну своего происхожденія и своего родства съ Мосхіономъ!²⁾ Остановившись на этой мысли, т. е. на необходимости перейти къ Мирринѣ, Гликера въ общихъ чертахъ повѣряетъ свой планъ Доридѣ, которая и является затѣмъ его исполнительницей. Изъ словъ же Дориды (ст. 70): „нельзя ли вызвать, рабъ“ явствуетъ, какъ мнѣ кажется, что въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ утраченныхъ для насъ сценахъ, должна была находиться и сама Миррина, какъ лицо, болѣе другихъ заинтересованное. Недаромъ же о Мирринѣ

1) См. Lefebvre², о. с., 25, pl. XVIII.

2) Все это очень хорошо выясняетъ Gerhard, о. с., 14.

упоминаетъ нѣсколько ниже и ея рабъ Давъ говоря, что она „*εἰσάγει τὴν μετράκα*“ (ст. 73). Итакъ, изъ всего этого можно заключать, что у Миррины была въ недошедшей до насъ части комедіи особая партія, особая роль. Что же касается общаго хода дѣйствія, то его можно было бы представлять себѣ такъ, какъ представляетъ его Коерте¹⁾, а именно: Дорида проситъ вызвать Миррину и, когда послѣдняя выходитъ къ ней, излагаетъ ей просьбу Гликеры, просьбу, на которую Миррина отвѣчаетъ согласіемъ. Тогда Дорида возвращается къ дому Полемона, вызываетъ свою госпожу и передаетъ ее Мирринѣ, которая вмѣстѣ съ ней и входитъ къ себѣ въ домъ. Что же до Дориды, то она слѣдуетъ за ними и остается въ домѣ Миррины до середины второго акта (ст. 170 слл.), послѣ чего снова возвращается въ жилище Полемона. А возвращается она туда потому, что, какъ выясняется это изъ дальнѣйшаго, она принадлежитъ Полемену, а не Гликерѣ, хотя и является ея довѣреннымъ лицомъ и наперсницей (ст. 404).

Таковъ могъ бы быть общій контуръ дѣйствія, что не мѣшаетъ, конечно, думать, что, кромѣ основной сцены, въ которой участвовали Миррина, Гликера и Дорида, были и другія, дополнительныя сценки, въ которыхъ выступали другія лица, между прочимъ Давъ, рабъ Миррины и довѣренное лицо ея сына, Мосхіона. По крайней мѣрѣ, когда лакуна кончается, мы видимъ передъ собой Дава, разговаривающаго по поводу переѣзда Гликеры съ другими рабами, играющими, впрочемъ, роль *кафѣ πρόσωπα*. Отсюда ясно, что Давъ тоже долженъ былъ принимать участіе въ дѣйствіи. Но такъ какъ правило о „трехъ актерахъ“ соблюдалось Менандромъ въ точности, то приходится предполагать или что роль Гликеры исполнялась простымъ статистомъ, или же что переѣздъ Гликеры и все, съ этимъ переѣздомъ связанное, занимало первую половину лакуны, тогда какъ остальная часть ея приходилась на выступленіе Дава и, можетъ быть, привратника. Какъ бы то ни было, когда лакуна обрывается, мы присутствуемъ уже при самомъ концѣ акта, который замыкается слѣдующими словами Дава, знаменующими приближеніе хора.

1) Коерте², о. с., XXXVIII.

Д а в ъ.

- J₁ Рабы, глядите-ка, сюда идетъ ватага
 Подвыпившихъ юнцовъ... Хвалю я госпожу 75
 За то, что дѣвушку она къ себѣ впустила!
 Ужъ подлинно, что мать! Барченка бы найти!
 (75) Теперь бы въ самый разъ домой ему вернуться,
 Да поскорѣе бы, — такъ думается мнѣ!
 (Уходитъ въ городъ).

Музыкальная интермедія.

2.

Изъ перваго акта, поскольку онъ дошелъ до насъ, мы можемъ видѣть, какъ постепенно завязывается дѣйствіе, вызванное къ жизни поступкомъ Полемона, и какъ одно за другимъ начинаютъ выступать и вырисовываться передъ нами разныя лица пьесы, играющія въ ней важную роль. На протяженіи какихъ-нибудь 250 стиховъ (если включить сюда утраченныя сцены) Менандру удастся съ исчерпывающей полнотой ознакомить зрителей со всѣмъ тѣмъ, что имъ нужно знать, и въ то же время отмѣтить наиболѣе характерныя черты своихъ главныхъ персонажей, причемъ всё это дѣлается имъ какъ бы мимоходомъ, какъ бы случайно, а между тѣмъ каждая сообщаемая деталь является именно такой, которую и надо было освѣтить, ибо она важна для дальнѣйшаго. Правда, образы Полемона и Гликеры, Сосіи и Дава, еще не успѣли получить опредѣленности и законченности, но эти образы уже встаютъ передъ зрителями ввидѣ ясныхъ контуровъ, которые надо заполнить теперь живыми красками. Равнымъ образомъ, и дѣйствіе, хотя оно и не вошло еще въ намѣченныя рамки, успѣло тѣмъ не менѣе приобрѣсти хорошую точку опоры для послѣдующихъ осложненій, которыя такъ любитъ Новая комедія. Однимъ словомъ, первый актъ нашей пьесы является настоящей завязкой, прекрасно задуманной и заключающей въ себѣ массу данныхъ для всевозможныхъ коллизій, недоразумѣій, комическихъ выходовъ и т. д. А хорошимъ примѣромъ одного изъ такихъ недоразумѣій служатъ заключающія первый актъ слова Дава. Вѣдь онъ, по-

раженный поступкомъ Миррины, принявшею къ себѣ въ домъ ту самую дѣвушку, къ которой, какъ ему извѣстно, стремится его молодой баринъ, Мосхіонъ, готовъ истолковывать этотъ фактъ, какъ желаніе матери ублаготворить своего сына-баловня (ср. стихъ 74). Представить себѣ дѣло иначе онъ не можетъ, и вотъ, чтобы показать свою прозорливость, свое умѣніе читать наиболѣе сокровенныя барскія думы, онъ и приходитъ къ выводу о необходимости поскорѣ вернуть барченка, который послѣ своей вечерней продѣлки съ Гликерой еще не возвращался домой. Но съ другой стороны, Давъ, который съ такой поспѣшностью отправляется на розыски Мосхіона, руководствуется и иной, тайною мыслью, а именно, желая подслужиться, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ мечтаетъ о личной выгодѣ, которая должна выпасть на его долю за выказанное имъ усердіе и смѣтливость. Однимъ словомъ, первый актъ, даже въ томъ жалкомъ видѣ, въ которомъ онъ дошелъ до насъ, поражаетъ насъ своей жизненностью и живостью, т. е. тѣми качествами, которыя еще болѣе ярко проявляются въ „Третьейскомъ судѣ“, но которыя, повторяю еще разъ, находятся на лицо и въ разбираемой нами пьесѣ, хотя въ ней и есть трафаретный монологъ Невѣдѣнія, вносящій въ дѣйствіе расхолаживающую насъ условность.

Что же касается второго акта, который можно было бы назвать актомъ постепеннаго усложненія завязки, положенной въ основаніе дѣйствія, то этотъ актъ сохранился довольно хорошо, и притомъ почти въ цѣлости. И дѣйствительно, онъ занимаетъ четыре, почти цѣлыхъ страницы (т. е. J₁—J₄), которыя, правда, пестрятъ мелкими лакунами, то и дѣло разрушающими связность изложенія, но которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, даютъ текстъ, позволяющій слѣдить за постепеннымъ развитіемъ дѣйствія и за постепеннымъ вырисовываніемъ отдѣльныхъ характеровъ, въ особенности же характеровъ Мосхіона и Дава. Такимъ образомъ, если въ первомъ актѣ намъ приходилось то и дѣло обращаться къ гипотезамъ, то при трактовкѣ второго акта мы окажемся въ нѣсколько лучшемъ положеніи, что не исключаетъ, впрочемъ, наличности такихъ мѣстъ въ текстѣ, которыя до сихъ поръ, несмотря на интенсивную работу Koerte, Sudhaus'a, Schmidt'a и Robert'a, все еще не могутъ считаться дѣйствительно исправленными или, по крайней мѣрѣ, въ достаточной степени выясненными.

Дѣйствіе второе.

Явленіе первое.

[На сцену входятъ Мосхіонъ и Давъ, продолжающіе начатый раньше разговоръ. Мосхіонъ навеселѣ].

Мосхіонъ.

Слушай, Давъ, ты мнѣ частенько вмѣсто правды 80
подносилъ

Ложь одну. Болтать ты мастеръ, для тебя святого нѣтъ!
Охъ, боюсь, что и сегодня за носъ водишь.

Давъ.

Если лгу

(80) Вѣшай сразу —

Мосхіонъ.

Что съ тобою?

Давъ.

И врагомъ меня считай! —

Ну, а если ты взаправду дома дѣвушку найдешь,
Если все, чего ты жаждалъ, у тебя уже въ рукахъ, 85
Если я твою красотку улестилъ потокомъ словъ
И привелъ къ тебѣ, Мосхіонъ, — если мать твою склонилъ

(85) Пріютить ее и сдѣлать такъ, какъ хочется тебѣ, —
Что мнѣ будетъ?

Мосхіонъ.

А какая — самъ подумай — для тебя
Жизнь всего желаннѣй, ну-тка?

Давъ.

Это надо обсудить... 90

Мосхіонъ.

Ужъ не мельникомъ ли, милый?

Давъ (въ сторону).

Сразу мельницу приплелъ¹⁾.

1) По поводу шутки относительно „мельника“ (въ текстѣ *μυλωνεῖν*) и „мельницы“ (*μυλωνιον*) ср. то, что я говорю на стр. 72.

Μοσχίωνъ.

(90) Думать нечего, — отнынѣ станешь, Давъ, ты заправлять
Всей Элладою и будешь войска царскаго вождемъ!

Давъ.

Если сразу не зарѣжутъ, то отъ голода помру!

Μοσχίωνъ.

Выбирай тогда другое... Хочешь взять талантовъ семь 95
Ты сесама для торговли?

Давъ.

Вотъ на рынкѣ торговать
(95) Я хотѣлъ бы или сыромъ или такъ, по мелочамъ —
Весь бы слѣдъ мнѣ стать богатымъ, Зевсомъ я кля-
нусь! — такъ вотъ,
Мнѣ торговля эта будетъ по душѣ и по уму!¹⁾

Μοσχίωνъ.

Да за этимъ не погнался бъ даже Критскій лежебокъ, 100
Ни старуха-овощница!

Давъ.

Наѣдаться жажду я, —
Рѣчь моя — моя натура!

Μοσχίωνъ.

Мелко плаваешь, мой Давъ! —
(100) Что-жъ води торговлю сыромъ, и по своему живи!

Давъ.

Быть сему, какъ говорится! А теперь, барченокъ,
въ домъ

<Намъ съ тобой пора вернуться.>

1) Переводъ ст. 96—100 сдѣланъ мной примѣнительно къ тому, какъ
возстановляетъ ихъ Suidhans (= Hermes, 48 (1913), 145 sq.):

καί τ' ἐμὲ ταῦτ' ἐμοὶ τ' ἀρέσκει μᾶλλον. Μ. ἀλλὰ ταῦτα μὲν
οὐδὲ Κ[ρ]ῆς [τα]πε[ι]νός οὐδὲ λ[α]χανόπω[λι]σεῦ[ξ]ατ' ἄν
ἴσθαι. Δ. τὸ γαστριζέσθ' ἀρέσκει, [δέσποτ', εἶναι δ' ὀμότροπος
φῆμι', ἐφ' οἷς εἴρηκα τοῦτοισι. Μ. μὰ [Δία, Δᾶ, οὐ μεγάλόφρων
ἦσθαι. ἀλλὰ τυροπῶλει καὶ τὰ κατὰ σκευὴν ποιεῖ.

2) Давъ рисуетъ Гликеру, словно „молодую“, поджидающую „молодого“. Эту же картину дорисовываетъ нѣсколько ниже и Мοσχίονъ (ст. 121). Самое начало стиха: *ἡ μὲν λέλονται* напоминаетъ Aristoph. Pax, 868: *ἡ παῖς λέλονται*, причемъ есть сходство и въ самой ситуаци.

Давъ.

Мать все ходить, да хлопочетъ, но объ чемъ, не знаю я.
Завтракъ загодя сготовленъ, — словомъ, видно по всему, 120
Что тебя, барчукъ, заждались...

Мосхiонъ.

Я же медлю и томлюсь!
Ты сказалъ, что я вернулся?

Давъ.

И не думалъ.

Мосхiонъ.

Сбѣгай вновь, —
(120) И скажи, что я — у двери!

Давъ (уходя).

Видишь: бѣгомъ я бѣгу!

Мосхiонъ.

Я взойду, она же вспыхнетъ и прикроется фатой:
Ужъ таковъ у нихъ обычай! Мать же, какъ домой приду, 125
Цѣловать начну безъ счета и верну ея любовь.
Буду нѣженъ свыше мѣры, буду жить, какъ мать велить:
(125) Вѣдь она тутъ хлопотала, словно для самой себя!
Дверь скрипитъ... вотъ кто-то вышелъ...

Явленіе третье.

[Изъ дома медленной, неуверенной походкой выходитъ Давъ.
Мосхiонъ смотритъ на него съ удивленіемъ, словно не вѣря своимъ глазамъ].

Мосхiонъ.

Что съ тобой случилось, Давъ?
Что такъ медленноходишь?

Давъ.

Эхъ, на то причина есть! 130
Дѣло — дрянъ! Прошелъ я, значить, прямо къ
матери твоей,

Говорю: „барчукъ вернулся“. А она въ отвѣтъ: „ему...
(130) Ты ни слова. Иль онъ слышалъ? Значить, ты
ему сболтнулъ,

Что напуганная, въ страхѣ, прибѣжала къ намъ она?»

„Да“, шепчу. Она же гнѣвно: „провались ты“, говоритъ, 135

„Съ глазъ моихъ долой, да живо“. —

Мосхiонъ.

Замолчи! Пропало все! —

Давъ.

Ну, и тѣмъ, что ты вернулся, недовольна.

Мосхiонъ.

Подлый рабъ,

(135) Ты еще глумиться будешь?

Давъ.

Я глумиться? Это мать —

Мосхiонъ.

Что ты брешешь? Иль дѣвица противъ воли къ
намъ пришла,

Или, — я не понимаю! Да не ты ли самъ сказалъ 140

Мнѣ въ лицо: „склонилъ дѣвицу я придти къ тебѣ“.

Давъ (возмущенно).

Сказалъ,

Что склонилъ придти дѣвицу, — хоть убей, не
говорилъ!

Мосхiонъ.

Ты, кажись, не только въ этомъ, а во всемъ меня
надулъ! —

(140) Отъ тебя еще я слышалъ, будто мать ты уломалъ

Јз Приютить у насъ красотку мнѣ въ угоду —

Давъ.

Я сказалъ? 145

Да, сказалъ . . . припоминаю!

Мосхiонъ.

И что кажется тебѣ,

Будто мнѣ играютъ въ руку?

Давъ.

Я не помню точныхъ словъ,
Знаю только, что старался.

Мосхионъ.

• Ну, иди сюда!

Давъ (отходя).

Куда?

Мосхионъ.

(145) Недалеко, самъ узнаешь.

Давъ.

Что-то я еще хотѣлъ...

Подожди, барчукъ, немного!

Мосхионъ.

Шутки шутишь?

Давъ.

Нѣтъ, клянусь 150

Я Асклепиемъ! Послушай... Можетъ, ей не по душѣ,
Что тебѣ про все, что было, я повѣдалъ сгоряча, —
Можетъ, ей кой-что хотѣлось изъ твоихъ услышать
устъ

Прежде, чѣмъ тебѣ расскажутъ про побѣгъ ея: она
(150) Къ намъ пришла не какъ флейтистка или уличная шваль!

Мосхионъ.

Ты опять заводишь что-то!

Давъ.

Это „что-то“ и провѣрь! 156

Но оно, я знаю, цѣнно! Домъ оставила она —
Я не лгу — и въ домѣ друга. Дня четыре или три
Пережди, — тебя оцѣнятъ. Коли такъ шепнули мнѣ,
(155) Значить, ты меня и слушай...

Мосхионъ.

Давъ, ну, гдѣ бѣ тебя сгноить, 160
Заковавъ покрѣпче въ цѣпи? Сколько времени водилъ
Взадъ — впередъ! Налгалъ недавно, правду вы-
молвилъ теперь!

Не шуми... мѣшаешъ думать! — Тихо, словно и не ты,
Въ домъ входи-ка!

Не сбѣжишь ты?

Я? Конечно, убѣгу!

(160) Припасенъ пактъ, — не видишь? Ну, Мосхюнъ,
проходи: 165
Я съ тобой, — наладимъ дѣло!

Признаюсь: ты побѣдилъ!

Д а в ъ (въ сторону).

Охъ, Гераклъ, еще бы малость, и меня бы страхъ извелъ!
Вѣдь дѣльцо не такъ то просто, какъ сперва каза-
лось мнѣ. (Уходить).

Явленіе четвертое.

[Въ то время, какъ Мосхонъ въ сопровожденіи Дава входитъ въ домъ Миррины, на сценѣ показывается Сосія. У него въ рукахъ хламида и мечъ Полемона].

Сосія.

(165) Теперь послалъ меня съ хламидой и мечомъ,
Чтобъ могъ увидѣть я, что дѣлаетъ красotka, 170
И рассказать потомъ. Эхъ, надо-бъ доложить:
„Прелюбодѣй — у насъ“, вотъ баринъ бы взметнулся!
Да больно жаль его! Подобныхъ горемыкъ
(170) Не видѣлъ и во снѣ...

[Сосія входить въ домъ Полемона, а изъ дома Миррины показывается въ этотъ мигъ Дорида, приходившая провѣдать Гликеру, и видитъ входящаго въ домъ Сосію].

Дорида¹⁾.

Наемникъ появился, —
 Куда какъ во-время²⁾. Изъ рукъ вонъ тяжелы 175
 Становятся дѣла, клянуся Аполлономъ!
 Но позабыла я про главное какъ разъ:
 Что будетъ, если вдругъ нагрянетъ изъ деревни,
 (175) Хозяинъ мой, — тогда начнется кутерьма!
 (Отходить въ сторону).

Явленіе пятое.

[Изъ дома Полемона въ ужасѣ выбѣгаетъ Сосія. Обращаясь къ рабамъ, которые высыпаютъ вслѣдъ за нимъ, онъ, не помня себя отъ бѣшенства, кричитъ на нихъ, растерянныхъ и испуганныхъ].

Сосія.

Да какъ-же вы ее изъ дома упустили, 180
 Скоты, разбойники, — кто васъ просилъ пускать!

Дорида (въ сторону).

Ишь гнѣвается какъ! Дѣла, небось, неважны!

Сосія.

J₄ Она же прямо въ домъ къ сосѣдкѣ и прошла, —
 Къ любовнику... А намъ влетитъ теперь порядкомъ,
 (181) Охъ, здорово влетитъ!

1) Вслѣдъ за Коерте я считаю, что ст. 170 слл. произноситъ не Сосія, но другое лицо, а именно: Дорида. На смѣну лицъ указываетъ и рукопись постановкой параграфа. Другіе же издатели, какъ Carps (о. с., 177) и Sudhaus (о. с., 44) вводятъ смѣну лицъ только съ ст. 171. Наконецъ, Gerhard (о. с., 17) дѣлаетъ изъ ст. 170—175 продолженіе рѣчи Сосіи, а ст. 176 слл. влагаетъ въ уста внезапно появляющагося Полемона, что невозможно.

2) Такъ перевожу я стихъ 170 сл.: *ᾧ τῆς πικρᾶς ἐπιδημίας | ὁ ξένος ἀφίεται*. Слово *ἐπιδημία* вполне можетъ соответствовать русскому „пробытіе“, „появленіе“, что же касается слова *ξένος*, то оно можетъ значить здѣсь только „наемникъ“ и указывать на Сосію. Такъ думаютъ: Carps (о. с., 177), Sudhaus, Die Perikeiromene (= Rhein. Mus., 63 (1908), 290) и Robert (о. с., 276). Другого мнѣнія Коерте (о. с., XXXIX), который подъ *ξένος* разумѣетъ Мосхюна, и Gerhard (о. с., 17 sq.), который думаетъ, что *ξένος* это — Патэкъ.

Дорида.

Какъ онъ предрекъ, такъ съ нимъ 185
И распорядится нашъ воинъ!

Сосія (идя къ дому Миррины).

Постучаться

Мнѣ надо въ эту дверь!

Явленіе шестое.

[Дорида по прежнему стоитъ въ сторонѣ. Сосія стучится къ Мирринѣ. И вотъ дверь дома Миррины открывается, и на порогѣ показывается привратникъ].

Привратникъ.

Чего тебѣ, дубина?

Куда ты ломишься?

Сосія.

Ты здѣшній?

Привратникъ.

Хоть бы такъ, —

(185) Тебѣ-то что?

Сосія.

А то, что вы рехнулись, если
Свободную держать рѣшились взаперти, 190
Про мужа позабывъ!

Привратникъ.

Кто бы ни былъ ты, а видно, —
Пролаза ты и лгунъ!

Сосія (гнѣвно).

Иль думаете вы,

Что въ насъ нѣтъ злобности, что мы ужъ не мужчины?

Привратникъ.

(190) Не больше четырехъ оболовъ вамъ цѣна!¹⁾

1) Обозначая слугъ Полемона словомъ *тетраβολοι*, привратникъ хочетъ уязвить этимъ Сосію, давая понять послѣднему, что онъ ставить и его и его товарищей не выше обычныхъ наемныхъ солдатъ, получавшихъ въ день какъ разъ по четыре обولا. Равнымъ образомъ, такой же уничижительный оттѣнокъ влагается привратникомъ и въ слово *тетраδραχμοι*, которымъ обозначаетъ онъ Полемона, какъ офицера-наемника, какъ *μισθοφόρος*.

И если баринъ вашъ — четыре драхмы стѣитъ 195
Онъ самъ — пойдетъ на насъ съ такими, безъ труда
Мы съ вами справимся!

Сосія.

Геракль, какая наглость! —
Скажи ты толкомъ мнѣ, гдѣ самъ, — да выходи¹⁾).

Привратникъ.

(195) Нѣтъ дома, дурачекъ!

Сосія.

А дѣвушка, — та въ домѣ?

Привратникъ.

Нѣтъ дѣвушки у насъ. Изъ вашихъ никого 200
Не видѣлъ въ домѣ я!

Сосія.

Да съ кѣмъ ты шутики шутишь?
Чего болтаешь зря? — Ужо домишко вашъ
Мы штурмовать начнемъ, да сразу и разрушимъ!
(200) Иди, вооружай любовника!

Привратникъ.

Заладилъ, будто мы укрыли потаскушку! 205

Сосія.

Вотъ эти, что съ щитомъ, и пикнуть не дадутъ,
Какъ всё вверхъ дномъ пойдетъ, хоть имъ „цѣна обола
Въ четыре“.

Привратникъ.

Ишь, мужикъ, — вѣдь я съ тобой шутилъ!

1) При переводѣ ст. 194 я слѣдую конъектурѣ Jensen'a, которая стоитъ къ рукописному чтенію ближе, чѣмъ конъектура Koerte. Т. е., я читаю: *τοῦτο δ' εἶπέ μοι*. Что же касается дальнѣйшей части стиха, то тутъ я слѣдую Koerte: *ποῦ δ' αὐτὸς; εἰς ἄνθρωπον παρὸν*. Подъ *αὐτὸς* Сосія разумѣетъ Мосхіона; въ словѣ же *παρὸν* заключается предложеніе привратнику подойти ближе, выйти на улицу: надо думать, что онъ во все время сцены стоялъ въ *πρόθυρον*!

Сосія.

(205) На васъ, на горожанъ —

Привратникъ.

Нѣтъ дѣвушки, — ты понялъ!

Сосія.

Я подниму копье.

Привратникъ (уходя).

Да ну тебя къ чертямъ! 210

Явленіе седьмое.

[Дорида, которая до сихъ поръ держалась въ глубинѣ сцены, теперь, послѣ удаленія привратника, выдвигается впередъ и заводитъ разговоръ съ Сосіей].

Дорида.

Ты, Сосія, присталь и, видно, не отстанешь —

Сосія.

Дорида, подойди, — по свойски я съ тобой
Расправлюсь. Это ты во всемъ и виновата!

Дорида.

(210) Скажи, пожалуйста! Я виновата въ томъ,
Что барыня сюда въ испугъ убѣжала, — 215
Подъ женскій кровъ?

Сосія.

Чего? Подъ женскій кровъ, сюда,
Въ испугъ?

Дорида.

Да, она ушла сюда, къ Мирринѣ,
Къ сосѣдкѣ. Пусть бы все сложилось, какъ хочу!

Сосія.

(215) Она ушла... къ дружку: онъ здѣсь вѣдь обитаетъ!
.....¹⁾

1) Послѣ ст. 215 идутъ въ рукописи остатки еще одного стиха, которымъ и замыкается отрывокъ J.

3.

Чѣмъ кончался разговоръ между Доридой и Сосіей, мы не знаемъ, ибо, къ сожалѣнію, за послѣдними словами Сосіи идетъ въ рукописи лакуна, приблизительно, въ 70 стиховъ, послѣ которой пьеса вступаетъ уже въ новую фазу развитія. Сначала, въ первомъ актѣ, мы видѣли, какъ постепенно складывались тѣ данныя, которыя въ будущемъ должны были привести къ цѣлому ряду всевозможныхъ осложненій. Затѣмъ, во второмъ актѣ, начинало разворачиваться это будущее, уже переходящее въ дѣйствительность. Бесѣда Мосхіона съ Давомъ, а также столкновение Сосіи съ привратникомъ и съ Доридой, открывало серію тѣхъ осложнений, которыми грозилъ первый актъ, главнымъ образомъ, благодаря своему концу, т. е. благодаря переѣзду Гликеры. Вокругъ этого переѣзда, одинаково важнаго, какъ для Мосхіона, такъ и для Полемона, и концентрируются всѣ страсти обѣихъ враждующихъ сторонъ, причемъ пока успѣхъ выпадаетъ какъ будто на долю Мосхіона, временно торжествующаго побѣду, тогда какъ противная сторона въ лицѣ Сосіи должна счесть себя побѣжденной. Сосія, представитель Полемона, дѣлаетъ напрасныя попытки добиться хотя бы минимальной выгоды для своего барина. Всѣ, чего онъ достигаетъ, сводится лишь къ тому, что, благодаря Доридѣ, онъ приходитъ къ окончательному убѣжденію въ дѣйствительности переѣзда Гликеры къ Мирринѣ. Между тѣмъ его положеніе становится затруднительнымъ: угроза добыть Гликеру вооруженной рукой терпитъ неудачу, нападки на Дориду приводятъ лишь къ вызывающимъ отвѣтамъ съ ея стороны. Что же, спрашивается, долженъ былъ дѣлать Сосія или, вѣрнѣе, что могло вывести дѣйствіе изъ того тупика, въ который оно попало?

Можно, конечно, предполагать, что Сосія послѣ разговора съ Доридой уходилъ къ Полемону, дабы сообщить ему о происшедшемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получить отъ него инструкціи насчетъ дальнѣйшаго образа дѣйствій. Что же касается Дориды, то она, послѣ ухода Сосіи, могла оставаться еще нѣкоторое время на сценѣ и произносить монологъ, въ которомъ могла высказывать свои страхи и опасенія, какъ по поводу грядущей судьбы Гликеры, такъ и по поводу своей собственной участи¹⁾. Подобнымъ монологомъ Дориды

1) Ср. Gerhard, о. е., 22.

и могъ бы оканчиваться в т о р о й актъ, причемъ, лишь только сцена дѣлалась пустой, появлялся снова хоръ и заполнялъ наступающій антрактъ своимъ пѣшемъ и пляской. Таково было бы мое мнѣше, но есть еще и другое, высказанное Koerte¹⁾ и сводящееся къ слѣдующему. Koerte думаетъ, что во время спора Сосіи съ Доридой на сценѣ появлялся самъ Полемонъ въ сопровожденіи Габротононъ (съ ней мы встрѣтимся ниже) и, послѣ перепалки съ Сосіей, уже готовъ былъ штурмовать домъ Миррины. Но въ этотъ моментъ приходилъ другъ Полемона, Патэкъ (онъ выступаетъ въ ст. 219 слл.), отговаривалъ Полемона отъ принятаго имъ намѣренія и, добившись отсрочки штурма, шелъ къ Мирринѣ для переговоровъ. Однако, въ подобной реконструкціи конца второго акта есть, какъ мнѣ кажется, одинъ серьезный недостатокъ. И дѣйствительно, если допустить, что событія развертывались такъ, какъ рисуетъ ихъ Koerte, то Патэку пришлось бы дважды отговаривать Полемона отъ штурма, что врядъ ли было бы сценично. Вѣдь когда, вслѣдъ за лакуной, снова начинается связный текстъ, то мы опять присутствуемъ при уговорахъ Патэка на ту-же тему (ст. 219 слл.)!

А впрочемъ, у Koerte, поскольку дѣло касается прибытія Полемона и его столкновенія съ Сосіей, есть, повидимому, нѣкоторая поддержка въ фрагментѣ β , о которомъ я уже упоминалъ выше (стр. 403, прим. 1) и который, представляя собой остатки 4 страницъ, даетъ обрывки оживленной діалогической сценки. Мало того, по мнѣнію Лефебра²⁾, на отрывкѣ β_1 дважды можно прочесть *ποτα marginalis* *Πολ* (і. е. *Πολέμων*). Наконецъ, такія выраженія, какъ *ἔσσηας ἐρώσυλε* (β , v. 2) тоже могли бы говорить въ пользу предположенія, что на обрывкѣ β_1 шелъ разговоръ Полемона съ Сосіей. И вотъ, на основаніи всего этого, Koerte, правда, нѣсколько неувѣренно говоритъ, что отрывокъ β_1 — β_2 можно было бы помѣщать вслѣдъ за послѣдними стихами отрывка J_4 . Но даже если это и вѣрно, мы все таки не можемъ допустить участія въ сценкѣ Патэка, ибо отр. β_1 — β_2 , въ крайнемъ случаѣ, указываетъ только на Полемона и Сосію. Какъ бы то ни было, до окончательнаго выясненія

1) Koerte², о. с., XXXVIII sq. и XL.

2) Lefebvre², о. с., XIV sq., pl. XLVI.

вопроса о мѣстѣ и значеніи фрагмента β , я не считаю для себя необходимымъ присоединяться къ мнѣшю Коерте и, во всякомъ случаѣ, не могу раздѣлить его мысли о выступленіи Патэка раньше третьяго акта. А такъ какъ Патэкъ выступаетъ въ сохранившейся до насъ части этого акта, какъ лицо, уже знакомое зрителямъ, то я хотѣлъ бы объяснять это слѣдующимъ образомъ. Изъ дальнѣйшаго мы увидимъ, что Патэку удѣляется въ пьесѣ очень важная по своему значенію роль и что Патэкъ, какъ своего рода *deus ex machina*, если и не разрушаетъ сразу всего узла интриги, то все таки мало по малу распутываетъ его благодаря тому, что своевременно вступаетъ въ дѣйствіе. Между тѣмъ, изъ всего второго акта и, въ особенности, изъ его заключительныхъ сценокъ явствуется, что дѣйствіе успѣло до такой степени запутаться, что для вывода его изъ этихъ тисковъ необходимо было появленіе такого лица, которое, по крайней мѣрѣ, хоть съ внѣшней стороны, казалось бы непричастнымъ ко всей завязавшейся путаницѣ. Но такимъ лицомъ и является какъ разъ Патэкъ, ибо разгорѣвшіяся страсти другихъ лицъ пока еще не могутъ его затронуть и взволновать: онъ ихъ еще не знаетъ, онъ въ нихъ еще не участвовалъ! Такъ вотъ я и думаю, что третій актъ могъ открываться появленіемъ Патэка, только что вернушагося изъ путешествія, причемъ, хотя бы на манеръ Критона изъ *Adelphoe*, Патэкъ могъ выступать съ небольшимъ монологомъ. Этимъ путемъ зрители могли бы ознакомиться съ новымъ, неизвѣстнымъ имъ еще персонажемъ, а, съ другой стороны, самъ Патэкъ успѣлъ бы войти въ дѣйствіе раньше, чѣмъ на сценѣ появится Полемонъ, уже вызванный Сосіей, если только правильно возстановляется нами самый конецъ второго акта. Ну, а затѣмъ могла происходить встрѣча Патэка съ Полемономъ, ознакомленіе перваго съ планами и намѣреніями второго и, наконецъ, идти та самая сцена, н а ч а л о которой сохранилъ первый Лейпцигскій листокъ и, въ частности, первая его страница, а именно: $\nu\alpha^1$).

Мы могли бы теперь перейти къ самой сценѣ, но сперва,

1) Это начало, не сохраненное Каирской рукописью, сводится къ 13 стихамъ, а именно, къ ст. 217—229. Дальнѣйшая же часть сцены идетъ сперва, на протяженіи 48 стиховъ, по двумъ рукописямъ, по Каирской и по Лейпцигской (т. е. по E_3-4 и по $\nu\alpha-\nu\beta$), а затѣмъ, начиная отъ ст. 277 и кончая ст. 300, по одной Каирской, по E_4 .

для ясности, намъ придется сказать нѣсколько словъ по поводу всѣхъ участвующихъ въ ней персонажей, а также затронуть нѣкоторыя частности, безъ выясненія которыхъ кое-что можетъ остаться непонятнымъ.

Въ сценкѣ, когда она начинается передъ нами, участвуютъ четыре лица: Полемонъ, Патэкъ, Сосія и Габротононъ, причемъ изъ этихъ лицъ новымъ для зрителей оказывалась только Габротононъ, изображавшая собой флейтистку, которая развлекала гостей Полемона во время той попойки, о которой нѣсколько выше упоминалъ Сосія (ст. 55 слл.). Что Габротононъ не принимала никакого участія въ дѣйствіи, какъ „лицо говорящее“, или, иными словами, что она находилась на положеніи *κωφὸν πρόσωπον*, — это доказано Робертомъ¹⁾ и принято остальными, а слѣдовательно, и не нуждается въ особомъ поясненіи. Но коль скоро это такъ, то, значитъ, дѣйствіе сценки сосредоточивалось только на трехъ лицахъ, которыя и вели между собой разговоръ, тогда какъ Габротононъ присутствовала лишь въ качествѣ аксессуара, наравнѣ съ толпой вооруженныхъ рабовъ Полемона, которыми предводительствовалъ Сосія.

Сосія, еще недавно грозившій привратнику штурмомъ дома Миррины, стоитъ на необходимости штурма и теперь²⁾, причемъ на его сторонѣ находится и Полемонъ. Но Патэкъ, уже разузнавшій отъ Полемона про причины всей происходящей сумятицы, отговариваетъ своего молодого друга отъ этого необдуманнаго шага, чѣмъ и возстановляетъ противъ себя Сосію, еще не забывшаго, что онъ и его товарищи были названы *τῆτρούβολοι* (ст. 190). Поэтому Сосія старается набросить тѣнь на Патэка, какъ на лицо, которое недаромъ дѣйствуетъ въ пользу Миррины и которое, по всей вѣроятности, просто закуплено послѣдней (ст. 218 слл.). Эти слова Сосіи, которыми открывается сценка въ ея настоящемъ видѣ, позволяютъ намъ, какъ мнѣ кажется, слѣдующимъ образомъ

1) Robert, o. c., 266 sqq. Ср. также Sudhaus, Der Kampf um die Perikeiromene (= Rhein. Mus. 64 (1909), 432).

2) Роль Сосіи можно было бы, до нѣкоторой степени, сравнить съ ролью Санги изъ Еписхис Теренція. Да и вообще вся сцена приготовленія къ штурму, если не подробностями своими, то, по крайности, тѣмъ, какъ она задумана, заставляетъ вспоминать объ аналогичной сценѣ въ Еписхис (ст. 771 слл.). Вотъ только Полемонъ не похожъ на теренціевскаго Эрасона!

дорисовать ея, утраченное для насъ, начало. Можно думать, что въ этомъ началѣ Патэкъ, послѣ предварительной бесѣды съ Полемономъ, приводилъ послѣднему кое-какія основанія, говорящія противъ предпринятой имъ авантюры, причемъ въ числѣ этихъ основаній могъ фигурировать и намекъ на положеніе Миррины, съ которой нельзя поступать, какъ съ продажной женщиной, безнаказанно нанося ей обиды и оскорбленія. И надо полагать, что слова Патэка производили нѣкоторое впечатлѣніе на Полемона, который и начиналъ колебаться къ неудовольствію Сосіа, настроеннаго, какъ я уже говорилъ выше, очень воинственно. Поэтому-то Сосія и находилъ нужнымъ начать компанію противъ Патэка и поднять такимъ путемъ энергію своего барина, котораго, какъ рисуется онъ въ пьесѣ, хватало обыкновенно только на первое мгновеніе. И вотъ мы видимъ, что Сосія, то такъ, то иначе, старается отстаивать проигрываемую позицію, пока, наконецъ, Патэкъ не беретъ надъ нимъ окончательнаго верха и не направляетъ Полемона на иной путь, на нуть мирныхъ переговоровъ. Тогда Сосія сходитъ со сцены, вся сценка теряетъ характеръ воинственнаго напряженія, и вся вторая половина ея (ст. 236 слл.) ведется уже въ иномъ тонѣ, въ тонѣ дружеской бесѣды, причемъ Полемонъ постепенно отказывается отъ всякой инициативы и передаетъ ее въ руки Патэка, который и выходитъ теперь на первый планъ.

Дѣйствіе третье.

Явленіе второе (?).

[На сценѣ находятся Полемонъ, Патэкъ, Сосія и Габротононъ, а также толпа вооруженныхъ рабовъ. Сосія, указывая Полемену на домъ Миррины и кивая притомъ въ сторону Патэка говорить съ большимъ оживленіемъ и убѣжденностью].

Сосія.

НА Повѣрь, отсюда онъ заполучилъ деньжонки,
И измѣнилъ тебѣ и войску твоему!

220

Патэкъ (Полемену).

Пойди-ка, да проспись! Оставь въ покоѣ битвы,
(220) Ты не въ своемъ умѣ, — тебѣ я говорю!
Пойми: ты — выпивши!

Полемонъ.

Я выпивши? Скорѣ
Я кубка не допилъ! Я былъ вѣдь на чеку, 225
Я соблюдалъ себя на всякій случай!

Патэкъ.

Ладно!

Послушайся меня!

Полемонъ.

Въ чемъ слушаться, скажи!

Патэкъ.

(225) На правильный вопросъ сейчасъ тебѣ отвѣчу.

Сосія.

Габротононъ, дай знакъ для боя!

Патэкъ.

Отошли...

Его сначала въ домъ и всѣхъ, что съ нимъ толпятся! 230

Сосія (Патэку).

Не ладно бой ведешь! (Полемону).

Сейчасъ на штурмъ пойдемъ,

А онъ вдругъ распустилъ войска твои желаетъ! —

Е₈ Сгубилъ меня Патэкъ! Какой ужъ это вождь!

Полемонъ (Сосіи).

(231) Да убирайся ты!

Сосія.

И уберусь! (Къ Габротононъ).

Я думалъ,

Что пригодишься ты! Для штурма у тебя, 235

Какъ будто, средства есть! Габротононъ умѣетъ

Вскарабкаться, залечь... Куда бѣжишь, стой?

(235) Аль устыдилась вдругъ? Тебѣ-ль стыдиться, шлюха?

Явленіе третье.

[По знаку Полемона Сосія и рабы отходятъ къ дому Полемона, но пока что остаются на сценѣ. Между тѣмъ Полемонъ и Патэкъ продолжаютъ начатый разговоръ].

Патэкъ.

Вотъ если бы съ твоей законною женой
Случилось что нибудь подобное, Полемонъ, —

240

Полемонъ.

Да что съ тобой, Патэкъ?

Патэкъ.

А тутъ совсѣмъ не то!

Полемонъ.

Я на нее смотрѣлъ, какъ на жену!

Патэкъ.

Потише!

(240) Кто далъ ее тебѣ?¹⁾

Полемонъ.

Какъ кто? Сама...

Патэкъ.

Ну, вотъ!

Допустимъ, что сперва ты нравился, а нынѣ
Не нравишься! Найдя, что съ нею поступилъ
Ты унизительно, — она и удалилась!

245

Полемонъ.

Какъ? Унизительно? Вотъ этимъ словомъ ты
(245) Совсѣмъ меня забилъ!

Патэкъ.

Сознайся — я увѣренъ,

Что ты сознаешься — безумный, глупый шагъ
Теперь ты дѣлаешь! Скажи, куда несешься,

250

NB За кѣмъ бѣжишь? Она — сама себѣ глава!

Одно лишь средство есть, коль любишь и страдаешь, —
Словами убѣждать!

1) Ter. Adelph., 670 sqq.:

Qua ratione istuc? quis despondit? quis dedit?

Quot quando nupsit? auctor his rebus quis est?

Полемонъ.

А тотъ, кто совратилъ
(250) Гликеру безъ меня, — онъ не обидчикъ развѣ? 255

Патэкъ.

Обидчикъ! Такъ къ нему ты жалобу вчиняй,
А за насиліе подъ судъ пойдешь. Для мести
Его проступокъ малъ, для жалобы — хорошъ!

Полемонъ.

Какъ? Даже и теперь? ¹⁾

Патэкъ.

Да, и теперь, конечно!

Полемонъ.

(255) Клянусь Деметрою... нѣтъ словъ... осталось мнѣ 260
Повѣситься! Меня покинула Гликера,
Гликера кинула... Патэкъ, ты съ ней знакомъ,
Бесѣдовалъ не разъ, — такъ, если ты не противъ,
Пойди, поговори, будь отъ меня посломъ, —
(260) Молю тебя, Патэкъ!

Патэкъ (идя къ дому Миррины).

Какъ видишь, я согласенъ! 265

Полемонъ.

Конечно, говорить умѣешь ты, Патэкъ?

Патэкъ.

Да, такъ, посредственно!

Полемонъ.

Патэкъ, вѣдь это нужно!

Вѣдь въ этомъ лишь и есть спасеніе мое!

Ну, если я когда Гликеру и обидѣлъ, —

Е. То все же я всегда во всемъ ей угождалъ! 270

(266) Да вотъ хоть посмотри ты на ея наряды.

1) Т. е.: даже и теперь, когда онъ склонилъ Гликеру или заставилъ ее переѣхать къ нему, въ его домъ?

Патэкъ.

Прекрасны, знаю я!

Полемонъ.

Нѣтъ, посмотри, Патэкъ, —
Жалѣть меня тогда сильнѣе станешь!

Патэкъ (съ нетерпѣніемъ).

Боже!

Полемонъ.

Взойди, — наряды есть чудесные! Коль ихъ
(270) Надѣла бы она, вотъ ей къ лицу бы были! 275
Да видѣлъ ли ты ихъ?

Патэкъ.

Конечно!

Полемонъ.

Ну, а все жъ
На роскошь ихъ взглянуть тебѣ бы не мѣшало!
А впрочемъ, говорить о роскоши теперь,
Объ этихъ пустякахъ, — съ ума я, видно, спятилъ!

Патэкъ.

Какъ будто не совсѣмъ!

Полемонъ.

Такъ не совсѣмъ? Патэкъ, 280
(275) Взойди-ка, да взгляни...

Патэкъ.

Иди, — иду я слѣдомъ!

Явленіе четвертое.

[Полемонъ и Патэкъ удаляются. Послѣ ихъ ухода на сценѣ остаются только рабы Полемона, но и они начинаютъ мало по малу расходиться. Въ это время изъ дома Миррины показывается Мосхѣонъ. Нѣкоторое время онъ смотритъ на уходящихъ рабовъ, а затѣмъ быстро направляется къ нимъ, какъ бы съ намѣреніемъ ихъ прогнать].

Мосхионъ.

Чего торчите здѣсь? Проваливайте, живо!
Ишь высыпали всѣ, стоятъ съ копьемъ въ рукахъ!
Да у такихъ, какъ вы, силенки не найдется,
Чтобъ ласточки гнѣздо разрушить, — хвастуны! 285

(Рабы уходятъ, остается одинъ Сосіа).

(280) „У нихъ наемники“, сказалъ мнѣ Давъ. И что же? —
Къ тому же Сосіа наемники свелись! (Презрительно.)
Вездѣ о нихъ кричатъ! Пришло такое время,
Когда отбоя нѣтъ отъ этой голытьбы:
Повсюду въ Греціи — причины я не знаю — 290
На нихъ теперь пошелъ обильный урожай!

(285) Но, думается мнѣ, что врядъ ли между ними
Найдется человѣкъ несчастнѣе меня!
(Какъ бы припоминая).

Вернулся я домой... и сразу по иному
Повелъ себя, — не такъ, какъ прежде: не зашелъ 295
Я къ матери, къ себѣ не вызывалъ прислугу,

(290) Но въ спальню проскользнулъ сторонкою, — и тамъ
Уютно стало мнѣ. Я былъ душой спокоенъ!
А Дава отослалъ я къ матери: сказать
Онъ долженъ былъ о томъ, что я домой вернулся, — 300
И только. Но мой Давъ, увидя на столѣ

(295) Готовую ѣду, забылъ о порученьи
И насыщаться сталъ! А я себѣ лежу,
Да думу думаю: „пройдетъ еще минута,
И мать увижу я. Она мнѣ принесетъ 305
Отъ милой вѣсточку и скажетъ, чѣмъ могу я

(300) Снискать ея любовь“. Вотъ я о чемъ мечталъ!

4.

Конца монолога не сохранилось: въ рукописи снова идетъ лакуна, и на этотъ разъ очень значительная, ибо, согласно расчетамъ Кѣрте, пропало около 160 стиховъ. Само собой разумѣется, что наличность подобнаго пробѣла сильно затрудняетъ возстановленіе хода дѣйствія. Вѣдь надо думать, что кромѣ конца монолога пропало еще нѣсколько сценъ, которыя должны были служить подготовкой дальнѣйшаго! Ввиду этого восполнить лакуну надлежащимъ обра-

зомъ врядъ ли мыслимо; но на основаніи текста, идущаго за ней, а также на основаніи монолога Мосхіона, можно все-таки предположить слѣдующее. Мать, которую Мосхіонъ поджидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, дѣйствительно, приходила къ нему, но только приносимая ею вѣсть оказывалась не соотвѣтствующей его ожиданіямъ. Въ чемъ же, спрашивается, она заключалась? Надо думать, что Гликера или въ силу обѣщанія, даннаго при переѣздѣ, или для того, чтобы реабилитироваться въ глазахъ Миррины, открывала послѣдней тайну своего происхожденія, тайну родства съ Мосхіономъ. Открытіе этой тайны было ударомъ для старухи. И вотъ она, не желая, вѣроятно, чтобы юноша, считавшійся ея сыномъ, узналъ, какимъ образомъ попалъ онъ въ домъ къ своей названной матери, брала съ Гликеры слово не разглашать тайны, но оставить ее при себѣ. Что подобная клятва была взята съ дѣвушки, явствуетъ изъ стиха 361; время же, въ которое она была взята, можно установить съ помощью ст. 199 слл., гдѣ Давъ докладываетъ Мосхіону о выговорѣ, только что полученномъ отъ Миррины за излишнюю болтливость насчетъ Гликеры. Но если Миррина уже въ моментъ появленія Дава озабочена мыслью о необходимости скрыть отъ Мосхіона фактъ пребыванія дѣвушки въ ея домѣ, — то можно, думается мнѣ, считать, что въ это время тайна Гликеры была ей уже извѣстна. Узнавъ эту тайну и взявъ съ Гликеры слово молчать, Миррина сумѣла бы, конечно, вернуться изъ щекотливаго положенія, но ей помѣшалъ Давъ, предупредившій Мосхіона о переѣздѣ дѣвушки. Хорошо понимая, къ чему стремится Мосхіонъ и желая положить серьезную преграду его поползновеніямъ, Миррина рѣшается на новый шагъ: она идетъ къ сыну и говоритъ ему, что всѣ его мечты насчетъ Гликеры несбыточны, ибо Гликера — ея дочь, нѣкогда ею брошенная ¹⁾. Къ этому прибавляетъ она еще, что временно тайна должна остаться не вскрытой и что Гликера дала ей въ этомъ слово (ср. ст. 361 сл.). Мосхіонъ не хочетъ вѣрить матери: ему кажется, что она его обманываетъ, но все-таки слова Миррины западаютъ ему въ душу и онъ, выбитый изъ колеи, не зная, что ему дѣлать,

1) Koerte², о. с., XLI; Sudhaus, о. е., 424; Gerhard, о. е., 25. Иначе Robert, о. с., 301 и Schmidt, о. е., 443.

выходить изъ дома и произносить свой монологъ, въ которомъ повѣствуетъ о всемъ случившемся. Монологомъ Мосхіона и могъ кончатся третій актъ, если не считать только, что за нимъ слѣдовала еще какая-нибудь сценка, въ которой Мосхіонъ сводилъ счеты съ обманувшимъ его Давомъ.

Если теперъ мы обратимъ вниманіе на то, какъ до сихъ поръ развивалось дѣйствіе нашей комедіи, мы сразу замѣтимъ въ немъ извѣстнаго рода послѣдовательность, состоящую въ томъ, что дѣйствіе, сперва незначительное, постепенно растетъ, расширяется, захватываетъ всё большее число лицъ, осложняется вставочными эпизодами, неожиданными случайностями, и къ третьему акту превращается уже въ настоящую животрепещущую драму. Пустая искра, брошенная Мосхіономъ, мало-по-малу разрастается въ настоящій пожаръ, пламя котораго перебрасывается съ мѣста на мѣсто съ неудержимою силой и быстротой. Полемонъ и Мосхіонъ, Давъ и Сосія, Дорида и Миррина, — всё эти лица уже оказываются такъ или иначе задѣтыми, затронутыми. Пустой случай привелъ всѣхъ ихъ въ дѣйствіе, и въ угоду ему, этому случаю, идетъ чисто мышиная бѣготня, разгораются страсти, растетъ напряженіе. Только одинъ Патэкъ стоитъ пока, хотя и не въ сторонѣ отъ происходящаго, спокойно и величаво: пожаръ не коснулся его! Онъ еще можетъ соображать, направлять, присматриваться; онъ еще можетъ выступать въ качествѣ незаинтересованнаго лично зрителя. Но уже недалекъ тотъ моментъ, когда размахъ пущеннаго въ ходъ дѣйствія захлестнетъ и его, мудраго и краснорѣчиваго Патэка. Мы уже знаемъ, что Полемонъ просилъ его быть ходатаемъ передъ Гликерой; мы знаемъ, что тотъ же Полемонъ склонилъ его взглянуть на платья и драгоценности своей возлюбленной, служащія доказательствомъ любви Полемона и его щедрости; мы знаемъ, наконецъ, что полюбовавшись на нихъ, Патэкъ долженъ идти къ Гликерѣ, чтобы попытаться склонить её къ примиренію. Всё это намъ извѣстно, а потому вполне естественно, что въ четвертомъ актѣ мы встрѣчаемся съ Патekomъ въ роли посла.

Къ сожалѣнію, и четвертый актъ начинается сценой, у которой не хватаетъ начала: мы попадаемъ прямо *in medias res*, попадаемъ въ самый разгаръ бесѣды между старикомъ и дѣвушкой. Оба они находятся на сценѣ около дома Мир-

рины, изъ чего явствуетъ, что Патэкъ нашель нужнымъ вести бесѣду внѣ жилища, считая, вѣроятно, что такимъ образомъ ему удастся избѣгнуть любопытства Мосхіона или Миррины. Изъ словъ Гликеры, начинающихъ собой дѣйствіе и являющихся отвѣтомъ на рѣчь Патэка, до насъ не дошедшую, видно, что эта рѣчь, съ которой Патэкъ обращался къ дѣвушкѣ, сводилась къ попыткѣ убѣдить еѣ вернуться къ Полемону и ни подъ какимъ видомъ не замѣнять его Мосхіономъ, т. е., иными словами, и Патэкъ, подобно Полемону, думалъ, что дѣвушка перебралась къ Мирринѣ ради ея сына. Гликера, уже оскорбленная любовникомъ, уже обиженная его подозрѣніями, не можетъ вынести новой выходки, да еще со стороны человѣка, котораго она привыкла уважать. И рѣзкой ноткой негодованія звучатъ поэтому ея слова, въ которыхъ слышится оскорбленная женская гордость! Та неопытная, робкая Гликера, за которую нѣкогда боялась ея пріемная мать, исчезла: жизненный ударъ сразу превратилъ ребенка въ женщину, и первое серьезное горе вывело наружу сильный характеръ, который до тѣхъ поръ не имѣлъ случая проявиться. „Нѣтъ, Патэкъ ошибается: не выгода, не какой-нибудь низкій расчетъ былъ причиной ухода Гликеры отъ Полемона. Своимъ шагомъ она хотѣла добиться только одного, а именно: быть подальше отъ обидчика. Вотъ для чего она ушла къ Мирринѣ, вотъ чѣмъ объясняется ея переѣздъ“.

Г л и к е р а.

К₂ Ты разсуди, Патэкъ, ну, для какой бы цѣли
Искать мнѣ для себя у матери его
Пріюта? Въ толкъ ты взялъ? Чтобъ стать его женою?
Ужъ, подлинно, что онъ какъ разъ по мнѣ! —
Чтобъ быть

(305) Его любовницей? Тогда бы укрывалась
Я отъ родныхъ его, — укрылся бы и онъ!¹⁾ —
Однако, въ отчій домъ меня, онъ вводитъ смѣло,
А я рѣшаюсь вдругъ рискнуть, вражду навлечъ 315
И вамъ же поводъ дать для грязныхъ подозрѣній,

1) При переводѣ ст. 301—306 я принимаю ту реконструкцію ихъ, которую даетъ Sudhaus. Der Kampf um die Penketromene (= Rhein. Mus., 64 (1909), 427 sqq.).

- (310) Которыхъ мнѣ не смыть, — ну, не безстыдна ль я?
И ты явиться могъ подѣ этимъ убѣжденіемъ?
И ты считать меня продажной тварью могъ?

Патѣкъ.

- Всесильный Зевсъ! О нѣтъ! Ты доказала ясно, 320
Что ты... обижена! Я вѣрю, — да, но все жъ
(315) Вернись къ Полеону.

Гликера.

О нѣтъ, пусть онъ глумится
Надъ косами другихъ!

Патѣкъ.

Но вѣдь проступокъ свой...
Свершилъ онъ сгоряча!

Гликера.

Онъ оскорбилъ безбожно, —
Съ рабыней лишь одной такъ можно поступать! 325

Вся приведенная нами *in extenso* первая сохранившаяся часть бесѣды Патѣка съ Гликерой важна для насъ не только съ литературной точки зрѣнія, но и какъ серьезное подспорье для реконструкціи дальнѣйшаго. Правда, продолженіе этой бесѣды дошло до насъ на *recto* того-же отрывка К, на *verso* котораго находятся ст. 301—318. Однако, это продолженіе отдѣлено лакуной, приблизительно, въ 16—17 стиховъ¹⁾, для насъ навсегда утраченныхъ. Такъ вотъ, на основаніи ст. 317 сл., мы можемъ, до извѣстной степени, угадать, каковъ былъ послѣдовательный ходъ бесѣды, приводившій въ концѣ концовъ къ тому результату, который вырисовывается передъ нами, вслѣдъ за окончаніемъ лакуны, въ ст. 320 слл. Вѣдь мы только что видѣли, что Гликера считаетъ себя оскорбленной поведеніемъ Полемона. По ея мнѣнію, онъ поступилъ съ ней, какъ съ простой рабыней. Но поступать съ ней такимъ образомъ онъ не имѣлъ права: она не рабыня, не подневольное существо, — нѣтъ, она свободная женщина, и ея происхожденіе какъ будто подтвер-

1) Koerte², о. с. 83.

ждаетъ, что на нее, на Гликеру, должны смотрѣть иначе, чѣмъ смотрять, т. е. не сверху внизъ, не какъ на что-то низшее, не достойное стоять на равной ногѣ съ остальными. Но гдѣ же, могъ спросить Патэкъ, тѣ доказательства, которыя говорятъ въ пользу благороднаго происхожденія Гликеры и которыя въ состояніи освѣтить все дѣло? Они на лицо, ибо въ распоряженіи Гликеры находятся распознавательные знаки, нѣкогда при ней найденные. Это заявленіе Гликеры о распознавательныхъ знакахъ, въ свою очередь, должно было привести Патэка къ ряду новыхъ вопросовъ, которые и могли служить обосноваіемъ для отвѣта Гликеры, начинающаго собой гесто отрывка К и касающагося какъ разъ вопроса о *υποδοματα*.

Въ такомъ родѣ могла бы вестись бесѣда послѣ ст. 319 и такимъ путемъ могъ бы подготовляться переходъ къ дальнѣйшему, которое и раскрывается передъ нами въ ст. 320 слл.

Гликера.

К₁ <Есть вещи у меня, въ наслѣдство мнѣ достались>
(320) Отъ матери моей и отъ отца... Съ тѣхъ поръ
Привыкла я держать ихъ при себѣ —

Патэкъ.

Чего-же

Желаешь ты теперь?

Гликера.

Чтобъ ихъ мнѣ принесли!

Патэкъ.

Но, значитъ воинъ нашъ откинуть, какъ негодный? —
Что скажешь, милая?

Гликера.

Пусть все черезъ тебя 330

(325) Ведется!

Патэкъ.

Смѣхъ одинъ такъ поступать! Сначала
Подумать бы тебѣ —

Гликера.
Мнѣ лучше знать!

Патэкъ.

Молчу! —

Кто знаетъ изъ рабынь, гдѣ у тебя вещицы?

Гликера.

Дорида.

Патэкъ (вызывая раба).

Пусть сюда Дориду позовутъ! —

А все же — время есть — Гликера, ради бога, 335
(330) Послушайся меня, — исполни мой совѣтъ!

Дорида (выходя отъ Полемона).

Вѣдь баринъ у себя, — онъ дома!

(Видя взволнованныя лица Гликеры и Патэка).

Что такое?

Что тутъ стряслось еще?

Гликера.

Шкатулку принеси, —

Ту... съ бездѣлушками. Ее на сохраненье

Тебѣ жъ я отдала! Чего ты медлишь, дрянъ? 340
(Дорида уходитъ).

Патэкъ.

(335) Я словно не въ себѣ! Зевесъ, о мой спаситель,
Проходитъ дрожь по мнѣ! Что это? Вѣдь, кажись,
<Рѣчь шла о пустякахъ, — о маленькой шкатулкѣ!>

Изъ послѣднихъ словъ Патэка мы видимъ, что та путаница, въ которой до сихъ поръ были замѣшаны остальные персонажи комедіи начинаетъ затягивать и его. Онъ, еще недавно спокойный и величавый, вдругъ теряетъ свое самообладаніе. А между тѣмъ въ словахъ Гликеры нѣтъ, кажется, ничего особеннаго: она упомянула только о какой-то шкатулкѣ, въ которой хранятся „разныя вещи“. Но, можетъ быть, Патэкъ видѣлъ эту шкатулку? Врядъ ли, разъ она находилась на сохраненіи у Дорида. Не вѣрнѣе ли будетъ думать, что среди уборовъ и драгоценностей Гликеры, которыя Патэкъ недавно рассматривалъ въ домѣ Полемона,

было замѣчено имъ что-нибудь, возбуждившее въ немъ воспоминаніе о чемъ-то, давно забытомъ? И вотъ теперь при словахъ Гликеры это воспоминаше снова приходитъ ему въ голову и онъ, правда, еще неясно начинаетъ чувствовать что-то, о чемъ пока не рѣшается говорить опредѣленно. Такимъ образомъ, и Гликера и Патэкъ волнуются. Но до какой степени различны тѣ причины, которыя вызываютъ это волненіе! Гликера волнуется, потому что ей хочется поскорѣе увидѣть дорогія ей вещицы, которыя докажутъ благородство ея происхожденія. Патэкъ же волнуется, потому что неясное предчувствіе говоритъ ему, что можетъ вскрыться одинъ фактъ изъ его жизни, который тяжелымъ камнемъ лежитъ на его душѣ и о которомъ никто кромѣ него не знаетъ. Однимъ словомъ, наступаетъ критическій моментъ и въ воздухѣ чувствуется приближеніе чего-то рѣшающаго: пьеса дошла до своего кульминаціоннаго пункта!

Стихомъ 337 кончается гесто обрывка К и мы снова оказываемся передъ лакуной, на этотъ разъ незначительной. По крайней мѣрѣ, Koerte опредѣляетъ ее въ 7 стиховъ. Но очень возможно, что она была нѣсколько больше, а именно, равнялась стихамъ 10, которые и представляли собой простой переходъ къ сценѣ „узнаванія“ (*ἀναγνωρίσιμα*), идущей вслѣдъ за лакуной. Что же касается вопроса о содержаніи этихъ утерянныхъ стиховъ, то оно могло сводиться къ слѣдующему. Непосредственно за словами Патэка (ст. 335 слл.) изъ дома Полемона выходила Дорида со шкатулкой, за которой она была послана, и передавала послѣднюю Гликерѣ, а сама снова удалялась къ Полемону, тѣмъ болѣе, что ея присутствіе на сценѣ было бы только задержкой для дальнѣйшаго хода дѣйствія. По удаленіи Дориды Патэкъ и Гликера принимались за разборку вещицъ, находящихся въ шкатулкѣ; а тѣмъ временемъ на сцену вступалъ новый персонажъ, какъ разъ нужный для послѣдующаго, т. е. Мосхіонъ, возвращающійся къ себѣ изъ города¹⁾. Замѣтивъ Гликеру и Патэка, незамѣ-

1) Иначе думаетъ Koerte² (о. с., 85), который полагаетъ, что Мосхіонъ появляется послѣ ст. 343, и притомъ приходитъ не изъ города, а выходитъ изъ дома. Ср. однако Gerhard, о. с., 31. Совершенно невысказано считать, какъ это дѣлаетъ Robert (о. с., 297), что Мосхіонъ участвуетъ уже въ отрывкѣ К и что имъ произносится ст. 323: *ἀπεξίλωκα οὖν χοῖδ' ἃν τὸν ἄνθρωπον*, или же, какъ дѣлаетъ это Sudhaus (о. с., 431), что

чаемый ими (ср. подобное же появленіе Онисима въ „Третьскомъ судѣ“), онъ оставался въ глубинѣ сцены и дѣлался, такимъ образомъ, свидѣтелемъ всего дальнѣйшаго разговора, — пріемъ, къ которому не разъ прибѣгаетъ „новая“ комедія. Сверхъ того можно думать, что Мосхіонъ, увидѣвъ Гликеру и Патэка, дѣлалъ въ сторону нѣсколько замѣчаній, выражавшихъ его удивленіе и безпокойство по поводу неожиданнаго для него появленія Патэка, въ которомъ, что само собой разумѣется, онъ могъ усматривать только помѣху для своихъ плановъ. Какъ бы то ни было, Мосхіонъ продолжалъ держаться въ отдаленіи, а Патэкъ и Гликера, считая, что они одни и что ихъ никто не подслушиваетъ, обращались къ детальному разбору вещицы, къ тому разбору, которому и посвящено начало сценки, идущей за лакуной и заполняющей собой страницы 5а и 5б Лейпцигской рукописи, уже не одинъ разъ нами упомянутой.

Патэкъ.

И эту вещь

ЕА Тогда же видѣлъ я... На ней козель, какъ будто!
Иль это быкъ, а можетъ звѣрь иной?

345

Гликера.

(340) Ты принялъ за козла, мой дорогой, оленя!

Патэкъ.

Рога я разглядѣлъ... А эта третья вещь —
Крылатый будетъ конь! — Моей жены вещицы
Я узнаю теперь... О бѣдная моя!

Мосхіонъ.

Нѣтъ, это, кажется, немыслимо! Выходить, — 350
(345) Моя родная мать свою родную дочь
Позорно кинула¹⁾. Но если это — правда,

Мосхіономъ произносится ст. 335 слл. и что, начиная отъ этого стиха, Мосхіонъ уже находится на сценѣ. Всѣ эти мнѣнія, а равно и многія другія (они сведены у Gerhart'a въ его статьѣ, въ примѣчаніяхъ 48, 54, 57), я считаю за непріемлемыя и подробно разбирать ихъ не буду.

1) Видя вещи, разбираемая и рассматриваемая Патэкомъ, и вспоминая одновременно съ этимъ о словахъ Миррины, сказавшей, что Гликера — ея дочь, Мосхіонъ и произносить свои слова, которыя, конечно, не надо ста-

Но если дѣвушка — сестра моя, тогда
Конецъ... всему конецъ! Что я за горемыка!

Патэкъ.

Скажи, а что еще осталось отъ моихъ — ?¹⁾ 355

Гликера.

(350) Ты выясни сперва, про что спросить желаешь!

Патэкъ.

Гдѣ вещи ты взяла, что нынѣ при тебѣ?

Гликера.

Я съ ними найдена, когда была ребенкомъ.

Мосхѣонъ.

Еще на шагъ впередъ! Какъ будто волнъ прибой
Несетъ меня теперь судьбѣ моей на встрѣчу! 360

Патэкъ.

(355) Ты найдена одна? Вотъ ты о чемъ скажи!

Гликера.

О нѣтъ, со мною братъ былъ кѣмъ-то вмѣстѣ
кинуть!

Мосхѣонъ.

Одно сомнѣше рѣшилъ ея отвѣтъ!²⁾

вить въ связь со словами Патэка: „моей жены вещицы / я узнаю теперь“. Мосхѣонъ разсуждаетъ независимо отъ Патэка, тѣмъ болѣе, что онъ находится всецѣло подъ вліяніемъ открытія, сдѣланнаго Мирриной. Да къ тому же Патэкъ вовсе не мужъ Миррины, и, наконецъ, слова Патэка о его покойной женѣ могли быть сказаны въ сторону. Вѣдь недаромъ Гликера на нихъ не реагируетъ!

1) Патэкъ не оканчиваетъ своей фразы, которая благодаря этому остается для Гликеры непонятной. Послѣ слова „моихъ“ — *τῶν ἐμῶν* можно дополнять или „вещей“ — *χρημάτων*, или же „дѣтей“ — *παίδων*. Патэкъ конечно, разумѣетъ послѣднее: ему хотѣлось бы узнать, что случилось съ его дѣтьми, въ особенности, съ сыномъ, ибо онъ уже начинаетъ полозрѣвать, что Гликера — его дочь.

2) Мосхѣонъ хочетъ сказать этимъ слѣдующее: „такъ какъ я сынъ Миррины, въ чемъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, и такъ какъ, съ другой стороны, у Гликеры былъ братъ, вмѣстѣ съ нею броненный, то ясно, что я не могъ быть этимъ братомъ. Но разъ это такъ, то значить, Гликера вовсе не приходится мнѣ сестрой или, иначе, Миррина, моя мать, сказала мнѣ неправду, заявивъ, что Гликера — ея дочь, ея кинутая“.

Патэкъ.

Но какъ же это васъ потомъ разъединили?

Гликера.

Я объяснить могу: я знаю отъ другихъ!

365

(360) Но лучше о другомъ спроси: скрывать не буду,
Объ этомъ же молчать Мирринѣ я клялась!

Мосхионъ.

И вправду поклялась! Ея слова, какъ знакъ
Условный, ясны мнѣ! Гдѣ я? О, что мнѣ дѣлать?

Патэкъ.

А кто же подобралъ, кто вырастилъ тебя?

370

Гликера.

(365) Нашла та женщина, что послѣ и взростила!

Патэкъ.

А можешь вспомнить ты про мѣсто, гдѣ нашла?

Гликера.

Тамъ, по ея словамъ, источникъ былъ... деревья!

Патэкъ.

ДВ Такъ мѣсто описалъ и бросившій дѣтей!

Гликера.

Но кто же это былъ? Повѣдай, если можно!

375

Патэкъ.

(370) Дѣтей подкинулъ рабъ, рѣшилъ ихъ кинуть я!

Гликера.

Ты кинуть могъ дѣтей, ты — ихъ отецъ? Зачѣмъ же?

Патэкъ.

Есть многое, чему съ трудомъ повѣришь ты!

Родивши васъ двоихъ, жена моя скончалась,

А за день передъ тѣмъ была еще бѣда —

380

Гликера.

(375) О боже, я дрожу! Бѣда, — скажи, какая!

Патэкъ.

Привыкшій къ роскоши, я сразу нищимъ сталъ!

Гликера.

Какъ, сразу? О судьба, о боги! Что за ужасъ!

Патэкъ.

Шелъ слухъ, что мой корабль, съ товарами, погибъ,
Что волны залили его въ Эгейскомъ морѣ!

385

Гликера.

(380) О доля горькая!

Патэкъ.

И я рѣшилъ тогда,
Что мнѣ, убогому, не по плечу какъ будто
Ташить двѣ барочки, двоихъ дѣтей кормить!

Стихомъ 382 заканчивается наиболѣе хорошо сохранившаяся часть сценки, тогда какъ остальные 15 стиховъ, благодаря плохому состоянію рукописи, лишь отчасти поддаются переводу и во всякомъ случаѣ представляютъ такой текстъ, который никоимъ образомъ нельзя считать окончательно установленнымъ, несмотря на усилія разныхъ ученыхъ, въ особенности Sudhaus'a и Carps'a¹⁾, придать ему вполне удобочитаемую форму. Установленіе этого текста все еще продолжаетъ принадлежать будущему, причемъ въ первую голову требуетъ новой провѣрки рукописи, тѣмъ болѣе, что и чтенія, даваемые Koerte въ его второмъ изданіи комедій Менандра, не являются, на мой взглядъ, исчерпывающими. Вѣдь если судить по факсимиле, то многое можно прочесть нѣсколько иначе, чѣмъ оно читается у Koerte. Однако, я не буду приводить своихъ чтеній, такъ какъ я не вполне увѣренъ въ ихъ правильности и такъ какъ они покоятся исключительно на томъ, что даетъ, по моему мнѣнію, снимокъ. Ну, а насколько такія чтенія по снимку бываютъ обманчивы, объ этомъ лучше всего можно судить по дополненіямъ Carps'a, изъ которыхъ, согласно замѣчанію Koerte (о. с., 88), ни одно не соотвѣтствуетъ тому, что на самомъ дѣлѣ даетъ рукопись.

1) Sudhaus, Menandri reliquiae, 53; Carps, о. с., 209—211.

Ввиду всего этого я воздерживаюсь пока отъ какихъ бы то ни было дополненій и ограничусь только приведеніемъ того, въ чемъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

Мы уже видѣли изъ всей приведенной нами сценки „узнаванія“, что Патэкъ при помощи задаваемыхъ имъ вопросовъ удостовѣрялся мало по малу какъ въ томъ, что Гликера приходится ему дочерью, такъ и въ томъ, что оба, брошенные имъ, ребенка были подобраны и спасены, отъ гибели. Но мы видѣли также, что Патэкъ, говоря съ Гликерой, не одинъ уже разъ пытался выяснить вопросъ о сынѣ (ст. 349 и 358), вопросъ, на который, однако, онъ все еще не получалъ опредѣленнаго отвѣта отъ своей дочери. Между тѣмъ, послѣ разсмотрѣнія вещицъ, предъявленныхъ Гликерой и признанныхъ Патэкомъ за собственность его покойной жены, Патэкъ могъ припомнить, что, кромѣ этихъ вещицъ, были еще другія, которыхъ онъ не видитъ и часть которыхъ была, по всей вѣроятности, предназначена, какъ *υνορίσματα*, для сына Патэка, для того мальчика, на слѣды котораго ему хотѣлось бы напасть. И дѣйствительно, въ текстѣ, который слѣдуетъ за ст. 382, мы присутствуемъ при разспросахъ Патэка по поводу этихъ вещей, при разспросахъ, тайною цѣлью которыхъ является желаніе старика получить, хотя бы косвеннымъ путемъ, какія нибудь свѣдѣнія о сынѣ. Такимъ образомъ, если первая часть сценки посвящена вскрытію происхожденія Гликеры, если вторая ея часть приводитъ мало по малу къ тому, что окончательно устанавливается отношеніе Патэка къ подкидышамъ, то въ третьей части сценки ставится на очередь вопросъ о мальчикѣ, хотя вся бесѣда и ведется такъ, что о самомъ мальчикѣ не говорится, а говорится только о вещахъ, изъ которыхъ кое-какія могли быть его собственностью. Какъ бы то ни было, когда въ ст. 385—386 мы получаемъ связный и удобочитаемый текстъ, то этотъ текстъ даетъ намъ отвѣтъ Гликеры на какой-то вопросъ Патэка, и притомъ отвѣтъ, вложенный въ слѣдующую, вполне опредѣленную форму:

385 Да, небольшою уборъ изъ серебра нанили
И ожерельице... Съ дѣтьми и это было!

Какъ реагировалъ на эти слова Патэкъ, а можетъ быть и подслунивавшій всю бесѣду Мосхіонъ, мы не знаемъ, ибо

стихи 387—389 дошли до насъ въ слишкомъ уже обрывочномъ видѣ. А впрочемъ, изъ словъ Патэка (?): *ἐκεῖνον ἀναθρομένῃ* (ст. 387) и изъ отвѣта Гликеры: *εἶχε ... οὐτ'... ἡ μοι πάτερ* (ст. 389) можно, кажется, выводить, что давалось описаніе какой-то вещи¹⁾, послѣ чего разговоръ переходилъ на другой предметъ, на другое *γνώρισμα*, тоже находившееся при подкидышахъ, какъ явствуетъ это изъ ст. 390—391, представляющихъ собой вопросъ Патэка и отвѣтъ на него Гликеры:

Патэкъ.

390 А поясокъ тамъ былъ, — сказать объ этомъ можешь?

Гликера.

Да, вышить былъ на немъ дѣвичій хороводъ!

Что касается ст. 393 — 394, то отъ перваго, неизвѣстно кѣмъ произносимаго²⁾, сохранились слова: *οὐκὼν συνῆκας*, а отъ второго — *χευσῇ τε μίτρα πάντα*, причемъ этотъ второй стихъ, бывший репликой Гликеры, замыкалъ собой перечисленіе вещей и являлся вмѣстѣ съ тѣмъ своего рода преддверіемъ къ выступленію Мосхіона, которое и должно было заканчивать всю сцену „узнаванія“.

Насколько можно судить по только что разобранному нами тексту, Мосхіонъ тоже имѣлъ въ немъ свою особую партію, которая, какъ и въ ст. 338—382, сводилась къ замѣчаніямъ и восклицаніямъ à part, выражавшимъ повышенное настроеніе юноши, хотя при настоящемъ состояніи текста и трудно сказать съ опредѣленностью, какія именно реплики принадлежали Мосхіону и какія, наоборотъ, произносились не имъ, а Патэкомъ. По крайней мѣрѣ, по этому поводу мнѣнія издателей расходятся! Но во всякомъ случаѣ, независимо отъ того, будемъ ли мы слѣдовать, въ распредѣленіи репликъ Мосхіона, Koerte или Sudhaus'у, видно, что параллельно

1) Sudhaus (о. с., 53) возстановляетъ ст. 388—389 такъ:

Π. τίς [ἦ]ν ὁ πλοῦσας; ὁλοθα γράμμα δηλαδὴ;

Γ. εἶχε/ν τοι/οὐτ/ο ἡ μοι/ πάτερ.

Стихъ 387 Sudhaus влагаетъ не въ уста Патэка, какъ дѣлаетъ это Koerte, а въ уста Мосхіона.

2) Koerte влагаетъ стихъ въ уста Патэка, а Sudhaus (о. с., 53) видитъ въ немъ реплику Мосхіона и придаетъ ему слѣдующую форму:

οὐκὼν συνῆκας, δ/ύστυχ/ες, τῶ/ν ὧν κακῶν;/

съ наименованіемъ вещей Гликерой, Мосхіону становится все труднѣе и труднѣе оставаться простымъ зрителемъ происходящей передъ нимъ бесѣды. Вѣдь недаромъ въ ст. 394, который, внѣ всякаго сомнѣнія, произносился и могъ произноситься только однимъ Мосхіономъ, онъ говоритъ про себя: *οὐκέτι κατέξω* — „нѣтъ, я не буду больше себя сдерживать“, причемъ къ Мосхіону же надо относить и ст. 395, а также ст. 396: *πάρεσι τοῦτον* — „я подойду къ нему“, — стихъ, послѣ котораго онъ и подбѣгаетъ къ Патѣку, встрѣчающему появленіе юноши возгласомъ (ст. 397): *ὦ θεοί, τίς ἐστίν οὗτος* — „о боги, кто это?“

Спрашивается теперь, что могло такъ сильно повліять на Мосхіона и что могло заставить его выйти изъ засады и подойти къ бесѣдующимъ? Да только одно, а именно, впечатлѣніе отъ словъ Гликеры, только что описывавшей какія-то вещи, ему, повидимому, тоже хорошо знакомыя. Однако, гдѣ могла видѣть ихъ Гликера и гдѣ могъ ознакомиться съ ними Мосхіонъ? Если я вѣрно понимаю общую ситуацію, то все это можно было бы объяснять слѣдующимъ образомъ. Врядъ ли нужно думать, что Гликера описывала и перечисляла вещи со словъ своей пріемной матери, ибо это было бы не достаточно естественно и не достаточно правдоподобно. Скорѣе слѣдуетъ предполагать, что Гликера видѣла ихъ у Миррины, въ ея домѣ, во время своей конфиденціальной бесѣды съ послѣдней, причемъ отъ Миррины могла она узнавать и о томъ, что всѣ эти вещи представляютъ собой *γυναικίσματα* Мосхіона. Что же касается самого Мосхіона, то само собой разумѣется, что до послѣднихъ дней онъ и не подозревалъ о существованіи этихъ вещей и объ ихъ тайномъ значеніи. И дѣйствительно, Миррина, которая выдавала себя за родную мать юноши, врядъ ли бы сочла нужнымъ знакомить его съ этими вещами, если не считать только, что одна изъ вещей находилась при Мосхіонѣ въ качествѣ простого амулета¹⁾. Но разъ это такъ, то остается только предполагать, что, когда Миррина говорила Мосхіону о томъ, что Гликера — ея дочь, она въ доказательство своихъ словъ показывала ему эти самыя вещи, какъ знакъ, по которому она и пришла къ сдѣланному ею выводу.

1) См. Gerhard, о. с., 32.

Какъ бы то ни было, Мосхіонъ, прослушавъ разсказъ Гликеры о тѣхъ вещахъ, которыя, хотя бы и частично, принадлежали ея брату, вмѣстѣ съ нею брошенному, и сообразивъ по нимъ, что именно онъ и является этимъ искомымъ братомъ, — Мосхіонъ, говорю я, не выдерживалъ своей роли соглядатая и бросался къ бесѣдующимъ, въ лицѣ которыхъ Случай возвращалъ ему отца и сестру, имъ нѣкогда утерянныхъ и до сей поры остававшихся ему неизвѣстными. Этимъ эффектнымъ выступленіемъ Мосхіона, которое клало конецъ всѣмъ поискамъ и разспросамъ Патэка, а также и тому недоразумѣнію, изъ за котораго началась вся путаница между Гликерой и Полемономъ, заканчивалась, въ сущности говоря, сцена „узнаванія“ и, хотя самое заключеніе ея до насъ не дошло, мы всё таки понимаемъ, что послѣ ст. 397 она уже не могла продолжаться долго. И дѣйствительно, чего еще могла бы она касаться? Единственное, что могло въ ней затрогиваться, должно было, какъ мнѣ кажется, сводиться къ кое-какимъ вопросамъ со стороны Патэка и, можетъ быть, къ небольшому объясненію между братомъ и сестрой, хотя послѣднее и не является чѣмъ-то безусловно необходимымъ и безусловно нужнымъ. Въдѣ несмотря на то, что сценка и выдержана, какъ мы увидимъ это ниже, въ трагическомъ тонѣ, незачѣмъ, однако, думать, что она замыкалась своего рода лирическимъ *intermezzo* на манеръ трагедіи. По крайней мѣрѣ, для Менандра, да и вообще для „новой“ комедіи, наличность подобнаго *intermezzo* ничѣмъ не засвидѣтельствована! Зато съ полной увѣренностью можно сказать, что, вскорѣ послѣ окончанія сценки, кончался и четвертый актъ, причемъ вполне возможно, что вслѣдъ за уходомъ Патэка, Гликеры и Мосхіона въ домъ Миррины шелъ еще какой нибудь монологъ, который могъ произносить хотя бы Полемонъ, заждавшійся возвращенія своего посла, Патэка, или же, что не менѣе вѣроятно, Дорида. Въдѣ не мѣшаетъ отмѣтить, что въ сохранившейся до насъ части пятаго акта, она оказывается вполне освѣдомленной обо всемъ происшедшемъ. Но разъ это такъ, то слѣдуетъ, кажется, думать, что Дорида, вернувшаяся передъ началомъ сцены „узнаванія“ къ Полемону, снова появлялась затѣмъ на сценѣ, чтобы послѣ произнесенія нѣсколькихъ словъ, объясняющихъ причину ея выхода, уходитъ въ домъ Миррины къ своей барынѣ. А

впрочемъ, все это одни предположенія, которыя очень трудно обосновать надлежащимъ образомъ, ибо данныхъ для этого обоснованія у насъ нѣтъ: вѣдь за ст. 397 снова идетъ лакуна, и на этотъ разъ довольно значительная, равняющаяся, по расчетамъ Koerte, не то 100, не то 160 стихамъ, — лакуна, на мѣстѣ которой помѣщался конецъ четвертаго и начало пятаго акта.

Само собой разумѣется, что восполнять подобную лакуну путемъ гипотезы не слѣдуетъ, ибо всякое такое восполненіе ограничило бы съ простой фантазіей, чѣмъ и грѣшатъ, напр., почти всѣ реконструкціи Robert'a. Мы можемъ сказать только, что когда прерванное лакуной теченіе дѣйствія возобновляется, мы видимъ передъ собой Полемона, который оказывается вполнѣ освѣдомленнымъ обо всемъ происшедшемъ. А такъ какъ, съ другой стороны, его партнеромъ, которому онъ и повѣряетъ всѣ свои чувства, является Дорида, то надо думать, что именно послѣдняя и была настоящей передаточной инстанціей, сообщавшей Полемону, что Гликера оказалась дочерью Патэка, что Мосхіонъ приходится ей братомъ и что, наконецъ, Гликера потому именно и не оттолкнула юноши, что знала о своемъ родствѣ съ нимъ. Такимъ образомъ, Полемонъ сразу убѣждался во всей необдуманности своего поступка съ дѣвушкой и вмѣстѣ съ тѣмъ узнавалъ, что она, имъ обиженная, вовсе не безвѣстное существо, а полноправная гражданка, да къ тому же дочь богатаго и всѣми уважаемаго Патэка.

Само собой разумѣется, что всѣ эти свѣдѣнія, передаваемые Доридой, должны были производить на Полемона удручающее впечатлѣніе, причемъ можно думать, что Менандръ, какъ глубокій знатокъ человѣческой души, не пропускалъ случая для того, чтобы поярче и понагляднѣе изобразить ощущенія своего героя, сознающаго, что все болѣе и болѣе увеличивается пропасть между нимъ и его бывшей возлюбленной и что, сообразно съ этимъ, исчезаютъ одно за другимъ всякія средства, ведущія къ примиренію. И дѣйствительно, даже къ Патэку, къ своему недавнему другу, Полемонъ уже не могъ обратиться за содѣйствіемъ, ибо какъ ни какъ, а дѣвушка, оскорбленная имъ, была дочерью этого самаго Патэка. Оставалась, значитъ, одна Дорида, вѣрная наперсница своей барыни, отъ которой только и можно было

ожидать помощи, тѣмъ болѣе, что она лучше, чѣмъ кто либо другой, могла знать, что дѣлается на сердцѣ у Гликеры, и есть ли вообще хоть какая нибудь надежда на мирное окончаніе всей происшедшей путаницы. Поэтому-то, когда кончается лакуна и снова начинается связный текстъ, сохраненный Оксиринхскимъ папирусомъ, мы видимъ на сценѣ Полемона и Дориду, причемъ насколько первый чувствуетъ свое бѣзсиліе, настолько же вторая — свое превосходство. Вѣдь она понимаетъ, что Полемонъ — у нея въ рукахъ, и что прошло то время, когда его нужно было бояться. Теперь роли переменялись и бойкая Дорида на каждомъ шагу умѣетъ показать барину все свое значеніе, а онъ подчиняется ей и въ его словахъ уже не слышно никакого задора, который слышался еще въ недавней бесѣдѣ съ Патэкомъ. Къ сожалѣнію только, самое начало разговора между Доридой и Полемономъ не сохранилось, и мы благодаря этому вводимся прямо *in medias res*. А впрочемъ, отъ первой колонки папируса, предшествовавшей той, къ которой мы сейчасъ перейдемъ, дошло до насъ нѣсколько отдѣльныхъ словъ, позволяющихъ, какъ видно это по словамъ *λόγους* (строка 4) и *λέγεις* (строка 6), заключать, что въ первой колонкѣ тоже шелъ діалогъ, надо думать, между тѣми-же Доридой и Полемономъ, что и ниже. Однако, ничего другого, болѣе положительнаго, изъ остатковъ первой колонки вывести нельзя, а потому, оставивъ ее въ сторонѣ, мы обратимся ко второй колонкѣ, дающей намъ сравнительно цѣльный текстъ, который сверхъ того снабженъ кое-гдѣ ремарками (ст. 411 и 425) и именами дѣйствующихъ лицъ (ст. 419, 432, 440, 442 и 446) и который я хотѣлъ бы переводить слѣдующимъ образомъ.

Полемонъ.

Повѣшусь, вотъ и все!

Дорида.

Ну, это — ни къ чему!

405

Полемонъ.

А что-же дѣлать мнѣ, Дорида? Я, злосчастный
(400) Не въ силахъ жить одинъ... безъ милой!

Дорида.

Да она

Къ тебѣ опять придетъ!

Полемонъ.

О боги, неужели?

Дорида.

Коль ты закаешься обиды наносить!

410

Полемонъ.

Не погрѣшу ни въ чемъ! Ты, милая, сказала

Мнѣ правду! Завтра же тебѣ я волю дамъ,

(405) А ты сейчасъ иди... къ Гликерѣ. Ей ты скажешь, —

Да выслушай! (Дорида, не слушая, уходитъ).

Ушла! Лукавый богъ Эротъ,

Осилилъ ты меня! И вовсе не любовникъ,

415

Нѣтъ, братъ ее ласкалъ! А я-то! Я, злодѣй,

Ревнивецъ, нашумѣлъ, набуйствовалъ, въ чемъ дѣло

(410) Не разобравъ, и вотъ почти что въ петлю влѣзъ!

Куда какъ хорошо! (Выходитъ Дорида).

Ну, какъ дѣла, Дорида?

Дорида.

Отлично! Барыня придетъ къ тебѣ!

Полемонъ.

Смѣешься!

420

Дорида.

Клянусь Кипридою, что нѣтъ! Сейчасъ она

Свершаетъ туалетъ, отецъ же съ ней бесѣду

О томъ, о семъ ведетъ... Эхъ, долженъ бы теперь

(415) На радостную вѣсть, на вѣсть о томъ, что милой

Живется хорошо, — отвѣтить жертвой ты!

425

Полемонъ.

Ей-богу, ты права! Для жертвоприношенья

Пусть поваръ — онъ у насъ — заколетъ намъ свинью!

Дорида.

Ну, а корзина гдѣ? Гдѣ прочее, что нужно? .

По л е м о н ъ.

- (420) Ее потомъ зачнемъ! Все дѣло за свиньей! —
Да, надо бы еще вѣнкомъ мнѣ раздобыться 430
Здѣсь съ алтаря!

Д о р и д а.

Ты въ немъ покажешься куда
Краснорѣчивѣе!

По л е м о н ъ.

Ведите же Гликеру!

Д о р и д а.

Она и такъ придетъ, а съ ней ея отецъ!

По л е м о н ъ.

- (425) Отецъ? Что дѣлать тутъ? (Полемонъ уходитъ).

Д о р и д а.

Да что съ тобой, несчастный?
< Неужто передъ нимъ трепещешь? > Дверь
скрипитъ! 435
Пойду-ка въ домъ и я, — тамъ помогу, коль нужно!
(Уходитъ).

[Въ то время, какъ Дорида, вслѣдъ за Полемономъ, исчезаетъ въ домъ послѣдняго, изъ дома Миррины выходятъ Патэкъ и Гликера, оба спокойные и довольные].

П а т э к ъ.

- Люба мнѣ рѣчь твоя: „отецъ, я съ нимъ мирюсь“.
Прощать, когда тебѣ вновь улыбнулось счастье, —
(430) Вотъ это — подлинно по-гречески, дитя! —
Полемона ко мнѣ пусть вызовутъ изъ дома! 440

По л е м о н ъ.

Я самъ къ тебѣ иду... я жертву приносилъ,
Узнавъ, что въ кругъ родныхъ вошла моя Гликера, —
За счастье ея!

П а т э к ъ.

Прекрасныя слова!

- (435) Ну, слушай мой отвѣтъ: тебѣ, чтобъ ты законныхъ
Дѣтей имѣлъ, я дочь вручаю —

Полемонъ.

Я беру. 445

Патэкъ.

И три таланта въ даръ.

Полемонъ.

И съ этимъ я согласенъ!

Патэкъ.

А чтобы впредь ни въ чемъ жены не обижать, —
Забудь-ка навсегда солдатскія привычки!

Полемонъ.

(440) Чуть было не погибъ, и вдругъ опять возьмусь
За глупости, — о, нѣтъ, не буду и перечить 450
Гликеръ! Милая, ужъ ты прости меня!

Гликера.

Начало счастья для насъ съ тобой тайлось
Въ неистовствѣ твоємъ —

Полемонъ.

Ужъ подлинно, что такъ!

Гликера.

(445) А потому тебя на этотъ разъ прощаю!

Полемонъ.

Патэкъ, пора бы намъ за жертву взяться!

Патэкъ.

Я 455

Устроить бракъ другой хотѣлъ бы: я для сына
Беру Филина дочь!

Полемонъ.

О боги, о земля!

5.

Такъ кончается пьеса въ ея настоящемъ видѣ, но не такъ, думается мнѣ, кончалась она въ то время, когда въ ней не было еще тѣхъ досадныхъ лакунъ, которыя на каждомъ шагу нарушаютъ теперь правильность ея течешя. Такъ,

прежде всего, приходится предполагать, что послѣ воскли-
цація Полемона шло еще нѣсколько заключительныхъ сти-
ховъ, хотя врядъ ли количество этихъ стиховъ было на-
столько большимъ, чтобы составлять особую сценку, имѣю-
щую самостоятельное значеніе. Далѣе, благодаря частымъ
лакунамъ, многое въ „Отрѣзанной косъ“ остается для насъ
неяснымъ и недосказаннымъ. Между прочимъ, намъ довольно
трудно угадать, какую роль въ пьесѣ игралъ Филинъ, да и
вообще принадлежалъ ли онъ къ числу настоящихъ дѣй-
ствующихъ лицъ комедіи, или же его имя употреблено просто
на просто, какъ первое попавшееся имя, нужное поэту для
обозначенія отца будущей жены Мосхіона. Что до меня
лично, то я готовъ былъ бы склониться къ послѣднему пред-
положенію, тѣмъ болѣе, что подобные случаи не разъ нахо-
дили себѣ мѣсто въ „новой“ комедіи, какъ видѣли мы это
на Хэрестратѣ изъ „Третейскаго суда“, и что подтверждается
также многими аналогіями изъ Теренція (ср., напр., Архо-
нида изъ *Heautontimorippos*, упоминаемаго въ ст. 1065).
Однимъ словомъ, Филинъ, думается мнѣ, не выступалъ въ
пьесѣ¹⁾, но зато на долю Миррины должна была выпасть осо-
бая роль, отъ которой, однако, не сохранилось ни одной
строчки. А если все таки я настаиваю на реальности этой
роли, то объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ, что Миррина
была лицомъ слишкомъ уже заинтересованнымъ въ судьбѣ
Мосхіона, чтобы не показываться передъ зрителями, а, во-вто-
рыхъ, тѣмъ, что о ней, какъ о дѣйствующемъ лицѣ, упоми-
наетъ въ концѣ перваго акта и ея рабъ, Давъ (ст. 73). Ввиду
всего этого я, наравнѣ съ другими учеными, и ввожу Мир-
рину въ число настоящихъ дѣйствующихъ лицъ комедіи и
думаю, что, кромѣ конца перваго акта, она могла выступать,
напр., въ той большой лакунѣ, которая идетъ теперь вслѣдъ
за сценой „узнаванія“. Но какъ бы то ни было, опредѣлить
надлежащимъ образомъ все значеніе роли Миррины мы не
можемъ, равно какъ не можемъ мы и оцѣнить во всей ея пол-
нотѣ роли Мосхіона, этого *adulescens*, выведеннаго на поло-
женіи „любителя гетеръ“, т. е. въ той партіи, которая скорѣе
подходила бы къ Хэрестрату, какъ свидѣтельствуешь объ

1) Также думаетъ и Schmidt, о. е., 444. См. еще Gerhard,
о. с., 34.

этомъ Хорскій Газейскій (см. стр. 132). Всѣ эти и подобные имъ вопросы не могутъ быть разрѣшены нами такъ, какъ намъ хотѣлось бы этого, а вмѣстѣ съ ними не могутъ быть восстановлены и многія изъ тѣхъ подробностей, которыя занимали не мало мѣста въ дѣйствіи пьесы и безъ знанія которыхъ трудно отдать себѣ отчетъ во всѣхъ извивахъ ея интриги, не менѣе сложной и затѣйливой, чѣмъ интрига, лежащая въ основаніи „Третьякаго суда“.

Но, несмотря на массу неяснаго и недосказаннаго, несмотря на сильную отрывочность и рядъ лакунъ, наша комедія все-таки производитъ чарующее впечатлѣніе, особенно въ тѣхъ частяхъ своихъ, которыя дошли до насъ въ приближительной полнотѣ. Сюда относится, напримѣръ, второй актъ со всѣмъ разнообразіемъ своихъ перипетій, съ этой, на рѣдкость удачной, смѣной лицъ, картинъ и положеній, не говоря уже о поразительной гибкости и естественности дѣйствія. Въдъ это дѣйствіе несетъ такимъ самодовлѣющимъ порывомъ, оно развивается такъ просто и ненатянато, такимъ чисто-органическимъ путемъ, что рука комика, незамѣтно направляющая его, какъ будто совсѣмъ отсутствуетъ, чего нѣтъ, напримѣръ, въ „Саміанкѣ“, гдѣ дѣйствіе страдаетъ нѣкоторой условностью и принужденностью. Да и вообще во всей „Отрѣзанной косѣ“ тонко задуманная интрига проводится въ жизнь пьесы какъ-то сама собою, точно не на ней выстроена комедія, а наоборотъ она сама является естественнымъ результатомъ того, какъ идетъ дѣйствіе пьесы. Дѣйствіе же въ свою очередь идетъ такъ, какъ оно и должно идти въ силу характеровъ главныхъ персонажей. А все остальное, всѣ эти случайности, все это сцѣпленіе обстоятельствъ, происходитъ уже независимо отъ людей, просто благодаря *Тѣхъ*, какъ это часто бываетъ и въ настоящей жизни, а не только въ сценической фикціи. Однимъ словомъ, на всемъ ходѣ пьесы лежитъ печать опытной руки, которая умѣетъ вести дѣйствіе такъ, что не ощущаешь въ немъ ни вымученности, ни принужденія, или, иначе, въ „Отрѣзанной косѣ“ выступаетъ передъ нами первоклассный драматургъ, уже давно отрѣшившійся отъ тѣхъ недостатковъ, которые еще можно наблюдать въ „Саміанкѣ“. Но это и понятно. Время, въ которое написана „Отрѣзанная коса“, было временемъ расцвѣта Менандровскаго таланта, если только вѣрны тѣ хронологическія вычисленія, согласно

которымъ дата нашей пьесы падаетъ, приблизительно, на 304 г. до Р. Хр. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, въ монологѣ Невѣдѣнія (ст. 5 сл.) говорится о постепенномъ усиленіи „Коринѣскаго лихолѣтя“, во-вторыхъ, Мосхіонъ въ своей рѣчи (ст. 282 слл.) упоминаетъ о томъ, что вся Греція переполнена наемниками, отъ которыхъ нѣтъ отбоя, и, въ третьихъ, тотъ же Мосхіонъ въ своей бесѣдѣ съ Давомъ (ст. 89 слл.) изображаетъ положеніе „Эллинскихъ дѣлъ“ до такой степени безнадежнымъ, что вывести ихъ изъ тупика, по его мнѣнію, невозможно: вѣдь недаромъ же готовъ онъ поставить во главѣ Греціи Дава, и недаромъ послѣдній считаетъ это за своего рода смертный приговоръ (ст. 91). Спрашивается теперь, къ какимъ годамъ всего ближе подходила бы эта картина политической неурядицы, въ которой, помимо всего прочаго, наиболѣе важная роль приходилась на долю Коринѣа и его „бѣдствій“? Повидимому, такими годами будутъ годы 306—303, составляющіе періодъ „четырёхлѣтней войны“ (*ὁ τετραετής πόλεμος*)¹⁾ между Кассандромъ и Димитріемъ, — войны, во время которой особенно плохо пришлось Коринѣу, переходившему изъ рукъ въ руки²⁾. Но съ другой стороны, намъ извѣстно, что 303 г. до Р. Х. былъ годомъ особенно сильныхъ неудачъ Кассандра, и что къ этому же времени относится освобожденіе Греціи Димитріемъ отъ Македонскаго владычества. Отсюда ясно, что въ 303—302 гг. Менандръ не сталъ бы говорить устами Мосхіона о всеобщей политической разрухѣ и изображать положеніе Греціи въ безусловно черныхъ и безпросвѣтныхъ краскахъ. Но разъ это такъ, то правъ, повидимому, Koerte³⁾, относящій постановку пьесы къ 305—304 году, т. е. ко времени до окончанія войны, тогда какъ Capps⁴⁾ думаетъ, что „the date of composition of the play would fall in the neighborhood of 302 or 301, after peace had been established“.

Что же касается отношенія нашего поэта къ упоминаемому имъ политическимъ событіямъ, то это отношеніе можно было бы назвать безразличнымъ. Менандръ не реагируетъ

1) [Plut.] Vitae X orat. 851 d. (ed. Westermann, p. 92).

2) Plut. Vita Dem. 23; Diod. hist. XX, 100—103; Beloch, Griech. Geschichte, III, 1, 163 sqq.

3) Koerte², о. с., XLIII.

4) Capps, о. с., 146.

на факты, онъ только мимоходомъ отмѣчаетъ ихъ и, не вдумываясь въ причины, ихъ вызвавшія, ограничивается лишь слѣдующими словами по поводу наемниковъ :

Пришло такое время,
 Когда отбоя нѣтъ отъ этой голытьбы.
 Повсюду въ Греціи — причины я не знаю —
 На нихъ теперь пошелъ обильный урожай !

Если къ этимъ словамъ мы прибавимъ еще слова Невѣдѣнія о томъ, что, вслѣдствіе усиленія „лихолѣтя“, приемная мать Гликеры лишилась своихъ послѣднихъ средствъ, то этимъ ограничится почти все, что поэтъ имѣетъ сказать по поводу политики. Политика не интересуется его; онъ не вдумывается въ причины повсюдной неурядицы и повсюднаго развала; онъ находитъ достаточнымъ выразить черезъ посредство Мосхіона свое презрѣніе къ существующему порядку или, вѣрнѣе, безпорядку, и затѣмъ уже нигдѣ не упоминаетъ о немъ. Но даже и это мимоходное упоминаніе о политическомъ состояніи Греціи врядъ ли имѣетъ вполне самостоятельное значеніе, т. е., иными словами, врядъ ли оно вызвано серьезною думой автора о судьбахъ его родины. Правильнѣе, думается мнѣ, будетъ смотрѣть на это иначе, а именно, правильнѣе будетъ, если мы поставимъ отрицательную оцѣнку политическихъ событій и вообще упоминаніе о нихъ въ тѣсную связь съ тѣмъ, что главнымъ персонажемъ пьесы является военный и что, съ другой стороны, лицомъ, выносящимъ обвинительный приговоръ какъ ему, такъ и всему, что происходитъ въ государствѣ, — что этимъ лицомъ является Мосхіонъ, конкурентъ офицера Полемона. Какъ таковой, Мосхіонъ только и можетъ критиковать все, къ чему имѣетъ прикосновеніе его противникъ, а слѣдовательно, этимъ по преимуществу и объясняется его презрительный отзывъ о наемникахъ вообще: вѣдь Полемонъ, какъ ни какъ, тоже является наемникомъ ! Ну, а въ связи съ подобнымъ отношеніемъ Мосхіона стоитъ и такое-же отношеніе къ Полемену и его рабамъ со стороны всей челяди Миррины, что и проявляется съ особенной яркостью въ бесѣдѣ привратника съ Сосіей. Однако, если все, отмѣченное мною, правильно, то во всѣхъ пассажахъ, касающихся политики, слѣдуетъ видѣть не столько личный взглядъ поэта, сколько желаніе обрисо-

вать обыкновенную бытовую обстановку на почвѣ столкновѣнія двухъ элементовъ общества, а именно: мирныхъ гражданъ и военной касты, — этихъ вѣчныхъ враговъ еще со временъ Аристофана и его „Ахарнянъ“. Но только, если у Аристофана все это выписывается яркими и несмыслаемыми красками, такими же яркими, какъ и то время, въ которое онъ жилъ, то у Менандра, примѣнительно къ его эпохѣ, принципиальный споръ о войнѣ и мирѣ принимаетъ оттѣнокъ бытовой картинки, въ которой на первомъ планѣ стоитъ вовсе не отвлеченный вопросъ, а опредѣленные фигуры людей, не отличающихся никакими возвышенными стремленіями и смотрящихъ на все исключительно съ точки зрѣнія личной выгоды и личныхъ побужденій довольно низменнаго характера.

Однимъ словомъ, если мы оставимъ въ сторонѣ quasi-политическіе выпады Менандра, не заключающіе въ себѣ ничего опредѣленного, то все остальное, что есть въ пьесѣ, будетъ относиться къ воспроизведенію на сценѣ той жизни, той обстановки, тѣхъ нравовъ и тѣхъ типовъ, которые были современны комику и которые до нѣкоторой степени уже извѣстны намъ по „Герою“ и „Третейскому суду“, по „Саміанкѣ“ и „Земледѣльцу“. Въдѣ „Отрѣзанная коса“, подобно вышеуказаннымъ пьесамъ, тоже ставитъ насъ передъ лицомъ обыденщины, въ которой могутъ измѣняться лишь однѣ внѣшнія стороны, но не самая суть, вѣчно остающаяся безъ перемѣны! По этой причинѣ герои „Отрѣзанной косы“ оказываются новыми лишь постольку, поскольку къ общему типу ихъ, какъ лицъ извѣстнаго круга, присоединяются чисто индивидуальныя черты, имъ присущія. Равнымъ образомъ, и жизнь, которой они живутъ, интересна для насъ главнымъ образомъ лишь постольку, поскольку она, обыденная, человеческая жизнь, получаетъ новые оттѣнки благодаря характерамъ ведущихъ еѣ людей. Отсюда ясно, что на очеркъ характеровъ и должно было по преимуществу сосредоточиться вниманіе комика, а также на проявленіяхъ тѣхъ душевныхъ движеній, которыя стоятъ въ тѣсной связи съ характеромъ cadaго даннаго индивидуума. Такъ именно и поступаетъ Менандръ. И вотъ благодаря этому передъ нами проходитъ цѣлая вереница любопытныхъ образовъ, столь же занимательныхъ, какъ занимательно само дѣйствіе пьесы и ея интрига.

Лицомъ, κατ' ἐξοχήν вызывающимъ драматическія коллизіи, является Полемонъ. По природѣ вспыльчивый, дѣйствующій сгоряча, безъ заранѣе обдуманнаго плана, онъ не представляетъ собой человѣка сильной воли, сильнаго характера. Онъ въ полномъ смыслѣ этого слова — человѣкъ минуты, который никогда не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что будетъ результатомъ сдѣланнаго имъ шага. Быстро вспыхиваетъ онъ, быстро погасаетъ и, недавно еще бурный и гнѣвный, сразу становится безпомощнымъ и жалкимъ, не знающимъ, какъ поступить. Ни на какія хитрости онъ не способенъ, никакого умѣнія вести житейскія дѣла у него нѣтъ. Не обладаетъ онъ и даромъ слова: его рѣчь идетъ какими-то скачками; ей недостаетъ послѣдовательности, логичности, и недаромъ Полемонъ, какъ человѣкъ недостаточно умный и образованный, съ обожаніемъ смотритъ на Патѣка, который можетъ говорить краснорѣчиво и убѣдительно. Полемонъ умѣетъ только любить и любить глубоко, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ предметъ его любви не всегда застрахованъ отъ дикихъ выходовъ со стороны своего обожателя. Однимъ словомъ, грубая, казарменная обстановка наложила свою печать на Полемона, а такъ, по душѣ своей, онъ — человѣкъ мягкій, искренній и вмѣстѣ съ тѣмъ такой, который умѣетъ сознавать свою вину, каяться въ ней и стараться всячески еѣ загладить.

Таковъ въ общихъ чертахъ образъ Полемона, какъ рисуется онъ въ пьесѣ, но въ основѣ этого тонко индивидуализированнаго образа лежитъ обычный, трафаретный типъ „воина-болтуна“, — типъ, который такъ любила выводить „новая“ комедія и хорошими примѣрами котораго могутъ служить Пиргополиникъ изъ *Miles gloriosus* Плавта и Эразонъ изъ *Eupiscus* Теренція, причемъ послѣдній примѣръ восходитъ, повидимому, къ Менандру. Этотъ обычный типъ, набрасываемый по бѣльшей части въ одномъ и томъ-же тонѣ и изображавшій собой пустого, глупаго, хвастливаго и богатаго воина-наемника, не чуждаго также грубости и жестокости, былъ, какъ я только что сказалъ, излюбленной фигурой „новой“ комедіи, которая такъ же не могла обходиться безъ него, какъ и безъ фигуры *servus callidus*¹⁾. Однако,

1) См. Legrand, Daos. Tableau de la comédie grecque, 121—125; Ribbeck, Alazon. Ein Beitrag zur antiken Ethologie (Leipzig 1882), 36 sqq.

развивая и углубляя этотъ типъ, начальные контуры котораго можно уже видѣть въ Ламахъ Аристофана¹⁾, представители новаго комическаго жанра должны были, конечно, то и дѣло вносить въ трафаретный образъ воина новые оттѣнки и новыя черты, которыя могли иногда видоизмѣнять его до неузнаваемости. Въ особенности же это стремленіе къ утонченію типа и къ ослабленію въ немъ типическихъ чертъ въ пользу чертъ индивидуальныхъ должно было сказываться у Менандра, который, какъ мы это уже не разъ видѣли, съ поразительнымъ искусствомъ умѣлъ дробить типы на характеры. И дѣйствительно, подобно тому, какъ изъ подъ его кисти выходили различные по деталямъ образы скупцовъ, юношей, гетеръ и т. д., точно также видоизмѣнялся у него и образъ воина, какъ доказываютъ это три, совершенно непохожихъ другъ на друга фигуры, а именно: Эразонъ, Полемонъ и, наконецъ, Эразонидъ, герой комедіи *Μισοβίβητος*²⁾. Въ лицѣ Эразона мы видимъ передъ собой самаго ординарнаго miles gloriosus: хвастовство и неотесанность, грубость и недостатокъ настоящей храбрости, а также непомѣрная кичливость своимъ богатствомъ, — все это дѣлаетъ изъ него и комическую и вмѣстѣ съ тѣмъ отталкивающую фигуру, дѣлаетъ трафаретный типъ, взятый въ обычномъ тонѣ, въ томъ тонѣ, въ которомъ оттѣнокъ комизма и сатиры почти что главенствуетъ надъ всѣмъ остальнымъ. Иное дѣло — Полемонъ. Правда, въ немъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, можно различить кое-какія черты, сближающія его съ Эразономъ. Подобно послѣднему, онъ можетъ и способенъ идти на насиліе (ср. его поступокъ съ Гликерой или его желаніе штурмовать домъ Миррины); подобно Эразону, и онъ не отличается особеннымъ умомъ, а также не чуждъ и кичливости своимъ богатствомъ (ср. его слова по поводу уборовъ Гликеры). Однако, всѣ эти черты и нѣкоторыя другія, имъ подобныя, не представляютъ собой того главнаго, что именно и знаменуетъ его, какъ Полемона, какъ индивидуальную особь, рѣзко отличающуюся отъ обычнаго, ходячаго типа „хвастливаго воина“. То главное, что и дѣлаетъ Полемона

1) 3 ü s s., De personarum antiquae comoediae usu et origine, 45—49.

2) По поводу Эразонида см. Б. В. Варнеке, Къ исторіи типа „хвастливаго воина“, 1 слл. (= Сборникъ Харьковскаго ист.-фил. Общества въ честь проф. В. П. Бузескула, Харьковъ 1913).

Полемономъ, выражается въ первую голову въ искренности и глубинѣ его чувства къ Гликерѣ, а затѣмъ въ тонкости душевныхъ переживаній, хотя онъ и не умѣетъ высказывать ихъ съ такой полнотой, какъ Харисій, главный герой „Третьскаго суда“. Полемонъ гораздо проще Харисія, гораздо наивнѣе и, пожалуй, трогательнѣе, хотя, съ другой стороны, во всѣхъ проявленіяхъ его чувствованій и ощущается нѣкоторая доля комизма, которой, конечно, нѣтъ у Харисія, но которая есть у alter ego Полемона, Θразонида. Вотъ эта доля комизма тоже, какъ и многое другое, представляетъ собой пережитокъ, ведущій насъ къ типу „хвастливаго воина“, т. е. къ той основѣ, на которой и покоится образъ Полемона, очищенный Менандромъ отъ всякаго излишняго буффонства и карикатурности. Такимъ образомъ, повторяю еще разъ, мы имѣемъ въ Полемонѣ, несмотря на наличность въ немъ ряда типическихъ чертъ, цѣльную и безусловно индивидуальную фигуру, набросанную яркими мазками и занимающую въ галлерей менандровскихъ портретовъ не менѣе видное мѣсто, чѣмъ Харисій.

Переходимъ теперь къ Θразониду, бывшему центральнымъ лицомъ въ комедіи Менандра *Μισοῦμενος*, — въ комедіи, отъ которой дошло до насъ нѣсколько разрозненныхъ фрагментовъ¹⁾ и одна, сравнительно большая, но плохо сохранившаяся сценка, переданная намъ Оксиринхскимъ папирусомъ 1013²⁾. Я не буду, конечно, входить здѣсь въ разборъ самой пьесы, какъ таковой, а также не буду касаться и тѣхъ деталей ея, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ самому Θразониду, — нѣтъ, я коснусь только характера послѣдняго. Въ лицѣ Θразонида мы снова имѣемъ передъ собой „хвастливаго воина“, тоже погрѣшившаго по отношенію къ своей возлюбленной, Кратеѣ. Но тотъ грѣхъ, который совершенъ имъ, не имѣетъ ничего общаго съ проступкомъ Полемона. Вѣдь если послѣдній оттолкнулъ отъ себя Гликеру дикимъ проявленіемъ своей ревности, то Θразонидъ сдѣлался ненавистнымъ Кратеѣ благодаря своему бахвальству и хвастовству, т. е. благодаря тѣмъ чертамъ,

1) Koeck, o. c., 97 sqq.

2) Hunt, *The Oxyrhynchus Papyri*, VII, 103 sqq.; Koerte², o. e., 127 sqq.

которыя и входятъ, какъ неперемѣнное условіе, въ типъ подлиннаго „miles gloriosus“ ¹⁾. И вотъ Кратея прерывала всякія сношенія съ Θразонидомъ, а онъ, брошенный дѣвушкой, становился жертвой несказанныхъ душевныхъ мученій, какъ явствуетъ это изъ отрывковъ 339, 337, 335 ²⁾, а также изъ стиховъ 18 и 40 слл. вышеупомянутой Оксиринхской сценки. Но притомъ, въ противоположность Полемону, Θразонидъ не рѣшается ни на какое насиліе, несмотря на то, что дѣвушка находится въ его власти (отр. 336). „Онъ стремится не къ грубому обладанію плѣнницей его женщиной, а къ тому, чтобы она раздѣляла и его чувства“ ³⁾. Т. е., иными словами, Θразониду въ сильной степени присуща душевная тонкость, присуща еще больше, чѣмъ Полемону, и особенно ярко сказывается она въ слѣдующихъ его словахъ, обращенныхъ имъ къ его отцу, когда оказалось, что Кратея, нашедшая своего родителя, представляетъ собой не *αἰχμαλωτος*, а свободную женщину (ст. 40):

*νῦν ἢ μακάριον ἢ τριᾶνθλιον πᾶτες
δείξεια με τῶν ζώντων ἀπάντων γενόμενον.
εἰ μὴ γὰρ οὗτος δοκίμασει με κυρίως
δῶσει τε ταύτην, οἴχεται Θρασωνίδην.*

„Но эти слова къ отцу еще выше поднимаютъ Θразонида надъ общимъ уровнемъ разныхъ Пиргополиниковъ и Θразоновъ, приближая его вмѣстѣ съ тѣмъ къ числу наиболѣе тонко чувствующихъ влюбленныхъ, выведенныхъ „новой“ комедіей“ ⁴⁾. Да, конечно, и приближаютъ притомъ настолько сильно, что типическія черты „воина“ отходятъ въ Θразонидѣ на послѣдній планъ, тогда какъ на первое мѣсто выдвигается тонкость души и общее благородство, — особенности, которыя и дѣлаютъ изъ него такой же индивидуальный характеръ, какъ и только что обрисованный нами характеръ Полемона. Однако, если всѣ, сдѣланныя нами замѣ-

1) Lib. ῥήτ. λόγος (ed. Reiske, vol. IV, p. 512) = Коск, о. с., 97.

2) Коск, о. с., 98—99. Тѣ мученія, которыя испытывалъ Θразонидъ, довольно наглядно изображаетъ Аррианъ въ Dissert. Epict. 4, 1, 19 (ed. Schweighäuser): *ἐλπίσιν αἰτεῖ, καὶ πρὸς τὸν ἐπ' εὐνοίας μὴ δίδόντα χαλεπαίνει, καὶ δῶρα τῇ μισοῦσιν πέμπει καὶ δεῖται καὶ κλέει* (= Коск, о. с., 97).

3) Б. В. Варнеке, о. с., 3.

4) Б. В. Варнеке, о. с., 4.

чанія правильны, то мы еще разъ получаемъ въ свое распоряженіе въ высшей степени наглядный примѣръ того, до какой степени умѣлъ Менандръ разнообразить наиболѣе шаблонные персонажи, унаслѣдованные имъ отъ его предшественниковъ. Съ другой же стороны, не менѣе любопытно и то, что грубый и комичный типъ „хвастливаго воина“ принялъ въ концѣ концовъ подъ рукою Менандра ярко-выраженный оттѣнокъ человѣчности и вмѣстѣ съ тѣмъ почти совсѣмъ утратилъ налетъ комизма, сдѣлавшись очень удачной варіаціей типа *adulescens*, типа страдающаго отъ любви юноши. Мало того, какъ всякій *adulescens*, „хвастливый воинъ“, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ Фразонида ставится Менандромъ тоже подъ власть отца, который и выводится въ *Μισοφύγετος*, — новая подробность, до сихъ поръ еще не попадавшаяся намъ ни въ одной изъ тѣхъ пьесъ, которыя дошли до насъ отъ „новой“ комедіи¹⁾. Однимъ словомъ, подводя итогъ всему сказанному, мы можемъ еще разъ повторить то, что не однажды подчеркивалось нами, а именно, что условные типы, съ прикрѣпленными къ нимъ условными этикетками, по бѣльшей части не оставлялись Менандромъ въ той формѣ, въ какой они были ему переданы, — нѣтъ, онъ старался такъ или иначе ихъ индивидуализировать, оттѣнять, вкладывать въ нихъ побольше самобытныхъ чертъ и вообще, поскольку это было возможно, отходить отъ неподвижной традиціи, которая на каждомъ шагу старалась наложить на него свои тяжелые путы.

Что касается остальныхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы, то они очерчены Менандромъ соотвѣтственно важности и значешю ихъ ролей, т. е., иначе, не съ одинаковой равномѣрностью и силой, хотя нельзя отрицать и того, что ни одно изъ нихъ не представляетъ собой блѣднаго контура, не заполненнаго живыми красками. Возьмемъ, напр., образъ Гликеры, роль которой дошла до насъ только въ однихъ обрывкахъ.

Несмотря на неполноту этой роли, которой не хватаетъ главныхъ партій, образъ дѣвушки, какъ набросанъ онъ по-этомъ, вырисовывается передъ нами съ достаточной яркостью и вполне можетъ быть причисленъ къ числу лучшихъ жен-

1) Б. В. Варнеке, о. с., 4.

скихъ образовъ, попадающихъ въ менандровскихъ комедіяхъ. Приэтомъ, что особенно сильно бросается въ глаза въ характерѣ Гликеры, это — рѣшительность и сила воли, которыхъ нѣтъ ни у Памфилы изъ „Третьскаго суда“, ни у Хрисиды изъ „Саміанки“ и которыя всего нагляднѣе выходятъ наружу въ бесѣдѣ ея съ Патэкомъ. Но если я не ошибаюсь, эти черты сказываются не сразу. Гликера въ изображеніи Невѣдѣнія и Гликера конца пьесы — не одно и то же лицо. Характеръ Гликеры образуется постепенно, подъ вліяніемъ событій, которыя и вырабатываютъ изъ неопытнаго полу-ребенка сильную женщину, знающую, чего она хочетъ, и умѣющую поставить на своемъ. И тѣмъ не менѣе, Гликеръ вовсе не чужда нѣжность и мягкость, какъ видно это изъ ея примиренія съ Полемономъ, а также изъ ея отношенія къ сорванцу брату.

Но именно это красивое соединеніе въ одномъ и томъ же человѣкѣ и силы и слабости невольно напоминаетъ мнѣ многихъ героинь Еврипида, которыя тоже словно мужаютъ подъ вліяніемъ падающихъ на нихъ ударовъ судьбы. Достаточно вспомнить Поликсену изъ „Гекабы“ или Ифигенію изъ „Ифигеніи Авлидской“, въ особенности — послѣднюю, которая, появляясь въ началѣ пьесы беззаботной дѣвушкой, превращается подъ конецъ ея въ настоящую героиню! Такъ вотъ этотъ градаціонный подъемъ характера или, вѣрнѣе, постепенное выясненіе его и кажется мнѣ выдержаннымъ въ духѣ Еврипида, съ той, конечно, разницей, что трагическіе тоны переведены у Менандра на общежитейскіе, сообразно съ общимъ настроеніемъ всей его пьесы.

Если, теперь, миновавъ Дориду, одну изъ типичныхъ представительницъ группы рабынь-наперсницъ, мы вернемся опять къ мужскимъ ролямъ, то сперва намъ слѣдовало бы остановиться на Патэкѣ, на этомъ родоначальникѣ „благородныхъ“ отцовъ, которыхъ такъ любила и до сихъ поръ еще любитъ французская комедія. Патэкъ, насколько можно судить по остаткамъ его партій, не представляетъ собой, какъ характеръ, чего либо интереснаго и тонко индивидуализированнаго. Его главный интересъ заключается въ его роли, — въ роли лица, направляющаго съ третьяго акта почти все дѣйствіе пьесы, что и дало мнѣ поводъ сравнить его въ этомъ отношеніи съ Клеэнетомъ изъ „Земледѣльца“

(стр. 397). Въдъ подобно Клеэнету, онъ тоже глубоко вплетенъ въ интригу пьесы и, можетъ быть, вплетенъ еще глубже, еще искуснѣе, но во всякомъ случаѣ вплетенъ такъ, что безъ его воздѣйствія, пусть даже сперва незамѣтнаго, пьеса не получила бы и половины своей драматичности.

Однимъ словомъ, Патэкъ это — одинъ изъ тѣхъ рычаговъ дѣйствія въ античной драмѣ, къ числу которыхъ принадлежатъ и *deus ex machina* и такіе персонажи, какъ Критонъ изъ *Andria* Теренція, или тотъ *Ξένος* изъ *Μισογύνος* Менандра, который появляется на минуту, дабы оказаться отцомъ Кратеи, возлюбленной Θразонида, и затѣмъ снова исчезнуть¹⁾. Вся же разница между Патэкомъ и вышеуказанными лицами состоитъ въ томъ, что онъ не разрубаетъ узла интриги, а незамѣтно и исподволь развязываетъ его, благодаря чему его воздѣйствіе не заключаетъ въ себѣ ничего насильственного или, по крайней мѣрѣ, ничего такого, что было бы скомбинировано исключительно для выведенія пьесы изъ безвыходнаго тупика. Такимъ образомъ, я былъ бы не прочь видѣть въ персонажахъ, подобныхъ Патэку и Клеэнету, своего рода измѣненнаго до неузнаваемости *deus ex machina*, и хотѣлъ бы разсматривать ихъ, какъ высшую стадію въ развитіи этого драматическаго эффекта, нѣкогда введеннаго въ драму Еврипидомъ и на долгое время оставшагося въ ней, какъ трудно отдѣлимый и вмѣстѣ съ тѣмъ привычный для всѣхъ пережитокъ.

Но если Патэкъ, какъ типъ и какъ характеръ, не заключаетъ въ себѣ ничего любопытнаго, и если весь интересъ его сводится къ внѣшнимъ особенностямъ его роли, то ничего подобнаго нельзя сказать про *Μοσχίονα*, — про эту антитезу къ Полемону. Прежде всего, поскольку дѣло касается мѣста и значенія, отведенныхъ *Μοσχίону* среди другихъ персонажей пьесы, то не мѣшаетъ отмѣтить, что *Μοσχίωνъ* рисуется Менандромъ, какъ такой *jeune premier*, который діаметрально противоположенъ другому, а именно: Полемону, и который играетъ по отношенію къ послѣднему роль настоящаго контраста, его отпѣняющаго. Но подобная роль, какъ

1) *Simplic. Phys.*, p. 384, 13 (ed. Diels): *ὅταν λέγωμεν ὅτι ἀπὸ τύχης ἦλθεν ὁ ξένος καὶ λυτρωσάμενος τὸν αἰχμαλῶτον, ὡς ὁ παρὰ Μενάνδρῳ Δημέας τῇ Κράτειαν, ἀπῆλθεν* (= *Коск*, о. с., 243, fr. 939).

и роль Геты въ „Героѣ“ или Дава въ „Третьейскомъ судѣ“, нисколько не умаляетъ значенія Мосхіона, какъ самостоятельнаго характера, причемъ основной чертой этого характера является стремленіе показать себя опаснымъ для женщинъ сердцеѣдомъ, а слѣдовательно, и грозой для всѣхъ мужей и любовниковъ. Недаромъ Мосхіонъ все время противопоставляетъ себя и свою неотразимость Полемону, который, какъ ему кажется, можетъ возбуждать въ женщинахъ только одно отвращеніе и ужасъ (ст. 112 сл.), и недаромъ изъ поведенія Гликеры дѣлаетъ онъ сразу довольно рискованный выводъ о силѣ производимаго имъ впечатлѣнія (ст. 110 сл.). И однако, это комичное любованіе самимъ собою, а также непреодолимая склонность къ принятію интересныхъ позъ (ср. ст. 104 сл.), не мѣшаетъ Мосхіону оставаться, въ сущности говоря, „a pampered boy, always clinging to his mother's apron-strings“¹⁾, что и наблюдается въ дальнѣйшемъ его поведеніи, врядъ ли соответствующемъ его высокому мнѣнію о своей личности. „Нашумѣть и спрятаться“, — вотъ что могло бы служить его девизомъ, ибо довести что либо до конца онъ не въ состояніи, если только не приходитъ къ нему на помощь его злой геній, а именно, Давъ, то и дѣло направляющій его шаги и вмѣстѣ съ тѣмъ извлекающій пользу изъ его суетности. А съ другой стороны, онъ всецѣло зависитъ отъ своей матери, которой въ глубинѣ души побаивается, какъ побаивается онъ и Полемона, хотя и называетъ его „ненавистнымъ для боговъ тысячникомъ“. Мало того, случайно рѣшившись на довольно дерзкій шагъ по отношенію къ Гликерѣ, онъ затѣмъ не умѣетъ взять въ руки настоящей инициативы, и если все таки дѣйствуетъ, то исключительно съ помощью и подъ руководствомъ того же Дава, т. е., иными словами, внѣшнее позерство и отсутствіе настоящей храбрости сказываются у Мосхіона въ каждомъ его дѣйствиіи, что и дѣлаетъ изъ него любопытную фигуру, къ которой, какъ правильно замѣчаетъ Carps²⁾, трудно найти соответствующую параллель въ другихъ произведеніяхъ греческой и римской комедіи.

Намъ остается разсмотрѣть еще образы трехъ рабовъ,

1) Carps, o. c., 143.

2) Carps, o. c., 143 sq.

выступающихъ въ „Отрѣзанной Косѣ“, а именно, образы привратника, Дава и Сосіи, очерченныхъ Менандромъ съ одинаковой силой и тщательностью. Остановимся, прежде всего, на привратникѣ. Типъ привратника, насколько я знаю, не попадался еще, какъ самостоятельный типъ, въ извѣстныхъ намъ отрывкахъ „новой“ комедіи. Что же касается „древней“, то въ ней зачатки этого типа можно было бы усматривать, пожалуй, въ Эакѣ изъ „Лягушекъ“ и въ рабѣ Агатона изъ „Θεσμοφορίазυς“, а также въ слугѣ Еврипида изъ „Ахарнянъ“. Но всѣ эти примѣры, если и даютъ типъ привратника, то даютъ его едва-едва намѣченнымъ: по крайней мѣрѣ, опредѣленно проведена въ немъ только одна черта, а именно, грубость по отношенію къ приходящимъ. Зато въ прозаической литературѣ мы имѣемъ великолѣпную параллель къ привратнику изъ „Отрѣзанной косы“ въ томъ *θυρωρός*, котораго выводитъ Платонъ въ „Протагорѣ“ (р. 314 С) и который не только встрѣчаетъ Сократа, пришедшаго къ Калліи, нелюбезнымъ заявленіемъ: „барину некогда“ (*οὐ σχολή αὐτῷ*), но и припираетъ двери покрѣпче, дабы не впустить не въ пору явившихся гостей. Мало того, когда гости объясняютъ, что они пришли, собственно говоря, не къ Калліи, а къ остановившемуся у него Протагору, и просятъ доложить о нихъ, то и тогда, по словамъ Сократа, *„μόγις οὖν ποτέ ἡμῖν ἀνδρῶποσ ἀνέφξε τὴν θύραν“*. Наконецъ, очень недурно рисуетъ намъ обычаи привратниковъ и Филодемъ въ своемъ сочиненіи „*Περὶ κακῶν*“, какъ явствуетъ это изъ слѣдующаго пассажа: *ἐνίοτε γὰρ οὗτοι τῆς φαντασίας αἵτιοι γίνονται προσαγγέλλειν οὐ θέλοντες ἢ οκροκρίζοντες ἢ τι τοιοῦτον ἐπιλέγοντες καὶ οὐκ εὐχερέε ἐστι τὸ πείθειν¹⁾*. Такъ вотъ совершенно такой-же типъ представляетъ собой и привратникъ въ домѣ Миррины, причемъ вся сценка, заключающая въ себѣ его перепалку съ Сосіей, можетъ быть названа великолѣпной жанровой картинкой, словно выхваченной изъ самой жизни. Какъ и полагается всякому привратнику, онъ, прежде всего, грубъ, а въ особенности грубъ съ тѣми, на кого, по его мнѣнію, можно смотрѣть сверху внизъ. Но, помимо грубости, ему присуща еще одна черта: онъ не прочь поглумиться надъ своей жертвой, не прочь ее облаять и вышутить, причемъ по

1) Philod. π. κακῶν XI, 28 (ed. Jensen).

мѣръ того, какъ она выходитъ изъ себя, онъ усиливаетъ свои выпады и дѣлается все болѣе и болѣе наглымъ и насмѣшливымъ. Мало того, онъ ни на минуту не теряетъ своей важности и величія. Наоборотъ, онъ все время потѣшается надъ Сосіей, какъ будто дѣлаетъ ему этимъ одолженіе, а когда послѣдній не въ шутку обижается на это, то привратникъ обзываетъ его „деревенщиной, не понимающей шутокъ“ и, напутствовавъ обычнымъ: *ἀπαγε εἰς κώμας* (ср. филодемовское „*οκορμιζοντες*“), захлопываетъ дверь. Однимъ словомъ, въ томъ привратникѣ, котораго выводитъ Менандръ, мы имѣемъ передъ собой великолѣпный типъ, набросанный крупными и яркими мазками, — типъ наглаго и зазнавагося раба, въ его отношеніяхъ къ тѣмъ, кто его слабѣе, но взятый приэтомъ только съ внѣшней стороны, со стороны исполненія имъ обязанностей привратника.

Что касается двухъ остальныхъ рабовъ, т. е. Дава и Сосіи, то оба они гораздо менѣе оригинальны и гораздо болѣе обычны, чѣмъ только что упомянутый *ὑπέρβοος*. По крайней мѣрѣ, къ нимъ, въ особенности же къ Даву, можно было бы подыскать въ „новой“ комедіи довольно близкія аналогіи, которыя кое въ чемъ совпадали бы съ ними. Но это не значить, конечно, что оба они выведены по одному и тому же трафарету, или что въ нихъ нѣтъ никакихъ самобытныхъ чертъ. Помимо всего прочаго, они интересны уже по тому положенію, которое занимаютъ въ пьесѣ, являясь какъ бы контрастами другъ къ другу, хотя имъ и не приходится входить въ личное соприкосновеніе. Контрастъ же между ними заключается, прежде всего, въ томъ, что Давъ — это воплощенная энергія и сообразительность, тогда какъ Сосія — настоящій тяжкодумъ и растяпа. Вотъ основная черта, ихъ строго разграничивающая. Но кромѣ нея есть и другія, а именно: Давъ это — типъ „городского“ слуги, изучившаго въ совершенствѣ всѣ городскія повадки и умѣющаго кого угодно и когда угодно провести и вывести. Напротивъ того, Сосія, какъ и его хозяинъ, слишкомъ простъ, прямодушенъ и несообразителенъ: грубоватый и довольно неотесанный, онъ предпочитаетъ рѣшать все силой, причемъ изъ военныхъ приемовъ особенно хорошо понимаетъ и цѣнитъ „штурмъ“, на который и готовъ идти, очертя голову. Зато обходы и всякія отсрочки и промедленія ему не по душѣ, какъ и пока-

зываютъ это его совѣты, даваемые имъ Полемону. Наконецъ, Сосія, привыкшій къ походамъ и бивуачной жизни, не избалованъ жизнью, и сверхъ того, какъ постоянный соратникъ Полемона, преданъ ему „безъ лести“, хотя и не умѣетъ ничего для него устроить, коль скоро это заходить за предѣлы физическаго содѣйствія¹⁾. Однимъ словомъ, въ Сосіи Менандръ даетъ намъ типъ сильнаго и тупого солдата, преданнаго своему офицеру, не имѣющаго никакой личной инициативы и ужъ, конечно, не способнаго на борьбу съ Доридой и съ Давомъ, — на борьбу, въ которой онъ всегда остается въ проигрышѣ. Что же касается Дава, то помимо уже указанныхъ нами чертъ, сближающихъ его съ типомъ „комического“ слуги вообще, есть у него и другія черты, которыя должны быть отнесены туда-же и къ которымъ, между прочимъ, относится склонность Дава къ обжорству. Эту склонность самъ Давъ не только не отрицаетъ, но наоборотъ подчеркиваетъ, и подчеркиваетъ приэтомъ на каждомъ шагу какъ словами (ст. 99 сл.), такъ и поступками (ст. 294 сл.): достаточно вспомнить по этому поводу замѣчаніе Мосхіона о томъ, что Давъ, увлекшись обѣдомъ, забылъ даже о данномъ ему порученіи! Но коль скоро это такъ, то, значить, Давъ аналогиченъ, по крайней мѣрѣ, хотъ съ этой стороны, Гетѣ изъ „Героя“, да и многимъ другимъ рабамъ „новой“ комедіи, унаслѣдовавшимъ, въ свою очередь, указанную нами типическую черту отъ подлиннаго родоначальника типа раба вообще, а именно, отъ Каріона, героя „Богатства“ Аристофана. Такимъ образомъ, какъ для Дава, такъ и для всѣхъ прочихъ рабовъ „новой“ комедіи, выдержанныхъ въ томъ-же тонѣ, мы должны восходить къ Аристофану, что уже не разъ отмѣчалось мною, подобно тому, какъ для оцѣнки типа „благороднаго“ раба намъ слѣдуетъ обращаться къ Еврипиду, у котораго Менандровская комедія заимствовала этотъ типъ, до той поры необычный и какъ бы не подходившій къ тенденціямъ и цѣлямъ комическаго жанра.

Характеристиками дѣйствующихъ лицъ пьесы и можно было бы закончить общій разборъ послѣдней, но предварительно намъ нужно затронуть еще два вопроса, имѣющихъ,

1) Мнѣ кажется, что Carps (о. с., 143) напрасно усматриваетъ въ Сосіи каррикатурныя черты: Сосія только комиченъ мѣстами, но не больше!

какъ мнѣ кажется, немаловажное значеніе и еще разъ поднимающихъ интересную проблему о зависимости Менандра отъ Еврипида и отъ трагедіи. При разборѣ нѣкоторыхъ пьесъ нашего поэта, въ особенности же „Третьскаго суда“ (стр. 255 сл.), нами было въ достаточной степени выяснено это воздѣйствіе, сказавшееся не только въ отдѣльных частностяхъ, но и въ подробностяхъ болѣе существеннаго характера, напр., въ фабулѣ той или другой комедіи. Правда, усмотрѣть отраженіе еврипидовской драмы на фабулѣ намъ удалось только одинъ разъ, въ приложеніи къ „Третьскому суду“, ибо, поскольку дѣло касается „Саміанки“, мы этого воздѣйствія не видимъ (стр. 351 сл.). Но это не мѣшаетъ намъ снова поднять тотъ же вопросъ по поводу „Отрѣзанной косы“, тѣмъ болѣе, что онъ поставленъ въ наукѣ и разрѣшенъ въ положительную сторону Sehrt'омъ въ его работѣ „De Menandro Euripidis imitatore“, на которую мы уже имѣли случай ссылаться. Я вполне согласенъ съ Sehrt'омъ (о. с., 25), когда онъ говоритъ, что мотивъ ревности, разработанный въ „Отрѣзанной косѣ“, напоминаетъ намъ объ Еврипидѣ и объ его „Eifersuchtsdramen“, къ которымъ относятся, между прочимъ, „Андромаха“ и „Медея“. Это совершенно вѣрно, какъ вѣрно и то, что весь любовный мотивъ, въ разныхъ его выраженіяхъ, взятъ „новой“ комедіей у того-же Еврипида (см. стр. 1 сл.).

Однако, признавая этотъ фактъ, я не могу принять гипотезы Sehrt'a о прямой зависимости „Отрѣзанной косы“ отъ еврипидовскаго „Эола“, и не могу принять ее въ силу слѣдующихъ соображеній. Правда, въ „Эолѣ“ Еврипидъ разбираетъ любовь брата къ сестрѣ, т. е. Макарея къ Канакѣ, что напоминаетъ на первый взглядъ любовь Мосхіона къ Гликерѣ¹⁾. Но оставляя въ сторонѣ это кажущееся сходство въ мотивѣ, какое еще сходство находимъ мы въ дальнѣйшемъ? Да никакого! Наоборотъ, все дальнѣйшее или, вѣрнѣе, все остальное сводится къ сплошному различію. Такъ, прежде всего, въ драмѣ Еврипида нѣтъ главнаго, на чемъ, въ сущности говоря, и обосновывается вся пьеса Менандра, а именно, нѣтъ той подробности, что братъ влюбляется въ

1) См. Stob. Florileg. 64, 35 (= Nauck², Trag. gr. fragm., 366). Реконструкцію „Эола“ даетъ Welcker, Die griechischen Tragödien, II, 860 sqq.

сестру, не зная о ея родственной связи съ нимъ. А когда онъ, послѣ цѣлаго ряда перипетій, убѣждается въ неоспоримости этого факта, онъ, хотя и безъ особой радости, сразу оставляетъ всѣ свои прежніе планы и спѣшитъ быть признаннымъ за родного какъ сестрою, т. е. Гликерой, такъ и отцомъ, т. е. Патэкомъ. Напротивъ того, Макарей, не говоря уже о насиліи, которое онъ совершаетъ надъ Канакой, настойчиво проводить мысль о томъ, что въ любви между братомъ и сестрой нѣтъ ничего грѣховнаго, но, наоборотъ, много естественнаго ¹⁾. Такимъ образомъ, обѣ пьесы отъ начала до конца противоположны другъ другу и сопоставлять ихъ можно лишь при томъ условіи, если мы, вслѣдъ за Sehrт'омъ (о. с., 26), предположимъ, что „Menander hoc argumento ita est usus, ut id quod scelestum est in tragoedia omitteret“. Однако, если мы допустимъ это, то отъ всего argumentum только и останется различная трактовка различно взятаго мотива о любви брата къ сестрѣ, — мотива, который усложняется въ комедіи еще тѣмъ, что къ нему, тѣсно съ нимъ переплетаясь, присоединяется подробность о ревнивомъ мужѣ, которой въ трагедіи не находится на лицо и которая ведетъ насъ, повидимому, къ другому источнику всей фабулы, а именно, къ народному творчеству, къ народной сагѣ, какъ и думаетъ это Б. В. Варнеке ²⁾).

Итакъ, я считаю безусловно доказаннымъ, что между „Эоломъ“ Еврипида и „Отрѣзанной косою“ Менандра нѣтъ связи ни виѣшней, ни внутренней, и что та параллель, которая проведена между ними Sehrт'омъ, покоится исключительно на недостаточно вдумчивомъ отношеніи къ сюжетамъ обѣихъ пьесъ ³⁾.

Но хотя по вопросу о сюжетѣ нашей комедіи мы и держимся того взгляда, что на этомъ сюжетѣ не замѣтно ни

1) Ср. Dion. Hal. Rhet. 9, 11 (= Nauck², о. с., 365): *ἐν τῇ Ἀδελφῇ ὁ Μακαρεὺς ἐστὶν διμύησας τῇ ἀδελφῇ καὶ λανθάνων καὶ συμβουλευῶν τῇ πατρὶ τὰς ἀδελφὰς τοῖς ἀδελφοῖς συννοεῖν, ἵνα τὸ οἰκτεῖον διοικήσῃται*. См. также Welcker, о. с., 864.

2) Б. В. Варнеке, Новые комедии Менандра, 65 сл.

3) Очень возможно, что слова Сириска въ „Третьейскомъ судѣ“ (ст. 124): „вѣдъ съ помощью примѣтъ одинъ сестры не взялъ | себѣ въ супружницы“ имѣютъ въ виду не трагедію, какъ предположилъ я выше (стр. 141, 1), а комедію, и въ частности „Отрѣзанную косу“.

малѣйшаго отраженія трагедіи и что напротивъ того этотъ сюжетъ можно называть чисто-комическимъ, мы должны признать все таки, что есть въ „Отрѣзанной косѣ“ одна подробность, которая носитъ на себѣ ярко-выраженный трагическій оттѣнокъ. Вотъ къ этой подробности мы теперь и обратимся.

При общей характеристикѣ менандровскаго творчества мнѣ уже приходилось говорить, что къ числу пріемовъ, заимствованныхъ нашимъ поэтомъ у Еврипида, относится и тотъ сценическій эффектъ, который обозначается терминомъ *ἀναγνωρίσιμος* и сущность котораго сводится къ выясненію той или другой личности путемъ предъявленія ей или ею какихъ либо вещественныхъ доказательствъ. Вотъ этотъ способъ „узнаванія“, который Аристотель характеризуетъ, какъ „самый нехудожественный“ и который онъ относитъ насчетъ „недостатка фантазіи“¹⁾, примѣнялся, какъ мы это не разъ видѣли, въ „новой“ комедіи, и примѣнялся притомъ въ самой неограниченной степени (стр. 34). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, до открытія „Отрѣзанной косы“, мы не имѣли передъ собой ни одного обрачика, по которому можно было бы судить, какъ строились въ комедіи подобныя сцены „узнаванія“, хорошимъ примѣромъ которыхъ для трагедіи служитъ аналогичная сцена въ „Іонѣ“ Еврипида (ст. 1395 слл.)²⁾. Зато теперь, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ Менандру, мы знаемъ, что эти сцены строились примѣнительно къ трагическому стилю, который и выдерживался въ нихъ съ рѣдкой опредѣленностью, какъ и доказываетъ это сохраненная вторымъ Лейпцигскимъ листкомъ сценка бесѣды между Патэкомъ и Гликерой (ст. 338—397).

Эта сценка начинается съ вынесенія шкатулки Гликеры, — той шкатулки, въ которой и находятся *γυνώριματα* дѣвушки, т. е., иными словами, сценка начинается совершенно такъ, какъ начинается она и въ „Іонѣ“, гдѣ Писія тоже выноситъ корзинку, въ которой хранятся *σπερυνдіа* Іона³⁾. Далѣе, если въ „Іонѣ“ идетъ перечисленіе трехъ вещей, а именно: ткани, двухъ золотыхъ драконовъ и оливковаго вѣнка, то это же число „три“ фигурируетъ и въ „Отрѣзанной косѣ“,

1) Arist. Poet. XVI. p. 1454 b: *εἰδὴ δὲ ἀναγνωρίσεως, πρώτη μὲν ἡ ἀτεχνολάτῃ, καὶ ἡ πλείστη χρεῖνται δι' ἀπορίαν, ἢ διὰ σημείων.*

2) Ср., впрочемъ, Plaut. Rud., 1154 sqq.

3) Ср. аналогичное начало сцены „узнаванія“ въ Rudens Плавта:

причемъ если Іонъ послѣ разсмотрѣнія третьяго знака признаетъ свою мать, Креузу, то и Патэкъ только послѣ предъявленія третьей вещи узнаетъ въ показанныхъ ему предметахъ вещи своей покойной жены. Но, конечно, все это — однѣ мелочи, и само собою разумѣется, что не въ нихъ заключается главная суть. А если я и остановился на нихъ, то исключительно для того, чтобы отмѣтить мимоходомъ любопытный фактъ, можетъ быть, даже случайнаго совпаденія деталей, если только оно дѣйствительно случайно, а не намѣренно.

Переходимъ теперь къ болѣе существенному и рассмотримъ сперва способъ построения сценки, т. е. внѣшнюю сторону ея структуры. Сценка распадается у Менандра на три части: въ первой и въ третьей идетъ ἀναγνώρισις съ помощью „внѣшнихъ признаковъ“ (διὰ σημεῖων), а въ центральной — сообщаются тѣ подробности, благодаря которымъ картина „узнаванія“ много выигрываетъ въ ясности и полнотѣ, ибо въ ней даются детали относительно Патэка, обстоятельствъ его жизни и т. д. Однако, подобное тройное дѣленіе какъ будто не соответствуетъ тому, которое проведено у Еврипида въ его „Іонѣ“, гдѣ сценка дѣлится не на три, а на двѣ части. Но это кажущееся различіе сдѣлается для насъ вполне понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ нашей сценкѣ участвуютъ три лица и что свѣдѣнія, даваемые Патэкомъ, должны относиться въ одинаковой мѣрѣ какъ къ Гликерѣ, такъ и къ Мосхіону, которые между тѣмъ признаются отцомъ не одновременно. И вотъ, для бѣльнаго удобства и бѣльней стройности, сцены съ ἀναγνώρισις διὰ σημεῖων ставятся по бокамъ, а между ними помѣщается центральная часть, имѣющая къ нимъ одинаковое отношеніе. Итакъ, различіе въ постройкѣ сценки „узнаванія“ у Менандра и у Еврипида не можетъ имѣть большого значенія и, во всякомъ случаѣ, не можетъ говорить въ пользу менандровской оригинальности. Но если въ данномъ случаѣ есть на лицо хотя бы кажущееся несходство, то во всемъ остальномъ Менандръ старается не отходить отъ трагическихъ прецептовъ, какъ бы подчеркивая этимъ свою зависимость отъ трагедіи тамъ, гдѣ ему приходится оперировать съ сценическими приѣмами, введенными въ жизнь именно трагедіей. И дѣйствительно, если оставить въ сторонѣ первые 11 стиховъ (ст. 338—348), которые заклю-

чають въ себѣ выраженія, болѣе присущія комедіи, чѣмъ трагедіи, и общій тонъ которыхъ скорѣе можетъ быть названъ комическимъ, чѣмъ трагическимъ¹⁾, — если оставить въ сторонѣ эти стихи, то всѣ остальные, въ количествѣ 49, отличаются строго-выдержаннымъ трагическимъ стилемъ, который проявляется и въ общемъ тонѣ, и въ выборѣ реченій, и даже въ самой трактовкѣ стиха. Такъ, прежде всего, весь тонъ сценки поражаетъ читателя своей приподнятостью и недостаточной живостью, т. е. тѣми чертами, которыхъ какъ разъ не бываетъ у Менандра, когда онъ говоритъ своимъ языкомъ, языкомъ подлинной жизни. А получается этотъ тонъ благодаря двумъ причинамъ. Во-первыхъ, мы не встречаемъ въ стихахъ никакихъ *ἀντιλαβαί*, столь любимыхъ комикомъ, который нерѣдко для оживленія рѣчи распредѣляетъ одинъ стихъ между двумя и тремя лицами. Въ разбираемой же нами сценкѣ ничего подобнаго нѣтъ. Здѣсь каждое изъ лицъ, участвующихъ въ разговорѣ, произноситъ непремѣнно по цѣлому стиху, благодаря чему мѣстами получается настоящая *στίχομυθία*, столь обычная въ трагедіи и столь чуждая комическому жанру²⁾. Далѣе, какъ совершенно правильно замѣчаетъ Sehrт (о. с., 28), среди многихъ стиховъ есть такіе полу-стихи, которые прибавлены просто „ad explendos versus“, но которые вовсе не нужны для самой рѣчи³⁾, — явленіе, довольно обычное для стихоміиіи, какъ таковой. Наѣонецъ, что касается выбора словъ, то и здѣсь обращаетъ на себя вниманіе необычное для комедіи примѣненіе трагическихъ оборотовъ и сравненій, частью прямо заимствованныхъ, частью образованныхъ по аналогіи съ трагической музыкой⁴⁾. Однимъ словомъ, вся сцена „узнаванія“

1) Maas, Zu Menander (= Rhein. Mus., 48 (1913), 361 sq.). См. также Koerte, Zwei neue Blätter der Perikeiromene, 169 sq.; Sehrт, о. с., 27 sq.

2) На двѣ части распадается, повидимому, лишь одинъ стихъ 370, если только слово *ἐφθλκία* (м. б. *ἐφθλκιον*?) нужно дѣйствительно относить къ рѣчи Патѣка, а не Гликеры.

3) Ст. 369: *εἰ θέμις καὶ μοι φράσον*; ст. 375: *ὡς τρέμω τάλαιν' ἐγώ*; ст. 377: *ὦ θεοί, δεινοῦ πότμον*; ст. 362: *ποῦ ποτ' εἰμι γῆς*.

4) Ср. ст. 379: *ἄγριον καλύψαι πέλαγος Αἰγαῖος ἄλός* и Eur. Tro. 88: *ταράξω πέλαγος Αἰγαῖος ἄλός* (Koerte); ст. 373: *ἡ μὲν τεκοῦσ' ὕμῃς γὰρ ἐκλείπει βίον* и Soph. El. 1131: *ὡς ὠφελον πάροισεν ἐκλείπειν βίον*; ст. 358: *πῶς οὖν ἐχωρίοθητ' ἀπ' ἀλλήλων δίχα* и Eur. Melan. fr. 484, 3: *ἐπεὶ δ' ἐχωρίσθησαν ἀλλήλων δίχα* (Koerte, Capps) и т. д.

выдержана до мельчайших подробностей въ духѣ трагедіи, являясь совершенной противоположностью всѣмъ остальнымъ сценамъ нашей комедіи и, надо сознаться, противоположностью, которая вовсе не украшаетъ „Отрѣзанную косу“. И дѣйствительно, мы не видимъ здѣсь ни одного изъ присущихъ Менандру привлекательныхъ качествъ: нѣтъ ни живости, ни остроумія, ни выпуклости образовъ. Холодомъ и неестественной приподнятостью вѣетъ отъ всей сцены, которая и является ничѣмъ инымъ, какъ блѣдной кошей съ Еврипида, не передающей всѣхъ особенностей своего оригинала. Такъ, напр., не переданы присущія Еврипиду нѣжность и мягкость; не отмѣчено и не выражено то волненіе, которое должно было постепенно охватывать Гликеру и Патѣка; не вложена, наконецъ, въ отвѣты и вопросы дѣйствующихъ лицъ необходимая доля патетичности, т. е., иными словами, нѣтъ на лицо какъ разъ того, что и украшаетъ сцену „узнаванія“ въ „Іонѣ“.

Итакъ, нами доказано, что и на „Отрѣзанной косѣ“, какъ и на всякой другой пьесѣ Менандра, можно замѣтить вліяніе Еврипида, и притомъ вліяніе прямое, выражающееся въ частичной передачѣ какъ тона трагедіи, такъ и нѣкоторыхъ ея пріемовъ. Правда, это вліяніе сказывается особенно разительно только на одной сценѣ; правда, эта сцена не является, несмотря на всю свою важность, центральной сценой, но все таки фактъ вліянія находится на лицо, усугубляясь еще и тѣмъ, что пьеса снабжена прологомъ, въ которомъ выступаетъ сверхчувственное существо, выдержанное въ еврипидовскихъ тонахъ (см. стр. 35 сл.). Зато если бы мы стали отыскивать въ нашей пьесѣ слѣды „древней“ комедіи, то мы не нашли бы ихъ, если только не считать за эти слѣды бесѣду Мосхіона съ Давомъ, носящую нѣсколько буффонный характеръ, или стремленіе Сосіи въ его разговорѣ съ Полемономъ прибѣгать къ чрезмѣрному пользованію военными терминами, которымъ онъ придаетъ иногда довольно обценный оттѣнокъ (см. 234), или же, наконецъ, обращенныя къ зрителямъ слова Невѣдѣнія съ просьбой поддержать пьесу (ст. 50). Но всѣ эти частности такъ ничтожны по своему значенію, такъ немногочисленны, наконецъ, что не на нихъ останавливается вниманіе читателя. Оно останавливается на другомъ, — на серьезномъ тонѣ всей драмы, на серьезномъ от-

ношеніи поэта ко всей изображаемой имъ жизни и, въ особенности, на обрисовкѣ выводимыхъ имъ персонажей, въ которыхъ и заключается по преимуществу весь интересъ пьесы, не отличающейся въ данномъ смыслѣ отъ прочихъ комедій Менандра, этого изслѣдователя человѣческой жизни и частныхъ сюда людей.

И вотъ въ изображеніи думъ и плановъ этихъ людей, ихъ страстей и душевныхъ движеній, ихъ временныхъ удачъ и неудачъ проходятъ одинъ за другимъ акты нашей пьесы, пока, наконецъ, люди, вопреки своему ожиданію, не оказываются передъ такимъ результатомъ, который лежитъ внѣ ихъ силъ и способностей, передъ результатомъ, всецѣло зависящимъ отъ Случая (*Τύχη*). Этотъ Случай, не мѣшая людямъ ни въ чемъ, но наоборотъ давая имъ полную возможность проявлять всѣ присущія имъ черты и особенности, дѣлаетъ въ концѣ концовъ то, что дѣйствіе, направляемое людьми, разрѣшается благополучно не благодаря имъ, а благодаря стеченію обстоятельствъ. И выходитъ такъ, что вся эта суета, которой наполнена наша пьеса, которой наполнена каждая человѣческая жизнь, объясняется лишь человѣческимъ невѣдѣніемъ, человѣческой слѣпотой. Люди страдаютъ и любятъ, ошибаются и дѣйствуютъ правильно, люди показываютъ всѣ закоулки своихъ тайныхъ мыслей, всѣ стороны своего быта, нравовъ и обычаевъ, — однимъ словомъ, люди живутъ лишь для того, чтобы въ одинъ прекрасный день увидѣть, какъ перемѣшались всѣ ихъ расчеты и планы, чтобы признаться въ томъ, что есть нѣчто, стоящее внѣ ихъ и имъ невѣдомое, — нѣчто, которое дѣлаетъ иногда такъ, что „и дурное приводитъ къ хорошему“. И если началомъ нашей пьесы была ошибка по невѣдѣнію, то конецъ — есть настоящій апоѳеозъ *Τύχη*, предъ могучимъ кораблемъ которой человѣкъ есть ни что иное, какъ жалкая „барочка“ (*ἐφ' ὀλίγον*), идущая на буксирѣ.

Приложєніє

(къ стр. 159—170).

Въ настоящей замѣткѣ я хочу дать разборъ двухъ недавно появившихся статей, которыя посвящены „Третьейскому суду“ и въ которыхъ, вопреки установившемуся взгляду, нѣсколько иначе ставится вопросъ о взаимномъ соотношеніи отрывковъ NTM и VX, а также отрывковъ YR. Эти статьи принадлежатъ Robert'у и Sudhaus'у, причемъ вторая статья есть, въ сущности говоря, развитіе и частичное исправленіе первой, ибо основная мысль Robert'а принимается Sudhaus'омъ безъ всякихъ, хотя бы минимальныхъ ограниченій¹⁾.

Слѣдуя Koerte²⁾, я въ своемъ изложеніи и пониманіи вышеуказанныхъ отрывковъ исходилъ изъ той мысли, что отр. M_1 (ст. 366—383) представляетъ собой непосредственное продолженіе отр. $N_1 T_1$ (ст. 358—365), что за ст. 383 идетъ лакуна въ 10 строкъ и что, наконецъ, отрывки $N_1 T_1 M_1$ образуютъ гесто листа, тогда какъ $N_2 T_2 M_2$ (ст. 384—408) являются его оборотной стороной, его verso. Такимъ же образомъ смотрятъ на эту частность и Robert съ Sudhaus'омъ, но въ дальнѣйшемъ они уже отходятъ отъ Koerte, а потому намъ и нужно сперва изложить взгляды послѣдняго.

Согласно Koerte³⁾, за отр. NTM, составлявшими вторую половину третьяго листа перваго кватерніона (т. е. страницы 13—14) шли отр. YR, составлявшие его четвертый листъ (т. е. страницы 15—16). Притомъ verso отр. YR (т. е. $Y_2 R_2$), или, иначе, стихи 408₁—414, 415—420, 420₁—420₆, примыкали, послѣ лакуны въ 10 строкъ, къ verso отр. M, т.

1) Robert, Zu den Epitrepontes des Menander (= Sitzungsber. der Königl. Preuss. Akad. d. Wiss., phil.-hist. Cl., 1912, 404 sqq.); Sudhaus, Zu den neuen Bruchstücken der Epitrepontes (= Hermes, 48 (1913), 14 sqq.).

2) Koerte², о. с., 25—28.

3) Koerte², о. с., 29—32.

е. къ M_2 , будучи отдѣлены отъ стиховъ на recto отр. YR, г. е. Y_1R_1 , лакуной въ 14 строкъ. Что же касается отр. VX, то на нихъ Koerte смотрѣлъ, какъ на первыя двѣ страницы второго кватерніона, отдѣленные отъ YR лакуной въ 28 строкъ.

Сообразно этому и все дѣйствіе, развивавшееся на пространствѣ отрывковъ $NTM + YR + VX$, получало слѣдующую схему (стр. 159 слл.). За уходомъ со сцены Онисима (ст. 365) на сценѣ появлялся Смикринъ, вернувшійся изъ города, и въ ст. 366—383 заключался его монологъ. Затѣмъ шло появленіе повара (ст. 384), шли рѣчи à part повара и Смикрина (ст. 385 слл.), а потомъ отъ ст. 405 до ст. 420, разговоръ ихъ другъ съ другомъ. Наконецъ, послѣ ухода повара, нѣсколько стиховъ было занято монологомъ Смикрина, во время котораго слѣдовало появленіе новаго персонажа, Харисія (ст. 427). Вначалѣ оба дѣйствующихъ лица, какъ это не разъ наблюдается въ комедіи, не замѣчали другъ друга, а потомъ вступали въ оживленную бесѣду, которой и заканчивался актъ (ст. 427—431₅₅). Результатомъ же всѣхъ этихъ рѣчей à part и соотвѣтствующихъ діалоговъ было то, что Смикринъ не знавшій о присутствіи въ домѣ Харисія найденыша и о томъ, что послѣдній является будто бы сыномъ Харисія, прижитымъ отъ Габротононъ, узнавалъ про это отъ повара, выходившаго на сцену, дабы повѣдать про свои злоключенія, и принимавшаго сначала Смикрина за одного изъ гостей Харисія. Что же касается Харисія, то его выходъ на сцену объяснялся желаніемъ поэта показать зрителямъ тѣ чувства, которыя овладѣвали его героемъ послѣ открытія, сдѣланнаго Габротононъ, а также и тѣмъ, что ходъ дѣйствія требовалъ встрѣчи Харисія съ Смикриномъ.

Посмотримъ теперь, чтò дѣлаютъ съ вышеуказанными отрывками Robert и Zudhaus и какъ реконструируютъ они дѣйствіе пьесы. Исходя изъ того наблюденія, что отрывки VX, представляющіе собой длинную, узкую полосу папируса и дающіе на recto концы, а на verso начала стиховъ, могли бы быть разсматриваемы съ лицевой стороны (recto) за правую, съ оборотной же (verso) — за лѣвую часть обрывка M, сохранившаго на recto начальныя, а на verso конечныя буквы и слова, — исходя изъ этого наблюденія, уже сдѣланнаго и оставленнаго Лефевромъ¹⁾, оба уче-

1) Lefebvre², о. с., V—XIII, табл. XXXVII—XXXVIII и XLI.

ных сопоставляют обрывки и дѣлаютъ изъ нихъ одинъ листъ, въ которомъ пропала середина¹⁾. Подкрѣпленіе же своему взгляду на подобное соотношеніе отрывковъ и Robert и Sudhaus видятъ, прежде всего, въ томъ, что, при такомъ устройствѣ реконструируемаго ими листа, ст. 374 M_1 : $\xi\eta\upsilon$ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$ могъ бы быть заключительными словами ст. 431, V_1 X_1 : $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}$ $\tau\eta\varsigma$] $\psi\alpha\lambda\tau\rho\iota\alpha\varsigma$; ст. 375 M_1 : $\pi\lambda\acute{\epsilon}\omicron\nu$ $\eta\mu\epsilon[r\acute{o}\omega\nu$ могъ бы играть такую же роль по отношенію къ ст. 431₁₀ V_1 X_1 :...] $\eta\varsigma$ $\xi\phi\eta$ и, наконецъ, ст. 381 M_1 : $\pi\upsilon\nu\theta\alpha\nu\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\sigma$ оказался бы продолженіемъ ст. 431₁₅ V_1 X_1 :....] $\sigma\upsilon$ $\tau\omicron\upsilon\tau\acute{o}$ $\gamma\epsilon$ ²⁾. Сверхъ того, по мнѣнію Robert'a, и стихъ 369 M_1 : $\delta\lambda\eta$ γ [...] можно было бы отождествлять съ Меп. fr. 882 Kock: η $\pi\acute{o}\lambda\iota\varsigma$] $\delta\lambda\eta$ $\gamma\acute{\alpha}\rho$ $\xi\delta\epsilon\iota$ $\tau\acute{o}$ $\kappa\alpha\theta\acute{o}\nu$, съ чѣмъ опять таки соглашается и Sudhaus. И вотъ, на основаніи всѣхъ этихъ и тому подобныхъ соображеній, оба ученыхъ отходятъ отъ гипотезы Koerte и начинаютъ слѣдующимъ образомъ возстановлять ходъ дѣйствія, которое, благодаря сведенію въ одно цѣлое отр. М и отр. VХ, получаетъ, конечно, другой характеръ и форму. Правда, поваръ принимаетъ въ немъ участіе, но это участіе ограничивается всего на всего нѣсколькими стихами, ибо, согласно Robert'у, поваромъ, котораго мѣстами прерываетъ Смикринъ, произносятся ст. 377—383+431₁₈—431₁₉ и ст. 431₂₂—431₂₈+ст. 384, а согласно Sudhaus'у, ст. 384—389, послѣ чего поваръ уходитъ. Что же касается причины появленія повара, то, по Robert'у (о. с., 412 sq.), поваръ просто на просто былъ выгнанъ Харисіемъ, когда хотѣлъ подслушать разговоръ послѣдняго съ Габротононъ, а по Sudhaus'у (о. с., 17), поваръ выходитъ, дабы высказать свое недоумѣніе и возмущеніе по поводу того, что весь приготовленный имъ обѣдъ остается втунѣ, ибо всѣ гости Харисія, по неизвѣстной ему причинѣ, „ $\delta\iota\alpha\sigma\kappa\epsilon\delta\acute{\alpha}\nu\nu\nu\tau'$ $\acute{\epsilon}\chi\tau\omicron\sigma$ “ — *foras dilabuntur*³⁾. И вотъ, послѣ словъ

1) См. Robert, о. с., 406—407.

2) Ср. также: 431₄₅ V_2X_2 : $\acute{\epsilon}\pi\acute{\alpha}\nu\omega$ θ [...] и 408 M_2 : $\tau\acute{\alpha}\sigma$ $\theta\phi\rho\omicron\varsigma$; 431₈₄ V_2X_2 : $\mu\epsilon[\theta\acute{\upsilon}\sigma\omicron\nu\iota$? и 397 M_2 : $\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau$?] $\omega\sigma\iota$ $\kappa\alpha\iota$; 383 M_1 : $\acute{\epsilon}\nu\alpha\gamma\omega$ [$\nu\iota\omega$ и 431₁₈ V_1X_1 : $\tau\rho\acute{o}\pi\omega$. См. Robert, о. с., 410 sqq.

3) Не правильнѣ ли однако было бы сказать по гречески (если такова, дѣйствительно, мысль ст. 387, дополненнаго Sudhaus'омъ): $\delta\iota\alpha\sigma\kappa\epsilon\delta\acute{\alpha}\nu\nu\nu\tau'$ $\epsilon\iota\varsigma$ $\tau\acute{o}$ $\acute{\epsilon}\chi\tau\omicron\sigma$? Что до Robert'a (о. с., 415), то онъ думаетъ, что ст. 385—388 произносилъ Онисимъ убѣгавшій отъ Харисія, причемъ въ уста того-же Онисима вкладываетъ Robert и ст. 431₃₀—31 или, вѣрнѣе, слѣдующіе остатки этихъ стиховъ: $\pi\acute{\alpha}[\xi$? и $\kappa\alpha$].

повара, уходящаго со сцены, начинается появленіе гостей, появленіе, которому предшествуетъ, впрочемъ, выходъ Харисія съ Габротононъ, сопровождаемый такимъ замѣчаніемъ Смикрина (ст. 431₈₂+396): *Χαρ[ίσιος παρῆλθε μετὰ τῆς ψαλ]τρίας* (Sudhaus, о. с., 18). Спрашивается теперь, чѣмъ же обосновывается этотъ выходъ? Стихами 431₈₈—431₈₉+397—402, которые на разные лады дополняются Robert'омъ (о. с., 417) и которые содержатъ въ себѣ упреки Харисія по отношенію къ Габротононъ за то, что она опозорила его передъ его пріятелями, а затѣмъ просьбу Габротононъ послать за вещами найденыша (Sudhaus, о. с. 15). Но какъ ни странны подобныя разсужденія Sudhaus'a и Robert'a, еще страннѣе дальнѣйшее. Харисій и Габротононъ слышатъ доносящіеся изъ дома крики, въ которыхъ Харисій узнаетъ голосъ своего пріятеля Симміи (ст. 431₄₁+405), и вотъ, не желая встрѣчаться съ послѣднимъ, Харисій и Габротононъ уходятъ, надо думать, не въ домъ, ибо изъ дома въ этотъ моментъ появляется какъ разъ Симмія (см. Sudhaus, о. с. 19; Robert, о. с., 418 sqq.).

Изъ всего изложеннаго ясно, что въ реконструкціи дѣйствія, какъ возстановляютъ его Sudhaus и Robert, выходъ Харисія и арфистки ничѣмъ серьезнымъ не обоснованъ: они выходятъ для того только, чтобы сказать нѣсколько незначительныхъ словъ и затѣмъ удалиться, изъ опасенія встрѣчи съ Симміей. Что же касается всего послѣдующаго, то и оно, какъ мнѣ кажется, возстановляется обоими вышеназванными учеными тоже не съ достаточной правдоподобностью, причемъ возстановленіе Robert'a (о. с., 418 sqq.), въ общемъ разсуждающаго одинаково съ Sudhaus'омъ, грѣшитъ еще тѣмъ, что Robert, кромѣ Симміи, вводитъ въ дѣйствіе неупоминаемаго въ пьесѣ юношу Мосхіона. Ввиду этого я въ дальнѣйшемъ буду придерживаться главнымъ образомъ Sudhaus'a, разсужденія котораго кажутся мнѣ все таки болѣе естественными и простыми.

Итакъ, послѣ ухода Харисія и Габротононъ, на сценѣ появляется Симмія, который, не замѣчая сперва Смикрина, говоритъ со своимъ другомъ Хэрестратомъ обо всемъ, что только что произошло въ ихъ присутствіи, и такимъ путемъ ознакомляетъ подслушивающаго ихъ старика съ фактомъ предъявленія ребенка Харисію и со всѣмъ дальнѣйшимъ, о чемъ мы уже знаемъ, тогда какъ Смикринъ дѣлаетъ

соотвѣтствующія реплики à part (ст. 431₄₈—431₅₈+406—408). Но подъ конецъ Смикринъ не выдерживаетъ, и ст. 408 начинается уже его діалогъ съ друзьями Харисіа, діалогъ, который и переходитъ затѣмъ на отр. YR, представляющіе собой, по мнѣнію Robert'a и Sudhaus'a непосредственное продолженіе отрывковъ MVX или, иначе, четвертый листъ перваго кватерніона (т. е., страницы 15—16), а не первый листъ втораго, какъ думалъ это Koerte.

Относительно діалога Смикрина съ Симміей и Хэрестратомъ много говорить не приходится, ибо хотя подъ Симміей Robert и Sudhaus разумѣютъ друга Харисіа, а не повара, какъ считаю я, общая суть діалога отъ этого, конечно, не мѣняется: Смикринъ всячески грозитъ Харисію, Симмія же старается успокоить раздраженнаго старика, что, впрочемъ, ему не удастся! Во всякомъ случаѣ, относительно роли Симміи и Sudhaus и Robert согласны другъ съ другомъ. Зато нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ Хэрестратомъ, ибо, по мнѣнію Sudhaus'a, онъ представляетъ собой друга Харисіа, а по мнѣнію Robert'a — отца (о. с., 423 sqq.). Впрочемъ, мысль Robert'a не нуждается въ особомъ опроверженіи: нѣсколько выше (стр. 187 сл.) я уже доказалъ, почему отождествленіе Хэрестрата, какъ таковаго, съ юношей оказывается для комедіи вещью недопустимой. Остается, значить, мнѣніе Sudhaus'a. Спрашивается, на чемъ оно основывается и что позволяетъ Sudhaus'у удѣлять Хэрестрату особую роль въ отр. YR? Да все та-же *nota marginalis*, которая стоитъ около ст. 427 и въ которой, какъ мы уже говорили (стр. 166, прим. 2), правильнѣе было бы видѣть *Хаg* (т. е. *Χαρίσιος*), чѣмъ *Хаig* (т. е. *Χαίρεστρατος*). Но допустимъ даже, что мы неправы, а правъ Sudhaus, — какая же реплика достанется тогда на долю Хэрестрата и какіе еще стихи можно было бы относить къ нему на пространствѣ отрывковъ YR? Въ томъ то и дѣло, что никакихъ, въ томъ то и дѣло, что и самой реплики не сохранилось, а если даже она и была, то врядъ ли превосходила своими размѣрами полусишіе. Однако, что это за странная роль отводилась Хэрестрату въ пьесѣ, коль скоро нигдѣ во всемъ сохранившемся текстѣ нельзя найти такихъ слѣдовъ ея, по которымъ можно было бы обрисовать хотя бы ея контуры? Меня лично подобная частность и навела на мысль, которую я уже высказалъ (стр. 190 сл.), что Хэ-

рестратъ вовсе не участвовалъ въ пьесѣ, и при этой мысли я и остаюсь, несмотря на всѣ доводы Sudhaus'a.

Да, но если въ *nota marginalis* мы видимъ *Хаϱ*, а не *Хаиϱ*, и если, съ другой стороны, мы убѣждены въ отсутствіи для Хэрестрата всякой роли, то какъ должны мы смотрѣть на гипотезу Robert'a и Sudhaus'a, взятую во всей ея полнотѣ? Я лично смотрю на нее, какъ на нѣчто непріемлемое и въ высшей степени фантастичное, даже въ той трактовкѣ, какую даетъ ей Sudhaus. А убѣждаетъ меня въ этой мысли не только указанное мной соображеніе насчетъ Хэрестрата, но и другія подробности.

Такъ нѣсколько выше я уже указалъ на ничѣмъ необоснованное выступленіе Харисіа и Габротононъ, въ которомъ, помимо всего прочаго, есть и еще одна странность, мной пока не отмѣченная. Согласно Sudhaus'у (о. с., 15), ст. 400 сл. принадлежать Габротононъ, причѣмъ въ этихъ стихахъ она, не обращая вниманія на упреки, дѣлаемые ей Харисіемъ (ст. 397: *νοῦ[ν] οὐκ ἔχεις...*), какъ дополняетъ его Robert), говорить (кому? Харисію?) о необходимости принести вещи найденыша, взявъ ихъ у жены Сириска. Я не говорю уже о томъ, что подобное обращеніе нѣсколько странно и какъ будто не вполне подходитъ къ общей ситуации: ожидалось бы, кажется, что Габротононъ будетъ оправдываться передъ Харисіемъ, а не то что переводить рѣчь на вещи ребенка, одно упоминаніе о которомъ могло вывести Харисіа изъ себя. Но еще страннѣе другое. Возстановляя ст. 501₆ отр. U₂: *qid ... aie ...* и придавая ему слѣдующую форму: [*λέγε μοι, πόθεν τὰ πε[ρι]δ[έ]ξαι* ἔ[χει]ο [*τὰδε*; — Sudhaus влагаетъ его въ уста Харисіа, спрашивающаго Габротононъ, откуда она взяла вещи ребенка, его ожерелье (о. с., 14). Однако, подобный вопросъ будетъ противорѣчить ст. 400 сл., въ которыхъ Габротононъ, въ присутствіи Харисіа, какъ разъ и говорила о необходимости принести эти вещи. Выходитъ, значитъ, что одно изъ двухъ невѣрно: или пониманіе ст. 400 сл., или же возстановленіе ст. 501₆. Но послѣднее безусловно правильно: для этого достаточно взглянуть на снимокъ¹⁾. Въ такомъ случаѣ неправильно первое!

1) Дополненіе Sudhaus'a настолько убѣдительно для меня, что я отказываюсь отъ своего прежняго предположенія, согласно которому ст. 501₆ долженъ былъ произноситься Онисимомъ (см. стр. 181).

Наконецъ, безусловно невыдерживающимъ критики кажется мнѣ и это странное положеніе Смикрина, передъ которымъ, словно передъ зрителемъ, проходитъ одна группа лицъ за другой, причемъ каждая группа знакомитъ его все съ новыми и новыми подробностями, да еще расположенными такъ, что каждая послѣдующая оказывается сильнѣе предшествующей, благодаря чему получается своего рода *климаксъ*. Что же касается Смикрина, то онъ все время дѣлаетъ только однѣ замѣчанія въ сторону, и это на пространствѣ 40 стиховъ, несмотря на то, что передъ нимъ проходитъ самъ Харисій, съ которымъ онъ находится во враждебныхъ отношеніяхъ и на котораго такъ негодуешь. Не знаю, правъ ли я, но мнѣ лично кажется, что Менандръ не сталъ бы вводить въ свою пьесу такую странную группировку эффектовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ врядъ ли опустилъ бы случай свести лицомъ къ лицу Смикрина съ Харисіемъ, тѣмъ болѣе, что Харисій еще не показывался передъ зрителями, которые знаютъ о немъ лишь по наслышкѣ, со словъ Онисима, Смикрина и Габротононъ. Однимъ словомъ, всѣ приведенные мной доводы заставляютъ меня отнести къ гипотезѣ Sudhaus'a и Robert'a отрицательно, и видѣть въ ней окончательное разрѣшеніе труднаго вопроса объ отрывкахъ MVX я никоимъ образомъ не могу. Напротивъ того, я считаю, что гипотеза Koerte имѣетъ за собой гораздо больше преимуществъ, и, пока новое сличеніе разобранныхъ нами отрывковъ не докажетъ ея несостоятельности, я остаюсь при ней, хотя и знаю, что и въ ней, какъ во всякой гипотезѣ, есть свои слабыя стороны.